Сказки и легенды

братьевъ ГРИММЪ.

Въ переводѣ А. Ѳедорова-Давыдова

☆☆☆ Второе изданіе. ☆☆☆

Въ 1-мъ изданіи Уч. К. М. Н. Пр. одобрено для средн. и низш. уч. зав.

ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Журналы Ос. Отд. Уч. Ком. М. Н. П. **допущены** къ выпискѣ въ учен. библ. низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, въ безпл. народн. читальни и библіотеки.

Младшій возрастъ.

„СВѢТЛЯЧОКЪ“

24 №№ журнала. **24** премій.

На годъ—**3 р**. съ перес., **2 р. 50 к**. безъ перес., за границу **6 р**.

Редакторы-издатели **М. Ѳ. Лидертъ, А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.**

Средній возрастъ.

„Путеводный Огонекъ“

24 №№ журнала. **26** преміи.

На годъ—**3 р**. съ перес., **2 р. 50 к**. безъ перес., за границу **6 р**.

Редакторъ-издатель **А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.**

Журналъ работъ и развлеченій

„ДѢЛО и ПОТѢХА“

12 №№ журнала. 15 премій.—На годъ 1 р., за границу 2 р.

Редакторъ-издатель **А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.**

Редакція и контора: Москва, Малая Дмитровка, 6. **Отд. конторы:** Книжный магаз. **Н. Лидертъ**, Москва, Петровскія Линіи.

Сказки и легенды братьевъ Гриммъ

ПЕРЕВОДЪ

А. А. Ѳедорова-Давыдова.

Съ 8 рисунками въ краскахъ, 400 рисунками въ текстѣ, біографическимъ очеркомъ и портретами Я. и В. Гриммъ.

Первый томъ.

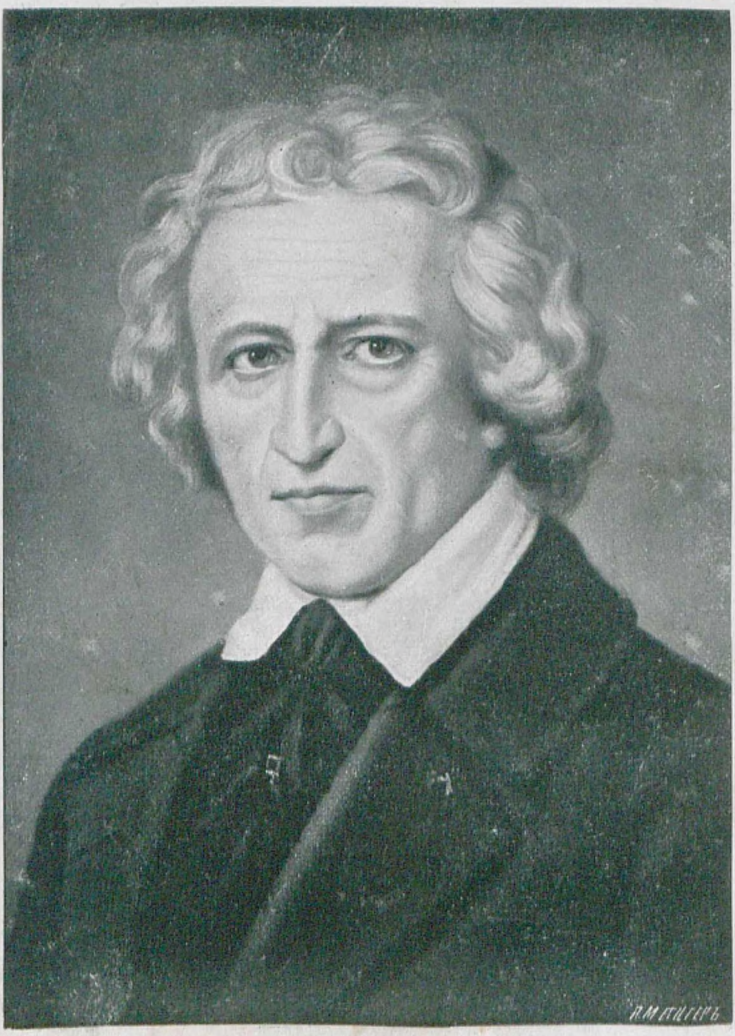
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

ВНОВЬ ПРОСМОТРѢННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ, ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. **допущены** въ ученическія библіотеки средн. учебныхъ заведеній Министерства. Особымъ Отдѣл. Учен. Ком. М. Нар. Пр. **допущены** въ ученич. библ. низш. училищъ и въ безпл. народн. читальни и библ. (Журн. М. Н. Пр. № 4-й 1901 г.).

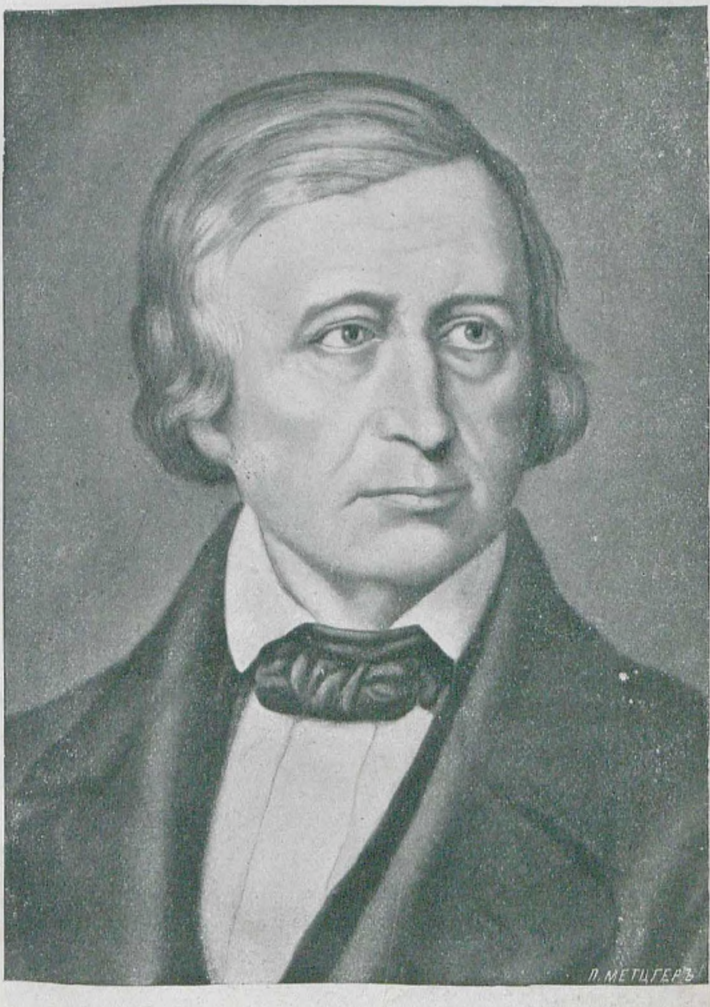
ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ
„Свѣтлячокъ“, „Путеводный Огонекъ“,
„Дѣло и Потѣха“.
МОСКВА.

МОСКВА.
Типо-Литографія І. И. Пашкова. Милютинскій пер., д. Арбатской.
1906.

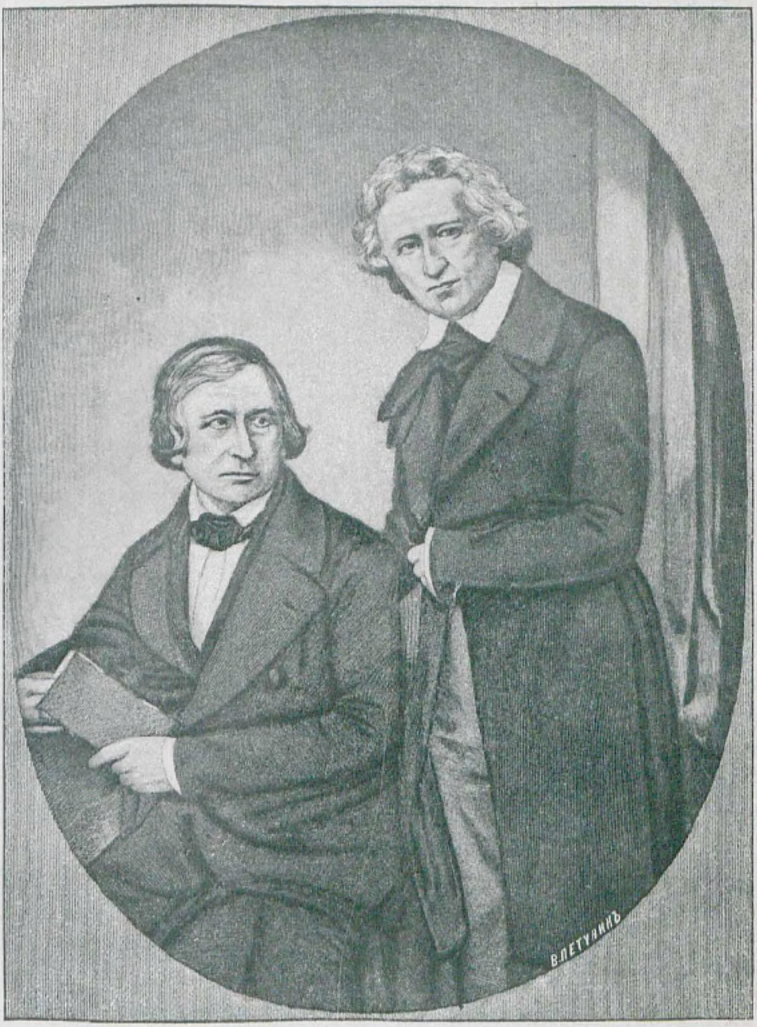


Яковъ Гриммъ.

(Род. 4 янв. 1785—† 1863 г.).



Вильгельмъ Гриммъ.
(Род. 24 февр. 1786—† 1859 г.).



Братья Вильгельмъ и Яковъ Гриммъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ немалой робостью приступалъ я къ переводу «Сказокъ и легендъ братьевъ Гриммъ», взявъ на себя такое отвѣтственное и сложное дѣло. Мнѣ всегда казалось, что задача переводчика— не только передать содержаніе произведенія,—но постигнуть, насколько то въ его силахъ, и трудно уловимый духъ произведенія, со всею характерною его особенностью, и при передачѣ сохранить его въ должной силѣ; что лишь всецѣло, съ любовью отдаваясь подобной работѣ надъ избраннымъ и излюбленнымъ произведеніемъ,— переводчикъ можетъ разсчитывать на болѣе успѣшное разрѣшеніе принятой имъ на себя задачи. Съ дѣтскихъ лѣтъ «Сказки Гриммъ» были моею любимѣйшею книгою, оставившей въ памяти глубокій, неизгладимый слѣдъ и лучшія воспоминанія и побужденія,—и это сознаніе вмѣстѣ съ желаніемъ ближе ознакомить съ этимъ произведеніемъ братьевъ Гриммъ всѣхъ, неимѣющихъ почему-либо возможности обращаться непосредственно къ подлиннику,—были однѣми изъ главныхъ причинъ, побудившихъ меня приняться за этотъ не легкій трудъ.

Въ концѣ своей жизни, на одномъ празднествѣ, Яковъ Гриммъ высказалъ въ рѣчи: «Надо мною скоро станетъ расти трава. Если вспомнятъ обо мнѣ тогда,—я желаю одного, чтобы сказали обо мнѣ то, что я самъ о себѣ смѣю сказать, а именно: во всю жизнь ничего больше не любилъ я такъ, какъ свою родину»... «Тѣмъ, что я изучалъ языкъ, право и старину, я хотѣлъ возвысить нашу родину». Стóитъ прослѣдить жизнь братьевъ Гриммъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что у нихъ никогда слово не расходилось съ дѣломъ, и что всегда они были вѣрны себѣ и намѣченнымъ цѣлямъ, и словомъ и дѣломъ служили возвышенію и прославленію своей родины. Помимо глубокаго интереса, заключающагося въ сказкахъ, помимо прекрасной передачи ихъ во всей ихъ безъискусственности,—сказки эти, какъ образецъ народнаго творчества, невольно заставятъ юнаго читателя любить, уважать и цѣнить чуждый ему народъ и тѣмъ самымъ наведутъ на мысль—ближе и внимательнѣе присматриваться къ жизни своего народа и памятникамъ народнаго творчества, и глубже цѣнить то, что прежде, быть-можетъ, проходило для него почти незамѣтно. «Ничто больше не любилъ я такъ, какъ свою родину»—эти слова неумолчно звучатъ при чтеніи сказокъ, они красной чертой проходятъ черезъ всѣ сказки, неразрывно связывая ихъ въ одно цѣлое, побуждая каждаго къ тому же благородному, безкорыстному служенію родной землѣ и пробуждая въ немъ любовь къ ней и національную гордость въ лучшемъ ея проявленіи.

Сказки—не забава, не игрушка,—это доступный путь къ точному познанію духа народа, къ изученію жизни и образа мыслей цѣлаго народа со всѣми мельчайшими, характерными подробностями обыденной жизни. Уже одна живучесть любой народной сказки, переживающей вѣка, и никогда не старѣющейся, бродящей изъ устъ въ уста и проникающей за предѣлы ея мѣста возникновенія—внушаетъ невольное уваженіе къ себѣ, какъ духъ всего человѣчества, объединяющій отдѣльныхъ членовъ единой человѣческой семьи.

Настоящее изданіе «Сказки и легенды братьевъ Гриммъ» представляетъ изъ себя близкій къ подлиннику переводъ съ нѣмецкаго изданія «Kinder und Hausmärchln», двухсотъ двухъ сказокъ изъ двухсотъ десяти, помѣщенныхъ въ нѣмецкомъ изданіи. По независящимъ обстоятельствамъ пришлось только опустить нѣсколько сказокъ, не нарушающихъ, впрочемъ, цѣлостности впечатлѣнія полнаго собранія «Сказокъ Гриммъ».

При передачѣ нѣмецкаго текста было обращено особенное вниманіе на характеръ и тонъ изложенія сказокъ, и я старался, насколько то было въ силахъ, точно передать ихъ, избѣгая всяческихъ передѣлокъ, а тѣмъ болѣе—пересказовъ и вольныхъ добавленій, боясь тѣмъ нарушить общую гармонію народнаго, безъискуственнаго, поэтическаго языка. Неизбѣжныя повторенія и варіанты иныхъ сказокъ тоже не были выкинуты мною. Всюду сохраненъ самый строй фразы и особенная манера изложенія, что какъ и размѣръ стиха, по-моему, должно выражать извѣстное настроеніе и соотвѣтствовать самому содержанію.

Что касается иллюстрацій, то большинство изъ нихъ принадлежитъ художнику Герману Фогелю Плауэну, удачнѣе всѣхъ постигшему самый духъ сказокъ и искусно, изящно и крайне осторожно передавшему остроумный, добродушный юморъ,— Гроттъ Іоганну, Лейнвеберу, Адольфъ Рихтеръ, Шнорръ, Рейфсъ и др. Благодаря помѣщенію иллюстрацій разныхъ художниковъ, читатели могутъ сравнить различныя толкованія сказокъ нѣсколькими художниками.

А. Ѳ.-Д.

Москва, іюля 30 1900 г.

Яковъ и Вильгельмъ Гриммъ.

(Матеріалы для біографіи).

Родъ Гриммъ, откуда происходятъ братья Яковъ и Вильгельмъ, настолько древній гессенскій родъ, что предки ихъ встрѣчаются еще во время великаго переселенія народовъ, и шесть поколѣній до рожденія знаменитыхъ братьевъ Гриммъ значатся уже въ мѣстныхъ церковныхъ книгахъ. Яковъ Гриммъ родился 4 января 1785 г., Вильгельмъ—24 февраля 1786 г. въ Ганау, въ строгой ученой семьѣ. Дѣдъ ихъ со стороны отца занималъ высшее духовное мѣсто въ Штейнау, отецъ ихъ, Филиппъ - Вильгельмъ Гриммъ — родомъ изъ Штейнау, принадлежалъ къ среднему классу людей, былъ юристомъ въ Ганау, и впослѣдствіи поступилъ на службу къ князю ганаускому повѣреннымъ по его дѣламъ,

Въ 1783 году онъ женился на Доротеѣ Циммеръ — младшей дочери гессенъ-ганаускаго уроженца совѣтника Іоганна Германа Циммеръ—„дѣвушкѣ красавицѣ“,—какъ говоритъ Вильгельмъ Гриммъ,— „нѣжно чувствительной, производившей на всякаго, кто имѣлъ съ нею сношеніе, умиротворяющее впечатлѣніе своей сердечностью и нѣжностью“.

Въ 1791 году старикъ-Гриммъ былъ переведенъ судьей въ Штейнау, свою родину.

Съ радостью вспоминали впослѣдствіи братья объ этомъ старинномъ городкѣ Штейнау, лежащемъ вдали отъ шумныхъ, большихъ городовъ, который способствовалъ сильному развитію въ нихъ любви къ природѣ и единенію съ нею. Тогда еще пробудилась въ маленькихъ Гриммъ черта тщательнаго собиранія и классифированія различныхъ растеній, цвѣтовъ и минераловъ, что впослѣдствіи отразилось и на ихъ дальнѣйшей ученой дѣятельности.

Бывало, съ прогулокъ въ лѣсу, по полямъ, вдоль рѣки—они приносили цѣлыя горы растеній, камешковъ, насѣкомыхъ, которыя они тщательно разбирали и потомъ зарисовывали себѣ для памяти. Рисованіе осталось навсегда ихъ любимымъ занятіемъ въ часы досуга.

„Окрестности Штейнау,—пишетъ Вильгельмъ, — имѣютъ что-то очаровательное. Часто, бывало, хаживали мы по доламъ, по лугамъ, по возвышенностямъ; стремленіе къ природѣ, несомнѣнно, могло быть въ насъ природнымъ чувствомъ, но все же этимъ мы воспитали его и облагородили. И до сихъ поръ я не знаю ничего, что вѣрнѣе вызываетъ мирное расположеніе духа, въ которомъ покоится все счастіе, — какъ одинокая прогулка, гдѣ никакая молвь или бесѣда не напоминаютъ намъ о тяготахъ жизни, гдѣ мы даемъ природѣ свободу воздѣйствовать на насъ“.

Братья начали учиться въ городскомъ училищѣ господина Цинкханъ.

Трудное ученіе было въ то время, благодаря дурной подготовкѣ Цинкхана и отсутствію у него какого-либо строгаго научнаго метода. Яковъ и Вильгельмъ до всего должны были доходить своимъ умомъ, безъ всякой помощи, безъ малѣйшаго указанія, какъ приступить къ дѣлу. Цинкханъ — человѣкъ педантичный, сухой, неинтересующійся своимъ дѣломъ, смотрѣлъ на дѣтей не какъ на будущихъ гражданъ, не какъ на единичныхъ, мыслящихъ людей, а какъ на манекеновъ, которые пришли убивать время вмѣстѣ съ нимъ, да надоѣдать ему разными интересующими ихъ вопросами. Но домъ Гриммъ былъ первой лучшей ихъ школой, гдѣ царили строгая, вдумчивая религіозность, справедливость, честность и правдивость отношеній ко всѣмъ, и не любовь, а скорѣе обожаніе родины. Лучше ихъ мѣстечка на всемъ свѣтѣ ничего не было, и какъ-то въ дѣтствѣ одинъ изъ братьевъ начертилъ карту Европы, гдѣ всѣ гессенскіе города и рѣки нарочно вычертилъ на-много толще и крупнѣе остальныхъ.

То была счастливая семья. Отецъ—вѣчно дѣятельный, серьезный и любящій человѣкъ — на всю жизнь остался въ памяти дѣтей. Его страсть къ книгамъ, которыя онъ жадно, неустанно собиралъ, и многое другое отразились на Яковѣ. Про Якова мать разсказывала, что „онъ умѣлъ уже читать прежде, нежели остальныя дѣти только - только принимались за ученіе, и иногда говорилъ такъ, что все общество недоумѣвало, не съ книжки ли онъ все это считываетъ". Вильгельмъ имѣлъ болѣе сходства съ матерью, нѣжной, чувствительной, любящей женщиной, которая ко всякому постороннему относилась, какъ къ близкому человѣку.

Такъ жила семья въ тишинѣ и довольствѣ, когда вдругъ страшный ударъ поразилъ ихъ — смерть отца.

Отецъ Гриммъ умеръ 46 лѣтъ въ 1796 году, въ Штейнау, своемъ родномъ городѣ, и вся семья его — жена и шесть человѣкъ дѣтей — осталась въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ почти на попеченіе старшаго ребенка Якова Гриммъ, которому было въ то время только 11 лѣтъ.

Яковъ Гриммъ самъ разсказывалъ, какъ въ день смерти отца онъ проснулся рано, разбуженный голосами въ сосѣдней комнатѣ, выскочилъ въ одной рубашкѣ, посмотрѣть, что такое случилось. Только пріотворилъ онъ дверь, — какъ замѣтилъ столяра и еще кого-то, которые говорили: „Человѣкъ, что лежитъ тамъ, достоинъ серебрянаго гроба!" Эти слова утѣшили его. Вѣсть о смерти повергла его въ печаль и отчаяніе. Твердымъ, почти мужескимъ почеркомъ заноситъ онъ описаніе великаго несчастія, которое постигло ихъ семью, въ библію, которую еще его дѣдъ опредѣлилъ для записыванія подобныхъ случаевъ.

Велико было отчаяніе вдовы, у которой на рукахъ остались шесть человѣкъ дѣтей мала - мала меньше. Обстоятельства были стѣсненныя, и незавидная участь постигла бы семью, если бы не пришла имъ на помощь сестра вдовы, тетка малолѣтнихъ Гриммъ — Генріэтта-Филиппина Циммеръ, фрейлина ландграфини гессенской. Она много занималась съ дѣтьми, при чемъ ея любимцемъ былъ старшій, Яковъ Гриммъ.

Яковъ послѣ смерти отца держалъ себя, несмотря на свою молодость, главою семьи, и всѣ домочадцы постоянно признавали за нимъ это мѣсто, какъ бы отца семейства. Выше его стояла только мать, которую онъ, какъ высшую, всерѣшающую власть, во всѣхъ случаяхъ всегда просилъ высказать послѣднее слово, хотя бѣдная, удрученная горемъ женщина во всемъ охотно подчинялась волѣ сына. Признавалъ за Яковомъ старшинство до самаго послѣдняго времени и Вильгельмъ, который хотя былъ только на тринадцать мѣсяцевъ моложе Якова, и это отношеніе было для него свято, потому что что-то властное лежало въ самой натурѣ Якова. Братья почти всему дальнѣйшему воспитанію и образованію обязаны только себѣ самимъ. Съ дѣтства руководило ими чувство великой отвѣтственности за мать и младшихъ членовъ семьи. Еще ребенкомъ Яковъ заботился о томъ, чтобы память отца ничѣмъ не была запятнана. Въ семьѣ сохранились его письма къ дѣду; въ одномъ изъ нихъ онъ, напр., порицаетъ одного портного, который, какъ узналъ онъ, ложно возводитъ небылицы на его святого отца. Онъ требовалъ даже, чтобы клеветника предали суду.

Все измѣнилось, когда дѣти подросли. Вначалѣ покинули Штейнау Яковъ и Вильгельмъ. Рожденные въ Ганау, они были увезены оттуда такими маленькими, что считали своей родиной Штейнау. Тетка Циммеръ отправила дѣтей въ Кассель черезъ полгода послѣ смерти отца, чтобы опредѣлить ихъ въ мѣстный лицей, Lyceum Fridericianum, передъ университетомъ. Тамъ поселила она ихъ въ хорошемъ семействѣ, гдѣ у нихъ была особая, но общая комнатка; и въ ней-то они жили, не разлучаясь.

На одномъ листкѣ родовой библіи Вильгельмъ приписалъ, какъ онъ, разставшись съ Штейнау, отправился въ Касселъ для поступленія въ лицей. „Мы въ первый разъ отправлялись въ Кассель, и мнѣ памятенъ тотъ моментъ, когда мы выѣзжали изъ города. Я сидѣлъ въ экипажѣ впереди и смотрѣлъ на нашъ пчельникъ съ бѣлыми, маленькими каменными столбиками и красивыми входными воротами,—густой туманъ лежалъ надо всѣмъ; и я вспоминалъ о томъ времени, которое я провелъ тамъ; но все это было теперь уже далеко отъ меня, словно глубокій ровъ легъ между нами, и я былъ совершенно отрѣзанъ отъ всего, и начиналось нѣчто новое“... Это воспоминаніе заканчивается рядомъ другихъ, на томъ же листѣ, характеризующихъ глубокую впечатлительность мальчика и его любовь къ роднымъ мѣстамъ. „Я совершенно ясно помню, какъ одѣтый въ бѣлое платье съ краснымъ бантомъ, я заблудился еще въ Ганау; какъ я быстро, но внимательно осматривалъ ровныя, гладкоостриженныя деревья, на которыхъ листочки словно висѣли, и на крупный песокъ дороги; помню тишину, къ которой я прислушивался, и сумерки, еще больше пугавшія меня!“

„Я вспоминаю ясно, какъ однажды въ лѣтній день солдаты двинулись изъ Ганау на маневры; я выглядывалъ изъ окна, и ихъ можно было видѣть только на самомъ концѣ длинной улицы. Ружья сверкали на солнцѣ, и я думалъ, какъ бы я былъ радъ, если бы могъ хоть разъ пройти съ ними подъ эту музыку, и въ такое славное утро“.

„Бывало часто у насъ, что мать сидѣла на ступенькѣ у окна и смотрѣла въ зеркало, прикрѣпленное снаружи, въ которомъ можно было видѣть проходящихъ на улицѣ. Одна створка окна была распахнута, и солнечные лучи обдавали крыши, и прялки жужжали неумолчно. Это обыкновенно было скучное время“.

„Однажды были мы на какомъ-то торжествѣ у дѣда, волосы у насъ были завиты и расчесаны; я вышелъ изъ комнаты, щеки у меня пылали, и я шагалъ по краснымъ, свѣже-выкрашеннымъ камнямъ, которые пачкались“.

„Когда мы жили на большой улицѣ въ Ганау, въ домѣ у насъ на правой сторонѣ была зала, гдѣ обои были бѣлые, а между цвѣтами стояли зеленые охотники, которыми я съ удовольствіемъ любовался“.

Эти воспоминанія относятся къ первому времени жизни въ Ганау. Въ 1791 году отецъ былъ переведенъ въ Штейнау, что случилось, стало-быть, въ то время, когда Вильгельму шелъ 5-й годъ.

По поводу переѣзда изъ Ганау въ Штейнау Вильгельмъ Гриммъ сообщаетъ слѣдующее: „Первое путешествіе мое изъ Ганау въ Штейнау еще теперь у меня въ памяти, я сидѣлъ на ящикѣ въ повозкѣ, которая была обшита желтой жестью, и все спалъ на колѣняхъ тети. Бѣлые цвѣты на черномъ тернѣ безъ малѣйшей зеленой листвы мелькали постоянно мимо, какъ снѣжные хлопья, и дорогою одинъ мельникъ долженъ былъ отломить вѣтку и дать мнѣ“.

„Когда я (въ Штейнау) сиживалъ у органа въ церкви, и шло богослуженіе, я облокачивался головой на руки и раздумывалъ, что бы это было, если бы я вышелъ въ дверь и вмѣсто Штейнау очутился въ Ганау и отправился бы къ дѣду. Послѣ отца я все думалъ, какъ бы это было, если бы онъ вдругъ очутился среди людей, которые выходятъ изъ церкви, взялъ меня за руку и заговорилъ со мною. И я такъ долго думалъ объ этомъ, что часто начиналъ вѣрить будто это можетъ случиться; но при этомъ я совсѣмъ не боялся“.

Тяжелая жизнь началась для братьевъ Гриммъ въ Касселѣ. Семь, восемь лѣтъ занимались братья подъ руководствомъ Цинкхана до поступленія въ лицей, но благодаря дурной подготовкѣ достигли въ наукахъ незначительныхъ результатовъ, и теперь имъ пришлось самостоятельно, чуть не сызнова приниматься за пройденное. И братья упорно взялись за работу.

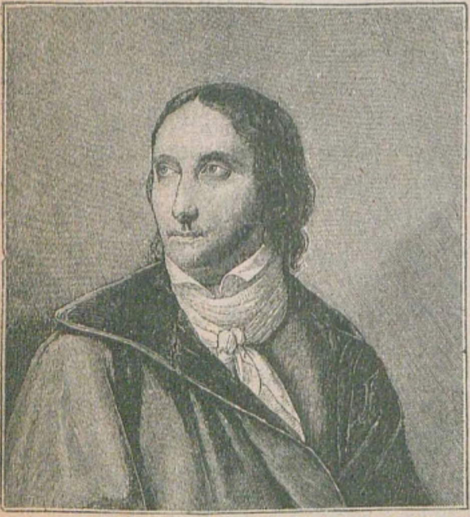
Кромѣ шести часовъ работы въ лицеѣ, они брали еще приватные уроки—пять-шесть часовъ, особенно—по-латинскому и французскому языкамъ. Такая работа тяжело доставалась особенно Вильгельму, какъ слабѣйшему. У него была слабая грудь и тяжелая одышка вслѣдствіе болѣзни сердца, и дорога въ лицей, по его собственнымъ словамъ, часто бывала очень тяжела, „особенно когда по пути холодный вѣтеръ дулъ навстрѣчу“. Яковъ былъ крѣпкаго сложенія, переносилъ все это много легче и шелъ въ ряду лучшихъ учениковъ, такъ что ректоръ Рихтеръ видѣлъ въ немъ будущую знаменитость и рѣдкаго труженика. Братья особенно благодарны ему за прочныя знанія латинскаго языка и древне-римской литературы. Въ общемъ же, занятія слишкомъ изнуряли ихъ, и Яковъ жалуется въ воспоминаніяхъ такъ: „Два часа отдыха обновили бы насъ, но у насъ такъ мало было сношеній съ людьми“,—и добавляетъ дальше, какъ они съ Вильгельмомъ только тѣмъ и силъ набирались, что въ досужее время все рисовали да рисовали.

Быстро шелъ Яковъ впередъ „вверхъ по всѣмъ классамъ“ и въ началѣ 1802 года онъ уже могъ покинуть лицей для поступленія въ Марбургскій университетъ. Его самого не тянуло быть адвокатомъ, но онъ рѣшилъ подготовиться именно къ этого рода дѣятельности, потому что „отецъ былъ юристъ, и матери это всего больше было по душѣ“. Онъ же говоритъ: „ни къ какому знанію не влекло меня болѣе, чѣмъ къ ботаникѣ и естествознанію“.

Въ 1802 г. впервые разлучились братья, такъ какъ Яковъ отправлялся въ Марбургскій университетъ одинъ. По болѣзни, Вильгельмъ принужденъ былъ пробыть въ лицеѣ нѣсколько дольше брата. Это была тяжелая разлука, и братья считали себя глубоко несчастливыми. Одно только поддерживало и ободряло ихъ,—это окончить, какъ можно скорѣе, всѣ ихъ занятія, прочно стать на ноги, чтобы получить возможность улучшить жизнь и положеніе горячо любимой ими матери и тѣмъ отплатить за ея великія о нихъ заботы. Поэтому братья и рѣшили сначала посвятить себя адвокатской дѣятельности, хорошо оплачиваемой. Вильгельмъ въ томъ же году отправился за братомъ въ Марбургскій университетъ. Молодые студенты принуждены были жить очень стѣсненно, такъ какъ средства матери уменьшались день отъ дня, а о стипендіи и помину не было. Они жили въ маленькой комнаткѣ, работали за однимъ столомъ, но не унывали ничуть. Долгое время братья не могли заинтересоваться сухой юридической наукой, но мало - по - малу они втянулись въ работу. Они слушали лекціи знаменитаго юриста Фридриха-Карла Савиньи, который самъ обратилъ вниманіе на выдающіяся способности Якова — тогда еще семнадцатилѣтняго юноши, и какъ-то разъ пригласилъ его къ себѣ.

Братья не замедлили принять предложеніе. Помимо общенія съ великимъ ученымъ, братьевъ заинтересовывала его богатая библіотека, къ которой, такимъ образомъ, они получали свободный доступъ. Вотъ какой случай далъ первый толчокъ ихъ увлеченію изученіемъ народнаго творчества. Разъ лѣтомъ 1807 года восемнадцатилѣтній Яковъ Гриммъ вышелъ изъ дома на Барфюсерштрассе, гдѣ они съ братомъ нанимали себѣ комнатку, куда ходъ былъ по витой лѣстницѣ старой башни, выходившей на кладбище. Онъ шелъ по городу въ Форстгодъ, гдѣ высоко-высоко лѣпился, какъ гнѣздо, домъ, въ которомъ жилъ Савиньи. Чудный видъ на горы, долины и луга открывался оттуда, и весь за̀мокъ былъ окутанъ ползучими травами. Но лучшее было въ самой комнатѣ — сплошь установленные книгами шкапы. Въ каждый приходъ Яковъ открывалъ здѣсь новыя и новыя сокровища. Въ этотъ приходъ, оставшись совершенно одинъ въ библіотечной комнатѣ, онъ сталъ шарить по всѣмъ полкамъ и вдругъ случайно нашелъ „въ самомъ заду у правой стѣны“ — сокровище, которое при одномъ взглядѣ на него поражало каждаго, и онъ весь замеръ, стоя на лѣстницѣ. То были: „Собраніе пѣсенъ миннезенгеровъ“ Бодмера. Тамъ было написано: „Г-нъ Яковъ Ворте и Кристанъ Хамле“, а дальше слѣдовали стихи на рѣдкомъ, едва понятномъ нѣмецкомъ языкѣ. Онъ едва могъ добраться до смысла, и это - то страшно охватило его всего и дало новый толчокъ его мыслямъ. Онъ не посмѣлъ взять у Савиньи эту книгу, но постоянно держалъ ее въ памяти. Позже, когда онъ былъ посланъ въ Парижъ за рукописями, его особенно поразила знаменитая рукопись „Пѣсни миннезенгеровъ“, откуда извлечена была эта книга.

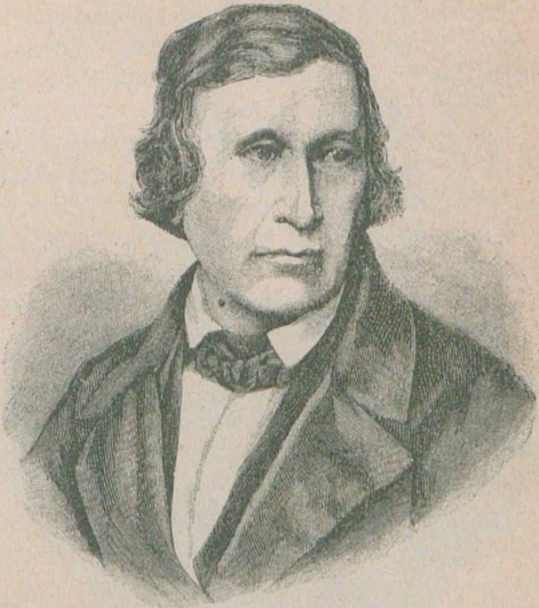
Въ 1803 г., къ тому же, поэтъ Людвигъ Тикъ выпустилъ „Пѣсни миннезенгеровъ“, обработанныя имъ съ швабскаго нарѣчія. То и другое окончательно плѣнило братьевъ Гриммъ и увлекло ихъ къ изученію памятниковъ народнаго творчества.



Фридрихъ-Карлъ Савиньи.

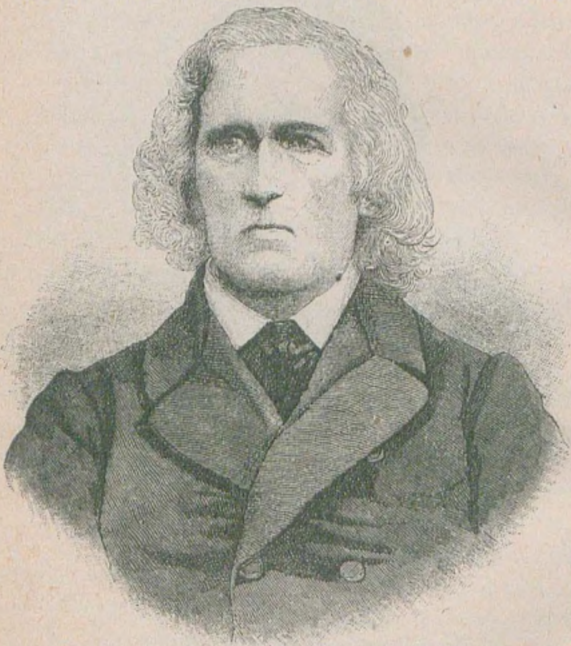
Не одна только свѣжесть, яркость и нетронутая прелесть народныхъ пѣсенъ и сказаній увлекала братьевъ, и впослѣдствіи не давала имъ покою,—сколько воспоминанія о прежнемъ величіи, силѣ, славѣ и могуществѣ ихъ родины, которую они любили такъ горячо, а также и все, что хоть слегка напоминало ее и носило на себѣ ея отпечатокъ. Они скорбѣли сердцемъ, видя паденіе ея и будучи не въ силахъ помочь дѣлу силой оружія; и хотѣлось имъ помочь возвыситься ей снова, снова достигнуть прежняго величія, не только въ отношеніи подвиговъ рыцарей и завоеваній, но и въ народномъ творчествѣ. Такія же мысли одушевляли всю молодежь того времени,—и поэтовъ, писателей, мечтавшихъ вернуть тѣ чудныя времена, полныя поэтической прелести,—звали романтиками. Братья Гриммъ были, однако, далеки отъ преувеличиванія дѣйствительности, отъ подражанія образцамъ народнаго творчества и неумѣлаго искаженія ихъ. Нѣтъ, они были болѣе чутки ко всему правдивому, искреннему, чтобы слѣдовать по этому неприглядному пути.

Яковъ и Вильгельмъ всегда преслѣдовали одну цѣль—славу и возвышеніе ихъ родины, не склоняясь ни къ какой-либо односторонней партіи. Для нихъ была только родина нѣмцевъ, а она была и повторялась всюду въ предѣлахъ ея границъ. Все особенное, кричащее было чуждо имъ. Всюду искали они тишины и уединенія, которыя царствовали и въ ихъ рабочихъ комнатахъ. Ихъ стремленіе было—собирать все, что можетъ служить къ созиданію памятника нѣмецкаго духа... Между тѣмъ, какъ они знакомились съ жизнью отдаленныхъ предковъ по старымъ манускриптамъ, они мало-по-малу преодолѣвали трудности пониманія древняго языка, что̀ заставляло ихъ опредѣлять корни словъ и ихъ производство.


Вильгельмъ Гриммъ.

И на ряду съ своими занятіями юриспруденціей они удѣляли время разыскиванію разныхъ матеріаловъ у антикваріевъ и букинистовъ, тратя на это послѣднія деньги. То была жизнь — полная лишеній и недостатковъ и тяжелаго труда. Помощи ждать имъ было не откуда. „Со всѣмъ тѣмъ,—говоритъ Яковъ Гриммъ,—меня никогда не огорчало это, но неоднократно и впослѣдствіи я всегда ощущалъ счастье и свободу независимаго состоянія".

Бѣдность пріохочиваетъ къ трудолюбію и самой работѣ, охраняетъ отъ увлеченій и не даетъ пробуждаться недостойной гордости, потому что одно сознаніе собственныхъ достоинствъ при сравненіи съ тѣмъ, что составляетъ у другого все состояніе, все богатство его,— прямо отрезвляетъ!..



Яковъ Гриммъ.

Въ 1840 году Савиньи уѣзжаетъ изъ города, и это повергаетъ въ отчаяніе Якова, онъ пишетъ: „Когда я набирался духа у Васъ, когда я нашелъ въ Вашихъ шкапахъ то чѣмъ былъ захваченъ весь мой умъ, я шелъ черезъ пни и камни, попрыгивая, съ новымъ запасомъ силъ въ свою маленькую комнатку“. Савиньи былъ въ Парижѣ, гдѣ закончилъ свой капитальный трудъ по римской исторіи. Но рукопись была украдена у него, и онъ долженъ былъ начать работу сызнова. Онъ вызвалъ на помощь Якова Гримма,—и тотъ былъ въ восторгѣ.

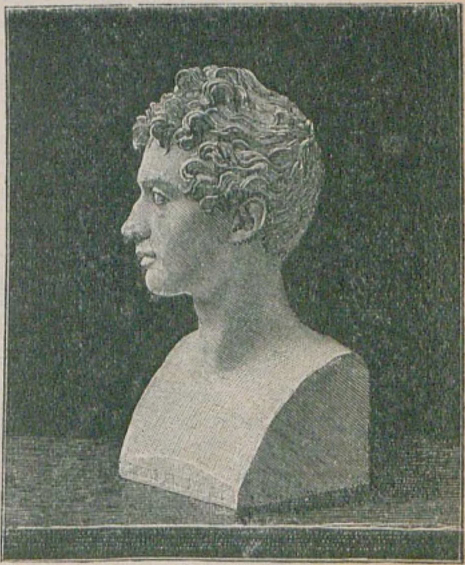
И вотъ онъ внезапно, совершенно неожиданно заявляетъ дома, что уѣзжаетъ въ Парижъ. Домашніе въ ужасѣ. Въ то время путешествіе на лошадяхъ считалось не шуткой! Тогда лихіе люди и разныя приключенія на дорогѣ—были не диво. Мать и Вильгельмъ просто измучились, и послѣдній писалъ: „Когда ты уѣхалъ, я думалъ,—сердце мое разорвется, и я не выдержу. Конечно, ты не знаешь, какъ я люблю тебя! Когда сижу я здѣсь вечеркомъ одинъ-одинешенекъ, то все думаю, вотъ-вотъ выйдешь ты изъ какого-нибудь угла“. А братъ отвѣчалъ: „Ночью—я весь еще въ Германіи“. Роясь по библіотекамъ и архивамъ для Савиньи, онъ находилъ и себѣ не мало интересныхъ матеріаловъ, древне-германскихъ манускриптовъ, рукописей, сборниковъ. И тамъ же нашелъ онъ знаменитую, роскошную рукопись миннезенгеровъ, откуда сдѣлалъ и переслалъ большія выписки брату...

Вильгельмъ просилъ его скупать и списывать, какъ можно больше, и Яковъ пишетъ на то: „Я думаю, если мы обратимъ вниманіе на это,—то соберемъ богатый сборникъ чудныхъ вещей!.. Понятно, въ будущемъ мы многое выработаемъ изъ этого,—но только вмѣстѣ,—потому что, милый Вильгельмъ, мы уже болѣе разлучаться не будемъ; и условимся: захочетъ одинъ что̀ сдѣлать, другой долженъ высказаться. Мы такъ привыкли къ общей жизни, что разлука можетъ убить насъ!“ На это Вильгельмъ отвѣтилъ ему: „Что пишешь ты о неразлучной жизни,—удивительно хорошо и тронуло меня. То было мое постоянное желаніе; потому что я чувствую, что никто такъ не можетъ любить меня, какъ ты, и я люблю тебя, само собой, такъ же сердечно“. Въ 1805 году Яковъ вернулся назадъ и, захвативъ въ Марбургѣ Вильгельма, поѣхалъ съ нимъ въ Кассель къ матери. То была веселая поѣздка. Они пріѣхали на квартиру матери вечеромъ; ея не было дома, она ушла къ сестрѣ. Они бросились искать ее въ нетерпѣніи какъ можно скорѣе обнять ее, и встрѣтились на площади съ какою-то старушкою, которая шла съ фонаремъ. Эта была ихъ мать! Ихъ радость, ихъ счастье при встрѣчѣ съ нею они во всю жизнь не могли забыть,

Яковъ Гриммъ, вообще, былъ подвижный человѣкъ—совершенная противоположность брату Вильгельму, отъ рожденія тихому, склонному къ частымъ заболѣваніямъ.

Во время прогулокъ съ братомъ рѣзко обнаруживалась эта разница въ ихъ характерахъ. Вильгельмъ не обнаруживалъ ярко, какъ братъ, ни восторга, ни огорченія, такъ какъ болѣзнь сердца, которою онъ страдалъ съ самаго начала студенческихъ лѣтъ, запрещала ему особое напряженіе. Онъ ходилъ тихо, Яковъ—быстро. Вмѣстѣ они никогда не гуляли. Яковъ всегда уходилъ далеко впередъ брата. Вильгельмъ, благодаря своей болѣзненности, также принужденъ бывалъ во время своихъ путешествій ограничиваться короткими переѣздами. А Яковъ побывалъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Италіи, Голландіи и Швеціи. Совершенно неожиданно появлялся онъ съ извѣщеніемъ, что вотъ туда-то онъ готовится отправиться въ путешествіе, и только съ дороги увѣдомлялъ, куда онъ внезапно снова повернулъ путь.

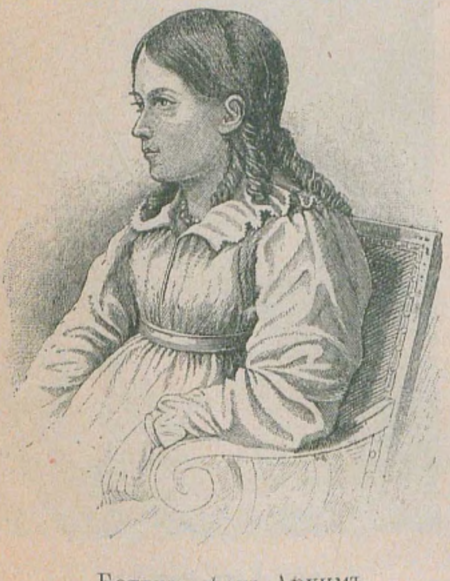
Рѣдкая дружба соединяла обоихъ братьевъ, различныхъ по характеру, дружба и любовь, возникшая съ дѣтства;—въ продолженіе всей трудовой жизни они почти не разлучаются другъ съ другомъ, даже при перемѣнѣ семейныхъ обстоятельствъ, какъ, напр., женитьба Вильгельма. Каждая, самая короткая разлука ихъ вызывала непосильную тягость и тоску, и оба брата стремились возможно скорѣе нарушить ее, они были почти одинаковаго возраста, но Яковъ казался съ виду много старше, хотя въ то же время—болѣе бодрымъ и свѣжимъ, какимъ и оставался до конца жизни. Въ 1806 г. Вильгельмъ уѣхалъ въ Марбургъ кончать курсъ, а Яковъ въ Касселѣ получилъ мѣсто секретаря при военной комиссіи курфюрста. Въ февралѣ вернулся Вильгельмъ и хотѣлъ, было, хлопотать о мѣстѣ,—но началась франко-прусская война, и было не до того. 1 января 1806 г. французы вошли въ Кассель; курфюрстъ бѣжалъ со всѣмъ дворомъ. Княжество Вестфалія съ городомъ Кассель было захвачено, и правленіе вручено Джерому, брату Наполеона. Все, что строилось и образовывалось вѣками, рухнуло въ нѣсколько мѣсяцевъ. Яковъ оставилъ свое мѣсто. Къ бѣдствіямъ страны присоединилась и личная нужда. Въ 1808 году еще болѣе тяжелый ударъ поразилъ братьевъ,—умерла ихъ мать. Но между тѣмъ на Якова обратилъ благосклонное вниманіе король Джеромъ и опредѣлилъ его библіотекаремъ королевской библіотеки; а черезъ годъ онъ былъ назначенъ библіотекаремъ въ замкѣ Вильгельмсгёге, съ жалованіемъ въ 2000 франковъ. Теперь онъ могъ устроить дѣла свои и семьи. Яковъ привелъ въ порядокъ всѣ запущенныя дѣла, но все же у него было много свободнаго времени, такъ что онъ могъ теперь серьезно предаться научнымъ занятіямъ. А Вильгельмъ, не имѣя постояннаго мѣста, старался забыться отъ горя за научною работою; и вотъ выпускаетъ онъ, послѣ усидчиваго труда, книгу, изданную Ахимъ фонъ-Арнимомъ въ Гейдельбергѣ, „Утѣшеніе въ одиночествѣ“, старыя и новыя саги, исторіи и пѣсни; кромѣ того онъ работаетъ въ „Гейдельбергскихъ Ежегодникахъ“ и другихъ изданіяхъ. Въ 1809 году Вильгельмъ для поправленія здоровья отправился въ Галле и тамъ сошелся съ нѣкимъ Клеменсомъ Брентано и его родственникомъ Арнимомъ. Знакомство это имѣло важное значеніе для работы братьевъ Гриммъ, такъ какъ новые знакомцы были тоже большіе любители и знатоки древней германской литературы. Оттуда Вильгельмъ направился въ Берлинъ. Но самое интересное ждало его въ Веймарѣ. Самъ Гёте, наслышавшись о ихъ трудахъ, пригласилъ его къ столу и разговаривалъ съ нимъ о германской литературѣ, да такъ запросто, что Вильгельмъ „совсѣмъ позабылъ, какой великій человѣкъ сидѣлъ передъ нимъ“. „Я видѣлъ его портретъ,“— пишетъ Гриммъ,—„часто видѣлъ, и все-таки былъ пораженъ величіемъ, простотой и добродушіемъ этого лица“.



Ахимъ фонъ-Арнимъ.

Тамъ же, въ Веймарѣ онъ познакомился и съ матерью знаменитаго философа Шопенгауэра.

Полный впечатлѣній и воспоминаній о подобныхъ встрѣчахъ, вновь окрѣпшій, запасшись матеріаломъ изъ архивовъ, библіотекъ, вернулся Вильгельмъ назадъ, и потекла его трудовая, научная жизнь съ новой силой и охотой. Весь міръ словно обновился теперь для него, и бодрыми глазами онъ смотрѣлъ на все. Но скорбѣло сердце его объ угнетенной родинѣ, и хотѣлось ему страстно помочь ей.— „Дѣйствуйте сообща, сообща, сообща!“ — восклицалъ онъ. Надо воскрешать въ народѣ національное чувство, горячую любовь къ родинѣ, къ ея прошлому. Арнимъ, Брентано учатъ народъ пѣть, что пѣли его славные предки. И онъ долженъ сдѣлать тоже. И вотъ послѣ великихъ трудовъ въ 1811 году появляется въ Геттингенѣ первая книга Якова „Древне-нѣмецкіе напѣвы“, а въ Гейдельбергѣ— Вильгельмова „Древне-нѣмецкія героическія пѣсни“.



Беттина фонъ-Арнимъ.

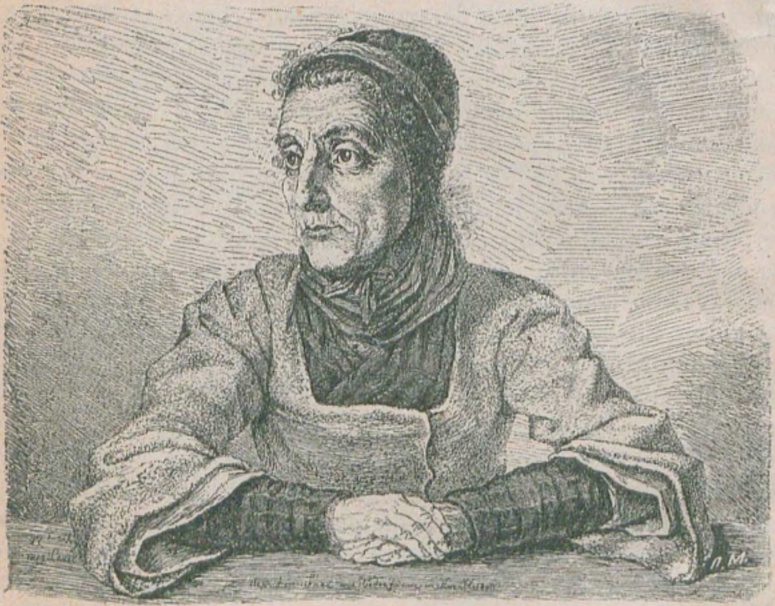
Собственно планъ собранія сказокъ зародился у нихъ въ 1806 г., самая же усиленная работа идетъ въ 1809 году. Но они никакъ не рѣшились обнародовать свое богатое сокровище сказокъ и съ большимъ колебаніемъ передали ихъ на просмотръ Ахимъ фонъ-Арнимъ.

Арнимъ посѣтилъ братьевъ въ Касселѣ, и тамъ они показали ему нѣсколько старыхъ народныхъ сказокъ, надъ собираніемъ которыхъ они трудились много лѣтъ, еще съ дѣтства. Братья любили эти сказки по воспоминаніямъ, но особаго значенія имъ не придавали. А Арнимъ взялъ листки и сталъ читать, и все ходилъ по комнатѣ, и все читалъ, ни на что не обращая вниманія, даже на то, что ручная канарейка братьевъ запуталась и билась въ его локонахъ. „Да это народная книга!“— сказалъ онъ имъ. Къ Рождеству 1812 г.

Ахимъ фонъ-Арнимъ подарилъ своей женѣ Бетинѣ, сестрѣ Брентано, роскошно переплетенную, зеленую съ золотомъ, книжку: первое собраніе Гриммъ: „Дѣтскія и семейныя сказки“. „Это народная книга!“ — говорилъ онъ.

И точно, далеко понесла вѣсть о братьяхъ эта книжка, и заговорили о ней тысячи устъ. Всѣ зачитывались ею, потому что свѣжее, родное, близкое каждому сквозило здѣсь въ каждой строчкѣ, въ каждомъ выраженіи. Всѣ сказки съ французскаго, тысячи и одной ночи были заброшены. Это было настоящее пробужденіе отъ вѣкового сна. Великая заслуга братьевъ Гриммъ въ неутомимости, вѣрности дѣлу и знанія дѣла, съ чѣмъ собирали они сказки и передавали ихъ простымъ, не фальшивымъ языкомъ, какъ то передавалось народомъ изъ устъ въ уста, со всѣми добавленіями и измѣненіями разсказчика... Сказки впервые сняли людей, состоящихъ при дворѣ, въ рыцарствѣ, живущихъ въ замкахъ, въ избранномъ обществѣ, съ высокаго пьедестала высокомѣрія, гордости и презрѣнія ко всему безыскусственному и простому и ввели ихъ въ народъ, который не умѣлъ ни писать, ни читать, а таилъ въ сердцѣ своемъ такое богатство, которымъ готовъ былъ дѣлиться со всѣми. А заслуга Гриммъ въ томъ, что они хорошо и близко узнали народъ и окружающую ихъ безыскусственную природу и, зная ее, передали сказки во всей ихъ неприкосновенности („съ дѣтства во мнѣ было „простецкаго“ мяса малая-толика“, — говаривалъ Яковъ). Настало великое время спасать „давно прошедшее, чтобы оно, какъ снѣгъ на солнцѣ, или огонь въ водѣ, не исчезло бы, и въ безпокойныхъ дняхъ нашихъ не замолкло навсегда“... И точно,—въ памяти только немногихъ старыхъ людей еще хранились сокровища народнаго творчества. Такую „сказочную женщину“ братья нашли въ г-жѣ Фимэнинъ, крестьянкѣ изъ селенія Цвернъ, подъ Касселемъ.

Братья Гриммъ такъ отзываются о ней сами. „Счастливый случай помогъ намъ найти изъ деревни Нидерцвернъ, вблизи Касселя, одну крестьянку, которая разсказала намъ большинство лучшихъ сказокъ второго тома. Госпожа Фимэнинъ была еще бодрая женщина не старше 50 лѣтъ. Черты лица ея выражали что-то твердое, осмысленное и вмѣстѣ—пріятное, и большіе глаза ея смотрѣли ясно и проницательно; она въ молодости была, вѣроятно, очень красива. (Нашъ братъ Людвигъ Гриммъ снялъ съ нея весьма похожій портретъ). Благодаря войнѣ, добрая женщина попала въ изгнаніе, гдѣ была очень несчастна; она терпѣла большую нужду и умерла 7 ноября въ 1816 году. Она тщательно хранила въ памяти старинныя сказанія и всегда говаривала, что этотъ даръ дается не всякому, и многіе ничего не могутъ удержать въ связномъ разсказѣ. Притомъ обыкновенно разсказывала она осмысленно, увѣренно и необыкновенно живо, съ удовольствіемъ,—сначала—скоро, обыкновеннымъ говоромъ, потомъ, если желали, повторяла еще разъ медленнѣе такъ, что можно было при нѣкоторомъ навыкѣ записывать за нею. Многое по этому случаю сохранено дословно, и нельзя сомнѣваться въ точности. Кто вѣритъ искаженію, измѣненію въ передачѣ, въ небрежность храненія сказаній, тому слѣдовало бы послушать ее, какъ точно придерживалась она своего разсказа при повтореніи и усердно слѣдила за этою точностью; она никогда ничего не перемѣняла,



Госпожа Фимэнинъ.

что бы тамъ ни было, при повтореніи, тотчасъ же сама исправляла обмолвку въ своей рѣчи, какъ только замѣчала ее. Приверженность къ точной передачѣ у людей, которые живутъ неизмѣнно въ одномъ быту, сильнѣе, чѣмъ можемъ это представить себѣ мы, склонные къ вольнымъ измѣненіямъ“.

Во второмъ изданіи 1810 г., на обложкѣ 2 тома былъ помѣщенъ портретъ г-жи Фимэнинъ „сказочницы“ рисованный Людвигомъ Гриммъ“.

Въ этомъ предисловіи ко II тому братья говорятъ о достоинствѣ и значеніи сказокъ, какъ книги для дѣтскаго чтенія. Книга эта нашла свой вѣрный путь въ дѣтской жизни съ такимъ успѣхомъ, о которомъ они даже вовсе и не думали. Между прочимъ тогда возникъ вопросъ, что можно выбрать для дѣтей изъ этихъ сказокъ; но между тѣмъ дѣти сами завладѣли сказками цѣликомъ, и это стало какъ бы ихъ неотъемлемымъ правомъ. Сказки эти принадлежатъ здоровому корню, и народъ въ нихъ нуждается.

Въ дѣтяхъ всѣхъ странъ, временъ и народовъ скрыто вѣрованіе, что природа населена особыми существами: лѣса, горы, огонь, звѣзды, рѣки, ручьи, дождь, вѣтеръ — говорятъ между собою, дѣйствуютъ по доброй волѣ и вмѣшиваются въ человѣческую судьбу. Но было время, когда вѣрили тому не только дѣти, но и взрослые разныхъ возрастовъ. Какъ и во что вѣрилъ нѣмецкій народъ, какъ образовывался языкъ и развивались преданія,— вотъ чѣмъ занимались братья Гриммъ. Въ предисловіи ко второму изданію братья Гриммъ такъ говорятъ о значеніи своихъ сказокъ.

„Когда буря или иное бѣдствіе, посылаемое небомъ, прибиваетъ къ самой землѣ всю ниву, мы находимъ у низкихъ изгородей или кустиковъ, растущихъ при дорогѣ, оставшійся небольшой нетронутый клочокъ зелени или отдѣльные колосья. Проглянетъ ласково солнышко, и снова начинаютъ они расти одиноко, незамѣчаемые никѣмъ; ранній серпъ не сжинаетъ ихъ для огромныхъ амбаровъ но позднимъ лѣтомъ, когда они созрѣютъ, являются бѣдныя руки, которыя именно ихъ-то и ищутъ и собираютъ колосокъ къ колоску и заботливо связываютъ вмѣстѣ; эти колосья, выше цѣнимые, чѣмъ цѣлый снопъ, будутъ отнесены домой и въ долгую зимнюю пору послужатъ пропитаніемъ, пожалуй, единственнымъ запасомъ сѣмянъ для будущаго посѣва.

„То же самое случилось и съ нами, когда мы только увидѣли, какъ мало сохранилось въ цѣлости изо всего того, что въ прежнія времена процвѣтало въ изобиліи,—даже воспоминаніе о томъ почти вовсе потеряно, за исключеніемъ лишь пѣсенъ среди народа, нѣсколькихъ книгъ, сагъ и этихъ невинныхъ сказокъ. Мѣста на лежанкахъ, кухонный очагъ, ступеньки лѣстницъ, справляемые еще народные праздники, лужайки и лѣса съ ихъ невозмутимой тишиной,—вотъ тѣ сокровищницы невозмутимой народной фантазіи, гдѣ сохранялась она и переходила изъ одной эпохи въ другую.

„Пожалуй, какъ разъ было время удержать и записать эти сказки потому, что тѣ люди, которые хранятъ ихъ, встрѣчаются все рѣже! Правда, тѣ, которые ихъ знаютъ, знаютъ обыкновенно очень много сказокъ и преданій, потому что люди, умирая, уходятъ отъ нихъ, а не онѣ отъ людей; но обычай беретъ свое, какъ всѣ уединенныя мѣста въ жилищѣ и саду, которыя сохранились до внучатъ, уступаютъ мѣсто пустой роскоши, — подобной усмѣшкѣ, съ которой говорятъ объ этихъ сказкахъ,— роскоши, которая выглядитъ представительно, а на самомъ дѣлѣ все-таки стóитъ дешево. Гдѣ еще сказки сохранились, тамъ еще онѣ живутъ такъ, что никто и не думаетъ о томъ, хороши онѣ или плохи, практичны ли онѣ и принаровлены ли ко вкусу разумниковъ; ихъ знаютъ и любятъ, потому что съ любовью же и восприняли ихъ, и радуются на нихъ, не изслѣдуя ихъ сущности. Легко можно замѣтить, что онѣ сохранились только тамъ, гдѣ существуетъ на-лицо исключительно правильная воспріимчивость поэзіи, или непотушенная искаженіями жизни фантазія. Съ своей стороны, мы не думаемъ прославлять эти сказки, или отстаивать ихъ отъ какого-либо противнаго имъ мнѣнія; ихъ существованіе въ настоящее время,—вотъ что говоритъ въ защиту ихъ. То, что такъ разнообразно, постоянно радовало, трогало и поучало,— заключаетъ уже въ себѣ свою непреложность и свое значеніе, и истекло, конечно, изъ того вѣчнаго источника, который живитъ всю жизнь; и пусть будетъ это только одной единой капелькой влаги, которую воспринялъ маленькій, свернувшійся листокъ, — все-таки и она сверкаетъ въ блескѣ утренней зари. Вотъ потому-то чрезъ всѣ эти творенія проходитъ та чистота, благодаря которой намъ дѣти кажутся такими необыкновенными и святыми, — у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ такіе голубовато-бѣлые, безпорочные, блестящіе глаза, которые не могутъ измѣниться, покамѣстъ остальное тѣло еще нѣжно и неспособно къ самостоятельной жизни на землѣ. Вотъ основаніе, почему мы нашимъ собраніемъ думали оказать услугу не только исторіи, поэзіи и миѳологіи: у насъ была мысль, чтобы сама поэзія, которая заключается въ немъ, воздѣйствовала на пользу и образовала всякаго, кого только можно образовать, такъ что собраніе наше должно имѣть и воспитательное значеніе...

„Мы ищемъ душевной чистоты въ правдивости правильнаго, нескрывающаго ничего неправдиваго, сдержаннаго разсказа, къ тому же въ этомъ новомъ изданіи мы удалили всѣ неподходящія къ дѣтскому возрасту выраженія. Дождь и роса, какъ благодать, падаютъ на все, что находится на землѣ. Кто не рѣшается подставить подъ нихъ свои растенія, потому лишь, что они слишкомъ чувствительны и что это можетъ имъ повредить, а охотнѣе поливаетъ ихъ въ комнатѣ особой водой, — все-таки не будетъ требовать, чтобы въ виду этого дождь и роса перестали падать. Но полезно все, что идетъ натуральнымъ путемъ, и мы должны подражать природѣ. Мы не знаемъ болѣе здоровой и мощной книги, какъ та, которую создалъ народъ. Дѣти безъ страха указываютъ пальцами на звѣзды, тогда какъ, другіе, по народному вѣрованію, оскорбляютъ этимъ ангеловъ.

„Мы собирали эти сказки почти тринадцать лѣтъ; первый томъ который вышелъ въ 1812 году, содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ то, что мы захватили въ затруднительной передачѣ мало-помалу въ Гессенѣ и въ графствѣ Ганау. Второй томъ былъ оконченъ въ 1814 году и оконченъ быстрѣе, частью потому, что сама книга пріобрѣла себѣ друзей, которые помогали намъ, говоря, что и какъ разсказываютъ то-то и то-то, частью потому, что счастье благопріятствовало намъ, и упорнымъ, и прилежнымъ собирателямъ дулъ попутный вѣтеръ...

„Ничего собственнаго своего мы не прибавляли къ сказкамъ, никакими подробностями или штрихами не украсили ихъ, но передали содержаніе именно такъ, какъ его услышали; само собою понятно, что выраженія и изложеніе нѣкоторыхъ сказокъ, по бо̀льшей части, принадлежитъ намъ, но каждую своеобразную особенность, когда только замѣчали, мы старались удержать, чтобы и въ этомъ отношеніи не нарушить природнаго разнообразія этого собранія. Каждый, кто только займется подобной работой, впослѣдствіи лишь постигнетъ, что эта работа не можетъ быть названа беззаботной и небрежной,—напротивъ того, при этомъ необходимы вниманіе и тактъ который вырабатывается лишь современемъ, чтобы отличить простое, чистое и все же сложное отъ неестественнаго...

„Такъ есть различные разсказы, но какъ скоро они только дополняли собою одинъ другой, и для ихъ сліянія не было никакого противорѣчія, мы составляли общій разсказъ; когда же разсказы расходились, при чемъ каждый имѣлъ какую-либо особую своеобразность, мы отдавали предпочтеніе лучшему, а остальные сохраняли для примѣчаній.

„Варіанты эти казались намъ именно особенно достойными вниманія, т. к. иногда мы усматривали въ нихъ измѣненіе и пересказъ нѣкогда положенной въ основаніе забытой сказки,—въ большинствѣ же случаевъ это все—попытки разными путями приблизиться къ передачѣ неисчерпаннаго, но сложившагося въ сознаніи сюжета“...

Послѣ выхода перваго тома у братьевъ Гриммъ тотчасъ само собою явилось множество помощниковъ. Сразу вся Германія встрепенулась и стала внимательнѣе присматриваться къ утраченному, было, сокровищу. Со всѣхъ концовъ устремились къ братьямъ посланія, заключающія въ себѣ иной разъ неискусно составленныя сказки, преданія, и, казалось, разрушенное зданіе древнихъ памятниковъ народнаго творчества словно само собою поднималось изъ праха. Эти присылы скораго матеріала дали возможность братьямъ выпустить черезъ недолгое время второй сборникъ, а въ 1822 г.—третій сборникъ вновь открытыхъ сказокъ. Маленькій сборникъ для дѣтей вышелъ въ 1825 г., и потомъ сталъ выходить въ безчисленныхъ изданіяхъ, и каждый годъ до нынѣшняго времени не переставалъ и не перестаетъ выходить въ свѣтъ. Вильгельмъ жаловался: „наше время на все способно, только не можетъ искренно и прямо разсказывать“. Но своими сказками они съ братомъ положили починъ этому и вернули языку былую свѣжесть и чистоту его; такъ и Лютеръ „ходилъ къ народу на улицу“ учиться у него „правильно говорить по-нѣмецки“.

За сказками братья Гриммъ выпускаютъ „Hildebrandslieds und des Wessobrunnes Gebets“, въ 1813 г. „Древне-нѣмецкіе лѣса“. Въ предисловіи Яковъ Гриммъ говоритъ: „Мы стремимся къ тому, чтобы снова разбудить дремлющій языкъ, раскрыть снова чудные образцы, которые были закрыты!“ И точно, труды эти вполнѣ оправдывали свои намѣренія. Сказки быстро проникли за предѣлы ихъ родины; уже въ 1820 году являются переводы ихъ на голландскомъ языкѣ, въ 1823—26 на англійскомъ, датскомъ, шведскомъ и французскомъ. Однако, какъ ни радовалъ, молодыхъ ученыхъ успѣхъ ихъ научныхъ трудовъ, оказывавшій имъ помощь и въ матеріальномъ отношеніи, но сердце ихъ болѣло при вѣстяхъ о напастяхъ, обрушивавшихъ ударъ за ударомъ на ихъ родину. Съ напряженіемъ присматривались они къ движенію массы, ожидавшей паденія Наполеона, 30 сентября 1813 г., въ то время, когда главная армія должна была быть у Лейпцига, русскій генералъ напалъ на Кассель, изгналъ короля Джерома и объявилъ королевство Вестфалію вновь возникшимъ. Король Джеромъ еще вернулся на престолъ, но на короткое время, чтобъ навсегда уже распроститься съ Касселемъ. Въ это время всѣ сокровища Касселя, всѣ древности, собранныя въ музеяхъ, галлереяхъ, монастыряхъ были имъ захвачены и отправлены въ Парижъ, по всѣмъ улицамъ длинными рядами стояли нагруженныя повозки. Яковъ, какъ королевскій библіотекарь, самъ долженъ былъ слѣдить за упаковкой драгоцѣнныхъ рукописей и книгъ, и сердце его разрывалось при мысли о разлукѣ съ подобнымъ сокровищемъ. Часть библіотеки онъ сумѣлъ все-таки оставить въ Касселѣ. Битва при Лейпцигѣ и затѣмъ побѣда при Аліэртекѣ рѣшили участь Наполеона и обезпечили свободу страны. 21 ноября прежній курфюрстъ вступилъ въ городъ, и радость народа не имѣла предѣла. Въ декабрѣ 1813 года Яковъ Гриммъ былъ произведенъ секретаремъ при посольствѣ во Францію.

Вильгельмъ получилъ мѣсто библіотекаря въ Касссельской музей-библіотекѣ, а Яковъ Гриммъ въ это время по долгу службы путешествовалъ по Европѣ, былъ въ Майнѣ, Гейдельбергѣ, Карлсруэ, Фрейбургѣ и Базелѣ. Всюду онъ осматриваетъ и роется по библіотекамъ. Затѣмъ послѣ войны ѣдетъ во Францію. Курфюрстъ поручаетъ особой коммиссіи получить обратно изъ Парижа захваченныя изъ Касселя и гессенскихъ за̀мковъ картины, статуи, книги, рукописи и другія рѣдкости. Коммиссія эта состояла изъ камергера фонъ Лейда, директора музея Фензеля и инспектора галлереи Роберта. Въ это же время Гриммъ получилъ приказъ возвратить изъ Парижа вещи, увезенныя изъ Вильгельмсгёгской королевской библіотеки, что̀ ему и посчастливилось. Въ концѣ іюля онъ вернулся въ Кассель, но пробылъ не долго,—его вскорѣ назначили въ Вѣну на вѣнскій конгресъ. Тамъ являлась возможность серьезно заняться дипломатіей, къ чему была открыта ему широкая дорога, и онъ могъ найти себѣ серьезную поддержку. Но онъ отклонилъ всѣ предложенія подобнаго рода, а равно—профессуру въ Вѣнѣ, хорошо оплачиваемыя, потому что ни къ чему подобному не лежало его сердце. Онъ любилъ только одну науку и преданъ былъ ей всей душой, служебныя же занятія только мѣшали бы его научнымъ трудамъ и совершенно безполезно отнимали бы его лучшія силы. Яковъ мечталъ, да и братъ его тоже, объ одномъ—быть независимыми въ работѣ и никѣмъ нетревожимыми. Такъ иногда въ письмахъ къ Вильгельму писалъ онъ о томъ, какъ несносно для него то, что въ свободные часы онъ никакъ не можетъ найти мѣста, гдѣ бы могъ работать, никѣмъ нетревожимый.

Въ Вѣнѣ Яковъ Гриммъ окончилъ двѣ работы, давно уже начатыя, и между прочимъ—40 древне-испанскихъ романсовъ. Въ томъ же году является 2-й томъ „Древне-германскихъ лѣсовъ“, 2 тома сказокъ, и 6 т. „Пѣсенъ древней Эдды“ съ переводомъ и комментаріями. Но не успѣлъ Яковъ Гриммъ вернуться въ Кассель въ 1815 году, какъ его снова посылаютъ въ Парижъ съ порученіями прусскаго князя Карденберга разыскать нѣкоторыя важныя рукописи и бумаги, что̀ и было имъ удачно выполнено. Курфюрстъ назначилъ его секретаремъ вновь образовавшагося посольства во Франкфуртѣ. Но Яковъ Гриммъ только и мечталъ отдѣлаться отъ этой наскучившей ему службы. Около того времени въ Касселѣ какъ разъ умеръ начальникъ кассельской библіотеки Штридеръ, и Якову удалось заручиться мѣстомъ второго библіотекаря съ жалованьемъ 600 талеровъ; на мѣсто Штридера былъ назначенъ совѣтникъ Фёлькель, человѣкъ богато-образованнный, знатокъ греческой и латинской литературы; одновременно онъ былъ назначенъ директоромъ музеума. Вильгельмъ, долгое время уже служившій секретаремъ библіотеки, могъ бы занять теперь мѣсто второго библіотекаря, но, какъ онъ самъ говорилъ, ему дороже была возможность не разлучаться съ братомъ, которому онъ и уступилъ это мѣсто. Съ любимымъ ими Фёлькелемъ они жили душа въ душу. Яковъ отвергъ даже предложеніе занять каѳедру въ университетѣ въ Боннѣ, чтобы также устроиться съ братомъ, съ которымъ онъ готовился начать крупную работу составленіе „нѣмецкой грамматики“.

Такъ вотъ и перебрался онъ въ Кассель и занялъ незавидное мѣсто библіотекаря въ публичной библіотекѣ, гдѣ Вильгельмъ уже два года состоялъ секретаремъ. Онъ былъ настолько облеченъ довѣріемъ, что во время отъѣзда Фёлькеля въ Парижъ полновластно завѣдывалъ всей библіотекой. И здѣсь, въ тихихъ, уединенныхъ залахъ братья пробыли долгіе годы, и чувствовали себя такъ хорошо, какъ только можно мечтать.

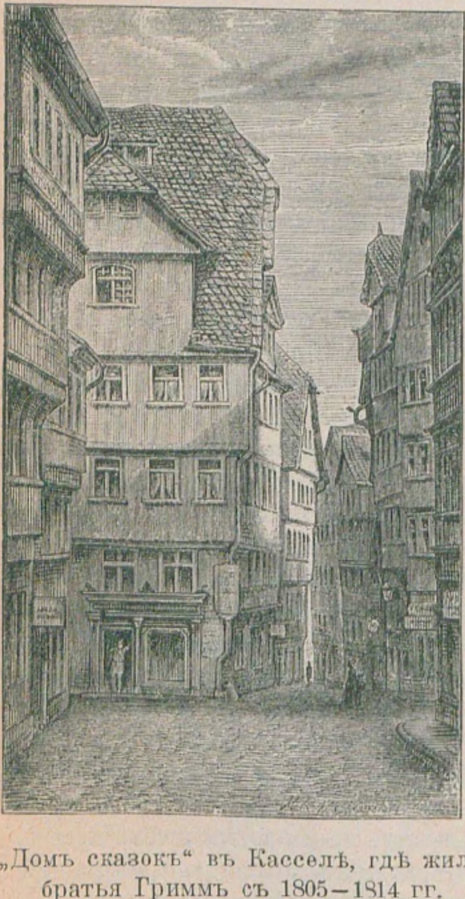
Около этого времени въ періодъ юношескихъ увлеченій стариною братья главнымъ образомъ занимались собираніемъ и печатаніемъ памятниковъ народнаго творчества. Здѣсь появляются ихъ „Нѣмецкія саги“. Много позже—Вильгельмовы „Нѣмецкія героическія саги“.

До 1814 года семья Гриммъ занимала, сначала съ матерью, второй этажъ дома купца Симона Виллэ на Марктгассѣ. Затѣмъ они перебрались къ новымъ Вильгемсгёгскимъ воротамъ,—тамъ жили до 1823 года, а затѣмъ поселились въ роскошномъ угловомъ домѣ на Бельвю и Гергенштрассѣ. Въ друзьяхъ недостатка у Гриммъ не было,—особенно въ дружественныхъ отношеніяхъ братья были съ семьями Вильдъ, Ганшель, Энгельгардъ, Гассенпфлугъ и Рихардъ Гарніеръ

Послѣ смерти матери жизнь братьевъ и сестры приняла новыя формы. Но заботы обыденной жизни не препятствовали тому, чтобы все существованіе Якова и Вильгельма отдавалось все болѣе и болѣе расширяющейся работѣ, не препятствовали имъ время отъ времени находиться въ кружкѣ друзей и подругъ, съ которыми они жили, и въ которомъ они вселяли желаніе принимать посильное участіе въ томъ, что преслѣдовали въ своей работѣ. Труды ихъ и письма доказываютъ, какъ хорошо чувствовали они себя среди этой самовоспитывающейся молодежи.

Это время жизнь въ Касселѣ носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то славнаго, безъискусственнаго. Въ расцвѣтѣ этихъ дней собраны и изданы—„Дѣтскія и семейныя сказки“. Это собраніе сказокъ не есть результатъ въ извѣстномъ направленіи задуманной и выполненной работы, но случайно обнаружившійся результатъ ихъ общей, постоянной дѣятельности. Братья, конечно, имѣли въ виду при составленіи сказокъ дѣтей и желаніе дать имъ интересное чтеніе.

На это указываетъ самое посвященіе перваго изданія 1812 года: „Госпожѣ Елизаветѣ фонъ-Арнимъ для маленькаго Іоганна Фреймундъ“. Фреймундъ былъ первый ребенокъ Ахима и Беттины Арнимъ, недавно явившійся на свѣтъ.



„Домъ сказокъ“ въ Касселѣ, гдѣ жили братья Гриммъ съ 1805—1814 гг.

Въ то время братья Гриммъ, а особенно Вильгельмъ, очень коротко сошлись съ семействомъ Вильдъ, гдѣ Вильгельмъ считался своимъ человѣкомъ. Впослѣдствіи онъ женился на одной изъ дочерей Вильдъ — Доротеѣ Вильдъ. Глава семьи Вильдъ былъ поселившійся въ Касселѣ бернскій бюргеръ, аптекарь, происходившій изъ знатной фамиліи своего родного города; онъ содержалъ въ Касселѣ на Марктгассе, аптеку, занимая квартиру въ одномъ изъ многихъ этажей, вблизи котораго поселилась и бабушка Гриммъ. Не было дома въ узенькой Марктгессе, чья древнѣйшая исторія со всѣми родовыми преданіями не была бы извѣстна Дортхенъ Вильдъ. Она всегда знала что-нибудь новое, чтобы разсказать дѣтямъ изъ жизни сосѣдей. У госпожи Гриммъ было пять сыновей и одна дочь; а въ аптекѣ Вильда жили пять дочерей и одинъ сынъ, нѣкоторые еще совсѣмъ дѣти. Самъ Вильдъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ, онъ владѣлъ въ окрестностяхъ Касселя садами и помѣстьями. Изъ различныхъ помѣтокъ видно, что Доротея Вильдъ много разсказывала Вильгельму Гриммъ всевозможныхъ легендъ и сказокъ. Подъ сказкой „Столикъ накройся“ помѣчено — „Дортхенъ 1-е октября 1811 г.“; подъ „Госпожа Холле“ — „Дортхенъ, 13 октября 1811 г. въ саду“. 9 октября слѣдующаго года Дортхенъ разсказала „Три человѣка въ лѣсу“, и въ тотъ же день — „Всякій сбродъ“; затѣмъ 19 января 1812 г. „Шесть лебедей“, „Поющая кость“ и „Другъ Роландъ“ — у печки; въ бесѣдкѣ разсказаны: „Гензель и Гретель“— 15 января 1813 г. Эта помѣтка „въ саду“ напоминаетъ любовь Доротеи Вильдъ ко всему, что касается сада; „одно желаніе“,—говаривала она часто,—„не исполнилось у нея: владѣть хотя самымъ маленькимъ садикомъ“. Для возмѣщенія этого она устанавливала горшки съ зеленью на окнѣ, около котораго стояли ея стулъ и рабочій столикъ, и радовалась тому.

Въ мысляхъ многихъ, которые читаютъ теперь Гримма дѣтскія и семейныя сказки не какъ дѣтскія, но вдумываются въ происхожденіе ихъ,—невольно возникаетъ мысль, какъ-будто онѣ слово въ слово записаны отъ разсказчиковъ, которые бродили въ народѣ, такъ что не успѣй Гриммъ записать эти сказки первыми, прежде многихъ позднѣйшихъ собирателей,—эти послѣдніе, конечно, присвоили бы право себѣ. По формѣ, въ которой сказки предлагаются братьями Гриммъ народу, благодаря тому, что онѣ переданы именно ими,—сказки снова стали достояніемъ народа, потому что онѣ нисколько не потеряли отъ записи и обработки Гриммъ. Дортхенъ въ юности разсказала „Гензель и Гретель“, но Вильгельмъ не записывалъ ее прямо подъ диктовку,—этого у Гриммъ въ обычаѣ не было. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ Вильгельмъ добавилъ новую часть, гдѣ онъ подробно описываетъ исторію каждой сказки. Подъ „Гензель и Гретель“, между прочимъ, значится помѣтка „По многимъ разсказамъ изъ Гессена“.

Такъ, напримѣръ, хотя при первомъ изданіи онъ и помѣтилъ, что источникомъ служилъ разсказъ Дортхенъ, но въ слѣдующемъ изданіи онъ уже вноситъ добавленіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ вѣдьма говоритъ: „Стукъ-стукъ, стукъ, да брякъ, брякъ, брякъ, кто стучится въ домикъ такъ?“

Послѣ этихъ словъ въ сказкѣ говорилось, что дѣти испугались, и тотчасъ же вышла къ нимъ вѣдьма. Но въ рукописномъ примѣчаніи Вильгельмъ добавляетъ, что Дортхенъ-разсказчица припомнила отвѣты дѣтей:

Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный,
Гость небесный беззаботный.

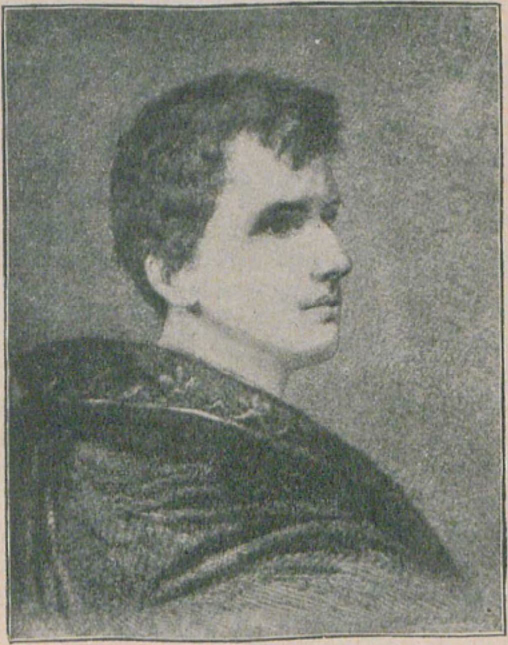
Кромѣ того, Вильгельмъ на ряду „съ различными варіантами“ приводитъ швабскій текстъ этой же самой сказки и другіе варіанты ея. Отсюда уже выясняется, какая требовалась работа по выбору, переложенію и расположенію сказокъ, чтобы дойти до той формы „сказокъ“, въ какой онѣ находятся теперь, и которая вполнѣ отражаетъ духъ нѣмецкаго народа.

Но не одна только Дортхенъ доставляла сырой матеріалъ изъ фамиліи Вильдъ для сборника сказокъ. Участвовали въ этомъ шесть дочерей Вильда; такъ, напримѣръ, разсказаны сказки: „Принцъ Лебедь“ — Гретхенъ, 1807 г., „Пріемышъ“ — то же; „О господинѣ кумѣ воробьѣ“—Гретхенъ 1808 г., „Съ пальчикъ“; „Кошка и мышь въ дружбѣ“ и „Объ украденномъ грошѣ“—1808 г.

Сестры Вильдъ знали сказки, конечно, по разсказамъ ихъ матери, которая, напримѣръ, разсказала Вильгельму сказки: „Соломинка, уголекъ и бобъ“ и „Вошка и блошка“. Дортхенъ почерпала сказки и изъ другого источника. Дѣтской въ аптекѣ Вильда, съ ея. множествомъ ходовъ и переходовъ, лѣсенками, чердаками и пристройками, завѣдывала добродушная женщина, по прозвищу „старая Марія“; ея мужъ былъ убитъ на войнѣ. Отъ нея тоже записано много сказокъ: „Братецъ и сестрица“, „О Маріи“—10 марта 1811 г., „Красношапочка“—осень 1812 г., „Дѣвушка безъ рукъ“—10 марта 1811 г., „Женихъ-разбойникъ“, „Крестникъ смерти“—20 октября 1811 г.. „Путешествія Съ пальчика“, „Царевна - Шиповникъ“ и другія безъ помѣтокъ времени. Быть-можетъ, даже вѣроятно, — Дортхенъ и Гретхенъ только пересказывали, что имъ сказывала „старая Марія“.

Съ семьями Вильдъ и Гриммъ въ близкихъ отношеніяхъ были Гассенпфлугъ. У Людвига Гассенпфлугъ, министра послѣдняго курфюрста гессенскаго, были двѣ сестры, Амалія и Жаннета, подруги Доротеи и Гретхенъ Вильдъ. Многія сказки 1 тома носятъ помѣтку „отъ Гассенпфлугъ“, а нѣкоторыя—„отъ Жаннеты“, и относятся къ 1811—1812 гг. Отъ нихъ Дортхенъ пересказала: „Король

Дроздобородъ“, „Снѣжинка“, „Чортъ и три золотые волоска“, „Господинъ Корбесъ“, разсказаны Жанеттой въ 1810 г. „О портномъ, который скоро разбогатѣлъ“, „Король со львами“, „Мачеха“. Другія имена изъ разсказчиковъ это Августъ Хакетхаузенъ, г-жа Іордисъ и Ахимъ фонъ-Аримъ. Братья и сестры Хакетхаузенъ, хозяйничали въ деревнѣ Бекендорфъ. Братья Гриммъ часто бывали тамъ, и весь сборникъ сказокъ просмотрѣнъ ими сообща съ Хакетхаузенами. Августъ разсказалъ „Всякій сбродъ“, 19 мая 1812 г. Г-жа Іордисъ разсказала сказку „О госпожѣ лисицѣ“ („Von der Frau Füchsin“) въ 1812 году осенью. Отъ брата ея Клэменсъ Бретано, вѣроятно, тоже записаны многія сказки изъ Штейнау. „Миндальное дерево“—изъ сборника Рунге въ Гамбургѣ, откуда она пересказана Ахимъ фонъ-Арнимъ.



Клэменсъ Бентано.

Братья свели знакомство со многими учеными. Вся жизнь въ Касселѣ характеризуетъ ихъ, насколько они были скромны въ своихъ мечтахъ. Они заботились лишь о томъ, чтобы всѣ свои силы употребить на развитіе любви къ родному языку и богатству минувшей старины. И позже, когда занимали высшее положеніе въ обществѣ, они держали себя скромно и не выставляли на показъ своихъ трудовъ. Они во всемъ были скромны,—какъ и въ жизни,—такъ какъ бывали совершенно счастливы, разъ у нихъ былъ обезпеченъ кусокъ хлѣба.

Изъ послѣдующихъ трудовъ братьевъ отмѣтимъ вышедшія въ 1816 и 1818 гг. „Нѣмецкія саги“, собранныя ими еще до собиранія сказокъ.

Со времени выхода въ свѣтъ нѣмецкихъ сагъ ученыя задачи братьевъ расходятся все больше и больше. Вильгельмъ остался вѣренъ романтизму; онъ углублялся въ изученіе сагъ о герояхъ изданіями старинныхъ поэтовъ; дальнѣйшее собираніе и улучшеніе сказокъ почти все окончательно принадлежитъ ему. Яковъ Гриммъ посвящаетъ себя болѣе серьезнымъ трудамъ, доставившимъ ему почетное мѣсто среди первыхъ языковѣдовъ и филологовъ; въ 1819 г. явился въ Геттингенѣ 1-й томъ „Нѣмецкой грамматики“. Въ 1820 г. послѣдовало 2-е, исправленное, улучшенное изданіе ея, а въ 1826 — 1831—2-й и 3-й томы. Въ 4-й томъ (1837 г.) вошелъ синтаксисъ, и за этотъ трудъ еще въ 1819 году Марбургскій университетъ возвелъ Якова Гримма въ званіе доктора философіи.

1821 годъ принесъ съ собою непріятныя перемѣны въ жизни братьевъ Гриммъ. Умеръ курфюрстъ Вильгельмъ I. Его супруга, Каролина, пережила его лишь на одинъ годъ. Съ восшествіемъ на престолъ ихъ сына, Вильгельма II, при дворѣ произошли большія измѣненія въ штатѣ служащихъ. То же произошло и въ штатѣ служащихъ при библіотекѣ. Было потребовано, чтобы представили для контроля въ самое короткое время списокъ всѣхъ книгъ, поименованныхъ въ 80 томахъ большого размѣра. „Всѣ доводы не вели ни къ чему“,—разсказываетъ Яковъ Гриммъ,—„и мы, Фёлькель, братъ и я, приложили руки, и въ теченіе четверти года неустанно коптѣли надъ этой работой, въ пользѣ которой мы сильно сомнѣвались. Охотно работаешь все, что приноситъ хотя какую-нибудь пользу, но это занятіе, подтверждаю, было самое тяжелое въ моей жизни и изводило меня часами и днями“. Но они все-же окончили работу и были еще настолько бодры, что выпустили въ 1827 году переводъ восхитительныхъ „Ирландскихъ сказокъ“ и другія крупныя работы. Годъ спустя явилась прославленная книга Вильгельма Гриммъ „Нѣмецкія геройскія саги“, продолженіе „Древне-германскихъ лѣсовъ“.

Въ 1825 году Вильгельмъ Гриммъ женился на Генріэттѣ Дортхенъ Вильдъ; Яковъ остался холостымъ.

Юная чета заняла помѣщеніе въ томъ же домѣ на Бельвю, и Яковъ Гриммъ крестилъ у нихъ перваго ребенка. Братья оставались жить вмѣстѣ по-прежнему. Интересныя свѣдѣнія изъ ихъ жизни, характеризующія ихъ нѣжныя, деликатныя натуры, даютъ намъ воспоминанія сына Вильгельма Гриммъ—Германа Гриммъ; любящіе другъ-друга, внимательные, вотъ, напримѣръ, какъ отмѣчали они семейныя торжества.

„Дни рожденія ихъ бывали торжественными днями для насъ, дѣтей. Насколько я припоминаю, Яковъ постоянно получалъ одну и ту же серебряную тарелку, которая употреблялась только единственно въ этомъ случаѣ, съ цѣлою горой кистей винограда; онъ уносилъ ее къ себѣ въ комнату, вмѣстѣ съ парой вышитыхъ туфель, которыя, получивъ, мгновенно схватывалъ и нюхалъ свѣжія подошвы, потому что ему очень нравился запахъ кожи отъ корешковъ переплетеныхъ книгъ.

„Отецъ мой точно такъ же получалъ 24-го февраля горшокъ съ блѣдно-розовой буквицей,—его любимѣйшій цвѣтокъ, съ которымъ и по сей часъ для меня соединяются воспоминанія о днѣ рожденія. Первую свѣтлую половину ихъ жизни я знаю только изъ писемъ и разсказовъ.

„Жизнь въ Касселѣ только съ тѣхъ поръ получаетъ для меня осязательную форму, когда бабушка покинула Штейнау и перебралась со всѣми дѣтьми въ Кассель. Яковъ разсказываетъ, что однажды мать пріѣхала навѣстить ихъ прежде своего окончательнаго переѣзда къ нимъ. Онъ ходилъ съ нею по всѣмъ улицамъ, показывая городъ. И когда онъ велъ ее подъ руку и сознавалъ то, что она снова была съ нимъ, — это были счастливѣйшія минуты его жизни, какія онъ только припомнить можетъ“.

Въ январѣ 1829 года совершенно неожиданно умеръ Людвигъ Фёлькеръ, директоръ библіотеки и музеума. Братья были увѣрены, что Яковъ Гриммъ займетъ мѣсто перваго библіотекаря, а Вильгельмъ—второго. Но вышло иначе. Гессенскій исторіографъ Христофоръ Роммель, описавшій исторію гессенскихъ курфюрстовъ, былъ приглашенъ въ Кассель директоромъ городского архива,—онъ лучше умѣлъ заранѣе заручиться необходимыми связями и отношеніями, результатомъ чего было его назначеніе директоромъ библіотеки и музеума. Братья Гримма ждали хотя прибавки за свою долгую службу жалованья по 100 талеровъ,—но тщетно.

Все это глубоко оскорбило братьевъ Гриммъ. И въ это самое время они какъ-разъ получаютъ приглашеніе отъ гёттингенскаго университета. Яковъ получилъ приглашеніе отъ ганноверскаго правительства занять мѣсто профессора нѣмецкаго языка и словесности и библіотекаря, а Вильгельмъ—суббиблiотекаря военнаго училища. Тяжела была для братьевъ разлука съ родиной. Друзья горевали съ ними, враги радовались; весь Кассель говорилъ о томъ, а самъ курфюрстъ обмолвился:

— Какъ? Господа Гриммъ уходятъ? О, радость! Они ничего не дѣлали для меня!

Братьямъ Гриммъ приходилось выносить множество мелкихъ обидъ, непріятностей, — и это послѣ того, какъ имя ихъ было извѣстно далеко за предѣлами ихъ родины!

Мало того,—когда пришелъ ганноверскій королевскій рескриптъ, приглашавшій братьевъ Гриммъ 20-го окт. 1830 г. пожаловать въ ганноверскій университетъ, и братья Гриммъ отдали визитъ курфюрсту, — директоръ библіотеки заявилъ, что въ виду приведенія въ окончательный порядокъ документовъ и актовъ они получаютъ отпускъ не раньше ноября. Братьямъ Гриммъ было разрѣшено отъ ганноверскаго правительства сдать библіотеку, тѣмъ не менѣе подобныя непріятности глухо волновали ученыхъ.

Такъ, были почти изгнаны двое ученыхъ, служившихъ вѣрой и правдой родинѣ въ теченіе столькихъ лѣтъ, — ученые, дружбой съ которыми гордились многіе знаменитые современники.

Разъ на обѣдѣ курфюрста знатный сановникъ королевства саксонскаго выразилъ сожалѣніе объ удаленіи такихъ свѣтилъ науки, какъ Гриммъ, имена которыхъ гремятъ въ Европѣ. Удивленный курфюрстъ спросилъ у директора библіотеки и музеума Роммеля, правда ли, что братья Гриммъ такіе знаменитые ученые, и тотъ волей-неволей, желая угодить саксонскому посланнику, подтвердилъ его мнѣніе. Графиня Рейхенбахъ сказала: „Ай, г. Роммель, вы не всегда такъ отзывались о нихъ! Вѣдь, вы же одни и виноваты въ удаленіи Гриммъ!..“ Когда же Роммель сталъ защищать себя, она добавила: „Ну, если вы не были сами палачомъ на висѣлицѣ, то лѣсенку приставили ужъ вы!“

Уже въ 1829 году братьямъ Гриммъ было предложено мѣсто въ библіотекѣ съ повышеніемъ жалованья до 1600 талеровъ, но на три приглашенія братья отвѣчали отказомъ: „Мы связаны словомъ съ ганноверскимъ правительствомъ“.

Да, теперь было поздно!

Вотъ что пишетъ Вильгельмъ о своей разлукѣ съ родиной: „Я покидаю Гессенъ и Кассель, гдѣ провелъ большую часть жизни, съ огорченнымъ сердцемъ, и привязанности этой не потушить. Мать, ребенокъ и тетка, которую любилъ я какъ мать, лежатъ здѣсь, другъ около друга... А намъ не могутъ бросить въ лицо недостатка любви къ родинѣ“... Долго, долго щемило сердце въ разлукѣ съ родиной, прежде нежели и здѣсь братья не образовали вокругъ себя тѣсный кружокъ друзей,—людей, расположенныхъ къ нимъ. Да и изъ Касселя посѣщало ихъ немало друзей и знакомыхъ.

Любопытныя свѣдѣнія объ ихъ совмѣстной жизни, а равно о характерахъ и наклонностяхъ ихъ даютъ намъ слѣдующія строки изъ тѣхъ же воспоминаній Германа Гримма:

„Я родился въ Касселѣ, но самыя раннія мои воспоминанія относятся къ Гёттингену. Я помню, какъ ребенкомъ я осторожно расхаживалъ, бывало, въ ученой комнатѣ моего отца и „Апапá“, какъ мы, дѣти, называли Якова Гримма и какъ знали его подъ этимъ именемъ всѣ друзья дома. Слышно было только поскрипываніе перьевъ, или порою легкое покашливаніе Якова. Онъ низко наклонялся къ самой бумагѣ, у его пера верхняя часть была низко срѣзана, и писалъ онъ быстро и ревностно; мой отецъ оставлялъ длинное перо нетронутымъ до самой вершины и писалъ спокойнѣе. Черты лица того и другого постоянно измѣнялись; брови то поднимались, то опускались; иногда они вглядывались въ пустое пространство, часто вставали, вынимали книгу изъ шкапа и перелистывали ее. Я не могъ себѣ даже вообразить, чтобы кто-нибудь рѣшилъ нарушить эту таинственную тишину.

„Рабочія комнаты братьевъ въ Гёттингенѣ выходили въ садъ. Вдалекѣ возвышалась липа и виднѣлся досчатый заборъ. Я слыхивалъ отъ служанокъ, что гдѣ-то кончается свѣтъ и забранъ онъ тоже досками, и вотъ въ своихъ ребяческихъ думахъ я воображалъ, что за этимъ-то заборомъ конецъ свѣта и есть.

„Самое далекое разстояніе, казалось мнѣ, было до Касселя. Туда разъ въ году ѣздило все наше семейство изъ Гёттингена со множествомъ сундуковъ, нагруженныхъ на особой повозкѣ. Когда мы, бывало, проѣзжали мимо льва изъ песчаника, который показывалъ гессенскія границы, я чувствовалъ себя на родинѣ. Вмѣсто ганноверскихъ тополей вдоль шоссе стояли рябины. Да и отецъ и дядя, будучи въ Гёттингенѣ, чувствовали себя вдали отъ родины. Яковъ только тѣмъ и утѣшался, что на томъ и на этомъ мѣстѣ видны были однѣ и тѣ же звѣзды на небѣ. Его первая академическая лекція въ Гёттингенѣ была на тему о тоскѣ по родинѣ. Я самъ только немногіе годы жилъ въ Гессенѣ, когда мы должны были покинуть Гёттингенъ и возвратиться въ Кассель, до тѣхъ поръ, когда послѣдовалъ отзывъ нашъ въ Берлинъ; однако, никогда не испытывалъ я болѣе тяжелаго чувства по поводу того, что я—въ Гессенѣ, гдѣ не видно липъ, горъ и долинъ, и даль не открывается чудной панорамой. Я думаю, и воздухъ тамъ былъ другой. Мать моя всегда говорила на гессенскомъ нарѣчіи. Этотъ гессенскій выговоръ словъ имѣлъ для меня какую-то чарующую прелесть. Онъ, кажется мнѣ, выхваченъ прямо изъ сказочнаго міра, и на всемъ написанномъ Яковомъ и Вильгельмомъ лежитъ его оттѣнокъ.

„Больше всего мои дѣтскія воспоминанія относятся къ жизни нашей въ Гёттингенѣ. На окнахъ рабочей комнаты отца и дяди стояли ихъ любимые цвѣты. У Якова—златоцвѣтъ-ноготки и геліотропъ, у Вильгельма, какъ я уже сказалъ, — буквицы, съ ихъ пріятнымъ запахомъ. Первый признакъ, которымъ отличался его письменный столъ, это — стоящій рядомъ съ нимъ цвѣточный горшокъ. У братьевъ было то же дружественное отношеніе и любовь къ природѣ, какъ у Гёте. Все цвѣтущее и пускающее ростки радовало ихъ, на ихъ столахъ лежало множество разныхъ камней вмѣсто прессъ-папье; на столѣ Якова — иной разъ сросшіеся кусочки окаменѣлой раковины, на Вильгельма — горный хрусталь. Ихъ письменные столы со всѣмъ, что только на нихъ находилось, пожертвованы германскому музеуму въ Нюренбергѣ, гдѣ они тщательно и ревниво сберегаются. Стихотвореніе Платена на жимолость, которую будто бы поэтъ поздней осенью нашелъ во время своей прогулки,—я слышалъ, какъ отецъ часто читалъ растроганный, а гётевская „Фіалка“, которую переложилъ на музыку Моцартъ, была ему особенно пріятна. У обоихъ братьевъ была одна и та же страсть собирать и приносить съ собой со своихъ прогулокъ цвѣты и листья, которые они укладывали въ книги, особенно часто употреблявшіяся ими. Часто находили, что на высохшемъ листочкѣ было написано время и мѣсто, когда и гдѣ они сорваны. Всю жизнь братьевъ сопровождаютъ подобные знаки. Часто встрѣчаются они вложенные въ особую бумагу, и при этомъ намѣчены ближайшія обстоятельства. Такъ, я нашелъ листъ клевера, который отецъ взялъ съ собою въ тотъ день, когда моего старшаго брата, Якова, рано умершаго, похоронили рядомъ съ его бабушкой. Въ книгахъ Якова и Вильгельма лежатъ много листиковъ и цвѣтовъ, свидѣтельствующихъ о материнской могилѣ. Я нашелъ между вторыми рукописями вложенный въ бумагу высохшій розовый бутонъ, а рядомъ приписано: „*Отъ милой матери, съ ея могилы 18-го іюня, въ 8 часовъ, сорванъ мною для моего милаго брата на память обо мнѣ*“. Года и который изъ братьевъ здѣсь подразумѣвается, недостаетъ. Былъ у отца и другой любимый цвѣтокъ. Въ письмѣ моей матери, которое она писала послѣ его смерти, говорится: „Эти маргаритки — съ могилы милаго Вильгельма. Она вся усыпана ими, а между тѣмъ никто не сѣялъ ихъ; а осенью надо посадить поэтому лиліи,—это были любимые цвѣты его, матери его и Лотты“.

У Якова въ его комнатѣ была бронзовая статуэтка Гёте, у Вильгельма—бѣлый бюстъ Гёте. Послѣдній былъ ихъ величайшимъ авторитетомъ. Ихъ общая „милая“ библіотека, которую они собирали еще студентами, находилась въ комнатѣ Якова. Какъ библіотекари, они заботились о тщательной разстановкѣ книгъ и обращались съ книгами какъ со своими подчиненными, заслуживающими уваженія. Книжныя полки были низкія, чтобы можно было послѣдній рядъ достать рукою. Съ вышины этихъ полокъ смотрѣли написанные масляными красками фамильные портреты предковъ и родственниковъ. Въ составъ библіотеки входило все, что только было высшаго изъ произведеній разныхъ націй, а наилучшія произведенія Яковъ отмѣчалъ богатыми переплетами. Шкафъ Гриммъ подаренъ королевской публичной библіотекѣ въ Берлинѣ, онъ содержитъ въ себѣ все наслѣдство рукописей братьевъ и ихъ корреспонденцію.

Зимою 1830—1831 г. Вильгельмъ заболѣлъ такъ опасно, что жена опасалась за его жизнь. Но мало-по-малу, благодаря попеченіямъ жены и брата, онъ поднялся на ноги. Въ посвященіи 3 тома грамматики Яковъ писалъ: „Милый Вильгельмъ, когда прошлой зимой лежалъ ты больной, я думалъ о томъ, что, быть-можетъ, твои вѣрные глаза никогда не устремятся на эту книгу, и сидѣлъ я на твоемъ стулѣ и смотрѣлъ съ неописаннымъ горемъ, какъ аккуратно и тщательно обращался ты, читая, съ моими первыми томами; мнѣ казалось, что для тебя только и писалъ я эти книги и что если отнимутъ тебя отъ меня, я уже не въ силахъ буду окончить этого труда! Милость Господня сохранила намъ тебя, поэтому, по праву, тебѣ принадлежитъ и книга“.

Трогательно вспомнить, какъ страшился за жизнь брата Яковъ. Ухаживаніе за больнымъ заставляло его манкировать занятіями, и разъ, явившись на публичную рѣчь въ коллегію и сильно опоздавъ, онъ просто, но трогательно извинился: „Мой братъ такъ боленъ!“

Вильгельмъ вообще часто хворалъ, но Яковъ никогда не былъ боленъ.

Въ 1831 г. Вильгельмъ изъ суббибліотекаря произведенъ въ сверхштатные профессора, а въ 1835 г.—въ штатные профессора философскаго факультета. А Яковъ отъ одной работы переходилъ къ другой, вскорѣ закончилъ раньше начатую работу „Рейнгардъ Лисъ“, собраніе латинскихъ, нѣмецкихъ и нидерландскихъ стиховъ, животнаго эпоса, но большую славу доставила ему книга „Нѣмецкая миѳологія“.

Недолго было пребываніе братьевъ въ Гёттингенѣ. Въ 1837 году, послѣ смерти короля Вильгельма IV, герцогъ кумберландскій Эрнстъ-Августъ рѣшилъ уничтожить правленіе короля, съ согласія народа, и другія льготы, дарованныя его братомъ. Всѣ были возмущены, а особенно нѣсколько профессоровъ гёттингенскаго университета. Душою противной ему партіи былъ историкъ Дальманъ, на его сторону стали Яковъ Гриммъ и Георгъ Гервинусъ. Они сначала думали переманить къ себѣ большинство академическаго сената, но, по словамъ Вильгельма Гримма, „мужество многихъ гг. профессоровъ осыпало листья, словно деревья осеннею порой, во время ночного мороза. Только семь человѣкъ остались твердыми противниками, получившими въ исторіи имя „Гёттингенскіе семеро“: Дольманъ, Гервинусъ Альбрехтъ, Эвальдъ, Веберъ, Вильгельмъ и Яковъ Гриммъ, которые получили приказаніе въ теченіе трехъ дней покинуть Ганноверъ. Когда изгнанники проѣзжали гессенской деревней, Яковъ, большой любитель дѣтей, хотѣлъ, было, протянуть руку стоявшему у дороги мальчугану,—дитя спряталось за спину бабушки. „Дай господину руку; это—изгнанникъ“,—сказала она. Эти слова такъ глубоко поразили сердце Якова Гримма, что онъ никогда не могъ забыть этого. Дальше встрѣтила ихъ на пути молодежь, распрягла повозки и на себѣ повезла къ гостиницѣ. Тамъ ждали своихъ трехъ коллегъ многіе учителя высшихъ училищъ. Встрѣча была трогательная. 50—60 человѣкъ усѣлись съ изгнанниками провожать ихъ дальше до Касселя, куда прибыли ночью. Гервинусъ отправился оттуда въ Дармштадтъ, Дальманъ—въ Лейпцигъ,—имъ было запрещено останавливаться здѣсь,—а Яковъ Гриммъ, какъ гессенскій уроженецъ, нашелъ пристанище у брата Людвига, профессора академіи художествъ въ Касселѣ, на Бельвю, тамъ гдѣ они жили съ 1823 до 1829 года. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переѣхалъ сюда и Вильгельмъ съ семьей.

Братья скоро замѣтили, что все общество было расположено къ нимъ. Заботы о будущности были уже многими облегчены. При одномъ извѣстіи объ ихъ изгнаніи въ Лейпцигѣ образовался особый комитетъ, во главѣ котораго стояли купцы Карлъ Реймеръ, Саломонъ Хирдель, Отто Виганъ и многіе ученые. Ото всѣхъ горожанъ имъ присылали сочувственные адресы. Братья продолжали работать за это время, и Вильгельмъ выпустилъ въ свѣтъ „Пѣснь о Роландѣ“, „Золотая кузница“, „Сильвестръ“. Но самымъ крупнымъ предпріятіемъ было составленіе большого нѣмецкаго словаря, которое предложило имъ книгоиздательство въ Лейпцигѣ Карла Реймера. Лѣтомъ Яковъ Гриммъ поѣхалъ въ Лейпцигъ условиться относительно этого изданія, а также надѣясь найти мѣсто при университетѣ. Послѣдняя надежда не оправдалась, и всѣ силы его были устремлены на работу надъ словаремъ; 14 лѣтъ трудился онъ надъ нимъ, прежде чѣмъ появились первые выпуски въ 1852 году. Страшно подумать, когда узнаешь, что матеріаломъ снабдили братьевъ Гриммъ труды 83-хъ ученыхъ, собранные за время четырехъ столѣтій, и то, что весь трудъ состоялъ изъ 600.000 записокъ. Каждое слово снабжено корнемъ, производствомъ, историческимъ значенiемъ его. Братья рѣшили заняться изслѣдованiемъ и изученiемъ словъ XVI, XVII и XVIII столѣтiй. И Яковъ замѣтилъ при этомъ: „Я думаю, всѣ слова въ ихъ красотѣ и силѣ лютеровскаго времени должны быть извлечены изъ праха въ настоящее время“. Между тѣмъ ихъ друзья, особенно Беттина фонъ-Арнимъ, хлопотали за нихъ въ Берлинѣ при дворѣ. Однако, сначала сами братья возставали противъ того. Савиньи и Лахманъ хлопотали, чтобы имъ была выдана должная награда отъ берлинской академiи за такой трудъ, какъ словарь. Но братья отклонили ихъ ходатайство, потому что, какъ Вильгельмъ писалъ Беттинѣ, „они не хотятъ ѣсть хлѣба, о которомъ еще не знаютъ, заслуженъ ли онъ ими“.

Но въ 1840 г. вступилъ на прусскiй престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Отъ этого просвѣщеннаго, высоко-образованнаго короля народъ ожидалъ многаго. Онъ вскорѣ же вызвалъ братьевъ Гриммъ къ себѣ въ Берлинъ; онъ очень интересовался ими, еще будучи кронпринцемъ, охотно занимался съ ними, иногда ратовалъ за нихъ и изыскивалъ разныя средства, какъ бы имъ помочь.

Въ 1840 г. Вильгельмъ Гриммъ посылаетъ Беттинѣ Арнимъ 4-е изданiе „Сказокъ“ съ надписью:

„Съ того рокового времени, нарушившаго нашу мирную жизнь, вы всегда принимали участiе въ нашей судьбѣ съ теплой вѣрностью, и я ощущаю это участiе такъ же благодѣтельно, какъ и теплоту голубого неба, которое заглядываетъ въ это время въ мою комнату и на которомъ я различаю восходъ солнца и его закатъ за далекiя горы и подъ которымъ протекаетъ сверкающая рѣка; запахъ апельсиновыхъ цвѣтовъ и сливъ возносится ко мнѣ изъ парка, и я ощущаю себя обновленнымъ юношески къ любви и ненависти.

„Могу ли я пожелать лучшаго времени, чтобы снова заняться этими сказками?“—надписалъ я въ 1813 году на второмъ томѣ, въ то время, когда всѣ мы были стѣснены въ квартирѣ и русскiе солдаты шумѣли въ сосѣдней комнатѣ,—но тогда было чувство освобожденiя, весенняго вѣтра, которое расширяло грудь и развѣивало всякую заботу“.

Приводимъ здѣсь еще нѣсколько посвященiй, рисующихъ нѣжную преданность Вильгельма къ человѣку, мало-мальски обласкавшему его и принявшему въ немъ участiе.

Г-жѣ Беттинѣ фонъ-Арнимъ.

Милая Беттина, эта книга снова возвращается къ вамъ, подобно тому, какъ вылетѣвшій голубь снова ищетъ свое родное мѣсто и спокойно согрѣвается подъ родимымъ солнышкомъ. 25 лѣтъ тому назадъ Арнимъ положилъ вамъ эту книгу въ зеленомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ среди рождественскихъ подарковъ. Насъ радовало то, что онъ такъ цѣнитъ эту книгу, и онъ не могъ намъ болѣе выразить лучшей благодарности. Арнимъ былъ именно тотъ, кто въ бытность свою у насъ въ Касселѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль побудилъ насъ къ выпуску ея въ свѣтъ. Какое участіе принималъ онъ во всемъ, что напоминало собою его собственную жизнь!..

Изъ нашего собранія ему всего больше понравились эти сказки. Онъ полагалъ, что намъ не слѣдъ откладывать на слишкомъ долго это дѣло, потому что при стремленіи къ совершенству „дѣло будетъ лежать безъ конца“. „Все уже начисто и изящно написано“, — прибавлялъ онъ при этомъ съ добродушной ироніей, потому что отличался не слишкомъ-то четкимъ почеркомъ. Ходя по комнатѣ взадъ и впередъ, прочитывалъ онъ отдѣльные листки, въ то время какъ ручная канарейка, изящными взмахами крыльевъ поддерживая равновѣсіе, сидѣла на его головѣ, гдѣ среди его пышныхъ локоновъ чувствовала себя очень уютно. Эта благородная голова вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ покоится въ могилѣ, но и до сихъ поръ меня трогаетъ воспоминаніе о томъ, какъ-будто бы я только еще вчера видѣлъ его въ послѣдній разъ, какъ-будто стоитъ онъ на зеленой муравѣ, какъ дерево, потрясающее въ утреннихъ лучахъ свою крону. Наши дѣти стали уже взрослыми, и имъ уже не требуются больше сказки. Вамъ предстоитъ тяжкое, скучное перечитываніе ихъ сызнова; но неисчерпаемая юность вашего сердца, конечно, охотно приметъ отъ насъ даръ самой вѣрной дружбы и любви.

Съ этими словами препровождалъ я къ вамъ книгу три года назадъ изъ Гёттингена, нынче шлю ее вамъ снова, какъ и въ первый разъ, но съ моей родины. Въ Гёттингенѣ изъ своей рабочей комнаты я могъ только видѣть поверхъ крышъ поднимающіяся осины, которыя посадилъ позади своего дома Гейне и которыя выросли со славою университета; листья ихъ были желтые и готовы были осыпаться, когда я покидалъ свое жилище 3-го октября 1838 года; и не вѣрится мнѣ, что я хоть когда-нибудь еще увижу ихъ въ весеннемъ уборѣ. Я долженъ былъ еще нѣсколько недѣль пробыть тамъ и провести ихъ въ домѣ одного моего друга, въ сообществѣ тѣхъ, которыхъ я полюбилъ и которые остались мнѣ дороги... Я прибылъ въ сумерки и вступилъ въ тотъ самый домъ, который я покинулъ восемь лѣтъ назадъ въ жестокій холодъ; какъ былъ я изумленъ, когда нашелъ васъ, милая Беттина, сидящую среди моихъ, подающую помощь моей больной женѣ.

На этотъ разъ я могу вамъ, милая Беттина, передать въ руки книгу, которая нѣкогда прибыла издалека. Вы нашли намъ домикъ внѣ стѣнъ, тамъ, гдѣ на опушкѣ лѣса, образовался новый городъ, защищенный деревьями, окруженный зеленымъ дерномъ, розовыми кустами и цвѣточными гирляндами, не тревожимый громкимъ шумомъ суматохи. Когда въ прошломъ году, въ жаркое лѣто, въ утреннюю пору, въ прохладной тѣни дубовъ воздухъ мало-по-малу словно свѣвалъ съ меня какую-то тягость, которая угнетала меня послѣ болѣзни, я благодарно позналъ, какъ хорошо позаботились вы о насъ. Я не приношу вамъ одного изъ роскошныхъ растеній, которыя выращиваются здѣсь въ королевскомъ саду, ни золотой рыбки изъ темныхъ водъ, но почему же не принести мнѣ вамъ снова эти невинные цвѣты, которые вѣчно свѣжіе выходятъ изъ-подъ земли? Я же самъ наблюдалъ, какъ вы разъ стояли въ глубокомъ молчаніи надъ самымъ простымъ цвѣткомъ и съ юношескою радостью заглядывали въ его чашечку.

Вильгельмъ Гриммъ.

Берлинъ, 1843.

Въ ноябрѣ 1840 года Яковъ и Вильгельмъ Гриммъ были избраны членами берлинской академіи наукъ „въ уваженіе къ ихъ почтеннымъ трудамъ“, и хотя не было вакантнаго мѣста профессорской каѳедры въ берлинскомъ университетѣ, но Яковъ, а впослѣдствіи и Вильгельмъ получили право читать лекціи въ университетѣ. Каждому было назначено по 2000 талеровъ.

Яковъ тотчасъ поѣхалъ въ Берлинъ; всюду его встрѣчали съ восторгомъ. Тамъ онъ узналъ, что король возвысилъ жалованье ему и брату до 3000, такъ что отнынѣ наступалъ конецъ заботамъ о насущномъ хлѣбѣ и на первый планъ выступаетъ занятіе всецѣло наукой. Братья вскорѣ завоевали все лучшее избранное общество и стали во главѣ его. О нихъ говорили, ими восторгались, ихъ дружбы искали. Но и въ этомъ исключительномъ положеніи они оставались вѣрны родинѣ, и послѣдній крестьянинъ, являвшійся случайно къ нимъ по дѣлу, встрѣчалъ у нихъ самый дружескій, родственный пріемъ. Почти 20 лѣтъ провели они въ Берлинѣ. Этотъ періодъ ихъ жизни былъ тихъ и безмятеженъ. Въ университетѣ братья только первые годы читали лекціи; остальное время они работали при академіи, и ихъ рѣчи, доклады считались образцомъ ораторскаго искусства.

Имя Якова Гриммъ встрѣчается еще и въ 1846 и 1847 годахъ.

По почину нѣкоторыхъ ученыхъ было рѣшено учредить собраніе германистовъ,—людей, которые горячо преданы своей родинѣ и изучаютъ нѣмецкое право, исторію и языкъ. Вызовъ палъ на плодородную почву и охватилъ почти весь народъ; былъ собранъ первый съѣздъ германистовъ, кончившійся торжествомъ въ честь Якова Гримма. Второй съѣздъ былъ въ 1847 г. въ Любикѣ. У всѣхъ осталось въ памяти, какъ благодарилъ Яковъ Гриммъ за тостъ, въ которомъ его назвали владѣтелемъ трехъ царствъ: права, исторіи и языка. Глубоко тронутый, онъ отвѣчалъ на то:

„Надо мною скоро станетъ расти трава. Если вспомнятъ тогда обо мнѣ,—одного желаю я, чтобы обо мнѣ сказали то, что я самъ о себѣ смѣю сказать, именно: что во всю жизнь я ничего больше не любилъ такъ, какъ свою родину!“—И, растроганный, онъ обнялъ Дальмана.

Въ 1853 г. явилось второе изданіе книги Якова Гримма „Исторія нѣмецкаго языка“. Яковъ дожилъ только до выпуска трехъ томовъ (буквы A, B, C, D, E и F). До сихъ поръ закончены только четыре тома. Въ январѣ 1857 г. библіотекари кассельской библіотеки поздравляли Якова Гримма съ 50-тилѣтнимъ служеніемъ дѣлу. Яковъ благодарилъ ихъ въ письмѣ.

„Вы припомнили незначительный день, память о которомъ исчезла и у меня, — писалъ онъ, — и никто здѣсь уже не знаетъ о томъ... Кто можетъ сказать, что̀ хорошо людямъ, что̀ помогаетъ, что вредитъ? Меня постоянно вырывали, и корни мои постоянно должны были начинать свою работу сызнова. Жить на родинѣ, это, чувствую,—моя настоятельная потребность и награда мнѣ,—я провелъ тамъ самую юною и счастливѣйшую пору моей жизни, и воспоминаніе о томъ неразлучно связано со мною, крѣпче, чѣмъ что другое“.

Послѣдніе годы жизни братьевъ прошли тихо, спокойно въ матеріальномъ отношеніи, но многое тяжело угнетало ихъ. Въ 1857 году ихъ глубоко поразила смерть друга ихъ Карла Лахмана, философа, и подруги ихъ Беттины фонъ-Арнимъ въ 1859 г. Они чувствовали, что дни ихъ сочтены, и это отчасти успокаивало ихъ и ослабляло чувство горести. Но въ эту мрачную пору одинъ свѣтлый лучъ озарилъ ихъ. Случай показалъ имъ, какъ глубоко запало ихъ имя вмѣстѣ со сказками въ дѣтское сердце.

Однажды какая-то дѣвочка, лѣтъ 8-ми, позвонила у дверей Якова Гримма и сказала лакею, что она желала бы переговорить съ г. профессоромъ. Яковъ привѣтливо принялъ ребенка и спросилъ, что ей угодно.

— Ты это написалъ хорошенькія сказки?—спросила дѣвочка.

— Да, дитя мое,—отвѣтилъ Яковъ,—мой братъ и я написали эти сказки.

— Ну, значитъ, ты написалъ и ту сказку про умнаго портняжку, гдѣ говоришь, что кто не вѣритъ, платитъ талеръ? *)

— Это мой братъ написалъ, – отвѣтилъ Яковъ и проводилъ ребенка съ Дортхенъ въ комнату Вильгельма. Тамъ дѣвочка снова повторила свой вопросъ и потомъ попросила позволенія прочесть что-нибудь изъ книги, которую она держала подъ мышкой. И она прочла хорошо, естественно и съ выраженіемъ про умнаго портняжку и закончила:

— Ну, вотъ, видишь, я и не вѣрю, чтобы портняжка могъ повѣнчаться съ королевной! А такъ какъ я не вѣрю, значитъ, я должна тебѣ заплатить талеръ; но я получаю мало карманныхъ денегъ и въ одинъ разъ уплатить всего не могу.

И съ этимъ она вынула изъ розоваго кошелька деньги и подала Вильгельму Гримму. Тотъ сказалъ:

— Я возвращаю тебѣ гроши, какъ подарокъ.

---

*) „Умный портняжка“. Въ нашемъ изданіи см. III-й томъ.

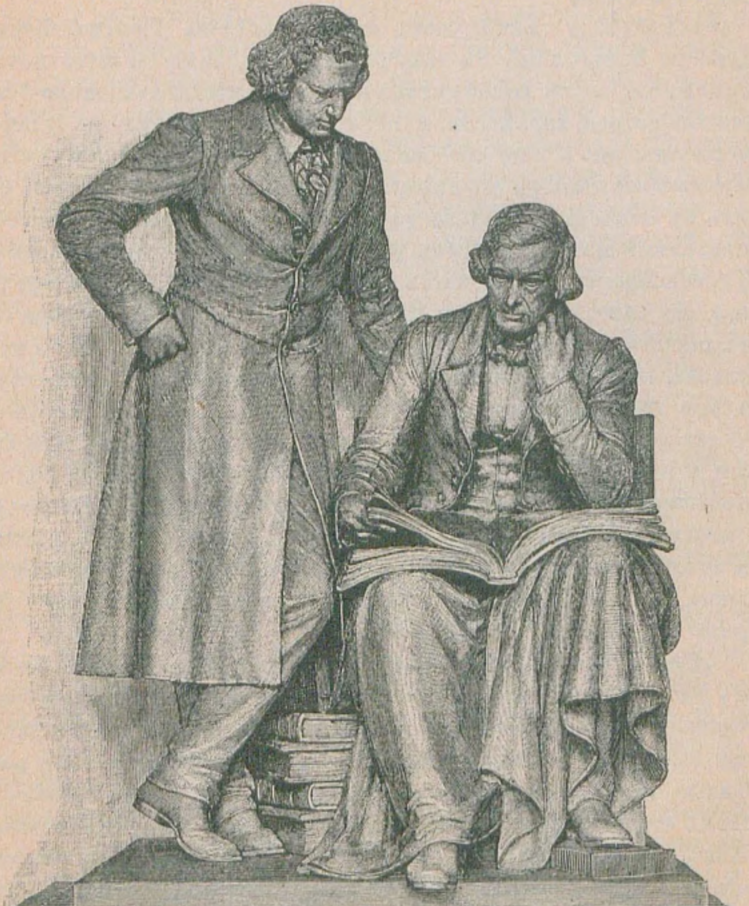
— Нѣтъ, — отвѣтила она, — мама говоритъ, денегъ въ подарокъ брать нельзя, — затѣмъ она вѣжливо распростилась со старыми господами и ушла.

Въ 1859 году тяжкій ударъ поразилъ Якова Гримма. Вернулся какъ - то Вильгельмъ съ осенней поѣздки, какъ съ виду казалось, окрѣпшимъ, но въ ноябрѣ сталъ прихварывать. Неожиданно болѣзнь приняла острый характеръ, и 16-го декабря 1859 года онъ умеръ. На смертномъ одрѣ еще любовался онъ новымъ изданіемъ сказокъ. Утромъ 26-го декабря его похоронили на кладбищѣ св. Матѳея. Яковъ былъ въ отчаяніи. Сколько разъ онъ ужасался одной мысли, что Вильгельмъ можетъ умереть раньше его. Но все-же онъ вынесъ горе мужественно, съ убѣжденіемъ человѣка истинно, глубоко-религіознаго. Но часто на него нападала томительная грусть; полгода спустя онъ пишетъ: „Я долженъ говорить о братѣ, потому что вотъ уже полгода, какъ я его не вижу“... „Если мы получаемъ благодарность за всѣ труды и заботы, которые пережиты нами, то все за собраніе сказокъ, которое не только предлагается какъ пища для юношества и простодушнаго читателя, но заключаетъ въ себѣ большое и заслуживающее изслѣдованіе сокровище старины. Какъ только беру я книгу сказокъ въ руки, меня трогаетъ и волнуетъ это, потому что на всѣхъ страницахъ возникаетъ портретъ его (Вильгельма), и я узнаю его характерный отпечатокъ“. Весною 1863 г. умеръ другой братъ его, Людвигъ, художникъ.

„Ну, вотъ я и остался совсѣмъ одинъ!“—вотъ слова, съ которыми онъ принялъ извѣстіе объ его смерти. Но, казалось, онъ еще не чувствовалъ заранѣе смерти, потому что задумалъ многое писать. И онъ бы прожилъ дольше, если бы не изнурялъ себя такъ работой. Родные должны были силою отводить его отъ письменнаго стола. Послѣ его смерти у него въ карманѣ нашли записку 2-го іюля 1862: „Какъ хороши лѣтніе дни, когда и птицы, и люди радуются. Они походятъ на юность, когда часы дня медленно загораются и медленно угасаютъ; что остается отъ нихъ, то живо проглотится мракомъ зимы и старости. Ну, вотъ скоро мнѣ 78, и когда я лежу въ постели и пробуждаюсь, меня утѣшаетъ милый разсвѣтъ и навѣваетъ на меня мысли и воспоминанія“.

Въ 1862 г. онъ еще былъ въ Мюнхенѣ въ коммиссіи историковъ при Бахерской академіи,—то былъ его послѣдній публичный выходъ.

Осенью 1863 г. его ударилъ параличъ, отнялась вся правая сторона и онъ лишился языка. Яковъ еще узнавалъ своихъ, окружавшихъ

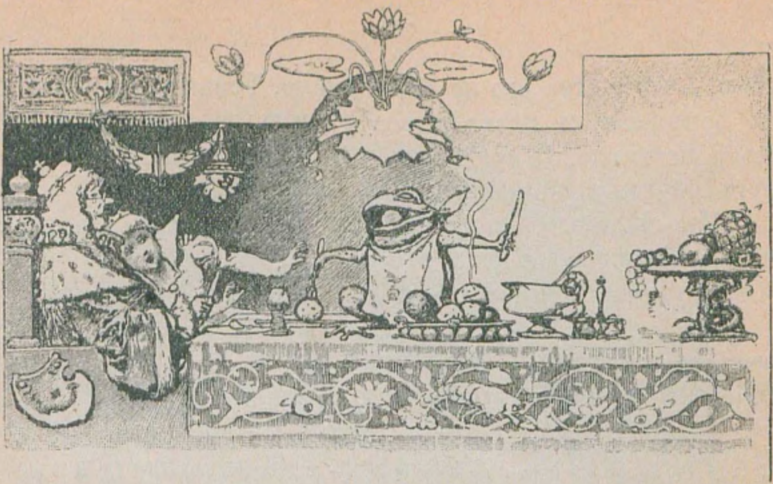


Памятникъ братьямъ Гриммъ въ Ганау.

его постель. Онъ лежалъ, закрывъ глаза; присутствовавшіе думали, что онъ уже умеръ; но внезапно онъ схватилъ лѣвой рукой фотографію Вильгельма, приблизилъ къ глазамъ, внимательно, долго смотрѣлъ на него и опустилъ на одѣяло. Онъ хотѣлъ показать, что скоро будетъ съ нимъ,—съ тѣмъ, съ кѣмъ всю жизнь былъ связанъ неразлучно. 20-го сентября 1863 г. Яковъ Гриммъ умеръ; похоронили его рядомъ съ братомъ, какъ самъ онъ просилъ. „Въ школьные годы насъ принимала одна постель, у насъ была одна комнатка, гдѣ сидѣли мы за однимъ столомъ, работая; въ студенческіе годы у насъ въ комнатѣ стояли двѣ постели и два стола; въ позднѣйшей жизни всегда у насъ были два рабочіе стола въ одной комнатѣ, а впослѣдствіи — двѣ комнаты рядомъ, и всегда подъ одной кровлей. И наша послѣдняя постель, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ оправлена намъ тоже тѣсно одна около другой“, — говорилъ нѣкогда Яковъ Гриммъ.

Такъ оно и было.

При составленіи біографіи источниками служили исключительно нѣмецкіе матеріалы: 1) „Die Brüder Grimm und ihr Leben“. dr. Carl France. 2) „Deutsche illustrirte Zeitung“ 1 Jhargang, № 21. O. Brahm. 3) „Die Brüder Grimm“, von A. Duncker. 4) „Die Gartenlaube“, 1896. № 44. 5) „Was wir lesen?“ A. Chönbach. 6) „Die Brüder Grimm“. Erinerung von German Grimm. 7) „Kinder und Hausmärchen“. Leipzig. Sttutgart. 8) „Die Brüder Grimm“. Lebensbild von I. Ludwig. „D. Iug.“ VII. 9) W. Cherer. Jakob Grimm.



Лягушачій король или Желѣзный Генрихъ.

Въ прежнія времена, когда всякое желаніе исполнялось по первому слову, жилъ былъ король, у котораго всѣ дочери были просто раскрасавицы, но самая младшая была до того хороша, что даже само солнце, видавшее довольно-таки диковинъ на своемъ вѣку, и то дивилось на красоту принцессы, заглядывая ей въ лицо.

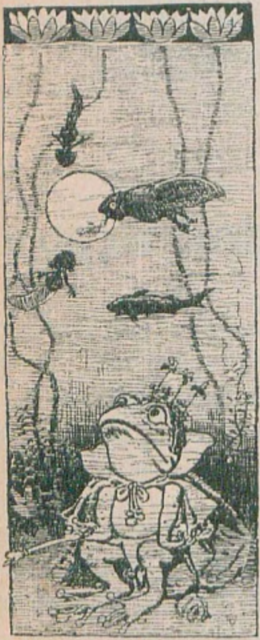
Вблизи королевскаго зáмка залегъ темный, дремучій лѣсъ, а въ лѣсу подъ старою липой вырытъ былъ глубокій колодецъ; въ жаркій, знойный день принцесса, бывало, приходила сюда въ лѣсъ и садилась на край колодца, а когда охота ей была, брала она свой золотой мячикъ, бросала вверхъ и снова ловила его на-лету: и была это ея любимая забава.

И случись однажды такая бѣда, что когда принцесса подбросила золотой мячикъ высоко-высоко, — онъ не попалъ ей въ руки, а упалъ на землю и покатился въ воду.

Принцесса сперва глазъ не сводила съ него, но мячикъ пропалъ, а колодецъ, какъ на грѣхъ, былъ такъ глубокъ, такъ глубокъ, что и дна его не было видно. Горько-горько заплакала принцесса и плакала все громче да громче, и утѣшиться не могла. И когда она такъ плакала, да жаловалась, вдругъ ей кто-то крикнулъ:

— Что съ тобою, принцесса? Ты плачешь такъ, что, право, камень сжалился бы надъ тобою!..

Оглянулась принцесса,—откуда-де голосъ этотъ,—и увидѣла вдругъ большую лягушку, которая выставила изъ воды свою толстую, уродливую голову.

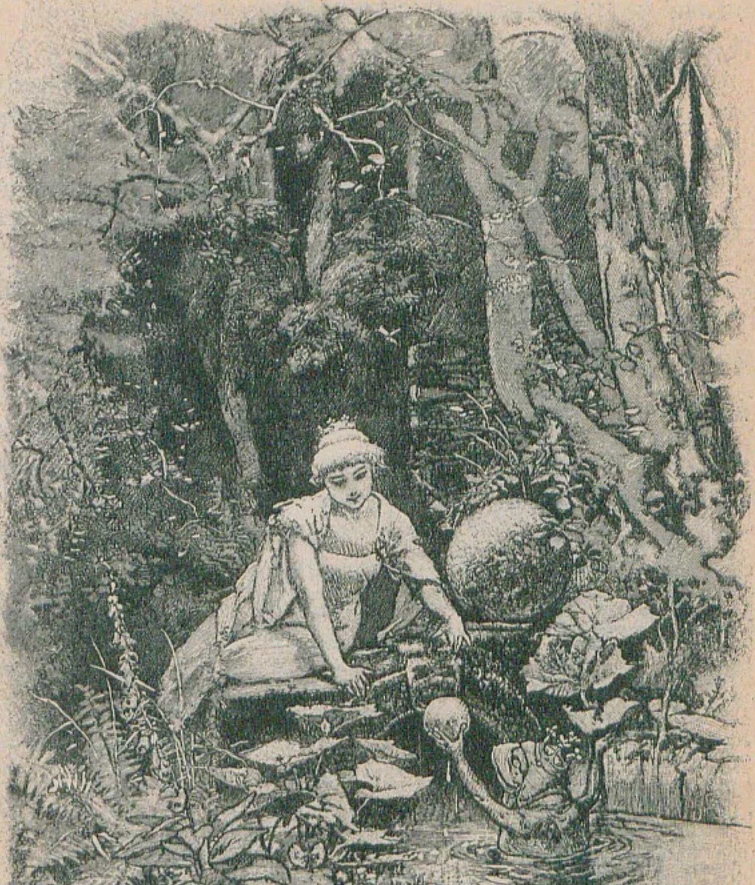


— А, это ты, старый водошлёпъ!— сказала она.—Да вотъ плачу я о золотомъ мячикѣ, который упалъ въ воду!..

— Успокойся и не плачь, — отвѣтила лягушка, — ужъ такъ и быть, я твоему горю пособлю. Только что же ты мнѣ дашь въ награду, коли я тебѣ твою игрушку достану со дна?

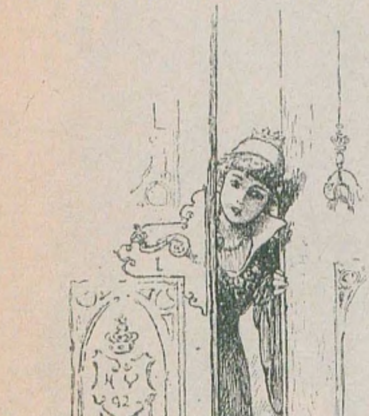
— Да все, чего ты только ни пожелаешь, милая лягушечка,—сказала принцесса,—ну, мои платья, мой жемчугъ, драгоцѣнные камни, да еще золотую корону, которую я ношу, въ придачу!..

— Н-ну,—сказала лягушка раздумчиво, — платья твои, жемчугъ, камни драгоцѣнные и корона — это все мнѣ ни къ чему! А вотъ кабы ты полюбила меня, да кабы стала я твоею подругою и товаркою за столомъ бы рядомъ съ тобою сидѣла, съ твоей золотой тарелки ѣла, изъ твоего кубка пила бы, въ твоей кроваткѣ нѣжилась бы, — это дѣло другое. Если ты мнѣ это обѣщаешь, — сію минуту спрыгну я внизъ и вынесу тебѣ твой золотой мячикъ!..



— Ахъ, пожалуйста,—сказала принцесса,—я тебѣ все, все обѣщаю, чего ты сама ни пожелаешь, только достань мнѣ мой золотой мячикъ.

А сама она тѣмъ временемъ думала:—„Мало ли что капризная лягушка болтаетъ; сидитъ она въ водѣ со своими подругами да квакаетъ,—и отлично!.. Статочное ли дѣло быть ей товарищемъ человѣку?“



А лягушка, какъ услышала это обѣщаніе, нырнула въ воду, и была такова; немного спустя, она выплыла снова, на свѣтъ Божій,—и уже во рту у нея былъ мячикъ, который она и бросила на траву.

Обрадовалась принцесса, увидѣвъ свою чудную игрушку, живо подняла ее и бросилась съ нею домой...

— Э... э... постой, постой!..—заквакала лягушка вдогонку,—меня-то, меня возьми съ собою, мнѣ за тобой не угоняться!..—Только какой же толкъ былъ изъ того, что она вслѣдъ принцессѣ во весь голосъ квакала: та и слушать ея не хотѣла, опрометью убѣжала домой... и тамъ вскорѣ вовсе забыла о бѣдной лягушкѣ, которой съ горя пришлось опять лѣзть въ свой колодецъ.

Только на слѣдующій день, когда принцесса съ королемъ и всѣми придворными усѣлась за столъ и принялась кушать съ своей золотой тарелки,—вдругъ зашлепало что-то по мраморной лѣстницѣ: шлипъ-шлёпъ, шлипъ-шлёпъ... — и когда это „что-то“ вскарабкалось до самаго верха,—оно постучалось въ дверь:

— Принцесса,—самая младшая,—отвори-ка мнѣ!..

Бросилась, было, принцесса посмотрѣть, кто это такое тамъ стучится, распахнула дверь: передъ нею сидѣла лягушка. Съ сердцемъ захлопнула принцесса дверь и сѣла снова за столъ, но ей стало вдругъ какъ-то страшно-страшно... Увидалъ король, что не по себѣ ей, и спрашиваетъ:

— Дитя мое, чего ты испугалась?.. Можетъ, великанъ стоитъ за дверью и хочетъ тебя похитить?..

— Ахъ, нѣтъ,—отвѣтила она,—то не великанъ, а отвратительная лягушка!

— Что же ей отъ тебя нужно?..

— Ахъ, милый батюшка, какъ сидѣла я вчера у колодца въ лѣсу да играла,—мой золотой мячикъ въ воду и упади!.. А какъ я плакала о томъ, — лягушка мнѣ его оттуда и вытащила; и такъ какъ она, во что бы то ни стало, требовала себѣ въ награду, чтобы ей быть моею подругою, — я ей и пообѣщала... Только я, вѣдь, никакъ не думала, что она свой колодецъ, въ самомъ дѣлѣ, покинетъ... Вотъ теперь она тамъ, за дверью, и хочетъ войти ко мнѣ!..

А лягушка между тѣмъ постучала вдругорядь и запѣла:

Ой, ты, младшая принцесса,
Отвори мнѣ,—я устала...
Вспомни, что ты обѣщала
У колодца, въ мракѣ лѣса!..
Отвори же мнѣ, принцесса,—
Я продрогла, я устала...

И сказалъ король:

— Что ты разъ обѣщала, — то нужно исполнить... Пойди и отвори ей!..

Нечего дѣлать, пошла дѣвушка и открыла дверь, а лягушка — прыгъ въ комнату, и по пятамъ ея — шлёпъ-шлёпъ—подскакала къ ея стулу.

Тутъ она пріостановилась и квакнула:

— Ну-ка, подними меня къ себѣ!..

Принцессѣ, было, не хотѣлось,—да король строго приказалъ ей исполнить просьбу.

Но едва лягушку усадили на стулъ, ей уже и на столъ захотѣлось, а сидя на столѣ, она и заквакала:

— Придвинь-ка золотую тарелку поближе! Давай, вмѣстѣ закусимъ!..

Не хотѣлось этого принцессѣ, но она себя приневолила.

Лягушка уписывала за обѣ щеки, но у принцессы каждый кусокъ коломъ въ горлѣ стоялъ.

Наконецъ, лягушка сказала:

— Ну, я сытёхонька!.. Только и устала же!.. Снеси-ка меня въ свою опочивальню, оправь-ка постель пуховую, ляжемъ, отдохнемъ!..

Принцесса—въ слезы: она страшно боялась холодной лягушки, до которой ей и дотронуться-то было противно; а тутъ еще та будетъ почивать въ ея прекрасной, чистой постели.

Разгнѣвался на нее король и говоритъ:

— Кто тебѣ въ бѣдѣ помогъ, тѣмъ ты не должна пренебрегать.

Ухватила принцесса лягушку двумя пальцами, принесла къ себѣ въ комнату наверхъ и бросила ее въ уголъ. Но едва она сама улеглась въ постель,—лягушка ужъ тутъ-какъ-тутъ, подползла къ постели и квакаетъ:

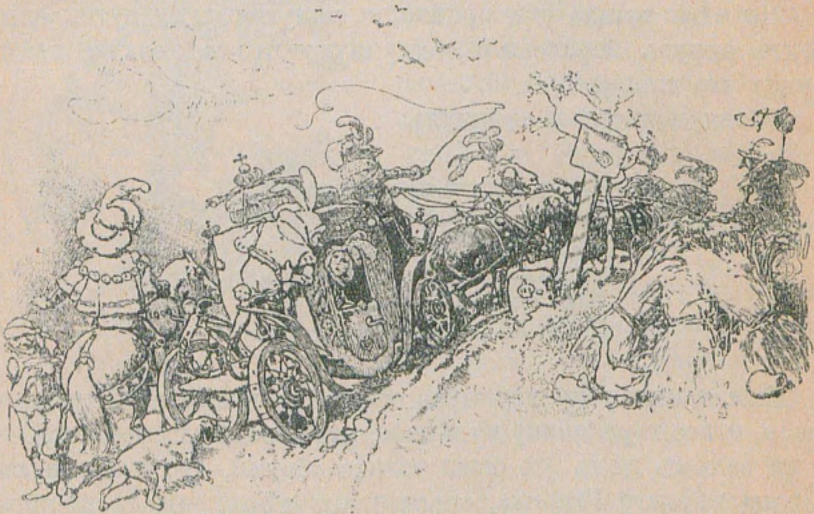
— Устала я, уморилась я... хочется мнѣ поспать, какъ спишь ты!.. Подними-ка меня съ полу, а то, вѣдь, я и батюшкѣ твоему пожалуюсь!..

Тутъ ужъ принцесса такъ разсердилась, что и сдержаться не могла: схватила лягушку, подняла ее, да какъ броситъ ее что есть силы объ стѣну.

— Теперь-де тебѣ будетъ покойно, несносная лягушка!..

Едва только лягушка стукнулась объ стѣну, — какъ потеряла свой прежній видъ и обернулась принцемъ съ чу́дными, ласковыми глазами.

И вотъ по желанію короля сталъ онъ женихомъ, а тамъ супругомъ принцессы. Тутъ и повѣдалъ принцъ, что злая вѣдьма околдовала его, и что никто не могъ его изъ колодца вызволить, кромѣ одной принцессы.



На другой же день онѝ должны были отбыть въ его королевство. На утро, чуть солнышко проснулось, подкатила къ крыльцу карета, запряженная восьмью бѣлыми конями, съ бѣлыми страусовыми перьями на головахъ, въ золотой сбруѣ съ цѣпями; а на запяткахъ стоялъ слуга молодого короля, — то былъ вѣрный Генрихъ. Вѣрный Генрихъ такъ горевалъ, когда его господинъ обратился въ лягушку, что сдѣлалъ себѣ три желѣзныхъ обруча, чтобы сдерживать ими въ груди свое сердце, иначе оно могло бы отъ горя и отчаянія разорваться на части.

Въ этой-то каретѣ король съ своею супругою и должны были отправиться въ свое королевство.

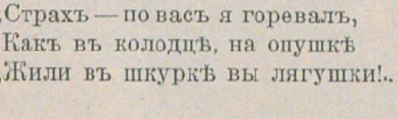
Усадилъ ихъ обоихъ вѣрный Генрихъ, живо вскочилъ на запятки, а самъ ногъ подъ собою не чуетъ отъ радости, что освободился его господинъ.

Но едва только они проѣхали малую толику пути, слышитъ вдругъ королевичъ,—хрупнуло что-то позади, какъбудто что сломалось.

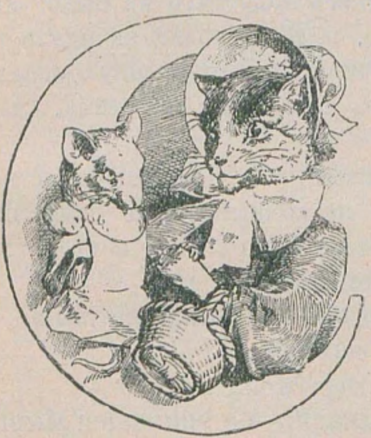
Обернулся онъ и крикнулъ:

—„Иль карета подломилась?“
—„Нѣтъ, все цѣло, ваша милость!..
„Съ сердца обручъ мой упалъ:
„Страхъ — по васъ я горевалъ,
„Какъ въ колодцѣ, на опушкѣ
„Жили въ шкуркѣ вы лягушки!..

Еще и еще разъ хрупнуло что-то во время ихъ путешествія, и все королевичу чудилось, что карета ихъ ломается,— а на самомъ дѣлѣ это были только обручи, что спадали съ сердца вѣрнаго Генриха, счастливаго тѣмъ, что господинъ его освобожденъ отъ колдовства и счастливъ.



Кошка и Мышь въ дружбѣ.



Познакомилась какъ-то разъ Кошка съ Мышью и столько насказала ей всякой всячины про свою любовь и дружбу, которыя будто бы она къ ней питаетъ,—что Мышь, наконецъ, согласилась зажить съ нею однимъ домкомъ и сообща завести хозяйство на славу.

— Нужно бы намъ къ зимѣ припасовъ побольше раздобыть, а не то голодать станемъ,—молвила разъ Кошка:—ты, Мышка, не всюду отважишься пойти, и, чего добраго, еще, пожалуй, въ мышеловку, того и гляди, угодишь.

Послѣдовали они доброму совѣту и купили себѣ горшечекъ съ жиромъ. Только они не знали, гдѣ бы его поставить. Послѣ долгихъ поисковъ Кошка и говоритъ:

— Право, по моему, лучше всего спрятать за церковной оградой; никто не рѣшится украсть оттуда, что бы тамъ ни было!.. Спрячемъ мы его тамъ, въ укромномъ мѣстѣ, и только въ крайней нуждѣ почнемъ его!..

На томъ порѣшили и спрятали горшечекъ въ безопасномъ мѣстѣ пока что. Только немного спустя, Кошкѣ смерть какъ захотѣлось полакомиться жиромъ; вотъ она Мыши и говоритъ:

— Что я тебѣ, Мышь, доложу: звала меня двоюродная сестра въ кумовья,—у нея родился сыночекъ, — весь бѣлый съ коричневыми пятнышками. Такъ ужъ ты меня отпусти со двора, а хозяйствомъ пока сама позаймись!

— Ладно, ладно,—сказала Мышь,—иди съ миромъ. А случится тебѣ что-нибудь вкусное кушать,—вспомни обо мнѣ; я и сама бы съ удовольствіемъ капельку винца отвѣдала.

Однако, на самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не было: никакой сестры у Кошки не было, и въ кумовья ее никто не звалъ. А прямёхонько отправилась она за церковную ограду къ горшечку, стала жиръ лизать и сама не замѣтила, какъ добрую треть скушала.

А затѣмъ погуляла по крышамъ, полюбовалась окрестностями да и прилегла отдохнуть на солнышкѣ, а сама все облизываетъ свои усы, чуть только о горшечкѣ вспомнитъ. Только ужъ вечеромъ домой вернулась.

— Ага, пришла-таки, наконецъ,—встрѣтила ее Мышь,—я, чай, вволю повеселилась ты сегодня?..

— Нда... ничего себѣ,—отвѣтила Кошка.

— А какъ новорожденнаго назвали?—не унимается Мышь.

— Просто, *Починушекъ*, — сказала Кошка, глазомъ не моргнувъ.

— Починушекъ?.. Тсс...—воскликнула Мышь,—удивительное имя!.. Можетъ, въ вашей родословной оно употребительно?

— Что тутъ долго толковать,—молвила Кошка, какъ ножомъ обрѣзала,—чай, оно не хуже имени *Крошковоръ*, какъ вашу братью кличутъ.

Мало времени спустя, стало Кошку тянуть снова полакомиться жиромъ, и сказала она Мыши:

— Охъ, сдѣлай милость, похозяйничай еще разъ одна; меня, видишь ли, опять въ кумовья зовутъ, отказаться-то и неловко: у новорожденнаго — рѣдкая отмѣтинка: бѣлое колечко вокругъ шеи. А это что̀-нибудь да значитъ!

Добродушная Мышь и перечить не стала, а Кошка мигомъ шмыгъ—по городской стѣнѣ да прямо къ горшечку и вылизала еще частичку жира.

— Ахъ, хорошо!.. Нѣтъ того вкуснѣе, какъ одной все всласть съѣсть,—сказала она въ восторгѣ отъ своей продѣлки.

Только домой приходитъ, а Мышь опять къ ней съ вопросами:

— Ну, ну... что, какъ этого дѣтенышка назвали?

— *Середышечка!*—молвила Кошка...

— Скажите,—Середышечкой?.. Что ты мелешь!.. Отродясь я этакого имени и не слыхивала! Я, чай, ни въ одномъ спискѣ именъ такого не сыщешь.

А у Кошки скоро опять рыльце зачесалось, такъ ее къ лакомству тянуло.

— Все хорошо до трехъ разъ,—сказала она Мыши,—слышь ты,—опять, вѣдь, меня въ кумовья кличутъ!.. Котенокъ-то весь черный, расчерный, какъ деготь, только лапки у него бѣлёшеньки, а помимо этого,—бѣлой шерстинки у него и не сыщешь: только разъ въ два года такая диковинка случается. Отпустишь, чай, меня попировать? А?..

— Починушекъ, Середышечка!..—отвѣчала Мышь,—такія это странныя, смѣшныя имена, что меня невольно раздумье беретъ.

— Ты вотъ все безперечь сиднемъ сидишь дома въ своемъ темносѣромъ халатикѣ и съ своей длинной косичкой,—молвила Кошка,—и становишься необыкновенно подозрительной и недовѣрчивой. Это оттого еще, что ты и днемъ изъ норы не выходишь.

Въ отсутствіе Кошки Мышь принялась за чистку и весь домикъ въ порядокъ привела; а Кошка-сластена той порой до самаго донышка вылизала горшечекъ съ жиромъ.

— Только, когда все съѣдено, тогда и спокойно на сердцѣ!—утѣшила она себя и вернулась домой только къ ночи сытёхонька.

Прежде всего Мышка ее спросила, какое имя дали третьему дѣтенышу.

— Охъ, опять тебѣ оно не понравится,—сказала Кошка,—а зовутъ его *Подонышекъ*...

— *Подонышекъ!*—воскликнула Мышь,—и не читывала никогда о такомъ имени!.. Что все это значитъ?..

И она покачала сомнительно головою, свернулась и легла на боковую.

Конечно,—съ той поры Кошку никто уже въ кумовья не приглашалъ. Когда же настала зима, и ничего съѣдобнаго на вольной волѣ не было, Мыши на память взбрело объ ихъ запасѣ, она и говоритъ:

— Киска! да пойдемъ за нашимъ горшечкомъ, который мы себѣ про всякій случай припасли, — то-то покушаемъ всласть!..

— О, да!—отвѣчала Кошка,—это тебѣ такъ же понравится, какъ если бы ты въ окошко свой тонкій язычокъ наружу высунула.

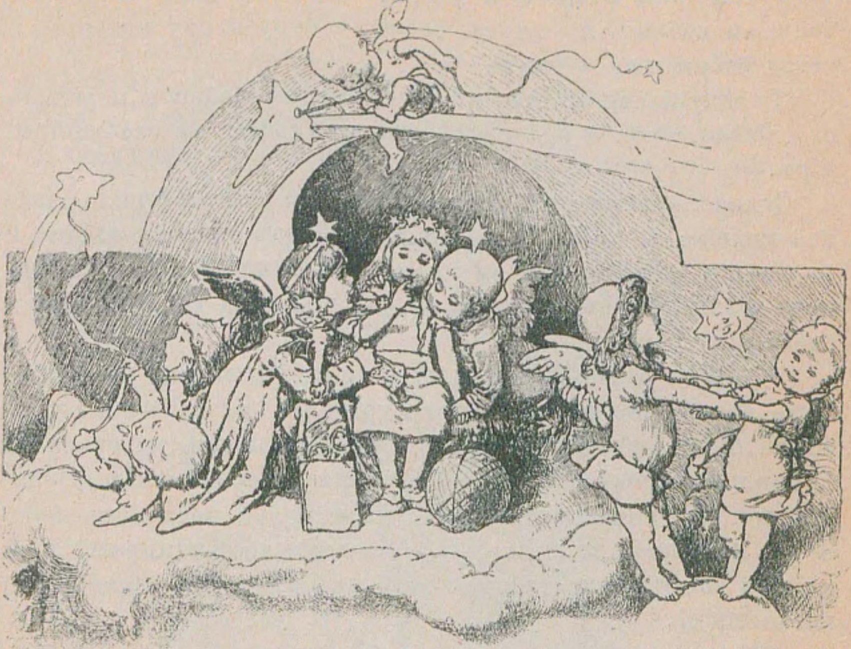
Отправились онѣ въ путь-дорогу и когда благополучно добрались до мѣста,—оказалось, что горшечекъ-то, точно, на своемъ мѣстѣ стоялъ, да только пустъ былъ!

— Э-ге-ге, — сказала Мышь, — теперь я понимаю, въ чемъ дѣло-то было!.. Я вспоминаю о тѣхъ дняхъ... Вотъ такъ истинная пріятельница, — все въ подлизку съѣла, какъ кумиться хаживала: сначала — Починушекъ, потомъ Серёдышечка, а тамъ...

— Ты замолчишь, аль нѣтъ?—закричала Кошка,—пикни только,—я и тебя слопаю!..

— Подонышекъ!..—вертѣлось у бѣдной Мыши на языкѣ, и едва только она это произнесла, какъ Кошка въ одинъ прыжокъ бросилась на нее, схватила ее и проглотила...

Вотъ такъ-то и все на свѣтѣ идетъ...



Пріемышъ.

Жили-были на опушкѣ дремучаго лѣса дровосѣкъ съ женою, у которыхъ былъ только одинъ единственный ребенокъ,—трехлѣтняя дѣвочка.

Такъ бѣдны были они, что нерѣдко безъ куска насущнаго хлѣба обходились, и все ломали голову, не зная, какъ бы дочку имъ прокормить.

Какъ-то поутру пошелъ озабоченный дровосѣкъ въ лѣсъ на работу, и въ то время, какъ онъ рубилъ дрова, внезапно явилась предъ нимъ прекрасная, высокаго роста женщина съ короной изъ свѣтящихся звѣздъ на головѣ и молвила ему:

— Ты такъ бѣденъ и убогъ, отдай же мнѣ своего ребенка, и возьму я его съ собою, и буду я ему матерью, и стану заботиться о немъ!..

И послушался ее дровосѣкъ, принесъ ребенка и передалъ его доброй Феѣ, а она взяла его съ собою въ заоблачный міръ.

Славно зажило тамъ дитя: ѣло сласти разныя и пило сладкое молоко; и платья у ребенка были изъ чистаго золота, и маленькіе духи играли съ нимъ и тѣшили его. А какъ минуло дѣвочкѣ четырнадцать лѣтъ, призвала ее разъ Фея и сказала:

— Милое дитя! Далекій путь предстоитъ мнѣ теперь!.. Такъ возьми же ты къ себѣ на храненіе эти ключи отъ тринадцати дверей заоблачнаго царства: можешь ты отпирать двѣнадцать дверей и созерцать за ними все величіе мірозданія; только тринадцатую дверь, къ которой подходитъ вотъ этотъ маленькій ключикъ,—запрещаю я тебѣ отпирать! Храни мой завѣтъ,—не отпирай этой двери,—иначе станешь ты несчастною!

Обѣщалась ей дѣвочка быть послушною, и какъ только Фея удалилась,—стала она осматривать весь бѣлый свѣтъ. Каждый день отворяла она по одной двери, пока не обошла всѣхъ двѣнадцати; и она радовалась величію и великолѣпію мірозданія, и сами маленькіе духи, что всегда сопровождали ее, радовались вмѣстѣ съ нею.

Только одна дверь осталась еще не отпертой, и возгорѣлось въ дѣвушкѣ любопытство, во что бы то ни стало, узнать, что̀ таится за нею, и обратилась она къ духамъ:

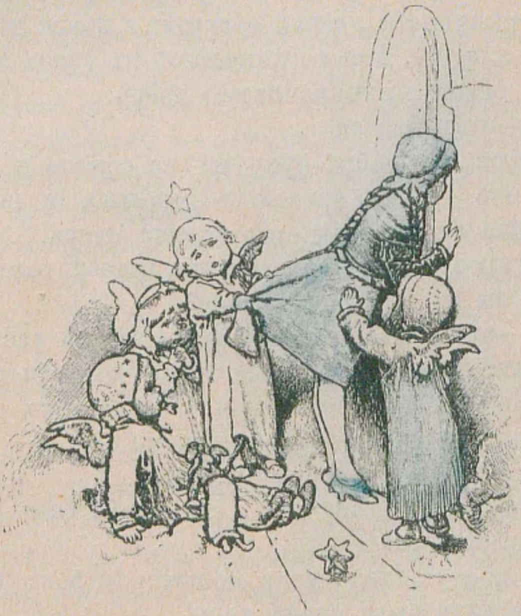
— Настежъ отворять двери я не стану и входить туда не буду, а только чуточку пріотворю ее, чтобы можно было глазкомъ заглянуть въ щелочку.

— Ахъ, зачѣмъ,—сказали духи,—это грѣхъ: Фея запретила тебѣ,—и въ этомъ можетъ быть твое великое несчастіе!..

Слова дѣвушка не сказала и будто успокоилась, но не успокоилось любопытство въ ея сердцѣ; оно грызло и кололо его и покоя ему не давало.

И вотъ какъ-то разъ, когда духи отлучились отъ нея, она и подумала:—„Ну, теперь я одна-одинёшенька, и могу туда заглянуть, никто про то и не узнаетъ, что я смотрѣла!..“

И поспѣшно достала она ключъ; а когда уже онъ былъ у нея въ рукахъ, она вложила его въ замо̀къ, а разъ ключъ уже былъ въ замкѣ,—она его повернула...



Дверь распахнулась, и увидѣла дѣвушка ослѣпительный блескъ *огня любви, надежды и безсмертія*.

Мгновеніе,—и удивленная, пораженная стояла она и глазамъ не вѣрила,—и вдругъ слегка притронулась пальцемъ до этого сіянія,—и палецъ ея мгновенно сталъ золотой. Ужасъ охватилъ ее въ ту же минуту, она захлопнула дверь и убѣжала прочь.

Но страхъ не покидалъ ея, какъ она ни старалась успокоить себя, и сердце съ шумомъ билось въ груди и никакъ не могло успокоиться: и золото не сходило съ пальца, какъ она его ни мыла, ни терла.

„Немного времени прошло, и возвратилась Фея изъ своего странствованія назадъ.

И позвала она къ себѣ дѣвушку и потребовала отъ нея ключи отъ тринадцати дверей обратно; а когда дѣвушка подала связку ключей, Фея взглянула ей въ глаза и спросила:

— Ты не отпирала тринадцатую дверь.

— Нѣтъ,—отвѣтила та.

И тогда Фея положила руку ей на сердце и почувствовала, какъ оно билось тревожно-тревожно, и поняла, что она преступила ея заповѣдь и отворяла дверь.

И снова спросила она дѣвушку во второй разъ:

— Точно ли ты этого не дѣлала?..

— Нѣтъ,—отвѣтила дѣвушка и въ другой разъ.

И тутъ замѣтила Фея ея палецъ, что озолотился отъ одного прикосновенія къ сіянію, — и поняла, что согрѣшила дѣвушка, и въ третій разъ спросила ее:

— Итакъ ты этого не дѣлала?..

— Нѣтъ!—сказала дѣвушка и въ третій разъ.

Тогда сказала Фея:

— Ты не послушалась меня, солгала мнѣ къ тому же, и отнынѣ недостойна быть среди насъ!

И впала дѣвушка въ глубокій сонъ, а, проснувшись, очутилась на землѣ, въ дикой пустынѣ.

Она хотѣла крикнуть о помощи, но голосъ измѣнилъ ей. Быстро вскочила она, чтобы бѣжать прочь отсюда, но куда она ни шла, густой терновникъ загораживалъ ей дорогу, словно стѣною, черезъ которую она никакъ не могла пробраться. Стояло въ той пустынѣ, гдѣ заключена была она, старое, дуплистое дерево, которое отнынѣ должно было служить ей жилищемъ. И въ его дупло забиралась она, когда наступала ночь; тамъ спала она и укрывалась въ бурю-непогодь и въ дождь.

То была тяжелая жизнь, и когда вспоминала бѣдная дѣвушка, какъ чу́дно хорошо было въ заоблачномъ мірѣ, какъ маленькіе духи играли съ нею,—то горько - горько плакала. Она питалась только лѣсными ягодами да кореньями, что собирала около дерева.

Осенью подбирала она опавшіе орѣхи и листья и складывала эти припасы у себя въ дуплѣ; зимою она питалась этими орѣхами, а когда снѣгъ и ледъ покрывали землю и воды, она зарывалась въ листья, какъ бѣдный звѣрокъ, боясь замерзнуть. Скоро платье ея изорвалось въ лохмотья и падало съ нея лоскутами.

А когда солнышко снова проглядывало ласково и тепло, она выходила на вольный воздухъ, садилась подъ деревомъ, и длинные волосы ея окутывали ее съ ногъ до головы, какъ плащемъ.

Такъ жила она годы за годами, перенося испытанія и бѣдствія.

И случилось разъ, что когда деревья снова стояли въ яркой зелени, охотился король той страны въ лѣсу. И погнался онъ за оленемъ; олень скрылся въ кусты, что окаймляли лужайку со всѣхъ сторонъ; тогда король спѣшился, сталъ рубить живую изгородь мечомъ и вмигъ проложилъ себѣ дорогу. И когда прорвался онъ черезъ заросль, — то увидѣлъ вдругъ подъ старымъ деревомъ дивно прекрасную дѣвушку, что сидѣла съ головы до пятъ окутанная золотистыми прядями волосъ.

Безмолвно сталъ онъ на мѣстѣ и въ глубокомъ изумленіи глядѣлъ на нее во всѣ глаза. И спросилъ онъ ее, наконецъ:

— Кто ты? Почему ты сидишь здѣсь, въ этой пустынѣ?..

Ни слова въ отвѣтъ не молвила дѣвушка, — она не въ силахъ была открыть уста.

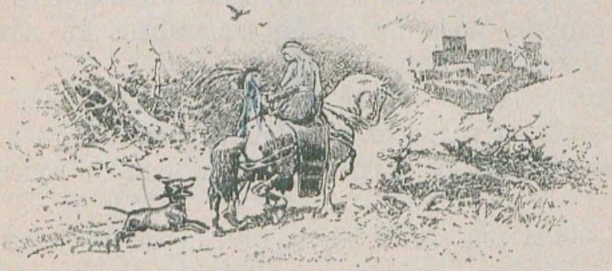
И снова король сказалъ ей:

— Хочешь ты пойти со мною въ мой за́мокъ?

Тогда только чуть-чуть наклонила она голову въ отвѣтъ.

Король поднялъ ее на руки, посадилъ на своего коня и поѣхалъ съ нею домой; а когда они прибыли во дворецъ, король отдалъ приказаніе одѣть ее въ лучшія одежды и исполнять все, что только она ни пожелаетъ.

И хоть дѣвушка не могла произнести ни слова, но она была такъ чу́дно хороша, что король полюбилъ ее всѣмъ сердцемъ и, нѣсколько времени спустя, женился на ней.



Около года прошло, и родился у королевы мальчикъ. И случилось разъ ночью, когда лежала она одна въ своей постели,—явилась предъ нею добрая Фея и сказала:

— Скажи мнѣ всю правду и сознайся, что ты отворяла запретную дверь, и я разрѣшу твои нѣмыя уста, возвращу тебѣ даръ слова. Но станешь ты оправдывать свой грѣхъ и лгать попрежнему, — то отниму я у тебя новорожденное дитя и возьму его съ собою.

Королева могла сознаться, но она упрямо стояла на своемъ и отвѣчала:

— Нѣтъ... не отворяла я запретной двери!..

И Фея взяла новорожденнаго ребенка у нея изъ объятій и исчезла съ нимъ.

На утро, когда нигдѣ не могли найти ребенка, поднялся ропотъ въ народѣ, что-де королева—людоѣдка и убила своего ребенка.

И она слышала все это, но оправдаться не могла; однако, король не хотѣлъ вѣрить этимъ слухамъ, потому что онъ все еще горячо любилъ ее.

Годъ прошелъ, — и родился у королевы второй сынъ. И снова ночью приступила Фея къ королевѣ и спросила ее:

— Сознайся мнѣ, что ты отворяла запретную дверь, и я верну тебѣ твоего ребенка и разрѣшу уста твои; будешь же ты упорствовать въ своемъ грѣхѣ и солжешь мнѣ, —я возьму съ собою и этого новорожденнаго младенца.

Снова сказала королева:

— Нѣтъ, я запретной двери не отворяла.

И Фея отняла у нея изъ рукъ младенца и унесла его съ собой.

На утро, какъ стало извѣстно, что исчезло дитя и на этотъ разъ,—пуще прежняго стали люди открыто говорить, что королева проглотила его; а приближенные совѣтники короля стали предлагать ему предать ее суду.

Но король такъ нѣжно любилъ ее, что не хотѣлъ вѣрить происшедшему, и подъ страхомъ смертной казни запретилъ всѣмъ говорить объ этомъ.

Въ слѣдующемъ году у королевы родилась хорошенькая дѣвочка, — и явилась королевѣ Фея въ третій разъ и сказала ей:

— Иди за мною!

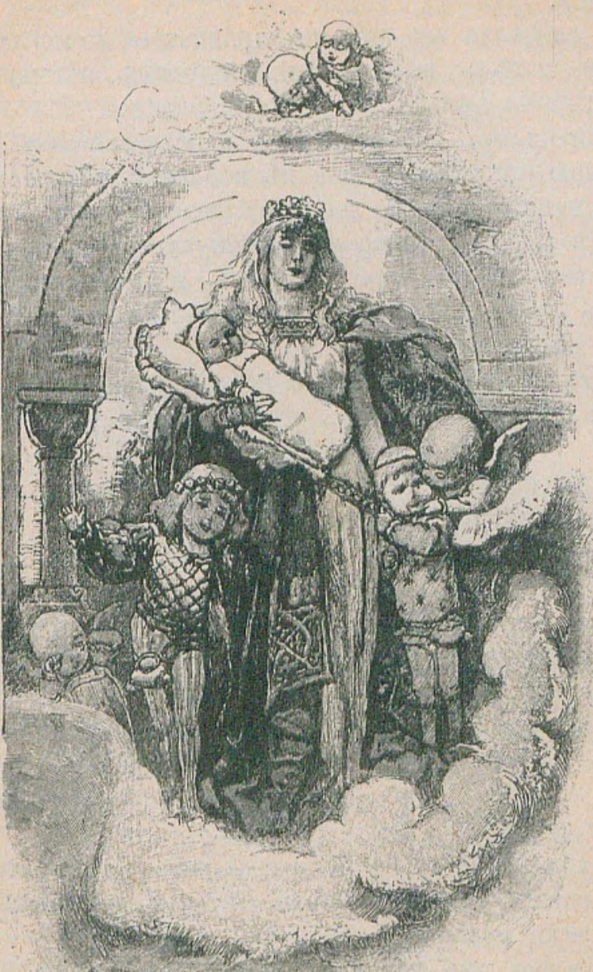
Она взяла королеву за руку и возвела ее въ заоблачный міръ и показала ей ея старшихъ дѣтей: они ласково улыбались и играли планетой.

Обрадовалась имъ королева, а Фея сказала ей:

— Неужели сердце твое еще не размягчилось?.. Если ты сознаешься, что отворяла запретную дверь,—я отдамъ тебѣ назадъ твоихъ дѣтей.

Но королева и въ третій разъ отвѣтила:

— Нѣтъ... запретной двери я не отворяла.



И Фея низвергла ее на землю и отняла у нея и третьяго ребенка.

На утро, какъ только стало это извѣстно, весь народъ въ голосъ завопилъ:

— Королева—людоѣдка!.. Судить ее!..—И король уже не могъ противиться своимъ приближеннымъ совѣтникамъ.

Назначили судъ надъ королевою, и такъ какъ она не отвѣчала ни на что и не оправдывалась вовсе, ее осудили на сожженіе. Вотъ нанесли дровъ для костра, и въ то время, какъ стояла она, крѣпко прикрученная къ столбу, и огонь вокругъ нея уже понемногу занимался, — растаялъ ледъ ея гордыни, и сердце ея исполнилось раскаянія, и только подумала она: — „О, если бы могла я предъ смертью покаяться въ томъ, что я отворяла запретную дверь“,—какъ вернулся голосъ къ ней, и она громко воскликнула:

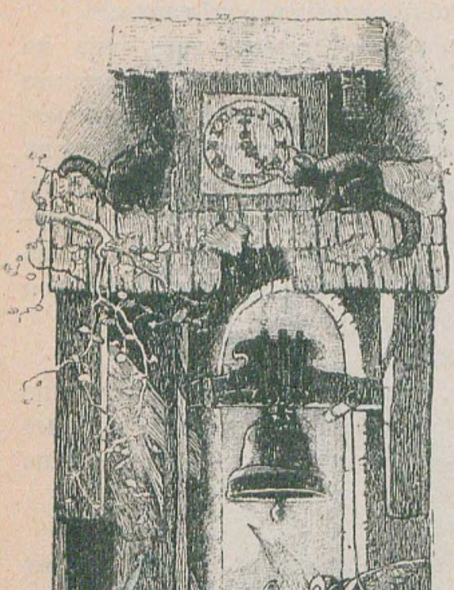
— Да, Фея, я это совершила!..

И небо брызнуло дождемъ, потушило пламя и затеплило свѣтильникъ предъ нею; и Фея снизошла къ ней съ двумя дѣтьми ея по бокамъ и съ новорожденнымъ младенцемъ на рукахъ.

И ласково молвила она:

— Кто свой грѣхъ сознаетъ и кается въ немъ, — тому грѣхъ прощается! — она подвела къ ней трехъ дѣтей, возвратила ей даръ слова навсегда и осчастливила ее на всю жизнь.

Сказка о томъ, кто пошелъ учиться страху.



Были у одного человѣка двое сыновей, изъ нихъ старшій, больно умный да смѣтливый, ко всякому дѣлу могъ приспособиться; а младшій былъ простоватъ, ни до чего своимъ умомъ дойти не могъ и учиться ничему не хотѣлъ; такъ что когда встрѣчали его люди добрые, то говорили: — „Этотъ будетъ-таки обузой папашенькѣ!“..

Если нужно было что-нибудь сдѣлать, — старшій долженъ былъ справлять все одинъ. Одна только бѣда съ нимъ: станетъ, бывало, отецъ посылать его поздно вечеромъ, а еще того хуже — ночью за чѣмъ-нибудь, — особенно ежели къ тому же дорога шла мимо кладбища, либо другого какого страшнаго мѣста, — малый струхнетъ и молвитъ отцу: — „ахъ, нѣтъ, батя, я туда не пойду!.. Оторопь меня беретъ что-то!“.. — потому что онъ всего боялся.

Бывало, вечеромъ, у очага, когда шли такія розсказни, что морозъ подиралъ по кожѣ, и слушатели говорили: — „Ахъ, какъ страшно!“.. — младшій братъ сидитъ себѣ въ углу, да слушаетъ и понять никакъ не можетъ, что бы это такое значило?

— Вѣчно одно твердятъ: это страшно, это боязно, а вотъ то-то не страшно. Что за тарабарщина такая, мнѣ и не разобраться въ этомъ, право!..

И случилось, что отецъ ему разъ сказалъ:

— Слышишь ты, тамъ въ углу!.. Ты вотъ растешь, да крѣпнешь. Надо, я чай, тебѣ чѣму-нибудь выучиться, чтобъ хлѣбъ-то зарабатывать!.. Чай, видишь, какъ братъ работаетъ, трудится. А то, вѣдь, на тебя надежда плоха!..

— Я, батя, — отвѣчалъ тотъ, — и самъ бы радъ-радёхонекъ чему-нибудь научиться!.. Вотъ разбираетъ меня охота, — кабы только можно было, — выучиться бояться!..

Захохоталъ старшій, какъ только услыхалъ это, и подумалъ про себя: „О, Господи!.. Это что жъ за простофиля такой мой братецъ!.. А? Никакого, то-есть, толку изъ него во всю жизнь не выйдетъ. Чтобы крюкомъ стать, небось надо заранѣе согнуться“...

Вздохнулъ отецъ и говоритъ:

— Бояться-то ты научишься, это такъ, — ну, а ужъ хлѣба этимъ, шалишь, не заработаешь!..

Вотъ вскорѣ послѣ того зашелъ къ нимъ въ гости колокольный понамарь; сталъ ему отецъ на свою долю плакаться да жаловаться; и повѣдалъ ему про то, что вотъ-де младшій сынъ его ни къ какому дѣлу приспособиться не можетъ: ничего-то не знаетъ и ничему не учится.

— Подумайте только!.. Я его спрашиваю, чѣмъ, молъ, онъ хлѣбъ зарабатывать будетъ, а онъ отвѣчаетъ, что хочетъ научиться „бояться“...

— Ну, коли дѣло только за этимъ стало, — сказалъ понамарь, — этому онъ у меня выучится. Н-да-съ. Пришлите-ка его ужо ко мнѣ, — я его вышколю!.. Ого!..

Отецъ обрадовался, надѣясь, что наконецъ-то сына его наставятъ на умъ-разумъ. А понамарь взялъ къ себѣ въ домъ дѣтину и опредѣлилъ его прежде всего звонить въ колоколъ.

Вотъ дня черезъ два разбудилъ понамарь дѣтину въ самую полночь и приказалъ ему вставать скорѣе и идти на колокольню звонить.

„Тамъ ты страху наберешься — и выучишься“, — подумалъ онъ про себя, а самъ тайкомъ забрался туда пораньше его, и только дѣтина наверхъ взлѣзъ, только повернулся, чтобы веревку схватить, какъ вдругъ видитъ на лѣстницѣ противъ слухового окна стоитъ бѣлое привидѣніе.

— Эй! Кто тамъ?—крикнулъ онъ.

Однако, привидѣніе—ни гу-гу, никакого отвѣта не даетъ: стоитъ, не шелохнется, не трогается.

— Ну, ну, отвѣчай у меня!..—заоралъ дѣтина,—а не то убирайся отсюда, нечего тебѣ здѣсь ночью прохлаждаться!..

А понамарь все стоялъ неподвижно, для того, чтобы дѣтина принялъ его за настоящее привидѣніе.

Закричалъ тутъ дѣтина во второй разъ:

— Да что тебѣ здѣсь нужно-то? Ты лучше отвѣчай, коли ты порядочный малый,—а не то я съ лѣстницы тебя спущу...

Понамарь же подумалъ:—„Ну, это только такъ говорится, для краснаго словца!..“—и слова не проронилъ, а стоялъ, словно изъ камня высѣченъ былъ.

Тутъ дѣтина крикнулъ на него въ третій разъ, а какъ и это не помогло, разбѣжался онъ изо всѣхъ силъ да привидѣніе съ лѣстницы и сбросилъ, такъ что оно десять ступеней пролетѣло, да въ дальній уголъ и уткнулось.

А дѣтина отзвонилъ и съ колокольни долой; домой пришелъ, словомъ ни съ кѣмъ не обмолвился, завалился въ постель и заснулъ на славу.

Долго понамариха мужа ждала, а его все нѣтъ. И стало ей напослѣдокъ страшно за него; растолкала она дѣтину и спрашиваетъ:

— Не знаешь ли ты, гдѣ мужъ пропалъ? Онъ, вѣдь, съ тобою на колокольню полѣзъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ дѣтина,—а стоялъ тамъ кто-то на лѣстницѣ, прямехонько противъ слухового окна; и такъ какъ онъ ни слова не хотѣлъ мнѣ отвѣтить, я его и принялъ за обманщика, да съ лѣстницы и сбросилъ!.. Пойдите туда сами, увидите, не онъ ли это; а мнѣ бы жалко было немножко, если это онъ!..

Кинулась понамариха туда и точно, нашла тамъ своего мужа: лежитъ, стонетъ: ногу себѣ сломалъ.

Перенесла она его домой и бросилась къ отцу дѣтины, а сама кричитъ благимъ матомъ.

— Вашъ-то молодчикъ,—жалуется,—вонъ какихъ ужасныхъ бѣдъ натворилъ: шутка,—мужа моего съ лѣстницы сбросилъ, такъ что тотъ ногу себѣ сломалъ. Уберите вы негоднаго изъ нашего дома.

Испугался отецъ, побѣжалъ туда,—нў сына бранить:

— Это что за богопротивныя проказы? А? Видно, лукавый тебя обошелъ!..

— Батя,—отвѣтилъ тотъ,—выслушай ты меня,—не виноватъ я ни въ чемъ: онъ, небось, стоялъ тамъ ночью, какъ злоумышленникъ. Я-то вѣдь не зналъ, кто это тамъ стоитъ, я его три раза честью просилъ отвѣтить мнѣ, или убираться прочь.

— Э-эхъ,—сказалъ отецъ,—съ тобою только еще грѣха наживешь. Убирайся ты съ глазъ моихъ долой. Я тебя и знать больше не хочу!..

— Ладно, батя, мнѣ—что жъ, все равно. Подождите только, какъ разсвѣтетъ, и тогда уйду я учиться бояться; по крайней мѣрѣ узнаю хоть это искусство, будетъ чѣмъ кормиться!..

— Учись, чему хочешь,—отвѣчалъ отецъ,—мнѣ рѣшительно все равно. Вотъ тебѣ пятьдесятъ талеровъ, и иди, куда глаза глядятъ, да смотри, никому изъ встрѣчныхъ не говори, откуда ты родомъ, и кто твой отецъ,—потому что ты меня этимъ только осрамишь.

— Ладно, батя, если ты ничего больше не наказываешь мнѣ, я такъ и исполню, какъ ты желаешь.

Только день забрезжилъ, сунулъ дѣтина въ карманъ пятьдесятъ талеровъ и пошелъ по большой дорогѣ и все бормоталъ, все бормоталъ одно и то же:

— Ахъ, кабы мнѣ чего-нибудь испугаться!.. Ахъ, кабы мнѣ отъ чего-нибудь страшно стало!..

Тутъ нагналъ его какой-то прохожій и услышалъ примолвку, которую дѣтина вслухъ самъ себѣ говорилъ; а послѣ того, какъ прошли они вмѣстѣ немного и завидѣли вдали висѣлицу, прохожій и говоритъ:

— Видишь ты вонъ это дерево, на которомъ семеро съ веревочной сестрой-петлей свадьбу справили, а теперь летать учатся? Такъ вотъ, сядь ты внизу, да ночи подожди,—тогда поневолѣ страху выучишься!

— Ой ли?.. Ну, коли ничего больше не требуется,—молвилъ дѣтина—это сдѣлать легко. Коли научусь я бояться,—получай въ награду пятьдесятъ талеровъ. Ужо утромъ приходи меня провѣдать.

И пошелъ добрый молодецъ къ повѣшеннымъ, сѣлъ подъ ними и терпѣливо сталъ вечера поджидать.

Къ ночи холодъ завернулъ, дѣтина и развелъ себѣ костеръ. Въ полночь же подулъ такой холодный вѣтеръ, что дѣтина, несмотря на огонь, никакъ согрѣться не могъ. А когда вѣтеръ началъ толкать повѣшенныхъ одинъ о другого, и они стали раскачиваться, дѣтина подумалъ: — „Я вотъ у огня мерзну, а каково имъ тамъ наверху-то мерзнуть и дрожать“.

И такъ какъ былъ онъ человѣкъ сострадательный, — то мигомъ приставилъ лѣстницу, взлѣзъ наверхъ, высвободилъ повѣшенныхъ одного за другимъ изъ петель и снялъ всѣхъ семерыхъ.

Затѣмъ онъ развелъ огонь поярче, раздулъ его, разсадилъ ихъ кругомъ, чтобъ и имъ погрѣться можно было. Но они сидѣли безъ движенія, и пламя начало касаться ихъ платья. Онъ ихъ остерегъ:

— Эй, вы, будьте осторожны, а не то я васъ и опять повѣшу!..

Повѣшенные его не слушали, молчали и не обращали вниманія на то, что лохмотья ихъ уже тлѣли. Разсердился тогда дѣтина и говоритъ:

— Ну, коли вы сами беречься не хотите, мнѣ за вами не углядѣть,—а самому съ вами зажариться—охоты нѣтъ!..

И безъ долгихъ разговоровъ онъ взялъ ихъ и развѣсилъ попрежнему. Потомъ сѣлъ къ огню и заснулъ себѣ преспокойно; на утро пришелъ къ нему прохожій, хочетъ пятьдесятъ талеровъ получить и спрашиваетъ:

— Ну, что, небось, узналъ теперь, что такое страхъ?..

— Гдѣ тамъ!.. нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—откуда же мнѣ его узнать? Тѣ, что наверху-то, рта не разинули и были такъ глупы, что не тушили огня, когда лохмотья тлѣли на нихъ.

Тогда прохожій ясно понялъ, что пятидесяти талеровъ ему получить не за что, повернулся, пошелъ прочь и все бормоталъ про себя:

— Такого еще я отродясь не встрѣчалъ!..

А дѣтина пошелъ своею дорогою, и все бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Ахъ, кабы мнѣ страшно стало! Ахъ, кабы мнѣ испугаться чего-нибудь!..

Это услыхалъ извозчикъ, который нагналъ его дорогой, и спросилъ:

— Кто ты таковъ?

— Почемъ я знаю,—отвѣтилъ дѣтина.

Извозчикъ дальше спрашиваетъ:

— Откуда ты?..

— Не знаю.

— Ну, кто твой отецъ?

— А этого я сказать не смѣю.

— А что это ты тамъ подъ носъ бормочешь? А?

— Эхъ, — молвилъ дѣтина, — хочется больно, чтобы страшно мнѣ стало отъ чего бы то ни было, а научить меня этому никто не можетъ.

— Брось ты вздоръ-то молоть,—крикнулъ извозчикъ,— иди со мной; увидишь, какъ я тебя къ дѣлу пристрою.

Пошелъ дѣтина за извозчикомъ, и къ вечеру добрались они до харчевни, гдѣ и остановились на ночлегъ. А, входя въ горницу, дѣтина опять вздохнулъ и сказалъ громко:

— Ахъ, если бы мнѣ страшно стало! Ахъ, кабы хоть что-нибудь меня попугало!..

Услышалъ это хозяинъ харчевни, захохоталъ и говоритъ:

— Коли охота тебя къ тому разбираетъ, здѣсь предвидится къ тому случай...

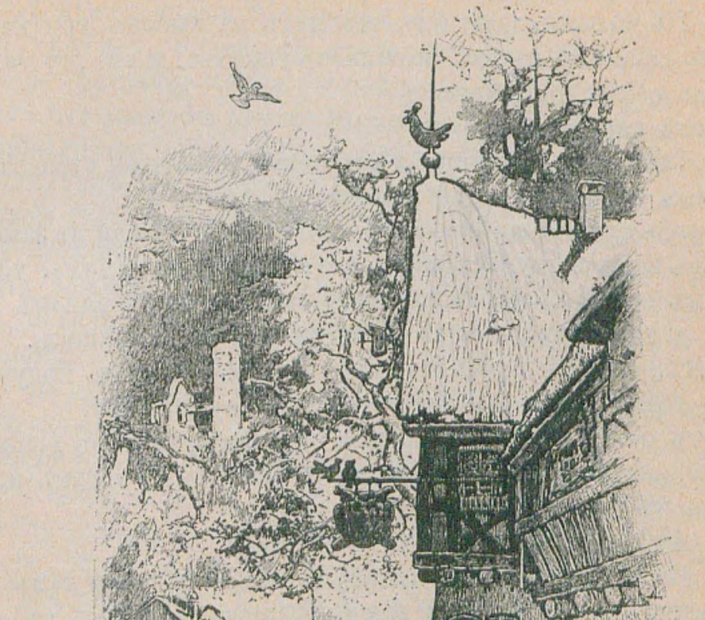
— Ахъ, замолчи ты пожалуйста, — воскликнула хозяйка,—столько смѣлыхъ сорванцовъ лишились жизни изъ-за этого,—какъ жаль будетъ, если и этотъ удалецъ смотрѣть на Божій свѣтъ перестанетъ.

Но дѣтина сказалъ:

— Какъ это ни тяжело,—я хочу этому выучиться... Для того-то я собственно и пошелъ странствовать.

И онъ хозяину покою не давалъ, до тѣхъ поръ, покамѣстъ тотъ не повѣдалъ ему, что вотъ-де недалеко отъ нихъ стоитъ заколдованный за̀мокъ, гдѣ всякій скорехонько научится страху, ежели только три ночи тамъ продежуритъ; король-де даже обѣщалъ руку своей дочери тому, кто на то отважится, а принцесса такая прекраснѣйшая женщина, какую когда-либо и солнце озаряло: въ за̀мкѣ же скрыты несмѣтныя сокровища, и стерегутъ тѣ сокровища злые духи... Освободи эти сокровища, и они сразу нищаго обогатить могутъ!.. Много охотниковъ пыталось туда войти, да только никто изъ нихъ назадъ не вернулся.

Вотъ дѣтина на другой день чѣмъ свѣтъ явился къ королю и сказалъ:



— Ежели разрѣшатъ мнѣ, я бы не прочь продежурить въ заколдованномъ зàмкѣ три ночи.

Король оглянулъ его съ ногъ до головы, и какъ дѣтина ему больно приглянулся, то и сказалъ:

— Ты можешь получить отъ насъ на выборъ три какія-нибудь вещи, но только не живое существо, и все это захватить съ собою въ за̀мокъ.

Тогда парень отвѣчалъ:

— Такъ ужъ попрошу я себѣ огня, токарный станокъ да верстакъ съ ножомъ для рѣзчика.

Король тотчасъ приказалъ отнести всѣ эти вещи въ за̀мокъ.

Вотъ какъ ночь настала, пошелъ дѣтина въ за̀мокъ, устроился въ одной каморкѣ, развелъ огонь поярче, рядомъ верстакъ установилъ, а самъ сталъ за токарный станокъ.

„Ахъ, если бы мнѣ страшно стало! — вслухъ подумалъ онъ, — только, чай, и здѣсь этому не научишься“.

Вотъ около полуночи хотѣлъ онъ, было, костеръ развести поярче, сталъ на огонь дуть, какъ закричитъ вдругъ кто-то въ одномъ изъ угловъ:

— Ау, мяу!.. Холодно намъ что-то!..

— Ну, ну, дурачки! — крикнулъ онъ, — чего вы тамъ раскричались? Коли холодно вамъ, выходите, садитесь къ огню да обогрѣйтесь.

И только онъ слово успѣлъ вымолвить, какъ вдругъ двѣ огромныя, черныя кошки въ одинъ прыжокъ выскочили къ нему, усѣлись по бокамъ и дико уставились на него своими огненными глазами.

Немного спустя, обогрѣвшись, онѣ сказали:

— Дружище! Давай, что ли, въ карты сыграемъ!

— А что жъ! — отвѣтилъ онъ. — Только покажите-ка мнѣ сначала ваши лапы.

Вытянули онѣ свои когти.

— Ого, — молвилъ онъ, — экіе у васъ когти-то длинные!.. Стойте-ка, ихъ вамъ обстричь надо.

И схватилъ онъ кошекъ за шиворотъ, поднялъ ихъ на верстакъ и крѣпко-на-крѣпко зажалъ имъ въ тиски лапы.

— Осмотрѣлъ я ваши пальчики,—сказалъ онъ,—и прошла у меня всякая охота съ вами въ карты играть!

Онъ убилъ ихъ и выбросилъ въ прудъ подъ окномъ.

Но едва онъ прикончилъ съ двумя первыми и хотѣлъ, было, къ огню присѣсть, откуда ни возьмись, пошли вдругъ выскакивать изъ разныхъ угловъ со всѣхъ концовъ черныя кошки и черныя собаки съ раскаленными цѣпями,—и все больше и больше, такъ что дѣтина уберечься отъ нихъ не могъ: онѣ кричали отвратительно, лѣзли въ самый огонь, растаскивали головешки въ разныя стороны, и не думали тушить ихъ. Съ минуту слѣдилъ онъ спокойно за этой суматохой, да, наконецъ, досадно ему стало, схватилъ онъ свой ножикъ да какъ крикнетъ:

— Прочь отсюда, нечисть!.. Прочь!..—а самъ быстро кинулся на нихъ.

Часть ихъ разбѣжалась, иныхъ онъ уложилъ на мѣстѣ и выбросилъ вонъ въ прудъ. Наконецъ, вернулся на прежнее мѣсто, раздулъ еле тлѣвшій костеръ снова и обогрѣлся немного. И въ то время, когда онъ такъ сидѣлъ, стали глаза его слипаться, и страшно захотѣлось ему спать. Осмотрѣлся онъ по сторонамъ и видитъ,—въ углу стоитъ большая кровать.

— Э, вотъ это мнѣ на руку!—сказалъ онъ и тотчасъ же улегся на нее. Но чуть только онъ глаза завелъ, какъ вдругъ кровать подъ нимъ тронулась съ мѣста и поѣхала по всему зàмку.

— Вотъ такъ тàкъ,—сказалъ онъ,—а хорошо бы поскорѣе!..

И кровать помчалась, какъ-будто шестерку въ нее запрягли,—черезъ пороги, лѣстницы, вверхъ, внизъ,—ухъ, ты какъ!.. и вдругъ—гопъ-гопъ—и кровать перекувырнулась, ножками вверхъ, такъ что на дѣтину точно гора навалилась.

Онъ разбросалъ одѣяло, простыню и подушки, куда попало, вышелъ изъ-подъ этой груды и сказалъ:

— Ну, пускай теперь одна катается, коли охота есть,— потомъ прилегъ у огня и заснулъ всласть до утра. На утро самъ король пришелъ его провѣдать, и какъ завидѣлъ его распростертымъ у огня, такъ и подумалъ, что духи покончили съ нимъ, и онъ уже умеръ. И сказалъ онъ тогда:

— А вѣдь жаль этого дѣтину!

Но дѣтина, заслышавъ это, встрепенулся, всталъ на ноги и сказалъ:

— Ну, дѣло еще не такъ далеко зашло!..

И удивился король, обрадовался и сталъ выспрашивать, что тутъ такое съ нимъ было.

— Все какъ слѣдуетъ, хорошо,—отвѣчалъ тотъ,—одна ночь прошла мимо, двѣ слѣдующія такъ же пройдутъ.

А когда онъ пришелъ въ харчевню, и хозяинъ глаза вытаращилъ.

— Я и не думалъ,— сказалъ онъ,— въ живыхъ тебя видѣть!.. Ну... что? Выучился ты бояться-то? А?

— Нѣтъ,—сказалъ дѣтина,—все это тщетно. Хоть бы кто наставилъ меня уму-разуму!..

Пошелъ онъ на другую ночь въ зàмокъ, усѣлся къ огню и затянулъ опять свою старую пѣсню:

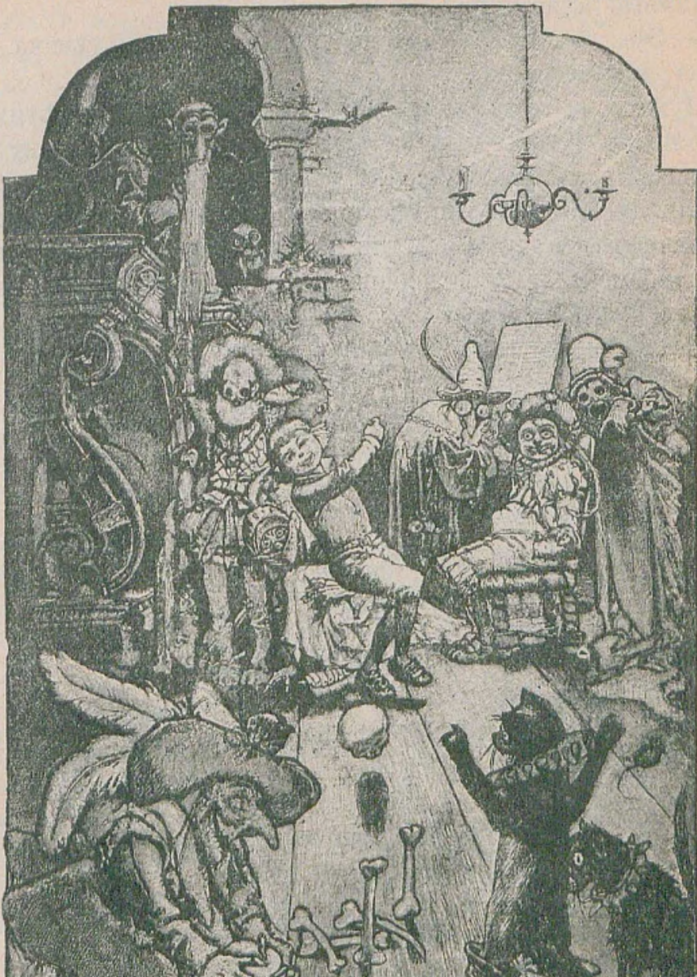
— Ахъ, кабы мнѣ страшно стало!..

Только полночь настала, послышались шумъ и грохотъ, сначала тихонько, потомъ все шибче, шибче; потомъ немножко будто пріумолкло, и вдругъ съ громкими воплями вывалилось изъ каминной трубы къ его ногамъ полчеловѣка.

— Эхва!—крикнулъ дѣтина,—еще половины не хватаетъ. Этого намъ мало!

И снова, съ свѣжими силами поднялись вопли, зашумѣло, завыло что-то, и грохнулась изъ трубы другая половина.

— Стопъ!—крикнулъ дѣтина.—Я тебѣ сначала огонь поярче вздую.


ПЕТУНИНЪ

А когда онъ раздулъ огонь, да снова оглянулся,—обѣ половины уже срослись, а на его мѣстѣ возсѣдалъ угрюмый, уродливый мужичина...

— Э-э, такого уговора не было,—сказалъ дѣтина,—скамейка, небось, моя!..

Мужичина хотѣлъ, было, его оттолкнуть, но дѣтинѣ это было не по нутру;—онъ, не будь плохъ, самъ оттолкнулъ его изо всѣхъ силъ и преспокойно усѣлся на свое мѣсто.

Между тѣмъ еще повывалилось множество такихъ же уродовъ, другъ за дружкой. Они достали откуда-то девять ножныхъ костей и два черепа, разставили кости и начали играть, какъ въ кегли.

Стало подмывать и дѣтину поиграть съ ними; вотъ онъ и говоритъ:

— Слушайте, вы,—можно и мнѣ съ вами?

— О, да!.. А есть ли у тебя только деньги?

— Денегъ-то хватитъ,—отвѣтилъ онъ, — только шары-то ваши не очень круглы.

Тутъ взялъ онъ черепа, завинтилъ ихъ въ токарный станокъ и живо обточилъ ихъ на славу.

— Вотъ такъ... Теперь, они лучше будутъ катиться,—молвилъ онъ.—Ай-да!.. то-то потѣха!..

И онъ долго игралъ съ ними, проигралъ сколько-то денегъ, но едва двѣнадцать пробило, какъ все исчезло. Дѣтина улегся и спокойно заснулъ.

На другой день пришелъ король его провѣдать.

— Ну, какъ дѣло было на этотъ разъ?—спрашиваетъ.

— А я въ кегли игралъ, — отвѣчалъ дѣтина, — да проигралъ пару грошей.

— И не страшно тебѣ было?

— Чего тамъ!—говоритъ.—Весело было,—это такъ. Ахъ, кабы довелось мнѣ узнать, что такое страхъ!..

На третью ночь сѣлъ онъ снова на свою скамейку и молвилъ съ сердцемъ:

— Ахъ, кабы мнѣ да страшно сдѣлалось!..

И вотъ, когда стало совсѣмъ уже поздно, явились шесть страшныхъ великановъ и принесли съ собою гробъ.

Тогда дѣтина сказалъ:

— А-а, это, вѣроятно, мой двоюродный братецъ, который дня два какъ умеръ!—Онъ поманилъ пальцемъ и сталъ кликать:

— Иди, братецъ, иди!..

Великаны опустили на землю гробъ, а дѣтина подошелъ къ нему и сорвалъ съ него крышку: тамъ лежалъ мертвецъ. Онъ дотронулся до его лица,—оно было холодно, какъ ледъ.

— Постой,—сказалъ дѣтина,—я тебя немножко отогрѣю!— Онъ подошелъ къ огню, нагрѣлъ руки и приложилъ ихъ къ холодному лицу мертвеца. Потомъ онъ вынулъ его изъ гроба, усѣлся у огня, а мертваго положилъ къ себѣ на колѣни, и ну́ тереть ему руки, чтобы возбудить кровообращеніе. Но когда и это не привело ни къ чему, онъ подумалъ:—„Ежели вдвоемъ въ постель лечь,—такъ мы согрѣемся оба!“—и отнесъ его на кровать, укрылъ его и самъ улегся съ нимъ рядомъ. Немного спустя, мертвый, точно, согрѣлся и сталъ двигаться. Дѣтина ему и говоритъ:

— Ну, вотъ, видишь, братецъ! Хорошо, что я тебя отогрѣлъ!

Однако, мертвый поднялся вдругъ и завопилъ:

— Ну, а теперь я тебя задушу!

— Что-о?..—крикнулъ дѣтина.—Такъ это-то твоя благодарность... Ступай лучше опять въ гробъ! Нечего тамъ!—онъ поднялъ его, швырнулъ назадъ въ гробъ и захлопнулъ крышку...

Тогда приблизились шестеро великановъ и унесли гробъ съ собою.

— Не страшитъ меня здѣсь ничего, и шабашъ,—печалился дѣтина,—нѣтъ, здѣсь я страху въ жизнь не выучусь!..

И вошелъ тогда къ нему человѣкъ, а былъ онъ много-много выше, чѣмъ всѣ другіе, съ виду—сущее пугало; то былъ старикъ, съ длинною, сѣдою бородою.

— Ахъ, ты, мразь этакая!—воскликнулъ онъ,—ну, сейчасъ выучишься ты у меня, что такое страхъ, потому что ты долженъ умереть.

— Ну, ну, не такъ скоро, не спѣши,—отвѣчалъ дѣтина,—коли мнѣ умирать надо, такъ вѣдь за мною дѣло-то...

— А вотъ я тебя схвачу, да и не выпущу!—сказало чудовище.

— Ну, ну, потише, потише! Что больно ужъ расходился! Съ тобою-то я равенъ силами, а то и посильнѣе буду!..

— Ну, это мы увидимъ!—молвилъ старикъ.—Коли ты сильнѣе меня, такъ я тебя помилую. Давай помѣряемся-ка.

И повелъ онъ его по темнымъ переходахъ въ свою кузницу, тамъ онъ размахнулся топоромъ и однимъ ударомъ вшибъ въ землю всю наковальню.

— Ну, я и почище сдѣлаю,—сказалъ дѣтина и приблизился къ другой наковальнѣ. Старикъ сталъ рядомъ, чтобы слѣдить за нимъ, а его бѣлая борода ниспадала до земли.

Тогда дѣтина ухватилъ топоръ, однимъ ударомъ разсѣкъ наковальню пополамъ и защемилъ бороду старика въ разрубѣ.

— Ну, теперь ты въ моей власти! — воскликнулъ дѣтина.—Теперь твой конецъ пришелъ!

Онъ схватилъ желѣзный прутъ и сталъ старика охаживать, пока тотъ не завылъ и не взмолился о пощадѣ, обѣщая за то ему несмѣтныя сокровища.

Вынулъ дѣтина топоръ и выпустилъ старика на волю.

Тогда повелъ его старикъ назадъ въ за̀мокъ и показалъ ему въ погребѣ три сундука, полные золота.

— Изъ нихъ,—произнесъ онъ,—одна часть—въ пользу бѣдныхъ, другая—королю, а третья—твоя.

Пробило полночь, и духъ исчезъ, а дѣтина остался одинъ впотьмахъ.

— Отсюда-то я выберусь,—сказалъ онъ, пошарилъ вокругъ, отыскалъ дорогу въ свою коморку и сладко заснулъ тамъ у огня.

На утро пришелъ король и говоритъ:

— Теперь-то ужъ ты выучился бояться?..

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—все это ничего не значитъ!.. Мой мертвый двоюродный братъ приходилъ сюда; являлся бородатый мужичина, который мнѣ показалъ внизу много денегъ; — но что такое страхъ, этого никто мнѣ такъ-таки и не объяснилъ!..

Тогда сказалъ ему король:

— Ты освободилъ отъ чаръ этотъ зàмокъ и долженъ жениться на моей дочери.

— Все это прекрасно,—сказалъ дѣтина,—а все же я такъ-таки и не добился того, что значитъ бояться?..

И вотъ повынесли золото изъ тайниковъ, отпраздновали свадьбу, но молодой королевичъ, какъ ни любилъ свою супругу и какъ ни былъ счастливъ и доволенъ, но все же вздыхалъ и говорилъ:

— Если бы я только могъ бояться чего-нибудь!.. Если бы мнѣ стало страшно!

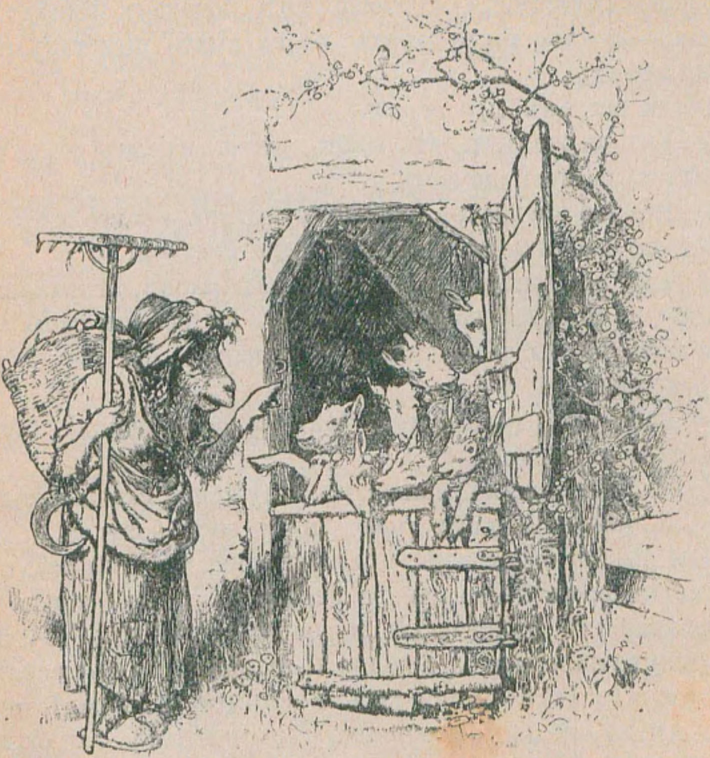
И это исполнилось, наконецъ. Служанка сказала какъ-то:

— Я помогу вашему горю, научу васъ бояться.

Она вышла къ рѣчкѣ, что протекала черезъ садъ, и приказала наловить цѣлое ведро пескарей. Ночью, когда молодой королевичъ сладко спалъ, королевна сняла съ него одѣяло, опрокинула на него цѣлое ведро холодной воды съ пескарями, такъ что маленькія рыбки такъ и запрыгали вокругъ него.

— Ай, ай, ай, какъ страшно!.. Что это такое?.. Ай, страшно, милая жена!.. О, да, теперь я понимаю, какъ это можетъ быть страшно!..

Волкъ и семеро малыхъ козлятъ.



Жила однажды старая коза; у нея было семеро козлятъ, которыхъ она любила такъ, какъ только мать можетъ любить своихъ дѣтей.

Вотъ однажды вздумалось ей въ лѣсъ за кормомъ сходить; она собрала вокругъ себя козлятъ и говоритъ:

— Милыя дѣтки! хочется мнѣ въ лѣсъ пойти, такъ вы безъ меня остерегайтесь волка... Ежели только волкъ къ вамъ заберется,—онъ васъ съ кожей и шерстью проглотитъ. Этотъ злоумышленникъ часто притворяется, что онъ не волкъ; впрочемъ, вы его по грубому голосу да по чернымъ ногамъ сейчасъ узнаете!

А козлятки ей въ отвѣтъ:

— Матушка милая, ужъ мы поостережемся! Вы можете отправиться и ни о чемъ дурномъ не думать.

Заблеяла старая и, спокойная, утѣшенная, отправилась въ путь-дорогу.

Немного времени спустя, вдругъ постучался кто-то въ дверь козьяго домика и крикнулъ:

— А ну-ка, отворите, милые ребятки, ваша мать пришла и каждому кое-что полакомиться принесла!

Но козлятки по грубому голосу сразу догадались, что это былъ самъ волкъ.

— Нѣтъ, шалишь, не отопремъ тебѣ!—крикнули они:—ты не мать наша, у той такой нѣжный и ласковый голосъ, а у тебя голосище хриплый!.. Ты, голубчикъ,—волкъ!..

Мигомъ сбѣгалъ волкъ къ лавочнику и купилъ себѣ большой кусокъ мѣлу; онъ его сгрызъ, въ надеждѣ, что голосъ его станетъ понѣжнѣе. Вернулся назадъ, постучался въ дверку и крикнулъ:

— Отворите-ка, милыя дѣтки... Ваша мать пришла и каждому кое-что полакомиться принесла.

Да, какъ на грѣхъ, положилъ онъ свои черныя лапищи на подоконникъ, а козлятки и увидали ихъ и заверещали:

— Нѣтъ, нѣтъ, не откроемъ тебѣ: у матушки отродясь черныхъ лапъ, какъ у тебя, не бывало!.. А ты—волкъ!

Побѣжалъ волкъ къ булочнику и говоритъ:

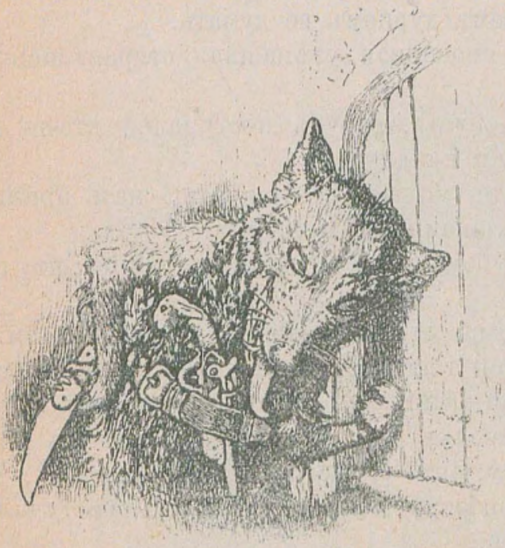
— Я вотъ лапы занозилъ: замажь-ка мнѣ ихъ тѣстомъ.

И какъ только булочникъ вымазалъ ему лапы,—онъ побѣжалъ къ мельнику и попросилъ его:

— Посыпь мнѣ мукою лапы.

Мельникъ подумалъ:—„навѣрно, волкъ задумалъ какую-нибудь проказу“,—и сталъ, было, отказываться, да волкъ его припугнулъ:

— Если ты не сдѣлаешь этого, я тебя слопаю!..



Испугался мельникъ и забѣлилъ ему лапы мукою. Да, таковы-то люди!

Вотъ въ третій разъ волкъ подкрался къ двери снова, постучался и сказалъ:

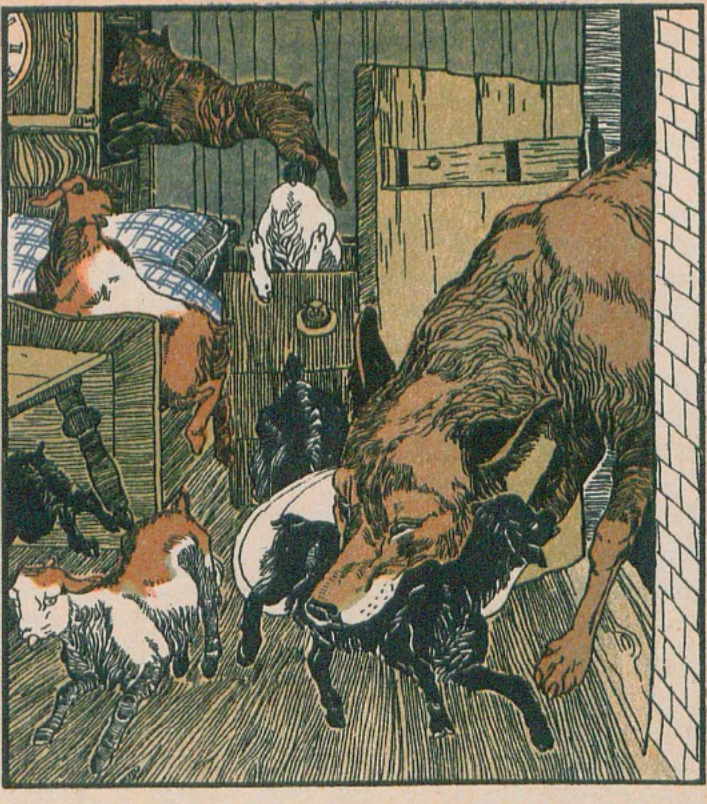
— Отворите, дѣтки, ваша любящая мать вернулась къ вамъ и каждому кое-что изъ лѣсу принесла.

Козлятки крикнули:

— А ну-ка, покажи намъ свои лапы, чтобъ намъ увѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ ты—наша мать?..

Волкъ—и лапы на подоконникъ, а козлятки, какъ только увидали, что онѣ бѣлёхоньки,—повѣрили его словамъ и распахнули двери настежь...

Кто же вошелъ къ нимъ?—да самъ волкъ! Козлятки испугались, бросились хорониться—кто куда: одинъ скакнулъ подъ столъ, другой—въ постель, третій—въ печку, четвертый—въ кухню, пятый—въ шкапъ, шестой—подъ умывальную чашку, седьмой—въ часовой футляръ.



„Волкъ и семеро малыхъ
Козлятъ“.

Да волкъ,—не будь плохъ, всѣхъ ихъ разыскалъ и даромъ времени съ ними не тратилъ,—одного за другимъ проглотилъ цѣликомъ, и дѣло съ концомъ.

Накушавшись вплотную, волкъ убрался поскорѣе во-свояси и развалился на зеленой лужайкѣ подъ деревомъ и сладко заснулъ.

Вскорѣ послѣ того вернулась старая коза изъ лѣсу. Ахъ, что она увидала! Дверь ея домика распахнута настежь: столъ, стулья, скамьи опрокинуты; умывальная чашка валялась въ черепкахъ; одѣяло и подушки были сброшены съ постели. Бросилась она дѣтокъ искать, а ихъ и слѣдъ простылъ. Стала она выкликать по именамъ,—никто голосу не подаетъ.

И только когда она окликнула, наконецъ, младшаго козленка, — тоненькій голосъ проблеялъ:

— Милая маменька, я завязъ въ часовомъ ящикѣ!

Мигомъ она его вытащила оттуда,—и повѣдалъ онъ ей, какъ пришелъ къ нимъ волкъ и пожралъ всѣхъ остальныхъ козлятъ.

Можете представить, какъ коза плакала и горевала о бѣдныхъ дѣткахъ!..

Плача, вышла она, наконецъ, изъ домика, а младшій козленокъ выбѣжалъ слѣдомъ за нею. Только вышла она на лужайку, а волкъ—вотъ онъ—подъ деревомъ развалился и храпитъ такъ, что вѣтви надъ нимъ колышатся.

Внимательно осмотрѣла его коза со всѣхъ сторонъ и тутъ только замѣтила, что у него въ желудкѣ что-то шевелится, барахтается...

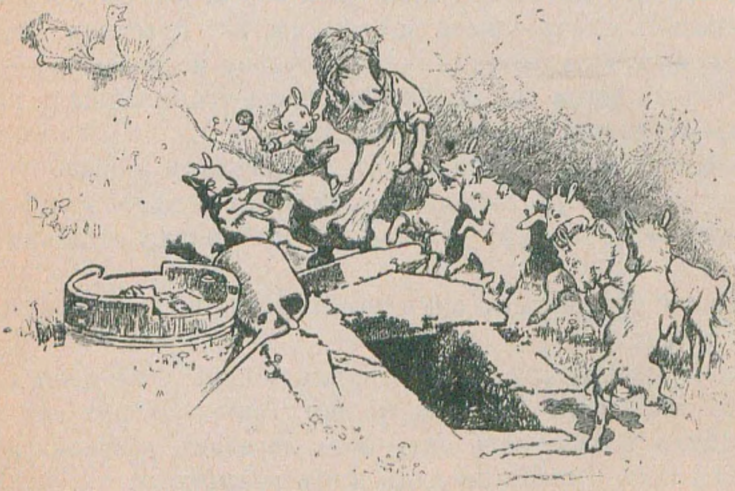
„Боже мой!.. — подумала она, — неужели еще живы мои бѣдныя дѣтки, которыхъ онъ проглотилъ за ужиномъ!“

Младшій козленокъ тотчасъ же сбѣгалъ домой за ножницами, иголкой и нитками, и коза раскроила этому чудовищу брюхо, и едва она начала рѣзать, какъ козлята повыскакали одинъ за другимъ, живые и здоровые, потому что чудовище въ поспѣшности да жадности глотало ихъ цѣликомъ.

То-то было радости! Стали козлята ласкаться къ матери, стали подпрыгивать вокругъ нея, словно портняга, справляющій свадьбу.

Но старая коза молвила имъ:

— Теперь бѣгите, ищите булыжниковъ, — мы ими набьемъ брюхо безбожному звѣрюгѣ, покамѣстъ онъ еще не проспался!..



Живо семеро козлятокъ натаскали камней и набили ими брюхо волку, сколько туда вошло. А старая коза, какъ можно скорѣе, на живую нитку заштопала шкуру, такъ что чудовище ничего и не почувствовало и ни разу во снѣ не пошевельнулось.

Вотъ выспался волкъ, поднялся на ноги, а такъ какъ булыжники возбуждали въ желудкѣ мучительную жажду, онъ и вздумалъ отправиться къ колодцу, водицы испить.

Только прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, какъ стали булыжники у него въ брюхѣ постукивать, другъ о дружку пощелкивать. Онъ и завопилъ:

Что гремитъ тамъ, что грохочетъ,
Что въ желудкѣ такъ щекочетъ?..
Я-то думаю,—козлятки,
Анъ—булыжникъ это гадкій!..

А какъ подошелъ онъ къ колодцу, да наклонился надъ водою, чтобы всласть полакать,—тутъ тяжелые булыжники и потянули его въ воду, онъ и захлебнулся.

Какъ увидѣли это семеро козлятокъ, прибѣжали они со всѣхъ ногъ, заблеяли во все горло:

— Утонулъ волчище! Утонулъ сѣрый!..—и ну танцовать, да хороводы водить, вмѣстѣ съ матерью вокругъ колодца.

Вѣрный Іоганнъ.

Жилъ былъ однажды старый король, да занемогъ онъ вдругъ тяжко и задумался:

„Вѣрно, я ужъ больше не встану съ постели, на которой лежу“.

И сказалъ онъ:

— Позовите ко мнѣ вѣрнаго Іоганна!

А вѣрный Іоганнъ былъ его любимый слуга и звали его такъ потому, что вѣрой-правдой служилъ онъ ему всю жизнь. И вотъ, когда слуга приблизился къ ложу, король ему сказалъ:

— Мой вѣрный Іоганнъ!.. Чую я, что близится мой конецъ, и нѣтъ у меня на сердцѣ иной заботы; какъ только о моемъ сынѣ: онъ еще такъ молодъ, что жить своимъ умомъ-разумомъ—ему еще не подъ силу, и если ты мнѣ не пообѣщаешь руководить имъ и разъяснить ему все, что вѣдать должно, и быть его опекуномъ, — я спокойно и глазъ не закрою.

И отвѣчалъ на то вѣрный Іоганнъ:

— Не покину я его, буду ему вѣрой и правдой служить, хотя бы это мнѣ даже стоило жизни.

Тогда молвилъ ему старый король:

— Я умру, утѣшенный съ миромъ!..—И продолжалъ затѣмъ далѣе:—послѣ моей смерти ты покажешь ему весь за́мокъ:

всѣ помѣщенія, залы, и подвалы, и всѣ сокровища, что схоронены тамъ; только не показывай ему самую послѣднюю комнату въ концѣ длиннаго корридора, гдѣ спрятанъ портретъ королевской дочери съ Золотой Кровли... какъ только онъ увидитъ ее, — то полюбитъ мгновенно всѣмъ сердцемъ, да такъ, что упадетъ даже безъ чувствъ, и ради нея пойдетъ очертя голову на большія опасности... отъ этого ты его долженъ охранить!..

И въ другой разъ поклялся вѣрный Іоганнъ старому королю въ томъ же, и король успокоился, уронилъ на подушки голову и умеръ.

Когда схоронили стараго короля, вѣрный Іоганнъ повѣдалъ молодому королю, что обѣщалъ онъ его отцу при смертномъ одрѣ, и прибавилъ:

— И я сдержу, конечно, свое обѣщаніе, стану я тебѣ такъ же вѣрно служить, какъ служилъ ему, хотя бы это стоило мнѣ жизни!..

Прошло время печали, и сказалъ вѣрный Іоганнъ королю:

— Ну, теперь пора тебѣ осмотрѣть свое наслѣдство, — я покажу тебѣ твой родовой за̀мокъ.

И повелъ онъ его повсюду, наверхъ и внизъ, показывалъ ему всѣ богатства и роскошно убранныя комнаты, — только одной комнаты не открылъ онъ, — той, гдѣ висѣла опасная картина. А картина была повѣшена такъ, что какъ откроешь дверь,—она такъ и бросалась въ глаза; и была она написана такъ чу̀дно, что, казалось, это изображеніе жило въ самомъ дѣлѣ, и не было въ цѣломъ свѣтѣ никого милѣе и прекраснѣе этой красавицы.

Однако, король замѣтилъ, что вѣрный Іоганнъ постоянно мимо этой двери проходитъ, и спросилъ его:

— А почему ты вотъ эту дверь не отворяешь мнѣ?

— Тамъ есть нѣчто такое, — отвѣтилъ тотъ, — чего ты испугаешься!..

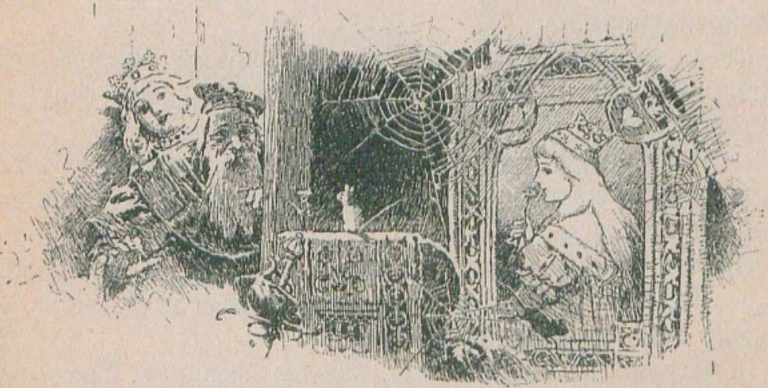
Но король сказалъ ему:

— Я осмотрѣлъ весь замокъ и хочу знать, что тамъ!..— подошелъ къ двери и хотѣлъ самъ силою отворить ее.

Тогда вѣрный Іоганнъ сталъ отговаривать его и сказалъ:

— Я твоему отцу передъ смертью обѣщалъ, что ты не увидишь того, что спрятано въ этомъ помѣщеніи. Большимъ несчастіемъ можетъ это обрушиться на насъ обоихъ.

— Ахъ,—отвѣчалъ молодой король,—ежели я только не войду туда,—это будетъ уже моя вѣрная погибель: я буду и днемъ, и ночью, тревожиться, покамѣстъ не увижу собственными глазами, что тамъ такое. И съ мѣста я не сойду, пока ты мнѣ не отворишь!..



Видитъ вѣрный Іоганнъ, что ничего ему другого дѣлать не остается, и съ тяжелымъ сердцемъ, глубоко вздыхая, отыскалъ ключъ въ большой связкѣ.

Какъ только онъ отомкнулъ дверь, то вошелъ поскорѣе туда первымъ, въ надеждѣ заслонить собою изображеніе, чтобы король его не замѣтилъ. Да ничего не помогло!.. Король поднялся на цыпочки и заглянулъ черезъ его плечо.

И едва только увидѣлъ онъ изображеніе молодой дѣвушки, что была такъ прекрасна и блистала золотомъ и драгоцѣнными каменьями,—какъ безъ чувствъ упалъ на землю...

Вѣрный Іоганнъ подхватилъ его, снесъ на кровать, а самъ, озабоченный, опечаленный, все думалъ:

„Несчастье совершилось! Господи, Боже! Чѣмъ все это только кончится!“..—потомъ онъ подкрѣпилъ молодого короля виномъ, и король мало-по-малу пришелъ въ себя. Первое, что онъ сказалъ, было:

— Ахъ, чье это чу́дное изображеніе?

— То королевская дочь съ Золотой Кровли, — отвѣтилъ вѣрный Іоганнъ.

Король продолжалъ:

— Я полюбилъ ее такъ сильно, что, будь языки у всѣхъ листьевъ на деревьяхъ, они не могли бы высказать моего чувства... Я пожертвую жизнью своею, чтобы только добиться ея... И ты, мой вѣрнѣйшій Іоганнъ, долженъ содѣйствовать мнѣ въ этомъ!..

Долго раздумывалъ вѣрный слуга, съ чего дѣло начать, потому что трудно было даже добраться и увидать въ лицо королевскую дочь. Наконецъ, придумалъ онъ планъ дѣйствій и сказалъ королю:

— Королевна живетъ, окруженная золотомъ: столы, стулья, сосуды, кубки, чаши и вся домашняя утварь у нея—все золотые... Есть въ твоей сокровищницѣ пять бочекъ золота, и вотъ повели ты лучшимъ въ твоемъ государствѣ золотыхъ дѣлъ мастерамъ изъ одной бочки вылить всевозможную посуду и разную утварь наподобіе птицъ, дикихъ и диковинныхъ звѣрей, — это ей по нраву придется; съ этимъ мы и поплывемъ къ ней счастья попытать.

И король созвалъ всѣхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ,—и тѣ должны были работать и день, и ночь, покамѣстъ всѣ прекрасныя вещи не были готовы.

Когда нагрузили корабль всѣмъ этимъ добромъ, вѣрный Іоганнъ переодѣлся купцомъ, и король долженъ былъ послѣдовать его примѣру, чтобы стать вовсе неузнаваемымъ. Потомъ они пустились въ море и плыли долго, пока не приплыли къ городу, гдѣ жила королевская дочь съ Золотой Кровли.

Оставилъ вѣрный Іоганнъ короля на кораблѣ дожидаться его прихода.

— Быть можетъ,—сказалъ онъ,—я королевну и съ собою приведу... такъ вы позаботьтесь, чтобы все въ порядкѣ было, да разставьте всѣ золотыя подѣлки, словомъ, изукрасьте весь корабль!..

Потомъ набралъ онъ въ фартукъ разныхъ золотыхъ бездѣлушекъ, сошелъ на берегъ—и прямо къ королевскому за̀мку.

Вошелъ онъ во дворъ за̀мка,—а тамъ стояла красавица-дѣвушка у колодца, и въ рукахъ у нея были два золотыхъ ведра; она черпала ими воду.

И только, было, хотѣла она нести сверкавшую на солнцѣ воду и повернулась уходить,—какъ запримѣтила вдругъ незнакомаго человѣка и спросила его, кто бы онъ такой былъ?

Отвѣчалъ онъ ей:

— Я—купецъ!..—и открылъ свой фартукъ, чтобы она хоть глазкомъ заглянула туда.

Тогда она вскрикнула:

— Ахъ, что за чу̀дныя золотыя издѣлія!.. — опустила ведра на землю и стала разсматривать вещи одну за другой. Въ концѣ концовъ, дѣвушка сказала:

— Этимъ и королевская дочь должна полюбоваться,—она такая охотница до золотыхъ издѣлій, что все у васъ, пожалуй, скупитъ!..

И она взяла его за руку и повела его въ за̀мокъ,—потому что это была придворная служанка. Какъ завидѣла королевская дочь товары, обрадовалась она и говоритъ:

— Все это сработано такъ хорошо, что я у тебя все и куплю!

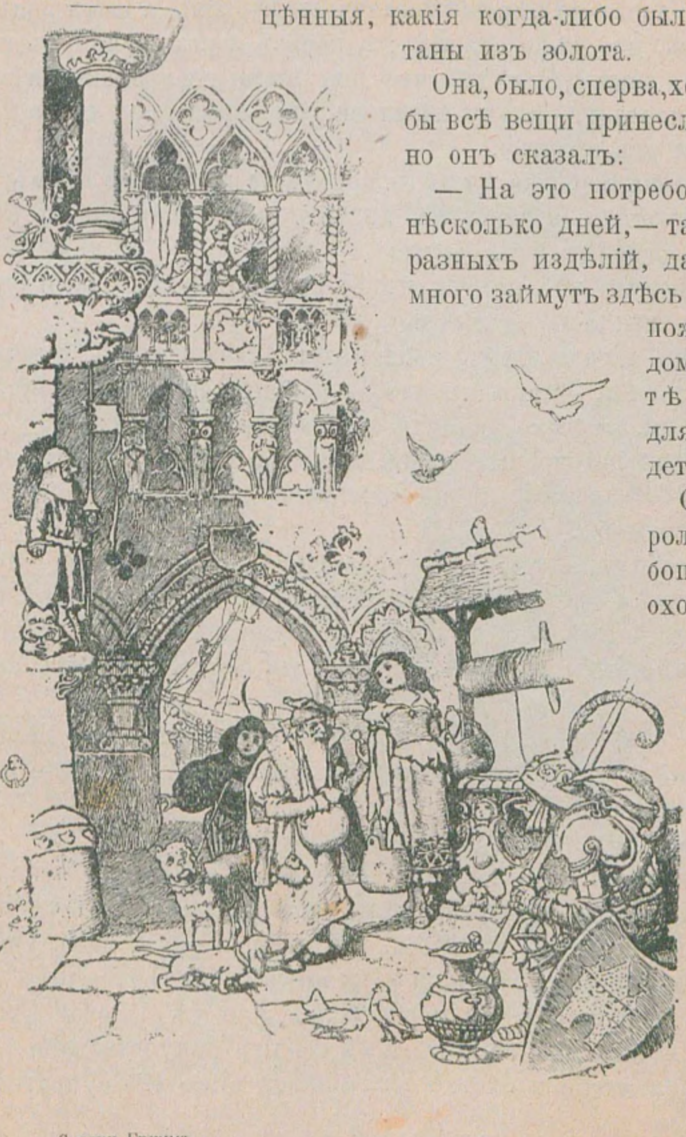
Но вѣрный Іоганнъ молвилъ ей:

— Я, вѣдь, только слуга одного богатаго купца; все, что здѣсь со мною,—ничто въ сравненіи съ тѣми сокровищами, какія находятся у моего хозяина на кораблѣ. Тѣ издѣлія, точно, самыя художественныя и драгоцѣнныя, какія когда-либо были выработаны изъ золота.

Она, было, сперва, хотѣла, чтобы всѣ вещи принесли къ ней, но онъ сказалъ:

— На это потребовалось бы нѣсколько дней, — такъ много разныхъ издѣлій, да и мѣста много займутъ здѣсь эти вещи, пожалуй, и домъ вашъ тѣсноватъ для этого будетъ.

Стало королевну любопытство да охота разбирать, и сказала она, наконецъ:



— Ну, сведи меня на корабль; я пойду одна, полюбуюсь на сокровища твоего господина...

Тогда подвелъ ее вѣрный Іоганнъ на корабль, а самъ радъ-радехонекъ, что дѣло сладилъ; а король какъ взглянулъ на королевну, такъ увидѣлъ, что она была еще прекраснѣе, чѣмъ на портретѣ, и ему казалось, что сердце его на части разорвется отъ счастья.

Когда взошла она на корабль, повелъ ее король въ трюмъ; а вѣрный Іоганнъ остался на палубѣ, около кормчаго, и велѣлъ ему отчалить отъ берега:

— Поднимите всѣ паруса, чтобы судно полетѣло такъ быстро, какъ птица по воздуху!

А король между тѣмъ показываетъ королевской дочери золотые сосуды, — да еще что, — каждый порознь: тазики, кубки, чаши, птичекъ, дикихъ и диковинныхъ звѣрей.

Много времени прошло, покамѣстъ она все это осмотрѣла, а заинтересовавшись, и не замѣтила вовсе, что корабль плыветъ по морю.

Вотъ осмотрѣла она все до конца, поблагодарила торговаго гостя и собралась во-свояси; но когда вышла она на палубу, къ кормѣ,—видитъ, что они уже далеко отъ земли въ чистомъ морѣ плывутъ, да еще на всѣхъ парусахъ несутся.

— Ай!—закричала она въ испугѣ.—Обманули меня! Похитили меня, и попалась я купцу во власть!.. Ахъ, лучше бы мнѣ умереть!..

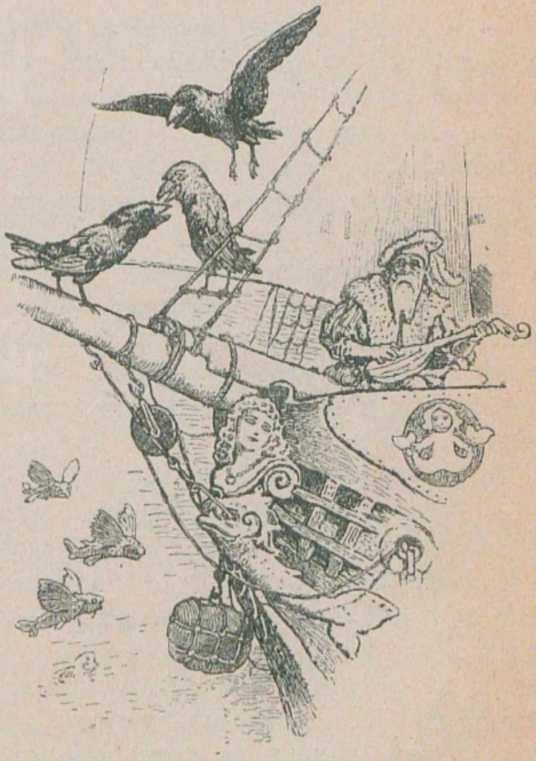
Но король взялъ ее руку и сказалъ:

— Не купецъ я, а король... И родомъ я не хуже тебя... А что похитилъ я тебя хитростью, такъ къ этому принудила меня великая любовь къ тебѣ... Въ первый разъ, какъ увидѣлъ я твой образъ, лишился я чувствъ и упалъ замертво!..

Какъ услышала о томъ королевская дочь съ Золотой Кровли, утѣшилась она немного и въ сердцѣ почувствовала къ нему расположеніе и охотно согласилась стать его супругою.

И случилось однажды, что во время ихъ морского плаванія вѣрный Іоганнъ сидѣлъ какъ-то на кормѣ да наигрывалъ и замѣтилъ онъ вдругъ трехъ вороновъ, что летѣли къ нимъ издалека.

И пересталъ онъ играть и приникъ ухомъ, прислушиваясь, о чемъ они другъ съ дружкой каркаютъ, — а ему птичій языкъ былъ понятенъ.



Вотъ одинъ и каркнулъ:

— Ага! Вотъ везетъ онъ къ себѣ королевскую дочь съ Золотой Кровли!

— Да...—отвѣтилъ другой. — Да, вѣдь, дѣло-то еще не кончилось!..

А третій говоритъ:

— Ну, вотъ!.. Она, небось, съ нимъ на кораблѣ!..

Тогда снова закаркалъ первый:

— Что жъ изъ этого? Вотъ какъ выйдутъ они на берегъ, выскочитъ навстрѣчу ему конь золотисто-красной масти: захочетъ король сѣсть на него, а какъ сядетъ, взметнется конь на воздухъ, и не видать ему больше своей суженой.

Спрашиваетъ второй:

— И спасенья никакого нѣтъ?..

— Есть-то есть!.. Коли кто другой на него вскочитъ да ружье, которое при немъ въ чехлѣ случится, вонъ вынетъ и коня того застрѣлитъ, тогда король будетъ спасенъ. Ну, да кто же знаетъ это?.. А кто знаетъ да ему скажетъ, тотъ окаменѣетъ отъ ступней до колѣнъ.

И сказалъ другой воронъ:

— А я знаю больше того: если даже коня и убьютъ, все-же молодой король не женится. Какъ вернутся они во дворецъ, тамъ на блюдѣ будетъ приготовлена свадебная рубашка жениха. Съ виду-то она вся словно изъ золота да серебра выткана, а на самомъ-то дѣлѣ изъ сѣры и смолы: какъ надѣнетъ онъ ее, такъ и сгоритъ весь до мозга костей.

И спросилъ третій:

— И никакого спасенія отъ этого нѣтъ?

— Есть-то есть!.. — отвѣтилъ второй. — Коли кто въ рукавицахъ рубашку схватитъ да въ огонь броситъ, и она сгоритъ, то король будетъ спасенъ. Да что толку въ томъ? Кто знаетъ это, да ему скажетъ, тотъ окаменѣетъ отъ колѣнъ до сердца.

Тогда третій воронъ прокаркалъ:

— Я знаю еще больше вашего! Если даже и свадебную рубашку сожгутъ, и тогда еще король не обвѣнчается съ королевской дочерью. Какъ гости послѣ свадьбы пустятся въ плясъ и пойдетъ танцовать сама королева, поблѣднѣетъ она вдругъ и упадетъ замертво, и если кто-нибудь не подниметъ ея и не высосетъ изъ ея груди трехъ капель крови и не выплюнетъ ихъ, то королева умретъ... А кто знаетъ это, да выдастъ, тотъ окаменѣетъ всѣмъ тѣломъ отъ маковки до пальцевъ на ногѣ.

Потолковали вороны объ этомъ между собою, снялись съ мѣста и полетѣли дальше; а вѣрный Іоганнъ хорошо понялъ ихъ карканье, и съ той поры сталъ онъ какой-то задумчивый и печальный. Какъ быть? Если умолчать о томъ, что довелось ему слышать, — значитъ, подвергнуть своего господина несчастью; открыть ему тайну,—значитъ, жизнью своею поплатиться.

Наконецъ, онъ рѣшилъ самъ съ собою:

— Моего господина я все-таки спасу, хоть бы самому мнѣ пришлось погибнуть.

Вотъ когда причалили они къ берегу, все и случилось такъ, какъ предвѣщали вороны,—выскочилъ навстрѣчу имъ великолѣпный, золотисто-красный конь.

— Вотъ прекрасно!—молвилъ король.—На немъ я въѣду въ мой замокъ!..—И онъ хотѣлъ уже вскочить на него, да вѣрный Іоганнъ предупредилъ его: въ мгновеніе ока вскочилъ на коня, выхватилъ ружье изъ чехла и убилъ коня наповалъ.

Тутъ другіе придворные слуги короля, что не были расположены къ вѣрному Іоганну, вскрикнули въ одинъ голосъ:

— О, какъ жаль, что убили такого чуднаго коня, на которомъ король долженъ былъ выѣхать въ за̀мокъ.

Но король прикрикнулъ на нихъ:

— Молчите и не трогайте его, пусть идетъ!.. Это мой вѣрнѣйшій слуга Іоганнъ! Кто знаетъ, можетъ, это и къ лучшему.

Затѣмъ отправились они въ за̀мокъ; тамъ въ залѣ стояло блюдо, а на блюдѣ лежала свадебная рубашка, которая выглядѣла такъ, точно она была выткана изъ золота и серебра. Молодой король приблизился и только хотѣлъ, было, взять ее, какъ вдругъ вѣрный Іоганнъ отбросилъ его прочь, схватилъ рубашку рукавицами и швырнулъ ее въ огонь, — она тамъ дотла и сгорѣла.

Другіе слуги опять, было, ну ворчать, ну судить да рядить:

— Вотъ-де, полюбуйтесь!.. Спалилъ королевскую рубашку,— и вся недолга!..

Но молодой король оборвалъ ихъ:

— Кто знаетъ, можетъ, это къ лучшему. Пусть поступаетъ, какъ знаетъ... Это мой вѣрнѣйшій Іоганнъ.

Настало свадебное празднество. Затѣялись танцы, и новобрачная тоже стала танцовать, а вѣрный Іоганнъ все время былъ наготовѣ и глазъ съ ея лица не спускалъ... И вдругъ она страшно поблѣднѣла и замертво грохнулась на полъ...

Бросился онъ къ ней, поднялъ на руки, снесъ ее въ другую комнату; тамъ положилъ онъ ее, склонилъ колѣно передъ нею и высосалъ изъ груди три капли крови и выплюнулъ ихъ.

И въ то же мгновеніе вздохнула она и приподнялась на ложѣ; но молодой король видѣлъ все это и, не зная, зачѣмъ такъ поступилъ его вѣрный Іоганнъ, разгнѣвался на то и крикнулъ:

— Бросьте его въ темницу!

На другое утро вѣрный Іоганнъ былъ осужденъ на смерть, и повели его къ висѣлицѣ, и когда стоялъ онъ на эшафотѣ и долженъ былъ выслушать смертный приговоръ, молвилъ онъ только:

— Всякій осужденный на смерть можетъ передъ смертью высказаться... Есть ли на то право и у меня?

— Да,—отвѣтствовалъ король,—это тебѣ дозволяется!

И сказалъ тогда вѣрный Іоганнъ:

— Неправильно осужденъ я... Я всегда былъ вѣренъ и преданъ тебѣ!..—И повѣдалъ онъ королю, какъ довелось ему на морѣ подслушать карканье вороновъ и какъ ради спасенія своего господина долженъ былъ онъ поступить именно такъ.

Тогда король вскрикнулъ:

— О, мой преданнѣйшій Іоганнъ! Пощада! Пощада!.. Сведите его внизъ.

Но чуть вымолвилъ вѣрный Іоганнъ послѣднее слово,— какъ упалъ внизъ бездыханный и окаменѣлъ.

Много-много горевали о томъ король и королева, и король все говорилъ:

— Ахъ, какъ дурно отплатилъ я за такую великую преданность!

И приказалъ онъ поднять каменную статую и поставить ее въ своей опочивальнѣ около кровати. Какъ взглянетъ, бывало, на нее, заплачетъ и скажетъ:

— Ахъ, если бы я снова могъ оживить тебя, мой вѣрный Іоганнъ!

Прошло нѣсколько времени, и родились у королевы два сына-близнеца; дѣти росли и радовали ее.

Вотъ разъ, когда королева была въ церкви, а оба ребенка сидѣли и играли у отца, вскинулъ послѣдній глаза на мраморное изваяніе, полное грусти, вздохнулъ и воскликнулъ:

— Ахъ, если бы я могъ оживить тебя, мой вѣрнѣйшій Іоганнъ!..

И провѣщалъ внезапно камень и сказалъ:

— Ты можешь оживить меня, коли пожертвуешь тѣмъ, что тебѣ всего милѣе!

Тогда король вскрикнулъ:

— Всѣмъ, что есть на свѣтѣ у меня, всѣмъ я пожертвую для тебя!

А камень продолжалъ далѣе:

— ...Если ты своею рукою отсѣчешь головы твоимъ дѣтямъ и помажешь меня ихъ кровью, я снова оживу!

Король испугался, когда услышалъ, что онъ самъ долженъ казнить своихъ дѣтей, но какъ вспомнилъ о безконечной преданности и о томъ, что вѣрный Іоганнъ умеръ за него, выхватилъ мечъ и отсѣкъ своими руками головы дѣтямъ. И едва только онъ помазалъ кровью камень, вернулась къ нему жизнь, и вѣрный Іоганнъ снова стоялъ передъ нимъ бодрый и здоровый. И сказалъ онъ королю:

— Любовь твоя не останется безъ награды! — и, поднявъ головы, приставилъ ихъ къ шейкамъ, помазалъ раны ихъ же кровью, и дѣти въ мгновеніе ока стали живы и здоровы, запрыгали вокругъ и снова стали играть, какъ-будто бы ничего и не произошло.

Обрадовался король, а какъ завидѣлъ возвращавшуюся королеву, спряталъ и вѣрнаго Іоганна, и обоихъ дѣтей въ огромный шкапъ.

Когда она вошла къ нему, онъ спросилъ:

— Молилась ли ты въ церкви?

— Да,—отвѣтила она,—но я все неотступно думала о вѣрномъ Іоганнѣ, что̀ погибъ изъ-за насъ.

Тогда онъ сказалъ:

— Дорогая супруга! Мы можемъ оживить его, но это будетъ стоить жизни нашихъ дѣтей, ими должны мы будемъ пожертвовать.

Поблѣднѣла королева, и сердце ея содрогнулось отъ ужаса, но она проговорила:

— Вѣдь мы многимъ обязаны ему за его рѣдкую преданность!

И обрадовался тогда король, что королева однѣхъ съ нимъ мыслей, отворилъ шкапъ, вывелъ дѣтей и вѣрнаго Іоганна на свѣтъ Божій и сказалъ:

— Слава Богу! Онъ ожилъ, и сыновья наши тоже съ нами!—и разсказалъ при этомъ, какъ все дѣло было.

И зажили они счастливо и благополучно до самаго конца своихъ дней.

Выгодная сдѣлка.

Одинъ мужикъ свелъ свою корову на рынокъ и продалъ ее за семь талеровъ.

На обратномъ пути пришлось ему идти мимо пруда, и заслышалъ онъ еще издали, какъ лягушки квакали: „ква, ква, ква“...

— Какъ же!—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ.—Орутъ себѣ на вѣтеръ попусту! За семь, небось, я ее продалъ, а не за „два“!

Вотъ подошелъ онъ къ самой водѣ и крикнулъ лягушкамъ въ самое болото:

— Глупыя вы твари! Али вы лучше меня знаете? Семь талеровъ, а не два!..

А тѣ-то на своемъ стоятъ: ква, ква, ква!..

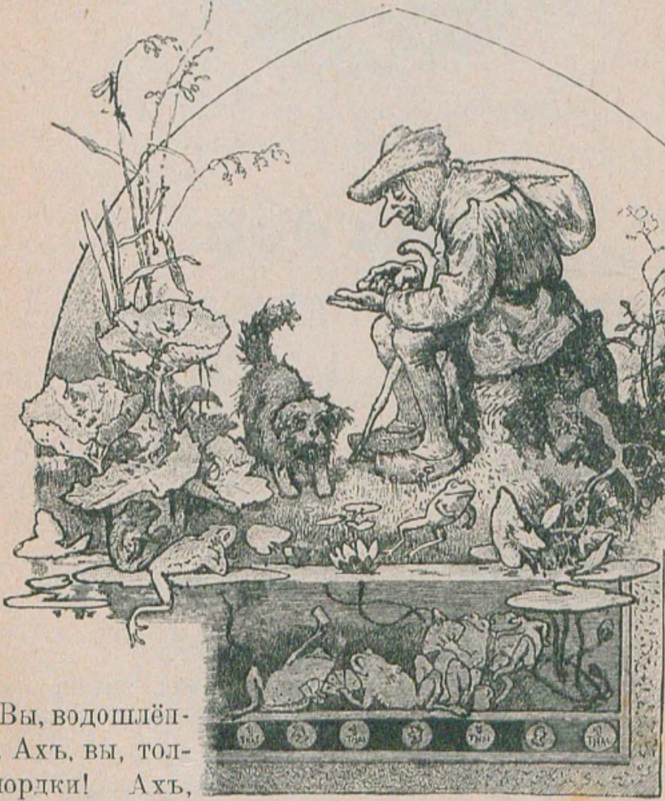
— Ну, коли не вѣрите, я ихъ на вашихъ глазахъ пересчитаю! — досталъ деньги изъ кармана и пересчиталъ всѣ семь талеровъ, считая по 24 гроша въ каждомъ.

Но лягушки съ его вычисленіемъ не согласились и, знай, тянули свое:

— Ква, ква, ква!..

— Ахъ, чтобъ васъ!—крикнулъ сердито мужикъ.—Коли вы лучше меня умѣете, на-те, считайте сами! И швырнулъ имъ въ воду всю пригоршню денегъ.

А самъ остался дожидаться, пока онѣ всѣ счеты покончатъ и вернутъ ему деньги, но лягушки стояли на своемъ и все кричали: ква, ква, ква!.. а денегъ ему назадъ не выбрасывали. Подождалъ онъ еще немного, пока уже завечерѣло, и время было уже домой возвращаться, наконецъ, выбранилъ лягушекъ и крикнулъ имъ:



— Вы, водошлёпки!.. Ахъ, вы, толстомордки! Ахъ, вы, пучеглазки!.. Благо, что пасть у васъ широка, такъ вамъ нипочемъ орать такъ, что оглохнешь!.. А семи талеровъ сосчитать не можете! Вы что̀ думаете, я тутъ ждать буду, пока вы пересчитаете, наконецъ?.. Дудки!.. — И съ этимъ ушелъ прочь, а лягушки ему вдогонку, знай, поквакиваютъ: ква, ква, ква!.. — такъ что онъ вернулся домой совсѣмъ разстроенный.

Черезъ нѣсколько времени купилъ онъ себѣ опять корову, закололъ ее и началъ раздумывать, что вотъ коли онъ выгодно говядину сбудетъ, такъ выручитъ, пожалуй, столько, сколько двѣ коровы стоятъ, да еще шкура въ придачу.

Вотъ когда подъѣзжалъ онъ съ мясомъ къ городу, сбѣжалась къ воротамъ цѣлая стая собакъ, а впереди нихъ — огромная борзая; она прыгала, увивалась вокругъ мяса, обнюхивала его и все лаяла: ай, ай, ай!..

А какъ она не унималась, мужикъ и обратился къ ней:

— Слышу я! Нечего тамъ: „ай, ай, ай!“ Не краденое! Хочется тебѣ просто-на-просто мясца!.. Хорошъ же я буду, ежели всю говядину тебѣ скормлю!

А собака ничего другого не отвѣчала, кромѣ: ай, ай, ай!

— А ты одна все не сожрешь?.. Подѣлишься по-товарищески съ подругами?

— Ай, ай!..

— Ну, то-то!.. Коли ты обѣщаешься, я, пожалуй, оставлю за тобою мясо. Я тебя, небось, знаю,—знаю, у кого ты и служишь; только уговоръ пуще денегъ. Черезъ три дня ты со мною изволь чистоганомъ расплатиться, а не то худо тебѣ придется! А деньги принести можешь хоть сюда!

Потомъ сбросилъ онъ говядину и повернулъ домой; собаки набросились на мясо и залаяли громко-громко: „ай, ай, ай!“..

А мужикъ, который издали слышалъ это, подумалъ про себя: „Эва! Теперь онѣ ужъ всѣ просятъ „дай“!.. Но мнѣ-то за всѣхъ старшая отвѣтитъ!“

Вотъ какъ миновали три дня, мужикъ и сталъ соображать: „Нынче вечеромъ получимъ денежки!“—и былъ совершенно доволенъ. Но никто не являлся къ нему расплачиваться.

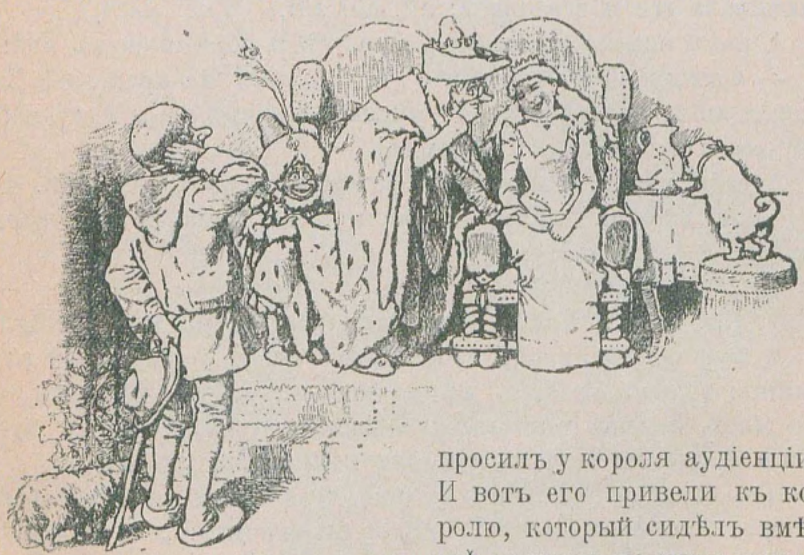
— То-есть никому довѣриться нельзя, — сказалъ онъ, наконецъ, и терпѣнье его лопнуло; отправился онъ въ городъ къ мяснику и сталъ требовать денегъ.

Мясникъ, было, думалъ, что это только шутка, но мужикъ сказалъ:

— Шутки въ сторону! Мнѣ деньги пожалуйте! Развѣ третьяго дня большая собака не притащила вамъ цѣлую коровью тушу?

Тутъ мясникъ разсердился, ухватилъ метловище и прогналъ его отъ себя.

— Постой же,—сказалъ мужикъ,—правда-то на свѣтѣ не вымерла,—и прямо отправился въ королевскій за́мокъ и попросилъ у короля аудіенціи. И вотъ его привели къ королю, который сидѣлъ вмѣстѣ со своею дочерью и прямо спросилъ его, что за бѣда такая съ нимъ приключилась.



— Ахъ,—вздохнулъ мужикъ,—у меня отняли мои заработки лягушки и собаки, а мясникъ за это со мною палкой расплатился!—И повѣдалъ подробно, какъ все дѣло было.

Громко расхохоталась на то королевна, а король сказалъ мужику:

— Суда назначить по твоему дѣлу я не могу, но за то ты женишься на моей дочери. Отродясь она еще такъ не смѣялась, какъ сейчасъ надъ тобою, а я обѣщалъ руку ея тому, кто разсмѣшитъ ее. Благодари Бога за это счастье!

— Ого!—отвѣтилъ мужикъ,—да мнѣ ее вовсе не надо: у меня дома есть жена, и той довольно; коли я домой съ другой еще вернусь, мнѣ тогда, что жъ, по угламъ ихъ разставить, что ли?

На то король разгнѣвался и сказалъ:

— Ахъ, ты грубіянъ!..

— Ахъ, батюшка король,—взмолился мужикъ, — чего отъ быка и ждать кромѣ говядины?

— Ну, постой же,—возразилъ король,—ты получишь другое вознагражденіе. Теперь убирайся по-добру, по-здорову, а черезъ три дня возвращайся назадъ, и тебѣ отсчитаютъ ровно пятьсотъ.

Только-что мужикъ очутился за дверью, ему часовой и говоритъ:

— Ты разсмѣшилъ королевну, чай, много въ награду получишь?

— Да я думаю, что такъ,—молвилъ мужикъ,—пятьсотъ, вишь, мнѣ обѣщали; что жъ, и то хорошо!

— Слышь ты,—сказалъ воинъ,—удѣли мнѣ частичку отъ этого!.. Куда тебѣ такую уйму денегъ дѣвать?

— Развѣ только для тебя,—отвѣчалъ мужикъ,—ну, получай двѣсти!.. Дня черезъ три явись къ королю да попроси выплатить свою долю.

Еврей, стоявшій въ сторонѣ и слышавшій весь разговоръ, бросился за мужикомъ слѣдомъ, ухватился за платье и говоритъ:

— Господи Боже! Да что же вы за счастливчикъ такой! А вѣдь я деньги размѣнять могу... Я размѣняю вамъ на мелочь. Куда вамъ съ крупными деньгами дѣваться?

— Жидъ,—сказалъ мужикъ,—получай за меня триста, только сегодня дай мнѣ мелочью, а черезъ три дня тебѣ выплатятъ при дворѣ зато новенькими.

Обрадовался еврей предстоящей выгодѣ и отсчиталъ требуемую сумму да все плохими, истертыми монетами, такими, что три стоили двухъ новыхъ.

Три дня спустя, согласно приказанію короля, предсталъ мужикъ снова передъ королемъ.

— А ну-ка, снимите съ него платье,—приказалъ король,— онъ долженъ свои пятьсотъ получить!..

— Увы,—сказалъ мужикъ—они ужъ мнѣ не принадлежатъ: двѣсти я часовому вашему подарилъ, а триста еврей мнѣ размѣнялъ заранѣе, и, по совѣсти сказать, нечего мнѣ ужъ и получать.

Въ это время вошли солдатъ и еврей, стали требовать уплаты, какую они должны были получить съ мужика, и получили обѣщанные удары, отсчитанные совершенно правильно. Солдатъ перенесъ наказаніе стойко, такъ какъ зналъ, что это за угощеніе такое, но еврей жалостно стоналъ все время: „Ай вай!.. Да что же это за вѣскіе талеры!“..

Разсмѣялся король надъ выдумкой мужика, и весь гнѣвъ его прошелъ, вотъ онъ и сказалъ:

— Ну, разъ ты уступилъ награду, раньше чѣмъ она тебѣ на твою долю досталась, все-таки я тебя хочу вознаградить! Ступай же теперь въ мою сокровищницу и бери себѣ денегъ, сколько хочешь.

Не заставилъ себя мужикъ дважды просить и насыпалъ въ свои глубокіе карманы, сколько туда вошло.

Затѣмъ отправился въ харчевню и сталъ пересчитывать свое богатство. А еврей проскользнулъ слѣдомъ за нимъ и вдругъ услышалъ, что онъ бормоталъ про себя:

— Однако, этотъ плутяга-король ловко провелъ меня на бобахъ: небось, кабы онъ мнѣ счетомъ деньги-то далъ, я бы доподлинно зналъ, сколько у меня ихъ всего, а теперь почемъ я могу знать, что здѣсь именно столько, сколько я себѣ въ карманы набилъ.

„Батюшки мои, — подумалъ еврей, — какъ онъ непочтительно отзывается о нашемъ государѣ!.. Побѣгу-ка я да донесу на него, — еще награду получу, а его, сверхъ того, накажутъ!“..

Какъ услышалъ король о брани мужика, воспылалъ онъ гнѣвомъ и послалъ еврея съ тѣмъ, чтобы тотъ привелъ сюда этого преступника.

Бросился еврей за мужикомъ.

— Пожалуйте къ его королевскому величеству, да въ такомъ видѣ, какъ вы есть.

— Ну, я лучше знаю, какъ пристойнѣе явиться,—отвѣтилъ мужикъ,—я прежде себѣ новое платье сошью... Ты что думаешь, прилично человѣку, у котораго этакая уйма денегъ въ карманѣ, въ лохмотьяхъ ходить?..

Какъ увидѣлъ еврей, что мужика безъ новаго платья съ мѣста не сдвинешь,—а онъ боялся, что гнѣвъ короля скоро остынетъ и останется онъ самъ безъ награды, а мужикъ—безъ наказанія,—такъ и сказалъ мужику:

— Я дамъ вамъ на короткое время свое чудесное платье, ради любезности. Чего человѣкъ не сдѣлаетъ во имя любви!..

Понравилось это мужику, снялъ онъ съ еврея платье, одѣлъ его и отправился вмѣстѣ съ нимъ къ королю.

Король повторилъ мужику, что донесъ на него еврей.

— Ахъ,—сказалъ мужикъ,—что еврей ни скажетъ,—непремѣнно совретъ,—слова истиннаго отъ него не добьешься! Да что еще: этотъ парень готовъ стоять на своемъ и головой ручаться, что на мнѣ его платье.

— А то какъ же,—закричалъ еврей,—развѣ платье-то не мое? Развѣ не я ссудилъ васъ этимъ платьемъ, чтобы вамъ было въ чемъ явиться къ королю?..

Какъ услышалъ это король, сказалъ:

— Кого-нибудь изъ насъ еврей да надулъ,—меня или мужика!—И приказалъ за все отсчитать еврею жесткими талерами.

А мужикъ въ хорошемъ платьѣ да съ добрымъ кушемъ денегъ въ карманахъ отправился домой и все говорилъ:

— Ну, на этотъ разъ я угодилъ въ самый разъ!..

Музыкантъ-чародѣй.

Жилъ-былъ однажды чудный музыкантъ, и довелось ему какъ-то проходить лѣсомъ совершенно одному, раздумывая о томъ, о семъ, а когда всѣ думы онъ передумалъ, сказалъ самъ себѣ:

— Фу, какая скучища здѣсь въ лѣсу одному; хотѣлось бы мнѣ подыскать себѣ спутника-товарища.

Снялъ онъ скрипицу со спины и запиликалъ на ней такъ, что далеко между деревьями разносились звуки. Немного спустя выбѣжалъ къ нему волкъ изъ чащи.

— Ага, волкъ жалуетъ!.. Ну, такого спутника мнѣ не хотѣлось бы!..—сказалъ музыкантъ; однако, волкъ приблизился къ нему и заговорилъ съ нимъ:

— Эй, ты, милый музыкантъ, какъ же чýдно ты пиликаешь! И я бы не прочь поучиться этому!

— Этому выучиться можно скоро,—отвѣтилъ музыкантъ,—только ты долженъ все дѣлать, что я тебѣ ни прикажу.

— О, музыкантъ,—сказалъ волкъ,—да я тебѣ готовъ повиноваться, какъ любой ученикъ своему учителю!

— И приказалъ музыкантъ ему слѣдовать за собою, и, пройдя вмѣстѣ нѣсколько шаговъ, подошли они къ старому дубу, въ которомъ было дупло, а въ стволѣ—трещина.

— Слушай же теперь,—сказалъ музыкантъ,—коли хочешь выучиться играть, прежде всего засунь въ эту трещину свои переднія лапы.

Послушался его волкъ, а музыкантъ живо поднялъ камень и однимъ ловкимъ ударомъ забилъ ему обѣ лапы въ расщелину такъ глубоко, что волкъ долженъ былъ тамъ остаться сидѣть, какъ плѣнникъ.

— Дожидайся меня, пока я вернусь,—сказалъ музыкантъ и пошелъ своей дорогой.

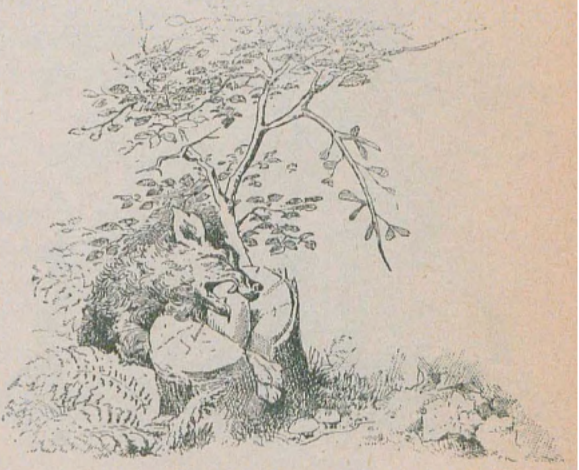
Немного спустя заговорилъ онъ опять самъ съ собою:

— Фу, какъ страшно долго тянется время здѣсь, въ лѣсу!.. Какъ бы мнѣ другого товарища заполучить! — и взялъ онъ снова свою скрипицу и запиликалъ опять на весь лѣсъ.

Въ скоромъ времени изъ-за деревьевъ вышмыгнула лисица.

— Ага, лисица жалуетъ! — сказалъ музыкантъ.—Только и этой мнѣ тоже не надо.

А лиса приблизилась къ нему и говоритъ:



— Ахъ, ты, желанный мой музыкантъ, какъ же славно ты наигрываешь!.. Ужъ какъ бы я охотно поучилась этому!

— Ну, этому выучиться можно скоро, — сказалъ музыкантъ:—ты только должна повиноваться моимъ приказаніямъ.

— Ахъ, музыкантъ, — отвѣчала лиса,—да я рѣшительно во всемъ готова повиноваться тебѣ, какъ ученикъ учителю!

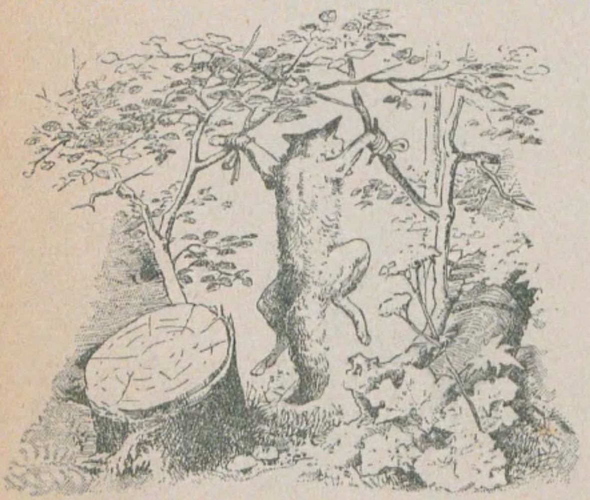
— Слѣдуй за мной!—приказалъ ей музыкантъ.

И вотъ, пройдя немного по дорогѣ, вышли они на тропинку, по обѣимъ сторонамъ которой поднимались высокіе кусты.

Тутъ музыкантъ пріостановился, пригнулъ съ одного боку тропинки орѣховое деревцо къ землѣ и наступилъ на его вершинку ногою, съ другой стороны нагнулъ другое деревцо и сказалъ:

— Ну, лисанька, коли хочешь ты чему-нибудь научиться, протяни мнѣ лѣвую переднюю лапку.

Лиса послушалась и протянула ему лапу, а музыкантъ привязалъ ее къ лѣвому деревцу крѣпко-на́-крѣпко.



—Лисанька,—сказалъ онъ затѣмъ, — теперь протяни-ка мнѣ и правую, — и правую лапу привязалъ онъ къ другому деревцу. И когда онъ смотрѣлъ, крѣпко ли завязаны узлы веревки, то выпустилъ вершины, деревца выпрямились и вздернули лисицу высоко-высоко, такъ что она билась и барахталась въ воздухѣ.

— Ну, дожидайся моего возвращенія!—сказалъ музыкантъ и пошелъ своею дорогой.

И снова сказалъ онъ самъ себѣ:

— Скучно одному въ лѣсу, да и время тянется долго! Ахъ, кабы мнѣ найти себѣ спутника! — Взялъ скрипицу, и звуки ея понеслись по всему лѣсу.

Тогда выскочилъ къ нему зайчикъ изъ чащи.

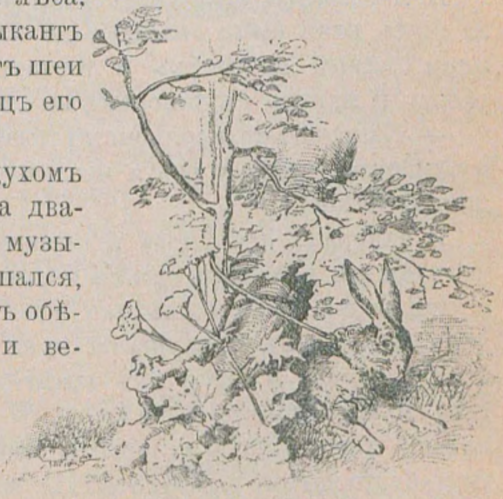
— Ага, заяцъ жалуетъ!—сказалъ музыкантъ.—И этотъ не по мнѣ будетъ!

— Ахъ, милѣйшій музыкантъ — сказалъ зайчикъ, — а и славно же ты наигрываешь. Какъ бы мнѣ хотѣлось тоже выучиться играть!..

— Этому можно скоро выучиться,—сказалъ музыкантъ.— Только ужъ ты долженъ исполнять все, что я тебѣ прикажу.

— Ахъ, музыкантикъ,—отвѣчалъ зайчикъ,—я тебя буду слушаться какъ ученикъ учителя.

Прошли они немного вмѣстѣ и выбрались, наконецъ, на открытую лужайку среди лѣса, гдѣ стояла осина. Музыкантъ обвязалъ зайчику вокругъ шеи шнурокъ, а другой конецъ его прикрутилъ къ дереву.



— Теперь, зайченокъ, духомъ обскочи вокругъ дерева двадцать разъ,—закричалъ музыкантъ; зайченокъ послушался, а когда онъ двадцать разъ обѣжалъ вокругъ дерева и веревка двадцать разъ опуталась вокругъ ствола, — зайчикъ былъ прикрученъ къ дереву и могъ метаться и рваться, сколько ему было угодно, — шнурокъ только глубже врѣзывался въ его нѣжную шею.

— Дожидайся, смотри, пока я вернусь,—сказалъ музыкантъ и пошелъ себѣ дальше.

А волкъ между тѣмъ рвался, метался, кусалъ камень и такъ долго трудился, что, наконецъ высвободилъ обѣ лапы и вытащилъ ихъ изъ трещины.

Въ гнѣвѣ и ярости устремился онъ со всѣхъ ногъ слѣдомъ за музыкантомъ и хотѣлъ растерзать его.

Какъ завидѣла лисица его на свободѣ, стала она плакаться и завопила что было мочи:

— Братецъ волкъ, помоги ты мнѣ... Обманулъ меня этотъ музыкантъ.

Волкъ наклонилъ деревцо, перекусилъ веревки и освободилъ лисицу; бросились они вмѣстѣ за музыкантомъ, чтобы отмстить ему по заслугамъ.

Нашли они и привязаннаго зайченка и его высвободили изъ бѣды, и уже всѣ вмѣстѣ бросились искать ихъ общаго врага.

А музыкантъ путемъ-дорогой снова сталъ наигрывать, и на этотъ разъ былъ онъ гораздо счастливѣе. Услыхалъ его игру бѣдный дровосѣкъ и тотчасъ волей-неволей бросилъ работу и явился съ топоромъ на плечахъ послушать музыку.

— Наконецъ-то, порядочный товарищъ сыскался,—сказалъ музыкантъ,—потому что я искалъ человѣческую душу, а не дикихъ звѣрей!

И заигралъ онъ снова и игралъ такъ чудно и задушевно, что бѣдный человѣкъ стоялъ на мѣстѣ, словно очарованный, и сердце его такъ и прыгало отъ радости. И въ то время какъ онъ стоялъ и слушалъ, примчались къ нимъ волкъ, лиса и заяцъ, и сразу онъ замѣтилъ, что они затѣяли противъ музыканта что-то недоброе. И занесъ онъ свой сверкающій топоръ надъ головой и сталъ передъ музыкантомъ, какъ-будто хотѣлъ вымолвить: „Берегись, кто на него злоумышляетъ, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною!“..

И страшно стало звѣрямъ, и разбѣжались они снова по лѣсу, а музыкантъ сыгралъ еще одну пѣсню въ благодарность дровосѣку и отправился дальше путемъ-дорогою.

Двѣнадцать братьевъ.

Жили однажды король съ королевой душа въ душу и было у нихъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей,—все мальчики. Вотъ и сказалъ однажды король своей супругѣ:

— Если тринадцатый ребенокъ, который родится у насъ, будетъ дѣвочка,—всѣ двѣнадцать мальчиковъ должны умереть, чтобы сокровища нашей дочери были несмѣтны, и все королевство наше принадлежало ей одной.

И приказалъ онъ даже сдѣлать двѣнадцать гробовъ, которые были набиты стружками, и въ каждомъ лежало уже по изголовью, приказалъ перенести ихъ въ запертую горенку, отдалъ королевѣ отъ нея ключъ и наказалъ ей строго-настрого о томъ ни слова никому не говорить.

По цѣлымъ днямъ сидѣла у себя мать и безутѣшно горевала, такъ что младшій сынъ, который неотлучно при ней былъ и котораго она, по Библіи, назвала Веньяминомъ, обратился, наконецъ, къ ней съ вопросомъ:

— Мама, милая мама, о чемъ ты постоянно грустишь?..

— Безцѣнное дитя мое,—отвѣчала она,—я не смѣю тебѣ о томъ сказать.

Но онъ покою ей не давалъ, покамѣстъ она, наконецъ, не отворила ему горенки и не показала ему двѣнадцать гробовъ, приготовленныхъ для нихъ и уже набитыхъ стружками.

И сказала она ему:

— Милый мой Веньяминъ! Эти гробы приготовилъ отецъ для тебя и для твоихъ братьевъ; потому что, если родится у насъ дѣвочка, убьютъ васъ всѣхъ и схоронятъ.

И какъ плакала она, говоря это,—сталъ ее сынъ мальчикъ утѣшать и уговаривать:

— Не плачь, милая мама, мы ужъ какъ-нибудь сами себѣ поможемъ въ бѣдѣ, уйдемъ отсюда!..

Но она сказала ему:

— Ступай-ка ты съ одиннадцатью братьями скорѣе въ лѣсъ, и пусть каждый изъ васъ по очереди взлѣзаетъ на самое высокое дерево, какое найдется, и будетъ на-сторожѣ смотрѣть на башню нашего за̀мка. Если сынъ родится,—вывѣшу я бѣлый флагъ, и тогда вы возвращайтесь обратно; родится же дочка у меня, — я вывѣшу красный флагъ, и тогда бѣгите прочь, какъ только можно скорѣй, и да сохранитъ васъ милостивый Господь. Всякую ночь буду я вставать и молиться за васъ: зимою,—чтобъ довелось вамъ у огня отогрѣться, лѣтомъ,—чтобы зной не изнурялъ васъ...

И какъ благословила она своихъ сыновей, пошли они въ лѣсъ. Одинъ за другимъ, чередуясь, стояли они на-сторожѣ, взлѣзая на самый высокій дубъ и не спуская оттуда глазъ съ башни.

Какъ миновали одиннадцать дней, и пришелъ чередъ сторожить Веньямину,—увидѣлъ онъ вдругъ, что поднимаютъ флагъ; но былъ то не бѣлый флагъ, а красный, кроваво-красный флагъ, возвѣщавшій имъ смерть...

Какъ услышали братья о томъ, вознегодовали они и сказали:

— Неужели намъ надо умирать ради этой дѣвочки?.. Клянемся, что будемъ мы отнынѣ мстить: гдѣ бы и когда бы мы ни повстрѣчали дѣвочку,—кровь ея должна будетъ пролиться!..

И пошли они въ самую глубь лѣса и уходили все дальше и дальше, и тамъ въ глухой чащѣ, гдѣ такъ безмолвно, глухо и темно было, набрели они на крошечный заколдованный домикъ, совершенно пустой. И сказали они:

— Вотъ здѣсь мы и останемся жить; ты, Веньяминъ, какъ самый младшій и слабѣйшій, будешь сидѣть дома и домовничать, а мы станемъ ходить на охоту, добывать себѣ пропитаніе.

На томъ порѣшили и разбрелись они по лѣсу, пошли стрѣлять зайцевъ, дикихъ оленей, птицъ и голубей,—то, что годилось на ѣду,—и все приносили Веньямину, а онъ долженъ былъ стряпать, чѣмъ они и утоляли свой голодъ.

И жили они въ томъ домикѣ десять лѣтъ всѣ вмѣстѣ, и время для нихъ шло незамѣтно.

А дочурка, что родилась у королевы, подросла тою порой, и была она добра сердцемъ и лицомъ прекрасна, и на лбу у нея сверкала золотая звѣзда.

Однажды, когда большая стирка была при дворѣ, замѣтила дѣвочка среди другого бѣлья двѣнадцать мужскихъ рубашекъ и спросила у матери:

— Чьи это рубашки? Для батюшки онѣ слишкомъ малы.

Тогда отвѣчала королева съ глубокой грустью:

— Милое дитя, онѣ принадлежали твоимъ братьямъ.

Дѣвочка снова спросила ее:

— А гдѣ же мои двѣнадцать братьевъ?.. Я до сихъ поръ никогда ничего о нихъ не слыхала.

Она отвѣчала:

— О томъ вѣдаетъ одинъ Господь, гдѣ они; блуждаютъ, должно-быть, по лѣсу...

И она повела дѣвочку, отперла горенку и показала ей двѣнадцать гробиковъ со стружками и изголовьями.

— Эти гробики,—молвила она,—сдѣлали для твоихъ братьевъ, но они тайно бѣжали отсюда, прежде чѣмъ ты на свѣтъ явилась,—и затѣмъ разсказала ей, какъ все дѣло было.

И сказала тогда дѣвочка:

— Милая матушка, не плачь обо мнѣ, я пойду, разыскивать моихъ братьевъ.

И вотъ захватила она съ собою двѣнадцать рубашекъ и ушла изъ зáмка—прямо въ огромный лѣсъ, въ самую чащу.

Шла она цѣлый день и только къ вечеру добралась до зачарованнаго домика.

Вошла она туда и встрѣтила маленькаго мальчика, а тотъ и спросилъ ее:

— Откуда ты и куда путь свой держишь?..—и не мало дивился онъ тому, что она была такъ дивно-хороша и одѣта въ королевскія одежды и что яркая звѣзда сверкала у нея во лбу.

Она сказала ему:

— Я—королевская дочь и пустилась искать моихъ двѣнадцать братьевъ, и готова я идти за ними всюду, гдѣ только еще синѣетъ небо, пока не найду ихъ, наконецъ.

И показала она ему при этомъ двѣнадцать рубашекъ, которыя имъ принадлежали.

Понялъ тутъ Веньяминъ, что это была его сестра и сказалъ:

— Я—Веньяминъ, твой младшій братъ!..

Заплакала она отъ радости, и Веньяминъ тоже, и они бросились обнимать и ласкать другъ-друга отъ всего сердца.

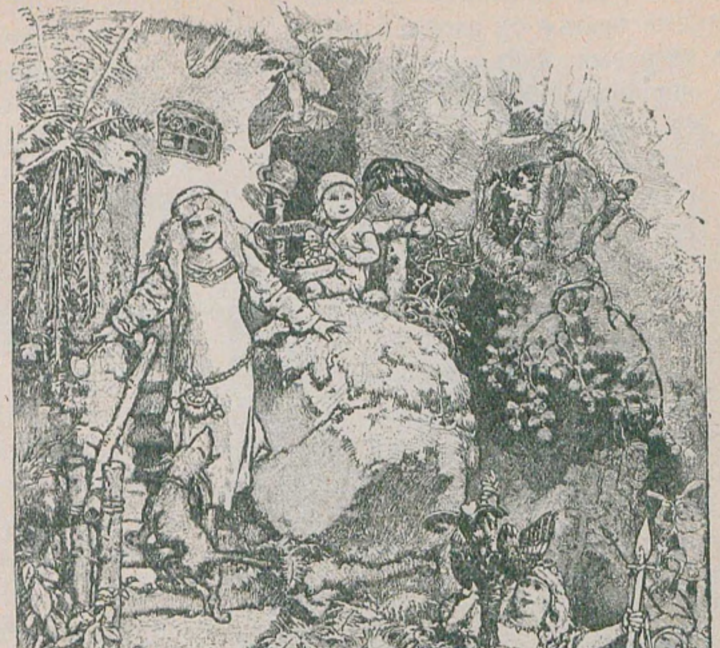
Потомъ онъ внезапно сказалъ ей:

— Милая сестрица, тутъ есть одно препятствіе: мы условились, что каждая дѣвочка, какая ни встрѣтится намъ, должна погибнуть, потому что и мы ради дѣвочки должны были нѣкогда покинуть наше королевство.

Тогда она сказала на это:

— Умереть я готова, если только этимъ путемъ я спасу моихъ двѣнадцать братьевъ.

— Ну, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—умирать-то ты не должна. Спрячься вотъ подъ этотъ ушатъ, пока не придутъ одиннадцать братьевъ, а тогда я попытаюсь съ ними уговориться.


ПЕТУНИНЪ

Такъ она и сдѣлала. Вотъ какъ ночь настала, вернулись остальные братья съ охоты, и ужинъ имъ былъ уже накрытъ. И въ то время, какъ сидѣли за столомъ и ѣли, разспрашивали они брата обо всемъ:

— Ну, что новаго?..

Веньяминъ ихъ и спросилъ:

— А вы ничего не знаете?

— Нѣтъ,—отвѣчали всѣ.

Онъ продолжалъ:

— Вы вонъ по лѣсу бродили, а я дома сидѣлъ, а знаю кое-что побольше вашего.

— Такъ разскажи намъ!—закричали братья.

Но онъ сказалъ имъ на то:

— Нѣтъ, вы мнѣ прежде пообѣщайте, что первая дѣвушка, которая намъ встрѣтится, не будетъ убита.

— Ну, хорошо, хорошо!—закричали другіе.—Первая, такъ ужъ и быть, пусть будетъ помилована! Разсказывай только.

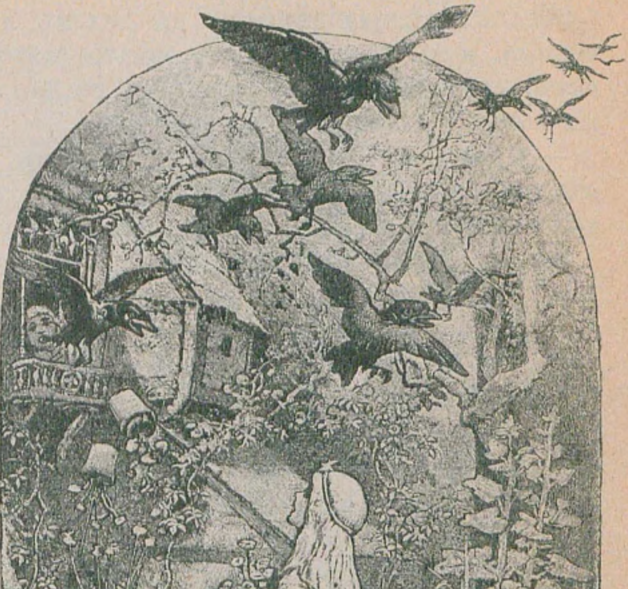
Онъ сказалъ имъ:

— Наша сестра здѣсь!—и поднялъ при этомъ ушатъ, и королевна вышла къ нимъ навстрѣчу, въ своемъ королевскомъ нарядѣ, съ золотою звѣздочкой во лбу, такая прекрасная, изящная, нѣжная...

Тутъ они всѣ безконечно обрадовались ей, бросились ей на шею и цѣловали ее, съ перваго же взгляда полюбивъ ее всѣмъ сердцемъ.

Вотъ и осталась она съ Веньяминомъ дома и помогала ему справлять всякую работу по хозяйству. Одиннадцать же братьевъ по-прежнему отправлялись въ лѣсъ, ловили дичь, оленей, птицъ и голубей, чтобы чѣмъ-нибудь питаться, а сестра и Веньяминъ заботились, чтобы имъ ѣду состряпать во-время. Она собирала дрова для кухни и травы для приправъ и горшки на огонь ставила, и всегда ужинъ готовъ былъ къ тому времени, когда возвращались домой одиннадцать братьевъ.

Она слѣдила за порядкомъ въ домѣ, оправляла постели аккуратно и чистехонько, и братья всѣмъ были довольны и жили съ нею въ тѣсной дружбѣ.



Однажды какъ-то устроили они сообща угощеніе на славу и, когда всѣ собрались вмѣстѣ, усѣлись за столъ, стали ѣсть, пить безпечно и весело. А при зачарованномъ домикѣ былъ крошечный садикъ, гдѣ росли двѣнадцать лилій; сестра и задумала особенно потѣшить братцевъ, сорвала двѣнадцать цвѣтковъ, рѣшивъ послѣ пирушки каждому изъ братьевъ подарить по одному. Но едва только она сорвала цвѣты, какъ въ тотъ же мигъ двѣнадцать братьевъ превратились въ двѣнадцать вороновъ и полетѣли прочь отъ нея черезъ лѣсъ, и домикъ съ садомъ тоже исчезъ.

Осталась бѣдная дѣвушка въ дикомъ лѣсу одна одинешенька, и въ то время, какъ осматривалась она по сторонамъ, очутилась внезапно рядомъ съ нею какая-то старушка, которая молвила ей:

— Дитя мое! Что ты сдѣлала!.. Зачѣмъ ты тронула двѣнадцать бѣлыхъ лилій?.. То были братья твои, которые отнынѣ навсегда обращены въ вороновъ!

Плача, сказала дѣвочка:

— Да неужели же нѣтъ средства освободить ихъ?..

— Нѣтъ,—сказала старуха,—во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого средства; правда, одно только есть, но оно такъ тяжело, что ты имъ освободить ихъ не можешь; потому что ради того ты должна быть семь лѣтъ нѣмою и несмѣяною: не можешь ни говорить, ни смѣяться,—и если вымолвишь ты хоть единое слово и хотя бы только одного часа не хватало до полнаго срока, все пойдетъ прахомъ, и этимъ однимъ словомъ ты убьешь своихъ братьевъ.

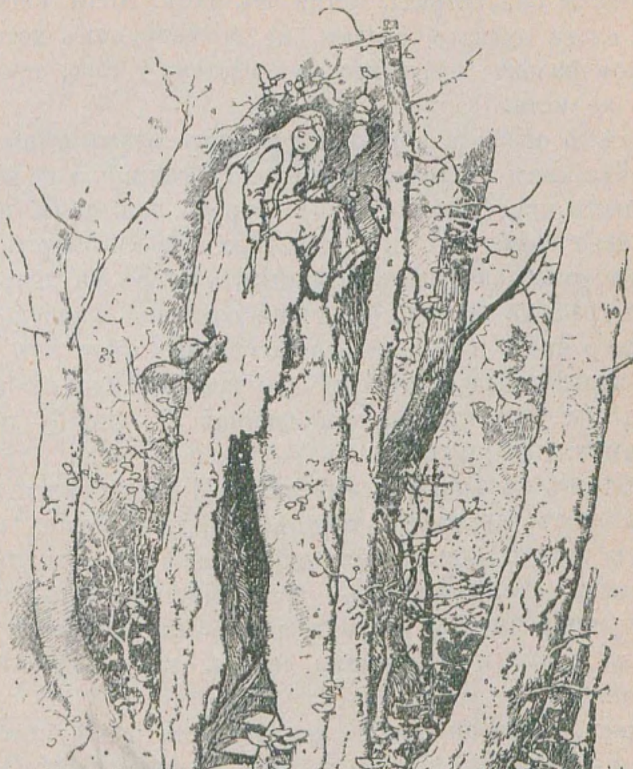
И затаила дѣвушка на сердцѣ своемъ мысль: „я-то знаю, что освобожу моихъ братьевъ“, пошла, отыскала высокое дерево, взобралась на него и стала прясть и не говорила ничего, и не смѣялась ни надъ чѣмъ.

И вотъ случилось такъ, что охотился въ томъ лѣсу король, у котораго была огромная борзая собака; она набѣжала на то самое дерево, гдѣ сидѣла дѣвушка, и ну прыгать вокругъ него, ну завывать и лаять на нее. Тогда король подскакалъ тоже сюда и замѣтилъ прекрасную королевну съ золотою звѣздочкой во лбу и такъ былъ пораженъ ея красотою, что крикнулъ ей, хочетъ она быть его супругою или нѣтъ?

Ни словомъ не обмолвилась она, только чуть склонила голову.

И поднялся самъ король на дерево и снялъ ее съ него, посадилъ съ собою на коня и увезъ къ себѣ.

Свадьбу вскорѣ отпраздновали съ рѣдкимъ великолѣпіемъ и весельемъ; но новобрачная не говорила ничего и не смѣялась. Послѣ того, какъ два года жили они въ полномъ согласіи, мачеха короля, что была недобрая женщина, стала чернить и оговаривать молодую королеву и сказала королю:



— Да, вѣдь, это же самая простая нищенка, которую ты съ собою-то привезъ; кто ее тамъ знаетъ, что за богопротивныя проказы она творитъ тайно отъ насъ. Коли ежели она нѣма и слова путнаго сказать не можетъ, такъ хоть улыбнулась бы разокъ; ну, а кто не смѣется, у того, стало-быть, совѣсть нечиста.

Не хотѣлъ сначала король наговорамъ этимъ вѣры давать, но старуха такъ на томъ настаивала и обвиняла ее во столькихъ злыхъ преступленіяхъ, что король, наконецъ, не могъ уже ничего возражать и приговорилъ ее къ смерти.

И вотъ разведенъ былъ огромный костеръ на дворѣ, и на томъ кострѣ она должна была быть сожжена, а король стоялъ у верхняго окна и со слезами на глазахъ смотрѣлъ на нее, потому что до сихъ поръ онъ еще такъ нѣжно любилъ ее. И когда она уже стояла привязанная къ столбу и пламя огненными языками касалось ея платья, тогда истекъ послѣдній мигъ завѣтныхъ семи лѣтъ. И послышался въ воздухѣ шелестъ крыльевъ, и двѣнадцать вороновъ примчались къ ней и опустились внизъ, и чуть коснулись они земли, какъ стали снова ея братьями, которыхъ она освободила. Они разметали въ разныя стороны пылающія головни, затушили пламя и освободили сестру, стали цѣловать и ласкать ее...

И теперь, когда она могла открыть уста и нарушить обѣтъ молчанія,—повѣдала она все королю—и почему онѣмѣла она, и почему никогда не улыбалась.

Король несказанно обрадовался, когда убѣдился въ ея невиновности, и стали они всѣ вмѣстѣ жить да поживать въ тѣсной дружбѣ до конца своихъ дней. А злую мачеху предали суду и забили ее въ бочку, наполненную кипящимъ масломъ и ядовитыми змѣями, и тамъ она погибла злою смертью.

Сбродъ.

Пѣтушокъ сказалъ курочкѣ:

— Самое теперь время, когда орѣхи поспѣли, — пойдемъ-ка съ тобой на гору, накушаемся хоть разокъ до отвалу, покамѣстъ бѣлки еще не растащили...

— Ладно, — сказала курочка, — пойдемъ, потѣшимся съ тобою, повеселимся.

И вотъ отправились они вмѣстѣ на гору, а такъ какъ день былъ ясный, палящій, они и остались тамъ вплоть до вечера.

Ну, ужъ я тамъ не знаю, — наѣлись ли они вплотную, или ужъ не въ мѣру они зазнались, — короче, — пѣшкомъ домой возвращаться они не пожелали, и вотъ пѣтушокъ долженъ былъ немедленно смастерить маленькую повозку изъ орѣховыхъ скорлупокъ.

А когда она была готова, курочка усѣлась въ нее и сказала пѣтушку:

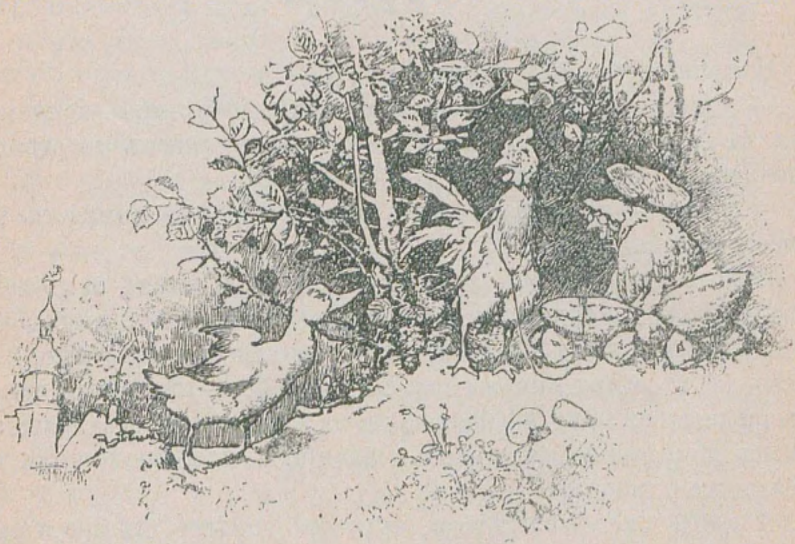
— Ты можешь теперь запречься!

— Держи карманъ, — сказалъ пѣтушокъ, — да я лучше пѣшкомъ домой поплетусь, чѣмъ впрягусь въ повозку. Нѣтъ, шалишь, такого уговора между нами не было. Кучеромъ быть да на козлахъ сидѣть, — на это я, пожалуй, и согласенъ, а ужъ на себѣ тащить, — на это я не пойду!..

Той порой, какъ они спорили между собой, загоготала вдругъ на нихъ, откуда ни возьмись, утка:

— Ну, вы, воровской народъ! Вамъ кто это позволилъ ко мнѣ въ орѣшникъ на гору шляться?.. Погодите, это добромъ не кончится!..—и напустилась съ разинутымъ клювомъ на пѣтушка.

Но и пѣтушокъ,—не будь плохъ,—самъ всѣмъ тѣломъ на легъ на утку и такъ отважно принялся отдѣлывать ее шпорами, что та взмолилась о пощадѣ и въ наказаніе охотно позволила запречь себя въ повозочку.



Вотъ пѣтушокъ усѣлся на козлахъ за кучера, и тронулись они въ путь, а пѣтушокъ только понукивалъ:

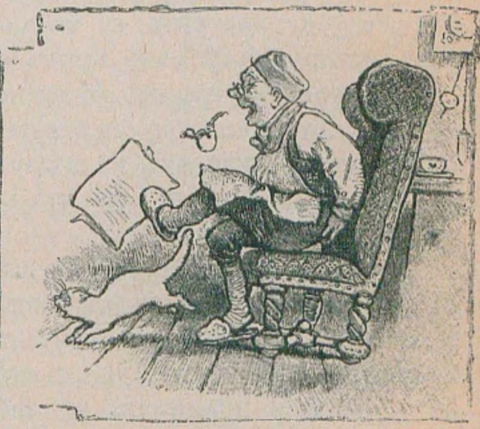
— Эй, ты, утка, ну-ну, бѣги шибче, какъ только можешь!..

Только-что они проѣхали часть дороги, повстрѣчали двоихъ пѣшеходовъ: булавку и иголку. Тѣ закричали:

— Стой, стой!..—и объяснили, что-де скоро стемнѣетъ такъ, что хоть глазъ выколи, и имъ дальше шагу ступить невозможно будетъ, къ тому же и грязно на дорогѣ,—такъ нельзя ли имъ присѣсть немного; они-де въ гостиницѣ портныхъ засидѣлись да за кружкой пива запоздали.

Пѣтушокъ, видя, что все это народъ тощій и мѣста займетъ немного, позволилъ имъ влѣзть въ повозку; но они должны были обѣщать, что ни ему, ни курочкѣ ноги колоть они не будутъ.

Поздно вечеромъ подъѣхали они къ харчевнѣ, и такъ какъ ночью ѣхать дальше не хотѣли, да и утка едва съ ноги на ногу переступала и съ боку на бокъ переваливалась, то и завернули сюда на ночевку.



Сначала хозяинъ сталъ, было, возражать,—весь-де домъ у него полнымъ-полнёхонекъ,—соображая, что это все не больно важныя птицы; однако, въ концѣ-концовъ, какъ наслушался сладкихъ рѣчей о томъ, что вотъ, молъ, онъ получитъ ужо яичко, которое курочка дорогой снесла, да еще утку въ придачу, которая ежедневно по яйцу несетъ,—и согласился, сказавъ, что они могутъ переночевать у него ночь. А гости приказали подать имъ кушать и веселились напропалую.

Рано-рано поутру, когда чуть разсвѣтало и всѣ еще крѣпко спали, разбудилъ пѣтушокъ курочку, досталъ яичко, раскололъ его, и они вмѣстѣ закусили имъ, а скорлупки бросили въ огонь.

Потомъ они пошли къ иголкѣ, которая еще спала, схватили ее за ушко и воткнули въ подушку хозяйскаго кресла, а булавку—въ хозяйское полотенце, а сами,—я не я,—порхъ оттуда черезъ пустырь наутекъ...

Утка, которая вообще съ удовольствіемъ ночевала подъ открытымъ небомъ, а эту ночь провела на дворѣ, слышала, какъ они убрались во-свояси, обрадовалась страшно, ободрилась, разыскала ручеекъ вблизи и поплыла скорехонько прочь,—откуда прыть взялась, не то что въ упряжи.

Часа два спустя проснулся хозяинъ, всталъ съ перины, умылся и только хотѣлъ утереться полотенцемъ, какъ булавка царапнула его черезъ все лицо и оставила за собою красный слѣдъ отъ уха до уха; пошелъ онъ въ кухню, хотѣлъ трубку закурить, но только онъ къ очагу нагнулся, какъ яичныя скорлупки прыгъ ему въ лицо.

— Нынче съ утра всѣ бѣды на голову валятся!—молвилъ онъ и, удрученный, опустился на дѣдовское кресло; но легче пуху подпрыгнулъ онъ на воздухъ да какъ заголоситъ:

— Ой, ой, ой!..—потому что иголка пребольно кольнула его, хоть и не въ голову.

Тутъ ужъ онъ окончательно вышелъ изъ себя, и подозрѣніе его въ этихъ проказахъ упало на тѣхъ гостей, что вчера такъ поздно вечеромъ къ нему явились; а какъ пошелъ онъ провѣдать ихъ,—гостей ужъ и слѣдъ простылъ. Съ тѣхъ поръ онъ закаялся принимать къ себѣ въ домъ всякій сбродъ, который кушаетъ много и ничего не платитъ да сверхъ того въ благодарность на такія шутки пускается...

Братецъ и сестрица.

Взялъ братецъ сестрицу за руку и сказалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ матушка умерла, наши красные дни миновали; мачеха бьетъ насъ каждый день, а чуть приблизишься къ ней, она отталкиваетъ ногой. Жесткія корки, что остаются послѣ обѣда,— наша единственная ѣда; собачонкѣ подъ столомъ, и той много лучше: ей она изрѣдка хоть лакомый кусочекъ броситъ. Боже милостивый! Если бы матушка наша о томъ вѣдала! Слушай, пойдемъ лучше бродить по бѣлому свѣту!..

Дѣлать было нечего, и бѣжали изъ дому.

И шли они цѣлый день черезъ луга, поля и каменья, и, когда дождь капалъ, сестрица говорила:

— То плачетъ Господь вмѣстѣ съ нами...

Вечеромъ достигли дѣти большого лѣса, и такъ какъ они были очень утомлены пережитыми бѣдствіями, голодомъ и трудной дорогой, то какъ только забрались въ дупло дерева, тотчасъ же и заснули.

Наутро, когда они проснулись, солнышко стояло уже высоко на небѣ и горячими лучами заглядывало къ нимъ въ дупло.

— Сестрица, — сказалъ братецъ, — меня мучитъ жажда; кабы знать да вѣдать, гдѣ здѣсь есть ручеекъ, я бы пошелъ да напился... Чу!.. Мнѣ чудится, я слышу журчанье!..

Всталъ братецъ, взялъ сестру за руку, и отправились они искать ручеекъ. Но ихъ злая мачеха была колдунья; она видѣла, какъ дѣти ушли изъ дому, и все время тайкомъ кралась слѣдомъ за ними, какъ однѣ только вѣдьмы умѣютъ красться, и заколдовала всѣ ручьи въ лѣсу.

Дѣти скоро напали на ручеекъ, который чудно сверкалъ, прыгая по камнямъ, и братецъ хотѣлъ, было, ужъ напиться, но сестрица вдругъ услышала, какъ ручей словно выговаривалъ: „Кто напьется изъ меня, станетъ тигромъ!.. Кто напьется изъ меня, станетъ тигромъ!“...

И воскликнула сестрица:

— Умоляю тебя, братецъ, не пей,—иначе ты обратишься въ дикаго тигра и растерзаешь меня!

Не сталъ пить братецъ, хоть и сильно мучила его жажда, и сказалъ:

— Ну, я потерплю до ближайшаго источника!..

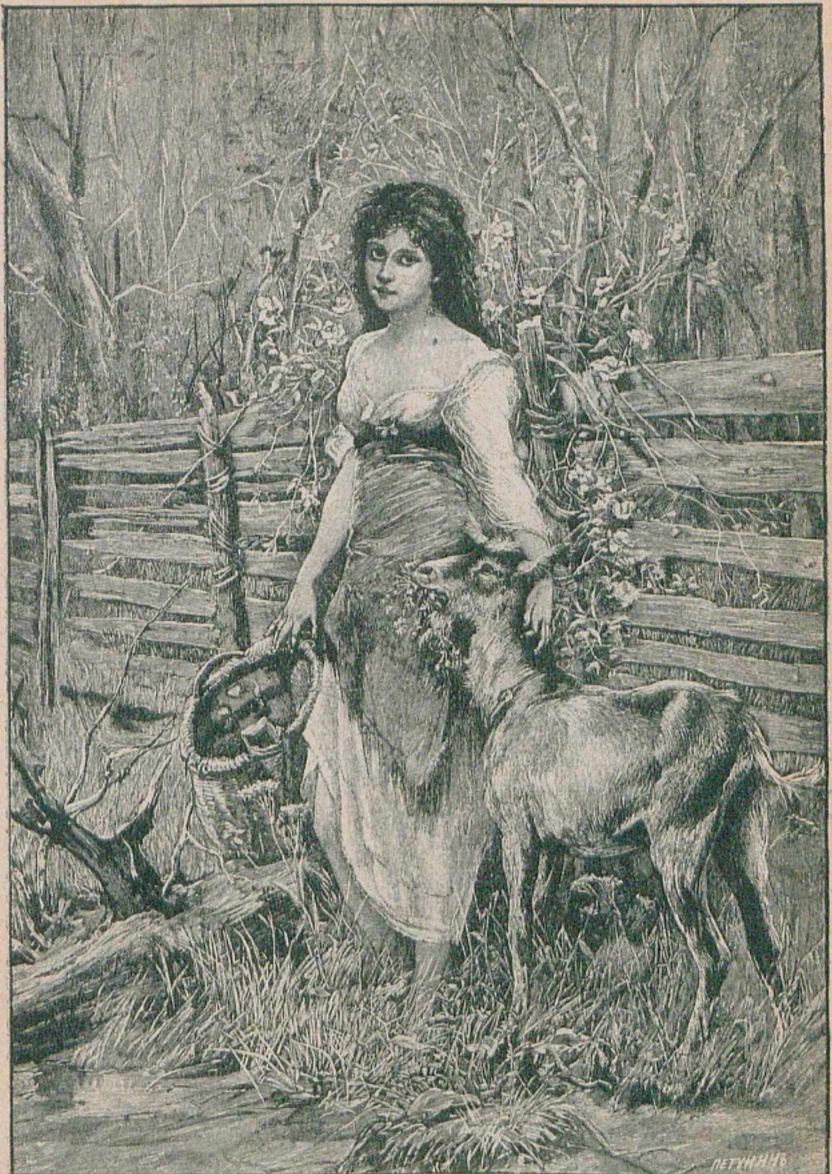
Когда они приблизились къ другому ручейку, то сестрица услышала, какъ и онъ журчалъ: „Кто напьется изъ меня, станетъ волкомъ! Кто напьется изъ меня, станетъ волкомъ!“...

И воскликнула сестрица:

— Братецъ, умоляю тебя, не пей,—а не то обернешься ты волкомъ сѣрымъ и съѣшь меня!..

Не сталъ пить братъ, сказалъ только:

— Подожду, пока мы дойдемъ до новаго источника, но уже тогда я непремѣнно напьюсь, и ты можешь говорить, что хочешь... Мнѣ будетъ все равно,—я просто умираю отъ жажды!..


ПЕТУНИНЪ

Когда они пришли къ третьему ручейку, сестрица услышала, какъ и онъ въ журчаньи предупреждалъ: „Кто напьется изъ меня, станетъ ланью!.. Кто напьется изъ меня, станетъ ланью!“...

Сестрица сказала, было:

— Ахъ, братецъ, умоляю тебя, не пей,—не то обернешься ты ланью и убѣжишь отъ меня прочь!..

Но братецъ опустился уже на колѣни у ручья, нагнулся надъ нимъ и испилъ воды, и едва только губъ его коснулись первыя капли воды, какъ онъ обернулся маленькой ланью.

И заплакала сестрица надъ бѣднымъ, зачарованнымъ братомъ, и маленькая лань плакала тоже и лежала около нея такая печальная-печальная.

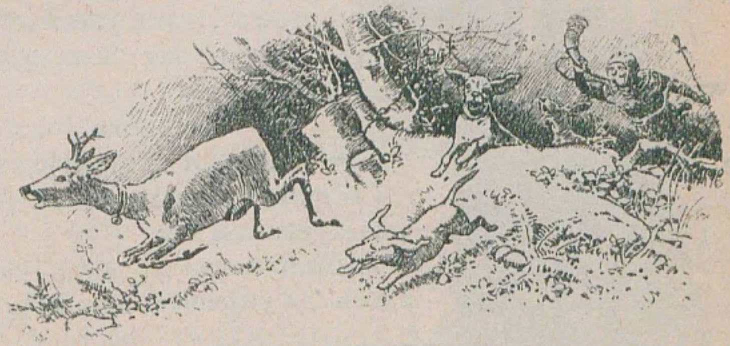
Наконецъ, дѣвушка сказала:

— Успокойся, милая лань, я тебя никогда, никогда не покину.

Затѣмъ она сняла золототканную подвязку и обвязала ею шею лани, потомъ нарвала травы и сплела мягкую веревку. На нее привязала она звѣрка и повела за собою, и шла она все глубже и глубже въ лѣсъ. И набрели онѣ, наконецъ, на маленькую лачужку; дѣвушка заглянула въ нее, и такъ какъ тамъ никого не было, то она и подумала: „Здѣсь мы можемъ остаться жить!“ Затѣмъ она набрала для лани листьевъ, моху, для мягкой подстилки, и каждое утро стала ходить собирать себѣ для ѣды коренья, ягоды и орѣхи, а для лани приносила съ собой сочной травы, и лань ѣла изъ ея рукъ, была веселая и все играла вокругъ нея. А вечеромъ усталая дѣвушка помолится, бывало, положитъ голову на спину лани, которая служила ей вмѣсто подушки, и сладко-сладко заснетъ. И будь только у братца его человѣческій образъ,—жизнь имъ была бы здѣсь привольная.

Прошло нѣсколько времени съ тѣхъ поръ, какъ они поселились въ лѣсной глуши, и случилось однажды, что король той страны устроилъ въ лѣсу большую охоту. Какъ-то издали послышались въ лѣсу звуки роговъ, собачій лай и веселыя покрикиванія охотниковъ; услышала это лань, и страшно захотѣлось ей быть тамъ.

— Ахъ,—сказала она сестрицѣ,—пусти меня на охоту, я не могу больше терпѣть! — И она просила ее до тѣхъ поръ, пока сестра не согласилась-таки.



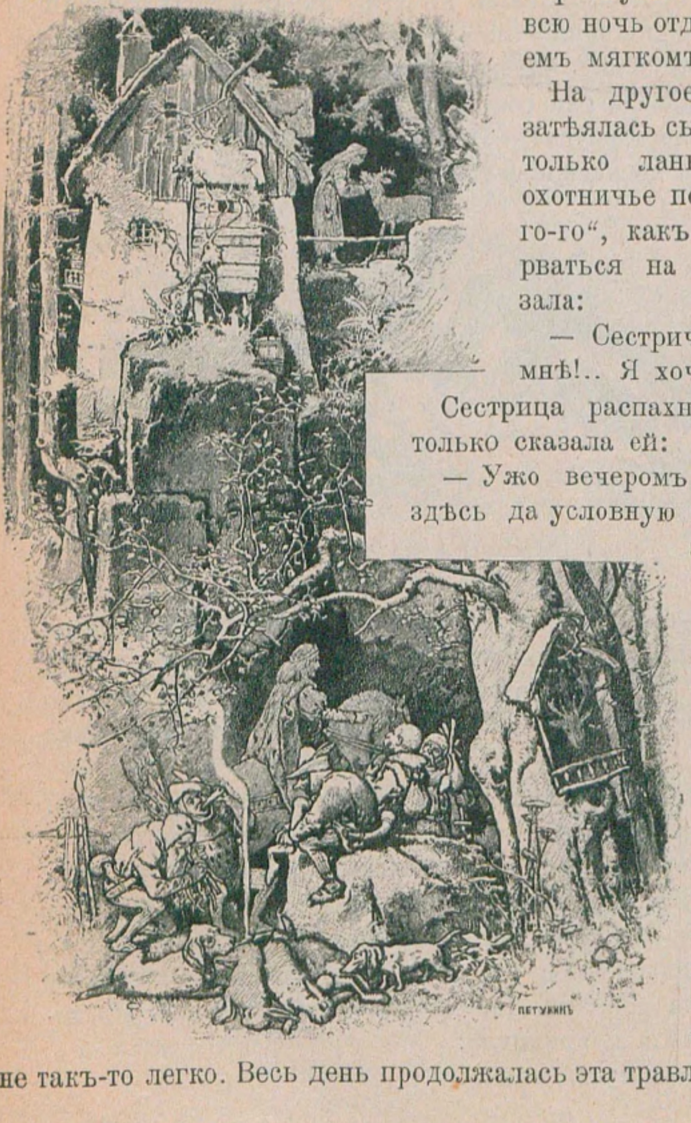
— Только,—сказала она,—вечеромъ возвращайся обратно; я запру дверцу отъ дикихъ охотниковъ, а чтобы я могла тебя узнать, ты постучи и крикни:—„Сестричка, впусти меня!“ — и если ты не скажешь такъ, я тебѣ дверки не отворю.

И выпрыгнула лань на волю, и такъ ей стало привольно, такъ весело на вольномъ воздухѣ, что чудо!..

Завидѣли король и его егеря хорошенькое животное и погнались за нимъ, но догнать лани никакъ не могли, и въ то время, какъ имъ казалось, вотъ-вотъ они уже затравили ее,— лань вдругъ перескочила черезъ густую заросль и скрылась отъ нихъ. Когда совсѣмъ уже стемнѣло, примчалась къ лачужкѣ, постучала и крикнула:

— Сестричка, впусти меня!..

И тотчасъ дверка передъ ней распахнулась настежь, и лань впрыгнула въ лачужку и всю ночь отдыхала на своемъ мягкомъ ложѣ.



На другое утро охота затѣялась сызнова; и чуть только лань заслышала охотничье порсканье „го-го-го“, какъ снова стала рваться на волю и сказала:

— Сестричка, отвори мнѣ!.. Я хочу погулять!..

Сестрица распахнула дверь и только сказала ей:

— Ужо вечеромъ будь опять здѣсь да условную поговорку не забудь!..

Какъ только король и его егеря замѣтили лань съ золотымъ ошейникомъ, — они всѣ погнались за нею слѣдомъ, но она была слишкомъ легка и проворна, и догнать ее было не такъ-то легко. Весь день продолжалась эта травля, наконецъ, только вечеромъ его егеря окружили ее, и одинъ изъ нихъ слегка поранилъ ей ногу, такъ что она захромала и побѣжала гораздо тише. А за нею слѣдомъ тайкомъ погнался одинъ изъ егерей вплоть до самой лачужки, и тамъ услышалъ онъ, какъ она заблеяла: — „Сестричка моя, впусти меня!“ — и увидѣлъ, что дверь передъ нею распахнулась и тотчасъ же захлопнулась; твердо запомнилъ все это егерь, явился къ королю и все повѣдалъ ему, что онъ и видѣлъ, и слышалъ. Тогда король приказалъ:

— Быть охотѣ и на завтра.

Сестричка же страшно перепугалась, какъ замѣтила, что ея брата ранили. Она обмыла кровь, приложила цѣлебныхъ травъ и сказала:

— Ступай на свое мѣсто, милая лань, и выздоравливай скорѣе.

Но рана была такъ ничтожна, что наутро лань уже ничего не чувствовала. И чуть заслышала она въ лѣсу охотничью потѣху, какъ взмолилась снова:

— Я не въ силахъ утерпѣть, — я должна, должна побывать тамъ!..

Заплакала сестрица и говоритъ:

— А ну, какъ убьютъ они тебя, и останусь я здѣсь въ лѣсу одна-одинешенька, покинутая всѣмъ свѣтомъ? Нѣтъ, я не пущу тебя на волю.

— Тогда умру я здѣсь передъ тобой отъ тоски, — отвѣтила лань: — чуть заслышу я охотничій рогъ, такъ и подмываетъ меня, — просто сердце готово вонъ выскочить!..

Ничего не могла сестрица сдѣлать съ ней и съ грустью отворила ей дверь; а лань прыгнула въ чащу лѣса, бодрая, жизнерадостная.

Какъ только запримѣтилъ ее король, тотчасъ отдалъ приказъ своимъ егерямъ:

— Гоняйте ее цѣлый день вплоть до ночи, но смотрите, чтобы никто ее не ранилъ и не убилъ!..

Какъ только солнце закатилось, говоритъ король егерю:

— Ну, поѣдемъ, покажи мнѣ лѣсной домикъ.

И когда король подошелъ къ двери, то постучался и крикнулъ:

— Сестричка, впусти меня!..

Распахнулась дверь настежь, и король вошелъ въ хижину, а тамъ стояла дѣвушка, да такая красавица, подобной которой онъ еще и не видывалъ.

Испугалась дѣвушка, какъ увидѣла, что это была не лань, а какой-то человѣкъ съ золотой короной на головѣ. Но король смотрѣлъ на нее такъ ласково, протянулъ ей руку и произнесъ:

— Хочешь ты ѣхать со мною въ мой замокъ и быть моей супругой?

— Ахъ, да,—отвѣтила дѣвушка,—только и лань должна слѣдовать за мною, я никогда ея не покину!

И сказалъ король:

— Она будетъ съ тобою, пока ты жива, и ни въ чемъ у нея не будетъ недостатка!

Между тѣмъ примчалась домой и лань; сестрица привязала веревку къ ошейнику и вышла съ нею вмѣстѣ изъ лѣсной лачужки.

Посадилъ король прекрасную дѣвушку къ себѣ на коня и отвезъ ее въ свой замокъ, гдѣ и отпраздновали свадьбу съ рѣдкой пышностью. И стала дѣвушка королевой, и въ полномъ согласіи жили они долгое время, а лань нѣжили да холили, и она жила и рѣзвилась въ дворцовомъ паркѣ.

А между тѣмъ злая мачеха, по чьей милости дѣти пошли бродить по свѣту бѣлому, была въ полной увѣренности, что дѣвочку въ лѣсу давнымъ-давно растерзали хищные звѣри, а лань егеря подстрѣлили.

Когда же она услыхала, что имъ такое счастье привалило и все у нихъ идетъ по-хорошему, зависть и злоба стали мучить ее, не давая ни на минуту покою. И она только о томъ и думала, какъ бы вовсе извести ихъ обоихъ.

А ея родная дочка была дурна собою, какъ ненастная ночь, да еще къ тому же одноглазая, такъ та все укоряла ее и говорила:

— Быть королевой,—такое счастье должно было выпасть на долю мнѣ!..

— Молчи только,—отвѣчала старуха, чтобы успокоить ее.— Настанетъ удобное время, я охулки на руку не положу, буду наготовѣ.

И вотъ настало удобное время... Родился у королевы хорошенькій мальчуганъ, а король о ту пору былъ въ отлучкѣ на охотѣ; старая колдунья приняла на себя образъ королевской горничной, пробралась въ спальню, гдѣ лежала королева и обратилась къ больной со словами:

— Пожалуйте, ванна уже готова; но торопитесь, а не-то остынетъ вода!..

А дочь ея была тутъ же съ нею, и онѣ вмѣстѣ отнесли еще слабую королеву въ баню и опустили ее въ ванну; потомъ заперли дверь за собою и бросились наутекъ. А въ банѣ развели онѣ такой адскій огонь, что прекрасная, молодая королева вскорѣ задохлась...

Когда это дѣло было слажено, старуха надѣла на дочку чепчикъ и уложила ее въ постель вмѣсто королевы. Она и видъ, и образъ королевы придала ей; только окривѣвшаго глаза никакъ не могла поправить. А чтобы король этого не замѣтилъ, дочка ея легла на ту сторону, съ какой глаза не было видно.

Подъ вечеръ, какъ вернулся король домой да услышалъ, что родился у него сынокъ, обрадовался онъ сердечно и хотѣлъ, было, подойти къ постели супруги и освѣдомиться, какъ она себя чувствуетъ, но старуха закричала:

— Ради Создателя! Опустите занавѣси! Королевѣ вреденъ свѣтъ, ей нуженъ полнѣйшій покой!

Король вышелъ изъ спальни и такъ и не узналъ, что въ постели лежала самозванная королева.

А когда пробило полночь и все заснуло вокругъ, увидѣла нянюшка, что сидѣла въ дѣтской около колыбели, какъ распахнулась дверь настежь и вошла истинная королева. Она вынула ребенка изъ колыбели, обняла его, накормила. Потомъ взбила, оправила ему подушечки, уложила снова ребенка назадъ и укрыла его одѣяломъ. Не забыла она и лань, заглянула къ ней и долго гладила ее по спинкѣ. И пошла она затѣмъ въ полномъ безмолвіи къ двери, и когда нянюшка наутро спрашивала у стражи, не входилъ ли кто этой ночью въ замокъ, ей отвѣчали:

— Нѣтъ, мы никого не видѣли!..

И такъ являлась королева нѣсколько ночей сряду и ни разу не обмолвилась при этомъ единымъ словомъ; нянюшка постоянно видѣла ее, но все никакъ не рѣшалась разсказать объ этомъ кому бы то ни было.

Но черезъ нѣсколько времени однажды ночью королева сказала:

„Что, милый мой мальчикъ? Что, лань-человѣкъ?
„Два раза приду я и скроюсь навѣкъ!“...

Ни слова не отвѣтила ей нянюшка, а когда исчезла она, то пошла къ королю и разсказала ему обо всемъ.

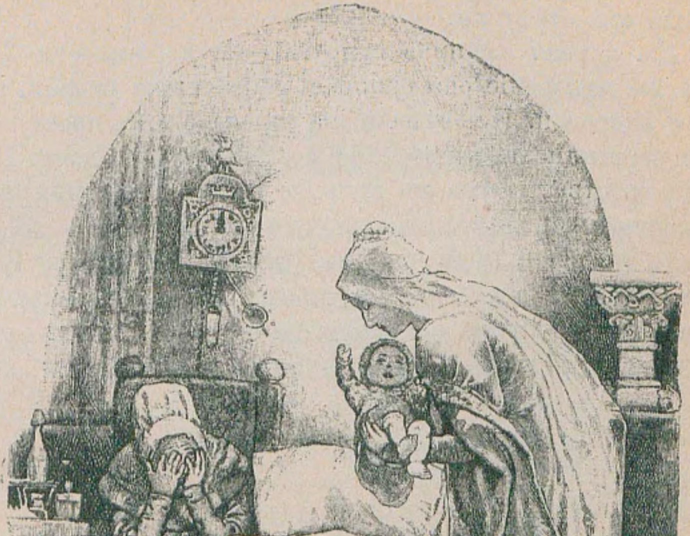
Король удивился и говоритъ:

— Боже мой!.. Что это значитъ? На слѣдующую ночь я буду самъ дежурить около ребенка.

Вечеромъ онъ пошелъ въ дѣтскую, и въ полночь снова появилась королева и произнесла:

„Что дѣлаютъ мальчикъ мой и лань-человѣкъ?
„Еще разъ приду я и скроюсь навѣкъ!“...

И затѣмъ стала она нянчить ребенка, какъ всегда это дѣлала, и потомъ снова исчезла. И ошеломленный король не рѣшился заговорить съ нею, но онъ остался дежурить у колыбели и на слѣдующую ночь, а королева и на этотъ разъ сказала:



„Что дѣлаютъ мальчикъ и лань-человѣкъ?
„Ужъ я не приду къ вамъ, а скроюсь навѣкъ!“

И не въ силахъ былъ король болѣе сдержаться, быстро поднялся онъ и сказалъ:

— Это ты, моя милая супруга!..

Тогда она отвѣтила:

— Да, я твоя любимая супруга! — и по милости Божіей въ то же мгновеніе она ожила и снова стала бодрой, цвѣтущей и здоровой. И повѣдала она королю о томъ преступленіи, что̀ совершили надъ нею злая колдунья и ея дочь. Король повелѣлъ отвести ихъ въ судъ, и участь ихъ была рѣшена. Дочь отвели въ лѣсъ, къ хищнымъ звѣрямъ, а колдунью бросили въ огонь, гдѣ она въ ужасѣ и сгорѣла. И какъ только сгорѣла она до пепла, превращеніе лани кончилось и она снова приняла человѣческій видъ. И зажили сестрица и братецъ неразлучно и счастливо до конца жизни.

Садовый колокольчикъ.

Жили-были однажды мужъ съ женою, и все скучали, что у нихъ дѣтей не было; но, наконецъ, жена стала надѣяться, что Богъ исполнитъ ея желаніе.

Въ задней стѣнѣ хижины этихъ людей было пробито маленькое окошечко, откуда можно было любоваться на роскошный садъ, полный чудныхъ цвѣтовъ и травъ; но этотъ садъ былъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ высокою стѣной, и никто не осмѣливался проникнуть туда, потому что онъ принадлежалъ волшебницѣ, а всѣ боялись ея и ея чаръ и волхвованій.

Стояла однажды жена у этого окошечка и любовалась садомъ, и замѣтила она вдругъ одну грядку, что была сплошь засажена чудными садовыми колокольчиками; они были такіе свѣжіе, зеленые, что ей страшно захотѣлось полакомиться ими.

День ото дня желаніе это все усиливалось, и такъ какъ она знала, что добыть ихъ невозможно, то стала тосковать, поблѣднѣла и страшно измѣнилась.

Испугался мужъ и спрашиваетъ ее:

— Что съ тобою сталось, милая?

— Ахъ,—молвила она,—если я не полакомлюсь садовыми колокольчиками изъ сада волшебницы, я непремѣнно умру!

Мужъ очень любилъ ее и подумалъ: „Достану-ка я ей колокольчиковъ, чего бы они мнѣ ни стоили, по крайней мѣрѣ она жива останется“...

И вотъ вечеромъ, въ сумерки, перелѣзъ онъ черезъ стѣну въ садъ волшебницы, второпяхъ нарвалъ полную горсть колокольчиковъ и принесъ женѣ. А она тотчасъ приготовила себѣ изъ нихъ салатъ и съ жадностью съѣла его. Они показались ей на вкусъ такъ хороши, такъ хороши, что на другой день ей втрое противъ прежняго захотѣлось отвѣдать ихъ. А чтобы успокоить ее, мужъ долженъ былъ вторично пробраться въ садъ. И вотъ вечеромъ, въ сумерки, снова спустился онъ внизъ; но только-что онъ перелѣзъ, было, черезъ стѣну, какъ вдругъ сердце замерло въ немъ отъ ужаса, потому что онъ увидѣлъ передъ собою волшебницу - чародѣйку.

— Какъ ты осмѣлился,— вскрикнула она, гнѣвно сверкая глазами,—забраться въ мой садъ и, словно воръ какой, таскать мои колокольчики?! Плохо же тебѣ будетъ!..

— Ахъ, -- взмолился онъ, — сложите гнѣвъ на милость; я рѣшился на это изъ крайности: увидала жена моя изъ своего окошечка ваши колокольчики, и такъ страшно ей захотѣлось ихъ, что она могла бы умереть, если бы ей не довелось ихъ отвѣдать.

Тутъ чародѣйка поохладѣла чуточку и сказала ему:

— Коли дѣло было такъ, какъ ты говоришь, я тебѣ позволю взять съ собою садовыхъ колокольчиковъ, сколько тебѣ хочется, только одно ставлю тебѣ въ условіе: ты долженъ будешь отдать мнѣ ребенка, который родится у васъ. Это для нея будетъ и къ лучшему,—я стану заботиться о немъ какъ мать.

Въ ужасѣ онъ пообѣщалъ ей, и вотъ когда родилась у нихъ дочь, тотчасъ явилась къ нимъ чародѣйка, нарекла дѣвочкѣ имя „Садовый колокольчикъ“ и унесла его съ собою.

Колокольчикъ былъ прелестнѣйшей дѣвочкой во всемъ подсолнечномъ мірѣ. Когда минуло ей двѣнадцать лѣтъ, заперла ее чародѣйка въ высокой башнѣ, что стояла въ лѣсу; и была безъ лѣстницы, безъ дверей; только на самомъ верху было продѣлано маленькое окошечко.

Когда чародѣйка хотѣла подняться наверхъ, она становилась внизу у подножія башни и кричала:

„Колокольчикъ, Колокольчикъ,
„Опусти мнѣ косу внизъ!..“

А у Колокольчика были роскошные волосы,—нѣжные, какъ тончайшая пряжа изъ золота. Какъ только она слышала голосъ чародѣйки, то распускала свои косы, обвивала ихъ вокругъ оконнаго крючка, и падали ея косы внизъ на глубину двадцати аршинъ, и по нимъ-то чародѣйка и поднималась наверхъ.

Года черезъ два случилось такъ, что ѣхалъ тѣмъ лѣсомъ королевскій сынъ и слѣдовалъ мимо самой башни. И услышалъ онъ вдругъ чье-то пѣніе, да такое пріятное, что королевичъ пріостановился и сталъ прислушиваться. То пѣла Колокольчикъ, которая коротала время въ своемъ полномъ одиночествѣ тѣмъ, что давала волю своему чудному голосу.

Хотѣлъ, было, королевичъ взойти къ ней наверхъ и сталъ искать входа въ башню, да никакой двери найти не могъ и ускакалъ прочь; но любопытство такъ затронуло его сердце, что онъ каждый день сталъ ходить въ лѣсъ и все слушалъ тамъ пѣніе.

И когда стоялъ онъ однажды за деревомъ, — замѣтилъ, что примчалась къ башнѣ чародѣйка, и услышалъ, какъ она крикнула вверхъ:

„Колокольчикъ, Колокольчикъ,
„Опусти мнѣ косу внизъ!..“

Тогда Колокольчикъ опустила свои золотистыя косы, и чародѣйка вскарабкалась по нимъ къ ней наверхъ.

— Ну, коли наверхъ можно только по этой лѣстницѣ взобраться, попытаю же счастья и я.

И на слѣдующій день, какъ только начало смеркаться, королевичъ отправился къ башнѣ и крикнулъ:

„Колокольчикъ, Колокольчикъ,
„Опусти мнѣ косу внизъ!“..

И тотчасъ же пали къ его ногамъ ея волосы, и королевичъ поднялся по нимъ наверхъ.

Страшно испугалась сначала Колокольчикъ, когда къ ней вошелъ мужчина, какого никогда еще она въ глаза не видѣла; но королевичъ заговорилъ съ нею такъ дружелюбно и разсказалъ ей, какъ глубоко затронуло его сердце ея пѣніе, отъ котораго покою ему не было, такъ что онъ долженъ былъ, во что бы то ни стало, увидѣть ее самое. И прошелъ у Колокольчика всякій страхъ, и когда онъ спросилъ ее, не хочетъ ли она быть его женой, а она видѣла, какъ молодъ и прекрасенъ былъ онъ собою,—дѣвушка подумала: „Онъ будетъ больше любить меня, чѣмъ чародѣйка Готэль“, и произнесла свое „да“ и протянула ему руку.

Потомъ она сказала ему:

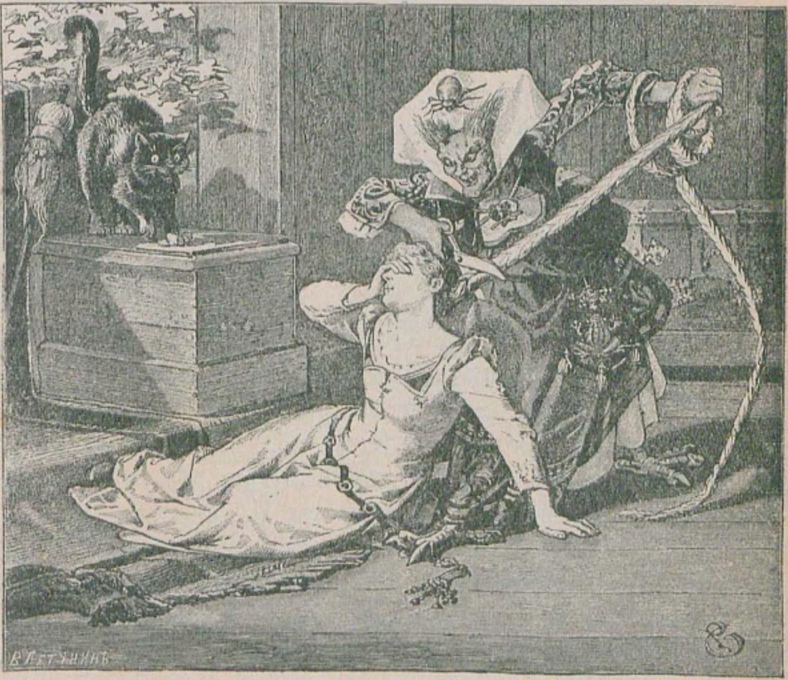
— Я охотно пойду съ тобою, да вотъ не знаю, какъ мнѣ спуститься отсюда. Развѣ вотъ что. Когда ты будешь приходить ко мнѣ, приноси мнѣ каждый разъ мотокъ шелку; изъ него я стану плести лѣстницу, и какъ будетъ она готова, сойду по ней внизъ, и умчишь ты меня на своемъ конѣ.

Вотъ и уговорились они, что до окончанія работы онъ будетъ приходить къ ней по вечерамъ, такъ какъ днемъ къ ней являлась старуха.

А чародѣйка такъ-таки ничего не замѣчала, покамѣстъ однажды Колокольчикъ сама не завела разговоръ о томъ и не проговорилась:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, госпожа Готэль, отчего это происходитъ, что васъ втащить сюда мнѣ несравненно тяжелѣе, чѣмъ молодого королевича, который въ одинъ мигъ бываетъ наверху?

— Ахъ, ты, безбожница!—закричала на нее чародѣйка.— Что я слышу отъ тебя? А я-то думала, что совершенно удалила тебя отъ міра,—ты все-таки провела меня!



И въ гнѣвѣ ухватила она чудные волосы Колокольчика обмотала ихъ раза два на лѣвую руку, схватила ножницы правой,—крикъ-кракъ,—и дивныя косы были обрѣзаны и лежали на полу. И была она дотого безсердечна, что отвела бѣдную Колокольчика въ пустыню, гдѣ и должна была дѣвушка жить въ горѣ и нищетѣ.

Въ тотъ же день, когда выгнала Колокольчика, къ вечеру чародѣйка привязала отрѣзанныя косы къ оконному крюку крѣпко-на-крѣпко, и какъ только королевичъ пришелъ и крикнулъ:

„Колокольчикъ, Колокольчикъ,
„Опусти мнѣ косу внизъ!..“

она сбросила ему внизъ волосы. Королевичъ взобрался по нимъ наверхъ, но встрѣтилъ тамъ не свою ненаглядную, Колокольчика, а чародѣйку, которая готова была съѣсть его злыми ядовитыми глазами...

— Ага!—злорадно завопила она.—Ты хотѣлъ, было, украсть госпожу Любимку,—да ужъ хорошенькая пичужка больше въ гнѣздышкѣ не сидитъ и не поетъ: кошка унесла ее да еще и тебѣ глаза повыцарапаетъ. Пропала для тебя твой Садовый Колокольчикъ, и не видать тебѣ ея никогда, какъ ушей своихъ!

Въ горѣ королевичъ дошелъ до изступленія и въ отчаяніи сбросился съ башни внизъ: онъ остался живъ, но терновникъ, въ который онъ упалъ, выкололъ ему глаза.

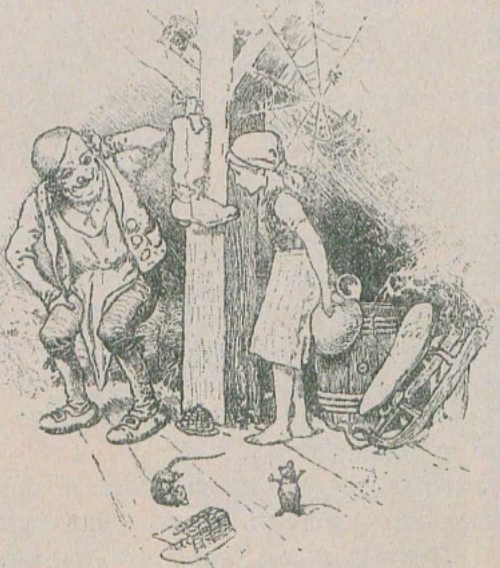
И пошелъ онъ бродить слѣпой по лѣсу, не ѣлъ ничего, кромѣ кореньевъ да ягодъ, и неутѣшно скорбѣлъ и плакалъ о потерѣ своей ненаглядной невѣсты. И бродилъ онъ такъ нѣсколько лѣтъ по окрестностямъ, бѣдствуя, и забрелъ, наконецъ, въ ту самую пустыню, гдѣ Колокольчикъ съ двумя близнецами, что родились у нея, мальчикомъ и дѣвочкой, кое-какъ жила, перебивалась со дня на день.

Услышалъ королевичъ голосъ ея, и показался онъ ему такимъ знакомымъ; онъ пошелъ на голосъ, и когда приблизился къ ней, узнала его Садовый Колокольчикъ, упала ему на шею и заплакала.

И упали двѣ ея слезинки на ослѣпшіе глаза, и просвѣтлѣли они снова, и прозрѣлъ въ тотъ же мигъ королевичъ.

Онъ провелъ ее въ свое королевство, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ, и жили они еще долго послѣ того счастливые и довольные.

Три человѣка въ лѣсу.



Жили-были одинъ человѣкъ, у котораго умерла жена, и жена, которая лишилась мужа; у вдовца была дочь, и у вдовы — тоже дочь. Дѣвушки были знакомы между собою; онѣ ходили часто вмѣстѣ гулять, а потомъ заходили къ вдовѣ въ ея домъ.

Вотъ и сказала вдова дочери вдовца:

— Слушай, посовѣтуй отцу взять меня замужъ; станешь ты тогда въ молокѣ купаться да винцо попивать, а моя дочь—та водою мыться будетъ да воду же и пить станетъ, вотъ что!

Вернулась дѣвушка домой и разсказала отцу, что ей женщина наказывала.

Вдовецъ и пораздумался: „Что мнѣ дѣлать?.. Женитьба—счастье, а иной разъ одно мученіе только“.

Въ концѣ-концовъ ни къ какому рѣшенію онъ не пришелъ, а снялъ сапогъ и сказалъ:

— Возьми этотъ сапогъ, у котораго въ подошвѣ дыра, ступай съ нимъ на чердакъ, повѣсь его на большой гвоздь и налей его водой. Будетъ вода въ немъ держаться, — возьму себѣ другую жену, вытечетъ вонъ,—не надо мнѣ ее!..

Исполнила дѣвушка, что ей было приказано; но водою прорѣху въ подошвѣ затянуло, и сапогъ остался полнымъ до краевъ. Разсказала дѣвушка отцу, что случилось. Тогда онъ самъ взлѣзъ наверхъ, и какъ только увидалъ, что ея правда, отправился къ вдовѣ, посватался къ ней, и свадьба была справлена.

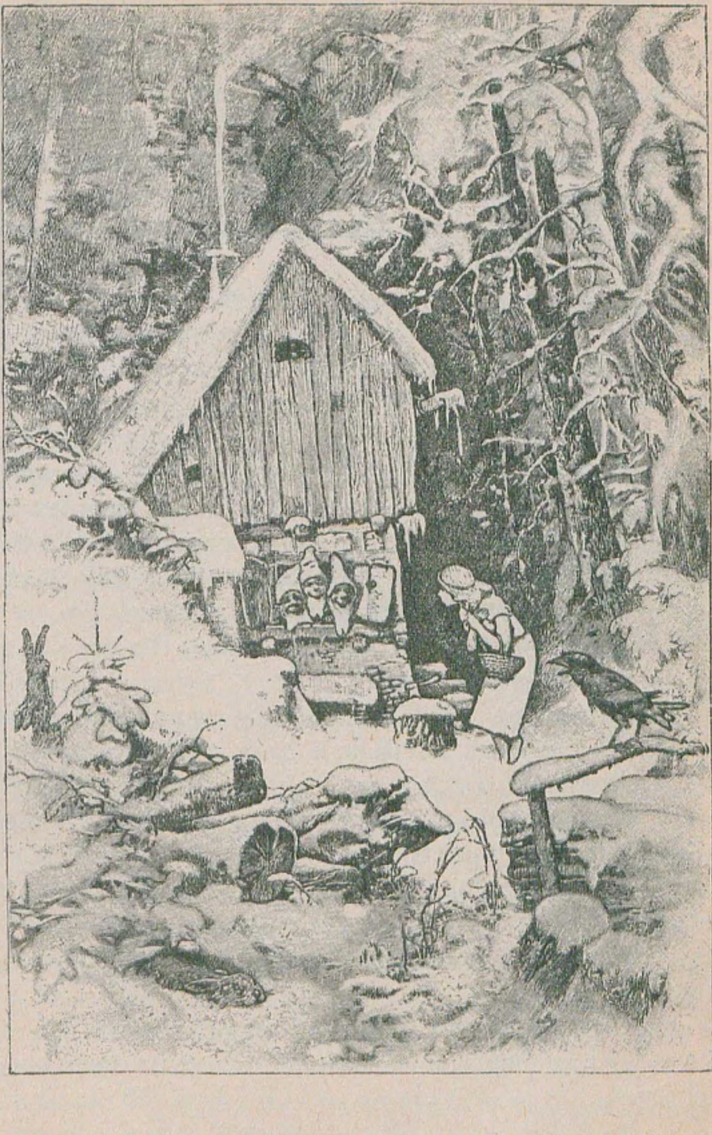
На другое утро, когда проснулись обѣ дѣвушки, передъ дочерью вдовца стояло молоко для умыванья и вино для питья, а передъ дочерью вдовы—вода для умыванья и вода для питья. На слѣдующее утро вода для умыванья и вода для питья стояла какъ передъ дочерью вдовца, такъ равно и передъ дочерью вдовы. А на третій день передъ дочерью вдовца оставалась вода для умыванья и вода для питья, а передъ дочерью вдовы—молоко для умыванья и вино для питья, и на томъ дѣло и остановилось.

Стала женщина заклятымъ врагомъ падчерицы и придумать не могла, какъ бы ей отравлять одинъ день больше другого. Да и завидно ей къ тому же было, что падчерица ея была такая красивая и миловидная, а ея родная дочь— уродливая и отвратительная.

Какъ-то зимою, когда земля замерла, какъ твердый камень, и горы и долины лежали подъ снѣгомъ, сшила мачеха платье изъ бумаги, кликнула падчерицу и сказала:

— На вотъ, надѣнь-ка это платье, ступай въ лѣсъ и принеси мнѣ корзинку земляники: очень мнѣ ужъ хочется!

— Милосердый Боже,—молвила дѣвушка,—да, вѣдь, зимою земляника не растетъ,—земля замерзла, да и снѣгъ покрылъ всю окрестность. И зачѣмъ мнѣ идти непремѣнно въ бумажномъ платьѣ? На дворѣ такъ холодно, что духъ захватываетъ, вѣтромъ продуетъ меня, и терновникъ посорветъ его съ меня.



— Ты что, противорѣчить хочешь?..—крикнула мачеха.— Убирайся-ка, нечего тамъ еще!.. И не смѣй иначе и на глаза показаться какъ съ полной корзинкой земляники!..

И дала она дѣвушкѣ при этомъ кусокъ черстваго хлѣба и сказала ей:

— Этого тебѣ на цѣлый день-то хватитъ! — а сама про себя подумала: — „Тамъ, на стужѣ она замёрзнетъ или съ голоду пропадетъ и ужъ никогда глаза мнѣ мозолить не будетъ“.

Вотъ и послушалась ее дѣвушка, одѣла бумажное платье и вышла съ корзиночкой изъ дому. Вокругъ—и въ ширь, и въ даль — ничего не было видно, кромѣ снѣга, и зеленой былинки нельзя было нигдѣ примѣтить...

Вотъ когда она забрела въ чащу лѣса, то замѣтила вдругъ тамъ маленькій домикъ, откуда выглядывали три крошечныхъ лѣсныхъ человѣчка. Пожелала она имъ добраго дня и совѣстливо постучалась у двери. Они крикнули: „Войди!“.. И она вошла въ горницу и присѣла на скамейку у печки, пообогрѣться немного, да кстати и позавтракать.

Лѣсные человѣчки обратились къ ней:

— Дай и намъ немножко!..

— Ну, что жъ, съ удовольствіемъ, — молвила она, разломила пополамъ кусокъ хлѣба и подала имъ половину.

Вотъ и спрашиваютъ они ее:

— Что ты дѣлаешь въ этакую стужу въ лѣсу, да еще въ такомъ тоненькомъ платьѣ?..

— Ахъ, — отвѣчала она, — я должна земляники набрать и не смѣю вернуться домой, раньше чѣмъ не наберу.

Когда же она съѣла хлѣбъ, подали ей лѣсные человѣчки метелку, говорятъ:

— Размети-ка ею снѣгъ у задней двери домика.

А какъ вышла она, три человѣчка и стали между собою разсуждать:

— Что бы намъ ей подарить?.. Такъ она вѣжлива и добра съ нами и хлѣбомъ съ нами даже подѣлилась?..

И сказалъ тогда первый:

— Я одарю ее тѣмъ, что день ото дня будетъ она становиться все прекраснѣе.

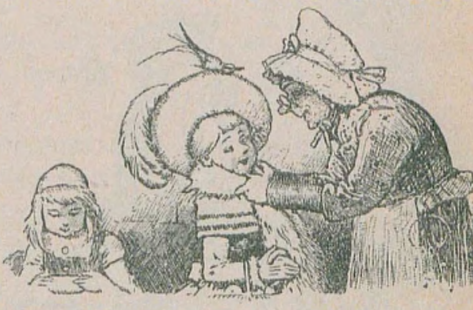
Другой сказалъ:

— Я одарю ее тѣмъ, что у нея изо рта будутъ сыпаться золотыя монеты, какъ только она хоть слово скажетъ.

А третій добавилъ:

— А я одарю ее тѣмъ, что король явится къ ней и возьметъ ее себѣ въ супруги.

А дѣвушка между тѣмъ поступила такъ, какъ научили ее лѣсные человѣчки: размела позади домика метелкой снѣгъ, и что бы вы думали нашла она тамъ?—Да сплошную, спѣлую темно-красную землянику, которая ярко выступила изъ-подъ бѣлаго снѣга.



Съ радостью набрала она свою корзинку до краевъ, поблагодарила человѣчковъ, пожала каждому руку и побѣжала домой, торопясь принести мачехѣ, чего ей такъ хотѣлось.

Какъ только вступила она въ домъ и произнесла: „Добрый вечеръ“, тотчасъ выпала у нея изо рта золотая монета. А затѣмъ принялась она разсказывать, кого въ лѣсу повстрѣчала, и при каждомъ словѣ золотыя монеты такъ и сыпались у нея изо рта, такъ что скоро вся горница была ими завалена.

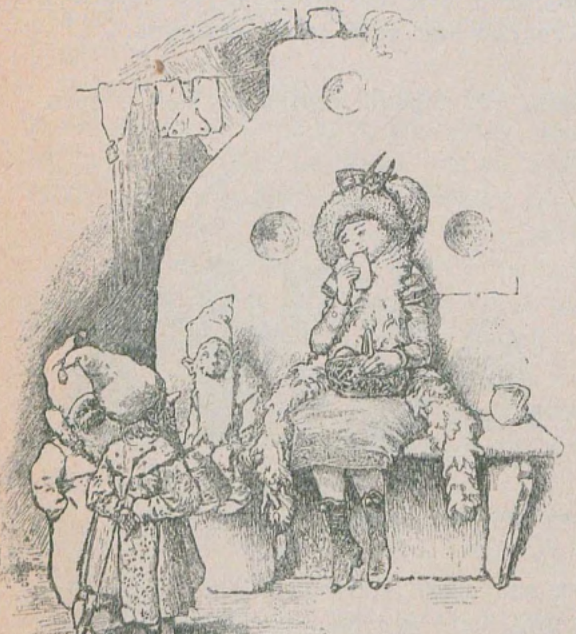
— Вотъ-съ, полюбуйтесь, что за хвастовство!—воскликнула ея сводная сестра.—Швыряетъ такъ деньгами!..—Но втайнѣ ее завидки брали, и хотѣлось ей самой сейчасъ же въ лѣсъ отправиться, землянику искать. Но мать остановила ее:

— Нѣтъ, моя милая дочурочка, свѣжо больно,—ты у меня можешь замерзнуть, пожалуй, чего добраго...

Но такъ какъ та покою ей не давала, мачеха, наконецъ, уступила и сшила ей великолѣпную шубу, которую та должна была одѣть, и надавала ей на дорогу бутербродовъ и пирожковъ разныхъ вволю.

Пустилась дѣвушка въ лѣсъ и набрела какъ-разъ на маленькій домикъ.

Снова три лѣсныхъ человѣчка выглядывали изъ окошка, но она ихъ и не думала привѣтствовать и, не удостоивая ихъ вниманія, не кланяясь имъ, ввалилась прямехонько въ горенку, усѣлась около печки и ну бутерброды да пирожки за обѣ щеки уплетать.



— Дай же и намъ чего-нибудь!—вскрикнули крошки.

Но она отвѣчала:

— Мнѣ и самой-то, поди, не хватитъ, такъ какъ же мнѣ отъ своего другимъ удѣлять?..

Послѣ того, какъ наѣлась она вплотную, они ей сказали:

— На вотъ метелку, подмети-ка намъ начисто у задней двери.

— А, да ну васъ, метите сами! — отвѣтила она. — Что я, служанка вамъ досталась, что ли?

А когда она увидала, что ничего они ей дарить и не думаютъ, ушла изъ домика.

Тогда стали человѣчки между собою толковать:

— Чѣмъ бы намъ ее одарить за то, что сердце у нея такое грубое, злое и завистливое, что никому ничего уступить не хочетъ?..

Первый молвилъ:

— Я одарю ее тѣмъ, что день ото дня она станетъ все дурнѣть и дурнѣть.

Второй сказалъ:

— Я одарю ее тѣмъ, что при каждомъ ея словѣ изо рту у нея будетъ выскакивать жаба.

А третій добавилъ:

— А я сдѣлаю такъ, что она злою смертью погибнетъ.

Тщетно дѣвушка искала въ лѣсу землянику, и какъ не нашла ни ягодки, повернула она съ досады домой.

И только, было, разинула она ротъ и хотѣла матери поразсказать, кто ей въ лѣсу повстрѣчался, какъ съ каждымъ словомъ пошли у нея выскакивать жабы изо рта, такъ что всѣ почувствовали къ ней отвращеніе.

Разгнѣвалась мачеха теперь пуще прежняго и все только о томъ и думала, какую бы ей бѣду накликать на мужнину дочь, что день отъ дня все хорошѣла да хорошѣла. Наконецъ, поставила она на огонь котелъ и стала пряжу въ немъ кипятить. Какъ обварилась пряжа, вскинула мачеха ее бѣдной дѣвушкѣ на плечи, сунула къ тому же топоръ въ руки, чтобы шла она на замерзшую рѣку, прорубила бы прорубь да прополоскала пряжу.

Не ослушалась ея дѣвушка, пошла на рѣку, стала прорубь во льду рубить, и въ самомъ разгарѣ работы случилось, что какъ-разъ въ это время проѣзжала мимо великолѣпная карета, а въ ней сидѣлъ король.

Карета вдругъ остановилась, и король спросилъ:

— Дитя мое, кто ты и что дѣлаешь?

— Я бѣдная дѣвушка, промываю пряжу!..

И почувствовалъ король жалость къ ней, а какъ увидѣлъ, что она такая красавица, и спросилъ ее:

— Хочешь ты поѣхать со мною?

— Ахъ, да! Отъ всего сердца! — отвѣчала она, обрадованная тѣмъ, что могла съ глазъ долой уѣхать отъ мачехи и сестры.

И вотъ она сѣла въ карету и уѣхала съ королемъ оттуда; а когда они прибыли въ зáмокъ, то отпраздновали свадьбу со всею роскошью,—какъ обѣщали ей лѣсные человѣчки.

Черезъ годъ родился у королевы мальчикъ, и какъ только мачеха прослышала объ ея неслыханномъ счастьи, явилась вмѣстѣ съ дочерью въ зàмокъ подъ видомъ, что хочетъ будто бы навѣстить больную королеву.

Но когда король вышелъ изъ комнаты, гдѣ никого другого не было, подхватила злая женщина королеву за голову, а дочка ея—за ноги, подняли ее съ постели и сбросили черезъ окно въ протекавшій мимо потокъ.

Затѣмъ уродливая дочка улеглась въ постель, а старуха укрыла ее одѣяломъ да еще съ головою.

Какъ вернулся король, — захотѣлъ съ супругою словомъ перемолвиться, закричала на него старуха:

— Тише, тише!.. Теперь этого нельзя!.. Она лежитъ въ сильной испаринѣ, оставте ее сегодня въ покоѣ!..

Ничего дурного король и не подозрѣвалъ въ этомъ, и только уже на слѣдующее утро пришелъ онъ снова туда, и какъ только заговорилъ со своею женою, а она ему отвѣтила что-то, — стали съ каждымъ словомъ у нея жабы выскакивать изо рта, тогда какъ прежде падали золотыя монеты.

И спросилъ король, что бы это такое значило? Старуха же сказала, что это-де отъ сильной испарины случилось, но что, немного погодя, это пройдетъ.

Но въ ту же ночь королевскій поваренокъ замѣтилъ утку, что плыла черезъ потокъ и пѣла:

„Король, что съ тобою, что дѣлаешь ты,
„Ты спишь иль не спишь средь ночной темноты?“

И какъ онъ ничего не отвѣчалъ, она продолжала:

„Что дѣлаютъ гости,—пьютъ, горя не знаютъ?“...

Тогда поваренокъ отвѣтилъ:

„Они улеглись да и спятъ-почиваютъ“.

Она спрашивала дальше:

„А что мой ребенокъ? Что дѣлаетъ онъ?“

Поваренокъ отвѣчалъ:

„Въ своей колыбелькѣ онъ въ сонъ погруженъ!“..

И вошла она тогда въ королевскіе покои, напоила ребенка, оправила ему постельку, укрыла его и снова уплыла подъ видомъ утицы по канавкѣ. И такъ являлась она двѣ ночи, а на третью она сказала поваренку:

— Ступай, объяви королю, чтобы онъ обнажилъ свой мечъ и на порогѣ трижды взмахнулъ надъ моею головой.

Бросился поваренокъ къ королю и сказалъ ему о томъ, и король явился со своимъ мечемъ и взмахнулъ имъ трижды надъ оборотнемъ, и послѣ третьяго раза супруга его стояла передъ нимъ, снова бодрая, живая и поправившаяся, какою до того была.

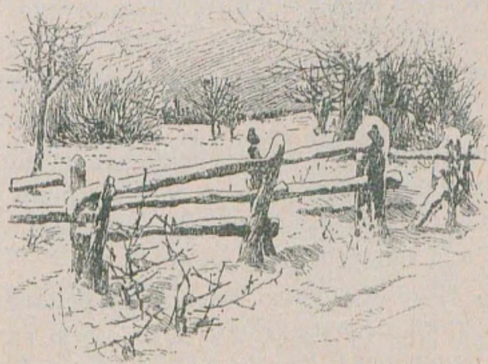
Страшно обрадовался король этому, но онъ скрылъ королеву въ потайную комнату до воскреснаго дня, когда назначены были крестины ребенка. И когда окрестили ребенка онъ спросилъ:

— Что слѣдуетъ сдѣлать съ тѣмъ, кто беретъ себѣ подобнаго съ постели и сбрасываетъ въ воду?

— Ничего другого, — сказала старуха, — какъ засадить такого злодѣя въ бочку, всю утыканную внутри гвоздями, и скатить ее съ горы прямо въ воду!..

Тогда сказалъ ей король:

— Сама ты себѣ произнесла приговоръ!—и приказалъ достать такую бочку и засадить туда старуху съ дочерью, а потомъ заколотили дно и столкнули бочку съ горы внизъ, такъ она и скатилась въ рѣку.



Три пряхи.

Была одна лѣнивая дѣвушка, которая терпѣть не могла прясть, и какъ ее мать, бывало, ни уговаривала пріохотиться къ этой работѣ, она все не хотѣла; наконецъ, мать охватила досада и нетерпѣніе, разсердилась она и прибила дѣвушку такъ, что та стала громко-громко плакать.

А на ту пору ѣхала мимо какъ-разъ королева, и едва только услышала рыданія, приказала остановиться, вошла въ домъ и спросила мать, за что она прибила такъ свою дочь, что даже на улицѣ крики слышны были.

Стыдно стало женщинѣ, что приходится откровенно въ дочерней лѣни признаваться, она и сказала:

— Да вотъ никакъ не могу ее отъ пряжи отвадить, хочется ей безперечь все прясть да прясть, а я бѣдна мнѣ на нее льну не наготовиться!..

Тогда сказала ей королева:

— И для меня тоже нѣтъ лучшаго искусства, какъ прясть, и никогда я не бываю болѣе довольна, какъ въ то время, когда жужжатъ колеса самопрялокъ; отпустите со мною во дворецъ вашу дочь, льну-то у меня достаточно, и она можетъ тамъ прясть, сколько ея душенькѣ угодно.

Мать отъ всего сердца была этимъ довольна, и королева взяла съ собою дѣвушку.

Когда прибыли онѣ въ замокъ, повела ее королева наверхъ къ тремъ чуланамъ, что сверху до низу были завалены чуднымъ льномъ.

— Вотъ спряди весь этотъ ленъ,—сказала она,—и когда покончишь ты съ нимъ, то выйдешь замужъ за моего старшаго сына; ты очень бѣдна, да я на это не обращаю вниманія. Твое неутомимое усердіе будетъ лучшимъ приданымъ.

Испугалась въ душѣ дѣвушка, потому что не подъ силу было выпрясть столько льну,—доживи она хоть до трехсотъ лѣтъ и хоть сиди при этомъ цѣлые дни съ утра до вечера за работой.

Вотъ какъ осталась она одна,—и ну плакать, да такъ и проплакала цѣлыхъ три дня, и, какъ говорится, пальцемъ о палецъ даже не ударила. На третій день пришла къ ней королева, и какъ увидала, что ничего еще не выпрядено, подивилась она внутренно; но дѣвушка поторопилась оправдаться тѣмъ, что она-де не могла работу начать, потому что очень ужъ больно тосковала по материнскому дому.

Это королевѣ понравилось; однако, уходя, она все-таки сказала:

— Ну, завтра-то ты ужъ должна приняться за работу.

Какъ только дѣвушка снова одна осталась, она ужъ не могла и придумать, какъ горю пособить, и въ глубокой горести пошла къ окошку.

Тутъ она замѣтила трехъ идущихъ сюда женщинъ, изъ которыхъ у первой была широкая, лапчатая нога, у другой—огромная нижняя губа, да такая, что свѣшивалась черезъ подбородокъ, а у третьей — толстый - претолстый большой палецъ!..

Стали онѣ противъ окошка, взглянули наверхъ и спрашиваютъ у дѣвушки, что съ нею такое... И повѣдала она имъ о своей бѣдѣ, а онѣ ей предложили свои услуги и сказали:

— А вотъ коли ты пригласишь насъ на свадьбу, да не станешь стыдиться насъ, а будешь своими тетками называть да за свой столъ посадишь насъ,—такъ мы тебѣ весь ленъ спрядемъ, да еще въ самое короткое время.

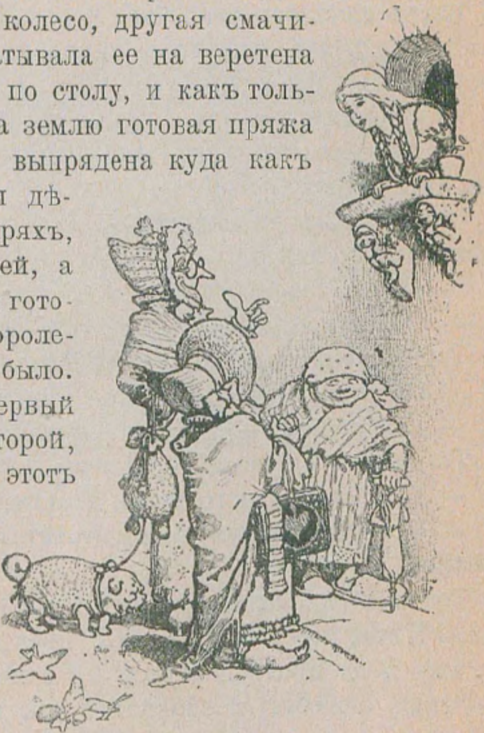
— Отъ всей души согласна!..—отвѣтила та.—Входите только сюда, да принимайтесь-ка за работу!..

И затѣмъ она впустила трехъ диковинныхъ женщинъ, сдѣлала во льну перваго чулана пещерку,—въ ней онѣ и усѣлись и взялись за свои самопрялки: одна тянула нитку и вертѣла колесо, другая смачивала нитку, а третья сматывала ее на веретена и постукивала пальцемъ по столу, и какъ только она ударитъ,—такъ на землю готовая пряжа и падаетъ,—а пряжа-то выпрядена куда какъ тонко!.. Но отъ королевы дѣвушка скрывала трехъ пряхъ, когда та являлась къ ней, а показывала только груды готовой пряжи, такъ что у королевы похваламъ и конца не было.

Когда опорожнился первый чуланъ, принялись за второй, наконецъ, за третій, да и этотъ скорешенько былъ выпростанъ.

Послѣ этого три женщины распростились съ нею честь-честью и повторили:

— Не забудь же, что ты намъ обѣщала!.. Это послужитъ къ твоему же счастью!..



Когда дѣвушка показала королевѣ пустые чуланы и огромную груду пряжи, та стала готовить свадьбу, а женихъ безконечно радовался тому, что жена у него будетъ такая искусная и трудолюбивая, и напропалую расхваливалъ ее.

— Есть у меня три тетки,—сказала дѣвушка,—а такъ какъ онѣ мнѣ много добра сдѣлали, то при счастливомъ для меня событіи мнѣ бы не хотѣлось ихъ обойти; позвольте мнѣ пригласить ихъ на свадьбу, но только чтобы онѣ сидѣли за однимъ столомъ вмѣстѣ съ нами.

Королева и женихъ сказали:

— А почему бы намъ не разрѣшить этого?..

Когда началось свадебное торжество, три женщины вошли въ самыхъ диковинныхъ нарядахъ, и невѣста привѣтливо встрѣтила ихъ:

— Просимъ покорно, милыя тети!..

— Ахъ,—сказалъ женихъ,—какъ могла ты сблизиться съ такими уродами?

Затѣмъ онъ подошелъ къ той, у которой была огромная нога, и спросилъ:

— Отъ чего это у васъ нога такая большая?

— Отъ нажима,—отвѣтила та,—отъ нажима.

Тогда женихъ подошелъ ко второй и спросилъ ее:

— Отчего это у васъ такая отвисшая губа?

— Отъ смачиванія нитки,—отвѣтила та,—отъ смачиванія.

Тогда онъ спросилъ третью:

— А у васъ отчего такой толстый палецъ?..

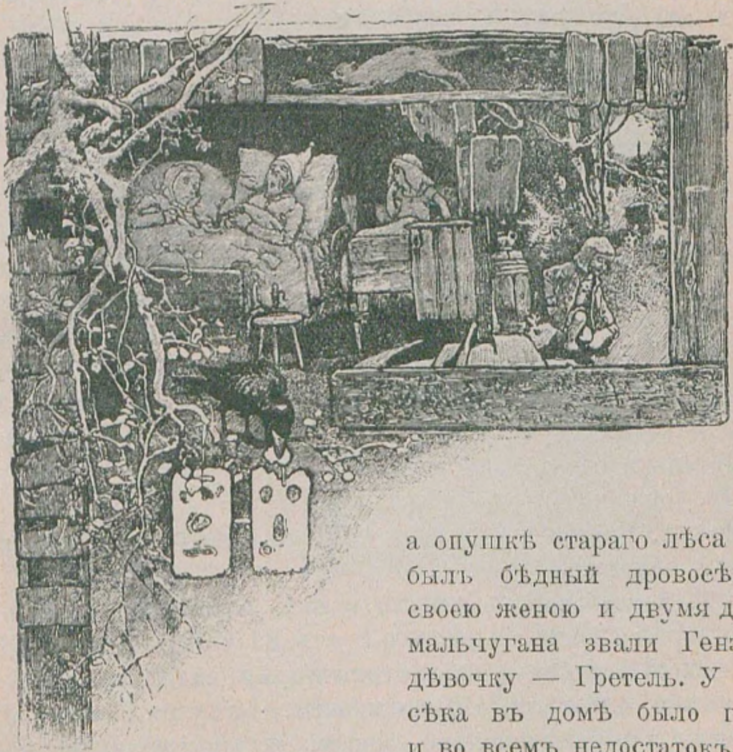
— Отъ ссучиванья нитки,—отвѣтила та,—отъ ссучиванья нитки.

Тогда королевичъ испугался и сказалъ:

— Нѣтъ, пускай ужъ моя прекрасная невѣста никогда лучше и не притрогивается къ самопрялкѣ.

Этимъ невѣста освободилась отъ докучной пряжи льна.

Гензель и Гретель.



а опушкѣ стараго лѣса жилъ-былъ бѣдный дровосѣкъ со своею женою и двумя дѣтьми; мальчугана звали Гензель, а дѣвочку — Гретель. У дровосѣка въ домѣ было голодно и во всемъ недостатокъ, а въ концѣ-концовъ, когда вздорожало все въ ихъ округѣ, онъ и насущнаго хлѣба добыть себѣ не могъ. Вотъ однажды, лежа въ постели, онъ и раздумался о томъ, о сёмъ, да отъ заботы съ боку на бокѣ все ворочался, и говоритъ, наконецъ, женѣ:

— Что же это такое съ нами будетъ? Чѣмъ намъ дѣтей прокормить, коли у насъ ровнехонько ничего нѣтъ?..

— Знаешь что, муженекъ, — отвѣтила жена, — давай-ка завтра рано-рано утромъ заведемъ дѣтей въ лѣсъ, да въ самую глухую чащу; тамъ мы разведемъ имъ костеръ, по кусочку хлѣба еще дадимъ, а сами пойдемъ на работу и оставимъ ихъ тамъ однихъ. Они дороги обратно домой не найдутъ, мы отъ нихъ и освободимся.

— Нѣтъ, жена,—сказалъ дровосѣкъ,—на это я не рѣшусь. Не перенесетъ мое сердце того, чтобы дѣтей въ лѣсу покинуть однихъ: да на нихъ дикіе звѣри нападутъ и растерзаютъ ихъ!..

— Охъ, ты, глупый!..—сказала она.—Такъ иначе намъ всѣмъ четверымъ голодной смертью погибать придется, и тогда придется только строгать доски для гробовъ!.. — И не давала она ему покою пока онъ не согласился съ нею.

— А все-таки жалко мнѣ бѣдныхъ ребятишекъ,—молвилъ дровосѣкъ...

А дѣти отъ голода тоже заснуть не могли и слышали все, что мачеха ихъ отцу говорила. Горькими слезами залилась Гретель и обратилась къ Гензелю:

— Ну, погибли мы съ тобою!..

— Молчи, Гретель,—сказалъ Гензель,—не отчаивайся, я этой бѣдѣ помогу.

И вотъ, когда старшіе уснули, всталъ онъ, натянулъ курточку, отворилъ дверь и выскользнулъ на улицу. Ярко-ярко свѣтилъ мѣсяцъ, и бѣлые камни-голыши, что валялись передъ ихъ хижиной, блестѣли, словно монеты. Нагнулся Гензель и набилъ ими карманы, сколько вошло. Затѣмъ вернулся къ Гретели и сказалъ: „Утѣшься, милая сестренка, и засни себѣ спокойно, — Богъ насъ не покинетъ!“ и снова улегся въ свою кровать.

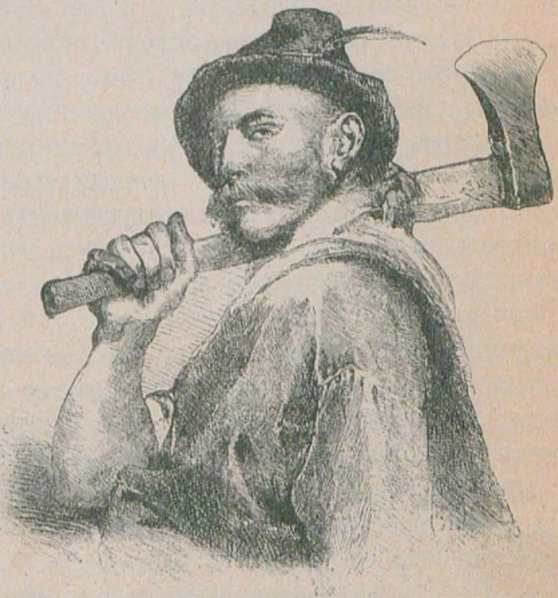
Только свѣтъ забрезжилъ, — раньше чѣмъ солнышко поднялось,—пришла мачеха и разбудила дѣтей.

— Ну, ну, вставайте вы, лѣнтяи, собирайтесь-ка въ лѣсъ за дровами.

Затѣмъ дала она каждому изъ нихъ по кусочку хлѣба и наказала:

— Вотъ это вамъ на обѣдъ; только смотрите, раньше его не съѣшьте, больше ничего не получите!..

Хлѣбъ взяла Гретель въ передникъ, потому что у Гензеля карманы были полнымъ-полны камешками. А потомъ они собрались и тронулись по дорогѣ къ лѣсу.



Только-что прошли они немного, остановился Гензель, и оглянулся назадъ на ихъ хижину, и оборачивался такъ безпрестано. Отецъ сказалъ ему:

— Гензель, что ты все назадъ оборачиваешься да отстаешь? Нечего тамъ зѣвать,—пошевеливай ногами-то!

— Ахъ, батюшка,—молвилъ Гензель,—я смотрю на своего бѣлаго котика, что сидитъ вонъ тамъ на крышѣ, словно послѣднее „прости“ сказать намъ хочетъ.

Мачеха его оборвала:

— Простофиля! Да это вовсе и не котенокъ, а солнечный свѣтъ, что отражается на дымовой трубѣ.

А Гензель и не думалъ на котенка глядѣть, а это онъ выбрасывалъ изъ кармана бѣлые голыши на дорогу за собою слѣдомъ.

Вотъ какъ пришли они въ самую глубь лѣса, отецъ и сказалъ:

— Ну, ребятки, собирайте валежникъ; я вамъ костеръ разведу, чтобы вы не замерзли.

Живо натаскали Гензель и Гретель хвороста съ добрый ворохъ. Запылалъ хворостъ, и какъ поднялось пламя высоко-высоко, мачеха и говоритъ:

— Ну, дѣтки, ложитесь около огня да отдохните пока, а мы подальше пойдемъ въ лѣсъ дрова рубить; какъ покончимъ, вернемся назадъ и заберемъ васъ съ собою...

Усѣлись Гензель и Гретель около огня, а когда настало обѣденное время, закусили каждый своимъ кусочкомъ хлѣба. А такъ какъ слышали они стукъ топора, то и были вполнѣ увѣрены, что отецъ гдѣ-нибудь здѣсь недалеко отъ нихъ. Но стучалъ это не топоръ, а просто сукъ, который дровосѣкъ привязалъ къ сухому дереву и который вѣтеръ туда и сюда раскачивалъ и ударялъ по стволу. И вотъ какъ сидѣли дѣти долго-долго, закрылись у нихъ сами собой глаза отъ усталости, и они крѣпко заснули. А когда, наконецъ, они проснулись, стояла уже темная ночь. Залилась Гретель слезами и говоритъ:

— Какъ же намъ изъ лѣсу выбраться?

А Гензель ее утѣшаетъ:

— Погоди крошечку; вотъ только мѣсяцъ взойдетъ, тогда мы ужъ найдемъ дорогу.

И точно, какъ только поднялся полный мѣсяцъ, взялъ Гензель свою сестренку за руку и пошелъ по камешкамъ-голышамъ, что блестѣли словно вновь вычеканенныя монетки и указывали имъ дорогу. Они шли всю ночь напролетъ и съ наступленіемъ дня добрались до отцовскаго крова. Постучались они въ дверь, и когда мачеха отворила дверь, она хоть и очень удивилась, что это были Гензель и Гретель, но сказала имъ:

— Ахъ, вы злыя дѣти! Чего вы такъ долго въ лѣсу разоспались!.. А мы думали, что вы ужъ и назадъ вернуться къ намъ не хотите.

А отецъ обрадовался имъ, такъ какъ болѣло его сердце о томъ, что покинулъ онъ ихъ однихъ въ лѣсу.

Немного времени спустя стала опять нужда стучаться по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, и услышали снова дѣти, какъ ночью мачеха говорила отцу:

— Опять все мы прiѣли? Осталось только у насъ полъковриги хлѣба, а тамъ пѣсенка наша спѣта! Надо ребятъ удалить. Заведемъ ихъ еще глубже въ лѣсъ, чтобы не могли они назадъ дорогу найти и выбраться, иначе нѣтъ никакого спасенiя для насъ самихъ.

Тяжелымъ камнемъ легло это на сердце отцу, и подумалъ онъ:

„А лучше бы, если намъ послѣднимъ кускомъ подѣлиться съ дѣтьми!“

Но жена и слушать ничего не хотѣла, что онъ ни говорилъ, бранила его, укоряла всячески. Да, кто началъ съ *аза* азбуку, говори и *буки*, и коли дровосѣкъ разъ поддался женѣ, долженъ былъ согласиться съ нею и во второй разъ.

А дѣти еще не спали и слышали весь этотъ разговоръ. Какъ только заснули старшiе, Гензель снова поднялся съ кровати, хотѣлъ, было, на дворъ выбраться да какъ въ прошлый разъ камешковъ-голышей набрать про запасъ, но мачеха заперла дверь, и нельзя было Гензелю выйти изъ дому. Но все же утѣшалъ онъ всячески сестренку и говорилъ

— А ты, Гретель, не плачь, спи, знай, спокойно! Милосердый Богъ намъ ужо поможетъ!

Рано поутру подошла къ нимъ мачеха и подняла ихъ съ постели. Дала имъ по кусочку хлѣба, но кусочки были еще меньше, чѣмъ въ прошлый разъ.

Вотъ на пути въ чащу лѣса Гензель, знай, все крошилъ въ карманѣ свой кусокъ, часто останавливался и бросалъ по крошкѣ на землю.

— Гензель, что ты все останавливаешься да по сторонамъ зѣваешь?—сказалъ отецъ.—Иди своей дорогой!

— Я все смотрю на своего голубка, что сидитъ вонъ тамъ на крышѣ да шлетъ мнѣ свое привѣтствіе.

— Глупый,—сказала мачеха,—это вовсе не голубокъ твой, а солнечный свѣтъ на дымовой трубѣ отражается.

А Гензель той порой все бросалъ да бросалъ крошки по дорогѣ слѣдомъ за собой.

Завела мачеха дѣтей еще глубже въ чащу лѣса, гдѣ они отродясь не бывали. Тамъ снова разведенъ былъ огонь, и мачеха сказала:

— Сидите-ка тутъ, ребята, а коли притомитесь, сосните немножко, а мы еще поглубже въ лѣсъ зайдемъ да дровъ нарубимъ; ужо вечеромъ, какъ работу справимъ, зайдемъ за вами и возьмемъ съ собой.

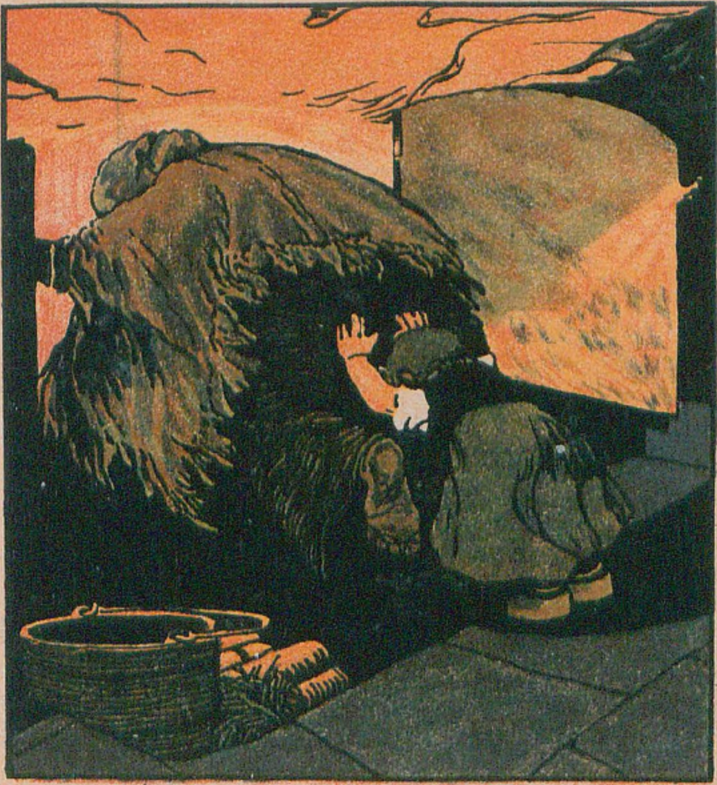
Когда насталъ часъ обѣда, подѣлилась своимъ хлѣбомъ Гретель съ Гензелемъ, который свой хлѣбъ по дорогѣ искрошилъ. Потомъ задремали они; вотъ ужъ и вечеръ наступилъ, но никто не приходилъ къ бѣднымъ дѣтямъ. А они пробудились только въ глубокую ночь, и Гензель сталъ утѣшать свою сестренку и все говорилъ:

— Погоди только, Гретель, покамѣстъ мѣсяцъ взойдетъ, тогда видны будутъ намъ хлѣбныя крошки, что я разсорилъ по дорогѣ; онѣ то намъ дорогу домой и покажутъ.

Какъ только взошелъ мѣсяцъ, пустились, было, дѣти назадъ, но никакъ не могли они найти ни одной крошки, потому что тысячи птицъ, что повсюду въ лѣсу и по полямъ летаютъ, порасклевали ихъ. Но Гензель все говорилъ Гретели:

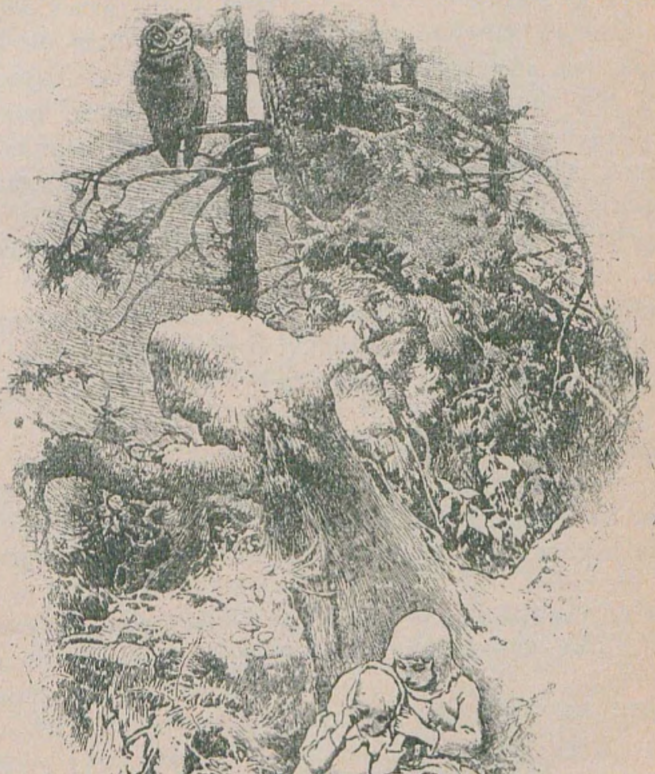
— Ужъ мы дорогу отыщемъ!..

Но дороги они найти не могли. Они плутали всю ночь напролетъ и затѣмъ цѣлый день, съ утра и до вечера, но никакъ не могли выбраться изъ лѣсу; къ тому же они проголодались такъ какъ не было у нихъ ничего другого, кромѣ нѣсколькихъ ягодокъ, что росли кое-гдѣ въ травѣ. И, наконецъ,



„Гензель и Гретель“.

какъ притомились они до-того, что ноги уже отказывались имъ служить, прилегли они подъ деревомъ и заснули. Вотъ настало



третье утро, какъ покинули дѣти отцовскій домъ. Снова пустились они въ путь, но съ каждымъ шагомъ только забирались все глубже и глубже въ лѣсъ, и не приди имъ въ скоромъ времени помощь, они должны были бы неминуемо погибнуть. Въ обѣдъ запримѣтили они чудную, бѣлоснѣжную птичку, сидѣвшую на вѣткѣ,—птичку, которая пѣла такъ хорошо, что дѣти невольно замерли на мѣстѣ и заслушались ея. И когда замолкла она, то взмахнула крылышками и порхнула мимо нихъ, а они пошли за нею слѣдомъ и все шли, покамѣстъ не добрались до хижинки, на крышѣ которой птичка и примостилась; а когда еще ближе подошли дѣти къ хижинѣ, то замѣтили, что вся она была выстроена изъ хлѣба и крыта пирогами, а стекла въ окнахъ были изъ прозрачнаго сахара.

— Вотъ мы за нее и примемся, — сказалъ Гензель, — да устроимъ себѣ славную пирушку! Я кусочекъ крыши съѣмъ, Гретель, а ты можешь окошко покушать, — чай, сладкое на вкусъ.

И Гензель потянулся кверху, отломилъ небольшой кусокъ крыши, чтобы попробовать, какова на вкусъ, а Гретель нагнулась къ оконному стеклу и ну глодать его.

Тогда запищалъ тоненькій голосокъ изъ хижинки:

„Стукъ-стукъ-стукъ да брякъ-брякъ-брякъ,
Кто стучится въ домикъ такъ?“

А дѣти въ отвѣтъ:

„Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный,
„Гость небесный беззаботный!“

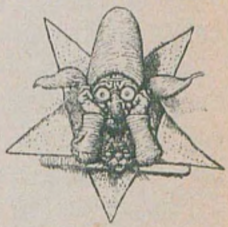
И продолжали закусывать, нисколько этимъ не смущаясь. Гензель, которому крыша пришлась по вкусу, отломилъ отъ нее кусокъ побольше, а Гретель вышибла цѣлое круглое оконное стекло, присѣла тутъ же и лакомилась имъ всласть.

Вдругъ распахнулась настежь дверь, и вышла оттуда старая-разстарая женщина, опираясь на клюку.

Гензель и Гретель дотого перепугались, что и изъ рукъ все лакомство повыронили. А старуха покачала головой и сказала:

— О-охъ, вы, милыя дѣтки, кто это васъ сюда завелъ? Войдите ко мнѣ да оставайтесь у меня, худа никакого не будетъ!

И ухватила она обоихъ за руки и ввела въ свою хижинку. Тамъ подала имъ славной закуски: молока да оладьевъ съ сахаромъ, яблоковъ, орѣховъ. А затѣмъ были оправлены двѣ хорошенькія кроватки, бѣлыя-разбѣлыя, и улеглись въ нихъ Гензель и Гретель, и казалось имъ, что они на небѣ...



А старуха только такъ притворилась радушною, а была-то она на самомъ дѣлѣ злющая вѣдьма, которая всячески подкарауливала дѣтей и нарочно для того и хлѣбную хижинку построила, чтобы ихъ къ себѣ заманить. Кто только къ ней въ лапы попадалъ, того она убивала, варила и пожирала,—это было для нея праздникомъ. У вѣдьмъ вообще красные глаза, и онѣ далеко видѣть ими не могутъ, зато у нихъ чутье претонкое, словно у звѣрей; онѣ издалека чуютъ человѣка, который мимо проходитъ. Когда Гензель и Гретель бродили невдалекѣ, она почуяла ихъ, злорадно захохотала и насмѣшливо заворчала:

— Ну, эти пойманы!.. Эти отъ меня ужъ не улизнутъ!..

Вотъ рано поутру, прежде чѣмъ еще дѣти проснулись, вскочила вѣдьма скорехонько, и какъ увидала она ихъ мирно покоящихся, съ полными, румяными щечками, забормотала про себя:

— Эхе-хе!.. Лакомый кусочекъ ужо мнѣ достанется!..

Тутъ она ухватила Гензеля своею костлявою рукой, поволокла его въ маленькій хлѣвъ и заперла его за рѣшетчатою дверью,—тамъ онъ могъ кричать, сколько ему угодно,—это ему ни чуть не помогало. Потомъ пошла она за Гретелью, растолкала ее и завизжала:

— Ну, ну, вставай лѣнивица!.. Тащи воды да свари братцу твоему что-нибудь вкусное: онъ сидитъ въ хлѣву и долженъ у меня откормиться жирный-жирный... А когда онъ разжирѣетъ, я его и скушаю...

Заплакала, было, горько-горько Гретель, но все это было тщетно,—она должна была безпрекословно исполнять требованія старухи. Ну, вотъ стали Гензелю варить самыя вкусныя кушанья, а Гретели ничего другого не давали, кромѣ раковыхъ скорлупокъ. Каждое утро старушонка подбиралась къ хлѣву и кричала:

-- Гензель, протяни-ка мнѣ палецъ, дай попробовать, скоро ли ты разжирѣешь-то?

Но Гензель высовывалъ ей косточку вмѣсто пальца, и старуха, что слабая глазами была, никакъ не могла ея разглядѣть и думала, что это Гензелевы пальцы, и только дивилась, что Гензель вовсе не жирѣетъ.

Какъ прошли четыре недѣли, а Гензель все еще оставался худымъ, потеряла старуха всякое терпѣніе и больше не хотѣла уже ждать.

— Гайда, Гретель,—завопила она дѣвочкѣ,—поворачивайся, неси воды: жиренъ ли Гензель, худъ ли, — все едино, а я его завтра заколю и сварю!..

Ахъ, какъ закручинилась бѣдная сестренка, когда пришлось ей таскать воду, и ручьями потекли слезы у нея по щекамъ.

— Милосердный Боже, помоги намъ!—восклицала она. — Растерзай насъ хищные звѣри въ лѣсу, по крайности мы умерли бы съ нимъ вмѣстѣ!

— Пощади свои легкія, — молвила старуха, — ничто тебѣ не поможетъ!..

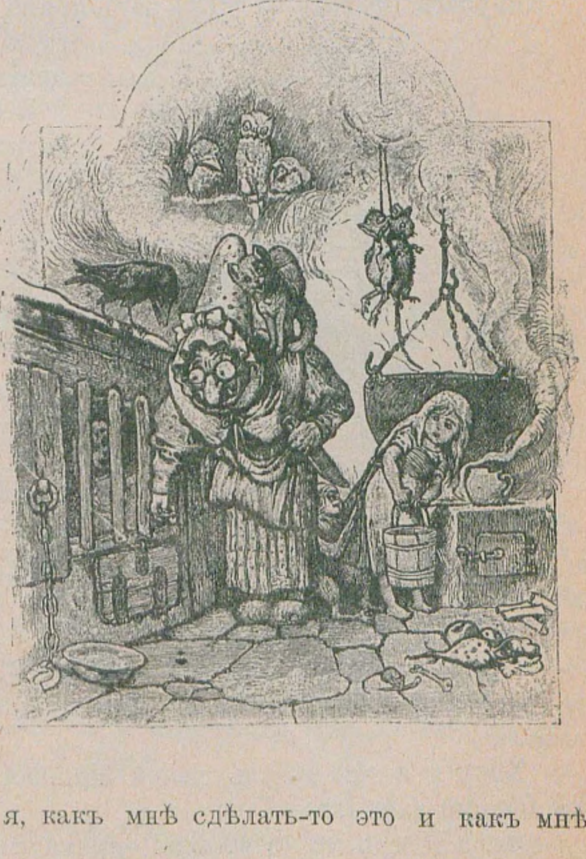
Рано утромъ Гретель должна была встать, котелъ подвѣсить съ водой и развести огонь.

— Сначала займемся печеньемъ, — зашамкала старуха, — я ужъ загодя печку затопила и тѣсто замѣсила.

И она толкнула бѣдную Гретель прямо въ устье печки, изъ которой огненные языки такъ и полыхали.

— Лѣзь туда, — крикнула она,—да посмотри, хорошенько, дружно ли дрова занялись, —скоро ли можно хлѣбы сажать?..

И въ то время какъ Гретель наклонилась, было, старуха хотѣла печку заслонкой закрыть, чтобы Гретель тамъ и зажарилась, а она ее потомъ бы и сожрала. Да смекнула Гретель, что̀ старуха на умѣ держитъ, и сказала:



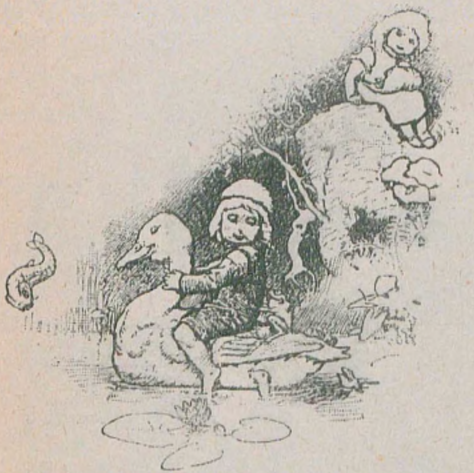
— Да не знаю я, какъ мнѣ сдѣлать-то это и какъ мнѣ туда лѣзть-то?

— Этакій ты гусь глупый,—разсердилась старуха.—Устье-то печки вонъ какое огромное, — я и то, смотри-ка, могла бы туда влѣзть!..

И она точно, вскарабкалась на зашестокъ и засунула даже голову въ печь... Тутъ Гретель какъ толкнетъ вѣдьму, да такъ, что она далеко залетѣла въ печь, а Гретель сейчасъ же захлопнула заслонку да еще засовомъ задвинула.

Тутъ вѣдьма завыла, да страшно-то какъ!.. Но Гретель бросилась прочь, и безбожная вѣдьма такъ и сгорѣла.

Кинулась Гретель со всѣхъ ногъ прямо къ Гензелю, отворила его хлѣвъ и крикнула:



— Гензель! Мы освободились!..Старая вѣдьма погибла!..

Выскочилъ тутъ Гензель, словно птица изъ клѣтки, какъ только ей дверку откроютъ. Ахъ, какъ обрадовались дѣти: бросились другъ другу на шею, прыгали, взявшись за руки, цѣловались!.. И такъ какъ нечего теперь было уже бояться, отправились они въ вѣдьмину хижину, а тамъ по всѣмъ угламъ стояли сундуки съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

— Ну, это получше камешковъ-голышей, — молвилъ Гензель и набилъ ими карманы, сколько вошло. А Гретель сказала:

— Хочу и я что-нибудь домой принести, — и насыпала ихъ полный фартукъ.

— Ну, а теперь прочь отсюда!—крикнулъ Гензель.—Надо выбраться намъ изъ этого заколдованнаго лѣса!..

Когда же они прошли часа два пути, то добрели до широкаго потока.

— Намъ черезъ него не перебраться,—сказалъ Гензель.— Не вижу я ни переходни, ни моста никакого.

— И лодочки никакой тутъ, кажись, не плаваетъ,—отвѣтила Гретель,—а вонъ плыветъ бѣлая утка; коли я ее попрошу, она намъ авось поможетъ перебраться...

И закричала она:

Утка, утка, не оставь:
Гензель, Гретель,—въ горѣ просто,—
Нѣтъ ни лодочки, ни моста,
На спинѣ ихъ переправь!..

Утка подплыла къ берегу, и Гензель усѣлся на нее и звалъ свою сестренку къ нему присосѣдиться.

— Нѣтъ,—отвѣчала Гретель,—уткѣ это не подъ силу, тяжело будетъ,—она насъ поодиночкѣ перевезетъ.

Такъ добрая птица и поступила; и послѣ того, какъ они благополучно переправились да прошли немного, сталъ имъ лѣсъ казаться все болѣе и болѣе знакомымъ; наконецъ, запримѣтили они невдалекѣ отцовскій домъ.

Тутъ они пустились бѣжать со всѣхъ ногъ, вихремъ ворвались въ горницу и бросились на шею отцу.

А у того часу спокойнаго не выдавалось съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ дѣтей въ лѣсу, а мачеха умерла.

Между тѣмъ Гретель вытрясла все, изъ своего передника, такъ что жемчугъ и драгоцѣнные камни запрыгали по горницѣ, а Гензель полными горсть за горстью выкидывалъ вдобавокъ къ этому все, что было въ карманѣ у него.

Тогда-то всѣмъ заботамъ конецъ насталъ, и зажили они всѣ вмѣстѣ безпечно и весело.

Моей сказкѣ конецъ-крышка, а вонъ тамъ бѣжитъ мышка, кто ее словитъ, пусть себѣ большую-большую шапку изготовитъ!..

Три змѣиные листка.

Жилъ-былъ однажды бѣдный человѣкъ, которому даже своего единственнаго сына было не подъ силу прокормить.

И сказалъ тогда сынъ:

— Милый батюшка, дѣла идутъ плохо, къ тому же я вамъ въ тягость; лучше ужъ мнѣ уйдти прочь отъ васъ да постараться самому себѣ хлѣбъ заработать.

Благословилъ его тогда отецъ и съ глубокой грустью распрощался съ нимъ. О ту пору король одного могущественнаго королевства велъ войну, юноша поступилъ на службу къ нему и отправился съ нимъ на поле битвы. И когда сошлись они съ врагомъ лицомъ къ лицу, затѣялось сраженіе; были они въ большой опасности, дождемъ, словно синіе бобы, сыпались пули, такъ что соратники-юноши падали одинъ за другимъ кругомъ него.

И вотъ когда палъ ихъ предводитель, хотѣли, было, всѣ его подчиненные предаться бѣгству, но юноша выступилъ впередъ, ободрилъ ихъ словомъ и напослѣдокъ воскликнулъ:

— Не дадимъ погибнуть нашей родинѣ!..

И устремился онъ въ самый пылъ сраженія, и бросились за нимъ другіе и одолѣли врага.

Какъ увидѣлъ король, кому единственно обязанъ онъ своею побѣдой, возвеличилъ юношу передъ всѣми, одѣлилъ его огромными сокровищами и сдѣлалъ его первымъ лицомъ въ своемъ королевствѣ.

У короля была дочь замѣчательно красивая собою, но къ тому же большая причудница. Она дала обѣтъ до тѣхъ поръ не выходить замужъ, пока ея женихъ не пообѣщается въ случаѣ, если она раньше умретъ, заживо похоронить себя вмѣстѣ съ нею.

„Коли онъ любитъ меня отъ всего сердца, — говаривала она,—къ чему ему жить безъ меня?“..

При этомъ, съ своей стороны, она точно такъ же соглашалась на то, что ежели умретъ раньше мужъ, она сойдетъ за нимъ въ могилу заживо.

Это диковинное условіе до сихъ поръ распугивало всѣхъ жениховъ; но юноша дотого былъ охваченъ и очарованъ ея красотой, что ни на что вниманія не хотѣлъ обращать, а прямо сталъ просить отца ея руки.

— Знаешь ли ты, — сказалъ король, — что нужно будетъ тебѣ обѣщать?..

— Я долженъ буду сойти съ нею въ могилу, — отвѣтилъ онъ,—если переживу ее; но любовь моя такъ велика, что о будущей опасности я и знать не хочу.

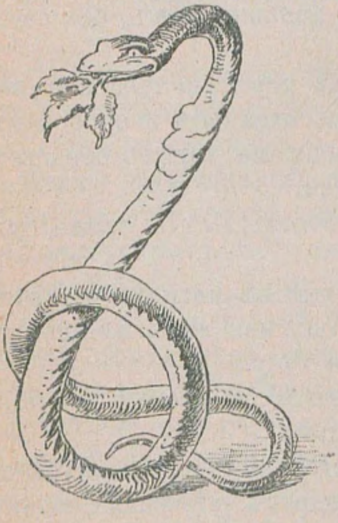
Тогда король изъявилъ свое согласіе, и свадьба была отпразднована съ большою роскошью.

Вотъ прожили они вмѣстѣ сколько-то времени, счастливые и довольные, и случилось вдругъ, что впала юная королева въ тяжкій недугъ, и никакой врачъ не могъ ей помочь...

И вотъ, когда лежала она бездыханная, пришло на память молодому королевичу, чтó онъ пообѣщалъ, и страшно стало ему при мысли, что вотъ-де долженъ онъ заживо лечь въ могилу; но выхода ему никакого не было: король приказалъ приставить стражу у всѣхъ воротъ, и невозможно было избѣжать своей судьбы.

И когда насталъ тотъ день, когда тѣло поставили въ королевскій склепъ, — опустили вмѣстѣ съ нимъ и королевича, и плита была задвинута засовомъ и замкнута.

Рядомъ съ гробомъ стоялъ столъ, а на немъ — четыре подсвѣчника, четыре коровая хлѣба и три бутылки вина. Какъ только запасъ этотъ истощится,—онъ долженъ будетъ погибнуть. И вотъ остался онъ сидѣть тамъ, подавленный горемъ и отчаяніемъ, ѣлъ каждый день только по маленькому кусочку хлѣба, пилъ только по глотку вина и думалъ, что, вѣдь, вотъ смерть-то все подкрадывается къ нему часъ отъ часу ближе и ближе.



Той порой, какъ сидѣлъ онъ однажды погруженный въ такія думы, замѣтилъ вдругъ, что выползаетъ изъ одного угла склепа змѣя и все ближе и ближе подскальзываетъ къ тѣлу. И такъ какъ онъ вообразилъ, что ползетъ она къ нему съ тѣмъ, чтобы обглодать его, выхватилъ онъ свой мечъ и со словами: „Пока я живъ, ты ее тронуть не посмѣешь!“ разсѣкъ ее натрое.

Немного спустя, выползла другая змѣя изъ угла, да какъ замѣтила, что первая змѣя лежитъ мертвая, разрубленная на части, уползла она назадъ и скоро вернулась снова и держала при этомъ во рту три зеленые листка. Затѣмъ взяла она три части змѣи, уложила ихъ въ извѣстномъ порядкѣ и къ каждой ранѣ приложила по листку.

И тотчасъ разрубленныя части соединились между собою, змѣя зашевелилась и снова ожила, и обѣ змѣи одна за другой поспѣшили уползти прочь.

Листики такъ и остались лежать на землѣ, и несчастному, который все это только-что видѣлъ, вспало на мысль, не поможетъ ли и человѣку чудесная сила тѣхъ листьевъ, которые только-что оживили змѣю.

И поднялъ онъ листики и положилъ одинъ изъ нихъ въ ротъ мертвой, а другіе два—ей на глаза. И только-что сдѣлалъ онъ это,—какъ снова заструилась кровь въ ея жилахъ, прилила ей къ лицу и зарумянила его снова. Она вздохнула, открыла глаза и произнесла:

— О, Боже! Гдѣ я?

— Ты со мной, милая жена!.. — отвѣтилъ онъ и повѣдалъ ей, какъ все дѣло было и какъ онъ снова вернулъ ее къ жизни. Подалъ онъ ей затѣмъ немного вина и хлѣба, и какъ только она подкрѣпилась и поднялась на ноги, они подошли къ двери, стали стучать и кричать такъ громко, что стража услыхала ихъ и доложила королю.

Король самъ сошелъ, отперъ дверь и встрѣтилъ ихъ обоихъ бодрыхъ и здоровыхъ и возрадовался съ ними, что всѣ горести миновали. А три змѣиные листочка молодой королевичъ взялъ все-таки съ собою, отдалъ ихъ своему слугѣ и сказалъ:

— Сохрани ихъ тщательно и всегда на всякое время имѣй ихъ при себѣ,—кто знаетъ, въ какой бѣдѣ они еще могутъ помочь намъ!

Однако, въ королевнѣ, послѣ того какъ она снова вернулась къ жизни, произошла глубокая перемѣна: казалось, будто вся любовь ея къ мужу какъ-то изгладилась. Однажды, когда мужъ ея нѣсколько времени спустя задумалъ отправиться моремъ къ своему старому отцу и они сѣли на корабль,—забыла она его великую любовь и вѣрность, что доказалъ онъ ей, спасши ее отъ смерти, и стала выказывать явную благосклонность къ корабельщику. И вотъ однажды, когда молодой королевичъ лежалъ въ глубокомъ снѣ, позвала она корабельщика на помощь, взяла спящаго за голову, а корабельщикъ ухватилъ его за ноги, и выбросили они его въ море.

Когда было совершено это позорное преступленіе, она и говоритъ корабельщику:

— Вернемся назадъ и скажемъ: онъ-де дорогою умеръ. А я тебя передъ отцомъ такъ расхвалю да превознесу, что онъ насъ сочетаетъ бракомъ и по наслѣдству передастъ тебѣ свою корону.

Но вѣрный слуга, который все то доподлинно видѣлъ, незамѣтно отцѣпилъ отъ большого корабля маленькое суденышко, сѣлъ на него и поплылъ слѣдомъ за своимъ господиномъ, а предателямъ далъ возможность уѣхать.

Онъ выловилъ мертвеца и съ помощью трехъ змѣиныхъ листиковъ, которые постоянно носилъ при себѣ и теперь положилъ ему на глаза и на ротъ, счастливо вернулъ его къ жизни.

Стали они грести изо всѣхъ силъ день и ночь, и маленькое суденышко ихъ летѣло такъ быстро, что они раньше другихъ прибыли къ старому королю. Подивился онъ, какъ увидѣлъ ихъ вернувшихся однихъ, и сталъ разспрашивать, что такое съ ними случились.

Какъ услыхалъ онъ о злодѣяніи своей дочери, то молвилъ: „Не могу я повѣрить, чтобы она такъ дурно поступила... Да, впрочемъ, правда скоро выяснится“, — и повелѣлъ обоимъ спрятаться въ потайную комнату и скрываться тамъ покамѣстъ ото всѣхъ.

Вскорѣ послѣ того приплылъ и большой корабль, и безбожная женщина предстала передъ своимъ отцомъ съ опечаленнымъ лицомъ. Онъ сказалъ:

— Почему вернулась ты назадъ одна? Гдѣ же твой мужъ?

— Ахъ, милый батюшка,—отвѣтила она,—я возвращаюсь назадъ въ великой печали; мужъ мой во время пути внезапно занемогъ и умеръ, и если бы добрый корабельщикъ не помогъ, плохо бы мнѣ пришлось; онъ тоже присутствовалъ при его смерти и можетъ обо всемъ разсказать.

И сказалъ король:

— А я снова хочу оживить мертваго!—и отворилъ потайную комнату и велѣлъ обоимъ выйти оттуда.

Какъ завидѣла мужа королевна, ее словно громомъ поразило,—упала она на колѣни и взмолилась о пощадѣ. Король сказалъ:

— Пощады быть не можетъ въ этомъ случаѣ; онъ заживо похоронилъ себя съ тобою и вернулъ тебѣ снова жизнь; ты же его самого убила и зато получишь заслуженную награду.

Тогда посадили ее и сообщника ея на ветхое судно и пустили въ открытое море, гдѣ они вскорѣ и погибли въ волнахъ.

Бѣлая змѣя.

Вотъ ужъ много-много лѣтъ тому назадъ жилъ одинъ король, мудрость котораго славилась во всей странѣ. Ничто не было ему невѣдомымъ, и казалось, что знанія о сокровеннѣйшихъ вещахъ сами собою приносились къ нему, точно по вѣтру. Но былъ у короля странный обычай. Послѣ каждаго обѣда, когда все бывало убрано со стола и никого изъ присутствовавшихъ за столомъ уже не было, самый испытанный, довѣренный слуга подавалъ ему еще одно блюдо.

Но это блюдо было накрыто, и самъ слуга не зналъ, что лежало на немъ, и ни одинъ человѣкъ не зналъ этого, потому что король не открывалъ крышки и не принимался за ѣду до тѣхъ поръ, пока не оставался совершенно одинъ.

Такъ продолжалось это долгое время, и однажды случилось, что слугой, который уносилъ блюдо назадъ, овладѣло такое страшное любопытство, что онъ никакъ не могъ устоять противъ искушенія и отнесъ блюдо къ себѣ въ комнату.

Какъ только онъ заботливо заперъ за собой дверь, то поднялъ крышку и увидѣлъ, что тамъ лежала бѣлая змѣя.

При взглядѣ на нее онъ не могъ сдержаться, чтобы не попробовать ее; отрѣзалъ отъ нея кусочекъ и сунулъ себѣ въ ротъ. Но едва онъ коснулся его языка, какъ слуга услышалъ подъ окномъ громкое чириканье тоненькихъ голосковъ. Онъ подошелъ и прислушался; тутъ онъ замѣтилъ, что это были воробышки, которые бесѣдовали между собою и разсказывали разныя разности, что они видѣли въ поляхъ и лѣсу.

Это кушанье изъ змѣи сообщило ему даръ понимать говоръ животныхъ.

И вотъ случилось тутъ, что какъ-разъ въ тотъ же день у королевы пропало ея чудное кольцо, и на этого самаго довѣреннаго слугу, который всюду имѣлъ свободный доступъ, и упало подозрѣніе въ томъ, что укралъ кольцо именно онъ. Король приказалъ позвать его къ себѣ и пригрозилъ ему гнѣвными, страшными словами, что ежели-де онъ до завтра преступника не назоветъ, то пострадаетъ самъ и будетъ преданъ суду. Не помогло ему нисколько то, что онъ клялся въ своей невиновности; — его отпустили, нимало не смягчивъ угрозы. Въ тревогѣ и страхѣ спустился онъ внизъ во дворъ и принялся обдумывать, какъ бы помочь себѣ въ этой бѣдѣ.

А тамъ въ это время у проточной воды сидѣли себѣ посиживали утки, дружелюбно примостясь одна подлѣ другой, и отдыхали; онѣ гладко-на-гладко очищали перышки носиками и вели между собою преинтересную бесѣду. Пріостановился слуга и сталъ прислушиваться.

Утки разсказывали одна другой, гдѣ онѣ сегодня поутру ковыляли и что за славный кормъ всюду себѣ находили. И сказала печально одна изъ нихъ:

— А мнѣ что-то тяжело давитъ желудокъ: проглотила я отъ жадности кольцо, что лежало подъ королевскимъ окномъ.

Тогда слуга тутъ же мигомъ ухватилъ ее за шею, отнесъ на кухню и сказалъ повару:

— А ну-ка, зарѣжь ты вотъ эту!.. Она ужъ порядочно-таки отъѣлась!..

— Да, — молвилъ поваръ и на рукѣ ее взвѣсилъ, — эта не щадила трудовъ откармливаться; чай, давно уже ждала, когда-то ее зажарятъ.

И онъ перерѣзалъ ей горло, и когда ее выпотрошили, кольцо въ желудкѣ и отыскалось. Теперь слугѣ немудрено было подтвердить свою невиновность передъ королемъ, а такъ какъ послѣдній хотѣлъ загладить свою вину, то позволилъ ему испросить себѣ какую-нибудь милость и обѣщалъ ему то или иное почетное мѣсто при дворѣ, какого бы онъ ни пожелалъ себѣ.

Ото всего отказался слуга, только попросилъ себѣ коня да денегъ на дорогу, потому что захотѣлось ему на бѣлый свѣтъ посмотрѣть и вообще немного постранствовать повсюду.

Какъ только просьба его была уважена, тронулся онъ въ путь-дорогу, и на пути своемъ случилось ему какъ-то проѣзжать мимо пруда, гдѣ запримѣтилъ онъ трехъ рыбъ, которыя застряли въ камышахъ на мели и томились безъ воды. Хоть и толкуютъ, что рыбы будто бы нѣмы, а онъ все-же разслушалъ ихъ жалобы на то, что вотъ-де какъ мучительно имъ приходится погибать.

Такъ какъ былъ онъ жалостливъ сердцемъ, то сошелъ съ коня и выпустилъ попавшихъ въ бѣду рыбъ снова въ воду. Затрепетали тѣ отъ радости, высунули головы наружу и крикнули ему:

— Вѣчно мы будемъ помнить это и отплатимъ ужό тебѣ за то, что ты насъ изъ бѣды выручилъ.

А онъ поѣхалъ дальше, и черезъ нѣсколько времени почудилось ему, будто слышитъ онъ подъ своими ногами на пескѣ чей-то голосъ. Онъ насторожился и услышалъ, какъ муравьиный король плакался:

— Ахъ, кабы эти люди да грубыя животныя убрались отъ насъ подальше. Вотъ эта лошадь, знай, давитъ безъ всякаго сожалѣнія своими тяжелыми копытами моихъ людей и наши сооруженія!

Слуга свернулъ на боковую тропинку, и муравьиный король крикнулъ ему вслѣдъ:

— Мы этого не забудемъ и отплатимъ тебѣ сторицею!

Дорога привела его въ лѣсъ, и увидѣлъ онъ тамъ вὸрона-папашу и ворону-мамашу, которые сидѣли въ своемъ гнѣздѣ и выталкивали изъ него своихъ птенцовъ.

— Убирайтесь прочь вы, висѣльники!..—каркали они.—Мы ужъ васъ до-сыта не можемъ накормить; вы и такъ настолько велики, что сами себя можете прокормить!..

Бѣдные птенцы-воронята лежали на землѣ, трепетали, били своими крыльями и кричали:

— Ахъ, мы безпомощныя дѣти!.. Мы должны теперь сами отыскивать кормъ, а летать-то еще не умѣемъ. Ничего, видно, другого намъ не остается, какъ съ голоду пропадать!..

Тогда слѣзъ добродушный юноша съ лошади, убилъ ее шпагою и оставилъ молодымъ воронятамъ на прокормъ.

Тѣ живо подскочили, наклевались всласть и крикнули:

— Мы это запомнимъ, мы тебѣ отплатимъ сторицею!..

Нужно было теперь доброму молодцу на своихъ на двоихъ идти, и вотъ послѣ долгаго пути пришелъ онъ въ какой-то многолюдный городъ. Суматоха, тѣснота на улицахъ стояла тамъ невообразимая, и скакалъ кто-то на лошади и выкрикивалъ:

— Королевская дочь ищетъ себѣ супруга!.. Кто же хочетъ посвататься къ ней,—тотъ долженъ трудную задачу выполнить, и ежели онъ счастливо не выполнитъ ея, то лишится жизни!..

Многіе уже пытали счастье, но только понапрасну жизнь загубили. А добрый молодецъ, какъ только увидѣлъ королевскую дочь, такъ былъ ослѣпленъ ея красотой, что забылъ, про всѣ опасности, явился къ королю и представился ему какъ женихъ его дочери.

Немедленно повели его изъ зàмка къ морю и на его глазахъ бросили въ волны золотое кольцо. Затѣмъ повелѣлъ ему король достать снова это кольцо изъ морской пучины и прибавилъ при этомъ:

— А ежели ты да безъ кольца вынырнешь на свѣтъ Божій, то заставятъ нырять тебя до тѣхъ поръ, покамѣстъ ты не утонешь!

Всѣ жалѣли прекраснаго юношу и оставили его одного у моря. Онъ стоялъ на берегу и раздумывалъ, что ему теперь дѣлать, и вдругъ онъ увидѣлъ подплывающихъ къ нему трехъ рыбъ, и это были тѣ самыя, которымъ онъ спасъ жизнь. Средняя держала во рту раковину, которую и положила на берегу къ его ногамъ, и когда онъ ее поднялъ и открылъ,— золотое кольцо лежало внутри ея.

Полный радости принесъ онъ кольцо королю и ждалъ, что тотъ дастъ ему обѣщанную награду.

Но гордой королевской дочери, какъ только узнала она, что онъ неравнаго съ нею знатнаго происхожденія, совѣстно стало, и она потребовала, чтобы выполнилъ онъ прежде другую задачу. Она сошла въ садъ и собственноручно разсѣяла по травѣ десять мѣшковъ проса.

— Ихъ долженъ онъ собрать къ завтраму, прежде чѣмъ солнышко встанетъ,—сказала она,—и всѣ до единаго зернышка должны быть собраны.

Сѣлъ молодецъ въ саду и сталъ думу думать, какъ бы это ему ухитриться задачу выполнить, но выдумать такъ-таки ничего и не могъ, и сидѣлъ онъ тамъ печальный да ждалъ того, какъ его на разсвѣтѣ поведутъ на казнь.

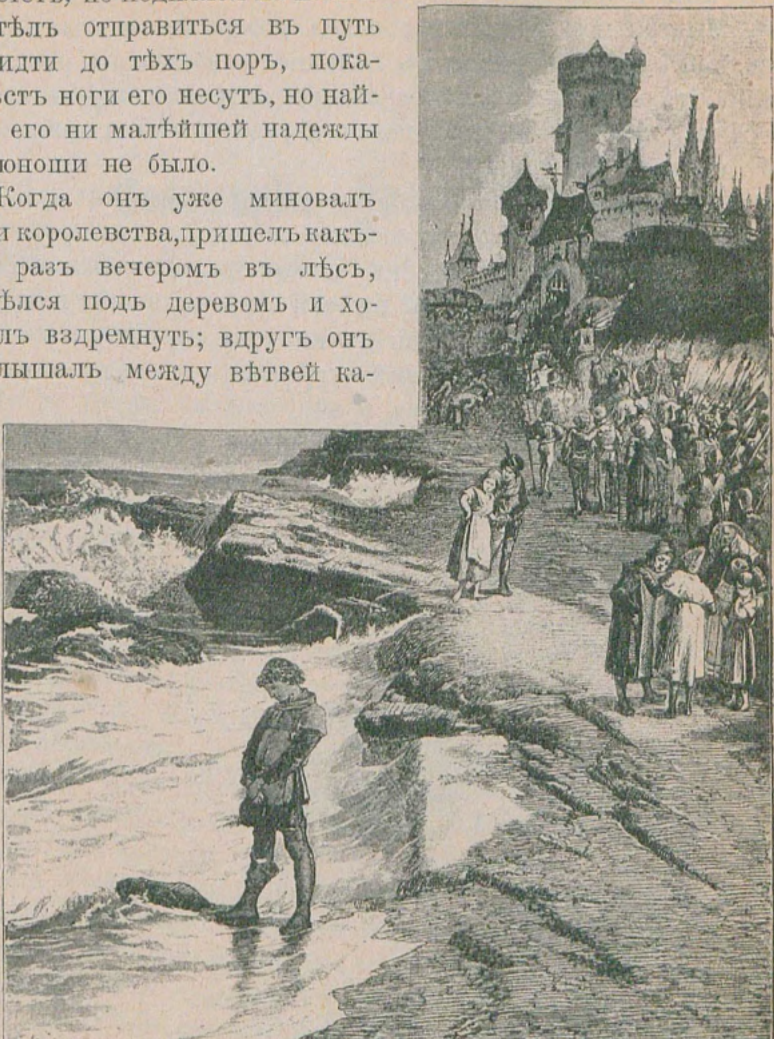
Но когда первые солнечные лучи озарили садъ, онъ вдругъ увидѣлъ десять мѣшковъ полныхъ зеренъ, стоящихъ другъ подлѣ дружки, и зерна всѣ были на-лицо. То муравьиный король приползъ къ нему въ эту ночь со своими тысячами тысячъ муравьевъ, и благодарныя насѣкомыя ревностно подобрали разсыпанное просо и перетаскали въ мѣшки.

Королевская дочь сама сошла въ садъ и съ изумленіемъ увидѣла, что юноша исполнилъ все, что задано было ему. Но не могла она переломить гордаго сердца и молвила:

— Хоть и выполнилъ онъ двѣ задачи, но не бывать ему моимъ супругомъ прежде, чѣмъ не принесетъ мнѣ яблоко съ дерева жизни.

Юноша и знать-то не зналъ, гдѣ это такое самое дерево жизни растетъ, но поднялся на ноги и хотѣлъ отправиться въ путь и идти до тѣхъ поръ, покамѣстъ ноги его несутъ, но найти его ни малѣйшей надежды у юноши не было.

Когда онъ уже миновалъ три королевства, пришелъ какъ-то разъ вечеромъ въ лѣсъ, усѣлся подъ деревомъ и хотѣлъ вздремнуть; вдругъ онъ услышалъ между вѣтвей какой-то шорохъ и въ то же время золотое яблоко упало ему



въ руки. И тотчасъ слетѣли къ нему три вороненка, сѣли на колѣни и сказали:

— Мы три молоденькіе вороненка, которыхъ ты спасъ отъ голодной смерти; выросли мы большіе, и вотъ какъ прослышали, что ищешь ты золотое яблоко, полетѣли черезъ море на самый край свѣта, гдѣ растетъ дерево жизни, и принесли тебѣ съ него это яблоко.

Обрадованный юноша заторопился въ обратный путь и принесъ золотое яблоко королевской дочери, у которой теперь никакихъ отговорокъ не оставалось. Раздѣлили они яблоко жизни пополамъ и вмѣстѣ его скушали, и тогда исполнилось сердце ея любви къ нему, и въ безмятежномъ счастьи они жили до глубокой старости.

Соломинка, Уголь и Бобъ.

Жила въ одной деревнѣ бѣдная женщина, которая однажды набрала цѣлое блюдо бобовъ и хотѣла сварить ихъ. Вотъ и развела она огонь на очагѣ, а чтобы ярче онъ разгорѣлся, разожгла его еще горстью соломы.

Въ то время, какъ собирала она бобы въ горшокъ, одинъ бобъ незамѣтно и выскользнулъ, упалъ на полъ и улегся рядомъ съ выпавшей соломинкой; вскорѣ послѣ того стрѣльнулъ къ нимъ вдругъ изъ очага раскаленный уголь.

Тогда Соломинка первая подала голосъ и сказала:

— Милые друзья, откуда это вы припожаловали сюда?..

Уголь отвѣчалъ:

— Я, къ счастью, во-время выскочилъ изъ огня, и не поступи я такъ рѣшительно,—смерть моя была бы неизбѣжна: я бы сгорѣлъ и обратился въ пепелъ.

Бобъ сказалъ:

— И я тоже насилу спасъ свою шкуру, а положи меня старуха поглубже въ горшокъ, — я безъ милосердія разварился бы въ кашу, какъ мои сотоварищи.

— А мнѣ на долю нешто лучшая судьба чуть, было, не выпала?—сказала Соломинка.—Старуха всѣхъ сестеръ моихъ бросила въ огонь да на дымъ пустила,—ухватила она сразу шестьдесятъ и покончила съ ними!.. По счастливому случаю я у нея между пальцами проскользнула!..

— Что же мы, однако, всѣ станемъ дѣлать? — спросилъ Уголь.

— Я полагаю,— отвѣтилъ Бобъ,— такъ какъ мы довольно счастливо избавились отъ гибели, то станемъ, какъ добрые товарищи, жить всѣ вмѣстѣ, сообща, а чтобы, грѣхомъ, новая напасть насъ не постигла здѣсь, отправимтесь-ка странствовать: пойдемъ въ какую-нибудь незнакомую, чуждую страну...

Предложеніе другимъ пришлось по вкусу, и тотчасъ же тронулись они въ путь-дорогу. Вскорѣ добрели они до маленькаго ручья, и такъ какъ не было черезъ него перекинуто ни мостика, ни жердочки, то путники встали втупикъ, не зная, какъ имъ перебраться черезъ него.

Соломинка скоро нашла средство и сказала:

— Вотъ что, я лягу поперекъ ручья,— тогда вы можете перебраться по мнѣ, какъ по мосту.

И вотъ Соломинка вытянулась съ одного берега на другой, и Уголь, который отроду горячій былъ, отважно засеменилъ ножками скоро-скоро по вновь устроенному мостику. Но какъ только онъ добрался до средины и услышалъ подъ собою плескъ воды, стало ему вдругъ страшно и жутко, остановился на мѣстѣ и не рѣшался дальше идти.

А Соломинка занялась подъ нимъ и стала горѣть, переломилась надвое и упала въ ручей. Уголь скользнулъ за ней, зашипѣлъ, какъ только коснулся воды, и духъ испустилъ.

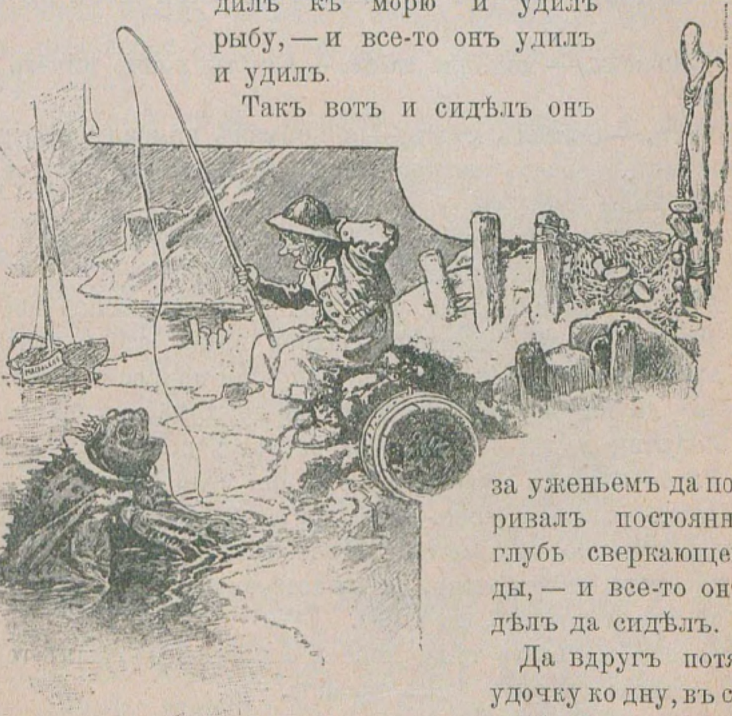
А осторожный Бобъ, что оставался сидѣть на берегу, такъ и покатился со смѣху, на эту исторію глядя, и уняться не могъ и хохоталъ дотого, что лопнулъ.

Пришлось бы пропадать и ему, ежели бы, къ счастью, странствующій портной, который у ручья отдыхалъ, не подоспѣлъ на помощь. Жалостливое сердце было у него,—досталъ онъ иголку съ ниткой и зашилъ снова шкурку Боба. Бобъ, какъ могъ, вѣжливо, поблагодарилъ его отъ души, но такъ какъ у портного были черныя нитки,—съ того времени у всѣхъ бобовъ есть черный рубчикъ...

Про рыбака и его жену.

Вотъ жили некогда рыбакъ и его жена, и жили они оба въ лачужкѣ, у самаго моря, и рыбакъ каждый день ходилъ къ морю и удилъ рыбу, — и все-то онъ удилъ и удилъ.

Такъ вотъ и сидѣлъ онъ за уженьемъ да посматривалъ постоянно въ глубь сверкающей воды, — и все-то онъ сидѣлъ да сидѣлъ.



Да вдругъ потянуло удочку ко дну, въ самую глубину, и когда онъ ее назадъ сталъ тянуть, то вытащилъ на ней огромную камбалу.

Тогда сказала ему камбала:

— Слышь ты, рыбакъ, я тебя прошу, отпусти меня жить: я не настоящая камбала, я — заколдованный принцъ. Какой толкъ будетъ отъ того, что ты меня съѣшь?.. Я тебѣ придусь не по вкусу!.. А брось лучше меня снова въ воду и позволь мнѣ свободно уплыть?

— Ну!..—молвилъ рыбакъ.—Не къ чему было столько словъ тратить... Камбалу, которая говорить можетъ, я охотно отпущу на волю, пусть плыветъ!..

И при этомъ бросилъ ее снова въ блестящую воду, и камбала опустилась на дно и оставила за собою струю крови..

Тутъ поднялся рыбакъ и пошелъ къ своей женѣ въ хижину.

— Муженекъ, — молвила жена, — али ты нонче ничего не поймалъ?

— Нѣтъ, — сказалъ мужъ, — я поймалъ камбалу, которая сказала мнѣ,—она-де заколдованный принцъ; ну, такъ я ее опять на волю пустилъ.

— И ты ничего у нея не попросилъ?—сказала жена.

— Нѣтъ!—молвилъ мужъ.—Чего мнѣ просить-то?

— А-ахъ,—сказала жена,—да, вѣдь, это наказаніе—постоянно жить въ этой хижинѣ: воняетъ здѣсь да и грязновато; ты бы могъ, небось, избу-то получше попросить, ступай къ морю да вызови ее и скажи, что-де хотѣлось бы намъ избу получше имѣть,—это-то она дастъ, конечно!

— Ахъ!—сказалъ мужъ.—Чего я зря туда пойду?..

— Эва!..—сказала жена.—Чай, ты ее поймалъ да на волю пустилъ; конечно, она дастъ!.. Иди сейчасъ туда.

Мужу этого не хотѣлось, да не хотѣлось и съ женою ссориться; онъ и пошелъ къ морю.

Когда онъ пришелъ туда, море все позеленѣло какъ-то и было не такое свѣтлое, какъ прежде.

Сталъ онъ тамъ и сказалъ:

Появись съ морского дна,
Чудо-юдо камбала;
Отъ тебя жена моя
Хочетъ бо̀льшаго, чѣмъ я!..

Тогда подплыла камбала и спросила:

— Ну?.. Что тебѣ надобно?

— Ахъ,—сказалъ рыбакъ,—отпустилъ я тебя на волю, а жена и говоритъ, что я долженъ попросить у тебя кое-что. Она, вонъ, не можетъ больше жить въ хижинкѣ,—хочется, чтобы у нея изба была...

— Хорошо, иди домой,—сказала камбала:—у нея будетъ изба.

Пошелъ назадъ рыбакъ, и точно, вмѣсто его хижины стоитъ прекрасная изба, и жена его сидитъ на скамеечкѣ передъ дверью.

— Войди-ка сюда, посмотри,—говоритъ.—А вѣдь такъ много лучше!..

Тутъ вошли они въ избу,—а тамъ были и парадныя сѣни, и богатая горница, и каморка, гдѣ стояли кровати; были тамъ кухня, кладовая, вся уставленная лучшею утварью, оловянною и мѣдною посудою, необходимою въ хозяйствѣ. А позади строеній находился прекрасный дворъ съ курами и утками и расчудесный садъ съ овощами и плодами.

— Ну,—сказала жена,—развѣ это не хорошо?..

— Нда,—отвѣчалъ мужъ,—кабы все такъ и осталось,—зажили бы мы съ тобой въ полное удовольствіе.

— Объ этомъ я еще подумаю,—сказала жена.

Такъ прошла недѣля или двѣ, и говоритъ однажды жена рыбаку:

— Слышь, муженекъ, а избенка-то тѣсновата и дворъ и садикъ маловаты; камбала могла бы подарить намъ домикъ и побольше. А хотѣла бы я пожить въ огромномъ, каменномъ замкѣ; знаешь что, ступай къ камбалѣ, попроси ее подарить намъ замокъ...

— Ахъ, жена!—сказалъ мужъ.—Изба еще куда какъ хороша,—для чего намъ замокъ...

— Ну, ну, хорошо,—сказала жена.—Знай только, иди себѣ. Камбалѣ вѣдь ничего не стоитъ сдѣлать это.

— Нѣтъ, жена, нельзя,—сказалъ мужъ:—камбала только недавно дала намъ избу; я не смѣю снова идти къ ней; она можетъ все отнять у насъ...

— Да иди же ты! — крикнула жена. — Она легко можетъ это сдѣлать и охотно дастъ намъ за̀мокъ. Сходи только къ ней...

Тяжело на сердцѣ было у рыбака, до того не хотѣлось ему идти, и онъ все бормоталъ про себя:—„Не ладно это!“... И все-таки въ концѣ-концовъ пошелъ.

Когда онъ подошелъ къ морю, то вода въ немъ была свинцоваго цвѣта, а не такой зеленоватой и прозрачной, какъ прежде; но море было еще спокойно.

Сталъ рыбакъ у воды и сказалъ:

Поднимись съ морского дна,
Чудо-юдо камбала!..
Отъ тебя жена моя
Хочетъ бо̀льшаго, чѣмъ я.

— Ну, чего же она хочетъ?—спросила камбала.

— Ахъ, —молвилъ сильно смущенный рыбакъ,—она, видишь ты, хочетъ жить въ большомъ каменномъ замкѣ!

— Иди себѣ назадъ, все такъ и будетъ... — сказала камбала.

Пошелъ рыбакъ назадъ и видитъ, что тамъ возвышаются огромныя, каменныя палаты и жена его стоитъ около лѣстницы. Она взяла его подъ руку и сказала:

— А ну-ка, пойдемъ, посмотримъ наше владѣніе...

И съ этими словами вошелъ онъ съ нею въ замокъ, а въ замкѣ полы были вымощены мраморными плитами, и было тамъ много слугъ, которые отворяли передъ ними огромныя двери; стѣны были оклеены чудными обоями, и по всѣмъ комнатамъ разставлены были золотые стулья и столы, а съ потолковъ спускались хрустальныя люстры, и къ тому же всѣ комнаты и залы были устланы коврами, а яствъ да лучшаго вина было наставлено столько, что столы даже ломились подъ ними. А позади зданія тянулся огромный дворъ съ конюшней, скотнымъ дворомъ и самыми лучшими экипажами; и былъ еще тамъ большой, великолѣпный садъ съ роскошными цвѣтами и фруктовыми деревьями, и роща тянулась на нѣсколько верстъ, а въ ней бѣгали олени, козы, зайцы,—словомъ, тамъ было все, чего душа ни пожелаетъ.

— Ну,—сказала жена,—что же, развѣ это не хорошо?..

— Еще бы!—сказалъ мужъ.—Кабы все это только у насъ и осталось!.. А пока что—мы славно заживемъ въ роскошномъ замкѣ и будемъ довольны этимъ...

— Ну, это еще мы посмотримъ да обдумаемъ, — сказала жена: — утро вечера мудренѣе.

Съ этимъ они и легли отдыхать.

На другое утро жена проснулась первая, когда уже насталъ день, и съ постели стала осматривать великолѣпныя окрестности, чтó развертывались передъ нею.

— Мужъ, встань да выгляни въ окошко! Подумай, развѣ мы не могли бы быть королями всей этой страны? Иди къ камбалѣ и скажи, что мы хотимъ королями быть.

— Охъ, жена,—сказалъ мужъ,—гдѣ ужъ намъ королями быть? Да и я не могу быть королемъ...

— Ну, что-жъ, коли ты не можешь быть королемъ, такъ я зато хочу быть королевой. Иди къ камбалѣ, я хочу сдѣлаться королевой.

— Ахъ, жена, да гдѣ же тебѣ королевой быть!..—сказалъ мужъ.—У меня и языкъ не повернется сказать объ этомъ...

— Это почему такое?—спросила жена.—Живо ступай къ ней; я должна быть королевой!..

И пошелъ рыбакъ, но онъ былъ очень удрученъ этимъ разговоромъ.

„Вотъ ужъ что не хорошо, то не хорошо“...—раздумывалъ рыбакъ дорогой.

Когда подошелъ онъ къ морю, оно было все черное, и волны его вздымались высокими буграми, и вода была совсѣмъ мутная. А онъ подошелъ къ морю и сказалъ:

Поднимись съ морского дна,
Чудо-юдо камбала!..
Отъ тебя жена моя
Хочетъ бо́льшаго, чѣмъ я.

— Ну, чего она хочетъ?—сказала камбала.

— Ахъ,—молвилъ рыбакъ,—она хочетъ быть королевой!..

— Ну, что-жъ, иди домой, она ужъ стала королевой!—сказала камбала.

Пошелъ рыбакъ во свояси, и когда приблизился къ замку, то видитъ, что онъ превратился во дворецъ гораздо больше прежняго, съ огромными воротами, съ чудными украшеніями на нихъ, и стража сидѣла у дверей, и, кромѣ того, толпилось много солдатъ, барабанщиковъ и трубачей. А когда онъ вошелъ въ покои, то увидѣлъ, что всюду былъ чистѣйшій мраморъ, золото, бархатныя занавѣси и огромные золотые сундуки.

Распахнулись двери изъ залы, гдѣ собрался уже весь придворный штатъ, а его жена сидѣла на высокомъ тронѣ изъ золота съ алмазами, и на ней была золотая корона, и скипетръ у нея въ рукахъ изъ чистаго золота съ драгоцѣнными каменьями, и по бокамъ стояли по шести дѣвушекъ шеренгой, одна краше другой.

И долго стоялъ рыбакъ передъ женой и любовался ею, а налюбовавшись вдоволь, немного погодя, и говоритъ ей снова:

— Ахъ, жена, хорошо, что ты стала королевой!.. Ну, теперь намъ больше, кажется, и желать нечего.

— Нѣтъ, муженекъ,—сказала жена,—мнѣ это прискучило; я не могу больше выносить этого положенія. Ступай къ камбалѣ и скажи, что я хочу быть владычицей многихъ земель...

— Ахъ, женушка, — сказалъ мужъ, — да для чего тебѣ это?.. И не посмѣю я и заикнуться о томъ камбалѣ: царь бываетъ только одинъ надъ нѣсколькими королевствами, и царицей тебя не можетъ камбала сдѣлать.

— Что?..— крикнула жена.— Я королева, а ты мой мужъ, пойдешь ты сію минуту или нѣтъ?.. Сейчасъ иди туда,— я хочу, во что бы то ни стало, царицей быть! Иди сію же минуту!

Вотъ и отправился онъ къ морю, хоть и боязно было ему, и онъ все время думалъ: „А дѣло-то клонится къ неладному, въ концѣ-концовъ она замучаетъ мою камбалу“...

И когда онъ приблизился къ морю, оно было все черное и начинало безпокойно метаться туда и сюда, такъ что пѣна валами выступала на волнахъ, и при этомъ дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ,—и стало рыбаку жутко и страшно.

Подошелъ онъ ближе и молвилъ:

Поднимись съ морского дна,
Чудо-юдо камбала!..
Отъ тебя жена моя
Хочетъ бо́льшаго, чѣмъ я.

— Ну, чего же она хочетъ?—спросила камбала, выплывая изъ морской пучины.

— Ахъ, камбалушка!—взмолился рыбакъ.— Моя жена хочетъ быть царицей!..

— Иди назадъ,—молвила камбала.—Будетъ ей все...

Пошелъ рыбакъ назадъ, и когда воротился къ себѣ, то видитъ, что стоитъ теперь уже огромный дворецъ весь изъ отшлифованнаго мрамора съ алебастровыми фигурами и золочеными украшеніями. Передъ дверями маршируютъ солдаты, трубятъ трубачи и барабанятъ барабанщики, а во дворцѣ разгуливаютъ бароны, графы да герцоги; вмѣсто прислуги они ему и отворили дверь, которая была вся изъ чистаго золота.

А когда онъ вошелъ въ залу, — тамъ возсѣдала его супруга на тронѣ, который былъ весь вылитъ изъ цѣльнаго куска золота; на головѣ у нея была надѣта огромная золотая корона, вся усаженная брилліантами и драгоцѣнными камнями; въ одной рукѣ у нея былъ скипетръ, а въ другой — державное яблоко; а по обѣ стороны вплоть до дверей стояли стражники, одинъ краше другого, отъ самаго высокаго великана до самаго крошечнаго карлика, который былъ не больше его мизинца.

А передъ нею стояло многое-множество разныхъ князей и герцоговъ. Вотъ сюда-то и попалъ рыбакъ, сталъ предъ женой и говоритъ:

— Ну, жена, вотъ ты и царица!

— Да,—сказала она, — теперь я стала царицей...

— Ну, чай, довольна теперь ты, что царицей стала?.. Ужъ выше этого ты никѣмъ не можешь стать...

— Объ этомъ я еще подумаю, — сказала жена.

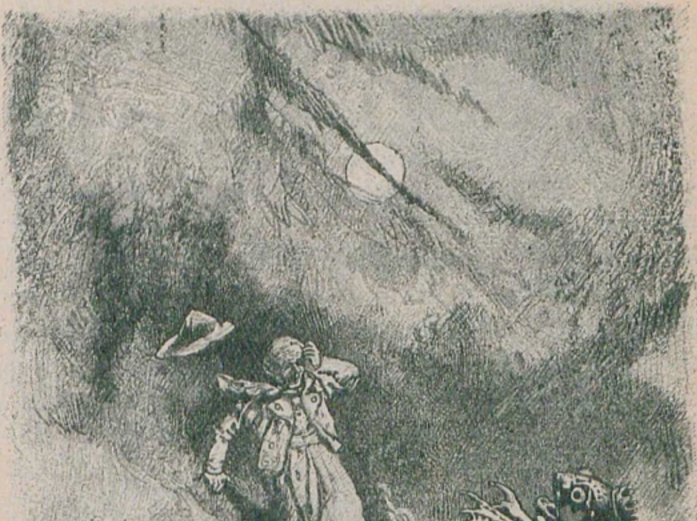
Послѣ этого пошли они на покой, но жена все была недовольна, и алчность не давала ей спать, — все она думала, чѣмъ бы ей еще стать теперь...

Рыбакъ спалъ очень хорошо и крѣпко,—за день онъ довольно-таки набѣгался; а жена его никакъ не могла заснуть и ворочалась съ боку на бокъ всю ночь напролетъ и все время только думала, чего бы ей теперь попросить у камбалы.

Между тѣмъ стало подниматься солнце, и когда она замѣтила утреннюю зарю, то придвинулась на край кровати и глянула на востокъ... „Ага!—подумала она.—А развѣ я не могла бы повелѣвать солнцемъ и луной? Вотъ это было бы занятно!“...

— Мужъ,—сказала она и толкнула его локтемъ,—вставай и иди къ камбалѣ и скажи ей, что я хочу теперь стать повелительницей самихъ стихій.

А рыбакъ испугался до того, что свалился съ постели. Онъ думалъ сначала, что ослышался, сталъ протирать глаза и спрашиваетъ:



— Ахъ, жена, жена... что это ты такое говоришь?..

— Мужъ, — сказала она,—если я не буду повелѣвать движенiемъ солнца и луны по небу, то для меня все пропало...

И она такъ страшно и гнѣвно посмотрѣла на рыбака, что того охватила дрожь.

— Ну, ступай же туда, — я хочу стать повелительницей стихій!

— Ахъ, жена, — сказалъ рыбакъ и палъ передъ нею на колѣни, — камбала этого сдѣлать не можетъ. Умоляю тебя, одумайся и оставайся царицей!

Тутъ она страшно разгнѣвалась, и волосы дико разметались у нея на головѣ.

— Я не хочу терпѣть. . не хочу терпѣть дольше!.. Пойдешь ты или нѣтъ?..—крикнула она.

Тогда онъ мгновенно одѣлся и бросился бѣжать, словно помѣшанный.

А между тѣмъ ураганъ бушевалъ такой, что онъ едва могъ удержаться на ногахъ; избушки и деревья падали съ трескомъ вокругъ него, и горы содрогались, и осколки скалъ скатывались въ море, и все небо было черное-черное; гремѣлъ громъ, и молнія сверкала зигзагами, а черныя волны вздымало и вскидывало, словно высокія горы, увѣнчанныя коронами изъ водяной пѣны. Тогда рыбакъ закричалъ во весь голосъ, хотя голосъ его заглушался ревомъ урагана:

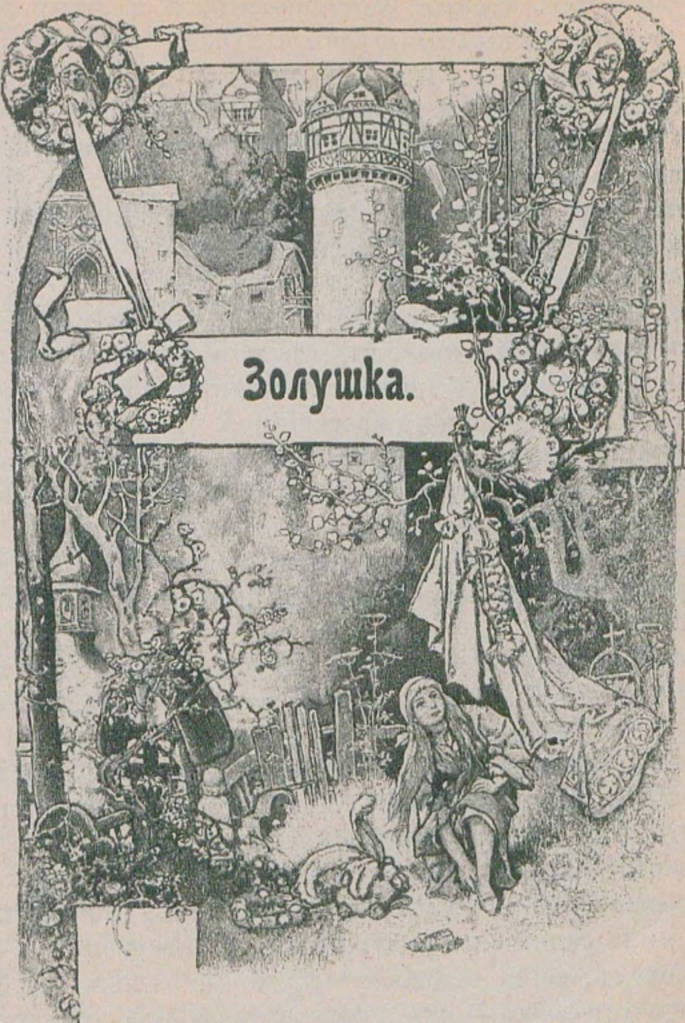
Поднимись съ морского дна,
Чудо-юдо камбала!..
Отъ тебя жена моя
Хочетъ бо̀льшаго, чѣмъ я.

— Ну, чего же еще хочетъ твоя жена?..—спросила камбала.

— Она хочетъ быть повелительницей стихій! — тихо произнесъ рыбакъ.

— Иди себѣ,—она снова сидитъ въ своей лачужкѣ...

Тамъ сидятъ они оба и по нынѣшній день.



Золушка.

Захворала у одного богача жена и, почувствовавъ, что близокъ уже ея конецъ, позвала къ себѣ единственную дочку и сказала:

— Милое дитя мое, будь всегда благочестива и добра, —

и Господь будетъ твоимъ заступникомъ, а я стану радоваться на тебя съ высоты небесъ и душою буду постоянно съ тобой...

И закрыла она глаза и умерла. Каждый день стала дѣвочка уходить изъ дому на могилу матери и плакала надъ ней, и оставалась по-прежнему благочестивой и доброй.

Настала зима, и снѣгъ покрылъ могилу своей бѣлой пеленой; а когда солнышко по веснѣ сбросило ее,—отецъ дѣвочки женился на другой.

Мачеха ввела съ собой въ домъ двухъ дочерей; обѣ онѣ были съ лица очень красивы, бѣлы и румяны, но зато черствыя сердцемъ, холодныя и завистливыя. То-то тяжелое время настало для бѣдной сиротки!

— Неужели эта гусыня будетъ сидѣть вмѣстѣ съ нами въ горницѣ? — сказали онѣ однажды. — Кто хочетъ хлѣбъ ѣсть долженъ его заработать: убирайся къ кухаркѣ!..

И отняли онѣ у дѣвушки ея лучшія платья, надѣли на нее сѣрый, ветхій балахончикъ, а на ноги дали ей деревянные башмаки.

— Полюбуйтесь, пожалуйста, на эту гордую принцессу, какъ она нарядно одѣта! — кричали онѣ, потѣшаясь надъ ней, а затѣмъ отвели ее въ кухню.

И должна она была тамъ съ утра до ночи справлять всякую трудную работу: до зари вставать, воду носить, огонь разводить, стряпать и стирать. А сестры ея, къ тому же, нарочно всячески огорчали ее, — на-смѣхъ поднимали: порой высыпали горохъ и чечевицу въ золу, такъ что она снова должна была садиться и выбирать зерно за зерномъ.

А вечеромъ, когда бѣдная дѣвушка ногъ подъ собой не чуяла отъ усталости, — она прямо ложилась около очага въ золу, такъ какъ постели у нея не было. Вотъ потому-то, что отъ золы она всегда ходила въ пыли да въ грязи, ее и прозвали Золушкой.

И случилось однажды, что собрался отецъ ѣхать на ярмарку; вотъ и спросилъ онъ своихъ падчерицъ, чего бы привезти имъ.

— Красивыхъ нарядовъ, — молвила одна.

— Жемчугу и камней самоцвѣтныхъ, — добавила другая.

— Ну, а ты, Золушка... — молвилъ отецъ, — ты чего себѣ хочешь?..

— Батюшка, отломи для меня ту первую вѣтку, которая на возвратномъ пути зацѣпитъ тебя за шляпу.

Вотъ и накупилъ старикъ обѣимъ сестрамъ чудесныхъ нарядовъ, жемчугу и самоцвѣтныхъ камней, а на возвратномъ пути, когда пробирался онъ густой зарослью, вѣтка орѣшника сорвала у него съ головы шляпу.

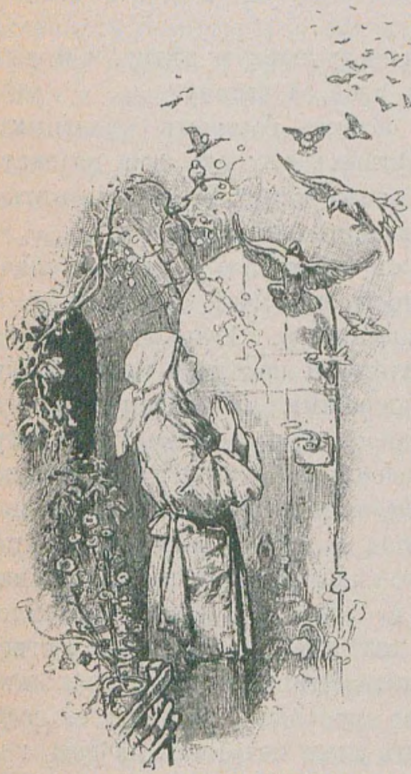
Онъ ее отломилъ и повезъ съ собою. Какъ вернулся домой, роздалъ онъ двумъ сестрамъ то, чего онѣ желали, а Золушкѣ отдалъ вѣтку отъ орѣшника. Поблагодарила его Золушка, пошла на могилу матери и посадила тамъ вѣтку и зарыдала такъ горько и неудержимо, что слезы ручьемъ заструились на вѣтку и оросили ее. И разрослась понемногу вѣтка, и стала чуднымъ деревомъ. А Золушка ежедневно по три раза въ день приходила подъ дерево, плакала и молилась, и каждый разъ прилетала на дерево какая-то бѣленькая птичка, и, бывало, стоило только дѣвушкѣ высказать какое-нибудь желаніе, какъ птичка бросала ей сверху желаемое.

И случилось однажды, что затѣялъ король празднество, которое должно было продолжиться цѣлыхъ три дня, и были приглашены на это торжество молодыя дѣвушки со всей страны, чтобы королевскій сынъ могъ изъ нихъ избрать невѣсту себѣ по сердцу.

Какъ только прознали обѣ сестрицы, когда и какъ надо будетъ туда являться, — обрадовались онѣ несказанно, кликнули Золушку и говорятъ:

— Расчеши-ка намъ волосы, вычисти башмаки да пряжки застегни покрѣпче: мы, вѣдь, отправляемся въ королевскій за́мокъ...

Послушалась ихъ Золушка, однако, заплакала, — потому что она сама охотно пошла бы потанцовать съ ними; вотъ и стала она умолять мачеху, чтобы та позволила ей тоже пойти съ ними.



— Ахъ, Золушка!—крикнула та.—Ты вся въ грязи, въ пылищѣ, а туда же на смотрины норовитъ!.. Ни платьевъ, ни башмаковъ — нѣтъ ничего, а туда же танцовать хочешь!..

А когда Золушка перестала перечить ей, мачеха сжалилась надъ ней и говоритъ:

— Вотъ я высыпала на очагъ въ золу цѣлое блюдо чечевицы! Ха, ха! Ежели ты въ два часа всю чечевицу повыберешь, — ладно, тогда пойдешь съ нами.

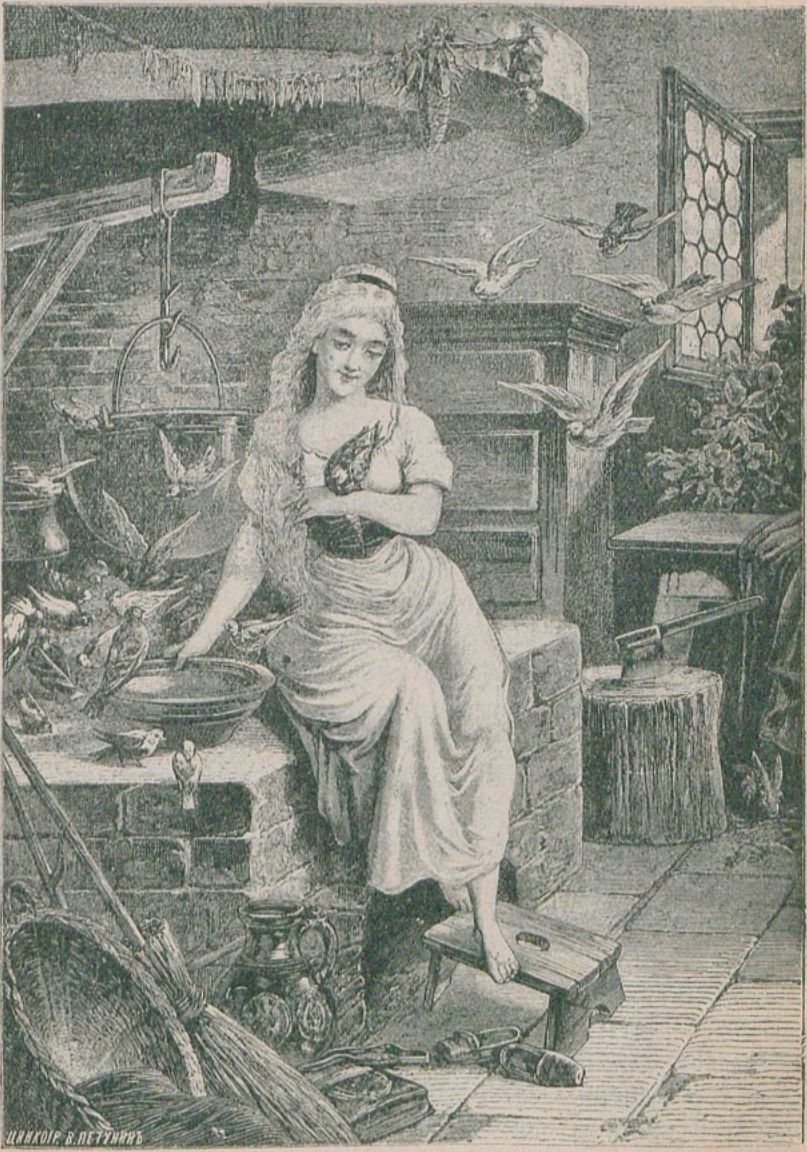
Дѣвушка вышла черезъ черный ходъ въ садъ и крикнула:

— Ой, вы, голубки кроткіе, вы, горлинки и всѣ пташки поднебесныя, летите сюда выбирать

Зерна годныя въ горшочекъ,
А негодныя въ зобочекъ.

И слетѣлись тутъ къ кухонному окну два бѣлыхъ голубка, за ними—горлинки, а въ концѣ-концовъ, чирикая, примчались и другія пташки поднебесныя и опустились на очагъ въ золу.

И закивали голубки головками, заклевали: пикъ, пикъ,


ЦИНКОГР. В. ПЕТУНИНЪ

пикъ; другія слѣдомъ за ними тоже, — знай себѣ, — пикъ, пикъ, пикъ,—и бросали всѣ лучшія зернышки въ горшочекъ.

Въ одинъ часъ онѣ все дѣло сладили и вылетѣли снова на волю.

Понесла Золушка горшочекъ къ мачехѣ, а сама-то радуется, надѣется, что вотъ теперь ей можно будетъ отправиться съ ними на празднество. Но мачеха сказала ей:

— Нѣтъ ужъ, Золушка, у тебя и платьевъ никакихъ нѣтъ, да и танцовать-то ты не умѣешь; тебя высмѣютъ только...

А какъ заплакала она,—мачеха и сказала:

— Ну, ежели ты мнѣ два блюда, полныя чечевицы, въ одинъ часъ изъ золы выберешь на-чисто,—тогда пойдешь съ нами...—А сама она думала такъ:—„Ну, этого-то она, конечно, не сможетъ!“...

Высыпала она два блюда чечевицы въ золу, вышла Золушка чернымъ ходомъ въ садъ и крикнула:

— Ой, вы, голубки мои кроткіе, вы горлинки и всѣ пташки поднебесныя, слетайтесь, выберите

Зерна годныя въ горшочекъ,
А негодныя въ зобочекъ.

И порхнули въ кухонное окошко два бѣлыхъ голубка, за ними — двѣ горлинки, а въ концѣ-концовъ зачирикали, примчались всѣ пташки поднебесныя и опустились на очагъ въ золу.

И закивали голубки головками, стали клевать-поклевывать: пикъ, пикъ, пикъ, а за ними и всѣ остальныя тоже: пикъ, пикъ, пикъ, — и бросали всѣ лучшія зернышки въ горшочекъ.

И, раньше чѣмъ полчаса миновало, все уже у нихъ было готово, и вылетѣли онѣ снова на волю.

Отнесла дѣвушка мачехѣ горшочекъ, а сама-то радуется, думаетъ,—теперь-то ужъ она съ ними на празднество отправится. Но мачеха сказала только:

— И это тебѣ нисколько не поможетъ; ты не пойдешь съ нами, потому что у тебя нѣтъ платья, да и танцовать ты не умѣешь... Намъ придется только краснѣть за тебя.

Вотъ, когда всѣ ушли изъ дому, Золушка побѣжала на материнскую могилу, подъ орѣшникъ, и вскрикнула:

Деревцо, качни, встряхни густую сѣнь,
Въ серебро меня и золото одѣнь!..

И въ то же мгновеніе птичка сбросила ей платье все въ золотѣ и серебрѣ и туфельки, расшитыя шелкомъ и серебромъ. Пышно нарядилась она и пошла на праздникъ, а сестры ея да мачеха и не признали ея, а подумали, что это, вѣроятно, какая-нибудь чужестранная королевна,—до того красивой казалась Золушка въ своемъ золотомъ платьѣ. А о ней-то именно и мысли у нихъ не было; онѣ были увѣрены, что она сидитъ себѣ въ грязи да выбираетъ чечевицу изъ золы.

Королевичъ самъ встрѣтилъ ее, взялъ подъ руку и пустился съ нею въ плясъ. И ни съ кѣмъ другимъ онъ не хотѣлъ больше танцовать, такъ что онъ даже ея руки изъ своей не выпускалъ, и когда кто-нибудь другой подходилъ и приглашалъ ее на танцы, онъ говорилъ:—„Это моя дама на все время танцевъ“...

Она танцовала до конца вечера и затѣмъ стала собираться домой. Но королевичъ сказалъ: „Я пойду съ тобою и провожу тебя“, потому что хотѣлось ему узнать, чья родомъ была эта дѣвушка-красавица. Но она скрылась отъ него, взобравшись на голубятню.

Подождалъ королевичъ немного у голубятни; а тутъ мимо шелъ отецъ Золушки, и сказалъ королевичъ ему, что вотъ-де одна незнакомая дѣвушка забралась сюда въ голубятню, а ему непремѣнно надо видѣть ее.

Старикъ подумалъ:—„Это, вѣроятно, Золушка“,—сбѣгалъ за топоромъ и багромъ и раскололъ надвое голубятню, но тамъ никого и не оказалось.

А когда они вернулись домой, Золушка лежала въ своихъ грязныхъ лохмотьяхъ въ золѣ, и тусклая лампа горѣла на трубѣ; дѣло въ томъ, что Золушка проворно выпрыгнула изъ голубятни съ другой стороны и убѣжала къ орѣшнику; тамъ она скинула съ себя роскошный нарядъ и положила на могилу, птичка прибрала его, а Золушка затѣмъ въ своемъ сѣромъ балахонѣ улеглась въ кухнѣ въ самую золу.

На другой день, какъ только начался праздникъ сызнова, и мать съ дочерьми уѣхала изъ дому, пошла Золушка къ орѣшнику и молвила:

Деревцо, качни, встряхни густую сѣнь,
Въ серебро меня и золото одѣнь!..

И бросила ей птичка платье, много краше и богаче, чѣмъ въ предшествующій день. И когда показалась она въ этомъ одѣяніи на праздникѣ, всѣ диву дались на ея необыкновенную красоту. А королевичъ ужъ поджидалъ ея прихода; онъ тотчасъ же взялъ ее за руку и только съ ней одной и танцовалъ. Когда другіе подходили и приглашали ее на танецъ, онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, на время танцевъ, это моя дама!..

А когда уже поздно стало, начала она собираться домой; тутъ королевичъ бросился за нею слѣдомъ, чтобы хоть глазкомъ посмотрѣть, въ какой домъ войдетъ она, но дѣвушка убѣжала-таки отъ него прочь прямо въ садъ, что находился позади ихъ дома. Тамъ росло славное огромное грушевое дерево, на которомъ зрѣли чудныя груши,—на него-то она и вскарабкалась по вѣтвямъ. да такъ проворно, какъ сущая бѣлка, и королевичъ никакъ понять не могъ, куда она дѣвалась.

Онъ, однако, дождался, покамѣстъ отецъ Золушки подошелъ, и тогда сказалъ ему:

— Опять ускользнула отъ меня невѣдомая дѣвушка, и кажется мнѣ, что она вспрыгнула на это грушевое дерево...

Отецъ подумалъ: „Это была Золушка“, приказалъ принести топоръ и срубилъ дерево, но на немъ никого не оказалось.

А когда они вошли въ кухню, Золушка валялась въ золѣ, какъ и въ прошлый разъ; дѣло въ томъ, что она тайкомъ спрыгнула съ дерева съ другой стороны, отдала чудное платье птичкѣ на орѣшникѣ, а на себя надѣла сѣрый балахончикъ.

На третій день, когда сестры ея опять уѣхали, пошла Золушка на материнскую могилку и молвила деревцу:

Деревцо, качни, встряхни густую сѣнь,
Въ серебро меня и золото одѣнь!..

И птичка тотчасъ сбросила ей платье, да такое роскошное, великолѣпное и блестящее, что подобнаго еще ни у кого на свѣтѣ не бывало, а туфельки были вылиты изъ чистаго золота.

Когда она явилась на празднество въ этомъ нарядѣ, всѣ долго не знали, что и сказать отъ удивленія. Королевичъ одинъ танцовалъ съ нею, и когда кто-нибудь другой приглашалъ ее, онъ говорилъ: — „Это моя дама во время танцевъ“...

Поздно вечеромъ стала Золушка собираться уходить, а королевичъ хотѣлъ ее проводить; но она такъ быстро ускользнула отъ него, что онъ никакъ не могъ поспѣть за нею. Однако, королевичъ пошелъ на хитрости и велѣлъ передъ тѣмъ всю лѣстницу вымазать смолою, и когда Золушка бѣжала по ней, лѣвая туфелька ея пристала къ смолѣ.

Поднялъ королевичъ туфельку и удивился,—такая она была крохотная, изящная и притомъ вся изъ чистаго золота.

На слѣдующее утро онъ отправился прямо къ отцу Золушки съ туфлей и сказалъ:

— Моей супругой будетъ та, которой придется впору этотъ золотой башмачокъ...

То-то обрадовались обѣ сестры, — у нихъ были красивыя, маленькія ноги. Старшая сестра тотчасъ же побѣжала къ себѣ въ комнату и попробовала надѣть; а мать стояла рядомъ. Но башмачокъ былъ слишкомъ малъ, и большой палецъ никакъ не входилъ въ носокъ; мать протянула дочери ножикъ и говоритъ:

— Отруби себѣ палецъ: небось, когда ты будешь королевой, тебѣ пѣшкомъ ходить не придется.

Дѣвушка отсѣкла себѣ палецъ, втиснула ногу въ башмакъ, пересилила боль и вышла къ королевичу.

И взялъ онъ ее, какъ свою невѣсту, съ собою на коня и ускакалъ съ нею. Да пришлось имъ ѣхать мимо могилки, а тамъ на орѣшникѣ сидѣли два голубка и ворковали:

Гурры-гуфли, гурры-гуфли,
Такъ и льется кровь изъ туфли:
Башмачокъ-то маловатъ...
Принцъ, вези ее назадъ...

Тутъ взглянулъ принцъ ей на ногу и увидалъ, что кровь такъ ручьемъ изъ башмака и льетъ. Повернулъ онъ коня, привезъ невѣсту-самозванку домой и сказалъ, что это не та, которую онъ ищетъ; пусть лучше другая ея сестра примѣритъ башмачокъ. Пошла и та въ отдѣльную комнату и благополучно втиснула всѣ пальцы въ башмакъ, но пятка у нея была слишкомъ толста. Тутъ мать подала ей ножикъ и говоритъ:

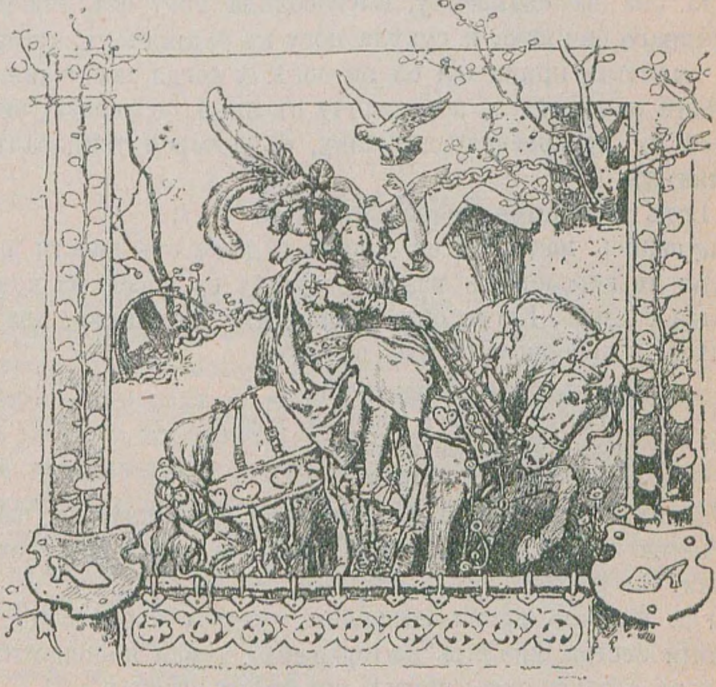
— Отрѣжь кусокъ пятки, будешь королевой, такъ не придется пѣшкомъ ходить...

И дѣвушка отсѣкла часть пятки, втиснула ногу въ башмакъ, пересилила боль и вышла къ королевичу. Посадилъ онъ ее, какъ свою невѣсту, на коня и помчался съ нею прочь. Вотъ ѣдутъ они мимо орѣшника, а на немъ сидятъ два голубка и воркуютъ:

Гурры-гуфли, гурры-гуфли,
Такъ и льется кровь изъ туфли:
Башмачокъ-то маловатъ...
И ее вези назадъ!..

Посмотрѣлъ онъ на ея ногу и увидѣлъ, что кровь такъ и хлещетъ у нея изъ башмака и краснымъ пятномъ выступила на бѣломъ чулкѣ. Повернулъ онъ коня назадъ и привезъ самозванную невѣсту обратно домой.

— И это не та!..—сказалъ онъ.—Нѣтъ ли у васъ еще дочерей?



— Нѣтъ,—сказалъ отецъ,—вотъ только послѣ умершей первой моей жены осталась маленькая Золушка; но она не годится вамъ въ жены, куда ей!..

Все-таки королевичъ сказалъ, чтобы онъ ее къ нему послалъ, но мачеха воспротивилась:

— Охъ, нѣтъ!.. Она такая грязная, что мы не смѣемъ и показать ее!..

Однако онъ, во что бы то ни стало, желалъ ее видѣть, и пришлось-таки кликнуть Золушку. Прежде всего вымыла Золушка себѣ руки и лицо и затѣмъ явилась къ королевскому сыну и поклонилась ему, а тотъ протянулъ ей золотой башмачокъ.

Сѣла она на скамеечку, высвободила ногу изъ тяжелаго деревяннаго башмака и сунула ногу въ башмачокъ, который, какъ вылитый, пришелся ей по ногѣ. А когда она поднялась съ мѣста и взглянула королевичу въ лицо, онъ сразу узналъ въ ней ту прекрасную дѣвушку, съ которой танцовалъ, и вскрикнулъ:

— Вотъ моя истинная невѣста!..

Испугались мачеха и ея дочери и даже отъ злости позеленѣли; но королевичъ взялъ Золушку съ собою на коня и умчался съ нею. Когда они ѣхали мимо орѣшника, два бѣлые голубя заворковали имъ вслѣдъ:

Гурры-гуфли, гурры-гуфли,
Вотъ теперь нѣтъ крови въ туфлѣ;
Башмачокъ-то ей не малъ,
Онъ невѣсту отыскалъ.

И затѣмъ они вспорхнули и сѣли Золушкѣ на плечи: одинъ—на правое, другой—на лѣвое, да такъ все время и сидѣли.

Когда настало время справлять свадьбу королевича, обѣ лукавыя сестры явились на торжество, думая подольститься и попользоваться хоть частью счастьемъ сестры.

Когда тронулся брачный поѣздъ къ церкви, самая старшая сестра шла по правую руку, а младшая — по лѣвую руку, и голуби каждой по одному глазу и выклевали...

А затѣмъ, когда онѣ назадъ шли,—старшая была по лѣвую сторону, а младшая по правую,—тутъ имъ голуби и по другому глазу выклевали... Такъ и были онѣ наказаны слѣпотой на всю жизнь за свою злобу и коварство.

Загадка.

Жилъ-былъ однажды королевичъ, которому пришла охота постранствовать по свѣту; но, отправляясь въ путь, онъ взялъ съ собою только одного вѣрнаго слугу.

Ѣхалъ онъ какъ-то разъ цѣлый день дремучимъ лѣсомъ; ужъ вечеръ наступалъ, а онъ все никакъ не могъ найти себѣ пристаница, гдѣ бы можно было ему переночевать... И запримѣтилъ онъ вдругъ дѣвушку, которая шла къ маленькой избушкѣ, и когда онъ подъѣхалъ къ ней, то замѣтилъ, что это была красавица писаная. И заговорилъ онъ съ нею и спросилъ:

— Милое дитя!.. Нельзя ли мнѣ съ моимъ слугой переночевать въ этомъ домикѣ?

— Можно-то, можно,—грустно молвила дѣвушка,—да я бы вамъ не совѣтовала... Охъ, ужъ лучше и не входите туда!..

— А почему нельзя входить?—спрашиваетъ королевичъ.

Вздохнула дѣвушка и сказала:

— Мачеха моя занимается чернокнижіемъ и не жалуетъ незнакомцевъ.

Тутъ онъ понялъ, что они набрели на избушку вѣдьмы, да такъ какъ уже стемнѣло и дальше все равно нельзя было ѣхать, а къ тому же и не боялся онъ ничего, то и вошелъ въ избушку.

Старуха сидѣла на креслѣ передъ огнемъ и такъ и впилась въ незнакомца своими красными глазами.

— Добрый вечеръ,—прошептала она привѣтливо,—садитесь-ка да отдохните!..

А сама она стала раздувать угли, на которыхъ варила себѣ что-то въ горшечкѣ. Дочка предупредила обоихъ странниковъ быть насторожѣ и ничего не ѣсть и не пить, потому что старуха варила отраву. Они спокойно проспали до ранняго утра. А когда собрались уѣзжать и королевичъ сидѣлъ ужъ на конѣ, старуха сказала ему:

— Обожди-ка малость,—выпейте-ка вы на дорожку одну настоечку!..

Но пока она ходила за нею,—королевичъ успѣлъ ускакать, и остался только одинъ слуга, который подтягивалъ подпруги у сѣдла; вернулась злая вѣдьма съ бутылкой.

— Захвати это твоему господину,—начала, было, она, но въ то же мгновеніе бутылка лопнула, и ядъ брызнулъ на лошадь,—и такъ былъ силенъ этотъ ядъ, что животное тутъ же замертво наземь и рухнуло.

Бросился слуга слѣдомъ за своимъ господиномъ и разсказалъ ему, что случилось; но жаль ему было оставить сѣдло, онъ назадъ за нимъ и побѣжалъ. Когда онъ приблизился къ павшему коню, на немъ уже сидѣлъ воронъ и поклевывалъ падаль.

— Кто знаетъ, найдемъ ли мы сегодня что-нибудь лучше ворона,—молвилъ слуга, убилъ ворона и захватилъ его съ собою.

Цѣлый день пробирались они лѣсомъ и все никакъ не могли выбраться изъ него. Только съ наступленіемъ ночи набрели они на харчевню и вошли туда. Слуга отдалъ хозяину ворона, чтобы онъ его имъ сготовилъ къ ужину. А попали-то они въ разбойничій притонъ; и темной ночью пришли двѣнадцать разбойниковъ и хотѣли странниковъ убить и ограбить. Да прежде, чѣмъ приняться за это гнусное дѣло, усѣлись они за столъ, и хозяинъ и вѣдьма тоже сѣли вмѣстѣ и стали изъ одной миски супъ хлебать, въ которомъ было накрошено воронье мясо.

Да только-только успѣли они парочку кусочковъ проглотить,—какъ сразу всѣ наземь замертво и попадали, потому что воронъ наглотался съ кониной яду. Теперь въ домѣ никого не оставалось, кромѣ хозяйской дочери,—честной, правдивой дѣвушки, которая никакого участія въ безбожныхъ преступленіяхъ не принимала. Она отворила незнакомцамъ всѣ двери и показала имъ накопленныя сокровища. Но королевичъ успокоилъ ее, сказавъ, что пускай она все это оставитъ себѣ, а ему ничего не надо, и поѣхалъ съ своимъ слугой дальше.

Послѣ того какъ они долго-долго странствовали повсюду, прибыли они, наконецъ, въ городъ, гдѣ жила-была одна королевна, прекрасная собою, но и кичливая же: она приказала объявить, что кто загадаетъ ей такую загадку, которой она не разгадаетъ, тотъ-де станетъ мужемъ ея, а коли отгадаетъ она, тогда долженъ будетъ онъ головой своею за то поплатиться.

Выговаривала она себѣ три дня на раздумье, но, впрочемъ, была такая умница-разумница, что всѣ предлагаемыя загадки отгадывала даже ранѣе назначеннаго срока. Уже девятеро искателей такимъ образомъ погибли, когда прибылъ королевичъ и, ослѣпленный ея удивительною красотой, рѣшился хоть жизнью своею пожертвовать, но все-таки попытать счастья. Вотъ и явился онъ передъ ней и загадалъ загадку:

— Что бы это было такое,—сказалъ онъ,—никто никого не билъ, а двѣнадцать все-таки убилъ?..

Никакъ не могла королевна добиться, что бы это такое значило; ужъ она думала-думала, да такъ-таки ничего и не выдумала; всѣ свои гадательныя книги перерыла, однако, и тамъ ничего не было прописано: короче, — мудрости ея пришла крышка. И такъ какъ она не знала, какъ пособить бѣдѣ, то приказала своей служанкѣ пробраться въ спальню къ незнакомцу да подслушать тамъ, что онъ во снѣ говоритъ, потому что, — думала она, — онъ, можетъ статься, во снѣ проговорится, — загадка и откроется сама собою.

Да смекалистый слуга вмѣсто барина-то самъ легъ на кровать, и какъ только служанка вошла къ нему, сорвалъ съ нея плащъ, въ который она, было, закуталась, и выгналъ ее прутомъ. На вторую ночь послала королевна другую свою приближенную попытать,—не посчастливится ли ей подслушать чего; и съ той слуга тоже плащъ сорвалъ и прутомъ выгналъ вонъ.

Послѣ того королевичъ думалъ, что теперь онъ можетъ спокойно лечь въ постель, но тутъ явилась къ нему сама королевна, закутавшись въ свой сѣрый плащъ, и усѣлась съ нимъ рядомъ. И какъ только показалось ей, что онъ уже заснулъ и грезитъ, — она заговорила съ нимъ, въ надеждѣ, что вотъ-вотъ онъ во снѣ станетъ отвѣчать ей, какъ это дѣлаютъ многіе; но онъ бодрствовалъ и смекнулъ, какъ быть. Вотъ и спросила она:

— Никто не билъ никого?.. Что это?

Онъ отвѣчалъ:

— Вòронъ, чтò наклевался падали отравленной лошади и самъ оттого отравился.

Дальше выпытывала она:

— И все-таки двѣнадцать убилъ?.. Это что?..

— То двѣнадцать разбойниковъ, которые ворона поѣли, и умерли отъ этого.

Теперь, когда королевна вывѣдала отъ него загадку, она хотѣла выбраться тайкомъ, но онъ крѣпко-крѣпко держалъ ее за плащъ, такъ что она его оставила у него въ рукахъ...

На слѣдующее утро королевна оповѣщаетъ, что-де она разгадала загадку, и приказала двѣнадцати судьямъ явиться къ ней и сообщила имъ разгадку.

Но юноша попросилъ выслушать его и сказалъ:

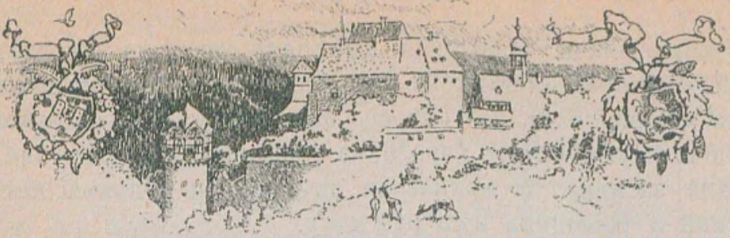
— Она нынче ночью пробралась ко мнѣ въ спальню и повыспросила меня, иначе она ни за что этого не разгадала бы.

Судьи сказали:

— Принеси намъ доказательства!..

Тогда слуга принесъ всѣ три плаща, и какъ только судьи замѣтили сѣро-туманный плащъ, который королевна обычно носила, то сказали:

— А прикажите-ка расшить этотъ плащъ золотомъ и серебромъ, тогда онъ на свадьбу пригодится, какъ подвѣнечное платье.



Госпожа Холле.

У одной вдовы были двѣ дочери; изъ нихъ одна была и красива, и прилежна, а другая — уродлива и лѣнива. Но вдова больше любила уродливую да лѣнивую, потому что это была ея родная дочь, а другая, падчерица ея, должна была справлять всю черную работу и ходить дома замарашкой. Бѣдная дѣвушка каждый день сидѣла у колодца на большомъ дворѣ и все пряла,—такъ много пряла, что даже кровь выступала у нея на пальцахъ.

Вотъ и случилось однажды, что запачкалось веретено у нея кровью: она съ нимъ въ колодецъ наклонилась, — ополоснуть его хотѣла, а оно выскользнуло у нея изъ рукъ да внизъ и загремѣло.

Заплакала она, бросилась къ мачехѣ и повѣдала ей о своемъ несчастьи. Вспылила та, разбранила ее и до того безсердечна была, что сказала ей:

— Коли ты веретено уронила, такъ и достань его оттуда.

Вернулась назадъ дѣвушка къ колодцу и не знаетъ, что ей теперь дѣлать, а въ концѣ-концовъ въ отчаяніи спрыгнула сама въ колодецъ вдогонку за веретеномъ.

Обезпамятѣла дѣвушка на мгновеніе, а когда пришла въ себя, то она увидала себя на роскошномъ лугу, и солнышко такъ ясно свѣтило, и пестрѣли тысячи цвѣтовъ.

Вотъ и пошла она по этому лугу и набрела на печку, что стояла полная хлѣбовъ; хлѣбы ей изъ печки и закричали:

— Ахъ, вынь насъ отсюда! Вынь насъ отсюда,—не то мы сгоримъ!.. Мы давнымъ-давно выпеклись!..

Подошла она къ печкѣ да хлѣбной лопаткой ковриги одну за другой и вынула. Потомъ пошла она дальше и набрела на дерево, все сплошь увѣшанное яблоками, и закричало ей дерево:

— Ахъ, тряхни меня! Тряхни меня, всѣ яблоки на мнѣ одно другого спѣлѣе!..

И потрясла она дерево, да такъ, что яблоки дождемъ посыпались, и трясла она его до тѣхъ поръ, покамѣстъ ни одного яблока не осталось на вѣткахъ, а затѣмъ собрала ихъ, сложила ворохомъ и пошла дальше.

И пришла, наконецъ, она къ маленькому дому, изъ котораго выглядывала какая-то старушка, да съ такими огромными зубами, что дѣвушкѣ страшно стало, и она хотѣла, было, бѣжать прочь, но старушка крикнула ей вслѣдъ:

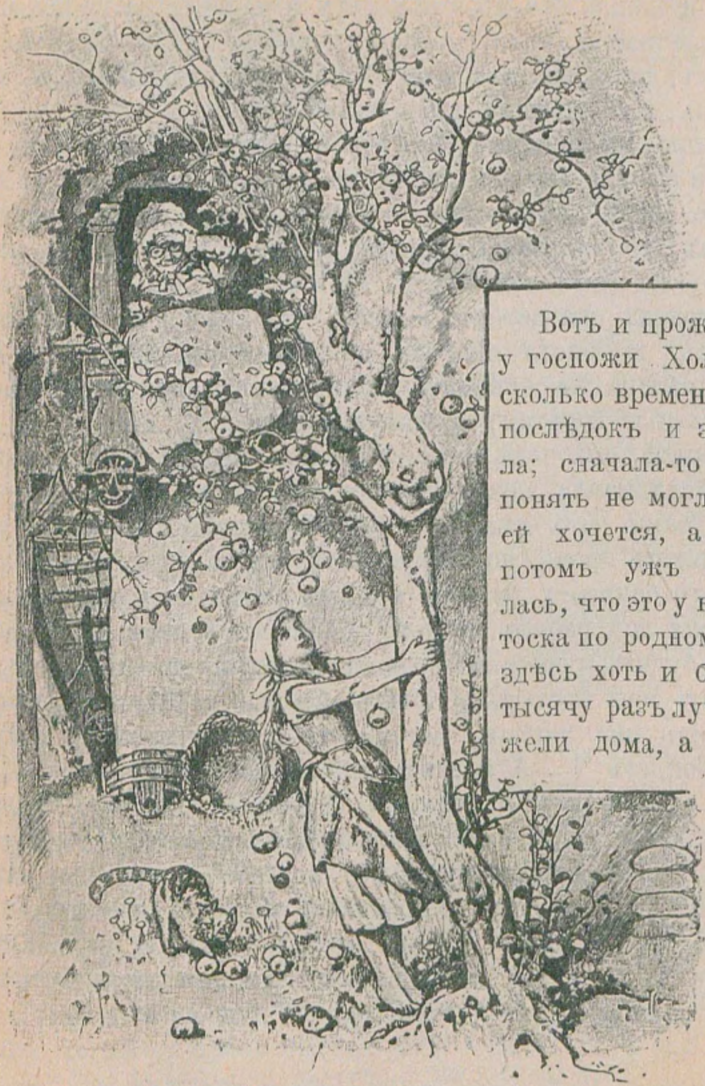
— Чего боишься, дитятко милое?.. Останься у меня, коли ты у меня всѣ работы по дому въ порядкѣ справишь, тебѣ хорошо будетъ; а особенно должна ты стараться,—хорошенько оправлять мою постель, и такъ прилежно взбивать ее, чтобы перья изъ нея летѣли, потому что тогда у васъ на землѣ снѣгъ пойдетъ *)... А я сама госпожа Холле и есть.

Такъ старушка привѣтно съ дѣвушкой говорила, что та успокоилась и согласилась поступить къ ней на службу.

Стала она заботиться, угождать во всемъ старухѣ и разъ отъ разу все сильнѣе взбивала ей постель, да такъ, что перья, словно снѣжные хлопья, носились въ воздухѣ. Жить ей было, къ тому же, хорошо, — ни единаго слова дурного не слышишь, и каждый день горячее и жаркое.

---

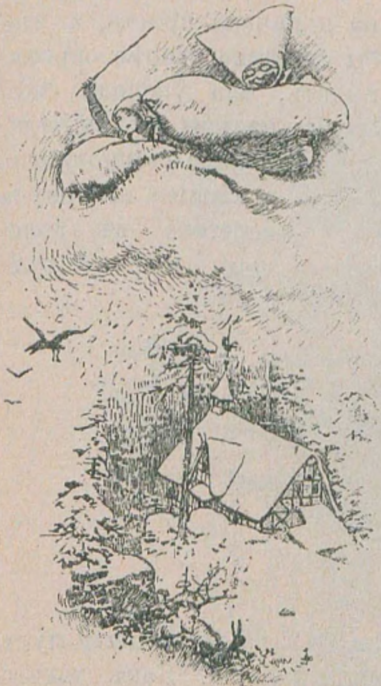
*) Поэтому говорятъ у нѣмцевъ, когда снѣгъ идетъ: „Госпожа Холле постель стелетъ“ *(Прим. авторовъ)*.



Вотъ и прожила она у госпожи Холле нѣсколько времени, а напослѣдокъ и заскучала; сначала-то и сама понять не могла, чего ей хочется, а только потомъ ужъ догадалась, что это у нея была тоска по родному дому; здѣсь хоть и было въ тысячу разъ лучше, нежели дома, а все-же ее тянуло туда. Въ концѣ-концовъ она и сказала старухѣ:

— Хочется мнѣ вернуться домой; хорошо мнѣ здѣсь у васъ, но я не могу оставаться дольше, — пора мнѣ опять наверхъ, къ своимъ.

Госпожа Холле молвила ей:



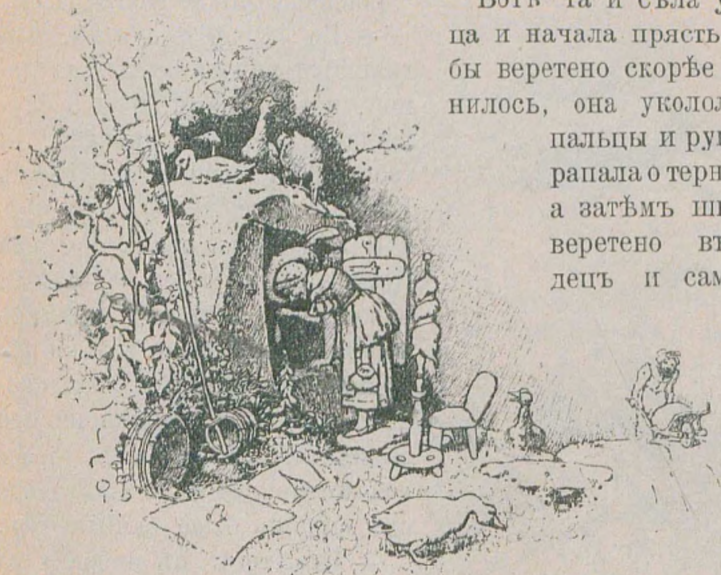
— По душѣ это мнѣ, что хочешь ты снова вернуться домой, и такъ какъ ты мнѣ служила вѣрой и правдой, я тебя сама вынесу на свѣтъ Божій.

И при этомъ взяла она ее за руку и подвела къ большимъ воротамъ. Ворота распахнулись передъ ней, и какъ только дѣвушка очутилась подъ ихъ сводомъ, вдругъ полился на нее обильный золотой дождь,—и все золото повисло на ней, такъ что она сплошь была залита имъ.

— Это тебѣ въ награду за то, что ты была всегда прилежна,—сказала госпожа Холле и подала ей сверхъ того и веретено, которое упало въ колодецъ. Затѣмъ ворота захлопнулись, а дѣвушка очутилась на землѣ около родного дома, а въ то время, какъ входила она во дворъ, пѣтухъ сидѣлъ на колодцѣ и запѣлъ:

„Кукуреку,—
Наша дѣвушка, вся въ золотѣ, снова наверху!..

А дѣвушка вошла къ матери, и такъ какъ вся она была облита золотомъ, то мать съ сестрою ее приняли привѣтливо. Дѣвушка все разсказала, что съ нею было, и какъ только мать услыхала, какое досталось ей огромное богатство,—захотѣлось ей, чтобы такое же точно счастье выпало на долю и другой дочери, уродливой и лѣнивой.



Вотъ та и сѣла у колодца и начала прясть, а чтобы веретено скорѣе окровянилось, она уколола себѣ пальцы и руки исцарапала о терновникъ, а затѣмъ швырнула веретено въ колодецъ и сама туда спрыгнула. Какъ и сестра, пришла она на роскошный лугъ и по той же самой тропинкѣ пошла дальше. Какъ только поравнялась она съ печкой, опять завопили хлѣбы:

— Ахъ, вынь насъ отсюда! Вынь насъ отсюда, не то мы сгоримъ; мы ужъ давнымъ-давно испеклись!

А лѣнивица на то и говоритъ:

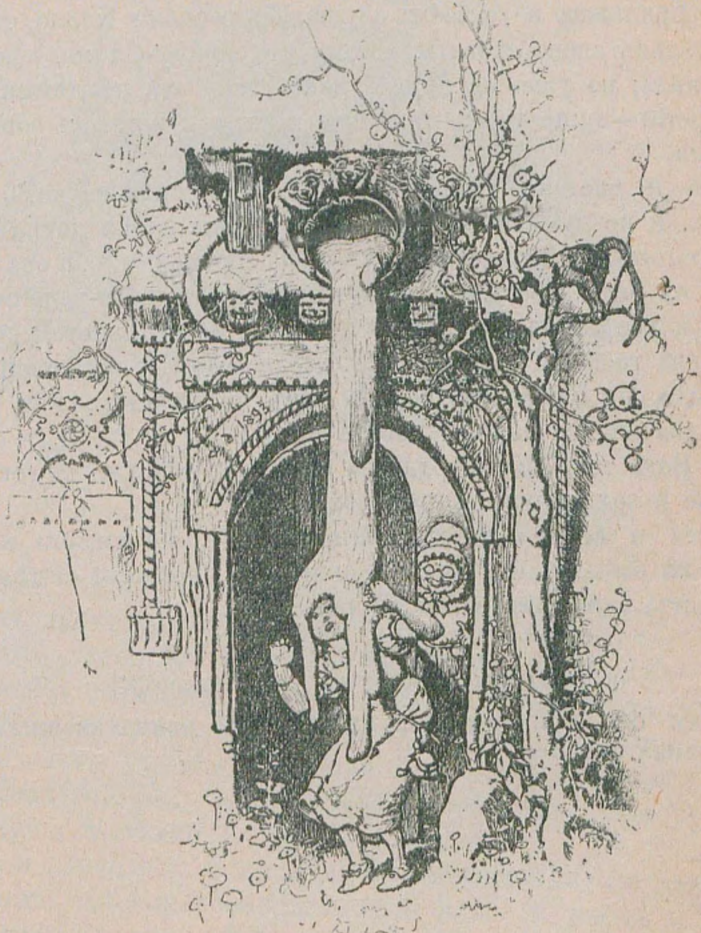
— Охота мнѣ еще пачкаться,—и пошла прочь.

Вскорѣ дошла она до яблони, и та крикнула ей:

— Ахъ, потряси меня, потряси меня,—всѣ яблоки на мнѣ одинъ другого спѣлѣе!

Она же отвѣтила:

— Какъ не такъ, держи карманъ. Чего добраго, яблоко то мнѣ въ голову угодитъ!—съ тѣмъ и пошла дальше.



Вотъ когда подошла она къ домику госпожи Холле, то нисколько не испугалась ея, потому что наслышалась про ея огромные зубы отъ сестры, и тотчасъ же поступила къ ней въ услуженіе.

Въ первый день взяла она себя въ руки, была страхъ какъ прилежна и во всемъ слушалась госпожу Холле, стоило той только слово сказать, потому что она все лишь о золотѣ и думала; но уже на другой день стала она лѣнтяйничать, на третій—пуще того,—такъ что поутру и вставать вовсе не хотѣла.

Она и постель госпожѣ Холле оправляла не какъ слѣдуетъ, и не думала взбивать такъ, чтобы перья летѣли.

Это госпожѣ Холле скорымъ-скоро прискучило, и она отказала ей отъ мѣста. А сама лѣнивица-то рада-радешенька тому и все ждетъ, вотъ-вотъ польется на нее золотой дождь. Подвела госпожа Холле и ее къ воротамъ, на прощанье, и когда она проходила черезъ нихъ, то вмѣсто золота опрокинулся на нее полный котелъ смолы.

— Вотъ тебѣ и награда за службу!.. — молвила госпожа Холле и захлопнула за нею ворота.

Такъ и вернулась лѣнивица назадъ, но вмѣсто золота вся она была облита смолой, и пѣтухъ, который сидѣлъ на колодцѣ, завидѣвъ ее, закричалъ:

„Кукуреку,—
наша дѣвушка-грязнушка снова наверху“!..

Такъ смола и осталась на ней и до конца ея жизни не отставала отъ нея.

„Съ-пальчикъ“.

Сидѣлъ какъ-то бѣдный крестьянинъ вечеромъ у очага и мѣшалъ дрова въ огнѣ, а жена его пряла около него.

— Эхъ, жаль, что дѣтокъ у насъ нѣтъ! Въ другихъ домахъ какое оживленіе, какое веселье, а у насъ тихо-тихо!..

— Да,—отвѣтила жена и вздохнула,—хоть бы одинъ ребенокъ былъ у насъ, и пускай бы совсѣмъ крошечный, съ палецъ ростомъ,—я и то была бы довольна... Мы бы въ немъ души не чаяли...

Вотъ и случилось, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя родился у нихъ ребенокъ, который хотя былъ не уродъ и тѣлосложенія сильнаго, да ростомъ-то былъ не больше безъимяннаго пальца; но родители были рады и сказали:

— А вѣдь вышло такъ, какъ мы желали; это будетъ наше любимое дитя...

Вотъ и назвали они его „Съ-пальчикъ“. Они кормили его, ничего не жалѣя, но ребенокъ больше не росъ и оставался такимъ же маленькимъ, какимъ родился. Глаза его блистали разумомъ, и вскорѣ мальчикъ доказалъ, что онъ былъ малый умный и расторопный, которому везло рѣшительно во всемъ, за что бы онъ ни взялся.

Собрался однажды крестьянинъ ѣхать по дрова и говоритъ женѣ:

— Ахъ, хорошо бы, кабы кто-нибудь за мной съ телѣгой поѣхалъ!

— Батюшка,—воскликнулъ „Съ-пальчикъ“,—да я поѣду съ телѣгой, положитесь на меня; идите себѣ, а къ сроку телѣга будетъ въ лѣсу.

Замялся тутъ отецъ и сказалъ:

— Да какъ же это? Ты такой маленькій, гдѣ же тебѣ вести лошадь подъ уздцы!..

— Это ничего не значитъ, батюшка. Матушка запряжетъ ее, а я сяду лошади въ ухо и стану покрикивать, куда ей слѣдуетъ идти.

— Ну, что-жъ,—отвѣтилъ отецъ,—попробуемъ, пожалуй, на этотъ разъ.

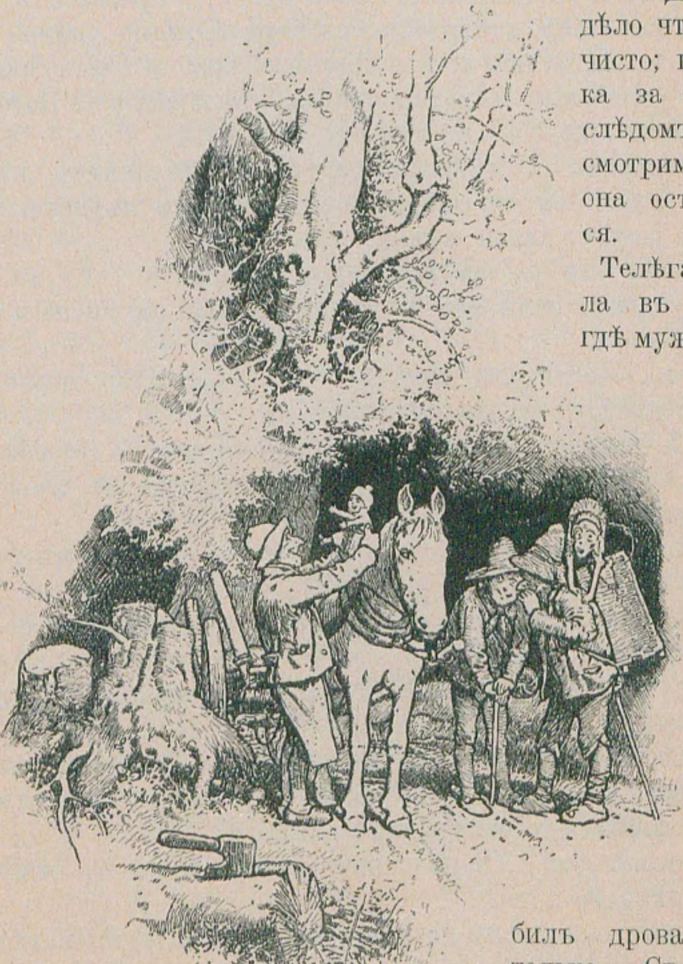
Вотъ, когда пришло время ѣхать за дровами, запрягла мать лошадь, усадила „Съ-пальчика“ въ лошадиное ухо, малютка и сталъ покрикивать, куда лошади надо идти:— „Но, да но“, „тпру“, „вправо“, „влѣво“,—и все шло своимъ чередомъ, какъ у мастера своего дѣла, и телѣга катилась прямехонькой дорогой въ лѣсъ.

Но когда они ѣхали по опушкѣ лѣса, гдѣ надо было свернуть въ сторону, и малютка кричалъ:— „Лѣвѣй, лѣвѣй!“...—шедшіе мимо два путника остановились въ недоумѣніи.

— Слышь-ка,—сказалъ одинъ,—что это значитъ? Ѣдетъ телѣга, и возница покрикиваетъ на лошадь, а самого его не видать.

— Да, тутъ дѣло что-то нечисто; пойдемъ ка за телѣгой слѣдомъ, да посмотримъ, гдѣ она остановится.

Телѣга въѣхала въ лѣсъ, гдѣ мужикъ рубилъ дрова Какъ только „Съ-нальчикъ“замѣтилъ отца, онъ закричалъ ему:



— Видишь, батюшка, вотъ я и пріѣхалъ! Ну-ка, вынь меня изъ уха!

Придержалъ отецъ лошадь лѣвой рукой, а правой вынулъ изъ уха сынишку, который, веселый-развеселый, усѣлся на соломинкѣ. Когда оба незнакомца замѣтили „Съ-пальчика“, они отъ удивленія сначала не знали, что и сказать. Потомъ отвелъ одинъ другого въ сторону и говоритъ:

— Слышь-ка, а маленькій парнишка принесетъ намъ счастье, ежели мы его станемъ показывать въ людномъ городѣ за деньги; давай купимъ его.

Подошли они къ крестьянину и сказали:

— Продайте намъ маленькаго человѣчка; ему у насъ будетъ хорошо...

— Нѣтъ, — отвѣчалъ отецъ, — это мой лучшій другъ, и я его не продамъ за все золото свѣта.

Но „Съ-пальчикъ“, какъ только услышалъ о торговлѣ, вскарабкался по складкамъ отцовскаго платья на плечо и прошепталъ ему на-ухо:

— Продай меня имъ, батюшка; я опять вернусь къ тебѣ назадъ...

Тогда отецъ и отдалъ его двумъ незнакомцамъ за большой слитокъ золота.

— Ну, гдѣ тебѣ удобнѣе сидѣть? — спросили путники „Съ-пальчика“.

— Посадите меня на поля вашей шляпы; я могу по нимъ разгуливать взадъ и впередъ да на окрестности любоваться, а ужъ свалиться-то оттуда не свалюсь.

Они согласились, „Съ-пальчикъ“ распростился съ отцомъ, и тронулись въ путь.

Такъ шли они вплоть до сумерокъ, какъ вдругъ малютка крикнулъ сверху:

— Снимите-ка меня внизъ!

— Оставайся наверху, — сказалъ тотъ, на чьей головѣ онъ сидѣлъ; — я на это вниманія не обращаю. Отъ тебя, какъ отъ птицы, большого вреда не будетъ...

— Нѣтъ, — сказалъ „Съ-пальчикъ“, — я знаю, какъ слѣдуетъ себя вести; снимите-ка меня скорѣе!

Снялъ человѣкъ шляпу и посадилъ малютку на пашню возлѣ дороги, а тотъ отпрыгнулъ въ сторону и поползъ между комочками земли—туда, сюда, потомъ внезапно скользнулъ въ мышиную норку, которую высмотрѣлъ себѣ заранѣе.

— Добрый вечеръ, господа хорошіе, идите-ка себѣ безъ меня дальше,—закричалъ онъ имъ со смѣхомъ, — а меня не найдете!..

Они бросились къ нему, стали тыкать палками въ мышиную норку, но это былъ безполезный трудъ. „Съ-пальчикъ“ залѣзалъ все глубже и глубже, а такъ какъ вскорѣ совсѣмъ стемнѣло, они и должны были, разгнѣванные, да еще съ пустымъ кошелькомъ, отправиться дальше восвояси.

Какъ только „Съ-пальчикъ“ замѣтилъ, что они ушли, онъ тотчасъ же выкарабкался на волю изъ-подъ земли.

— А вѣдь опасно бродить по полю въ темнотѣ,—сказалъ онъ,—можно легко свернуть шею или ногу сломать.

Да, на счастье, наткнулся онъ на пустую раковину улитки.

— Слава Богу, — сказалъ онъ, — здѣсь я могу безопасно провести ночь,—и забрался онъ въ нее. Только, было, завелъ онъ глаза, какъ слышитъ, идутъ мимо двое людей; одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Ну, такъ какъ же мы украдемъ у богатаго пастора деньги и серебро?..

— Я бы тебѣ сказалъ, какъ!—крикнулъ вдругъ „Съ-пальчикъ“, да какъ крикнулъ-то!

— Это что такое? — спросилъ испуганный воръ.—Кто это тамъ пискнулъ въ отвѣтъ?..

Остановились они и стали прислушиваться, а „Съ-пальчикъ“ кричитъ снова:

— Возьмите меня съ собой, я вамъ охотно помогу!

— Да гдѣ же ты?

— Шарьте по землѣ да прислушивайтесь, откуда я стану подавать голосъ,—отвѣтилъ онъ.

И нашли его, наконецъ, воры и подняли его.

— Ты, маленькое созданьице, чѣмъ же ты намъ поможешь?—сказали они.

— Слушайте,—отвѣтилъ онъ,—я пролѣзу между желѣзными прутьями въ кладовую и стану вамъ бросать оттуда то, что вы захотите.

— Ладно,—сказали они,—посмотримъ, какъ-то ты на это способенъ.

Когда они пришли къ пасторскому дому, „Съ-пальчикъ“ вползъ въ кладовую да какъ закричитъ изо всѣхъ силъ:

— Вы что же, хотите все взять, что тутъ есть?

Перепугались воры и говорятъ:

— Говори тише, а то услышатъ.

А „Съ-пальчикъ“ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ ихъ, и какъ нарочно заоралъ во весь голосъ:

— Да что же вамъ надо-то? Или вы хотите взять все, что тутъ есть?

Услыхала это кухарка, которая спала въ горницѣ, приподнялась на кровати и прислушалась. А воры отъ страха отбѣжали немного въ сторону да потомъ снова съ духомъ собрались и подумали:—„Маленькій коропузъ дразнитъ насъ“...

Вернулись они назадъ и шепчутъ ему:

— Ну, ну давай намъ сюда что-нибудь!..

Тутъ „Съ-пальчикъ“ заоралъ еще разъ, какъ только могъ громко:

— Я вамъ все, все передамъ! Протягивайте сюда только руки!..

Услышала это кухарка совершенно явственно, спрыгнула съ кровати и выскочила за дверь.

А воры бросились бѣжать и понеслись сломя голову, такъ быстро, словно дикая свора собакъ гналась за ними; кухарка ничего не замѣтила и пошла за свѣчкой. А когда она вернулась, „Съ-пальчикъ“, не замѣченный ею, успѣлъ ужъ пробраться въ овинъ; кухарка обшарила всѣ уголки, но ничего рѣшительно не нашла и снова улеглась въ постель, думая, что все это ей просто пригрезилось.

А „Съ-пальчикъ“ забрался въ сѣно, отыскалъ себѣ укромное мѣстечко, рѣшилъ выспаться до утра, а потомъ отправиться домой.

Но ему предстояло испытать еще многое. Да, много на бѣломъ свѣтѣ огорченій и бѣдствій! Утромъ кухарка отправилась за кормомъ для скотины на сѣновалъ, захватила охапку сѣна, а вмѣстѣ съ нимъ и бѣднаго „Съ-пальчика“. А тотъ спалъ такъ крѣпко, что ничего и не почувствовалъ, и проснулся уже на языкѣ у коровы, которая захватила его вмѣстѣ съ сѣномъ.

— Ахъ, Боже мой,—воскликнулъ онъ,—да какъ же это я сюда попалъ?

Вотъ и нужно было ему теперь увертываться, чтобы не попасться на зубокъ коровѣ, а въ концѣ-концовъ все-таки пришлось попасть въ желудокъ.

— Э, да здѣсь забыли прорубить окошки,—сказалъ онъ,— и солнышко сюда не заглядываетъ!

Вообще квартира ему показалась изъ рукъ вонъ плохою, а что всего хуже,—такъ это то, что постоянно прибывало въ дверку все больше и больше сѣна, и ему становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Вотъ онъ, наконецъ, крикнулъ въ ужасѣ:

— Не давайте больше свѣжаго корма коровѣ!..

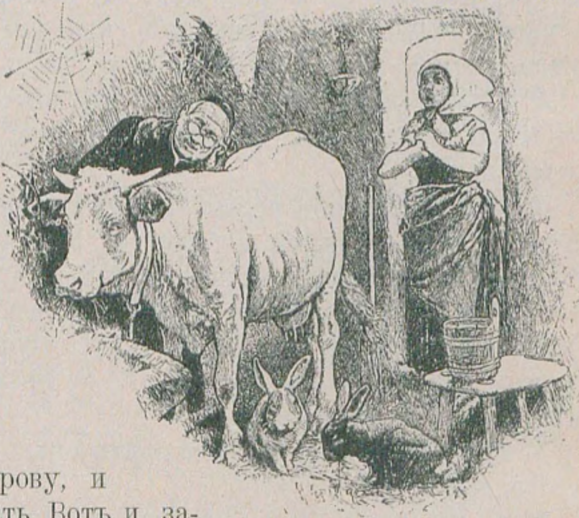
Кухарка въ это время какъ-разъ доила корову, какъ услыхала голосъ, который ей чудился и ночью; перепугалась она, покатилась со скамейки и все молоко пролила.

Въ страхѣ бросилась она къ хозяину и крикнула:

— Ахъ, Боже! Господинъ пасторъ, корова-то наша говоритъ!..

— Да ты съ ума сошла!—отвѣтилъ пасторъ, однако, пошелъ въ стойло полюбопытствовать, что-де такое тамъ творится. Но только онъ занесъ ногу за порогъ, завопилъ «Съ-пальчикъ» сызнова:

— Да не давайте мнѣ больше корму, господа!..



Самъ пасторъ перепугался и подумалъ, это нечистая сила забралась въ корову, и велѣлъ ее зарѣзать. Вотъ и зарѣзали корову, а самый желудокъ, гдѣ «Съ-пальчикъ» сидѣлъ, бросили надворъ. «Съ-пальчикъ» съ большимъ усиліемъ сталъ работать, выбиваться на волю, а это стоило трудовъ не малыхъ, и только, было, хотѣлъ наружу высунуться, какъ на бѣду прибѣжалъ голодный волкъ да весь желудокъ цѣликомъ и проглотилъ.

Не струхнулъ «Съ-пальчикъ», однако.—«Быть-можетъ,—подумалъ онъ,—волкъ со мной поговоритъ по душѣ»,—и крикнулъ онъ ему изъ брюха:

— Милѣйшій волкъ, хочешь, я тебя вкуснымъ накормлю?

— А гдѣ его достать?—сказалъ волкъ.

— А вотъ въ такомъ-то и такомъ-то домѣ; ты только долженъ влѣзть туда черезъ трубу; тамъ пироговъ, сала и колбасы столько, что ты не съѣшь!..—И описалъ ему подробно отцовскій домъ. А волкъ и послушался, живо нашелъ домъ, спустился черезъ трубу въ кладовую и наѣлся тамъ всякой всячины до отвалу. Но когда онъ задумалъ бѣжать, то ужъ прежней дорогой пролѣзть не могъ.

А на это-то именно «Съ-пальчикъ» и разсчитывалъ; вотъ и поднялъ онъ въ желудкѣ волка невообразимую возню, застоналъ, закричалъ во весь голосъ.

— Молчи,—сказалъ волкъ,—ты разбудишь людей!

— А мнѣ-то что,—отвѣтилъ малютка;—тебѣ хорошо, ты сытъ, и я хочу повеселиться...—и ну опять изо всей силы кричать.

Проснулись, наконецъ, отъ этого крика его отецъ и мать, бросились къ каморкѣ да въ щелочку и заглянули. Какъ увидѣли они, что волкъ хозяйничаетъ у нихъ, мужъ схватилъ топоръ, а жена—косу.

— Стой около,—сказалъ мужъ женѣ,—если я промахнусь, тогда ударь его косой по брюху.

Услышалъ „Съ-пальчикъ“ голосъ своего отца и закричалъ ему:

— Милый, батюшка, я сижу въ животѣ у волка, который меня проглотилъ.

— Слава Богу,—сказалъ радостно отецъ,—нашъ милый „Съ-пальчикъ“ вернулся-таки!

Размахнулся онъ топоромъ и ударилъ волка по головѣ, и волкъ упалъ замертво; распороли старики брюхо у мертваго волка и вынули малютку.

— Ахъ, какъ мы о тебѣ безпокоились!—сказалъ отецъ.

— Да, батюшка, я-таки постранствовалъ по свѣту!

— Гдѣ же это ты побывалъ?

— Былъ я и въ мышиной норѣ, и въ желудкѣ у коровы, и въ брюхѣ у волка, а теперь ужъ я останусь съ вами.

— И мы тебя больше не продадимъ ни за какія сокровища міра,—сказали отецъ и мать, накормили, напоили его, а потомъ заказали ему новое платье, такъ какъ старое въ путешествіи пообносилось.

Госпожа лисичка.

ПЕРВАЯ СКАЗКА.

Жилъ-былъ однажды старый Лисъ о девяти хвостахъ, который, думая уличить жену во лжи, задумалъ ее испытать. Вотъ и растянулся онъ подъ лавкой и прикинулся, будто бы онъ умеръ. Госпожа Лисичка пошла къ себѣ въ комнату, заперлась тамъ, а ея служанка, маленькая кошечка, сидѣла па очагѣ и стряпала. Какъ только другіе Лисы прознали, что старый Лисъ умеръ, такъ и стали къ вдовѣ свататься.

Вотъ и услыхала разъ служанка, какъ кто-то остановился передъ наружною дверью и постучался; пошла она, отворила дверь, а это былъ юный Лисъ.

„Слушай, котя-молодайка,
„Спитъ иль нѣтъ твоя хозяйка?“

Она отвѣчала:

„Я дежурю, мнѣ не спится.
„Хочешь знать, что здѣсь творится, —
„Такъ входи и гостемъ будь!“...

— Благодарю васъ, сударыня, — сказалъ Лисъ, — ну-съ, такъ что же дѣлаетъ госпожа Лисичка?

Служанка отвѣтила:

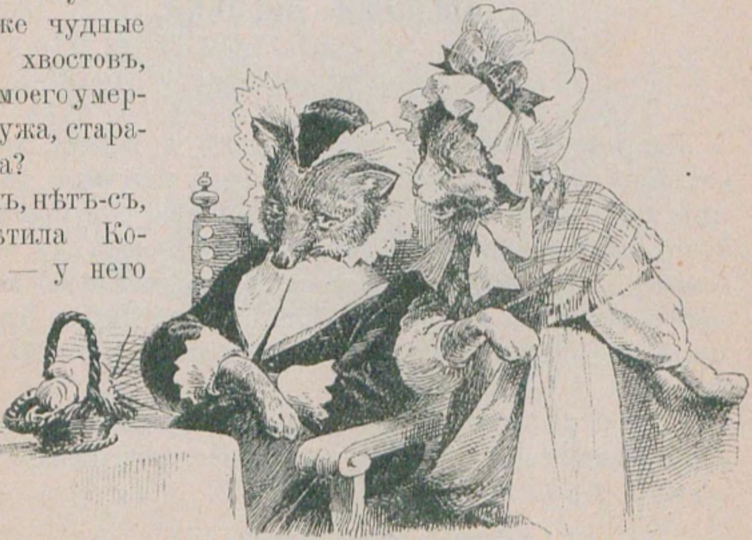
— „Все въ каморкѣ на запорѣ
„Знай, оплакиваетъ горе!“...

— Доложи ей, дѣвушка: молодой-де Лисъ пришелъ, сватается къ ней.

Пошла тутъ киска трипъ да тропъ,
И въ дверку стукнула клипъ-клопъ!..
—„Вы здѣсь, сударыня?.. Васъ ждутъ!“...
—Ахъ, киска, я, конечно, тутъ!..
—„Женихъ явился въ гости къ вамъ!“...

— А что у него такіе же чудные девять хвостовъ, какъ у моего умершаго мужа, стараго Лиса?

— Ахъ, нѣтъ-съ, — отвѣтила Кошечка, — у него только одинъ единственный хвостъ!..



— Ну, такъ я его и знать не хочу!

Молодая Кошечка сошла внизъ и выпроводила жениха.

Вскорѣ послѣ того постучался другой Лисъ, который тоже сватался къ госпожѣ Лисичкѣ; у него было два хвоста, но и его участь была не лучше перваго. Затѣмъ приходили еще и другіе, и у каждаго однимъ хвостомъ было больше разъ отъ разу, — до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не явился такой, у котораго было девять хвостовъ, какъ у стараго Лиса. Обрадовалась Лисичка и говоритъ Кошечкѣ:

„Пойди пригласи его въ гости теперь
„И выброси стараго Лиса за дверь!“...

Какъ зашевелится старый Лисъ подъ скамейкой, какъ выскочитъ да начнетъ трепать всѣхъ гостей и выгналъ изъ дому всю эту компанію.

ВТОРАЯ СКАЗКА.

Когда старый Лисъ умеръ въ самомъ дѣлѣ, явился новый женихъ, сѣрый волкъ. Постучался въ дверь, и Кошечка отперла ему дверь. Поздоровался съ нею Волкъ и говоритъ:

„Здравствуй, Киска, добрый день,
„Все работаешь проворно!“

Кошка отвѣтила:

„Мнѣ работать вѣкъ не лѣнь,
„Просимъ милости покорно,
„Будьте гостемъ дорогимъ!“...

— Очень вами благодаренъ, госпожа Киска! — отвѣтилъ волкъ. — А что госпожа Лисичка дома?

—„Да въ каморкѣ на запорѣ
„Все оплакиваетъ горе,
„Такъ какъ умеръ сударь Лисъ!“

Волкъ отвѣчалъ:

„Доложи-ка ей скорѣй,
„Волкъ, молъ, сватается къ ней!“...
Кошка кверху побѣжала,
Въ дверь тихонько постучала:
—„Волкъ къ вамъ свататься пришелъ!“...

— А есть на господинѣ красненькія штанишки и остренькая ли у него мордочка? — спросила Лисичка изъ-за двери.

— Нѣтъ-съ,—отвѣтила Кошка.

— Такъ гони его прочь!..

Послѣ волка приходили еще собака, олень, заяцъ, медвѣдь, левъ и всѣ лѣсные звѣри. Но у каждаго по сравненію съ старымъ Лисомъ было много недостатковъ, и Кошечкѣ приходилось каждый разъ отказывать женихамъ. Наконецъ, пришелъ молоденькій Лисенокъ. И спросила госпожа Лисичка:

— Есть ли на господинѣ красненькія штанишки и острая ли у него мордочка?

— Да-съ,—сказала Кошечка,—все какъ слѣдуетъ...

— Такъ пусть онъ приходитъ сюда!—сказала госпожа Лисичка и приказала служанкѣ готовить все къ свадьбѣ:

„Выкинь Лиса вонъ изъ залы,
„Былъ онъ жаденъ небывало,
„Онъ со мною былъ неправъ:
„Мышку жирную поймавъ,
„Съѣсть ее онъ торопился,
„А со мною не дѣлился!“...

Вотъ и была отпразднована ихъ свадьба; попировали, потанцовали вволю, и ежели они не перестали танцовать, то, вѣроятно, пляшутъ еще и теперь.

Сказка про домовыхъ.

ПЕРВАЯ СКАЗКА.

Жилъ-былъ бѣдный сапожникъ, у котораго дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо, такъ что въ концѣ-концовъ у него ничего не осталось, кромѣ куска кожи для одной пары сапогъ. Вотъ онъ какъ-то вечеромъ и скроилъ башмаки, чтобы на-утро приняться за работу, а такъ какъ совѣсть у него была совершенно чиста, онъ какъ только улегся въ постель, такъ и заснулъ. На-утро всталъ, помолился, хотѣлъ за работу приняться, глядь, а оба башмака готовые на его верстакѣ стоятъ. Диву дался онъ и ничего понять не можетъ, что это такое значитъ.

Взялъ онъ башмаки и видитъ, что сработаны они до того изящно, что стежка неправильнаго даже не было.

Вскорѣ послѣ того явился и покупатель, которому эти башмаки такъ приглянулись, что онъ заплатилъ за нихъ больше, чѣмъ можно было ожидать. Сапожникъ на эти деньги купилъ себѣ кожи на двѣ пары башмаковъ, скроилъ ихъ вечеромъ и хотѣлъ на слѣдующее утро со свѣжими силами приняться за работу; да этого не пришлось, потому что когда онъ всталъ, башмаки были уже готовы. Къ тому же ихъ сейчасъ же и купили, заплативъ ему за нихъ столько, что онъ могъ закупить кожи сразу на четыре пары. Рано поутру онъ снова нашелъ всѣ четыре пары готовыми. И такъ дѣло пошло и дальше: что съ вечера онъ, бывало, скроитъ, то къ утру и сработано, такъ что вскорѣ въ домѣ водворился достатокъ, сапожникъ сталъ зажиточнымъ человѣкомъ.

Ну, вотъ однажды вечеромъ, передъ Рождествомъ, когда мужъ снова скроилъ башмаки, передъ отходомъ ко сну, онъ и скажи своей женѣ:

— А что, ежели бы намъ не спать эту ночь да подсмотрѣть, кто это помогаетъ намъ въ работѣ?

Жена съ радостью согласилась на это, вотъ они и запрятались по угламъ, за платьями, которыя тамъ были развѣшаны, и ждутъ, что-то будетъ дальше.

Вотъ какъ настала полночь, явились два крохотныхъ, хорошенькихъ человѣчка, усѣлись передъ сапожнымъ верстакомъ, разобрали все, что было скроено, и такъ расторопно и поспѣшно принялись шить да постукивать молоточками, что сапожникъ диву дался и глазъ отъ нихъ оторвать не могъ. И не раньше бросили они работать, покамѣстъ все не было окончено; тогда только они убрались восвояси.

На другое утро жена и сказала:

— Маленькіе человѣчки обогатили насъ, и мы ихъ должны отблагодарить за это. Вѣдь, на нихъ и порядочной одежды нѣтъ; чай, они мерзнутъ отъ холода. Знаешь что? Сошью-ка я для нихъ рубашечекъ, свяжу по парѣ чулокъ, а ты стачай имъ двѣ пары башмачковъ.

— Хорошо,—сказалъ сапожникъ.

— И вечеромъ сложили они всѣ свои подарки на столъ вмѣсто обычной скроенной работы и затѣмъ спрятались, чтобы посмотрѣть, какъ человѣчки отнесутся къ этому. Въ полночь выскочили домовые къ столу и хотѣли, было, приняться за работу и увидѣли свои подарки; сначала они подивились, а потомъ страшно обрадовались.

Поспѣшно нарядились они и запѣли:

„Ну, вотъ мы одѣты!.. Теперь уже намъ
„Довольно работать по цѣлымъ ночамъ".

И ну прыгать да плясать, перескакивать черезъ стулья и скамейки, а потомъ и пропали.

И съ тѣхъ поръ домовые уже не показывались, но сапожнику во всемъ везло по-прежнему, и счастье никогда не измѣняло ему въ работѣ...

ВТОРАЯ СКАЗКА.

Была однажды бѣдная служанка, прилежная и трудолюбивая; каждый день она старательно выметала комнаты во всемъ домѣ, а соръ выносила на дворъ, въ особое мѣсто. Однажды утромъ, только, было, она собралась приняться за работу, какъ вдругъ нашла какое-то письмо; отнесла она письмо хозяину; это было письмо отъ домовыхъ, которые звали дѣвушку быть воспріемницей ихъ ребенка. Дѣвушка просто не знала, что ей дѣлать, но потомъ согласилась. Пришли къ ней трое домовыхъ и повели ее въ горы, гдѣ жили малютки. Все тамъ было маленькое, но такое изящное и роскошное, что и сказать невозможно. Мать ребенка лежала на кровати чернаго дерева, отдѣланной жемчужными пугов-

ками; одѣяло было золототканное, а колыбель—изъ слоновой кости. Вотъ дѣвушка обласкала маленькаго домового и стала, было, домой собираться; но домовые принялись неотступно уговаривать ее три дня прогостить у нихъ. Она и осталась у нихъ, и малютки старались все дѣлать ей въ угоду, такъ что она весело провела время.

Наконецъ, собралась она въ обратный путь,—и домовые прежде всего набили ей золотомъ полные карманы и вывели ее затѣмъ изъ горы на вольный свѣтъ.

Вернулась дѣвушка домой и хотѣла, было, приняться за свою работу,—взяла метелку въ руки, которая все еще стояла въ углу, и принялась мести.

И вдругъ выходятъ къ ней совершенно незнакомые люди и спрашиваютъ ее, кто она такая и что ей здѣсь надо.

Оказалось, что не три дня, какъ ей казалось, а цѣлыхъ семь лѣтъ пробыла она у маленькихъ человѣчковъ въ горѣ, а ея прежніе господа за это время уже умерли.

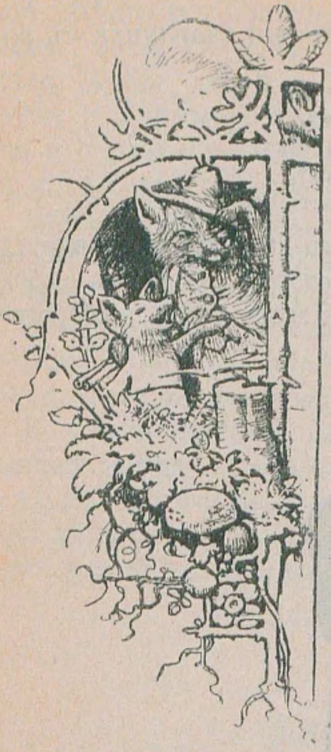
ТРЕТЬЯ СКАЗКА.

У одной матери домовые утащили изъ колыбели ребенка, а ей положили головастаго, пучеглазаго оборотня, которому только и дѣла было, что бéзперечь ѣсть да пить. Въ горѣ отправилась она къ сосѣдкѣ и спросила ее, что ей дѣлать. Сосѣдка и сказала, чтобы она снесла оборотня въ кухню, посадила его на очагъ, развела огонь и вскипятила воды въ двухъ яичныхъ скорлупкахъ: это-де разсмѣшитъ оборотня, а когда онъ покатится со смѣху,—ему крышка будетъ.

Вотъ женщина все такъ и сдѣлала, какъ ей сосѣдка посовѣтовала. Когда она поставила яичныя скорлупки съ водою надъ огнемъ, голованъ сказалъ:

„Хоть я очень старый бѣсъ,
„Какъ дремучій, темный лѣсъ,—
„Но не видѣлъ, право, сроду,
„Какъ въ скорлупкахъ варятъ воду!“

И сталъ онъ надъ этимъ хохотать да хохотать; и вдругъ появилось множество домовыхъ, которые несли съ собою похищеннаго ребенка; они посадили его на очагъ, а оборотня захватили съ собою и унесли прочь.



Разбойникъ-женихъ.

Жилъ-поживалъ однажды мельникъ, у котораго была красавица-дочь; одного онъ только и желалъ, какъ бы выдать ее замужъ за хорошаго человѣка. „Только явится хорошій человѣкъ свататься, я и отдамъ ее за него“.

Немного спустя, точно, явился женихъ, который съ виду былъ очень богатъ, и мельникъ согласился выдать за него дочь.

Однако, дѣвушкѣ женихъ пришелся не больно по душѣ; только, бывало, взглянетъ она на него или подумаетъ о немъ,—страхъ какой-то охватываетъ ея сердце.

Вотъ однажды женихъ и говоритъ ей:

— Отчего ты ни разу не была у меня въ домѣ?

— Я не знаю, гдѣ и домъ-то вашъ,—сказала она.

— Мой домъ стоитъ въ лѣсу. Приходи, хоть это и далеко отсюда.

Стала она тутъ отговариваться всячески, говорила, что-де дороги она, пожалуй, къ нему не найдетъ, но женихъ ей сказалъ:

— Въ слѣдующее воскресенье ты должна ко мнѣ придти, я ужъ и гостей пригласилъ; а чтобы ты могла найти дорогу въ лѣсу, я тебѣ посыплю тропинку золою.

Вотъ и пришлось дѣвушкѣ въ воскресенье отправляться въ путь-дорогу, и напалъ на нее невѣроятный страхъ,—отчего—она и сама не знала,—и чтобы съ дороги потомъ не сбиться, набила она оба кармана горохомъ и чечевицей. Отъ опушки лѣса была насыпана дорожкою зола, по которой она и пошла; однако, на каждомъ шагу она бросала на землю то налѣво, то направо по нѣскольку горошинъ. Почти цѣлый день шла она и очутилась въ глухой чащѣ лѣса, гдѣ стоялъ одинокій домикъ, который ей не понравился: такимъ казался онъ съ виду мрачнымъ и неуютнымъ.

Вошла она въ домикъ: тамъ никого не было, и глубокая тишина царила въ немъ. Внезапно какой-то голосъ воскликнулъ:

„Бѣги отсюда прочь, невѣста:
„Ты въ станъ разбойничій пришла, и здѣсь тебѣ не мѣсто!“...

Вскинула дѣвушка глазами и замѣтила, что это птичка въ клѣткѣ подала ей голосъ.

Пошла дѣвушка изъ одной горницы въ другую, по всему дому, но онъ былъ пустъ, ни одной души человѣческой не было здѣсь. Спустилась она, наконецъ, и въ погребъ; тамъ сидѣла какая-то старуха, у которой отъ дряхлости ужъ тряслась голова.

— Не можете ли вы мнѣ сказать,—молвила дѣвушка,—не здѣсь ли живетъ мой женихъ?

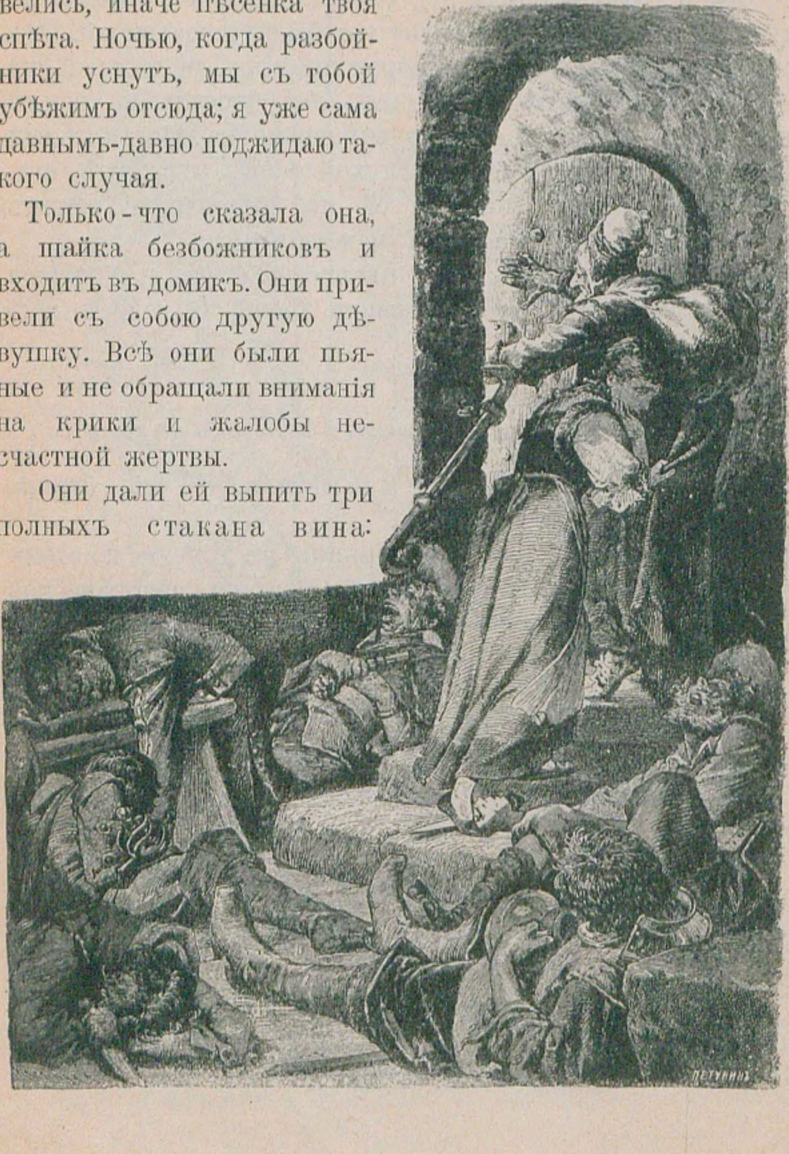
— Ахъ, бѣдное мое дитя!—отвѣтила старуха.—Куда ты зашла? Вѣдь, ты—въ разбойничьемъ логовѣ. Ты думаешь, что ты невѣста и скоро отпразднуешь свою свадьбу; но свадьбу свою справишь ты со смертью. Видишь, на очагѣ огромный котелъ съ водою; какъ только они тебя увидятъ,—разрубятъ тебя на куски, сварятъ и съѣдятъ, потому что они—людоѣды... Коли не сжалюсь я надъ тобою да не спасу тебя,—ты погибла.

И спрятала ее старуха за огромную бочку.

— Сиди тихо, какъ мышенокъ,—сказала она,—не шевелись, иначе пѣсенка твоя спѣта. Ночью, когда разбойники уснутъ, мы съ тобой убѣжимъ отсюда; я уже сама давнымъ-давно поджидаю такого случая.

Только-что сказала она, а шайка безбожниковъ и входитъ въ домикъ. Они привели съ собою другую дѣвушку. Всѣ они были пьяные и не обращали вниманія на крики и жалобы несчастной жертвы.

Они дали ей выпить три полныхъ стакана вина:



одинъ стаканъ—бѣлаго, одинъ стаканъ — краснаго и одинъ стаканъ—желтаго. Потомъ сорвали съ нея одежду, повалили на столъ, разрубили на куски и посыпали солью.

А бѣдная невѣста, сидя за бочкой, дрожмя-дрожала и молилась, видя, какую судьбу готовили ей разбойники.

Одинъ изъ нихъ замѣтилъ на мизинцѣ убитой золотое кольцо, а такъ какъ снять его онъ не могъ, то схватилъ топоръ и отсѣкъ ей палецъ; отскочилъ палецъ, перелетѣвъ за бочку, и упалъ къ невѣстѣ на колѣни. Разбойникъ взялъ, было, свѣчку и хотѣлъ его разыскивать, да долго никакъ не могъ найти. Тутъ другой ему и сказалъ:

— А за большою-то бочкою тоже шарилъ?

Но старуха крикнула:

— Идите, что ли, закусывайте, а поиски до утра отложите: не убѣжитъ, я чай, отъ васъ палецъ-то!..

Разбойники согласились и сказали:—„Старуха-то права“,— бросили поиски и сѣли за ѣду; а старуха подлила имъ въ вино соннаго питья, такъ что они скоро тутъ же, въ погребѣ, улеглись и крѣпко заснули.

Какъ только услышала это невѣста, вышла она изъ-за бочки и осторожно пробралась черезъ спящихъ, которые лежали на полу. Старуха вышла вмѣстѣ съ нею, бросилась бѣжать сломя голову изъ разбойничьяго логовища. Насыпанную по дорожкѣ золу вѣтромъ развѣяло, но зато горохъ и чечевица пустили ростки и уже настолько взошли, что указывали имъ при мѣсячномъ сіяніи дорогу. Цѣлую ночь шли онѣ и къ утру прибыли на мельницу. И повѣдала тутъ дѣвушка своему отцу, какъ все дѣло было.

Вотъ когда насталъ день празднованія свадьбы, прибылъ и женихъ, а мельникъ заранѣе еще пригласилъ къ себѣ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ. Вотъ когда сидѣли они за столомъ, каждому пришлось по очереди разсказывать что-нибудь. Невѣста же сидѣла молча и словомъ не обмолвилась. И сказалъ невѣстѣ женихъ:

— Ну, сердце мое, а ты ничего не знаешь? Разскажи-ка намъ что-нибудь.

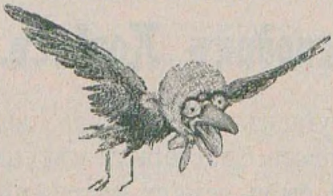
— Коли такъ, —отвѣчала та,—разскажу я вамъ одинъ сонъ. Шла я одна-одинешенька лѣсомъ и пришла къ дому, гдѣ не было и единой души человѣческой; только на стѣнѣ висѣла въ клѣткѣ птичка, которая крикнула:

„Бѣги отсюда прочь, невѣста:
„Ты въ станъ разбойничій пришла, и здѣсь тебѣ не мѣсто!“

—Сокровище мое, не тревожься, вѣдь все это мнѣ только снилось... Вотъ и пошла я бродить по всѣмъ горницамъ, и всѣ онѣ были пустехоньки, и было мнѣ такъ жутко въ нихъ; вотъ и сошла я, наконецъ, въ погребъ, а тамъ сидѣла какая-то старуха, у которой голова тряслась отъ дряхлости. Я спросила ее:—„Въ этомъ домѣ живетъ женихъ мой?“—она отвѣчала:—„Ахъ, бѣдное мое дитя! Ты попала въ разбойничье логово; твой женихъ здѣсь живетъ, только хочетъ онъ тебя изрубить въ куски, потомъ сварить тебя и съѣсть“...— Сокровище мое, все это мнѣ лишь снилось... Запрятала меня старуха позади огромной бочки; вернулись разбойники и привели съ собою молодую женщину, и дали они ей выпить вина трехъ сортовъ—бѣлаго, краснаго и желтаго,—и сердце ея замерло отъ того... Сокровище мое, все это мнѣ лишь снилось...—И затѣмъ сорвали они съ нея богатыя платья, разрубили ее на куски и солью ее посыпали...— Сокровище мое, все это мнѣ лишь снилось... И тутъ одинъ изъ разбойниковъ замѣтилъ, что на мизинцѣ осталось золотое кольцо, и такъ какъ оно трудно ему поддавалось, разбойникъ схватилъ топоръ и отсѣкъ его; но палецъ подскочилъ кверху, перелетѣлъ черезъ бочку и упалъ мнѣ прямо на колѣни. И вотъ онъ, этотъ палецъ, да еще и съ кольцомъ вмѣстѣ!..

И съ этими словами вынула она палецъ и показала присутствовавшимъ.

Разбойникъ, который сидѣлъ во все время разсказа бѣлый, какъ мѣлъ, вскочилъ и хотѣлъ, было, скрыться, но гости схватили его и передали властямъ. И онъ самъ, и вся его шайка были казнены за свои постыдныя дѣянія.



Господинъ Корбесъ.

Жили-были пѣтушокъ да курочка, которые собрались однажды путешествовать. Смастерилъ пѣтушокъ расчудесную телѣжку, у которой были четыре красныхъ колесика, и запрягъ въ нее четырехъ мышатъ. Курочка усѣлась съ пѣтушкомъ, и поѣхали они оба со двора долой.

Немного спустя встрѣтилась имъ кошка и спрашиваетъ:

— Куда это вы направляетесь?

Пѣтушокъ отвѣчалъ:

—Такъ вотъ ѣдемъ съ ней вдвоемъ
Къ господину Кòрбесъ въ домъ.

— Захватите и меня съ собою,—сказала кошка.

— Ну, что-жъ, садись сзади,—говоритъ пѣтушокъ,—а то съ передка ты, пожалуй, свалишься...

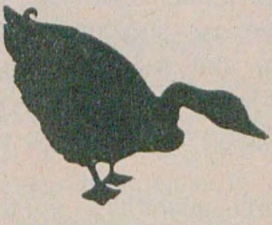
— Сядь, но ты смотри, чудачка,
Мнѣ колесъ-то не запачкай...
Вы, колесики, катитесь,
Вы, мышатки, торопитесь,
Ѣдѣмъ, ѣдемъ мы втроемъ
Къ господину Кòрбесъ въ домъ.

Вслѣдъ за тѣмъ повстрѣчался жерновъ, потомъ—яйцо, затѣмъ — утка, потомъ — булавка и въ концѣ-концовъ иголка, и всѣ-то они усѣлись въ телѣжку и поѣхали путемъ-дорогой.

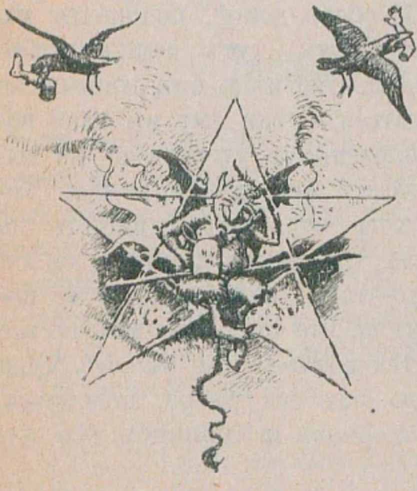
Но когда они прибыли къ господину Ко̀рбесъ, самого господина Ко̀рбесъ дома не было. Мышки вкатили телѣжку въ сѣновалъ, пѣтушокъ съ курочкой взлетѣли на нашесть, кошка усѣлась въ каминъ, утка—на колодезный насосъ, яичко завернулось въ полотенце, булавка воткнулась въ сидѣнье стула, иголка вспрыгнула на кровать и уткнулась въ подушку, а жерновъ улегся надъ дверью.

Вотъ пріѣхалъ господинъ Ко̀рбесъ домой, подошелъ къ камину и хотѣлъ, было, огонь вздуть,—тутъ кошка прямо въ лицо ему золой и швырнула... Бросился онъ впопыхахъ въ кухню и хотѣлъ, было, умыться,—утка ему въ лицо водою брызнула. Хотѣлъ онъ полотенцемъ утереться,—да выкатилось яичко оттуда, лопнуло и глаза ему залѣпило. Хотѣлъ, было, онъ отдохнуть хоть чуть-чуть, присѣлъ на стулъ, а булавка его и уколола. Въ ярость пришелъ онъ и бросился на кровать, но только-что опустилъ голову на подушку, иголка такъ его кольнула, что онъ завопилъ во все горло и внѣ себя отъ бѣшенства хотѣлъ уже бѣжать, куда глаза глядятъ. Но только-что онъ къ двери подошелъ, спрыгнулъ на него сверху жерновъ и пришибъ его насмерть.

Господинъ Ко̀рбесъ, надо полагать, былъ изъ ряду вонъ злой человѣкъ.



Господинъ Кумакекъ.



У одного бѣдняка было такъ много дѣтей, что у него чуть не весь свѣтъ въ кумовьяхъ перебывалъ, и вотъ когда у него родился еще одинъ ребенокъ, то не оставалось ужъ ни одного человѣка, кого бы онъ могъ пригласить. И приснилось ему ночью, что вотъ-де долженъ онъ выйти за ворота и перваго встрѣчнаго просить къ себѣ въ кумовья. Проснулся бѣднякъ, пошелъ за ворота и перваго, кто ему встрѣтился, попросилъ въ кумовья.

Незнакомецъ подалъ ему бутылочку съ водой и сказалъ:

— Это—чудодѣйственная вода,—ею ты можешь вылѣчивать больныхъ; только ты долженъ слѣдить за тѣмъ, гдѣ стоитъ смерть. Стоитъ она въ головахъ,—давай воду больному, и онъ выздоровѣетъ; но ежели смерть стоитъ въ ногахъ, всѣ попытки будутъ напрасны: онъ долженъ будетъ умереть.

Съ этихъ поръ этотъ человѣкъ могъ постоянно заранѣе предсказывать, будетъ ли больной спасенъ, или нѣтъ, и прославился онъ своимъ искусствомъ и заработалъ много денегъ.

Былъ онъ однажды позванъ къ королевскому ребенку, и когда онъ вошелъ, то увидѣлъ смерть, стоящую въ головахъ, и вылѣчилъ онъ ребенка водою; то же повторилось и во второй разъ; а въ третій разъ смерть стояла уже въ ногахъ, и тогда ребенокъ умеръ.

Бѣднякъ все-таки хотѣлъ навѣстить своего куманька и поразсказать ему, что за исторія произошла съ лѣченіемъ водою. Когда же онъ пришелъ къ нему въ домъ,—вся обстановка тамъ была какая-то диковинная. На первой лѣстницѣ дрались лопата съ метлой и ловко колотили другъ дружку.

— Гдѣ живетъ мой господинъ куманекъ?—спросилъ онъ ихъ.

— Еще одной лѣстницей выше!—отвѣтила Метелка.

Когда онъ взобрался на вторую лѣстницу, то увидѣлъ множество нарубленныхъ пальцевъ.

— Гдѣ живетъ мой господинъ куманекъ?—спросилъ онъ.

Одинъ изъ пальцевъ отвѣтилъ:

— Одной лѣстницей выше!

На третьей лѣстницѣ лежала цѣлая куча мертвыхъ головъ, которыя послали его еще выше. На четвертой лѣстницѣ онъ увидѣлъ рыбъ на огнѣ, которыя попрыгивали на сковородкѣ и сами себя поджаривали. Онѣ тоже сказали.

— Поднимайся выше!

А когда онъ взобрался на пятую лѣстницу и очутился передъ горницей, то заглянулъ въ замочную скважину и увидѣлъ своего куманька, у котораго на головѣ торчали рога. Едва только онъ отворилъ дверь и вошелъ къ нему,—куманекъ мгновенно бросился на кровать и закрылся одѣяломъ.

— Слышь, кумъ,—сказалъ гость,—что это за диковинная обстановка у васъ въ домѣ? Какъ только я на первую лѣстницу взошелъ,—тамъ ссорились лопата съ метлою и такъ-то ловко другъ дружку колотили.

— Ахъ, какой же вы простакъ, — сказалъ куманекъ,—то были слуга да служанка.

— А на второй лѣстницѣ я увидѣлъ лежащіе отрубленные пальцы.

— Ахъ, нѣтъ, то были просто корешки травы козлецъ.

— На третьей лѣстницѣ лежала куча мертвыхъ головъ.

— Глупый человѣкъ! Это были кочаны капусты.

— На четвертой увидѣлъ я рыбъ на сковородкѣ, онѣ шипѣли и поджаривали сами себя.

И только онъ это вымолвилъ, а рыбы—вотъ онѣ лѣзутъ сами себя подаютъ на столъ.

— Когда я взобрался на пятую лѣстницу и заглянулъ въ замочную скважину этой двери, я увидѣлъ, что у васъ, куманекъ, были длинные-длинные рога...

— Эге! Да развѣ это не на самомъ дѣлѣ?

Тутъ гостю стало жутко, и бросился онъ бѣжать прочь, а не убѣги онъ во-время, кто знаетъ, что бы еще сдѣлалъ съ нимъ куманекъ.

Госпожа Трудэ.

Была однажды маленькая дѣвочка, упрямая и необычайно любопытная, и что ни говорили ей родные, она всѣ слова пропускала мимо ушей. Чего же хорошаго можно было ожидать?

Однажды она сказала родителямъ:

— Я такъ много понаслышалась о госпожѣ Трудэ, что мнѣ хотѣлось бы хоть разокъ побывать у нея; сказываютъ вонъ, что у нея въ домѣ все какъ-то чудно, что тамъ есть рѣдкостныя вещицы!

Родители запретили ей это строго-на-строго и сказали:

— Госпожа Трудэ—недобрая женщина, она творитъ безбожныя дѣла, и ежели только ты туда пойдешь,—ты уже больше намъ не дочь.

Однако, дѣвочка не послушалась и отправилась къ госпожѣ Трудэ. Когда она пришла къ ней, госпожа Трудэ спросила ее:

— Отчего это ты такая блѣдная?

— Ахъ,—отвѣтила она и задрожала всѣмъ тѣломъ,—я такъ перепугалась ото всего, что мнѣ довелось видѣть!

— А что же ты такое видѣла?

— Я видѣла на вашей лѣстницѣ чернаго человѣка.

— Это былъ угольщикъ.

— Затѣмъ я увидѣла зеленаго человѣка.

— Это былъ охотникъ.

— Затѣмъ я видѣла человѣка кроваво-краснаго цвѣта.

— Это былъ мясникъ.

— Потомъ, госпожа Трудэ, мнѣ стало страшно: я заглянула въ окно и увидѣла не васъ, а какого-то чорта съ горящею головою.

— Ого,—сказала она,—это ты, стало-быть, увидала вѣдьму въ ея настоящемъ платьѣ; ужъ давненько я тебя поджидаю, ты мнѣ вотъ какъ нужна!..

И превратила она дѣвочку въ деревянную чурочку и бросила ее въ огонь.

А когда та запылала яркимъ огнемъ, госпожа Трудэ присѣла поближе погрѣться у огня и сказала:

— Ну, хоть разъ дѣвочка свѣтитъ ясно и тепло даетъ.

Смерть-кума.

Было у одного бѣднаго человѣка двѣнадцать человѣкъ дѣтей; и день, и ночь долженъ онъ былъ работать, чтобы добыть имъ насущный хлѣбъ.

Вотъ когда явился на свѣтъ Божій тринадцатый,—никто не хотѣлъ идти къ нему въ кумовья, онъ и пошелъ за ворота, въ надеждѣ позвать въ кумовья перваго, кто ему только повстрѣчается. Первый же, кто ему повстрѣчался, былъ вѣщій старецъ.

— Бѣдный человѣкъ,—сказалъ онъ,—мнѣ жаль тебя. Я буду воспріемникомъ твоего ребенка, стану о немъ заботиться и осчастливлю его.

— Кто же ты такой?—спросилъ его бѣднякъ.

— Я—молитвенникъ за васъ.

— Ну, такъ я не возьму тебя въ кумовья,—сказалъ бѣднякъ:—Богъ помогаетъ богатымъ и оставляетъ бѣдныхъ голодать.

Отвратился онъ отъ старца и пошелъ далѣе. И встрѣтился ему дьяволъ, который сказалъ:

— Не хочешь ли ты взять меня въ кумовья? И я дамъ твоему сыну несмѣтное богатство...

— А ты кто такой?

— Я—дьяволъ.

— Ну, такъ я тебя въ кумовья не возьму,—сказалъ бѣднякъ;—ты обманываешь и обольщаешь людей.

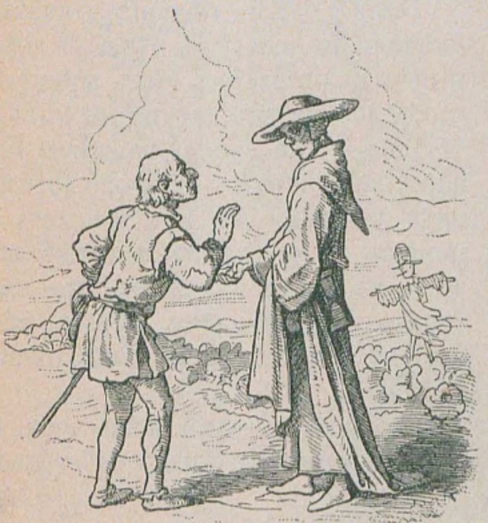
Пошелъ онъ далѣе,—и встрѣчаетъ тонконогую смерть.

— Возьми меня въ воспріемницы,—сказала она.

— Кто ты?—спросилъ ее бѣднякъ.

— Я—смерть, которая уравниваетъ рѣшительно всѣхъ.

И сказалъ тогда человѣкъ:



— Да, ты мнѣ по нраву. Ты берешь богатыхъ и бѣдныхъ безъ различія. Будь же ты моею кумою.

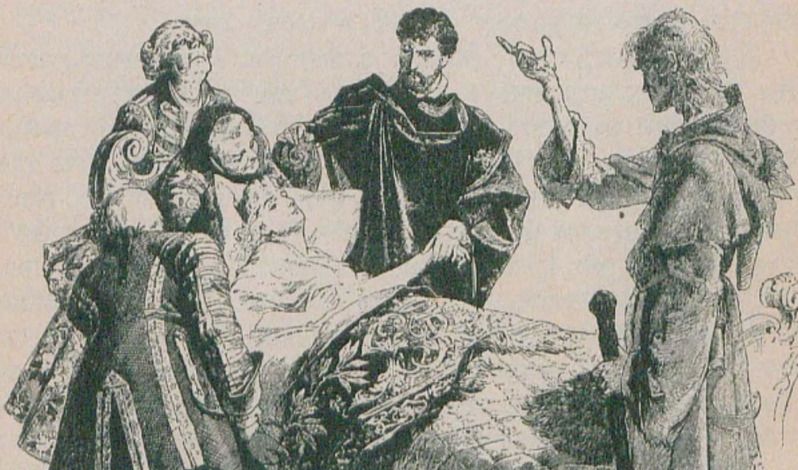
— Я обогащу твоего ребенка и прославлю его, — сказала смерть,—потому что кто водитъ дружбу со мною, тому во всемъ бываетъ удача.

Въ назначенный день смерть явилась, какъ обѣщала.

Когда мальчикъ уже подросъ, крестная повела его какъ-то въ дремучій лѣсъ, показала ему какую-то травку и сказала:

— Вотъ тебѣ мой подарокъ. Когда позовутъ тебя къ какому-нибудь больному,—я каждый разъ буду являться тебѣ: если увидишь ты, что я стою у больного въ головахъ, то смѣло можешь утверждать, что ты его вылѣчишь, и когда дашь ему отвѣдать этой травы,—онъ выздоровѣетъ; но если я буду стоять въ ногахъ больного, то онъ—въ моей власти, и ты долженъ прямо сказать, что всѣ попытки спасти его тщетны, и никакой врачъ во всемъ свѣтѣ не въ силахъ исцѣлить его. Но берегись,—не лѣчи этой травой вопреки моей воли,—не-то тебѣ самому будетъ плохо.

Немного времени прошло, и юноша сталъ знаменитѣйшимъ врачомъ во всемъ свѣтѣ. „Ему достаточно взглянуть только на больного, и онъ уже знаетъ, выздоровѣетъ ли онъ, или умретъ“,—такъ отзывались о немъ всѣ, и отовсюду стекался къ нему народъ, и водили его къ больнымъ, и награждали его такъ щедро золотомъ, что онъ вскорѣ сталъ богатымъ человѣкомъ.



Вотъ и случилось однажды, что захворалъ самъ король; и позванъ былъ нашъ врачъ. Когда онъ приблизился къ постели,—смерть стояла въ ногахъ больного; значитъ, лѣкарственная травка помочь ему не могла.

„А что, ежели бы мнѣ хоть разочекъ перехитрить смерть?—подумалъ врачъ.—Она, конечно, разгнѣвается на меня, но такъ какъ я—ея крестникъ, она проститъ“...

Поднялъ онъ больного и положилъ его на постели наоборотъ, такъ что смерть очутилась стоящей уже въ головахъ. И далъ онъ ему затѣмъ принять травки, и король оправился и снова сталъ здоровымъ; но смерть приблизилась къ врачу, и лицо ея было гнѣвно; она погрозила ему пальцемъ и молвила:

— Ты обманулъ меня; на этотъ разъ я тебѣ спущу, потому что ты мой крестникъ, но если ты отважишься на это еще разъ,—я возьму съ собою тебя самого.

Вскорѣ послѣ того тяжело занемогла королевская дочь. Она была единственнымъ дѣтищемъ короля, и онъ плакалъ день и ночь, такъ что глаза его стали слѣпнуть, и велѣлъ онъ оповѣстить всѣхъ, что кто отъ смерти ее спасетъ, тотъ станетъ ея супругомъ и получитъ королевскую корону. Когда врачъ приблизился къ постели больной, онъ замѣтилъ смерть, стоявшую въ ея ногахъ. Ему слѣдовало вспомнить предостереженіе крестной, но рѣдкая красота больной и обѣщанное счастье стать супругомъ королевны такъ увлекли его, что онъ рѣшилъ вылѣчить ее. Онъ не посмотрѣлъ на то, что смерть метала на него гнѣвные взоры и грозилась простертой кверху костлявою рукой,—поднялъ больную и положилъ ее такъ, что голова ея пришлась на томъ мѣстѣ, гдѣ были прежде ноги. И далъ онъ ей затѣмъ принять траву, и тотчасъ же щеки ея порозовѣли, и жизнь снова возвратилась къ ней... Какъ увидѣла смерть, что ее и въ другой разъ обманули, отняли то, что она считала своею собственностью,—то скорыми шагами подошла къ врачу и сказала:

— Твой конецъ пришелъ,—очередь за тобой!..

И она ухватила его холодной, какъ ледъ, рукой и отвела его въ подземную пещеру. И увидѣлъ онъ, какъ тысячи тысячъ свѣчей пылали тамъ безконечными рядами,—однѣ большія, другія въ половину ихъ, иныя совсѣмъ маленькія. Каждое мгновеніе нѣкоторыя потухали, а новыя вспыхивали, такъ что казалось, огоньки въ этой непрерывной смѣнѣ точно сами прыгали тамъ и тутъ.

— Видишь,—сказала смерть,—все это—свѣчи жизни людей. Большія принадлежатъ дѣтямъ, на половину меньшія—взрослымъ людямъ, во цвѣтѣ лѣтъ, а маленькія—старцамъ. Впрочемъ, и у дѣтей, и у юношей иногда часто бываютъ маленькія свѣчки.

— Покажи мою свѣчку жизни,—сказалъ врачъ, въ надеждѣ, что она еще большая.

Смерть указала ему на крошечный огарочекъ, который совсѣмъ вотъ-вотъ грозилъ потухнуть, и сказала:

— Видишь ты,—вотъ она.

— Ахъ, милая крестная,—сказалъ перепуганный врачъ,—затеплите мнѣ новую свѣчку, сдѣлайте это во имя любви ко мнѣ, чтобы я могъ еще насладиться жизнью, стать королемъ и супругомъ прекрасной королевны!

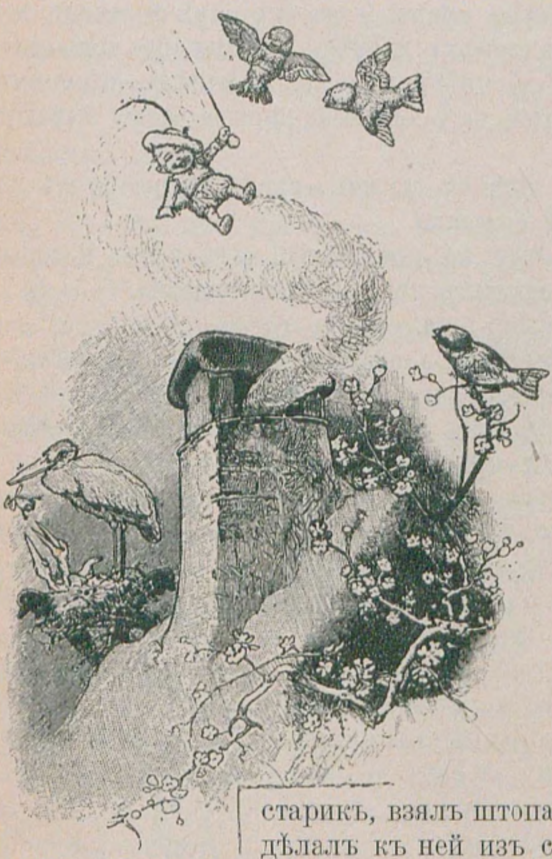
— Не могу я этого,—отвѣтила смерть:—прежде чѣмъ загорится новая свѣча, должна одна изъ прежнихъ потухнуть!

— Такъ налѣпите мой старый огарочекъ на новую свѣчку, которая тотчасъ же загорится, какъ только догоритъ до-тла мой старый,—умолялъ врачъ.

Тогда смерть сдѣлала видъ, какъ-будто хочетъ исполнить его желаніе, достала новую, большую свѣчку; но такъ какъ она хотѣла отплатить ему за себя, то, налѣпляя огарочекъ, притворилась, будто не доглядѣла, и прежній огарочекъ упалъ и потухъ.

И мгновенно врачъ палъ на землю, и смерть овладѣла имъ.

Странствованія „Съ-пальчика“.



У одного портного былъ сынъ, который родился такимъ крохотнымъ, что ростомъ былъ не больше безымяннаго пальца,—оттого и прозвали его „Съ-пальчикъ“. Однако, храбрости въ немъ было хоть отбавляй; вотъ разъ онъ и говоритъ своему отцу:

— Батюшка, я хочу отправиться странствовать по свѣту.

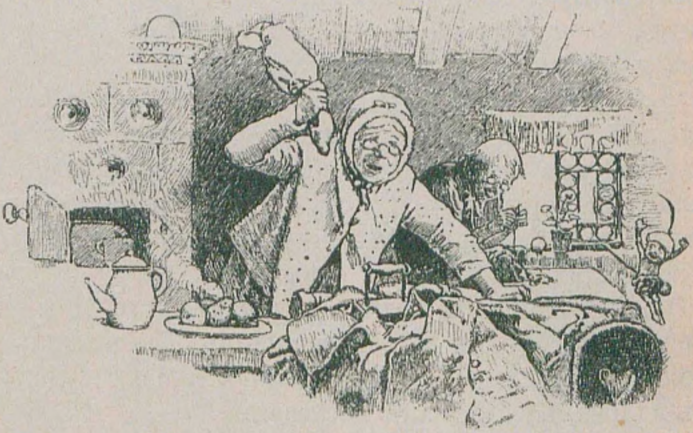
— Правильно, сынокъ!—сказалъ старикъ, взялъ штопальную иглу и придѣлалъ къ ней изъ сургуча шарикъ-рукоятку.—А вотъ и шпага тебѣ на дорогу.

Побѣжалъ „Съ-пальчикъ“ въ кухню посмотрѣть, что за варево такое сварила мать ему на прощанье; надо же было напослѣдкахъ пообѣдать съ родными. А варево-то только-что было заправлено, и кострюля стояла на очагѣ. Мальчикъ и спросилъ:

— Матушка, что мы будемъ сегодня кушать?

— Посмотри самъ,—сказала мать.

Тутъ „Съ-пальчикъ“ вспрыгнулъ на очагъ и заглянулъ въ кострюлю, а такъ какъ больно онъ ужъ далеко шею вытянулъ, то и подхватило его паромъ отъ кушанья и унесло въ дымовую трубу, а затѣмъ онъ благополучно опустился



на землю. Вотъ и очутился портняжка далеко отъ дома и пошелъ бродить по свѣту бѣлому; пристроился, было, къ одному сапожному мастеру въ мастера, да ѣда у нихъ была плохая.

— Госпожа хозяйка, ежели вы намъ не дадите кушать чего-нибудь болѣе сноснаго,—сказалъ „Съ-пальчикъ“,—я уйду отъ васъ да еще мѣломъ у васъ на выходной двери завтра утромъ напишу: *„вволю картошка, а мяса немножко. Прощай учитель, картошкинъ покровитель!“*..

— Да чего тебѣ еще нужно, саранча ты этакая?!—сказала хозяйка, разсердилась, ухватила тряпку и хотѣла, было, его пришибить; да мой портняжка проворно заползъ подъ наперстокъ, сидитъ, выглядываетъ изъ-подъ него да еще госпожу хозяйку языкомъ дразнитъ.

Подняла она наперстокъ, хотѣла, было, его схватить, а маленькій „Съ-пальчикъ“ прыгнулъ въ груду лоскутковъ, а пока хозяйка разметала лоскутки въ разныя стороны да шарила его,—онъ успѣлъ уже забиться въ щель стола.

— Эге-ге-ге, госпожа хозяйка!—крикнулъ онъ и высоко поднялъ голову, а какъ только она его хотѣла ударить, онъ шмыгнулъ въ ящикъ стола. Въ концѣ-концовъ она-таки его сцапала и выгнала вонъ изъ дому.

Блуждалъ портняжка, блуждалъ и пришелъ, наконецъ, въ большой лѣсъ; и повстрѣчалась тамъ ему шайка разбойниковъ, которые собирались ограбить королевскую казну. Увидали они портняжку и подумали:—„Такой крошечный мальчикъ можетъ черезъ замочную скважину пролѣзть и послужить намъ, своего рода, отмычкой“.

— Эй, ты,—крикнулъ одинъ великанъ,— хочешь отправиться вмѣстѣ съ нами въ сокровищницу? Ты можешь туда проскользнуть и станешь выбрасывать деньги оттуда.

„Съ-пальчикъ“ подумалъ и сказалъ:

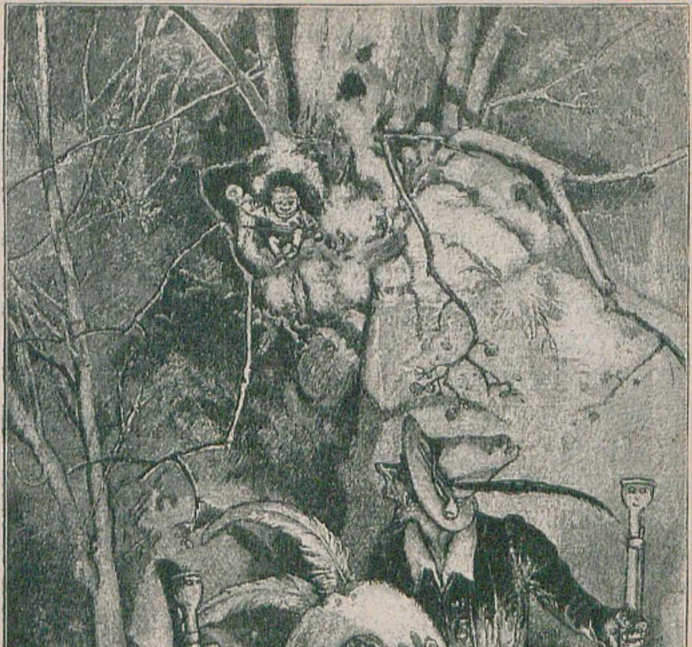
— Хорошо...

Вотъ и отправились они къ сокровищницѣ. Сталъ „Съ-пальчикъ“ дверь осматривать вверху и внизу, нѣтъ ли гдѣ-нибудь щели, и нашелъ порядочно-таки широкую щель, такъ что ему можно было пролѣзть черезъ нее. Онъ сейчасъ же и хотѣлъ пролѣзть, но его замѣтилъ одинъ изъ двухъ часовыхъ, которые стояли передъ дверью, и сказалъ товарищу:

— Что за паукъ ползетъ по полу? Я его растопчу:

— Оставь бѣдную тварь ползти своимъ путемъ,—сказалъ другой,—вѣдь она тебя не трогаетъ...

Ну, вотъ „Съ-пальчикъ“ и пробрался счастливо черезъ



щель въ сокровищницу, отворилъ окно, подъ которымъ стояли разбойники, и ну выбрасывать имъ одинъ талеръ за другимъ. Въ самомъ разгарѣ работы портняжка вдругъ услыхалъ, что идетъ король осматривать свою сокровищницу, и поспѣшно спрятался. Король сразу замѣтилъ, что у него не хватаетъ многихъ свѣтлыхъ талеровъ, и никакъ додуматься не могъ, кто бы это ихъ укралъ, потому что и замки, и засовы были цѣлы, и во всемъ замѣчался порядокъ. Вышелъ онъ оттуда въ раздумьи и сказалъ часовымъ:

— Будьте настороже... Кто-то добирается до денегъ!..

Какъ только „Съ-пальчикъ" началъ снова свою работу, часовые и услышали, какъ деньги зазвякали. Вихремъ ворвались они туда и хотѣли сцапать вора. Но портняжка, еще какъ только заслышалъ шаги часовыхъ, проворнѣе ихъ прыгнулъ въ уголъ и прикрылся талеромъ, такъ что его вовсе не было видно, да еще что,—онъ же стражей сталъ поддразнивать да кричать:—„Здѣсь вотъ я!" Стражи бросились на голосъ, но когда они подбѣжали на голосъ, онъ уже былъ въ другомъ углу, притулился подъ талеромъ и кричалъ: — „Эге! Вотъ онъ я, здѣсь!"... Стражи бросились туда сломя голову, а „Съ-пальчикъ" давнымъ-давно былъ уже въ третьемъ углу и кричалъ:—„Эге!.. Здѣсь я!"... И такъ дурачилъ онъ ихъ и гонялъ до тѣхъ поръ по всей сокровищницѣ, пока они не махнули рукой и не ушли. Тогда онъ снова сталъ кидать разбойникамъ талеръ за талеромъ да всѣ и выбросилъ, а послѣднiй швырнулъ да самъ вскочилъ на него и вылетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ черезъ окошко на волю. Разбойники были въ восторгѣ.

— Ты герой!—сказали они.—Хочешь быть нашимъ атаманомъ?

Но „Съ-пальчикъ" только поблагодарилъ ихъ за честь и сказалъ, что ему хочется пойти на свѣтъ Божiй посмотрѣть. Подѣлили разбойники добычу, а „Съ-пальчикъ" взялъ себѣ только крейцеръ (грошикъ). А затѣмъ простился съ разбойниками и пустился къ путь-дорогу.

Вотъ нанялся онъ какъ-то привратникомъ въ харчевню; дѣвушки-служанки терпѣть его не могли, а потому онъ исподтишка слѣдилъ за всѣмъ, что они дѣлали, и обо всемъ докладывалъ хозяевамъ.

И сговорились онѣ шутку надъ нимъ сшутить. Вотъ вскорѣ послѣ того одна служанка сгребала въ саду сѣно и увидала, какъ „Съ-пальчикъ“ прыгалъ около нея да по былинкамъ травы то влѣзалъ, то слѣзалъ, она поспѣшно и завязала его вмѣстѣ съ травою въ полотнище да коровамъ и бросила. А между коровами была одна такая рослая, черная; она-то его съ сѣномъ и проглотила цѣликомъ, не разжевывая. Однако, не больно понравилось мальчику въ желудкѣ, потому что темнота стояла тамъ хоть глазъ выколи.

Вотъ какъ стали доить корову, онъ и завопилъ:

„Шухти-пухти—въ добрый часъ
„Не полно-ль ведро у васъ?

Но его голоса никто не слышалъ. Потомъ зашелъ въ коровникъ самъ хозяинъ и говоритъ:

— Завтра надо эту корову зарѣзать.

Страшно стало „Съ-пальчику“, онъ и крикнулъ во весь голосъ.

— Только выпустите прежде меня отсюда!

Хозяинъ услыхалъ его, но не могъ понять, откуда раздается этотъ голосъ.

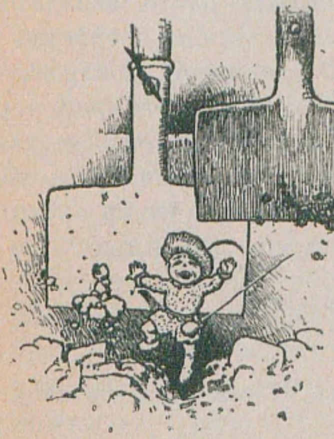
— Да гдѣ ты?—спросилъ онъ.

— А въ черной-то!—отвѣтилъ онъ. Но хозяинъ такъ и не понялъ, что это должно было означать, и ушелъ.

На другое утро корову зарѣзали, но, къ счастью, „Съ-пальчика“ не тронули; онъ сидѣлъ въ томъ кускѣ мяса, которое предназначалось для начинки колбасъ. Когда мясникъ началъ рубить мясо, онъ закричалъ благимъ матомъ:

— Стойте!.. Не рубите мясо! Дайте мнѣ вылѣзти!

За звономъ поварскихъ сѣчекъ ни одинъ человѣкъ его не могъ услышать. Тутъ-то „Съ-пальчику“ пришлось плохо, но опасность придаетъ духу; вотъ и сталъ онъ проворно прыгать между сѣчками да увертываться, чтобы сѣчкой его не тронуло, и вышелъ цѣлъ изъ бѣды. Только выкарабкаться изъ рубленнаго мяса не успѣлъ, и его запихали вмѣстѣ съ кусочками шпека въ колбасу. Квартира эта была темновата, а въ довершеніе всего колбасу повѣсили коптить въ трубу. Наконецъ, только уже зимою вынули его изъ трубы, такъ какъ колбасу предложили какому-то гостю.



Вотъ когда стала хозяйка колбасу рѣзать на кусочки, мальчику пришлось держать ухо востро, далеко не высовывать головы и увертываться, чтобы ему голову не отрѣзали. Наконецъ, улучилъ онъ удобный случай, собрался съ духомъ и выскочилъ на волю и немедленно же собрался снова въ путь-дорогу. Но только вышелъ въ поле какъ повстрѣчался съ лисицей, которая схватила его по разсѣянности.

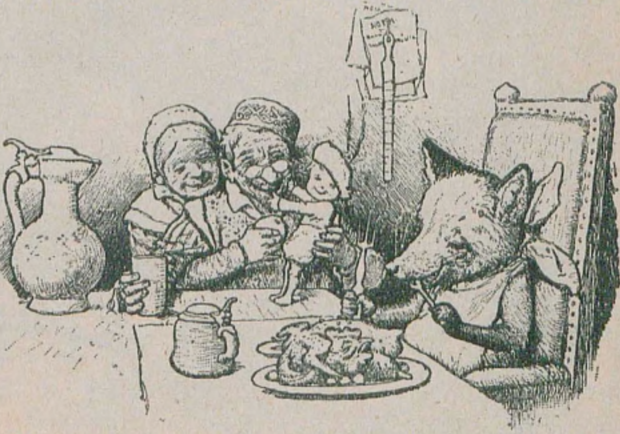
— Эй, лиса,— крикнулъ портняжка,— отпусти меня на свободу! Во мнѣ ѣды мало!

— А и вправду,—отвѣчала лисица,—тебя съѣсть все равно что ничего! А ты отдашь мнѣ всѣхъ куръ на отцовскомъ дворѣ? Тогда я тебя выпущу на волю.

— Да съ радостью,—отвѣтилъ „Съ-пальчикъ“;—ты получишь всѣхъ куръ сполна, обѣщаю тебѣ.

Лисица выхаркнула его, посадила себѣ на спину и понесла его домой.

Обрадовался отецъ „Съ-пальчику“ и охотно отдалъ лисицѣ всѣхъ куръ, какія только у него были.

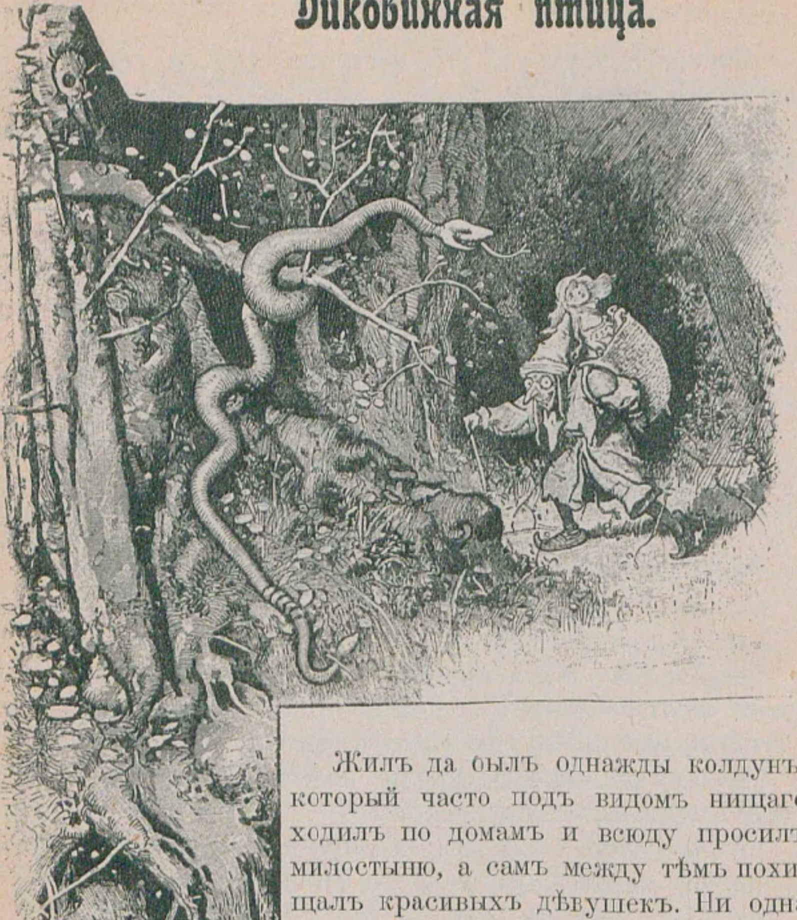


— Къ тому же, я принесъ тебѣ съ собой славный слитокъ золота,—сказалъ „Съ-пальчикъ“ и подалъ отцу грошъ, который онъ добылъ во время своего путешествія.

Почему же, однако, лисица получила себѣ на съѣденіе всѣхъ курочекъ-пискушечекъ?

Ахъ, чудакъ-человѣкъ, да отцу, конечно, свое дитя милѣе и дороже всѣхъ куръ со всего птичьяго двора...

Диковинная птица.



Жилъ да былъ однажды колдунъ, который часто подъ видомъ нищаго ходилъ по домамъ и всюду просилъ милостыню, а самъ между тѣмъ похищалъ красивыхъ дѣвушекъ. Ни одна живая душа не знала, куда онъ ихъ уноситъ, потому что онѣ никогда не возвращались назадъ. Вотъ однажды появился онъ передъ дверью дома одного человѣка, у котораго были три прекрасныя дочери, по обыкновенію, прикинулся бѣднымъ, слабымъ нищимъ и съ трудомъ тащилъ на спинѣ корзину. Попросилъ онъ дать ему перекусить чего-нибудь, и едва лишь старшая сестра вынесла ему кусокъ хлѣба, онъ слегка тронулъ ее, и она сама прыгнула къ нему въ корзину, а колдунъ поспѣшно отнесъ ее въ дремучій лѣсъ, въ самую глухую чащу, гдѣ было его жилье. Домъ у него былъ убранъ роскошно, и колдунъ сказалъ ей:

— Сокровище мое, у тебя будетъ все, что только душенькѣ твоей угодно!..

Такъ продолжалось дня два; затѣмъ онъ сказалъ:

— Мнѣ нужно отлучиться изъ дому; вотъ тебѣ домовые ключи; всюду можешь ты ходить и все осматривать, за исключеніемъ только одной горницы, которая отпирается вотъ этимъ маленькимъ ключикомъ,—это я запрещаю подъ страхомъ смерти!

Далъ онъ ей еще яйцо и прибавилъ:

— Яйцо это припрячь и сбереги его мнѣ; лучше всего,—носи его постоянно съ собой, потому что ежели только оно пропадетъ, великое несчастье произойдетъ отъ этого.

Взяла дѣвушка ключи и яйцо и обѣщала все исполнить, какъ слѣдуетъ. Вотъ когда онъ уѣхалъ, пошла она бродить по всему дому и все-все рѣшительно осматривала: комнаты такъ и горѣли въ серебрѣ и золотѣ, и она еще отродясь такого великолѣпія и не видывала. Подошла она, наконецъ, и къ запретной двери и хотѣла, было, пройти мимо, да любопытство ей покою не давало. Посмотрѣла она на ключъ,—онъ былъ точно такой же, какъ и другіе,—и только чуть-чуть повернула его, какъ дверь сама передъ ней распахнулась. И что же увидѣла она, когда вошла туда? Посрединѣ стояла огромная, окровавленная лохань, а въ ней лежали убитые, изрубленные трупы людей, рядомъ стоялъ обрубокъ пня, и на немъ лежалъ блестящій топоръ. Дѣвушка страшно перепугалась, и яйцо, котроое она держала въ рукахъ, упало въ лохань. Она достала его оттуда и стала вытирать съ него кровь, но все было напрасно,—кровь тотчасъ же снова выступала на скорлупѣ; и какъ она ни терла, какъ ни скребла, кровь не сходила со скорлупы.

Немного спустя вернулся колдунъ и потребовалъ ключи и яйцо. Она подала ему требуемое, но при этомъ вся дрожала, и онъ тотчасъ же замѣтилъ по краснымъ пятнамъ на скорлупѣ, что она была-таки въ комнатѣ крови.

— Разъ ты вошла въ эту комнату противъ моей воли,—сказалъ онъ ей,—ты войдешь теперь туда противъ своей воли. Жизнь твоя кончена, пѣсенка твоя спѣта...

И онъ потащилъ ее за волосы въ страшную комнату, тамъ отсѣкъ ей голову, изрубилъ ее и бросилъ ее тамъ.

— Теперь надо достать другую,—сказалъ колдунъ и подъ видомъ нищаго опять пошелъ къ тому же домику и сталъ просить милостыню. Тогда вторая дочь вынесла ему кусокъ хлѣба, а онъ и ее унесъ съ собою. И ея участь была не лучше сестриной; она тоже поддалась любопытству, отворила кровавый покой и заглянула туда и поплатилась за это жизнью. Снова пошелъ колдунъ на добычу и выкралъ третью дочь; но эта дѣвушка была себѣ на умѣ и пренаходчивая. Какъ только передалъ колдунъ ей ключи и яйцо и отправился восвояси, прежде всего она заботливо спрятала яйцо, потомъ осмотрѣла весь домъ, а въ концѣ-концовъ пошла и въ запретную комнату. Ахъ, что она увидѣла тамъ! Ея сестры лежали въ лохани, злодѣйски умерщвленныя и изрубленныя. Но она не растерялась, а собрала отдѣльные члены и сложила ихъ всѣ вмѣстѣ,—голову, тѣло, руки и ноги, обѣ дѣвушки открыли глаза и снова ожили. Обрадовались онѣ и крѣпко обняли другъ друга. Вернулся колдунъ и сейчасъ же потребовалъ ключи и яйцо, и такъ какъ онъ не могъ отыскать на нихъ ни пятнышка крови, то сказалъ:

— Ты выдержала испытаніе и будешь моей женой...

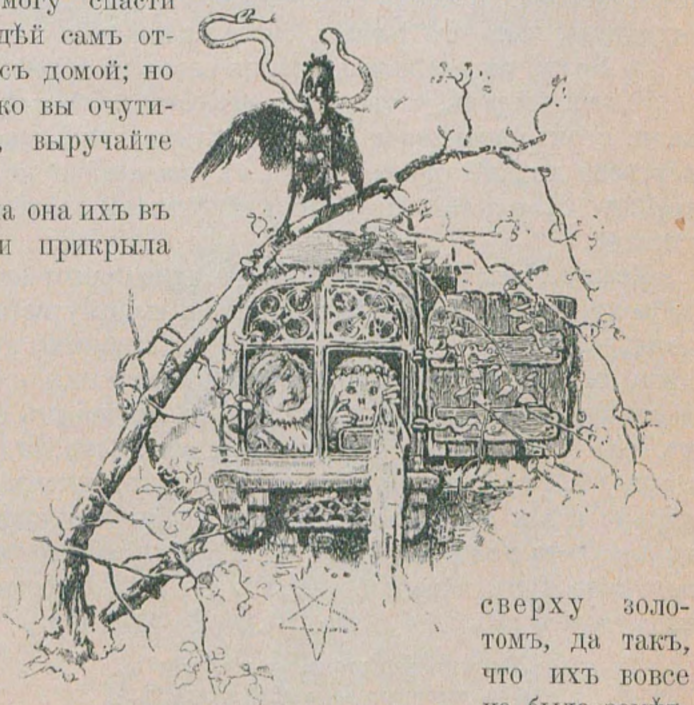
Теперь уже онъ не имѣлъ больше власти надъ нею, такъ какъ она его перехитрила.

— Отлично,—отвѣтила она,—только прежде изволь-ка отнести моимъ роднымъ корзину золота, да отнести на себѣ, а я тѣмъ временемъ буду готовиться къ свадьбѣ.

Вотъ и побѣжала она къ сестрамъ, которыя были спрятаны въ одной изъ коморокъ, и сказала:

— Я могу спасти васъ. Злодѣй самъ отнесетъ васъ домой; но какъ только вы очутитесь дома, выручайте и меня.

Усадила она ихъ въ корзину и прикрыла сверху золотомъ, да такъ, что ихъ вовсе не было замѣтно, потомъ кликнула къ себѣ колдуна и сказала:



— Ну, тащи эту корзину, только смотри, не изволь по дорогѣ останавливаться да отдыхать; я буду изъ окошечка слѣдить за тобой и глазъ съ тебя не спущу...

Взвалилъ колдунъ корзину на спину и пошелъ съ нею;

однако, корзина была такая тяжелая, что потъ градомъ струился по его лицу. Вотъ и присѣлъ онъ на землю и хотѣлъ, было, вздохнуть, но въ то же время одна изъ дѣвушекъ крикнула изъ корзины:

— Эге! Вижу въ окошечко, что ты слова не держишь! Иди скорѣе дальше!..

Колдунъ подумалъ, что это его невѣста кричитъ, и пошелъ дальше. Прошелъ еще немного и только присѣлъ, было, отдохнуть, какъ его тотчасъ снова окликнули:

— Вижу, въ окошечко, что ты слова не держишь!

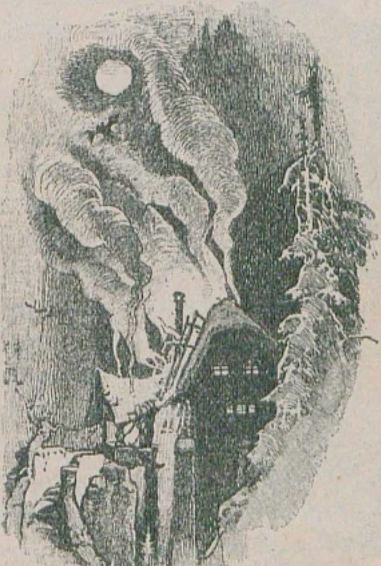
И каждый разъ, какъ только онъ останавливался, его окликали, и онъ поднимался и шелъ дальше, пока, наконецъ, еле переводя дыханіе отъ усталости, въ изнеможеніи не дотащилъ корзину съ золотомъ и обѣими дѣвушками въ домъ ихъ родителей.

Между тѣмъ невѣста его въ лѣсу все приготовила къ свадебному торжеству и пригласила на свадьбу всѣхъ друзей колдуна. Потомъ взяла черепъ съ оскаленными зубами, надѣла на него головной уборъ да вѣнокъ изъ цвѣтовъ, отнесла его на чердакъ и поставила въ слуховомъ окнѣ такъ, что онъ какъ-будто выглядывалъ оттуда. Вотъ когда все было готово, влѣзла она въ бочку съ медомъ, потомъ разрѣзала перину и вся вывалялась въ пуху, такъ что стала похожа на какую-то диковинную птицу, и узнать ее теперь было невозможно. Вотъ и пошла она изъ дому и дорогою повстрѣчала партію свадебныхъ гостей, а тѣ спросили:

—„Ты, странная птица, откуда, куда?“...
—„Изъ страннаго дома иду, господа!“...
—„Ну, что-жъ, удалось ли прибраться невѣстѣ?“
—„Весь домъ прибрала; все теперь тамъ на мѣстѣ...
„Да вонъ она смотритъ на васъ изъ окна!“...

Наконецъ, повстрѣчался ей женихъ, который тихохонько возвращался домой. И онъ опросилъ ее, какъ и другіе.

Потомъ взглянулъ наверхъ и увидѣлъ украшенную мертвую голову и подумалъ, что это его невѣста смотритъ на него изъ окна, и закивалъ ей радостно. Но только-что вошелъ онъ вмѣстѣ съ гостями въ домъ, нагрянули на нихъ братья и родственники его невѣсты, которые посланы были къ ней на выручку. Они заперли всѣ двери и окна въ домѣ, чтобы никто не могъ убѣжать оттуда, и подожгли его, такъ что колдунъ сгорѣлъ въ немъ со всѣми своими гостями.



О миндальномъ деревѣ.

Это было давнымъ-давно, пожалуй, лѣтъ двѣсти тому назадъ. Жилъ да былъ одинъ богатый человѣкъ, у котораго была жена, прекрасная, богобоязненная; они нѣжно любили другъ-друга, только вотъ дѣтей у нихъ не было, а имъ такъ бы хотѣлось имѣть дѣтей,—и жена усердно молилась о томъ день и ночь; но дѣтей у нихъ все не было. Передъ ихъ домомъ былъ дворъ, а на дворѣ росло миндальное дерево; стояла разъ жена зимой подъ нимъ и чистила яблоко и вдругъ обрѣзала себѣ палецъ, и кровь капнула на снѣгъ.

— Ахъ,—прошептала женщина и глубоко вздохнула,—

вотъ если бы у меня было дитя румяное, какъ кровь, и бѣлое, какъ снѣгъ.

Прошелъ мѣсяцъ, — и сошелъ снѣгъ; два мѣсяца миновало, — и показалась первая зелень; прошло три мѣсяца,—и запестрѣли въ травѣ цвѣты; черезъ нѣсколько времени опушились зеленью всѣ деревья, и ихъ зеленыя вѣтви покрылись бѣлоснѣжными цвѣтами; на нихъ распѣвали птицы, такъ что казалось, вся листва звучала, и лепестки цвѣтовъ сыпались съ деревьевъ. И вотъ однажды снова стояла женщина подъ миндальнымъ деревомъ, которое теперь цвѣло такъ пышно, и сердце ея трепетало отъ радости; она упала на колѣни и молилась... И когда промчался мимо еще мѣсяцъ,—плоды на деревьяхъ стали полные и сочные, и она затихла, стала спокойна; а когда на слѣдующій мѣсяцъ она собирала съ миндальнаго дерева миндалинки, ей было завидно на него, ей стало грустно, и она захворала, и тогда кликнула она мужа и, плача, сказала ему:

— Если я умру, похорони меня подъ миндальнымъ деревомъ.

И, точно, вскорѣ родился у нея ребенокъ,—бѣлый, какъ снѣгъ, и румяный, какъ кровь, а она такъ обрадовалась ему, что не вынесла радости и умерла.

И положилъ ее мужъ подъ миндальнымъ деревомъ, и горько оплакивалъ ее; прошло нѣсколько времени, и женился этотъ человѣкъ на другой.

Отъ второй жены родилась у него дочь, а первый ребенокъ-то былъ у него прехорошенькій сынокъ,—румяный, какъ кровь, бѣлый, какъ снѣгъ.

Взглянетъ, бывало, жена на дочь,—она ей такъ мила, такъ дорога; а взглянетъ на хорошенькаго мальчика,—и словно что кольнетъ ее въ сердце, и чудится ей, что станетъ онъ ей когда-нибудь поперекъ дороги, и думается ей, что кабы не онъ,—все наслѣдство досталось бы только одной ея дочери; и злоба навела ее на то, что стала она нападать на мальчика, стала гонять его по дому, здѣсь толкнетъ, тамъ щипнетъ, такъ что ребенокъ вѣчно находился въ какой-то тревогѣ. И когда онъ возвращался изъ школы, у него минуты отдыха не было.

Однажды пошла мачеха въ кладовую, а къ ней, прыгая, прибѣжала ея хорошенькая дочка и сказала:

— Мама, дай мнѣ яблоко!

— Изволь, дитя мое!—сказала мать и вынула ей чудное яблоко изъ сундука; а у того сундука была огромная, тяжелая крышка, съ большимъ, острымъ, желѣзнымъ замкомъ.

— Мама,—сказала миловидная дѣвочка,—а братцу-то?

Это разсердило мать, но она отвѣтила:

— Будетъ и ему, когда вернется изъ школы.

И когда она замѣтила въ окошко, что онъ идетъ, въ то же мгновеніе словно бѣсъ овладѣлъ ею; она отняла у дочери яблоко и сказала:

— Я сначала одѣлю брата, а потомъ дамъ и тебѣ.

И она бросила яблоко въ сундукъ и заперла его; когда мальчикъ показался въ дверяхъ, мачеха привѣтливо сказала ему:

— Хочешь яблочка, сынокъ?—и она оглядѣла его съ ногъ до головы.

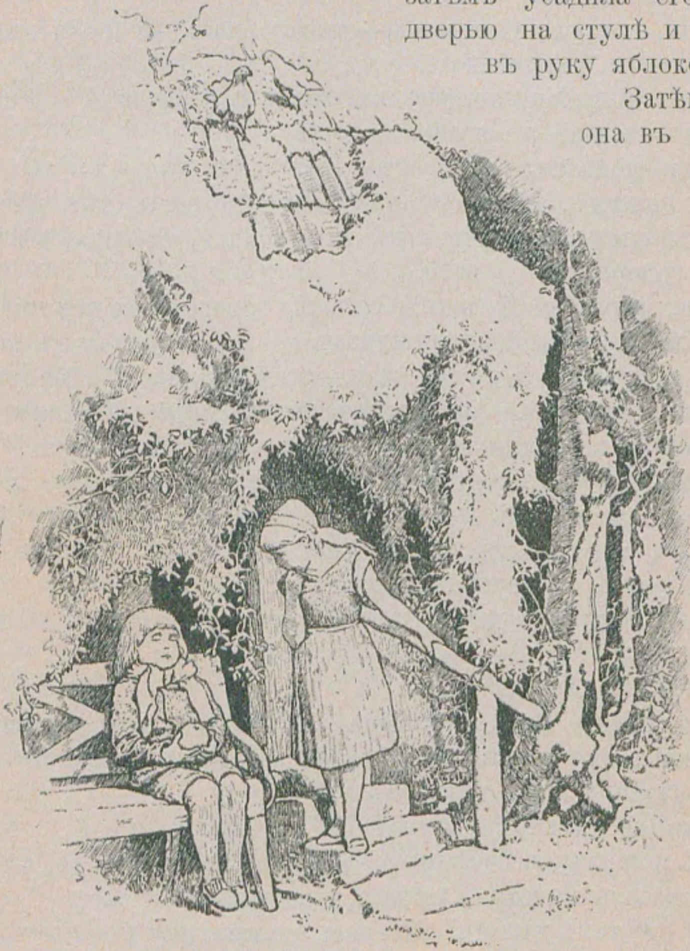
— Матушка,—сказалъ мальчикъ,—что это ты смотришь на меня такъ сердито? Что-жъ, дай мнѣ яблоко!..

— Подойди сюда,—сказала она и приподняла крышку;—доставай себѣ яблоко самъ...

И въ то время, какъ мальчикъ нагнулся въ сундукъ,—нечистый и шепни ей:—„рразъ!“—а она захлопнула крышку, такъ что голова его отскочила на румяныя яблоки. Ужасъ охватилъ ею, но она подумала:—„Какъ бы мнѣ схоронить концы?..“

И вотъ отправилась она въ свою комнату и достала изъ ящика платокъ, приставила голову снова къ шеѣ, обвязала платкомъ вокругъ шеи, такъ что ничего не было и замѣтно; затѣмъ усадила его передъ дверью на стулѣ и дала ему въ руку яблоко.

Затѣмъ пошла она въ кухню, и Марлинхенъ за ней.



— Матушка, — сказала Марлинхенъ, — братецъ сидитъ около двери и съ лица весь бѣлешенекъ, а въ рукѣ у него яблоко; я его просила дать мнѣ яблоко, а онъ въ отвѣтъ ни словечка! Мнѣ и стало жутко!

— Поди, попроси еще разъ,—сказала мать,—а если онъ будетъ молчать, дерни его за ухо.

Вотъ и пошла Марлинхенъ къ брату и сказала:

— Братецъ, дай же и мнѣ яблоко!

Но онъ молчалъ; она его и дерни за ухо,—и упала вдругъ его голова, а дѣвочка такъ перепугалась, что ударилась въ слезы, закричала во весь голосъ, бросилась къ матери и говоритъ:

— Ахъ, матушка! Я братцу сломала голову...—и все плакала, и плакала неутѣшно и никакъ не могла успокоиться.

— Марлинхенъ,—сказала мать,—полно плакать! Молчи только, чтобы никто не узналъ объ этомъ, вѣдь сдѣланнаго не исправишь, а давай-ка мы сдѣлаемъ изъ него студень.

И взяла мачеха мальчика, изрубила его на кусочки, положила его въ котелъ и сварила студень. А Марлинхенъ все плакала, все плакала, и слезы ея капали въ самый котелъ, такъ что и соли не надо было подсыпать.

Въ это время вернулся домой отецъ, сѣлъ за столъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ же сынокъ?

Мачеха между тѣмъ принесла большое блюдо студня, а Марлинхенъ все плакала и удержаться никакъ не могла. Тогда снова спросилъ отецъ:

— Куда же мальчикъ дѣвался?

— Онъ пошелъ въ сосѣднюю деревню въ гости къ дѣдушкѣ,—сказала мачеха:—хотѣлъ погостить у него.

— Что ему тамъ дѣлать? Онъ даже не простился со мною...

— Ужъ очень ему хотѣлось пойти туда; онъ просилъ у меня позволенія пробыть тамъ съ недѣлю, его тамъ поджидаютъ съ радостью.

— Такъ-то, такъ,—сказалъ мужъ,—а все-таки грустно, это нехорошо съ его стороны, что онъ не попрощался со мною!

И съ этимъ началъ онъ обѣдать и сказалъ:

— Марлинхенъ, а ты о чемъ плачешь? Вѣдь, братецъ скоро вернется опять! Ахъ, женушка,—добавилъ онъ,—какъ нравится мнѣ это кушанье! Дай-ка мнѣ еще!

И онъ все ѣлъ и ѣлъ, пока не очистилъ блюдо, а косточки подъ столъ бросалъ. Тогда Марлинхенъ пошла въ свой комодъ, достала изъ нижняго ящика самый лучшій шелковый платокъ, собрала подъ столомъ косточки, завязала ихъ въ узелокъ и сложила ихъ подъ миндальнымъ деревомъ,—и мгновенно стало легко у нея на сердцѣ, и слезы ея высохли.

И стало миндальное дерево раскачиваться, и вѣтви его стали двигаться, какъ живыя. И вотъ словно туманъ какой отдѣлился въ это время отъ миндальнаго дерева, въ туманѣ засверкалъ огонь, и выпорхнула изъ пламени птичка, запѣла и взвилась вдругъ высоко-высоко, и когда она скрылась отъ нея, миндальное дерево стало снова спокойно по-прежнему, а платокъ съ костями исчезъ безслѣдно. И у Марлинхенъ снова сладко сжалось сердце. И пошла она затѣмъ домой веселешенька, сѣла за столъ и принялась за ѣду.

А птичка улетѣла далеко-далеко, сѣла себѣ на домикъ золотыхъ дѣлъ мастера и запѣла:

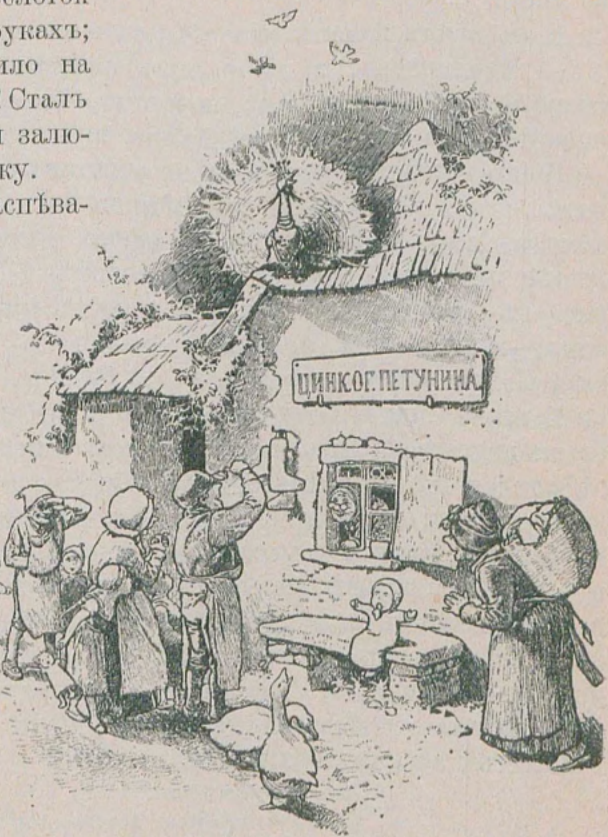
Меня мачеха убила;
Съѣлъ отецъ меня потомъ,
А Марлинхенъ все тужила,
Мои косточки сложила
Подъ миндальнымъ деревцомъ,
Подъ листвою изумрудною,
И вспорхнулъ я птицей чудною!..

Золотыхъ дѣлъ мастеръ сидѣлъ за работой у себя въ мастерской и ковалъ золотую цѣпочку, услыхалъ онъ птичку, которая сидѣла на его крышѣ и распѣвала; и понравилось ему это пѣніе. Поспѣшно всталъ онъ съ мѣста и вышелъ на улицу съ золотой цѣпочкой въ рукахъ; солнышко свѣтило на улицѣ такъ ясно! Сталъ онъ на улицѣ и залюбовался на птичку.

— Чудно распѣваешь ты, птичка! — сказалъ онъ. — Пропой мнѣ еще разъ свою пѣсенку!..

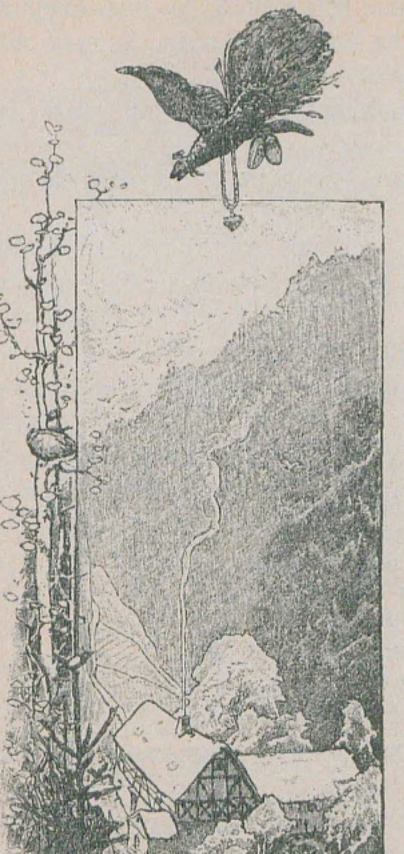
— Нѣтъ, — сказала птичка, — дважды я даромъ не пою Подари мнѣ золотую цѣпочку, и я спою тебѣ еще разъ.

— Бери, — сказалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, — золотую цѣпочку, только спой свою пѣсню.



Слетѣла къ нему птичка, взяла золотую цѣпочку въ правую лапку, потомъ примостилась на крышѣ и запѣла:

Меня мачеха убила;
Съѣлъ отецъ меня потомъ,
А Марлинхенъ все тужила,



Мои косточки сложила
Подъ миндальнымъ деревцомъ,
Подъ листвою изумрудною,
И вспорхнулъ я птицей чудною!..

Затѣмъ птичка снялась и полетѣла прочь отъ него къ сапожнику усѣлась у него на крышѣ и запѣла:

Меня мачеха убила;
Съѣлъ отецъ меня потомъ,
А Марлинхенъ все тужила,
Мои косточки сложила
Подъ миндальнымъ деревцомъ,
Подъ листвою изумрудною,
И вспорхнулъ я птицей чудною!..

Какъ заслышалъ сапожникъ пѣсенку, — выбѣжалъ онъ въ одной жилеткѣ на дворъ и вскинулъ глазами на крышу.

— Птичка, — сказалъ онъ, — какъ ты чудесно поешь!..—и крикнулъ онъ затѣмъ въ свою дверь:— Жена, иди скорѣе сюда! Вотъ это такъ птичина!.. — потомъ кликнулъ онъ своихъ дочерей, ребятишекъ, подмастерьевъ, служанку,—и всѣ они высыпали на улицу и глазѣли на птичку, которая была такая красивая, украшенная красными и зеленоватыми перышками; на шеѣ у нея сверкала золотая цѣпочка, а глазки ея блистали какъ ясныя звѣздочки.

— Птичка, — взмолился сапожникъ, — пропой намъ еще разъ свою пѣсенку!

— Нѣтъ,—отвѣчала птичка,—дважды я даромъ не пою; подари мнѣ что-нибудь.

— Жена,—сказалъ мужъ,—сбѣгай въ мастерскую; тамъ на рабочемъ верстакѣ стоитъ парочка красныхъ башмачковъ; принеси ихъ сюда.

Пошла жена домой и принесла башмачки.

— Вотъ, птичка, возьми,—сказалъ мужъ,—только спой же еще разъ пѣсенку...

И вотъ слетѣла къ нему птичка, взяла башмачки въ лѣвую лапку, снова взлетѣла на крышу и запѣла:

Меня мачеха убила;
Съѣлъ отецъ меня потомъ,
А Марлинхенъ все тужила,
Мои косточки сложила
Подъ миндальнымъ деревцомъ,
Подъ листвою изумрудною,
И вспорхнулъ я птицей чудною!..

И тотчасъ же улетѣла она прочь и помчалась къ мельницѣ на рѣкѣ.

Около той мельницы сидѣли двадцать парней, которые обтесывали жернова и постукивали молотками.

Усѣлась птичка на липу, передъ самой мельницей, и запѣла:

Меня мачеха убила...

Тутъ одинъ рабочій насторожился.

Съѣлъ отецъ меня потомъ...

Тутъ еще двое пріостановились и стали слушать.

А Марлинхенъ все тужила...

Прислушались еще четверо.

Мои косточки сложила...

Теперь только восьмеро тесали камень.

Подъ миндальнымъ деревцомъ...

Осталось только пять работающихъ...

Подъ листвою изумрудною...

Остался только одинъ...

И вспорхнулъ я птицей чудною...

Теперь бросилъ работать и послѣднiй, но онъ услышалъ только послѣднiя слова.

— Птичка,—сказалъ онъ,—славно поешь ты о чемъ-то!.. Пропой еще разъ съ начала!..

— Нѣтъ, — сказала птичка, — дважды я даромъ не пою. Дай мнѣ жерновый камень, тогда я охотно пропою еще разъ.

— Да,—сказалъ онъ,—жерновъ не мой...

— Да ладно,—молвили другiе,—отдадимъ ей его...

Слетѣла къ нимъ птичка, и вотъ всѣ двадцать человѣкъ стали поднимать камень рычагами, покрикивая: — „Э-э... ухъ! Э-э... ухъ! Э-э... ухъ!“... А птичка просунула голову въ отверстiе жернова, надѣла его на шею, словно воротничокъ, взлетѣла снова на дерево и запѣла:

Меня мачеха убила,
Съѣлъ отецъ меня потомъ,
А Марлинхенъ все тужила,
Мои косточки сложила
Подъ миндальнымъ деревцомъ,
Подъ листвою изумрудною,
И вспорхнулъ я птицей чудною!..

И когда она кончила пѣть, быстро расправила крылышки и, держа въ правой лапкѣ цѣпочку, въ лѣвой—башмаки, а на шеѣ—жерновъ, полетѣла къ отцовскому жилью.

Той порою отецъ, мачеха и Марлинхенъ сидѣли дома за столомъ, и отецъ говорилъ:

— Мнѣ сегодня что-то легко и хорошо-хорошо на сердцѣ!

— А мнѣ,—сказала мачеха,—чего-то страшно, жутко какъ-то, словно приближается непогода...

А Марлинхенъ сидѣла и все плакала да плакала; тутъ птичка прилетѣла къ нимъ и усѣлась на крышу.

— Ахъ,—сказалъ отецъ,—мнѣ какъ-то особенно весело, и солнце свѣтитъ такъ чудно!..

— Нѣтъ, — сказала жена, — мнѣ такъ страшно, что зубы стучатъ другъ о дружку, въ жилахъ словно огонь течетъ!.. И она кусала себѣ губы до крови а Марлинхенъ сѣла въ уголокъ и плакала, утирая платкомъ глаза, и весь платокъ ея былъ смоченъ слезами, хоть выжми.

И вотъ сѣла птичка на миндальное дерево и запѣла:

Меня мачеха убила...

Мачеха заткнула себѣ уши, зажмурилась и не хотѣла ни смотрѣть, ни слушать; но пѣсня звучала какъ шумная буря, а въ глазахъ ея словно молнія сверкала.

Съѣлъ отецъ меня потомъ...

— Ахъ, женушка,—сказалъ мужъ, — какъ славно поетъ вонъ та чудная птичка, блещетъ такъ тепло, и въ воздухѣ пахнетъ тминомъ!..

А Марлинхенъ все тужила...

Тутъ Марлинхенъ уткнула голову въ колѣни и навзрыдъ заплакала.

— Я пойду туда,—сказалъ отецъ,—посмотрю ее поближе.

— Ахъ, не ходи!—сказала жена.—Мнѣ все чудится, будто весь домъ содрогается, объятый пламенемъ.

Но мужъ сошелъ внизъ и залюбовался птичкой...

Мои косточки сложила
Подъ миндальнымъ деревцомъ,
Подъ листвою изумрудною,
И вспорхнулъ я птицей чудною!..

И съ этими словами птичка уронила золотую цѣпочку, да такъ, что она обвилась вокругъ шеи отца.

Но женѣ его было все страшно, и она металась по комнатѣ, такъ что чепчикъ сбился у нея на сторону. А птичка снова запѣла:

Меня мачеха убила...

— Ахъ, хоть бы мнѣ въ землю уйти, лишь бы не слышать этой пѣсни!..

Съѣлъ отецъ меня потомъ...

Тутъ мачеха въ изнеможенiи пала ницъ.

А Марлинхенъ все тужила...

— Ахъ,—сказала Марлинхенъ,—я тоже выйду и посмотрю; не подаритъ ли и мнѣ чего-нибудь птичка?

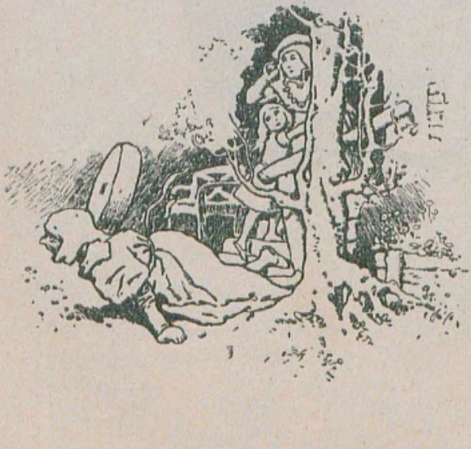
И она сбѣжала внизъ.

Мои косточки сложила...

Тутъ она бросила ей башмачки.

Подъ миндальнымъ деревцомъ,
Подъ листвою изумрудною...
И вспорхнулъ я птицей чудною!..

И ей стало тоже легко и радостно на сердцѣ. Она обула новые, красные башмачки и запрыгала въ нихъ.



— Ахъ, — сказала она, — мнѣ было такъ грустно, когда я выходила къ ней, а теперь мнѣ стало легко! Что это за славная птичка?

— Нѣтъ, — сказала мачеха и вскочила на ноги, и волосы ея дыбомъ стали отъ ужаса, словно огненные языки, —мнѣ все чудится, что наступаетъ конецъ свѣту!.. Выйду и я на волю; можетъ-быть, мнѣ легче станетъ...

Но только вышла она изъ дверей,—хлопъ—птичка сбросила ей жерновъ на голову, и она упала замертво.

Отецъ и Марлинхенъ бросились за ней, а тамъ, гдѣ упала мачеха, дымъ валилъ столбомъ, и огненные языки вырывались изъ земли; а когда все утихло, передъ ними стоялъ ихъ ненаглядный братецъ; онъ взялъ отца и Марлинхенъ за руки,—и всѣ они, счастливые, довольные, отправились домой, къ обѣденному столу и ну пировать на радостяхъ, что всѣ они снова свидѣлись...

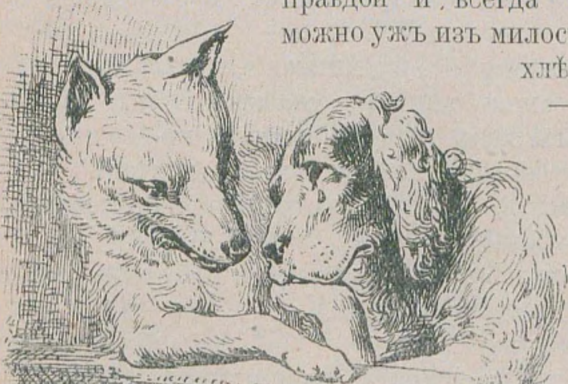
Старый „Султанъ“.

Была у одного мужика вѣрная собака, которую кликали „Султаномъ“; состарилась она, наконецъ, всѣ зубы растеряла, такъ что и ѣсть ничего почти не могла. Вотъ какъ-то мужикъ и сказалъ женѣ:

— Завтра я стараго „Султана“ пристрѣлю: ни къ чему онъ больше не пригоденъ...

Женѣ жаль было бѣднягу, она и отвѣтила:

— Да вѣдь онъ столько лѣтъ служилъ намъ вѣрой, правдой и всегда честно, такъ намъ можно ужъ изъ милости дать ему кусокъ хлѣба.



— Ну, чего тамъ,— сказалъ мужъ,— въ умѣ ли ты! У него ни одного зуба нѣтъ въ пасти, и воры ни крошечки не боятся его; ему пора и со двора долой... Служилъ онъ намъ, тѣмъ себѣ и ѣду зарабатывалъ.

Несчастный песъ, который лежалъ невдалекѣ отъ нихъ, растянувшись на солнечномъ припекѣ, слышалъ все это отъ слова до слова и горько опечалился.

Былъ у него закадычный пріятель,—не кто иной, какъ волкъ; къ нему-то вечеркомъ онъ и прокрался въ лѣсъ и сталъ ему жаловаться на свою долю горькую, на то, что ожидаетъ его.

— Слышь, ты, кумъ,—сказалъ волкъ,—будь спокоенъ, я тебя изъ нужды вызволю. Вотъ что: завтра ранымъ-рано пойдетъ твой хозяинъ съ женою на сѣнокосъ и возьмутъ съ собою ребенка. Они, по обыкновенію во время работы кладутъ его за заборомъ въ тѣни; вотъ ты и ложись рядомъ, какъ-будто бы охранять его задумалъ. А я изъ лѣсу выйду да ребенка-то у тебя и утащу; ты поспѣшно прыгни за мной слѣдомъ, какъ-будто намѣреваешься отбить его у меня, а я брошу его; принесешь ты его назадъ къ родителямъ, тѣ подумаютъ, что ты спасъ ребенка, и будутъ тебѣ благодарны; попадешь ты къ нимъ въ великую милость и не будешь ни въ чемъ нуждаться.

Понравилось „Султану“ это предложеніе, и какъ было задумано, такъ и на самомъ дѣлѣ все слажено. Отецъ закричалъ благимъ матомъ, какъ только увидѣлъ, что волкъ несетъ по полю его ребенка; когда же старый „Султанъ“ принесъ назадъ мальчика, мужикъ страшно обрадовался, погладилъ его и сказалъ:

— Я и волоскомъ тебя не трону теперь и будешь жить на моихъ хлѣбахъ до самой смерти.

А женѣ онъ сказалъ:

— Ступай сейчасъ же домой и свари старому „Султану“ кашицу, чтобы ему не надо было жевать, и принеси ему подушку съ моей постели, я дарю ему ее для подстилки.

Съ этихъ поръ настало для стараго „Султана“ такое привольное житье, о какомъ онъ только могъ мечтать.

Вскорѣ послѣ того навѣстилъ его волкъ и порадовался, что все такъ хорошо устроилось.

— Слушай, куманекъ,—сказалъ онъ между прочимъ,—

ты, конечно не выдашь меня, если я у твоего хозяина уволоку жирную овцу? А то, знаешь ли, день ото дня все труднѣе жить мнѣ становится.

— Ну, на это не больно разсчитывай,—отвѣтила собака;— своему хозяину я останусь вѣрна и до этого даже тебя не допущу.

Волкъ подумалъ, что „Султанъ" шутитъ, явился, крадучись, ночью и хотѣлъ, было, овечку сцапать. Да мужикъ, котораго вѣрный „Султанъ" предупредилъ, подстерегъ волка и знатно попотчевалъ его цѣпомъ, насилу волкъ вырвался; но, убѣгая, онъ крикнулъ собакѣ:

— Погоди, ужо, негодный! Я тебѣ отплачу ужо!

На другое утро подослалъ волкъ кабана къ „Султану" и велѣлъ звать его въ лѣсъ, посчитаться своими дѣлишками.

Старый „Султанъ" не могъ найти другого свидѣтеля для поединка, кромѣ кошки о трехъ ногахъ; вотъ и пустились они въ путь-дорогу; бѣдная кошка еле ковыляла слѣдомъ за „Султаномъ" и отъ боли задрала свой хвостъ кверху трубой. Волкъ съ кабаномъ-свидѣтелемъ были уже на назначенномъ мѣстѣ, но чуть завидѣли они противника, идущаго сюда, показалось имъ вдругъ, что онъ съ собою несетъ саблю, а это они поднятый хвостъ кошки приняли за саблю. А такъ какъ несчастное животное неуклюже прыгало на трехъ ногахъ и припадало къ землѣ, то имъ и покажись, что это онъ каждый разъ камни подбираетъ, чтобы ими въ нихъ швырять. И стало имъ обоимъ вдругъ такъ страшно, что кабанъ залѣзъ въ кусты, а волкъ вспрыгнулъ на дерево. Когда собака и кошка пришли на мѣсто судьбища, они очень подивились, что никого еще не было. Кабанъ весь цѣликомъ спрятаться въ кустахъ не могъ, и уши его торчали наружу. Вотъ въ то время, какъ кошка раздумчиво осмотрѣлась по сторонамъ, кабанъ и поведи ушами. Кошка подумала, что это мышенокъ возится тамъ, прыгнула на кабана и сердито вцѣпилась зубами въ ухо.

Тутъ кабанъ съ неописаннымъ воемъ вскочилъ на ноги и бросился бѣжать и все кричалъ:

— Да это не я!.. Виноватый-то на деревѣ сидитъ!..

Собака и кошка взглянули наверхъ и замѣтили волка, которому больно совѣстно было, что онъ выказалъ себя такимъ трусомъ. Слѣзъ онъ и помирился съ собакой.

Шесть лебедей.

Охотился однажды король въ большомъ лѣсу и такъ рьяно гнался за какою-то дичью, что никто изъ его свиты не могъ поспѣть за нимъ.

Вотъ когда насталъ вечеръ, придержалъ онъ коня и оглянулся вокругъ себя и замѣтилъ, что онъ заблудился. Сталъ онъ искать вѣрной дороги, но никакъ не могъ найти ея. И вотъ замѣтилъ онъ какую-то старуху съ трясущейся головою, которая шла прямо на него; а это была вѣдьма.

— Милая женщина,—сказалъ онъ ей,—не можете ли вы указать мнѣ дорогу, какъ мнѣ выбраться изъ лѣса?

— Могу, батюшка-король,—отвѣтила она,—но только съ однимъ условіемъ; а если вы его не исполните, то не выберетесь изъ лѣса и погибнете здѣсь отъ голода.

— Что же это за условіе?—спросилъ король.

Есть у меня одна единственная дочь,—сказала старуха,—которая такъ хороша, что другой подобной ей на свѣтѣ не сыщешь. Она достойна стать вашей супругой; если вы согласны взять ее замужъ и сдѣлать королевой, я вамъ укажу дорогу изъ лѣсу.

Король въ страхѣ согласился на все, и старуха повела его къ своему домику, гдѣ у очага сидѣла ея дочь. Дѣйствительно, дѣвушка была чудно-хороша собою, хотя королю она вовсе не понравилась, и онъ не могъ взглянуть на нее безъ затаеннаго ужаса. Все-же посадилъ онъ дѣвушку къ себѣ на коня, старуха показала ему дорогу, и король возвратился въ свой королевскій замокъ, гдѣ и была отпразднована ихъ свадьба.

А король прежде уже былъ разъ женатъ, и отъ первой жены у него было семеро человѣкъ дѣтей: шесть мальчиковъ и одна дѣвочка, которую любилъ онъ больше всего на свѣтѣ. Такъ какъ онъ боялся, что мачеха будетъ дурно обращаться съ нею и какое-нибудь зло причинитъ ей, онъ и удалилъ ее въ одинокій замокъ, что таился въ самой чащѣ лѣса. Замокъ тотъ былъ такъ защищенъ деревьями и такъ трудно было найти дорогу къ нему, что самъ король не могъ бы разыскать его, если бы не подарила ему одна вѣщая женщина клубокъ шелка съ диковиннымъ свойствомъ: когда король бросалъ его передъ собою, клубокъ самъ начиналъ разматываться, катясь и указывая ему дорогу. Однако, король такъ часто уходилъ повидаться со своими милыми дѣтьми, что королевѣ его отлучки стали казаться подозрительными; стало ее мучить любопытство, и она захотѣла узнать, что дѣлаетъ онъ въ лѣсу одинъ-одинешенекъ.

И щедро одарила она своихъ слугъ деньгами, а тѣ выдали ей тайну и разсказали ей даже про клубокъ, который одинъ только могъ указывать путь. Не знала, не вѣдала королева покоя, покамѣстъ не дозналась-таки, гдѣ король хранитъ клубокъ, а затѣмъ нашила она маленькихъ, бѣлыхъ, шелковыхъ рубашечекъ, а такъ какъ отъ своей матери она переняла тоже искусство колдовства, то и заворожила эти рубашечки. И вотъ, когда однажды король отправился на охоту, взяла она рубашечки и пошла въ лѣсъ, а клубокъ указывалъ ей дорогу. Какъ только дѣти завидѣли издалека, что кто-то идетъ къ нимъ, они подумали, что это идетъ ихъ отецъ, и радостныя, веселыя выскочили навстрѣчу ей. Тогда она набросила на каждаго изъ нихъ по рубашечкѣ, и чуть только рубашки коснулись ихъ тѣла, какъ дѣти мгновенно превратились въ лебедей и взвились высоко надъ лѣсомъ. Пошла королева домой совершено довольная и такъ и думала, что пасынки ея теперь погибли, но дѣвочка-то не выбѣжала къ ней навстрѣчу со своими братьями, и королева про нее даже не знала. На другой день король навѣстилъ дѣтей, да только не нашелъ никого, кромѣ одной дѣвочки.

— Гдѣ же твои братья?—спросилъ король.

— Ахъ, милый батюшка,—отвѣтила она,—они улетѣли отсюда, а меня оставили одну-одинешеньку,—и повѣдала она ему все, что видѣла въ свое окошечко, какъ ея братья подъ видомъ лебедей взвились надъ лѣсомъ, и показала ему перья, которыя обронили они на дворѣ, а она подняла. Опечалился король, однако, не подумалъ, что это злое дѣло совершила королева, а такъ какъ онъ боялся, что и дѣвочку у него, пожалуй, похитятъ, то и хотѣлъ, было, взять ее съ собою. Но дѣвочка страшно боялась мачехи и упросила короля, чтобы тотъ позволилъ ей еще хоть эту ночь остаться въ лѣсномъ замкѣ.

Бѣдная дѣвушка думала:—„Мнѣ уже не долго здѣсь быть, такъ уже лучше пойду я разыскивать моихъ братьевъ“. И ночью вышла она изъ замка и пошла еще глубже въ лѣсную чащу. Шла она цѣлую ночь и весь слѣдующій день безостановочно, пока отъ усталости дальше идти не могла, и увидѣла она тутъ охотничью сторожку, вошла въ нее и нашла тамъ въ одной комнаткѣ шесть маленькихъ кроватокъ, но не отважилась лечь на одну изъ нихъ, а подползла подъ одну кровать, легла прямо на полу и такъ рѣшила провести ночь. Когда солнце стало заходить, услышала она какой-то шумъ и увидѣла, что влетѣли въ окошко шесть лебедей. Они опустились на полъ, стали дуть одинъ на другого и сдули съ себя всѣ перья, и ихъ лебединыя шкурки, какъ рубашки, спали на полъ. И только глянула на нихъ дѣвушка, какъ тотчасъ же признала своихъ братьевъ, обрадовалась и выкарабкалась изъ-подъ кровати. Братья не меньше ея были обрадованы, но не долго продолжалась эта радость.

— Здѣсь тебѣ жить нельзя,—сказали они ей;—это разбойничій притонъ; вернутся разбойники и убьютъ тебя.

— Развѣ вы не можете меня защитить?—спросила сестричка.

— Нѣтъ,—отвѣтили они,—потому что мы можемъ каждый вечеръ только на четверть часа сбрасывать шкурку лебедя, и только въ это время мы и принимаемъ человѣческій образъ, а тамъ снова обращаемся въ лебедей.

Заплакала сестрица и говоритъ:

— Да неужели же нельзя васъ освободить отъ чаръ?

— Ахъ, нѣтъ,—отвѣтили они,—условія для этого слишкомъ тяжелы: ты должна цѣлыхъ шесть лѣтъ не говорить, не смѣяться и за это время должна сшить намъ шесть рубашечекъ изъ цвѣтовъ астры. Если одно только слово сорвется съ твоихъ губъ,—всѣ труды твои пропадутъ даромъ.

И какъ только братья сказали ей это,—четверть часа уже прошло, и они снова вылетѣли въ окошко въ видѣ лебедей. Но дѣвушка твердо положила освободить своихъ братьевъ, даже если бы это стоило ей жизни. И покинула она лѣсную хижину, пошла въ чащу лѣса, взобралась на дерево и провела тамъ ночь. На слѣдующее утро сошла она съ дерева, набрала астръ и принялась шить рубашечки. Говорить ей было не съ кѣмъ, а смѣяться никакой охоты не было и подавно; она сидѣла себѣ и спѣшно работала.

Прошло много-таки времени съ тѣхъ поръ, и случилось, что король той страны охотился въ лѣсу и наѣхалъ вмѣстѣ съ своими охотниками на то дерево, на которомъ сидѣла дѣвушка. Окликнули они ее и спрашиваютъ:

— Кто ты такая?

Но она не дала имъ отвѣта.

— Сойди къ намъ,—сказали они,—мы зла не сдѣлаемъ!

Но она только головой качала. Когда же они продолжали надоѣдать ей съ вопросами дальше,—она бросила имъ золотую шейную цѣпочку и думала, что они этимъ удовлетворятся.

Но они не оставляли ея, и тогда сбросила она имъ поясъ, а когда и это не помогло,—свои подвязки, платье, и осталась въ одной рубашкѣ. Но охотники все-же взлѣзли на дерево, сняли ее и привели къ королю. Король спросилъ ее:

— Кто ты такая? Что ты дѣлаешь на этомъ деревѣ?

Но она ничего не отвѣтила. Онъ спрашивалъ ее на всевозможныхъ языкахъ, какіе онъ только самъ зналъ, но она оставалась нѣмою какъ рыба. А такъ какъ она была прекрасна собою, то сердце короля тронулось. Онъ накинулъ на нее свой плащъ, взялъ ее къ себѣ на лошадь и привезъ въ замокъ. И велѣлъ онъ одѣть ее въ богатыя платья, усадилъ съ собою ее рядомъ за столъ; она была прекрасна собою, но все молчала; ея скромное лицо, умѣнье держать себя такъ понравились королю, что онъ рѣшилъ взять ее себѣ замужъ и черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, обвѣнчался съ нею.

Но у короля была недобрая мачеха, которой не по-сердцу была эта свадьба и которая всячески старалась очернить молодую королеву.

— Кто знаетъ, откуда явилась эта дѣвушка,—сказала она какъ-то разъ;—она и говорить-то не можетъ. Нѣтъ, недостойна она короля...

Черезъ годъ, когда родился у королевы первый ребенокъ, старуха унесла его, а самой королевѣ измазала кровью губы.

И пошла она къ королю и пожаловалась ему, что-де королева—людоѣдка. Не хотѣлъ король этому вѣрить и не позволилъ тронуть королеву.

А королева сидѣла и неустанно шила рубашки и ни на что другое вниманія не обращала. Въ другой разъ, когда еще родился у нея прехорошенькій мальчикъ, лукавая мачеха повторила свой обманъ; но король не могъ рѣшиться придать вѣры ея рѣчамъ. Онъ сказалъ:

— Она слишкомъ благочестива и хороша собою, чтобы могла совершить что-либо подобное; не будь она нѣма, она защитила бы себя, доказала бы свою невиновность...

Когда же и въ третій разъ старуха украла новорожденнаго ребенка и снова обвинила въ людоѣдствѣ королеву, то королю ничего другого не оставалось, какъ предать ее суду, а послѣдній приговорилъ сжечь ее на кострѣ.

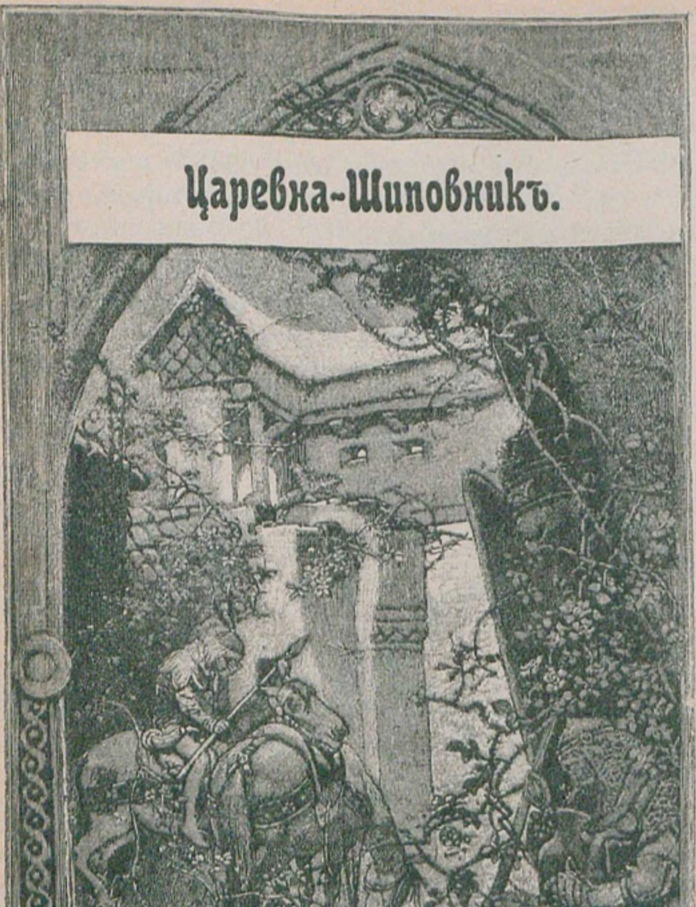
Вотъ какъ насталъ тотъ день, когда приговоръ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе,—насталъ какъ-разъ и послѣдній день шестилѣтняго періода, во время котораго королева не смѣла ни говорить, ни смѣяться, такъ что она теперь почти уже освободила своихъ братьевъ отъ волшебства. Шесть рубашекъ были готовы, и только у послѣдней еще не хватало лѣваго рукава. Вотъ когда повели ее къ костру, перекинула она черезъ руку рубашки, и когда уже стояла она на кострѣ и вотъ-вотъ должны были зажечь огонь,—оглянулась она вокругъ себя и видитъ вдругъ,— плывутъ къ ней по воздуху шесть лебедей.

И поняла она тогда, что освобожденіе ихъ отъ чаръ уже не далеко, и сердце ея забилось отъ радости. Съ шумомъ примчались къ ней лебеди и опустились около нея, такъ что она сама накинула на нихъ рубашки, и какъ только рубашки коснулись ихъ, спали съ нихъ лебединыя шкурки, и очутились передъ нею ея братья живехоньки, здоровехоньки, одинъ краше другого; только у младшаго вмѣсто лѣвой руки было лебединое крыло. Они ласкали и цѣловали другъ друга, и королева подошла къ королю, который былъ совершенно пораженъ этимъ, и сказала ему:

— Милый супругъ, теперь я могу говорить; теперь могу открыть тебѣ, что я невиновна и неправильно оклеветана,— и повѣдала она ему объ обманѣ старухи, которая отняла у нея трехъ дѣтей и скрыла ихъ.

И дѣти были приведены тогда къ королю, къ его великой радости, а злая мачеха была въ наказаніе привязана къ костру и сожжена. А король и королева и шесть братьевъ съ ними жили долгіе годы въ счастьи и довольствѣ.

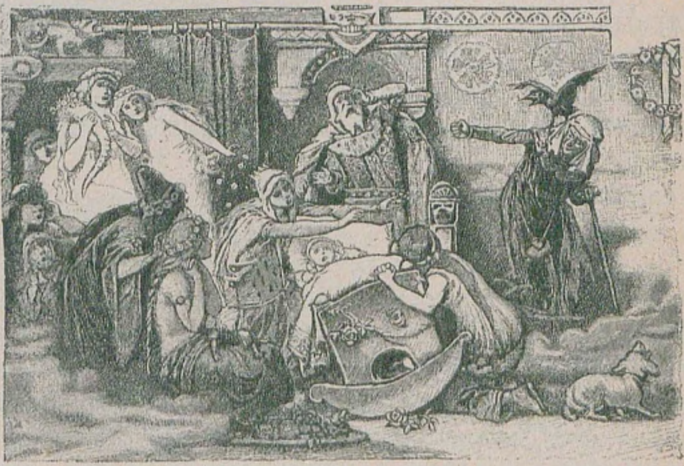
Царевна-Шиповникъ.



Давно-давно жили царь съ царицей, которые постоянно говорили: — „Ахъ, если бы у насъ былъ ребенокъ!“—а дѣтей у нихъ все не было. Вотъ когда царица однажды купалась, выползла на берегъ изъ воды лягушка и квакнула ей:

— Твое желаніе исполнится; въ этомъ году у тебя родится дочка.

Что сказала лягушка, то и случилось, и родилась у царицы дѣвочка, которая была такъ хороша, что самъ король не помнилъ себя отъ радости и затѣялъ большое празднество. Онъ пригласилъ къ себѣ не только своихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, но и разныхъ волшебницъ, чтобы онѣ впослѣдствіи покровительствовали принцессѣ. Было ихъ всѣхъ въ его царствѣ тринадцать, но такъ какъ у короля оказалось только двѣнадцать золотыхъ тарелокъ, съ которыхъ имъ слѣдовало кушать, то одна изъ нихъ и должна была оставаться дома, не солоно хлебавши.



Отпраздновали торжество со всѣмъ великолѣпіемъ, а когда окончилась вся церемонія, стали волшебницы одаривать ребенка своими чудесными дарами; одна одарила его добротою, другая—красотою, третья—богатствами, а за ними и остальныя одарили дѣвочку всѣмъ, чего только на свѣтѣ можно пожелать. Но когда одиннадцатая волшебница высказала свое пожеланіе, въ царскіе покои внезапно вошла тринадцатая волшебница. Она явилась отомстить за то, что ея не пригласили, и злобно крикнула:

— Знайте всѣ, что царевна на пятнадцатомъ году своей жизни уколется о веретено и умретъ...—а сама повернулась и скрылась.

Всѣ были перепуганы, но тогда подошла къ колыбели двѣнадцатая волшебница, которая еще не высказала своего пожеланія; она не могла уничтожить злоѓо предопредѣленія, могла только смягчить его.

— Это будетъ не смерть,—сказала она,—а глубокій сонъ въ теченіе цѣлаго вѣка.

Въ отчаяніи король тотчасъ же издалъ указъ, чтобы въ его царствѣ были сожжены всѣ веретена, и дѣло съ концомъ

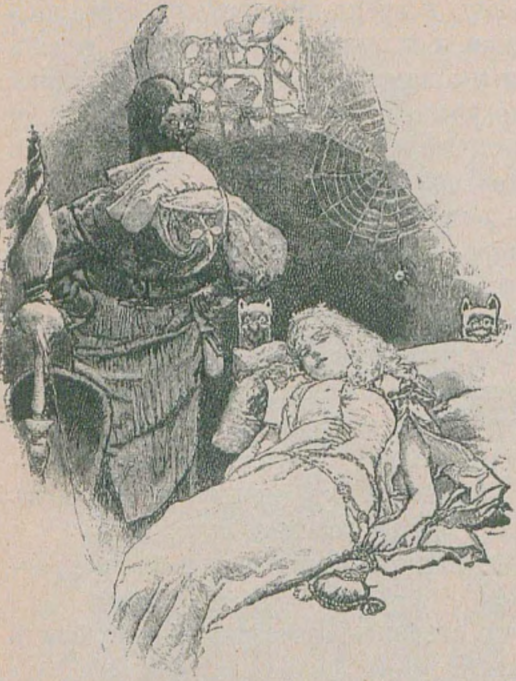
А на дѣвочкѣ исполнялись всѣ пожеланія волшебницъ; она была такъ прекрасна, скромна, привѣтлива и такая умница, что всякій, кто только ее видѣлъ, приходилъ въ восторгъ отъ нея.

И случилось однажды, что какъ-разъ въ тотъ самый день, когда минуло ей пятнадцать лѣтъ, царя съ царицей не было дома, и дѣвушка оставалась въ замкѣ одна-одинешенька. Вотъ и пошла она бродить по всему замку, осматривала комнаты, всѣ коморки и, наконецъ, взобралась по узенькой, витой лѣстницѣ наверхъ старой башенки. Ржавый ключъ торчалъ въ какой-то маленькой дверкѣ, и едва только она повернула его, дверь распахнулась, и тамъ, въ маленькой горенкѣ, оказалось, сидѣла какая-то старушка за самопрялкой и усердно пряла ленъ.

— Добрый день, бабушка!—сказала царевна.—Что это ты такое дѣлаешь?

— Пряду, дитя мое, - сказала старушка и кивнула ей головой.

— А это что за вещица такая, которая такъ весело вертится и попрыгиваетъ?—спросила дѣвушка, взяла веретено и хотѣла, было, тоже начать прясть, но едва только притронулась она къ нему,— предвѣщаніе исполнилось. И она уколола себѣ палецъ веретеномъ.



И въ то же мгновеніе упала она на постель, которая стояла тамъ, и погрузилась въ глубокій сонъ. И весь зàмокъ тотчасъ охватилъ этотъ волшебный сонъ: царь и царица, которые только-только вернулись домой, едва вступили въ залъ, какъ тотчасъ же впали въ сонъ, а за ними и вся придворная свита. Заснули и кони въ стойлахъ, и собаки во дворѣ, и голуби на крышѣ, и мухи по стѣнамъ; да и огонь, что змѣился на очагѣ, замеръ и заснулъ, и жаркое перестало жариться, и поваръ, который хотѣлъ схватить поваренка за волосы за то, что тотъ не досмотрѣлъ чего-то, выпустилъ его изъ рукъ и заснулъ. И вѣтеръ притихъ, и на деревьяхъ передъ зàмкомъ ни единый листочекъ не шелохнулся.

И постепенно кругомъ зàмка стала разрастаться живая изгородь изъ шиповника, и съ каждымъ годомъ становилась она все выше, выше и облегла, наконецъ, весь зàмокъ, такъ что не только его, но даже и флага на крышѣ не было видно. И стало въ странѣ той изъ устъ въ уста ходить сказаніе о прекрасной спящей царевнѣ-шиповникѣ, потому что такъ прозвали царевну; и время-отъ-времени стекались къ тому зàмку королевичи и пытались проникнуть черезъ изгородь. Но это было немыслимо, потому что у шиповника вѣтви съ шипами, словно руки, переплелись между собою, и юноши, пробиваясь, застревали въ нихъ и погибали въ чащѣ на вѣтвяхъ мучительной смертью.

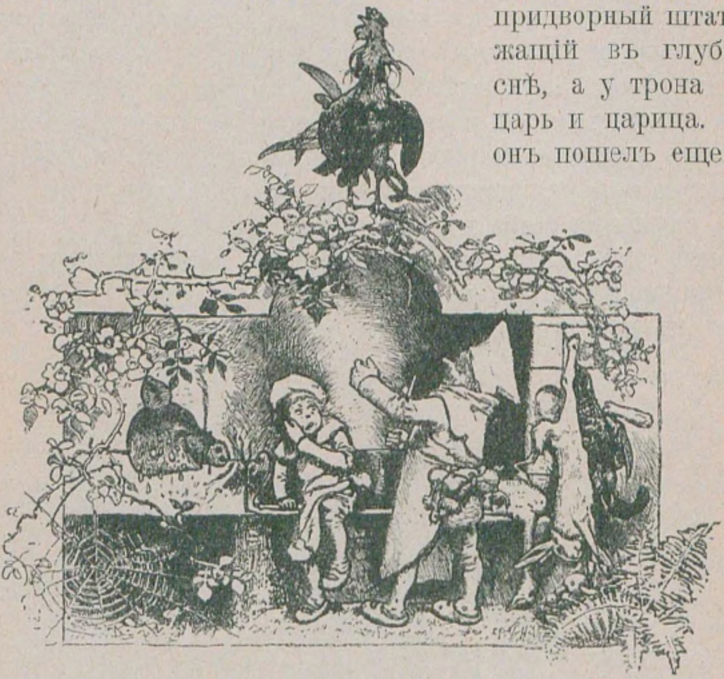
Вотъ послѣ долгихъ-долгихъ лѣтъ прибылъ однажды въ эту страну еще одинъ королевичъ, и довелось ему услышать, какъ одинъ старикъ разсказывалъ объ изгороди-шиповникѣ, что-де въ глуши его находится зàмокъ, въ которомъ вотъ уже много лѣтъ какъ спитъ дивно-прекрасная царевна-шиповникъ, а съ нею вмѣстѣ спятъ и царь, и царица, и весь придворный штатъ. А королевичъ еще отъ дѣда зналъ, что многіе приходили сюда и пытались проникнуть черезъ изгородь шиповника, но застревали въ немъ и умирали въ чащѣ жалкою смертью. Но юноша все-таки сказалъ:

— Я этого не боюсь; я пойду туда и повидаю прекрасную царевну-шиповникъ!

И что ни говорилъ ему старикъ-разсказчикъ, королевичъ и не думалъ его слушать.

А въ этотъ годъ какъ-разъ истекло сто лѣтъ и наступилъ день, когда царевна-шиповникъ должна была снова пробудиться. Когда королевичъ приблизился къ изгороди изъ шиповника, вся она была усыпана роскошными, большими цвѣтами, которые раздвигались сами собой и пропускали его мимо, не вредя ему, а за нимъ слѣдомъ снова сплетались въ непроходимую изгородь. На зàмковомъ дворѣ королевичъ увидѣлъ крѣпко спавшихъ коней и пѣгихъ борзыхъ; на крышѣ сидѣли голуби, завернувъ головки подъ крылья. А когда онъ вошелъ въ зàмокъ, тамъ и мухи-то на стѣнахъ даже спали, и поваръ въ кухнѣ все еще держалъ занесенную вверхъ руку, какъ-будто онъ вотъ-вотъ хочетъ схватить поваренка; служанка сидѣла надъ черной курицей, которую ей надо было ощипать, и тоже спала.

И пошелъ онъ дальше и увидѣлъ въ тронной залѣ весь придворный штатъ, лежащій въ глубокомъ снѣ, а у трона спали царь и царица. Тогда онъ пошелъ еще дальше, а кругомъ все было такъ тихо, что онъ могъ уловить свое дыханіе; и достигъ онъ, наконецъ, башенки, открылъ дверь въ маленькую горенку, гдѣ спала царевна-шиповникъ, и обомлѣлъ отъ восторга...



Тамъ лежала она и была такъ чудно-хороша, что онъ глазъ не могъ оторвать отъ нея. Быстро нагнулся онъ къ ней и крѣпко поцѣловалъ ее.

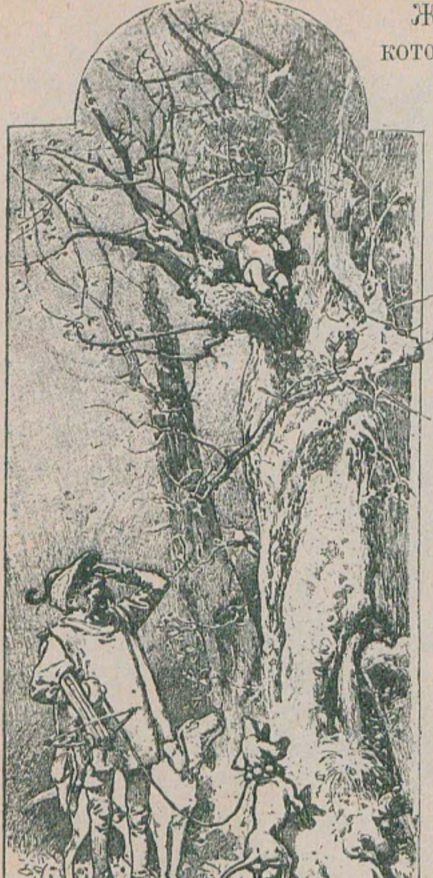
И только прикоснулись уста его къ устамъ царевны, какъ раскрыла она глаза и ласково взглянула на королевича.

И сошли они съ нею внизъ; пробудились и царь, и царица, и весь придворный штатъ, и всѣ смотрѣли другъ на друга широко раскрытыми глазами.

И кони на дворѣ поднялись на ноги и встряхивались; охотничьи борзыя собаки вспрыгнули, замахали хвостами, залаяли; голуби на крышѣ подняли головы изъ-подъ крыльевъ, осмотрѣлись и полетѣли въ поле; мухи на стѣнахъ поползли дальше; огонь на кухнѣ вновь запылалъ и сталъ доваривать кушанье; жаркое стало дожариваться, и поваръ далъ такую оплеуху поваренку, что тотъ вскрикнулъ отъ боли, а служанка живо дощипала курицу.

И была тутъ отпразднована свадьба королевича и царевны-шиповникъ съ большою роскошью, и долго жили они въ полномъ довольствѣ до конца своей жизни.

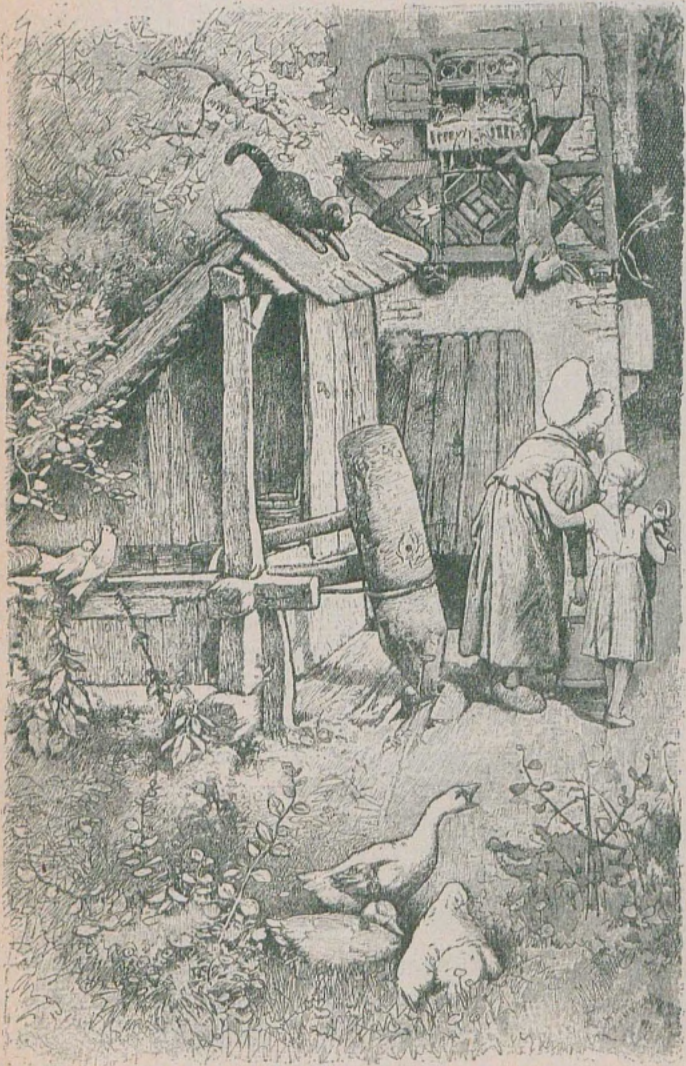
Птиценайденышъ.



Жилъ-былъ однажды лѣсничій, который отправился какъ-то въ лѣсъ на охоту; и, проходя по лѣсу, услышалъ онъ вдругъ чьи-то крики, какъбудто гдѣ-то плакалъ ребенокъ. Вотъ онъ и пошелъ на эти крики и въ концѣ-концовъ приблизился къ высокому дереву, па вершинѣ котораго сидѣлъ маленькій-маленькій ребенокъ.

Дѣло въ томъ, что заснула какъ-то мать съ ребенкомъ подъ этимъ деревомъ, а хищная птица замѣтила у нея на колѣняхъ малютку, опустилась къ ней, ухватила ее клювомъ и подняла на вершину дерева.

Взлѣзъ лѣсничій наверхъ, снялъ ребенка съ дерева и подумалъ:—„Возьму-ка я его домой и выращу вмѣстѣ съ моей Ленхенъ“...—Вотъ и принесъ онъ домой ребенка, и дѣти стали расти вмѣстѣ. А такъ какъ мальчикъ былъ найденъ на деревѣ и выкрала его птица, ребенка и назвали Птиценайденышъ. Птиценайденышъ и Ленхенъ такъ полюбили другъ друга, что одинъ безъ другого мѣста себѣ не находилъ отъ тоски.



А у лѣсничаго была кухарка; таскала она какъ-то вечеромъ двумя бадейками воду; и не разъ, не два, а много разъ кряду бѣгала она къ колодцу. Увидала это Ленхенъ и спрашиваетъ:

— Послушай-ка, бабушка Санна, къ чему ты носишь такъ много воды?

— Ежели ты будешь молчать, я тебѣ, пожалуй, скажу. Завтра поутру пойдетъ лѣсничій на охоту, а я вскипячу воду, и когда она закипитъ въ котлѣ ключомъ, я сварю въ ней Птиценайденыша.

На другое утро лѣсничій поднялся очень рано и отправился на охоту, а когда онъ ушелъ, дѣти еще лежали въ кровати. Вотъ и говоритъ Ленхенъ Птиценайденышу:

— Если ты меня никогда не покинешь, я тебя спасу отъ смерти...

— Я не покину тебя никогда!—сказалъ Птиценайденышъ.

Тогда Ленхенъ сказала:

— Только тебѣ открою я тайну: бабушка Санна вчера вечеромъ натаскала много бадеекъ воды и сказала мнѣ, что сегодня утромъ рано, когда батюшка будетъ на охотѣ, она нальетъ полный котелъ воды, броситъ тебя туда и сваритъ. Такъ вставай скорѣе, одѣвайся и убѣжимъ съ тобою прочь отсюда...

Вотъ и поднялись дѣти, скоренько одѣлись и ушли изъ дому. Какъ только вода въ котлѣ стала закипать, кухарка пошла въ спальню за Птиценайденышемъ. Но когда она приблизилась къ кровати,—дѣтей ужъ и слѣдъ простылъ. Испугалась она и подумала:—„Что я скажу лѣсничему, когда онъ вернется домой и не найдетъ дѣтей?.. Надо скорѣе догнать ихъ и вернуть домой“...

Вотъ и послала кухарка за ними слѣдомъ трехъ работниковъ, чтобы они нагнали дѣтей и вернули ихъ. А дѣти той порой сидѣли на опушкѣ лѣса, и какъ только замѣтила Ленхенъ бѣгущихъ работниковъ, говоритъ она Птиценайденышу:

— Если ты меня никогда не покинешь, я тебя спасу отъ смерти...

Тогда Птиценайденышъ сказалъ:

— Я не покину тебя никогда, сестрица!..

Тогда Ленхенъ и говоритъ:

— Будь же ты розовымъ кустомъ, а я—розой на тебѣ...

Вотъ когда трое работниковъ добѣжали до опушки лѣса,— тамъ уже никого не было, кромѣ розоваго куста и розы, а дѣтей и слѣдъ простылъ. Подумали они и говорятъ:

— Ну, тутъ намъ дѣлать нечего, — отправились восвояси и доложили кухаркѣ, что-де тамъ, въ лѣсу ровнешенько никого они не видали, кромѣ розоваго куста и розы на немъ.

Тутъ кухарка съ бранью накинулась на нихъ:

— Ахъ, вы, простофили! Да вамъ бы розовый кустъ пополамъ перерѣзать, розу-то сорвать да съ собой принести!.. Вѣдь это они и были!.. Ну, живо, маршъ, бѣгите и выполните все это!

Вотъ и должны были они вторично броситься на поиски. Но дѣти издалека еще замѣтили ихъ, и Ленхенъ сказала:

— Птиценайденышъ, если ты меня никогда не покинешь, я тебя опять выручу...

— Я не покину тебя никогда, сестрица!—сказалъ Птиценайденышъ.

И сказала Ленхенъ:

— Такъ будь же ты церковью, а я—вѣнцомъ въ церкви.

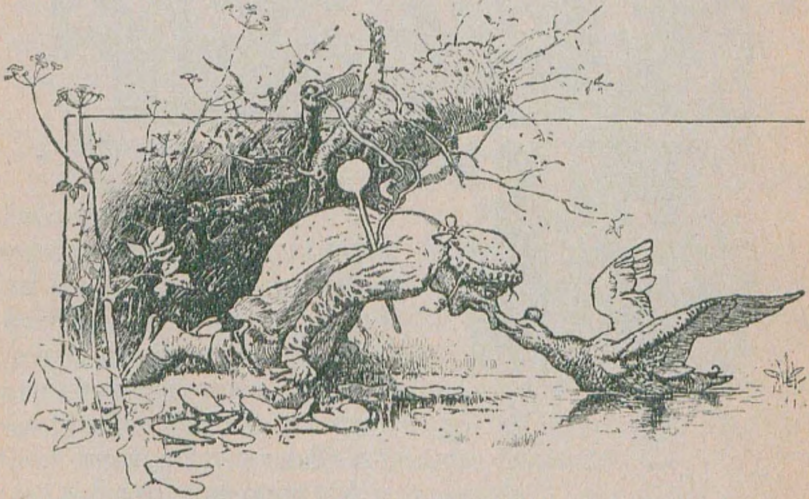
Вотъ когда работники добѣжали до нихъ, на томъ мѣстѣ никого уже не было, кромѣ церкви и вѣнца въ ней. Они потолковали между собою, потолковали: дескать, нечего намъ тутъ дѣлать, повернемъ-ка назадъ домой... Когда же они вернулись домой, кухарка стала ихъ разспрашивать, не нашли ли они чего-нибудь; а они сказали, что-де нѣтъ, ничего они не нашли, кромѣ церкви, а въ церкви лежалъ одинъ вѣнецъ.

— Вотъ дурни-то!—воскликнула кухарка.—Почему вы не разрушили церковь и вѣнецъ съ собою не принесли?

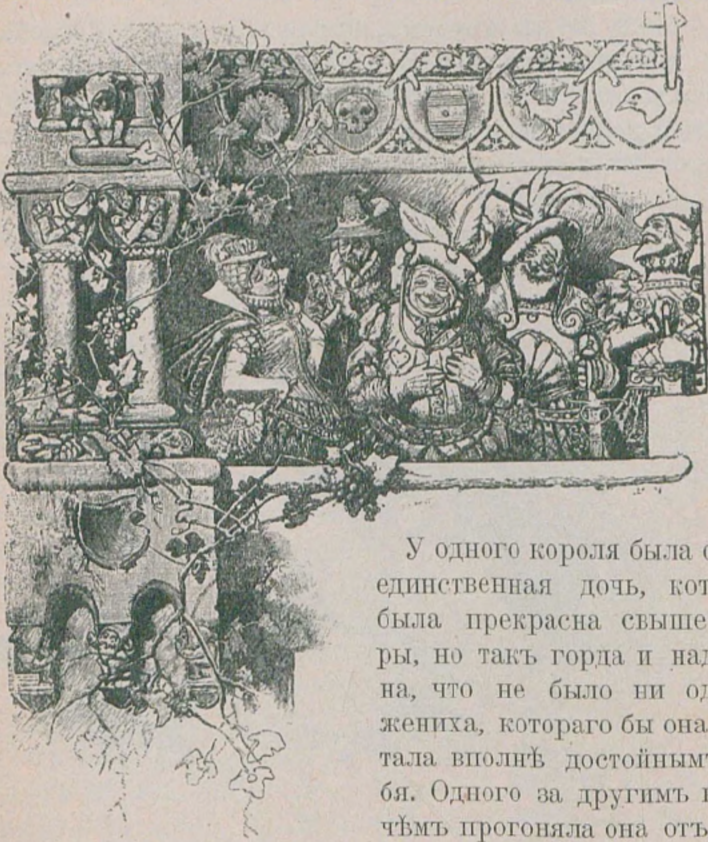
Теперь уже кухарка сама бросилась слѣдомъ за дѣтьми съ работниками. Да запримѣтили дѣти еще издали, что бѣгутъ къ нимъ слуги, а кухарка за ними ковыляетъ, и сказала Линхенъ:

— Будь же ты прудомъ, братецъ, а я стану уткой.

А кухарка какъ только увидала прудъ, тотчасъ же легла на землю и хотѣла, было, весь прудъ выпить. Да уточка стрѣлой подплыла къ ней, ухватила ее клювомъ за носъ и стащила въ воду; тутъ старая вѣдьма и утонула. А дѣти отправились домой и радовались отъ всего сердца; и ежели только они не умерли, такъ все еще живутъ-поживаютъ.



Король Дроздобородъ.



У одного короля была однаединственная дочь, которая была прекрасна свыше мѣры, но такъ горда и надменна, что не было ни одного жениха, котораго бы она считала вполнѣ достойнымъ себя. Одного за другимъ ни съ чѣмъ прогоняла она отъ себя да еще издѣвалась надъ ними. Вотъ однажды король повелѣлъ устроить пышное празднество и пригласилъ на него изъ сосѣднихъ владѣній и изъ отдаленныхъ странъ всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ бракъ съ его капризной дочерью.

Вотъ ихъ разсортировали и разставили рядами по достоинству и по положенію: сначала шли все короли, потомъ—

герцоги, князья, графы и бароны, а въ концѣ-концовъ — дворяне. Вотъ и повели королевну по этимъ рядамъ, а она непремѣнно находила что-нибудь сказать по поводу каждаго. Одинъ былъ для нея толстоватъ:—«Пивная бочка!»—говорила она. Другой—длиненъ и худъ:—«Для длиннаго да худого—хода никакого»... Третій былъ слишкомъ ужъ коротенькій:—«Коротышка, толстоватъ,—самъ судьбѣ своей не радъ!» Четвертый блѣденъ: — «Блѣдная смерть!» Пятый слишкомъ румянъ:—«Красный пѣтухъ!» Шестой недостаточно строенъ:—«Свѣжее дерево за печью сушено, да покороблено!» И такъ по адресу каждаго она находила что-нибудь замѣтить, но больше всего потѣшалась она надъ добродушнымъ королемъ, который стоялъ въ ряду выше другихъ и у котораго подбородокъ сильно выдавался впередъ.

— Эге!—воскликнула она и засмѣялась.—У этого подбородокъ словно клювъ у дрозда.

И съ того времени этотъ король получилъ прозвище «Дроздобородъ».

Увидѣлъ старый король, что его дочь только потѣшается надъ людьми и пренебрегаетъ всѣми женихами, и разгнѣвался онъ на нее и поклялся, что теперь она выйдетъ замужъ за перваго попавшагося нищаго.

Дня черезъ два послѣ того вдругъ подъ ихъ окнами остановился какой-то странствующій музыкантъ, сталъ пѣть и играть ради самаго ничтожнаго подаянія.

Услыхалъ король его и говоритъ:

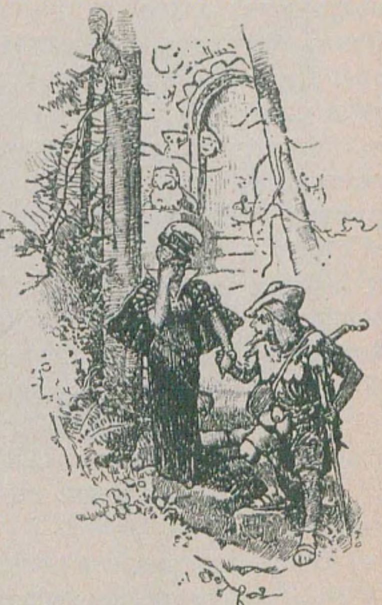
— Впустите его, пусть онъ войдетъ сюда!

Тогда вошелъ музыкантъ въ своемъ грязномъ, изорванномъ платьѣ и сталъ пѣть передъ королемъ и его дочерью свои пѣсни, и когда окончилъ пѣть, попросилъ подать ему что-нибудь на бѣдность, а король ему и говоритъ:

— Мнѣ такъ понравилось твое пѣніе, что я хочу выдать за тебя замужъ мою дочь...

Королевна страшно испугалась, но король прибавилъ:

— Я уже поклялся, что отдамъ тебя за перваго нищаго, и сдержу свою клятву.



Тутъ ужъ никакія возраженія помочь не могли; позвали пастора, и тотъ тотчасъ же обвѣнчалъ королевну съ музыкантомъ. Когда дѣло было слажено, король сказалъ:

— Мнѣ будетъ неловко, если ты, жена нищаго, останешься жить въ моемъ замкѣ; отправляйся съ мужемъ на всѣ четыре стороны.

Бѣдный музыкантъ вывелъ ее за руку и пошли они вмѣстѣ куда глаза глядятъ. Вотъ и приходятъ они въ какой-то большой лѣсъ, она его и спрашиваетъ:

— Кому принадлежитъ лѣсъ чудный и густой?..
— Да королю Дроздобороду!
Будь замужемъ за нимъ, онъ былъ бы нынче твой...
— Ахъ, я несчастная!.. Печаль меня беретъ,
Что не на мнѣ женатъ король Дроздобородъ!..

Потомъ проходили они лугами, и она снова спросила его:

— Кому принадлежитъ зеленый, чудный лугъ?
— Да королю Дроздобороду тоже.
Будь замужемъ за нимъ, онъ былъ бы твой, мой другъ...
— Ахъ, я несчастная!.. Печаль меня беретъ,
Что не на мнѣ женатъ король Дроздобородъ!..

Потомъ проходили они большимъ городомъ, и она снова спросила своего спутника:

— Чей это городъ, чудный и большой?
— Да имъ король Дроздобородъ владѣетъ!..
Будь замужемъ за нимъ, онъ былъ бы нынче твой...
— Ахъ, я несчастная!.. Печаль меня беретъ,
Что я не вышла за тебя, король Дроздобородъ!..

— Ну, мнѣ это не по нраву!—сказалъ музыкантъ. — Ты безпрестанно мечтаешь о другомъ мужѣ... А я что же не нравлюсь тебѣ?..

Наконецъ, добрались они до крошечнаго домика, и она спросила:

— Чей это домикъ небольшой,
Убогій, тѣсный, чуть живой?..

И музыкантъ отвѣтилъ:

— Это нашъ домикъ, гдѣ мы съ тобою, милая женушка, и поселимся.

Ей пришлось нагнуться, когда она входила въ домикъ черезъ низенькую дверь.

— А гдѣ же прислуга?—спросила королевна.

— Какая тамъ прислуга? — отвѣтилъ нищій. — Ты сама должна дѣлать все, что тебѣ только надо. Вотъ разведи огонь, воду вскипяти да свари мнѣ чего-нибудь поѣсть, а то я страшно проголодался!

Но королевна никакого понятія не имѣла ни о растопкѣ печки, ни о стряпнѣ, и нищій самъ взялся за дѣло и кое-какъ состряпалъ скудный обѣдъ. Утромъ поднялъ онъ ее ни свѣтъ ни заря, — потому что она должна была приняться за хозяйство. Дня два жили они такимъ образомъ— ни шатко, ни валко — и проѣли мало-по-малу всѣ свои запасы. Тогда мужъ ей и говоритъ:

— Жена, такъ жить дольше нельзя: мы съ тобою зря проѣдаемся, а ничего не зарабатываемъ. Ты хотя бы корзинки плела, что ли...

И пошелъ онъ въ лѣсъ, нарѣзалъ ивняку и принесъ ей. Вотъ и принялась королевна плести корзины; жесткіе прутья въ кровь искололи ея нѣжныя руки, и она бросила эту работу.

— Ну, я вижу, это дѣло тебѣ несподручное, — сказалъ мужъ;—лучше ужъ садись прясть, можетъ-быть, ты на это способна...

Она сѣла за прялку и попробовала, было, прясть, но тонкая нитка врѣзалась въ нѣжные пальцы, такъ что кровь даже выступила на нихъ.

— Сама видишь,—сказалъ мужъ,—что ты ни къ какой работѣ не можешь приспособиться; съ тобою мнѣ чистое наказаніе! Попытаюсь я лучше торговать горшками и разной посудой, а ты будешь сидѣть на базарѣ да продавать товаръ...

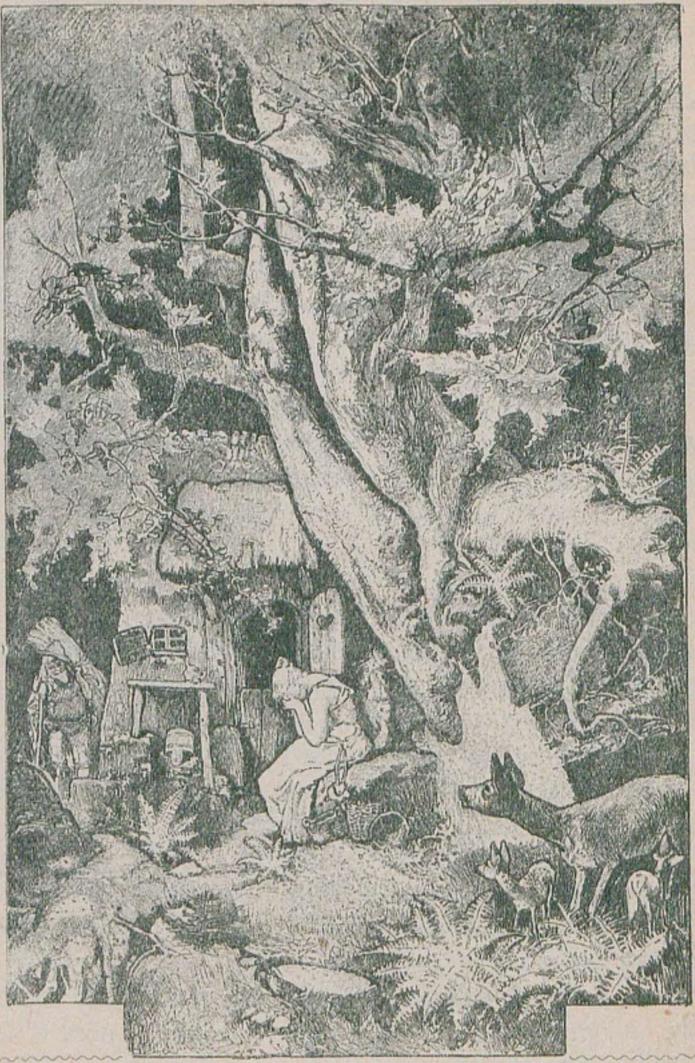
«Ахъ,—подумала она,—увидятъ меня на базарѣ подданные моего отца и станутъ насмѣхаться надо мною!»...

Однако, дѣлать было нечего, и пришлось согласиться на все, чтобы не погибнуть съ голоду. Вначалѣ все пошло какъ по маслу: люди охотно раскупали у нея товаръ, потому что она была дивно-хороша собой, и они платили ей ту цѣну, какую только она назначала; да многіе даже расплачивались съ нею чистоганомъ, а горшки оставляли ей въ придачу. Такъ и жили они пока на барыши, насколько хватало ихъ, а потомъ мужъ снова закупилъ много разной посуды, и королевна усѣлась съ нею на углу базара, разставила ее и приготовилась торговать; какъ вдругъ прискакалъ какой-то гусаръ на площадь и промчался какъ-разъ по разставленной посудѣ, такъ что вся она разлетѣлась на тысячи черепковъ.

— Ахъ, какъ мнѣ достанется!..—горько заплакала королевна.—Что скажетъ на это мужъ!..

И побѣжала она домой, повѣдала ему о своемъ несчастьи.

— Да кто же садится съ глиняной посудой на углу, около дороги, на краю базара? — сказалъ мужъ. — Нечего



плакать, я отлично вижу, что ни къ какой порядочной работѣ ты положительно неспособна. Иди лучше въ королевскій замокъ; тамъ мнѣ обѣщали взять тебя на мѣсто судомойки, и за это тебя станутъ кормить даромъ.

Вотъ и стала королевна судомойкой помогать повару и справлять самую черную работу. Она завела себѣ въ обоихъ карманахъ по горшочку, въ которыхъ и приносила домой то, что доставалось на ея долю изъ объѣдковъ, и этимъ они съ мужемъ оба и питались.

Вотъ разъ праздновали свадьбу старшаго королевскаго сына; бѣдная женщина пошла наверхъ и стала за дверью залы полюбоваться на торжество. Свѣчи были уже зажжены, и въ залу безпрерывно входили гости, одинъ красивѣе другого, и все убранство было виликолѣпное и пышное на-диво, и съ горечью подумала она о своей долѣ, и прокляла она свои гордость и надменность, которыя до того унизили ее и повергли въ такую бѣдность.

Порою слуги бросали ей остатки отъ роскошныхъ кушаній, которыя то вносили, то выносили изъ залы; и она припрятывала эти куски въ горшочки, чтобы унести ихъ съ собою домой. И вдругъ самъ король вышелъ къ ней, весь разодѣтый въ бархатъ и шелкъ и съ золотою цѣпью на шеѣ. Онъ прямо взялъ ее за руки и хотѣлъ, было, начать танцовать съ нею, но она отбивалась отъ него; она перепугалась, потому что узнала сразу, что это былъ самъ король Дроздобородъ, который сватался къ ней и котораго она съ насмѣшкой отослала отъ себя ни съ чѣмъ.

Но ея сопротивленіе не повело ни къ чему,—королевскій сынъ силой вывелъ ее въ залу; и вдругъ лопнула у нея повязка, на которой висѣли у нея горшочки; супъ вылился на полъ, и остатки ѣды запрыгали вокругъ нея. И какъ только присутствовавшіе увидѣли это,—поднялся всеобщій хохотъ и насмѣшки,—и она была такъ унижена, что лучше бы ей было на тысячу саженъ въ землю провалиться.

Бросилась она къ двери и хотѣла, было, скрыться, но на лѣстницѣ какой-то человѣкъ поймалъ ее и вернулъ назадъ. И когда она взглянула на него,—это снова былъ король Дроздобородъ, который ласково сказалъ ей:

— Не бойся ничего, я тотъ самый музыкантъ, который жилъ съ тобою въ жалкомъ домикѣ въ лѣсу; изъ-за любви къ тебѣ я принялъ на себя такой видъ; и тотъ гусаръ, который перетопталъ на площади у тебя посуду, тоже былъ я. Все это было сдѣлано ради того, чтобы склонить твое гордое сердце и отплатить тебѣ за твое высокомѣріе, съ какимъ высмѣяла ты меня...

И горько заплакала она тогда и сказала:

— Да, это была большая несправедливость съ моей стороны къ тебѣ, король, и я недостойна уже стать твоею женою...

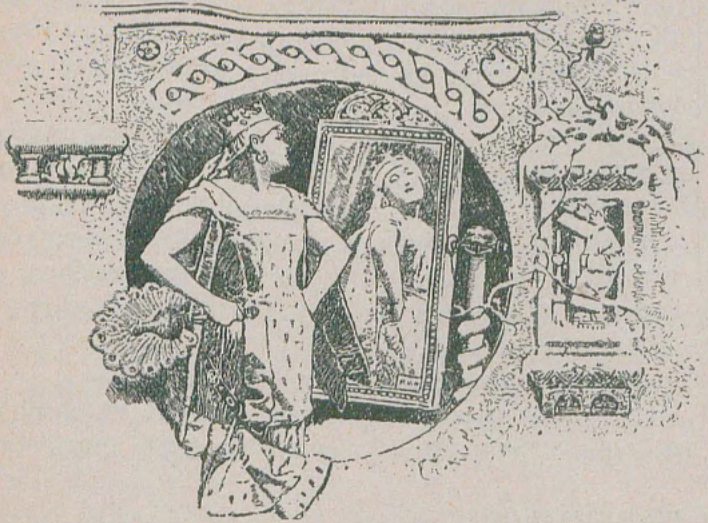
Но онъ сказалъ ей:

— Утѣшься. Зловѣщіе дни промчались мимо, а теперь давай праздновать нашу свадьбу...

И подошли къ ней придворныя дамы и одѣли ее въ роскошное платье; приблизились къ ней ея отецъ и вся свита и поздравили ее, и настоящая-то радость только тутъ и началась.

А какъ бы мнѣ хотѣлось побывать тамъ вмѣстѣ съ тобой!..

Бѣлоснѣженка.



Это случилось однажды въ срединѣ зимы, когда снѣжные хлопья, словно перья, падали съ неба, а королева сидѣла одна и шила у окна, рамы котораго сдѣланы были изъ чернаго дерева. И въ то время, какъ шила она да поглядывала на падающій снѣгъ, уколола она себѣ иголкой палецъ, и три капельки крови капнули на снѣгъ. И такъ какъ красный цвѣтъ ярко вырисовывался на бѣломъ снѣгу, то королева и подумала:—„Ахъ, если бы у меня былъ ребенокъ бѣлый, какъ снѣгъ, румяный, какъ кровь, и черноволосый какъ дерево этой рамы“.

И родилась у нея вскорѣ послѣ того дѣвочка, которая въ самомъ дѣлѣ, была бѣленькая, какъ снѣгъ, румяная, какъ кровь, и черноволосая, какъ черное дерево,—и ее прозвали Бѣлоснѣженкой. И какъ только дѣвочка явилась на свѣтъ, королева умерла.

Черезъ годъ король обвѣнчался съ другой супругой. То была женщина прекрасная лицомъ, но такая гордая и надменная, что она и мысли не могла допустить, чтобы кто-нибудь могъ превзойти ее красотой. Было у нея волшебное зеркальце, и когда она становилась передъ нимъ, заглядывала въ него и спрашивала:

— „Зеркальце, зеркальце, вымолви мнѣ,
Кто всѣхъ прекраснѣе въ нашей странѣ?"...—

то зеркальце отвѣчало ей:

— „Вы, королева, всѣхъ лучше у насъ!"...

И она была этимъ безмѣрно довольна, такъ какъ знала, что зеркальце говоритъ одну правду.

А Бѣлоснѣженка росла да росла и день ото дня становилась все прекраснѣе, и когда ей исполнилось только семь лѣтъ,—она уже была прекрасна какъ ясный день и даже красивѣе самой королевы.

И когда послѣдняя однажды опять спросила зеркало:

— „Зеркальце, зеркальце, вымолви мнѣ,
Кто здѣсь прекраснѣе въ цѣлой странѣ?"...—

то оно отвѣчало ей:

— „Вы, королева, прекрасны у насъ.
Но Бѣлоснѣженка лучше и васъ!"...

Разсердилась королева и вся сначала пожелтѣла, а потомъ позеленѣла отъ злости. Съ этого времени, какъ только, бывало, завидитъ она Бѣлоснѣженку, все сердце у нея въ груди повернется,— дотого возненавидѣла она дѣвушку. И зависть, и высокомѣріе, словно сорныя травы, росли въ ея сердцѣ все выше и выше, такъ что она не знала покоя ни днемъ, ни ночью. Вотъ и кликнула она, наконецъ, егеря и сказала ему:

— Снеси ты этого ребенка въ лѣсъ; я не могу его видѣть; убей его и принеси мнѣ легкія и печень, какъ доказательства.

Не ослушался егерь, повелъ дѣвушку въ лѣсъ, да какъ вынулъ охотничій ножъ и хотѣлъ, было, пронзить имъ безвинное сердце Бѣлоснѣженки, залилась она слезами и сказала:

— Ахъ, милый егерь, пощади мою жизнь! Я останусь здѣсь въ дремучемъ лѣсу и никогда-никогда не возвращусь домой...

И сжалился надъ ней егерь и сказалъ ей:

— Такъ бѣги же, что ли, несчастное дитя!..

„Все равно хищные звѣри растерзаютъ тебя“,—подумалъ онъ, и все-таки ему казалось, словно камень свалился у него съ сердца.

А на ту пору, какъ-разъ бѣжалъ мимо, подпрыгивая, вепренокъ; закололъ его егерь, вырѣзалъ у него легкія и печень и отнесъ ихъ королевѣ.

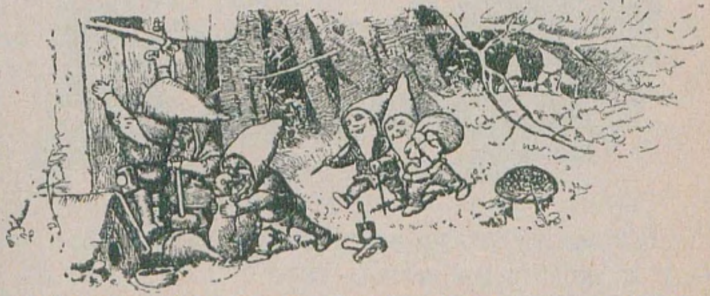
И долженъ былъ поваръ сварить ихъ въ соленой водѣ, а королева съѣла ихъ и была въ полной увѣренности, что съѣла легкія и печень Бѣлоснѣженки.

Осталась бѣдная дѣвушка въ дремучемъ лѣсу одна-одинешенька, и стало ей такъ страшно, что она всѣ листья на деревьяхъ осматривала, гдѣ казалось ей таилось что-то ужасное. И пустилась она тогда бѣжать и бѣжала по острымъ камнямъ, сквозь терновникъ, а хищные звѣри пробѣгали мимо, но не трогали ея.

И бѣжала она такъ, покамѣстъ ноги несли ее, а когда уже стало вечерѣть, увидѣла она передъ собою маленькій домикъ и вошла въ него отдохнуть. Въ этомъ домикѣ вся утварь была маленькаго размѣра, но такая изящная и опрятная, что и разсказать невозможно.

Тамъ стоялъ столикъ, накрытый чистой скатертью; а на немъ семь маленькихъ тарелочекъ, при каждой тарелочкѣ своя ложка, рядомъ—семь ножиковъ и вилокъ и семь кубковъ. У стѣны стояло семь кроватокъ, одна около другой, покрытыя бѣлоснѣжными простынями.

Такъ какъ Бѣлоснѣженка была голодна, и жажда мучила ее,—она и взяла себѣ съ каждой тарелки понемножку овощей и хлѣба, и изъ каждаго кубка отпила по каплѣ вина, потому что ей жаль было съѣсть все у кого-нибудь одного. А затѣмъ, такъ какъ усталость томила ее, она хотѣла, было, лечь отдохнуть на кроватку, да ни одна не подходила ей по росту; одна была слишкомъ длинна, другая—слишкомъ коротка; только, наконецъ, седьмая какъ-разъ пришлась ей по росту, и на ней она и улеглась,—поручила себя волѣ Божьей и заснула.



Вотъ когда совсѣмъ ужъ стемнѣло, вернулись къ себѣ владѣльцы домика,—а это были семь карликовъ-гномовъ, которые рыли и добывали въ горахъ руду. Засвѣтили они семь свѣчекъ, и когда въ домикѣ стало свѣтло, замѣтили, что кто-то былъ у нихъ, потому что все было не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они оставили.

Первый сказалъ:—Кто сидѣлъ на моемъ стулѣ?

Второй:—Кто ѣлъ съ моей тарелки?

Третій:—Кто отломилъ кусокъ отъ моего хлѣбца?

Четвертый:—Кто кушалъ мои овощи?

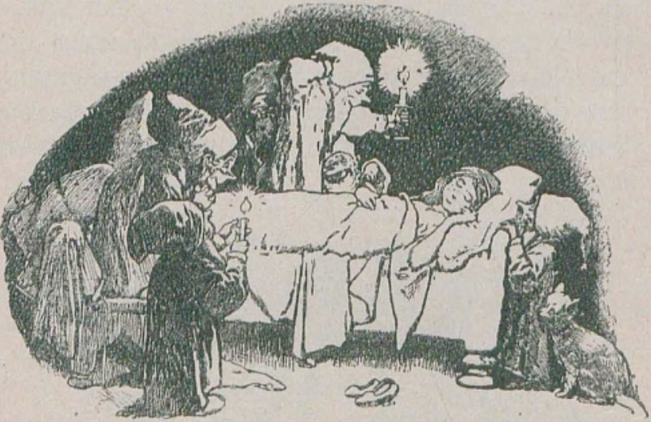
Пятый:—Кто ѣлъ моей вилкой?

Шестой:—Кто рѣзалъ моимъ ножичкомъ?

Седьмой:—А кто пилъ изъ моего кубка?

Потомъ первый оглянулся и увидѣлъ, что постель его смята; онъ и сказалъ:

— А кто это на мою постель ложился?..



Подбѣжали остальные шестеро и воскликнули:

— И на моей тоже лежалъ кто-то!

А седьмой взглянулъ на свою постель и замѣтилъ Бѣлоснѣженку, покоившуюся въ глубокомъ снѣ. Кликнулъ онъ остальныхъ, тѣ сбѣжались къ нему и воскликнули:

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!—кричали они.—Какое прекрасное дитя!—и они были такъ рады ей, что не стали ее будить и оставили въ постели выспаться. А гномикъ, на постели котораго спала Бѣлоснѣженка, спалъ поочередно у каждаго товарища по часу.

Проснулась утромъ Бѣлоснѣженка, и какъ только увидѣла семерыхъ карликовъ, перепугалась страшно. Но они ласково сказали ей:

— Какъ звать тебя?

— Зовутъ меня Бѣлоснѣженкой,—отвѣчала она.

— Какъ же это ты къ намъ въ домъ попала?—продолжали разспрашивать карлики.

И повѣдала тогда Бѣлоснѣженка, какъ хотѣла мачеха ее убить, да егерь даровалъ ей жизнь; какъ послѣ того цѣлый день напролетъ бѣжала она, пока не набрела въ лѣсу на ихъ домикъ. И сказали ей карлики:

— Коли хочешь ты присматривать за нашимъ хозяйствомъ, варить, постели стлать, стирать, шить и вязать и все содержать въ порядкѣ и чистотѣ, такъ оставайся у насъ, и ты ни въ чемъ не будешь нуждаться.

— Хорошо, — сказала Бѣлоснѣженка, — я очень, очень рада!..

И осталась она у нихъ жить.

Она весь домъ содержала въ порядкѣ; утромъ карлики уходили въ горы рыть руду и золото; вечеромъ возвращались домой, и къ тому времени кушанье имъ должно было быть готово. Цѣлый день дѣвушка сидѣла дома одна, и карлики все предупреждали ее и говорили:

— Остерегайся своей мачехи, которая, навѣрно, скоро прознаетъ, что ты живешь у насъ; смотри же, не впускай къ себя никого!

Между тѣмъ королевна, послѣ того какъ съѣла печень и легкія, думая, что онѣ Бѣлоснѣжкины, была убѣждена въ томъ, что теперь она снова—единственная красавица во всей странѣ; стала передъ зеркаломъ и сказала:

— „Зеркальце, зеркальце, молви-ка мнѣ,
„Кто всѣхъ прекраснѣе въ нашей странѣ"...

И отвѣчало зеркальце:

— „Вы, королева, всѣхъ лучше у насъ,
Но Бѣлоснѣжка въ ущеліяхъ горныхъ,
У семерыхъ крошекъ-гномовъ проворныхъ, —
Лучше, прекраснѣе въ тысячу разъ!"...

Тутъ она ужасно разсердилась, такъ какъ хорошо знала, что зеркальце неправды не скажетъ, и поняла, что егерь ее обманулъ и что Бѣлоснѣженка жива.

Вотъ и стала она думать, какое бы новое средство еще придумать, чтобы покончить съ нею. Потому что пока королева не была увѣрена, что она—самая красивая женщина по всей странѣ, зависть не давала ей покою. И, наконецъ, подкрасила она себѣ лицо, переодѣлась старой торговкой и стала совершенно неузнаваема. Вотъ и пошла она въ такомъ видѣ за семь горъ, къ семи карликамъ, добралась до ихъ домика, постучала въ дверь и крикнула:

— Ахъ, хороши товары! Купите у меня!..

Выглянула Бѣлоснѣженка въ окошко и крикнула:

— Добрый день, милая тетушка! Что это вы продаете?

— Славные товары, отличныя вещицы,— отвѣтила та.—Вотъ шнурки всѣхъ цвѣтовъ!..—и вынула одинъ изъ нихъ, который былъ сплетенъ изъ разноцвѣтнаго шелка.

„Ну, честную-то торговку я могу впустить къ себѣ“,— подумала Бѣлоснѣженка, сняла засовъ съ двери и купила себѣ прехорошенькій шнурокъ.

— Ахъ, дитятко,—молвила старуха,—да на кого ты похожа? Постой-ка, я тебя зашнурую какъ слѣдуетъ.

Бѣлоснѣженка и не подозрѣвала ничего, стала передъ нею и дала себя зашнуровать новымъ шнуркомъ; а старуха быстро зашнуровала ее, да такъ туго, что у Бѣлоснѣженки дыханіе перехватило, и она упала замертво.

— Ну, вотъ только ты и была красавицей!—сказала старуха и поспѣшила скрыться.

Вскорѣ послѣ того, въ вечернюю пору вернулись домой семеро карликовъ; и перепугались же они, какъ завидѣли свою ненаглядную Бѣлоснѣженку распростертой на землѣ! И она совсѣмъ не двигалась, не шевелилась, словно была мертвая. Они подняли ее, да какъ замѣтили, что она слишкомъ туго зашнурована, разрѣзали ей шнурокъ; вздохнула бѣдная дѣвушка и мало-по-малу снова пришла въ себя. Какъ услышали карлики, что̀ съ нею произошло, они сказали ей:

— Не торговка это была, а сама безбожная королева! Остерегайся ея и не впускай къ себѣ никого, когда насъ дома нѣтъ.

А злая женщина, какъ только вернулась домой, стала передъ зеркальцемъ и сказала:

— „Зеркальце, зеркальце, молви-ка мнѣ,
„Кто всѣхъ прекраснѣе въ нашей странѣ“...

И отвѣтило зеркальце опять все-таки свое:

— „Вы, королева, всѣхъ лучше у насъ,
Но Бѣлоснѣжка въ ущеліяхъ горныхъ,
У семерыхъ крошекъ-гномовъ проворныхъ,
Лучше, прекраснѣе въ тысячу разъ!.“...

Какъ только услышала она это, кровь прилила ей къ сердцу,—дотого она разсердилась, потому что ясно поняла, что Бѣлоснѣженка ожила снова.

— Ну, хорошо же,—сказала она,—я придумаю что-нибудь и изведу тебя!..

И при помощи колдовства, въ которомъ она была свѣдуща, сдѣлала королева отравленную гребенку. Потомъ переодѣлась и приняла на себя видъ совсѣмъ другой старухи и пошла за семь горъ, къ семерымъ карликамъ, тамъ постучалась въ дверь и крикнула:

— Вотъ хороши товары!.. Продаю! Продаю!..

Выглянула Бѣлоснѣженка на улицу и сказала:

— Проходи мимо! Я никого не смѣю впустить къ себѣ.

— Ну, товаръ-то посмотрѣть, я чай, тебѣ позволяютъ!—сказала старуха, вынула отравленный гребень и высоко-высоко подняла его. И такъ онъ понравился дѣвушкѣ, что она поддалась обману и отворила двери. Когда онѣ сторговались, старуха и говоритъ:

— Ну, давай, я тебя хоть разъ причешу какъ слѣдуетъ!

Ни о чемъ дурномъ не думала Бѣлоснѣженка и позволила старухѣ причесать себя, но едва только старуха воткнула гребень ей въ волосы, ядъ сталъ дѣйствовать, и дѣвушка безъ памяти упала ницъ.

— Ну, красавица ненаглядная,—молвила безбожная женщина,—теперь съ тобою все покончено!—и ушла во-свояси.

Къ счастью, скоро завечерѣло, и семеро карликовъ вернулись домой; какъ только замѣтили они, что Бѣлоснѣженка лежитъ на землѣ словно мертвая,—сейчасъ же подумали они на ея мачеху, стали обыскивать и нашли отравленный гребень, и едва только они вынули его, какъ Бѣлоснѣженка пришла въ себя и повѣдала имъ, что произошло съ нею передъ ихъ приходомъ. И еще разъ предупредили они ее быть насторожѣ и не плошать и никому рѣшительно не отворять двери.

А королева стала передъ зеркаломъ и сказала:

— „Зеркальце, зеркальце, молви-ка мнѣ,
„Кто всѣхъ прекраснѣе въ нашей странѣ“...

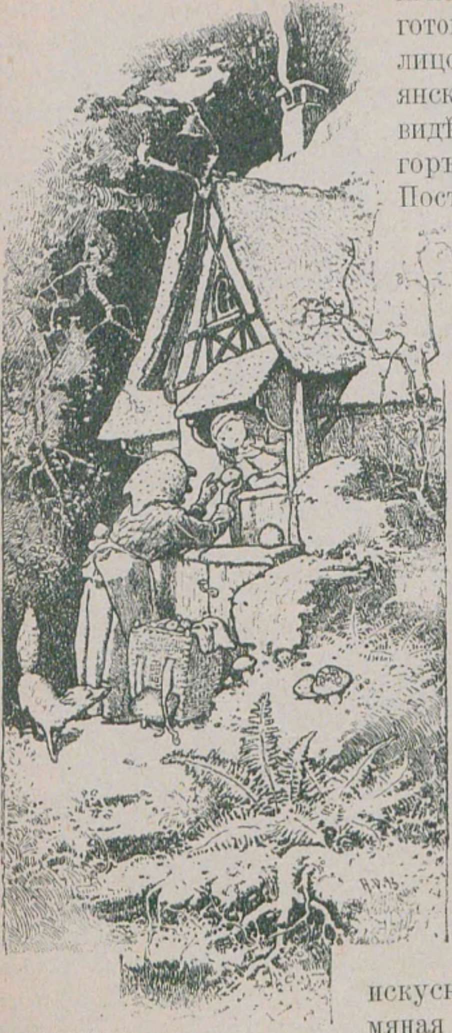
Тогда отвѣчало оно, какъ и прежде:

— „Вы, королева, прекраснѣе у насъ,
Но Бѣлоснѣжка въ ущеліяхъ горныхъ,
У семерыхъ крошекъ-гномовъ проворныхъ,
Лучше, прекраснѣе въ тысячу разъ!“...

Какъ услышала она, что говоритъ ей зеркало, даже затряслась вся, затрепетала отъ злости.

— Бѣлоснѣженка должна умереть,—воскликнула она,—хоть бы это стоило мнѣ жизни!

И удалилась она тогда въ совершенно уединенную, тайную комнату, куда никто не заглядывалъ, и напитала яблоко страшнымъ ядомъ. Съ виду яблоко выглядѣло прекраснымъ,—бѣленькое, съ румяными щечками,—такъ что невольно очаровывало каждаго, кто бы ни глянулъ на него; но стоило проглотить только кусочекъ, и смерть наступала мгновенно. Когда яблоко было готово, она раскрасила себѣ лицо, переодѣлась въ крестьянское платье и въ такомъ видѣ отправилась за семь горъ, къ семерымъ карликамъ. Постучалась она. Бѣлоснѣженка высунула голову изъ окна на улицу и сказала:



— Я никого не смѣю впускать; мнѣ семь карликовъ запретили это.

— Да мнѣ-то что до этого!.. — отвѣтила старуха-торговка.— Хочу я только съ яблоками моими развязаться. Вотъ я тебѣ одно подарю...

— Нѣтъ,—молвила Бѣлоснѣженка,—я и принять ничего не смѣю...

— Али яду боишься?—усмѣхнулась старуха. — Смотри-ка, я вотъ яблоко-то пополамъ разрѣжу,—румяную половину скушай ты, а бѣлую съѣмъ я.

А яблоко было такъ искусно сдѣлано, что только румяная половина была отравлена. Полюбовалась Бѣлоснѣженка чуднымъ яблокомъ, и какъ увидѣла она, что крестьянка ѣстъ его, она удержаться больше не могла, протянула руку и взяла отравленную половину яблока. Но едва только у нея во рту очутился откушенный кусочекъ, какъ она замертво упала на полъ... И окинула тогда ее королева страшнымъ взоромъ, громко засмѣялась и сказала:

— Бѣла, какъ снѣгъ, румяна, какъ кровь, черна, какъ черное дерево!.. Ну, на этотъ разъ карлики тебя уже не воскресятъ!

И когда послѣ того спросила она зеркало:

— „Зеркальце, зеркальце, молви-ка мнѣ,
„Кто всѣхъ прекраснѣе въ нашей странѣ,—

то оно, наконецъ-таки, отвѣчало ей:

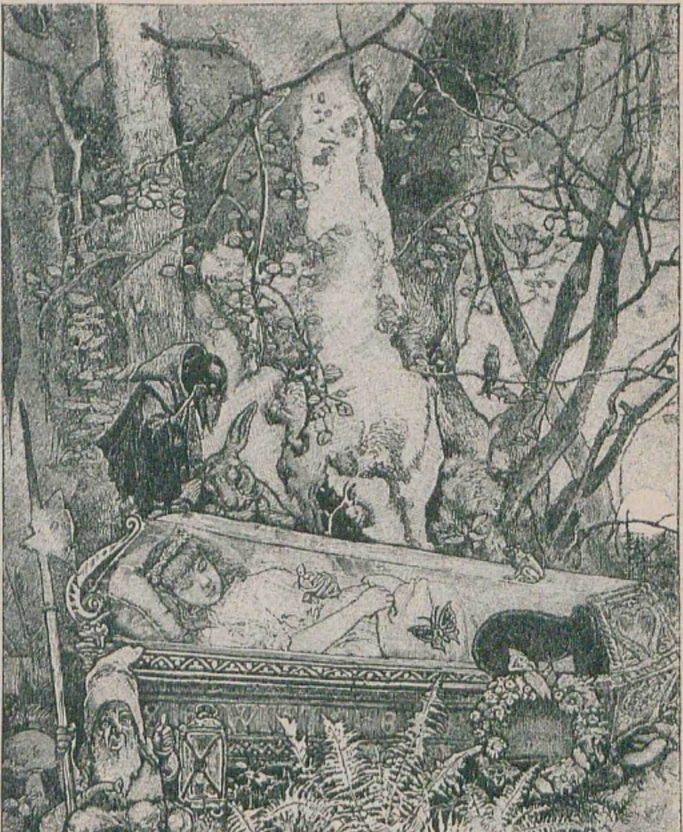
— „Вы, королева, всѣхъ лучше у насъ!“

И тогда лишь успокоилось ея завистливое сердце, насколько только такое сердце можетъ вообще успокоиться.

А карлики, когда вернулись вечеромъ домой, нашли Бѣлоснѣженку распростертую на землѣ; и дыханія не слышно было изъ ея устъ,—она была мертва. Подняли они ее, стали, было, обыскивать, въ надеждѣ найти что-нибудь ядовитое, расшнуровали ее, волосы ей расчесали, умыли ее водою и виномъ, но ничто не помогало,—Бѣлоснѣженка не оживала. И горько оплакивали они милую дѣвушку, а потомъ хотѣли похоронить ее; но она была съ виду такъ свѣжа и румяна, словно живая, что они не рѣшились на это.

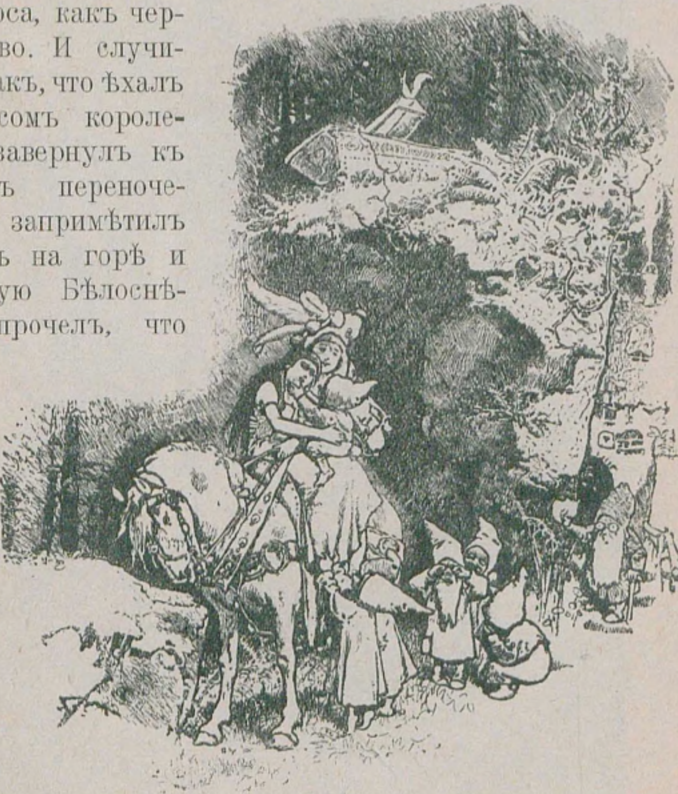
И устроили они прозрачный, стеклянный гробъ, такъ что дѣвушку можно было видѣть со всѣхъ сторонъ, положили ее туда и золотыми литерами написали на немъ ея имя и то, что она родомъ была королевна.

Они поставили стеклянный гробъ на высокой горѣ, и одинъ изъ нихъ постоянно оставался при немъ и охранялъ его. И звѣри сбѣгались и оплакивали Бѣлоснѣжку; сначала—сова,



потомъ—воронъ, а въ концѣ-концовъ—голубокъ.

Такъ и лежала въ гробу Бѣлоснѣженка долгое-долгое время и ничуть не измѣнялась, и съ виду казалось, что она только спитъ, потому что она была бѣла, какъ снѣгъ, румяна, какъ кровь, и черноволоса, какъ черное дерево. И случилось же такъ, что ѣхалъ тѣмъ лѣсомъ королевичъ и завернулъ къ карликамъ переночевать. И запримѣтилъ онъ гробъ на горѣ и прекрасную Бѣлоснѣженку, прочелъ, что было на немъ написано, и сказалъ карликамъ:



— Отдайте мнѣ ее, а я дамъ вамъ все, что вы пожелаете.

Но карлики сказали ему въ отвѣтъ:

— Не отдадимъ мы его и за все золото цѣлаго міра!

Тогда онъ сказалъ:

— Такъ подарите его мнѣ, потому что я просто не могу жить, не видя Бѣлоснѣженки; я буду беречь и глубоко чтить ее.

Сжалились карлики надъ нимъ и отдали ему гробъ. И приказалъ королевичъ своимъ слугамъ поднять и нести его на плечахъ. Но въ кустахъ неосторожно споткнулись они. И отъ сильнаго толчка кусочекъ ядовитаго яблока, который Бѣлоснѣженка проглотила, выскочилъ у нея изъ горла. И тотчасъ же открыла она глаза, приподняла надъ собою гробовую крышку и привстала.

— Ахъ, Боже! Гдѣ это я?—воскликнула она.

Обрадованный королевичъ молвилъ ей:

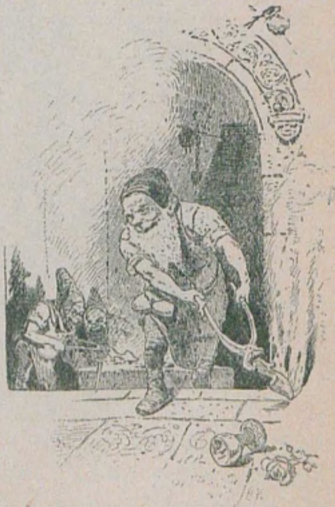
— Ты со мной!—и повѣдалъ ей, что съ нею случилось, а потомъ добавилъ:—Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ. Пойдемъ со мною въ отцовскій замокъ; ты станешь моею женою.

И послушалась его Бѣлоснѣженка, пошла съ нимъ, и свадьбу ихъ отпраздновали съ рѣдкой пышностью и великолѣпіемъ. А къ торжеству приглашена была и Бѣлоснѣженкина мачеха. Разодѣлась она въ пухъ и прахъ, стала передъ зеркаломъ и сказала:

— „Зеркальце, зеркальце, молви-ка мнѣ,
„Кто всѣхъ прекраснѣе въ нашей странѣ"...

Зеркало отвѣчало:

— „Вы, королева, прекрасны у насъ,
Но Бѣлоснѣжка прекраснѣе васъ!"...



И вырвалось у злой женщины проклятіе, и сначала она даже не хотѣла ѣхать на свадьбу; но ей нужно было все-таки видѣть молодую королеву. И какъ только она взглянула на Бѣлоснѣженку, то отъ испуга стала какъ вкопанная. Но уже желѣзныя туфли были поставлены на раскаленные уголья, и вотъ принесли ихъ щипцами и поставили передъ нею. Тогда она должна была обуть до-красна раскаленныя туфли и до тѣхъ поръ танцовать, покамѣстъ не упала на землю замертво.

Ранецъ, шапочка и рожокъ.

Жили-были однажды три брата, которыхъ бѣдность преслѣдовала, и, наконецъ, нужда у нихъ дошла до того, что они иногда по нѣскольку дней голодали.

— Нѣтъ,—сказали они въ концѣ-концовъ,—надо пойти по свѣту да поискать счастья.

Собрались они въ путь-дорогу; ходили-ходили они повсюду, а счастье имъ все не давалось, какъ ты ни бейся! И забрели они, наконецъ, въ дремучій лѣсъ, а въ чащѣ этого лѣса возвышалась гора; когда они приблизились къ ней, то замѣтили, что вся она была изъ чистаго серебра. Старшій братъ и сказалъ:

— Ну, вотъ оно и счастье! Бо́льшаго-то я и не желаю!

И вотъ набралъ онъ серебра столько, сколько могъ унести съ собою, и вернулся домой. Но двое другихъ братьевъ сказали:

— Ну, это какое счастье! Мы желали бы чего-нибудь получше!—и даже не притронулись къ нему, а пошли дальше. Цѣлыхъ два дня они все шли да шли и набрели, наконецъ, на гору, которая вся была слита изъ чистаго золота. Остановился второй братъ въ нерѣшительности и раздумался.

— Что мнѣ дѣлать?—сказалъ онъ.—Не взять ли просто золота, чтобы его хватило на всю жизнь, чѣмъ идти дальше?

На томъ и порѣшилъ,—набилъ карманы золотомъ, попрощался съ братомъ и повернулъ домой. Но третій братъ сказалъ:

— Серебро и золото меня не привлекаютъ. Я отъ своего счастья не отказываюсь; можетъ, мнѣ что-нибудь и лучшее назначено судьбой.

И пошелъ онъ дальше, и послѣ трехъ дней пути очутился онъ въ дремучемъ лѣсу, которому, казалось, конца-краю не было; а такъ какъ у него не было съѣстныхъ припасовъ и питья, то силы совершенно оставляли его. Вотъ и взлѣзъ онъ тогда на высокое дерево, чтобы посмотрѣть оттуда, гдѣ хоть этотъ лѣсъ кончается; но ничего, кромѣ вершинъ деревьевъ, онъ не видѣлъ, и сталъ онъ спускаться съ дерева; а голодъ такъ и мучитъ его; вотъ онъ и подумалъ:—«Охъ, кабы мнѣ хоть только разъ поѣсть вплотную!"

Слѣзъ съ дерева и видитъ,—стоитъ подъ деревомъ столъ, уставленный кушаньями, отъ которыхъ его паромъ такъ и обдаетъ.

— На этотъ разъ,—сказалъ онъ,—мое желаніе исполнилось вò-время!—и, не долго думая, примостился къ столу и съ жадностью принялся за ѣду. Покончилъ онъ съ ѣдой да и думаетъ:—«А вѣдь жаль эту тончайшую скатерть въ лѣсу оставлять!»,—сложилъ ее захватилъ съ собою и пошелъ своимъ путемъ далѣе; вечеромъ, когда ему опять захотѣлось ѣсть, задумалъ онъ испробовать скатертку, разостлалъ ее и сказалъ:

— Ну-ка, угости меня и теперь!..—и едва эти слова сорвались съ его губъ, какъ на скатерти появилось многое множество превосходныхъ кушаній.—Ну, теперь я понимаю,—сказалъ онъ, — въ какой кухнѣ все это стряпаютъ; ты для меня дороже и лучше, чѣмъ горы золота и серебра!

Онъ понялъ, что это была волшебная „скатертка-самобранка“. Однако, одной скатертки ему было мало, чтобы на томъ успокоиться и жить въ бездѣйствіи; нѣтъ, надо было походить еще по свѣту да попытать свое счастье.

Однажды вечеромъ въ глухомъ лѣсу набрелъ онъ на угольщика, всего чернаго отъ сажи и копоти; угольщикъ сидѣлъ у огня и пекъ себѣ картошку къ ужину.

— Добрый вечеръ, черный дроздъ!—сказалъ путникъ.— Какъ поживаешь?

— День за днемъ все одно и то же,—отвѣтилъ угольщикъ,—и каждый день все одна и та же картошка... Впрочемъ, можетъ, и ты со мной поужинаешь? А?

— Премного благодаренъ, — отвѣтилъ путникъ,—я тебя обижать не стану; ты вѣдь на гостя-то не разсчитывалъ, а вотъ если ты хочешь со мною компанію водить, такъ ужъ приглашу тебя поужинать я...

— Кто же это тебѣ сготовитъ что-нибудь?—молвилъ угольщикъ.—Вижу я, небось, что у тебя ничего съ собою нѣтъ, да и въ окрестности на два часа ходьбы отсюда никакой харчевни не сыщешь.

— И все-таки ужинъ у насъ будетъ,—отвѣтилъ путникъ,—да такой, какого ты отродясь не ѣдалъ.

Затѣмъ онъ вынулъ изъ сумки свою скатертку, разостлалъ ее на землѣ и сказалъ:

— Скатертка, накройся!—и въ то же мгновеніе на ней появилось варево и жаркое, и все было съ пылу, съ жару, словно только-только изъ печки вынуто. Угольщикъ широко раскрылъ глаза, но не заставилъ себя долго просить, а подсѣлъ къ ѣдѣ и ну совать одинъ кусокъ больше другого въ свой черный ротъ. Вотъ какъ откушали они, угольщикъ улыбнулся и говоритъ:

— Слышь ты, скатертку твою я одобряю! Куда какъ пригодна была бы она мнѣ въ лѣсу, гдѣ некому что-нибудь состряпать. А не хочешь ли помѣняться со мною. Вонъ тамъ въ уголкѣ виситъ солдатскій ранецъ, который хоть съ виду и старенекъ, и неказистъ, зато сила въ немъ диковинная! Онъ мнѣ не нуженъ, и я бы отдалъ тебѣ его за скатертку.

— А что въ немъ особеннаго?—спросилъ путникъ.

— Это я тебѣ растолкую,—отвѣтилъ угольщикъ.—Какъ только ты ударишь по немъ, тотчасъ выскочатъ изъ него ефрейторъ и шесть человѣкъ солдатъ въ полномъ вооруженіи, и что ты имъ ни прикажешь, они все исполнятъ.

— Ну, что-жъ,—сказалъ путникъ,—коли такъ, давай помѣняемся!—и отдалъ ему скатертку, снялъ ранецъ съ крюка, повѣсилъ его на плечо и распрощался съ угольщикомъ. Вотъ отошелъ онъ немного и ударилъ по ранцу. Мгновенно выскочили къ нему семь воиновъ, и ефрейторъ спросилъ его:

— Что прикажетъ мой господинъ и повелитель?

— А вотъ что: бѣгите-ка скорымъ маршемъ къ угольщику и отнимите у него „скатертку-самобранку“.

Воины повернулись налѣво кругомъ и немного спустя принесли требуемое: попросту, не долго разговаривая, отняли скатертку у угольщика, и шабашъ. Путникъ велѣлъ имъ убраться во-свояси, а самъ пошелъ дальше. На закатѣ ужъ встрѣчаетъ онъ другого угольщика, который тоже сидѣлъ у огня и готовилъ ужинъ.

— Садись, поужинай со мной за компанію,—предложилъ тотъ,—съ солью картошка, а сала ни крошки... Садись ко мнѣ ближе!

— Ну, нѣтъ,—отвѣтилъ путникъ,—на этотъ разъ ты мой гость будешь,—и развернулъ свою скатертку, которая вся тотчасъ же установилась самыми лучшими яствами.

Поѣли, попили они, а послѣ ѣды угольщикъ и говоритъ:

— Есть у меня, братецъ, старая, обтрепанная шапчонка,—а диковинная шапчонка: ежели кто надѣнетъ ее на голову и повернетъ кругомъ,—загремятъ пушки и все въ прахъ размечутъ, такъ что никто противъ нихъ не устоитъ. Мнѣ шапчонка эта ни къ чему не нужна, и за твою скатертку я ее охотно отдамъ тебѣ.

— Это пріятно слышать,—отвѣтилъ путникъ, взялъ шапчонку, надѣлъ ее на голову, а скатертку оставилъ угольщику; но онъ только немного отошелъ по дорогѣ, постучалъ по ранцу, и солдаты вторично вернули ему скатертку.

— Тутъ ужъ одно къ одному, — говорилъ путникъ, — и все-таки мнѣ кажется, что счастье мое еще не все исчерпано.

И надежды не обманули его и на этотъ разъ. Черезъ день набрелъ онъ на третьяго угольщика, который ничего другого не могъ предложить для угощенья, кромѣ неподмасленной картошки. А путникъ угостилъ его со „скатертки-самобранки“ на-славу, и это угощенье до того пришлось по вкусу угольщику, что онъ въ концѣ-концовъ предложилъ ему обмѣнять скатертку на рожокъ, у котораго было тоже особое свойство, даже больше, чѣмъ у шапчонки: стоило только подуть въ него, и всѣ стѣны, укрѣпленія, города и деревни сами собою обращались въ груды развалинъ. Путникъ отдалъ за рожокъ свою „скатертку-самобранку“, а потомъ велѣлъ своимъ слугамъ принести ее назадъ, такъ что въ концѣ-концовъ у него очутились ранецъ, шапчонка и рожокъ—всѣ вмѣстѣ да еще скатерть въ придачу.

— Теперь,—сказалъ онъ,—я вполнѣ счастливый человѣкъ, и, пожалуй, можно вернуться домой да посмотрѣть, каково-то живется братьямъ.

Когда онъ вернулся домой, то оказалось, что братья его выстроили на свое серебро и золото великолѣпный замокъ и жили себѣ припѣваючи. Зашелъ онъ, было, къ нимъ, но такъ какъ явился въ разорванномъ платьѣ, съ изношенной шапчонкой на головѣ, съ ветхимъ ранцемъ за спиною,—они его и за брата признать не хотѣли. Стали насмѣхаться надъ нимъ и сказали:

— Ты вотъ себя выдаешь за нашего брата, который пренебрегъ серебромъ и золотомъ и пошелъ искать себѣ лучшаго счастья; ну, онъ, конечно, пожалуетъ къ намъ въ полномъ великолѣпіи, какъ могущественный король, а не какъ нищій какой-нибудь въ родѣ тебя!—и выгнали его вонъ за дверь.

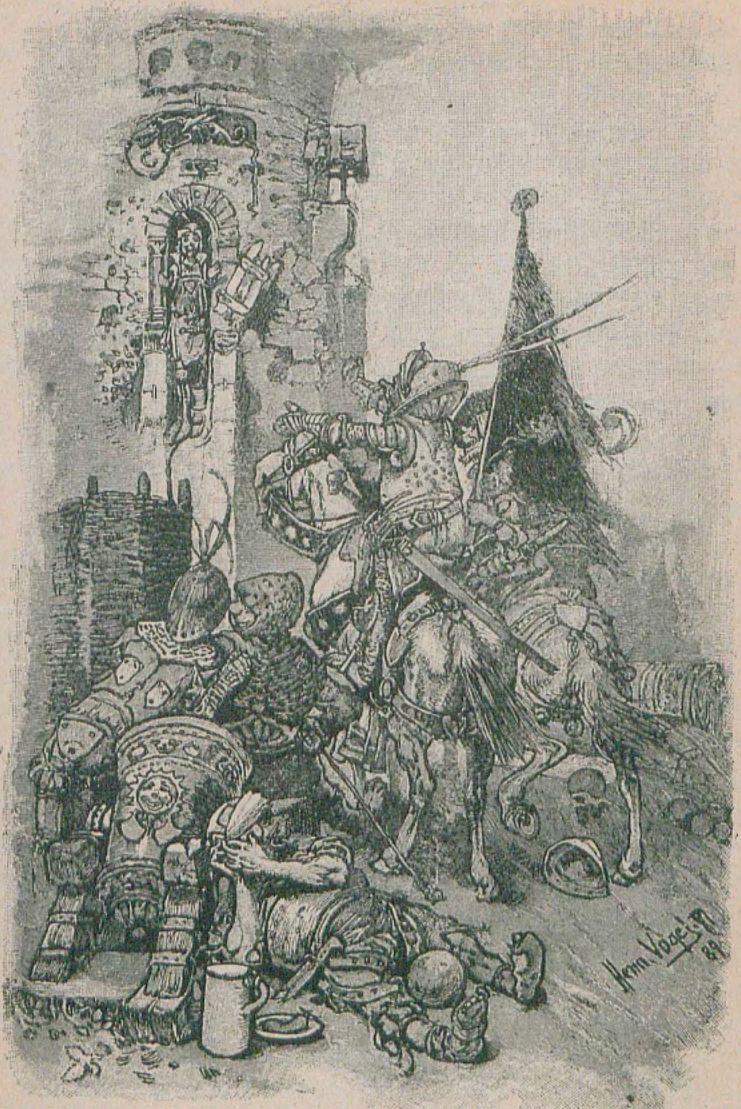
Разсердился на нихъ путникъ и ну колотить по всему ранцу до тѣхъ поръ, покамѣстъ полтораста человѣкъ не выстроились передъ нимъ рядами. Онъ повелѣлъ имъ окружить замокъ братьевъ, а двое должны были взять по орѣховому пруту, и онъ приказалъ имъ до тѣхъ поръ потчевать ими обоихъ надменныхъ братьевъ, пока они не узнаютъ кто онъ таковъ.

Невообразимый гвалтъ поднялся тутъ; люди сбѣжались толпою отовсюду и хотѣли, было, оказать помощь несчастнымъ, но ничего не могли подѣлать съ солдатами. Наконецъ, вѣсть о томъ дошла до самого короля; разсердился король и велѣлъ своему начальнику выступить съ своимъ отрядомъ противъ нарушителя порядка и выгнать его изъ города; но молодецъ въ скоромъ времени выколотилъ изъ своего ранца несравнимо большій отрядъ, который порядкомъ поколотилъ начальника съ его солдатами, такъ что тѣ должны были отступить съ окровавленными носами. Король сказалъ:

— Этого проходимца надо все-таки обуздать!—и на другой день выслалъ противъ него несравненно большій отрядъ, но послѣдній опять ничего не могъ сдѣлать. Молодецъ выставилъ противъ нихъ еще больше народу, а чтобы скорѣе покончить съ ними, перевернулъ шапчонку разъ-другой на головѣ; тогда поднялась грозная пальба, и королевскіе воины стали падать подъ выстрѣлами, а оставшіеся въ живыхъ обратились въ бѣгство.

— Ну, теперь я не замирюсь до тѣхъ поръ,—сказалъ молодецъ,—пока король не пообѣщаетъ выдать за меня замужъ свою дочь и пока я не стану управлять всѣмъ королевствомъ!

Это онъ велѣлъ донести королю, а тотъ передалъ своей дочери:



Herm. Vogel 89

— Противъ рожна не пойдешь! Остается исполнить его требованія, чтобы сохранить миръ и удержать за собой корону.

Такимъ образомъ, живо отпраздновали свадьбу; но королевна была крайне огорчена тѣмъ, что супругъ ея былъ самый заурядный человѣкъ, который, кромѣ того, носилъ какую-то изношенную шапчонку и старый ранецъ, перекинутый за спину. Она охотно отдѣлалась бы отъ него, и о томъ только и думала дни и ночи. Вотъ и пришло ей въ голову: „А что, не таятся ли его диковинныя силы именно въ ранцѣ?“ — и вотъ притворилась она нѣжной, любящей, стала осыпать его ласками и говоритъ ему:

— Ахъ, если бы ты только скинулъ съ себя отвратительный ранецъ! Онъ такъ тебя безобразитъ, что мнѣ становится за тебя стыдно.

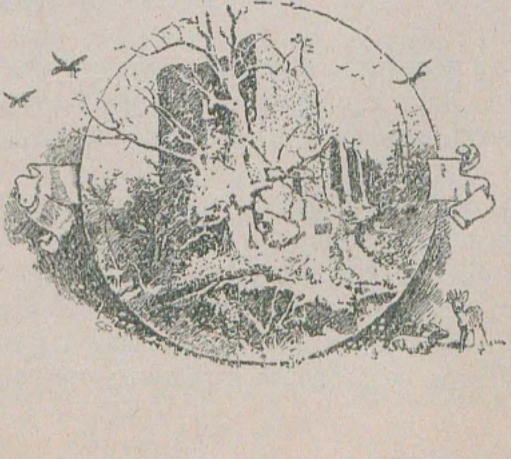
— Милое дитя,—отвѣтилъ онъ,—этотъ ранецъ—мое великое сокровище; до тѣхъ поръ, пока я владѣю имъ, я не страшусь никакой силы цѣлаго свѣта...—и повѣдалъ онъ ей при этомъ, какимъ чудеснымъ свойствомъ диковинной силы обладаетъ его ранецъ. И бросилась она къ нему на шею, будто хотѣла расцѣловать его, а сама поспѣшно сорвала ранецъ съ плечъ и убѣжала съ нимъ.

И когда она очутилась одна, то стала стучать въ ранецъ и явившимся воинамъ приказала схватить и связать крѣпко-на-крѣпко ихъ прежняго господина и выбросить вонъ изъ дворца. Не ослушались ея воины, а жена-измѣнница вызывала все новыхъ и новыхъ людей, чтобы они гнались за ея мужемъ и выгнали бы его совсѣмъ за предѣлы ихъ страны. Тутъ бы ему и погибнуть пришлось, кабы не было у него шапчонки. Какъ только руки его были развязаны, онъ повернулъ ее разъ-другой, и тотчасъ же загромыхали выстрѣлы и перебили всѣхъ воиновъ до одного, и сама королевна должна была явиться къ нему и умолять о пощадѣ. И такъ какъ она жалобно умоляла его и обѣщалась исправиться, онъ склонился на ея уговоры и согласился заключить съ нею миръ; стала она ласково обращаться съ нимъ, дѣлала видъ, что очень горячо любитъ его и сумѣла въ скоромъ времени обмануть его такъ, что онъ снова довѣрился ей, открылъ, что ежели даже кто-нибудь и завладѣетъ его ранцемъ, то все-таки ничего не сможетъ съ нимъ подѣлать до тѣхъ поръ, покамѣстъ старая шапчонка еще въ его рукахъ.

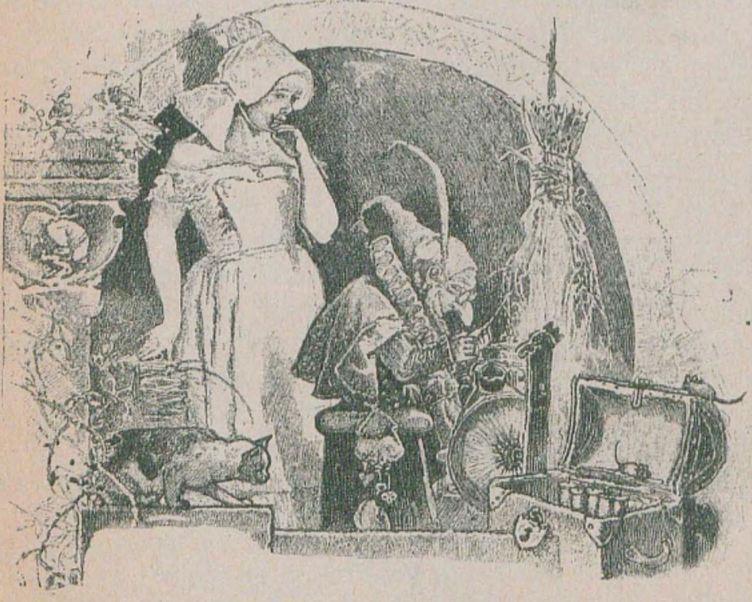
Какъ только вывѣдала она эту тайну, дождалась, пока онъ заснулъ, отняла у него шапчонку и велѣла выбросить его вонъ на улицу.

Но у него оставался еще рожокъ въ запасѣ, и въ великомъ гнѣвѣ затрубилъ онъ въ него, что было силы. И въ то же мгновеніе все вокругъ стало рушиться: стѣны, крѣпостныя укрѣпленія, города и деревни, и придавили на-смерть и короля, и королевну. И не отними онъ ото рта рожокъ, и потруби еще хоть немного, — все бы обрушилось въ одну кучу, и камня бы на камнѣ не осталось.

Теперь никто уже не смѣлъ противиться ему, и онъ сталъ править этимъ королевствомъ.



Хламушка-тихоня.



Жилъ-былъ мельникъ, бѣдный-разбѣдный, и была у него красивая дочь. Вотъ и случилось ему разъ вступить въ бесѣду съ самимъ королемъ; чтобы поважничать передъ нимъ, онъ и скажи ему:

— Ваше королевское величество, а у меня дочка умѣетъ прясть изъ соломы золото.

Король и сказалъ мельнику:

— Ну, это искусство мнѣ очень нравится, и ежели дочь твоя дѣйствительно такая искусница, какъ ты говоришь, то приведи ее завтра во дворецъ; я погляжу на ея работу.

Вотъ когда дѣвушку привели къ королю, онъ отвелъ ее въ комнату, которая была набита соломой, придвинулъ ей самопрялку, подалъ веретено и сказалъ:

— Ну, вотъ принимайся за работу, и если ты въ теченіе ночи къ утру не напрядешь золота изъ этой соломы, то я тебя казню!..

Затѣмъ онъ самъ собственноручно заперъ комнату, и дѣвушка осталась одна-одинешенька.

Долго сидѣла такъ несчастная мельникова дочка и не знала, что ей теперь дѣлать; она и понятія никакого не имѣла, какъ это изъ соломы можно прясть золото, и страхъ ея все увеличивался и увеличивался, такъ что въ концѣ-концовъ она ударилась въ слезы. И вотъ внезапно распахнулась дверь, и къ ней въ комнату вошелъ какой-то маленькій человѣчекъ и сказалъ:

— Добрый вечеръ, мельникова дочь! О чемъ это вы плачете?

— Ахъ,—отвѣчала дѣвушка,—мнѣ надо изъ соломы напрясть золота, а я не умѣю!

Тогда человѣчекъ сказалъ ей:

— А что ты мнѣ дашь за то, что я тебѣ напряду золота?

— Шейную ленточку,—сказала дѣвушка.

Человѣчекъ взялъ шейную ленточку, усѣлся за прялку и—шнуръ-шнуръ-шнуръ—только трижды потянулъ, и шпулька ужъ была намотана золотомъ. Потомъ поставилъ онъ другую шпульку и снова—шнуръ-шнуръ-шнуръ—трижды потянулъ,—и другая была намотана; и такъ продолжалось вплоть до утра,—и вся солома была выпрядена, и всѣ шпульки лежали намотанныя золотомъ. А на восходѣ солнца король явился къ ней, и какъ только увидѣлъ золото, то сразу обомлѣлъ, а потомъ и обрадовался же! Но сердце его еще больше стала мучить жадность къ золоту. Онъ приказалъ перевести дѣвушку въ другую набитую соломой комнату, которая, кромѣ того, была на много больше первой, и повелѣлъ ей выпрясть все въ одну ночь, если только жизнь ей дорога.

Дѣвушка не знала, какъ помочь бѣдѣ, и плакала навзрыдъ; и снова явился къ ней маленькій человѣчекъ, который сказалъ:

— Что ты мнѣ дашь, если я тебѣ помогу?

— Возьми вотъ это,—отвѣтила дѣвушка.

Человѣчекъ взялъ кольцо и снова началъ вертѣть колесо самопрялки—„шнуръ-шнуръ-шнуръ“—и до самаго утра все прялъ изъ соломы блестящее золото.

Порадовался король при видѣ такого большого количества золота; но все еще ему было мало золота; онъ повелѣлъ отвести мельникову дочь въ гораздо бо́льшую комнату, набитую соломой, и сказалъ:

— Ты должна еще вотъ это выпрясть въ нынѣшнюю ночь; если ты справишься, то станешь моей супругой.

„Ничего, что она дѣвушка незнатная, мельникова дочь,—думалъ онъ;—вѣдь, болѣе богатую жену во всемъ мірѣ не сыщешь“...

Когда дѣвушка осталась одна, человѣчекъ явился въ третій разъ и сказалъ:

— Ну, что ты мнѣ дашь, если я и теперь выручу тебя?

— У меня ничего больше нѣтъ, что бы я могла дать,—отвѣтила дѣвушка.

— Когда ты станешь королевой, такъ пообѣщай мнѣ отдать своего перваго ребенка...

„Кто знаетъ, что еще будетъ“,—подумала мельникова дочка, и такъ какъ она не могла придумать иного выхода изъ бѣды безъ помощи человѣка, то и обѣщала отдать ему то, что онъ требовалъ, а человѣкъ за то и на этотъ разъ напрялъ ей изъ соломы золота. И когда король поутру явился и нашелъ все въ порядкѣ, какъ онъ желалъ, то и справилъ свадьбу; и вотъ мельникова дочка стала королевой.

Черезъ годъ родился у нея ребенокъ, но королева и думать позабыла о человѣчкѣ; а тотъ какъ-то совершенно неожиданно вдругъ явился къ ней въ комнату и сказалъ:

— Ну, давай же мнѣ то, что ты обѣщала...

Королева страшно перепугалась и стала умолять его взять себѣ всѣ богатства ихъ королевства, только оставить ей ребенка; но человѣчекъ стоялъ на своемъ и говорилъ:

— Нѣтъ, для меня живое существо милѣе всѣхъ сокровищъ міра.

Тогда королева стала такъ убиваться и плакать, что человѣчекъ сжалился надъ нею.

— Даю тебѣ три дня сроку,—сказалъ онъ:—если ты въ теченіе этого времени разузнаешь мое имя,—ребенокъ останется при тебѣ.

Всю ночь королева перебирала въ памяти рѣшительно всѣ имена, какія она только слышала на своемъ вѣку, и послала вѣстового по всей странѣ, который долженъ былъ разузнать всюду-всюду, какія только существуютъ имена. Когда на слѣдующій день человѣчекъ явился къ ней, она прямо начала съ Каспара, Мельхіора, Бальцера и перебрала всѣ имена, которыя только знала, по порядку; но при каждомъ имени человѣчекъ говорилъ отрицательно:

— Меня зовутъ не такъ!

На другой день послала она разузнать въ сосѣдней странѣ, какъ прозываются люди тамъ, и перечислила человѣчку болѣе рѣдко встрѣчающіяся имена:

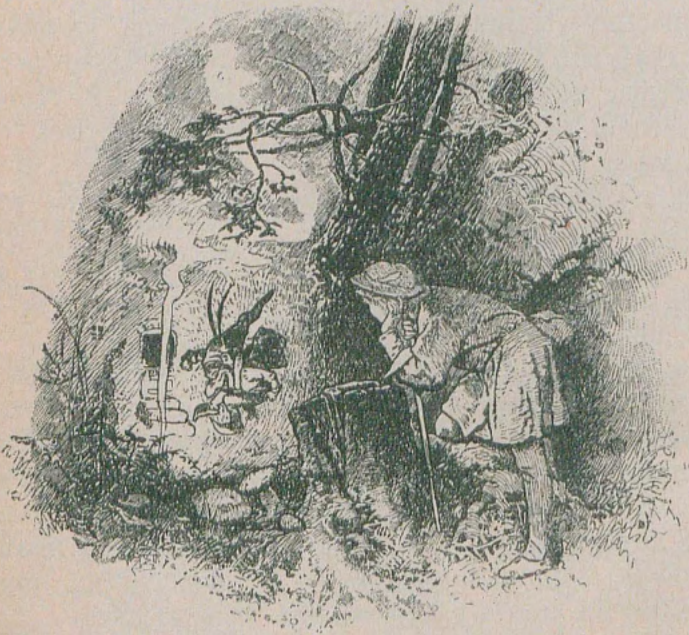
— Можетъ, ты прозываешься Риппенбистъ, или Хаммельсваде, или Шнюрбейнъ?

Но онъ отвѣчалъ все то же:

— Не такъ зовутъ меня... Нѣтъ, нѣтъ...

На третій день вѣстовой доложилъ королевѣ:

— Не могъ я найти новыхъ именъ ни единаго; но когда я былъ на высокой горѣ и шелъ по опушкѣ лѣса, такой глушью, гдѣ только лиса зайцу можетъ доброй ночи пожелать, то нашелъ я маленькій домикъ, а передъ домикомъ былъ разложенъ костеръ; вокругъ костра прыгалъ такой потѣшный, смѣшной человѣчекъ, и скакалъ на одной ножкѣ, и распѣвалъ:



„Пеку я нынче, что хочу,
„На завтра — парить стану,
„А послѣзавтра получу
„Ребенка безъ обману.
„Провѣдать прозвище мое,
„По совѣсти, — не шутка,—
„И съ толку ловко сбилъ ее
„Я, Хламушка-малютка!“...

Можете вы себѣ представить, какъ обрадовалась королева, когда услыхала это имя! И когда къ ней явился человѣчекъ и торжествующе спросилъ ее: — Ну, госпожа королева, какъ зовутъ меня? — она его сначала спросила:

— Зовутъ тебя Кунцъ?

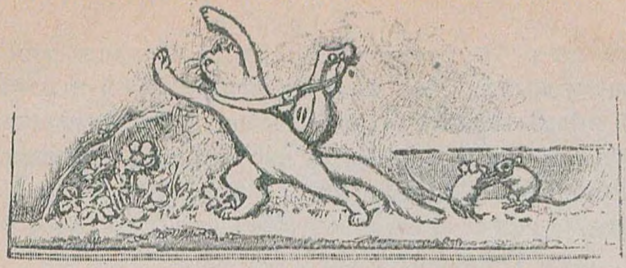
— Нѣтъ!

— Ну, такъ Гейнцъ?

— Опять-таки нѣтъ!

„Можетъ-быть, Хламушкой кличутъ тебя?“

— Это самъ дьяволъ открылъ тебѣ мое имя!..—закричалъ человѣчекъ и такъ топнулъ въ гнѣвѣ ногою, что она вся ушла въ землю; тогда въ ярости схватилъ онъ свою лѣвую ножку обѣими руками и разорвалъ самъ себя на-двое.



Другъ Роландъ.

Жила какъ-то разъ одна женщина, которая слыла самой заправской вѣдьмой; было у нея двѣ дочери: одна—уродливая и злая, и ту любила она, потому что это была ея родная дочь, а другая—прекрасная собою и добрая, но ту она ненавидѣла, потому что это была ея падчерица. Какъ-то разъ на падчерицѣ былъ надѣтъ прехорошенькій фартучекъ, который больно приглянулся ея сводной сестрѣ. Стало той завидно, и сказала она матери, что и ей непремѣнно хочется имѣть такой же фартукъ.

— Хорошо, мое дитя,—сказала старуха.—Твою родную сестру давно слѣдуетъ убить; сегодня, ночью, какъ только она заснетъ, я прійду и отрублю ей голову. Постарайся только лечь въ постели позади нея, а ее выдвини впередъ подальше...

Бѣдную дѣвушку непремѣнно постигла бы эта участь, если бы она случайно не слышала всего дословно. Весь день не позволяли ей носа высунуть за дверь, а когда настало время ложиться спать, она должна была лечь въ постель первою, а сестра улеглась позади нея; но когда та заснула, дѣвушка тихонько выдвинула ее впередъ, а сама заняла мѣсто позади, у самой стѣны. Ночью прокралась къ нимъ старуха; правой рукой она сжимала топоръ, а лѣвой нащупала, лежитъ ли кто-нибудь на постели; потомъ она подняла обѣими руками топоръ и разъ-разъ — отсѣкла своему собственному ребенку голову.

Какъ только мачеха удалилась, дѣвушка бросилась изъ дому къ своему другу дѣтства Роланду и постучалась къ нему въ дверь. Когда онъ вышелъ къ ней, дѣвушка сказала ему:

— Слушай, милый Роландъ, мы должны бѣжать отсюда. Мачеха хотѣла убить меня, но вмѣсто меня убила свою дочь. Какъ увидитъ она это, не сдобровать намъ.

— Хорошо,—сказалъ Роландъ,—но прежде отними у нея волшебный посохъ; иначе мы не спасемся, ежели она станетъ преслѣдовать насъ...

Достала дѣвушка волшебный посохъ, а потомъ накапала на полу три капельки крови: одну—у кровати, другую — въ кухнѣ, а третью—на лѣстницѣ. А затѣмъ они съ Роландомъ бросились наутекъ.

Поднялась вѣдьма поутру, кликнула дочь и хотѣла ей подарить передникъ; но та не являлась къ ней.

— Да гдѣ же ты, голубка? — крикнула она.

— Да здѣсь, на лѣстницѣ, подметаю ее! — отвѣтила одна капелька крови.

Вышла старуха изъ комнаты, но никого не нашла на лѣстницѣ и крикнула въ другой разъ:

— Гдѣ же ты?

— Ахъ, да здѣсь, въ кухнѣ! Я грѣюсь!—крикнула другая капелька крови.

Вѣдьма сунулась въ кухню, но никого не нашла и тамъ. Тогда она крикнула въ третій разъ:

— Да гдѣ же ты, наконецъ?..

— Ахъ, да здѣсь, въ постели, сплю еще! — крикнула третья капелька крови.

Старуха пошла въ ея комнату, къ постели. И что же она увидѣла тамъ? Свое родимое дитя, которое плавало въ крови съ отрубленной головой...

Въ ярость пришла вѣдьма, бросилась къ окну, и такъ какъ она обладала даромъ видѣть все, что творится на землѣ, то сейчасъ же запримѣтила молодыхъ бѣглецовъ.

— Ну, это васъ не спасетъ!—воскликнула она.—Хоть вы и далеко убѣжали, но отъ меня вамъ все-таки не уйти!

И обула она свои семиверстные сапоги-скороходы, въ которыхъ однимъ шагомъ отмахивала разстояніе на часъ ходьбы, и, немного времени спустя, стала уже настигать бѣглецовъ. Но дѣвушка, какъ только завидѣла бѣгущую за ними старуху, превратила съ помощью волшебнаго посоха друга Роланда въ озеро, а себя—въ утку и уплыла на самую середину озера.

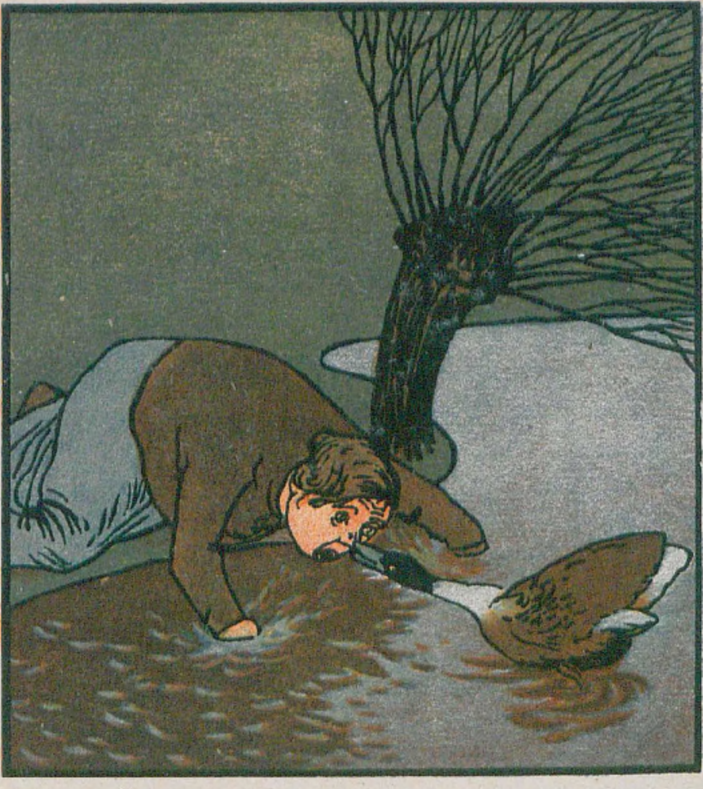
Остановилась вѣдьма на берегу, стала хлѣбныя крошки на воду крошить; изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы приманить къ себѣ утку, да утка-то на приманку не поддавалась, и старухѣ пришлось вечеромъ вернуться назадъ, не уладивъ дѣла. А дѣвушка и Роландъ приняли свой прежній видъ и пустились дальше въ путь, и шли всю ночь напролетъ. Утромъ, поджидая новой погони, дѣвушка обратила себя въ чудный цвѣтокъ, который росъ въ самой гущинѣ терновника, а Роланда—въ скрипача.

Вскорѣ послѣ того прибѣжала къ нимъ вѣдьма и обратилась къ скрипачу:

— Милый скрипачъ, можно сорвать этотъ цвѣтокъ?

— О, да,—отвѣтилъ онъ и заигралъ на скрипкѣ.

Но когда вѣдьма второпяхъ полѣзла въ терновый кустарникъ за розой, скрипачъ заигралъ на скрипкѣ; ну, тутъ ужъ вѣдьма, хочешь не хочешь, пустилась въ плясъ, потому что это былъ волшебный танецъ. И чѣмъ быстрѣе игралъ Роландъ, тѣмъ выше подпрыгивала вѣдьма, а шипы терновника срывали съ нея платье, царапали и кололи ее до крови, а такъ какъ скрипачъ не переставалъ играть, то ей пришлось плясать, пока она не умерла.



„Другъ Роландъ“.

Освободились они отъ вѣдьмы, и Роландъ сказалъ:

— Ну, я пойду къ батюшкѣ и стану готовиться къ свадьбѣ.

— А я останусь здѣсь,—сказала дѣвушка,—и стану тебя поджидать; а чтобы меня никто не призналъ и не обидѣлъ, то я превращусь въ красный булыжникъ.

Вотъ и пошелъ Роландъ во-свояси, а дѣвушка осталась на полѣ камнемъ, поджидая его. Но Роландъ, когда вернулся домой, попался на глаза другой дѣвушкѣ, которая такъ вскружила ему голову, что онъ совершенно забылъ свою первую невѣсту.

Долгое время лежала бѣдная дѣвушка въ полѣ камнемъ; а такъ какъ онъ все не возвращался къ ней, загрустила, затосковала она и превратилась въ цвѣтокъ. „Можетъ, — думала она,—кто-нибудь пройдетъ мимо и растопчетъ меня“...

Пасъ овчарникъ овецъ около этого мѣста и замѣтилъ красивый цвѣтокъ; сорвалъ онъ его, снесъ домой и положилъ его въ ящикъ. Съ тѣхъ поръ что-то странное стало твориться въ домѣ у овчарника. Когда онъ утромъ вставалъ, горница у него была уже выметена, столъ и скамьи вымыты, огонь на очагѣ разведенъ, вода принесена; а въ обѣденную пору, когда онъ возвращался домой, столъ бывалъ уже накрытъ, и вкусное кушанье стояло передъ нимъ. Онъ никакъ не могъ понять, какъ все это дѣлается само собой, но хижинка была такая маленькая, что въ ней даже невозможно было и спрятаться. Сначала ему пришлась по-душѣ такая удивительная услужливость, но въ концѣ-концовъ стало страшно и жутко. Вотъ и отправился онъ къ вѣщей женщинѣ и спросилъ у нея совѣта: что и какъ ему дѣлать. Вѣщая женщина сказала:

— Это колдовство... Какъ-нибудь рано-рано утромъ прислушайся-ка, не шевелится ли что-нибудь въ комнатѣ, а ежели ты только замѣтишь что-нибудь подобное, то быстро накинь на этотъ предметъ платокъ, тогда все и откроется.

Какъ сказала она, такъ овчарникъ и сдѣлалъ; на разсвѣтѣ замѣтилъ онъ, что крышка ящика приподнялась и оттуда вышелъ цвѣтокъ. Въ мгновеніе ока подскочилъ онъ къ нему и накинулъ на него бѣлый платокъ. И тотчасъ же чары нарушились, и передъ нимъ явилась прекрасная дѣвушка, которая сказала ему, что это она была цвѣткомъ и до сихъ поръ заправляла его домашнимъ хозяйствомъ. И повѣдала она ему о своей судьбѣ горемычной; и такъ какъ она пришлась ему по сердцу, то онъ спросилъ ее, не хочетъ ли она выйти за него замужъ. Но она отвѣтила: — „Нѣтъ", потому что рѣшила остаться вѣрной Роланду, хоть тотъ и покинулъ ее. Но она обѣщала пастуху не уходить отъ него.

Ну, вотъ между тѣмъ настало время, когда должна была быть отпразднована свадьба Роланда. Тогда, по старинному обычаю страны, было оповѣщено, чтобы на свадьбу сошлись всѣ дѣвушки пѣть и славить молодую чету.

Какъ прослышала о томъ вѣрная дѣвушка, стало ей такъ грустно, что казалось, сердце разорвется у нея въ груди на части, и сначала не хотѣла она идти на свадьбу, да подруги ея зашли за нею и увели съ собой. Когда же насталъ чередъ пѣть ей, она отошла къ сторонкѣ и все пряталась за другихъ, пока не осталась совсѣмъ одна; тогда пришлось запѣть и ей. Но только завела она свою пѣсню и услыхалъ ее Роландъ, какъ бросился онъ къ ней и воскликнулъ:

— Какъ знакомъ мнѣ этотъ голосъ!.. Это моя настоящая невѣста, а другихъ я и знать не хочу!..

И все, что позабылъ онъ когда-то, все, что изгладилось изъ его памяти, въ одно мгновеніе ока воскресло въ его сердцѣ. И повѣнчалась вѣрная дѣвушка со своимъ ненагляднымъ Роландомъ; пришелъ конецъ испытаніямъ и насталъ чередъ ея счастью.

* * *

Золотая птица.

Въ давнія времена жилъ-былъ король, у котораго вокругъ зàмка былъ роскошный садъ, а въ саду было дерево, да такое, что на немъ расли золотыя яблоки. Когда яблоки поспѣвали, ихъ пересчитывали, но на слѣдующее же утро одного яблока недоставало. Доложили о томъ королю, и онъ велѣлъ ставить каждую ночь подъ деревомъ караулъ.

Было у короля три сына; вотъ онъ ночью и послалъ въ садъ одного изъ нихъ; но когда настала полночь, королевичъ никакъ не могъ преодолѣть дремоты; а на-утро снова не хватало еще одного яблока. На слѣдующую ночь долженъ былъ держать караулъ второй сынъ, но и съ нимъ вышла та же исторія; только-только пробило двѣнадцать, задремалъ онъ, а на-утро одного яблока не хватало. Теперь чередъ былъ за третьимъ сыномъ; король ничуть не довѣрялъ ему и думалъ, что онъ и того меньше пользы принесетъ, чѣмъ его братья. Вотъ юноша улегся подъ деревомъ сторожить, а сну не поддается. Только пробило двѣнадцать, зашумѣло что-то въ воздухѣ, и увидѣлъ онъ при мѣсячномъ сіяніи летящую на него птицу, которая вся, словно чистое золото, такъ жаромъ и горѣла. Опустилась птица на дерево и только, было, клюнула яблоко, какъ юноша пустилъ въ нее стрѣлу. Птица улетѣла, но стрѣла все-таки задѣла ее, и одно золотое перо выпало на землю. Поднялъ юноша перо, отнесъ его королю и повѣдалъ ему, что онъ видѣлъ ночью. Собралъ король совѣтъ, и каждый изъ совѣтниковъ призналъ, что одно такое перо стоитъ столько же, сколько все ихъ государство.

— Ежели перо это такое драгоцѣнное,—замѣтилъ король,—такъ оно одно не окажетъ мнѣ большой помощи, я хочу и долженъ имѣть всю птицу.

Собрался въ путь-дорогу старшій сынъ и, разсчитывая на свой умъ, былъ вполнѣ увѣренъ, что золотую птицу немудрено достать. Едва только прошелъ онъ небольшое пространство, какъ завидѣлъ на опушкѣ какого-то лѣса сидящую лисицу, приложился изъ ружья и сталъ цѣлиться въ нее. Лисица крикнула ему:

— Не убивай меня, я дамъ тебѣ за то добрый совѣтъ; ты идешь за золотою птицей; нынче вечеромъ придешь ты въ одну деревню, гдѣ стоятъ двѣ харчевни одна противъ другой. Одна изъ нихъ ярко освѣщена, и веселье царитъ тамъ невообразимое: только ты туда не заходи, а заверни въ другую, хоть съ виду она покажется тебѣ и не больно приглядной.

„Какъ можетъ это глупое животное дать мнѣ разумный совѣтъ?“—подумалъ королевичъ и спустилъ курокъ, однако, промахнулся по лисицѣ, которая распустила хвостъ и сломя голову бросилась въ лѣсъ. Затѣмъ онъ продолжалъ свой путь и вечеромъ пришелъ въ деревню, гдѣ, точно, стояли двѣ харчевни; въ одной изъ нихъ пѣли и плясали, а другая съ виду казалась такой бѣдной, печальной.

„Дуракъ же я буду,—подумалъ королевичъ,—если зайду въ эту дрянную харчевню, а хорошую оставлю въ сторонѣ!“...

Вотъ и отправился онъ въ веселую харчевню и зажилъ тамъ въ полное свое удовольствіе и мало-по-малу забылъ и про птицу, и про отца, и про всѣ благія наставленія.

Прошло нѣсколько времени, а старшій сынъ домой все не возвращался; сталъ собираться въ путь-дорогу второй сынъ за золотой птицей. Какъ и старшему брату, повстрѣчалась ему лисица и дала ему тоже благой совѣтъ, на который и онъ вниманія не обратилъ. Подошелъ онъ къ двумъ харчевнямъ; гулъ веселья, хохотъ, крики слышались въ одной изъ нихъ, а у окна сидѣлъ его братъ, который окликнулъ его. Онъ и не подумалъ отговариваться, вошелъ и зажилъ тамъ припѣваючи.

Прошло еще нѣсколько времени, и вотъ задумалъ пуститься въ странствія, счастье свое попытать, младшій королевичъ, но отецъ не хотѣлъ пускать его.

— Это совершенно излишне,—говорилъ король;—онъ, конечно, меньше, чѣмъ его братья, можетъ разсчитывать на то, что найдетъ золотую жаръ-птицу, а если еще съ нимъ случится какое-нибудь несчастье, онъ не догадается, какъ и помочь-то себѣ.

Однако, въ концѣ-концовъ, такъ какъ королевичъ не давалъ ему покоя, онъ позволилъ ему отправиться въ путь.

Опять на опушкѣ лѣса сидѣла лисица, которая попросила его не убивать и повторила ему добрый совѣтъ. Юноша былъ человѣкъ добродушный и сказалъ:

— Будь покойна, лисанька,—я тебѣ зла не сдѣлаю.

— Ты въ этомъ и не раскаешься,—отвѣтила лисица,—а чтобы тебѣ скорѣе добраться до цѣли, садись ко мнѣ на хвостъ.

И едва только онъ усѣлся на нее, какъ лисица бросилась бѣжать во всю прыть и пошла отмахивать черезъ пни и каменья, только волосы по вѣтру развѣвались и шумѣли.

Когда они прискакали въ деревню, юноша сошелъ съ лисицы, послушался ея совѣта и завернулъ, не оглядываясь по сторонамъ, въ невзрачную харчевню, гдѣ преспокойно переночевалъ. На другое утро, когда онъ вышелъ въ поле, лисица сидѣла ужъ тамъ и сказала ему:

— Теперь я научу тебя, что̀ надо дальше дѣлать; иди себѣ все прямо-прямо и дойдешь ты, наконецъ, до за̀мка, передъ которымъ расположена цѣлая цѣпь солдатъ; только ты не отчаивайся, потому что люди будутъ лежать въ глубокомъ снѣ, и ты легко проберешься между ними въ за̀мокъ; пройдешь всѣ залы и, наконецъ, въ особой комнатѣ увидишь въ деревянной клѣткѣ [золотую жаръ-птицу. Рядомъ съ нею стоитъ золотая клѣтка, ради роскоши; только смотри, берегись, не вынимай птицу изъ ея плохой клѣтки и не сажай въ золотую, не-то худо тебѣ будетъ...

Послѣ этихъ словъ лисица вытянула свой хвостъ, и королевичъ взобрался на него; и пошла она перемахивать через пни и каменья, только волосы по вѣтру развѣвались, шумѣли.

Доскакали до замка, пробрался королевичъ въ ту комнату, гдѣ золотая жаръ-птица въ своей деревянной клѣткѣ сидѣла, а золоченая клѣтка стояла рядомъ; и три золотыхъ яблока лежали въ комнатѣ, гдѣ попало. И подумалъ онъ тутъ, что смѣшно будетъ, если онъ оставитъ чудную птицу въ такой простой и безобразной клѣткѣ,—открылъ дверцу, ухватилъ ее и пересадилъ ее въ золотую. Въ то же мгновеніе птица подняла пронзительный крикъ. Проснулись солдаты, ворвались къ нему и бросили его въ темницу. На другое утро его повели на судъ и приговорили къ смерти. Однако, король предложилъ ему даровать помилованіе, но только подъ однимъ условіемъ,—если онъ достанетъ ему золотого коня, который бѣгаетъ быстрѣе вѣтра,—и тогда вдобавокъ онъ можетъ получить въ награду за то золотую жаръ-птицу. Пустился королевичъ въ путь-дорогу и все вздыхалъ, все печалился, потому что гдѣ же ему было достать золотого коня. И вдругъ увидѣлъ онъ на дорогѣ свою старую пріятельницу, лисицу.

— Видишь ли,—сказала лисица,—ты меня не послушался, и вотъ что изъ этого вышло. Впрочемъ, будь твердъ духомъ; я скажу тебѣ, какъ добраться до золотой лошади. Отправляйся вотъ по этой дорогѣ все прямо, прямо, и подойдешь ты къ замку, гдѣ въ конюшнѣ стоитъ этотъ самый конь. Около стойла лежатъ конюха, но они будутъ крѣпко спать, и ты преспокойно можешь вывести золотого коня. Только одно запомни: осѣдлай коня простенькимъ, деревяннымъ сѣдломъ, обшитымъ кожей, а отнюдь не золотымъ сѣдломъ, которое виситъ тамъ же; не-то худо будетъ...

Тутъ лисица вытянула свой хвостъ, королевичъ усѣлся на него, и помчалась она во весь духъ черезъ пни и каменья, такъ что только волосы по вѣтру развѣвались и шумѣли.

Все случилось такъ, какъ предсказала лисица; пробрался онъ въ стойло, гдѣ стоялъ золотой конь; но когда онъ сталъ осѣдлывать его простымъ сѣдломъ, то подумалъ: „Для такого прекраснаго благороднаго животнаго позоръ будетъ, если я не возложу на него золотого сѣдла!“... Но едва только золотое сѣдло коснулось золотого коня, какъ заржалъ онъ громко-громко... Конюха очнулись, схватили юношу и бросили его въ темницу.

На другое утро онъ былъ приговоренъ судомъ къ смерти; однако, король пообѣщалъ ему даровать жизнь и вдобавокъ къ тому подарить золотого коня, если только онъ добудетъ для него прекрасную королевну изъ золотого замка.

Съ удрученнымъ сердцемъ тронулся въ путь-дорогу юноша, да, на свое счастье, вскорѣ встрѣтилъ вѣрную лисицу.

— Нужно было бы тебя оставить на произволъ судьбы,—сказала она,—да жаль мнѣ тебя, я и рѣшилась еще разъ помочь тебѣ. Вотъ эта дорога идетъ какъ-разъ къ золотому замку; прибудешь ты туда вечеромъ; а ночью, когда все вокругъ смолкнетъ, королевна отправится къ рѣкѣ. Бросься къ ней и поцѣлуй ее, но только одинъ разъ, и тогда она покорно послѣдуетъ за тобою, и ты легко уведешь ее за собою; не позволяй только ей идти прощаться съ родными, иначе тебѣ можетъ быть плохо...

А затѣмъ лиса вытянула свой хвостъ, королевичъ усѣлся на него, и пошла она перемахивать во всю прыть черезъ пни и каменья, такъ что только волосы по вѣтру развѣвались и шумѣли.

Вотъ когда онъ прибылъ къ золотому замку, все случилось такъ, какъ предсказывала лисица. Онъ дождался полночи, покамѣстъ все погрузилось въ глубокій сонъ, и когда королевская дочь вышла и направилась къ рѣкѣ, онъ выскочилъ ей навстрѣчу и поцѣловалъ ее. Тутъ она сказала, что охотно готова слѣдовать за нимъ, только умоляюще, со слезами просила его позволить ей прежде попрощаться съ родителями. Онъ сначала, было, воспротивился ея просьбамъ, да какъ стала она все пуще да пуще плакать и въ ноги ему упала,—тогда онъ далъ ей свое согласіе. Но чуть только молодая дѣвушка подошла къ отцовской кровати, какъ проснулся онъ, и всѣ живущіе въ замкѣ проснулись тоже; юношу крѣпко схватили и бросили въ темницу.

Вотъ на другое утро король ему и говоритъ:

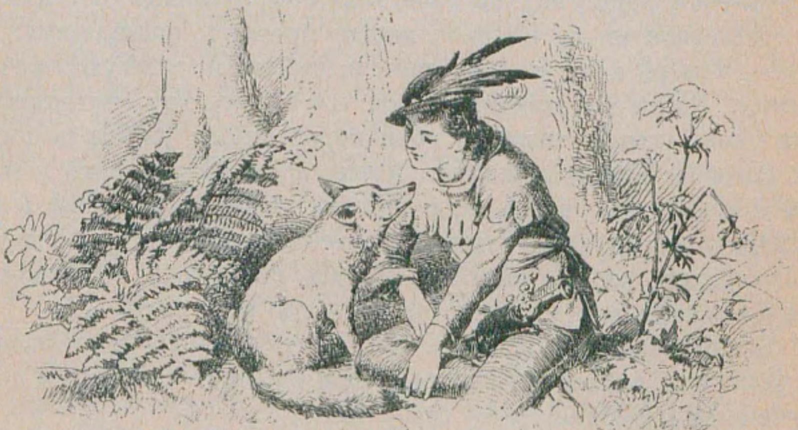
— Ты достоинъ казни и единственно, только тѣмъ можешь заслужить себѣ прощеніе, если сроешь вонъ эту гору, что возвышается передъ моимъ окномъ, изъ-за которой я не могу обозрѣвать окрестностей; и работу долженъ ты выполнить въ теченіе восьми дней. Удастся тебѣ это, — ты получишь въ награду руку моей дочери...

Королевичъ тотчасъ принялся за работу, рылъ и копалъ землю, рукъ не покладаючи; но когда онъ черезъ семь дней увидѣлъ, какъ еще мало было имъ срыто, то понялъ, что вся работа его — все равно, что ничего не значитъ, и овладѣло имъ отчаянiе, и потерялъ онъ всякую надежду.

Вечеромъ на седьмыя сутки явилась къ нему лиса и сказала:

— Ты недостоинъ, чтобы я тебѣ помогала. Но все-же ступай и ложись спать; я справлю за тебя работу.

На другое утро, какъ только онъ проснулся и выглянулъ въ окно, — гора исчезла. Радостный, поспѣшилъ королевичъ къ королю и доложилъ ему, что порученiе его исполнено, и король, — хотѣлъ онъ тамъ или нѣтъ, — долженъ былъ сдержать свое слово и отдать ему руку дочери.



Ну, вотъ и отправились они съ королевной во-свояси; а дорогою въ скоромъ времени нагнала ихъ вѣрная лисица.

— Эхъ, ты, — сказала она, — для молодой дѣвушки золотая лошадь куда какъ подъ стать!

— Да какъ же ее заполучишь-то? — спросилъ юноша.

— Вотъ этому я тебя и научу... — отвѣтила лисица. — Прежде всего привези прекрасную дѣвушку тому королю, который послалъ тебя въ золотой замокъ. Неслыханная радость поднимется тамъ, тебѣ охотно отдадутъ золотого коня, еще сами его выведутъ тебѣ. Ты сейчасъ же вскочи на коня и на прощаніе станешь всѣмъ протягивать руку, а самой послѣдней протяни руку прекрасной королевнѣ, и какъ только возьмешь ты ее за руку, то однимъ движеніемъ подними ее къ себѣ на коня и гони оттуда прочь, и никто не будетъ въ силахъ нагнать тебя, потому что конь этотъ [несется быстрѣе вѣтра.

И точно, все было благополучно выполнено, и королевичъ увезъ-таки королевну на золотомъ конѣ. Лисица отъ нихъ не отставала ни на шагъ и, между прочимъ, сказала ему:

— Теперь хочу я тебѣ помочь добыть и золотую жаръ-птицу. Когда ты приблизишься къ замку, гдѣ находится эта самая птица, ссади съ коня королевну, и ужъ я возьму ее на свою отвѣтственность. А ты скачи на золотомъ конѣ на королевскій дворъ, при одномъ взглядѣ на тебя всѣ страшно обрадуются и вынесутъ тебѣ золотую жаръ-птицу. Какъ только клѣтка очутится у тебя въ рукахъ, гони коня къ намъ сюда и бери съ собою молодую дѣвушку.

Когда счастливо удалось исполнить и этотъ заговоръ и королевичъ готовъ былъ тронуться въ путь съ своими сокровищами, лисица ему и говоритъ:

— Ну, теперь награди же меня за то, что я тебѣ помогала.

— Чего же ты хочешь отъ меня за все это?—спросилъ юноша.

— А вотъ какъ доберемся мы до этого лѣса, застрѣли меня и отруби мнѣ голову и лапы...

— Вотъ была бы хорошая благодарность!—сказалъ королевичъ.—Конечно, я никогда не сдѣлаю этого!

И сказала лисица:

— Если ты не исполнишь этого, я должна буду покинуть тебя; но прежде чѣмъ уйти, я дамъ тебѣ добрый совѣтъ:

двоихъ остерегайся, мяса висѣльниковъ не покупай и на край колодца не садись...

Съ этими словами она скрылась въ лѣсу.

Юноша призадумался:—„Вотъ диковинная звѣрюга, вѣчно у нея на умѣ разныя причуды! Ну, кто же станетъ покупать мясо висѣльниковъ? И зачѣмъ я сяду на край колодца?“

Онъ поскакалъ съ своею невѣстой дальше, и дорога вела его какъ-разъ черезъ ту деревню, въ которой остались жить его братья. Тамъ на этотъ разъ было много народу, и суматоха стояла невообразимая, и когда онъ спросилъ, что тутъ такое случилось, то услышалъ, что сейчасъ будутъ повѣшены два человѣка. Когда же онъ подъѣхалъ поближе, то увидѣлъ, что это были его братья, которые надѣлали много разныхъ преступленій, промотали все свое добро. И спросилъ онъ тутъ, нельзя ли какъ-нибудь освободить ихъ.

— Если вы желаете заплатить за нихъ,—да,—отвѣтили люди.—Но что вамъ за охота швырять деньги на этихъ дурныхъ людей и выкупать ихъ на свободу?

Но онъ долго не раздумывалъ, уплатилъ за нихъ, сколько слѣдовало, и когда братья были освобождены, они всѣ вмѣстѣ пустились въ путь-дорогу.

Пріѣхали они въ тотъ лѣсъ, гдѣ повстрѣчалась имъ въ первый разъ лисица; въ лѣсу было прохладно, а на открытомъ мѣстѣ солнце палило жарко. Оба брата и сказали:

— Отдохнемъ здѣсь немного у родника.

Онъ охотно согласился на это и во время разговора совершенно забылся и сѣлъ на край колодца, ничего дурного не подозрѣвая. А братья и столкнули его въ колодецъ навзничь, а сами захватили молодую дѣвушку, коня и жаръ-птицу и отправились домой къ отцу,

— Ну, вотъ мы привезли не одну золотую птицу только,—сказали они,—мы привели съ собою и золотого коня, и молодую дѣвушку изъ золотого зáмка.

То-то великая радость охватила всѣхъ! Но конь ничего не ѣлъ, птица хоть бы свистнула разокъ, а молодая королевна сидѣла и все плакала безперечь.

А младшій братъ вовсе не умеръ. Глубокій колодецъ былъ сухой, и онъ упалъ на мягкій мохъ, не повредивъ себѣ. Только онъ никакъ не могъ выбраться оттуда. Но и въ этомъ горѣ не покинула его вѣрная лисица. Она спрыгнула прямо къ нему и стала его упрекать, что онъ забылъ ея совѣты.

— Только я этого дѣла такъ не оставлю,—сказала она,—я тебя вынесу на вольный свѣтъ!..

И она сказала ему, чтобы онъ ухватился за ея хвостъ и держался покрѣпче, и такъ вытащила его на вольный свѣтъ.

— Ну, ты все-таки еще не въ безопасности,—сказала лисица;—твои братья не были вполнѣ увѣрены въ твоей смерти и разставили по лѣсу караульныхъ, которые должны тебя убить, если ты только попадешься имъ...

О ту пору сидѣлъ одинъ бѣдный человѣкъ при дорогѣ; съ нимъ-то королевичъ и помѣнялся платьемъ и тронулся путемъ-дорогой на королевскій дворъ. Никто не призналъ его, только птица запѣла и засвистала, только конь принялся за ѣду, и чудная дѣвушка перестала плакать.

Удивленный король спросилъ, что это значитъ.

Тогда дѣвушка сказала:

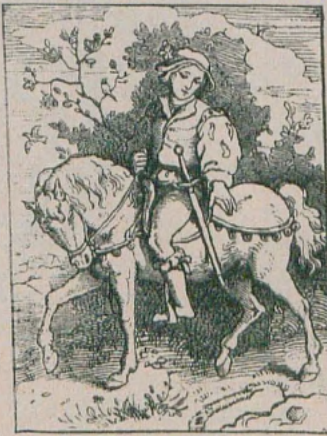
— Я не знаю, король, но мнѣ было прежде такъ грустно, а теперь стало такъ весело! Мнѣ кажется, какъ-будто бы мой истинный женихъ вернулся...

И она повѣдала ему обо всемъ, что произошло, хотя оба брата пригрозили ей смертью въ томъ случаѣ, если она хоть намекомъ выдастъ ихъ. И повелѣлъ король собраться всѣмъ людямъ, которые только были въ его зáмкѣ, и пришелъ также и юноша-королевичъ въ своемъ рубищѣ, въ лохмотьяхъ; но королевна сразу узнала его и бросилась къ нему на шею. Тутъ безбожныхъ братьевъ схватили и казнили, а королевича обвѣнчали съ молодою дѣвушкой и провозгласили наслѣдникомъ короля.

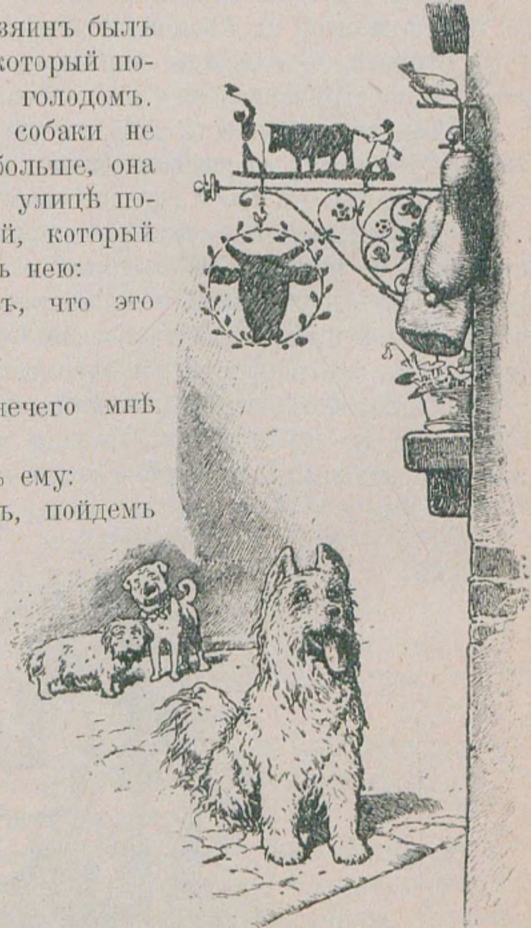
А что сталось съ бѣдной лисицей? Много спустя послѣ того, отправился однажды королевичъ снова на охоту въ лѣсъ, и повстрѣчалась ему тамъ лиса, которая сказала:

— Теперь у тебя есть все, что ты только могъ бы себѣ желать. Но моему несчастью, видно, конца и краю нѣтъ, а тѣмъ не менѣе въ твоей власти освободить меня...

И снова умоляюще стала она просить его, чтобы онъ пристрѣлилъ ее наповалъ и отрубилъ ей голову и лапы. Королевичъ такъ и сдѣлалъ, и едва только онъ выстрѣлилъ, какъ лисица превратилась въ человѣка, и это былъ не кто иной, какъ братъ прекрасной королевны, который, наконецъ-то, былъ освобожденъ отъ волшебныхъ чаръ. И съ той поры ничто уже не омрачало ихъ жизни за все время, пока они жили да поживали въ мирѣ и согласіи.



Собака и воробей.



У одной овчарки хозяинъ былъ человѣкъ недобрый, который постоянно морилъ ее голодомъ. Когда, наконецъ, у собаки не стало силъ терпѣть больше, она ушла отъ него. На улицѣ повстрѣчался ей воробей, который первый заговорилъ съ нею:

— Братецъ-песикъ, что это ты такой печальный?

Песъ отвѣтилъ:

— Голоденъ я, нечего мнѣ перекусить...

Воробей и сказалъ ему:

— Милый братецъ, пойдемъ со мною въ городъ, я тебя тамъ досыта накормлю.

Ну, вотъ и пошли они въ городъ, и когда проходили мимо мясной лавки, воробей сказалъ собакѣ:

— Стой здѣсь, подожди, я тебѣ стащу кусочекъ мяса! — Самъ усѣлся на прилавокъ, оглянулся кругомъ, не слѣдитъ ли кто-нибудь за нимъ, и ну поклевывать, подтаскивать да подергивать кусокъ мяса до тѣхъ поръ, покамѣстъ не доволокъ его до края прилавка, откуда тотъ и шлепнулся на землю. Тутъ собака его подхватила, забѣжала за уголъ и съѣла его. Воробей и говоритъ:

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ со мною въ другую лавку, тамъ я тебѣ еще кусокъ сброшу, чтобы ты наѣлся досыта.

А когда собака и второй кусокъ съѣла, воробей сказалъ:

— Братецъ-песикъ, сытъ ли ты?

— Н-да, сытъ, мяса довольно,—отвѣтилъ тотъ,—только вотъ хлѣбца я еще не попробовалъ.

Сказалъ ему воробей:

— Ну, это сейчасъ ты получишь; пойдемъ только вмѣстѣ.

И повелъ онъ его къ булочной-лавочкѣ, и тамъ до тѣхъ поръ поклевывалъ парочку хлѣбцевъ, покамѣстъ они не свалились, а когда собака и послѣ того еще хлѣба не прочь была поѣсть, онъ повелъ ее къ другой лавкѣ и досталъ ему еще хлѣба. Когда все это было доѣдено, воробей сказалъ:

— Братецъ-песикъ, сытъ ли ты теперь?

— Да,—отвѣтила собака,—совершенно, а теперь пойдемъ погуляемъ за городомъ.

Вотъ и отправились они на большую дорогу за городъ. Стояла теплая погода, и едва только они прошли немного, какъ собака замѣтила:

— Я устала, мнѣ очень хочется соснуть малость...

— Да спи себѣ,—отвѣтилъ воробей,—а я между тѣмъ посижу на вѣткѣ.

Вотъ песъ и улегся на улицѣ и крѣпко-крѣпко заснулъ. А въ то время какъ онъ спалъ, наѣхалъ на него возчикъ; повозка у него была запряжена тройкой и нагружена двумя бочками вина. Вотъ замѣтилъ воробей, что возчикъ и не думаетъ сворачивать, а ѣдетъ себѣ прямикомъ по дорогѣ, на которой песъ лежитъ,—да какъ крикнетъ:

— Эй, ты, извозчикъ, не раздави собаку, не-то я тебя разорю!

— Положимъ, разорить-то ты меня не разоришь!.. — проворчалъ извозчикъ, защелкалъ бичомъ и погналъ повозку черезъ собаку, такъ что колеса задавили ее. Тогда воробей закричалъ:

— Ты переѣхалъ и задавилъ на-смерть моего братца-песика!—Это будетъ тебѣ стоить повозки и лошадей!..

— Какъ же, сейчасъ,—„повозки и лошадей!“—передразнилъ извозчикъ.—Чѣмъ ты имъ можешь повредить?—и поѣхалъ дальше.

Тогда воробей забрался подъ брезентъ, покрывавшій телѣгу, и сталъ клевать затычку въ отверстіи бочки до тѣхъ поръ, пока затычка не выскочила вонъ; все вино и вытекло изъ бочки, а извозчикъ вовсе и не замѣтилъ этого. И только когда, наконецъ, онъ какъ-то случайно обернулся назадъ, то замѣтилъ вдругъ, какъ что-то капаетъ съ телѣги; сталъ осматривать бочки и увидѣлъ тутъ, что одна была уже пустая.

— Ахъ, я бѣдный человѣкъ!—воскликнулъ онъ.

— Еще недостаточно бѣденъ, — чирикнулъ воробей и усѣлся одной лошади на голову и выклевалъ ей глаза.

Какъ только извозчикъ замѣтилъ это, выхватилъ изъ-за пояса кирку, хотѣлъ, было, ударить ею воробья, но воробей увернулся и взвился вверхъ, и извозчикъ попалъ киркою прямо въ голову лошади, такъ что лошадь повалилась замертво.

— Ахъ, я бѣдный человѣкъ!—воскликнулъ онъ.

— Ну, еще недостаточно бѣденъ!—сказалъ воробей и, когда извозчикъ поѣхалъ дальше на двухъ лошадяхъ, забрался снова подъ полотно и расклевалъ и вторую затычку у другой бочки, такъ что все вино вонъ вытекло.

Какъ провѣдалъ о томъ извозчикъ, завопилъ онъ снова:

— Ахъ, я бѣдный человѣкъ!..

Воробей отвѣтилъ:

— Ну, ты еще недостаточно бѣденъ!—и усѣлся на голову другой лошади и той выклевалъ тоже глаза.

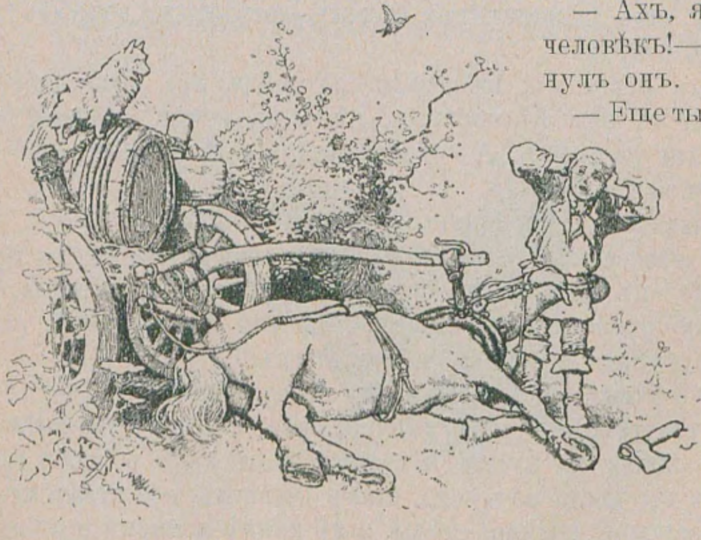
Бросился извозчикъ на него и замахнулся своею киркою, но воробей взвился кверху, и ударъ поразилъ другую лошадь, такъ что и та упала замертво.

— Ахъ, я бѣдный человѣкъ!

— Еще не совсѣмъ ты бѣденъ!—крикнулъ воробей и сѣлъ на голову третьей лошади и той выклевалъ глаза. Въ гнѣвѣ сталъ извозчикъ наносить удары, куда ни попадя, но въ воробья, какъ на-смѣхъ, ни разу не могъ попасть, только еще третью лошадь до смерти убилъ.

— Ахъ, я бѣдный человѣкъ!—воскликнулъ онъ.

— Еще ты недостаточно бѣденъ, — отвѣтилъ воробей. — Теперь я тебя дома обездолю,—и улетѣлъ съ другими воробьями.



Извозчикъ бросилъ повозку посреди дороги и пошелъ домой, разозленный, раздосадованный.

— Ахъ,—сказалъ онъ своей женѣ,—какое несчастье-то со мною случилось! Вино у меня вытекло, и всѣ три лошади пали...

— Ахъ, муженекъ,—огорошила его та,—что за злая птица залетѣла въ нашъ домъ! Она, кажется, со всего свѣта скликала птицъ, и всѣ онѣ напустились тучей наверхъ, въ закрома, на нашу пшеницу и, знай, клюютъ себѣ ее да клюютъ.

Побѣжалъ извозчикъ на чердакъ: тысячи-тысячъ птицъ сидѣли тамъ на полу, и вся пшеница была уже склевана, и самъ воробей былъ между ними и командовалъ.

— Ахъ, я бѣдный человѣкъ! — воскликнулъ извозчикъ.

— Ну, еще недостаточно бѣденъ,—отвѣтилъ воробей и вылетѣлъ оттуда.

Такимъ образомъ, извозчикъ потерялъ все свое добро; вотъ сошелъ онъ въ горницу, сѣлъ на печку, гнѣвный и обозленный на всѣхъ. А воробей той порой усѣлся передъ окномъ и все чирикалъ:

— Извозчикъ, это будетъ стоить тебѣ жизни!..

Тутъ извозчикъ схватилъ палку и швырнулъ ею въ воробья. Но онъ только вдребезги разбилъ оконныя стекла, а въ птицу все-таки не попалъ. Воробей же влетѣлъ въ горницу, усѣлся на печкѣ и чирикнулъ:

— Извозчикъ, это будетъ тебѣ стоитъ жизни!

А тотъ, совсѣмъ обезумѣвшій, обомлѣвшій отъ гнѣва, разбилъ печку на куски, а потомъ, такъ какъ воробей перелеталъ съ мѣста на мѣсто, сталъ крошить всю домашнюю утварь: зеркала, скамьи, столы, а въ концѣ-концовъ и стѣны самого дома, а все-таки никакъ не могъ попасть въ воробья. Наконецъ-таки удалось ему накрыть его рукою. Тогда жена сказала ему:

— Убить его, что ли, поскорѣе?..

— Нѣ-ѣтъ!—крикнулъ извозчикъ.—Этого ему мало! Онъ долженъ умереть болѣе мучительно, я его проглочу живымъ...

Въ самомъ дѣлѣ, взялъ его и проглотилъ. А воробей и началъ биться у него въ желудкѣ и вспорхнулъ опять къ самому рту; высунулъ голову и чирикнулъ:

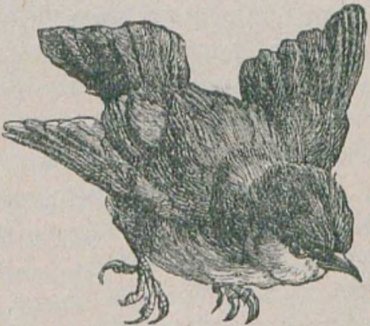
— Извозчикъ, это будетъ тебѣ стоить жизни!..

Извозчикъ подалъ женѣ кирку и сказалъ:

— Жена, пришиби ты эту птицу у меня во рту!

Жена ударила, было, да промахнулась,—угодила извозчику киркою по головѣ, такъ что онъ замертво рухнулъ на полъ.

А воробей вылетѣлъ вонъ и былъ таковъ.



На всѣ руки.

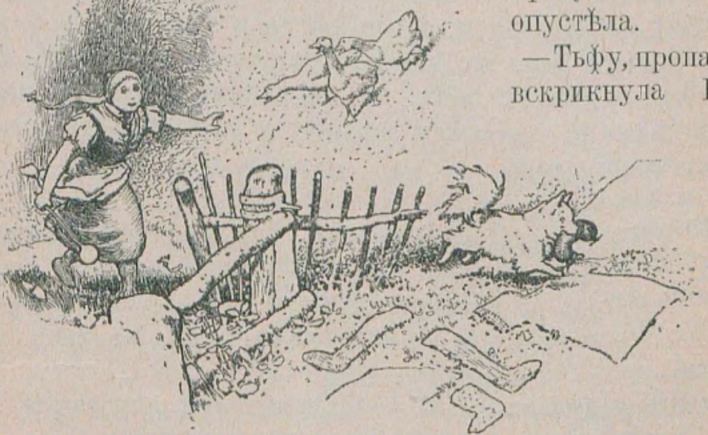
Повѣнчались Фридеръ и Катерлисхенъ и зажили дружно, душа въ душу. Однажды Фридеръ сказалъ:

— Я поѣду въ поле, Катерлисхенъ, а когда вернусь домой, смотри, чтобы какое-нибудь кушанье было у тебя да холодное питье.

— Иди ужъ, Фриди,—отвѣтила Катерлисхенъ,—иди себѣ, я все справлю, какъ слѣдуетъ,

Вотъ незадолго до обѣденнаго времени достала она колбасу изъ трубы, гдѣ та коптилась, положила ее на сковородку, подбавила масла и поставила на огонь. Стала колбаса жариться, стала пошипывать, а Катерлисхенъ стояла около огня, держала сковородникъ и думала свою думу. И пришло ей въ голову: „Пока колбаса-то поджаривается, сбѣгаю-ка я въ погребъ да нацѣжу пива“. Вотъ и поставила она сковородникъ, взяла кружку, сошла въ погребъ и стала цѣдить пиво. Течетъ себѣ пиво въ кружку, а Катерлисхенъ стоитъ да поглядываетъ; только вдругъ ей въ голову и пришло: „Эхва! Собака-то у насъ проказливая, она, чай, стащитъ у меня колбасу со сковородки! Впору догадалась-то!“— и въ мгновеніе ока бросилась она по лѣстницѣ изъ погреба; и точно, Шпицъ уже держалъ колбасу въ зубахъ и волочилъ ее по полу. Да не лѣнива была и Катерлисхенъ, бросилась за нимъ слѣдомъ, въ поле; но собака была проворнѣе, чѣмъ Катерлисхенъ, колбасу-то она не бросила, а, знай, скачетъ по полю все дальше да дальше.

— Ну, что пропало, то пропало!—молвила Катерлисхенъ и повернула назадъ; а такъ какъ она порядкомъ-таки устала отъ бѣготни, то пошла нарочно потише, чтобы отдышаться. А тѣмъ временемъ пиво своимъ чередомъ лилось да лилось изъ бочки и растеклось по всему погребу, пока бочка не опустѣла.



— Тьфу, пропасть!—вскрикнула Катерлисхенъ, сходя въ погребъ.—Что мнѣ теперь дѣлать, чтобы Фридеръ ничего не замѣтилъ.

Съ минуту соображала она и вспомнила вдругъ, что у нихъ на чердакѣ остался отъ праздника мѣшокъ съ чудной пшеничной мукой; вотъ она и рѣшила притащить ее сюда и по полу посыпать.

— Н-да,—сказала она,—кто во-время запасливъ, тотъ бѣды не боится...—и пошла на чердакъ, притащила внизъ мѣшокъ и сбросила его какъ-разъ на кружку съ пивомъ, такъ что кружка опрокинулась, и пиво тоже разлилось по полу.

— Это въ порядкѣ вещей,—сказала Катерлисхенъ,—одно къ одному; это ужъ такъ всегда бываетъ...—и разсыпала муку по всему погребу.

Вотъ когда она покончила разсѣвать муку, то невольно порадовалась на свою работу и сказала:

— Какъ здѣсь стало на видъ чистенько и опрятно! Чудо!

Въ обѣденное время вернулся домой Фридеръ.

— Ну, жена, что ты мнѣ сготовила?

— Ахъ, Фридерхенъ,—отвѣтила она,—хотѣла я тебѣ колбасу зажарить, да покамѣстъ я цѣдила пиво, собака стащила колбасу со сковороды; а покамѣстъ я гонялась за собакой, все пиво у меня выбѣжало; а когда я пшеничной мукой хотѣла высушить полъ, то опрокинула и послѣднюю кружку пива. Но успокойся заранѣе: у насъ зато въ погребѣ по-прежнему сухо.

И сказалъ Фридеръ:

— Катерлисхенъ, Катерлисхенъ, не надо было ничего этого дѣлать. А то ты дала собакѣ утащить колбасу, пиву изъ бочки вытечь да еще высыпала на него хорошую муку.

— Да, Фридерхенъ, я не догадалась; а ты бы меня надоумилъ...

А мужъ подумалъ: „Ежели такія напасти случаются съ женою, точно, нужно заранѣе все предусматривать“...

Вотъ однажды скопилъ онъ порядочную сумму талерами, промѣнялъ ихъ на золото и сказалъ Катерлисхенъ:

— Видишь ты вотъ эти желтенькіе кусочки; я ихъ положу въ горшокъ и зарою въ коровникѣ подъ яслями. Только смотри, не дотрогивайся до нихъ, не-то худо будетъ тебѣ.

Она и говоритъ:

— Нѣтъ, Фридерхенъ, я этого не сдѣлаю.

Вотъ когда разъ Фридера не было дома, пришли къ нимъ въ деревню мелкіе торговцы, которые продавали глиняные кружки и горшки, и спрашиваютъ у молодой женщины, не купитъ ли она у нихъ чего-нибудь.

— Охъ, вы, милые люди,—сказала Катерлисхенъ,—денегъ-то у меня нѣтъ; а если вамъ годятся желтые черепки, такъ я, пожалуй, куплю.

— Желтые черепки? А почему бы и нѣтъ?.. Ну-ка, покажи ихъ намъ...

— Такъ ступайте въ стойло, поройтесь подъ яслями, тамъ вы найдете желтые черепки; только я сама не смѣю до нихъ дотронуться.

Плуты пошли туда, взрыли землю и нашли тамъ чистое золото. Захватили они его, побросали свои горшки да кружки и убѣжали во-свояси.

А Катерлисхенъ подумала, что новая посуда пригодится впослѣдствіи, и такъ какъ дома въ посудѣ недостатка не было, такъ она вышибла у каждаго горшка дно и надѣла ихъ, ради украшенія, на колья частокола вокругъ дома. Какъ вернулся домой Фридеръ да увидѣлъ новое украшеніе, то сказалъ ей:

— Катерлисхенъ, что это ты надѣлала?

— А это я все накупила, Фридерхенъ, на тѣ желтые черепки, которые были зарыты подъ яслями; только я не сама ходила за ними, а торговцы вырыли ихъ сами.

— Ахъ, жена,—вскрикнулъ Фридеръ,—что ты надѣлала? Да вѣдь это были не черепки, а чистое золото; это все наше состояніе!

— Ахъ, Фридерхенъ,—отвѣтила она -- я этого не знала. Ты бы мнѣ заранѣе сказалъ.

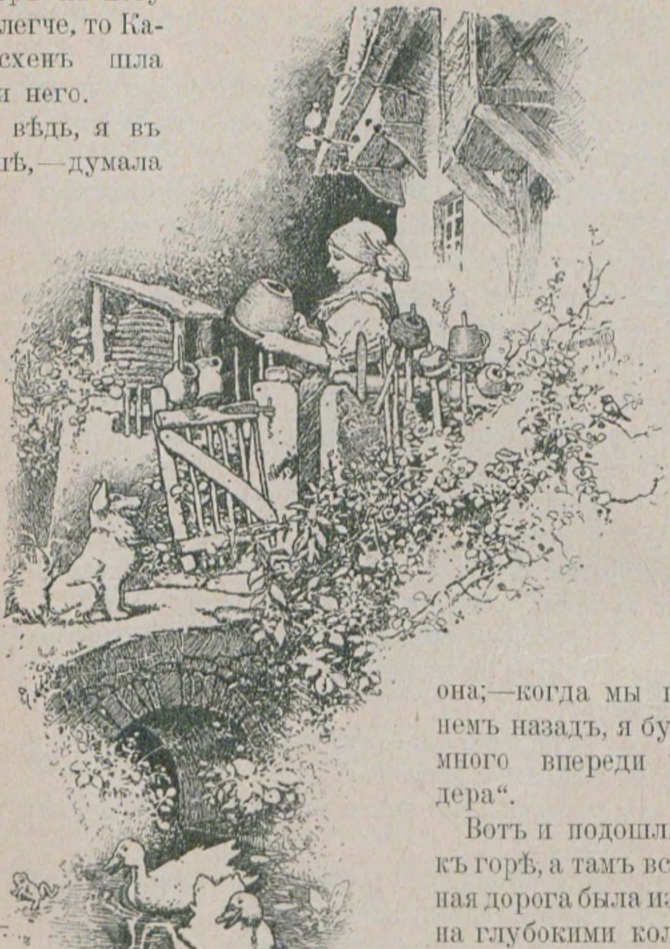
Минутку стояла Катерлисхенъ и обсуждала дѣло, а потомъ и сказала:

— Слушай, Фридерхенъ, золото мы вернемъ назадъ, побѣжимъ только слѣдомъ за ворами.

— Ну, пойдемъ,—сказ алъФридеръ,—попытаемъ счастья. Только захвати съ собою масла и сыра, чтобы намъ было чѣмъ-нибудь на дорогѣ закусить.

— Да, да, Фридерхенъ, конечно, возьму...

Вотъ и отправились они въ путь-дорогу, а такъ какъ Фридеръ на ногу былъ легче, то Катерлисхенъ шла позади него.



„А, вѣдь, я въ барышѣ,—думала она;—когда мы повернемъ назадъ, я буду на много впереди Фридера“.

Вотъ и подошли они къ горѣ, а тамъ вся горная дорога была изрѣзана глубокими колеями.

— Полюбуйтесь только,—сказала Катерлисхенъ,—какъ изрѣзали, взбудоражили и продавили здѣсь бѣдную землю. Въ жизнь она не поправится...

И изъ состраданія взяла она масло и намазала имъ колеи съ обѣихъ сторонъ, чтобы колеса легче скользили по нимъ; а въ то время, какъ она наклонилась, одинъ кругъ сыра выскользнулъ у нея изъ кармана и покатился подъ гору. Катерлисхенъ и сказала:

— Ну, ужъ я во второй разъ внизъ не пойду; пусть другой, кто хочетъ, сбѣгаетъ за нимъ внизъ.

— И взяла она другой кусокъ сыра и скатила его подъ гору. Однако, оба куска сыра не возвращались назадъ; тогда она скатила къ нимъ и третій кусокъ, думая: «Можетъ, они поджидаютъ еще товарищей и въ одиночку ходить не любятъ». Но такъ какъ всѣ три сыра оставались лежать на мѣстѣ, она и сказала:

— Просто не знаю, что это такое значитъ? Впрочемъ, можетъ-быть, третій дорогу не нашелъ и заблудился; пошлю-ка я четвертаго, чтобы онъ ихъ покликалъ.

Однако, четвертый поступилъ ничуть не лучше третьяго. Тогда Катерлисхенъ страшно разсердилась и швырнула имъ вдогонку и пятый, и шестой, и это были уже послѣдніе круги сыра. Нѣсколько времени стояла она и съ нетерпѣніемъ поджидала, что вотъ-вотъ сыры подойдутъ къ ней; но такъ какъ они и не думали возвращаться, то она и сказала:

— О, да васъ только за смертью посылать, не больно-то вы торопитесь!.. Да вы что думаете,—я васъ еще долго дожидаться буду? Какъ же!.. Нѣтъ, я своей дорогой пойду, а вы можете бѣжать за мною слѣдомъ...

И пошла Катерлисхенъ своимъ путемъ и нагнала Фридера, который стоялъ и дожидался ее, потому что ему хотѣлось чего-нибудь закусить.

— Ну, давай, что ли, что ты съ собою захватила.

Она подала ему сухой хлѣбъ.

— А гдѣ же масло, сыръ?—спросилъ мужъ.

— Ахъ, Фридерхенъ,—молвила Катерлисхенъ,—масломъ я вымазала дорожныя колеи, а куски сыра сейчасъ сами прикатятся сюда; одинъ самъ отъ меня убѣжалъ, а я послала за нимъ другихъ, чтобы они позвали его ко мнѣ.

Фридеръ сказалъ:

— Ну, что ты опять надѣлала, Катерлисхенъ! Развѣ можно мазать масломъ дорожныя колеи и сыръ съ горы катать?

— Да, Фридерхенъ... А ты бы мнѣ раньше о томъ сказалъ...

Вотъ поѣли они черстваго хлѣба, и Фридеръ молвилъ:

— Катерлисхенъ, а ты заперла домъ-то, когда мы уходили?

— Нѣтъ, Фридерхенъ... Ты бы мнѣ прежде сказалъ...

— Такъ ступай же, запри домъ, прежде чѣмъ идти дальше; да кстати захвати съ собою чего-нибудь поѣсть, а я тебя подожду здѣсь...

Пошла Катерлисхенъ назадъ, а сама все думала: «Фридерхенъ хочетъ поѣсть чего-нибудь другого; ему, значитъ, масло и сыръ не по вкусу; такъ я захвачу ему цѣлый узелъ сушеныхъ грушъ, а для питья—кружку уксуса». Дома она заперла верхнюю половину двери засовомъ, а нижнюю сняла съ петель *), взвалила себѣ на плечи, разсуждая, что если дверь будетъ при ней, такъ домъ все равно что запертъ и будетъ въ безопасности.

На возвратномъ пути Катерлисхенъ совсѣмъ не торопилась и думала: «Пусть лучше Фридерхенъ подольше отдохнетъ». Вотъ, вернулась она къ нему, и сказала:

— Вотъ, Фридерхенъ, на̀ тебѣ дверь; теперь ты можешь собственноручно запереть ее...

— Ахъ, Господи,—воскликнулъ тотъ,—да что же у меня за умная жена: снимаетъ нижнюю половину двери, такъ что всѣ могутъ войти въ домъ, и запираетъ верхнюю! Теперь

---

*) У нѣмецкихъ деревенскихъ домиковъ дверь состоитъ изъ двухъ половинъ верхней и нижней, и каждая половина запирается особо.

поздно въ другой разъ возвращаться назадъ; но коли ты притащила сюда дверь, такъ и тащи ее на себѣ дальше.

— Дверь-то я понесу, Фридерхенъ, а сушеныя груши да кружку съ уксусомъ мнѣ нести не подъ силу, такъ я лучше привѣшу ихъ къ самой двери, которую понесу.

Ну, вотъ и пошли они плутать по лѣсу да торговцевъ-плутягъ разыскивать; однако, никого не могли найти. А когда ужъ совсѣмъ стемнѣло, они взобрались на дерево и рѣшили провести тамъ ночь. Только-только усѣлись они, какъ пожаловали молодчики, которые уводятъ съ собою тѣхъ, кто съ ними не хочетъ идти, и находятъ вещи, прежде чѣмъ ихъ потеряешь. Они усѣлись какъ-разъ подъ тѣмъ самымъ деревомъ, на которое взобрались Фридеръ и Катерлисхенъ, развели огонь и хотѣли, было, начать дѣлить свою добычу. Вотъ Фридеръ тихонько спустился на землю съ другой стороны дерева и набралъ камней, а потомъ вскарабкался съ ними снова на дерево и сталъ швырять ими въ воровъ, думая пришибить на-смерть. Но камни не попадали въ цѣль; разбойники же сказали:

— Скоро утро настанетъ; это вѣтеръ сбрасываетъ на землю еловыя шишки.

А у Катерлисхенъ дверь-то все еще висѣла на плечахъ, а такъ какъ она больно давила ей плечи, Катерлисхенъ и подумала, что всему виною именно сушеныя груши, и сказала:

— Фридерхенъ, а я сушеныя-то груши сброшу внизъ.

— Нѣтъ, Катерлисхенъ, только не теперь, — отвѣтилъ онъ; — онѣ выдадутъ насъ.

— Ахъ, Фридерхенъ, а все-таки ихъ надо бросить, ужъ очень больно онѣ меня давятъ.

— А, ну, валяй, коли такъ, чортъ побери!

И посыпались сушеныя груши между вѣтвями, а молодчики подъ деревомъ сказали:

— Это птицы ворошатся.

Прошло нѣсколько времени, дверь давила по-прежнему, Катерлисхенъ и сказала:

— Ахъ, Фридерхенъ, я вылью уксусъ.

— Не смѣй этого дѣлать; это выдастъ насъ.

— Ахъ, Фридерхенъ, я не могу, — больно давитъ меня кружка.

— Ну, такъ выливай, чортъ съ тобой!..

Тогда она выплеснула уксусъ, такъ что забрызгала разбойниковъ. А они сказали:

— Вотъ, уже роса падаетъ намъ на носъ...

Наконецъ, Катерлисхенъ, подумала: „Ужъ это не дверь ли давитъ меня такъ?“—и сказала:

— Фридерхенъ, я сброшу дверь.

— Нѣтъ, Катерлисхенъ, только не теперь; она насъ выдастъ.

— Ахъ, Фридерхенъ, она меня ужасъ какъ давитъ!

— Нѣтъ, Катерлисхенъ, держи ее лучше покрѣпче.

— Ахъ, Фридерхенъ, я ее бросаю...

— Э!..—гнѣвно отвѣтилъ Фридеръ.—Такъ бросай же ее внизъ, чортъ возьми!

И дверь сорвалась внизъ и грохнулась съ ужаснымъ шумомъ, а разбойники заголосили подъ деревомъ...

— Самъ дьяволъ слѣзаетъ съ дерева!—крикнули они и кинулись вразсыпную и побросали все свое добро.

Раннимъ утромъ, когда мужъ и жена слѣзли на землю. они нашли подъ нимъ все свое золото и отнесли его домой,

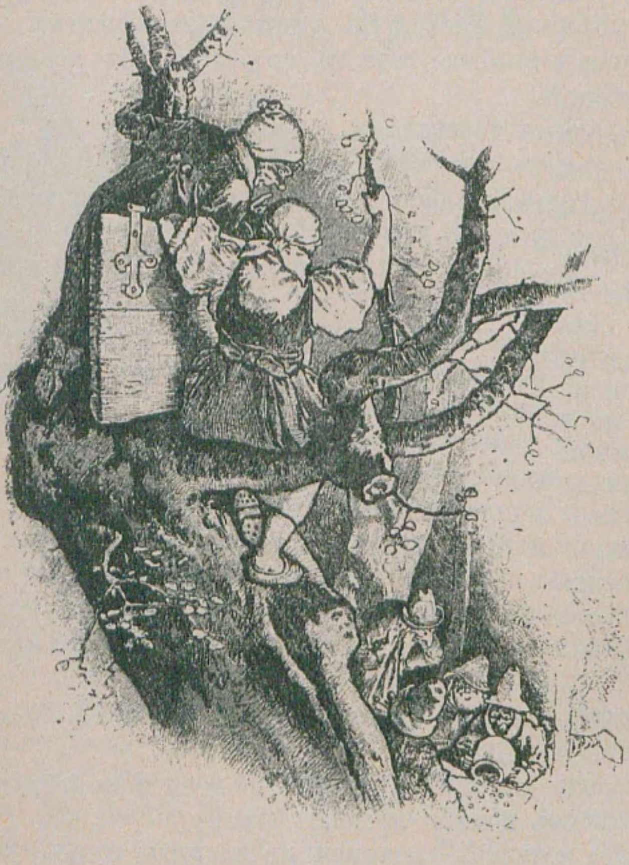
Когда они вернулись домой, Фридеръ и говоритъ:

— Катерлисхенъ, теперь ты должна стать прилежной и работать, не покладая рукъ.

— Да, Фридерхенъ, я готова; вотъ пойду въ поле и стану жать.

Пришла Катерлисхенъ въ поле и говоритъ сама съ собою:

„Поѣсть мнѣ прежде, чѣмъ жать, или поспать передъ жнитвомъ? Эхъ, поѣмъ-ка я лучше!..“



И покушала Катерлисхенъ; а послѣ ѣды напала на нее сонливость; однако, она начала жать да впросонкахъ только изрѣзала все на себѣ: и передникъ, и платье, и рубашку. Встала она послѣ долгаго сна, вся въ изорванномъ платьѣ и спрашиваетъ сама себя:

— Я это или не я? Нѣтъ, видно, это не я...

Между тѣмъ настала ночь; побѣжала тутъ Катерлисхенъ въ деревню, постучала подъ окошкомъ мужниной комнаты и крикнула:

— Фридерхенъ!..

— Ну, что тамъ такое?

— Хотѣлось бы мнѣ знать, дома ли Катерлисхенъ?

— Да, да,—отвѣтилъ Фридеръ,—она лежитъ и спитъ.

Тогда Катерлисхенъ сказала:—„Ладно, стало-быть, я уже дома“, — и убѣжала прочь. На улицѣ Катерлисхенъ повстрѣчала воровъ, которые шли на грабежъ. Она подошла къ нимъ и сказала:

— Я вамъ помогу воровать.

Разбойники, было, подумали, что она высмотрѣла какой-нибудь домъ, и обрадовались. А Катерлисхенъ пошла ходить мимо всѣхъ домовъ и все кричала:

— Господа! Есть ли у васъ что-нибудь лишнее? Мы хотимъ у васъ украсть!

Разбойники подумали:—„Ну, хорошая же штука выйдетъ изъ этого!“—и не знали, какъ бы освободиться отъ Катерлисхенъ. Вотъ они и сказали ей:

— На окраинѣ деревни у пастора на полѣ растетъ рѣпа; сходи-ка туда да нарви намъ рѣпы.

Катерлисхенъ пошла въ поле и начала таскать рѣпу, но она была больно лѣнива, присѣла на корточки, и лѣнь ей было снова подняться. Шелъ мимо какой-то прохожій, увидѣлъ ее, пріостановился и подумалъ: „Это, вѣрно, чортъ въ рѣпѣ копошится“,—побѣжалъ въ деревню къ пастору и сказалъ:

— Господинъ пасторъ, на вашемъ полѣ нечистый сидитъ и рѣпу выдергиваетъ.

— Ахъ, Боже!—отвѣтилъ пасторъ.—У меня нога болитъ, я не могу выйти изъ дому и прогнать его...

— Ахъ, это нечисть!..—вскрикнулъ пасторъ, и оба бросились бѣжать прочь во весь духъ...

Тогда прохожій сказалъ:—„Такъ я васъ проведу“,—и вывелъ его наулицу. Когда они поравнялись съ полемъ, Катерлисхенъ вдругъ поднялась и выпрямилась во весь ростъ.

Два брата.

Жили-были однажды два брата, одинъ богатый, другой бѣдный. Богачъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и сердце у него было жестокое, а младшій кормился только тѣмъ, что вязалъ вѣники, и былъ человѣкъ добрый и правдивый. У бѣдняка было двое дѣтей-близнецовъ, которые походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Дѣтей время-отъ-времени водили къ богатому дядѣ, гдѣ ихъ иногда угощали оставшимися объѣдками. И случилось однажды, что пошелъ бѣдный человѣкъ въ лѣсъ метлы рѣзать и увидѣлъ птичку, которая была вся золотая и такая красивая, какой еще никогда ему и на глаза не попадалось. Вотъ и поднялъ онъ камешекъ, бросилъ въ птичку и какъ-разъ угодилъ въ нее; но выпало только одно перышко, а сама птичка улетѣла. Поднялъ бѣднякъ перо и понесъ брату; тотъ осмотрѣлъ его и сказалъ:

— Это чистое золото!—и далъ ему за перо много-много денегъ.

На другой день взлѣзъ бѣднякъ на березу и хотѣлъ, было, срубить сучокъ-другой; вдругъ та же самая птичка выпорхнула откуда-то, а когда бѣднякъ немножко пошарилъ, то нашелъ ея гнѣздо, а въ немъ лежало яйцо,—оно было все изъ золота.

Взялъ онъ яйцо и отнесъ брату, который опять сказалъ:

— Это чистое золото!—и далъ ему сколько стоило яйцо. А затѣмъ золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ:

— Добудь-ка мнѣ эту самую золотую птицу.

Пошелъ бѣднякъ въ лѣсъ въ третій разъ и снова увидѣлъ птицу на деревѣ; тогда онъ поднялъ камень и ловкимъ ударомъ убилъ птичку, принесъ своему брату, а тотъ далъ ему цѣлый ворохъ денегъ.—„Ну, теперь я могу разжиться“,—подумалъ бѣднякъ и, довольный, вернулся домой.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ былъ человѣкъ себѣ на умѣ и прехитрый; онъ отлично зналъ, что это была за птица такая. Кликнулъ онъ жену и сказалъ:

— Зажарь-ка мнѣ эту золотую птицу, да смотри, чтобы ни крошечки отъ нея не пропало. Я съѣмъ ее всю дочиста одинъ.

А птица-то была не простая, и кому бы пришлось съѣсть ея сердце и печенку, тотъ съ тѣхъ поръ ежедневно поутру находилъ бы у себя подъ подушкой по золотому. Вотъ жена ощипала птичку, воткнула ее на вертелъ, поставила жариться, а сама отлучилась изъ кухни по другому дѣлу. Вбѣжали въ кухню дѣти бѣднаго метельщика, остановились около очага и раза два перевернули вертелъ. А тутъ какъ-разъ два кусочка выпали изъ птички, одинъ мальчикъ и сказалъ:

— Давай, съѣдимъ эти два кусочка, я такъ голоденъ!..

Вотъ они оба кусочка и съѣли, а тетка ихъ какъ-разъ въ это время входила въ кухню, увидѣла, что они что-то ѣдятъ, и спросила:

— Что это вы съѣли?

— Два кусочка, которые выпали изъ птички,—отвѣтили они.

— Да, вѣдь, это были сердце и печень,—сказала страшно перепуганная женщина, и вотъ, чтобы мужъ о томъ не узналъ и не разсердился на нее, она мигомъ зарѣзала пѣтушка, выпотрошила изъ него сердце и печень и положила ихъ къ золотой птичкѣ. Когда птичка изжарилась, жена отнесла ее золотыхъ дѣлъ мастеру, который съѣлъ ее дочиста. Но на другой день, когда онъ сунулъ подъ подушку руку, въ надеждѣ вынуть изъ-подъ нея золотой, тамъ ничего не оказалось.

А бѣдныя дѣти ровно ничего не знали, что за счастье выпало на ихъ долю. На другой день, когда они встали, вдругъ что-то выпало на землю и звякнуло; и когда они подняли, то оказалось, что это были два золотыхъ. Они отдали ихъ отцу, тотъ подивился и спросилъ:—„Что за чудо такое?!“.

И на слѣдующее утро дѣти нашли у себя два золотыхъ, и такъ каждый день. Пошелъ бѣднякъ къ брату и повѣдалъ ему о диковинной исторіи. Сразу догадался золотыхъ дѣлъ мастеръ, въ чемъ дѣло: дѣти съѣли сердце и печень золотой птички; и вотъ, чтобы отомстить за себя, а отчасти потому, что былъ завистливъ и жестокъ сердцемъ, онъ и сказалъ брату:

— Твои дѣти въ заговорѣ съ нечистымъ... Не бери себѣ этого золота и не держи ихъ больше у себя въ домѣ, потому что великую власть имѣетъ *онъ* при ихъ содѣйствіи и унесетъ въ преисподнюю тебя самого...

Бѣднякъ страшно боялся нечистаго, и какъ ни тяжело было ему, а онъ все-таки свелъ близнецовъ въ лѣсъ и оставилъ ихъ тамъ.

Вотъ и пошли дѣти блуждать по лѣсу, разыскивая дорогу домой, да никакъ не могли напасть на вѣрный путь и все глубже и глубже уходили въ чащу. Наконецъ, повстрѣчался имъ охотникъ, который спросилъ ихъ:

— Чьи вы, дѣти?

— Мы дѣти бѣднаго метельщика! — отвѣтили они и повѣдали ему о томъ, что отецъ не захотѣлъ дольше держать ихъ у себя въ домѣ, потому что каждое утро у нихъ подъ подушкой являлось по золотому.

— Ну, — молвилъ охотникъ, — это совсѣмъ не такъ дурно!..

Дѣти ему понравились, а у него самого дѣтей не было; онъ и взялъ ихъ съ собою домой и сказалъ:

— Я буду вамъ вмѣсто отца и поставлю васъ на ноги...

Вотъ стали они у него учиться охотничьему промыслу, а каждый день, вставая, находили у себя золотые, которые охотникъ приберегалъ для нихъ же.

Когда дѣти подросли, воспитатель повелъ ихъ однажды съ собою въ лѣсъ и сказалъ:

— Сегодня должны вы на испытаніе выстрѣлить по одному разу, чтобы я могъ судить о васъ, годитесь ли вы въ охотники.

Осмотрѣлся вокругъ охотникъ и замѣтилъ вереницу снѣжно-бѣлыхъ гусей, летѣвшихъ въ формѣ треугольника; вотъ онъ и сказалъ одному изъ дѣтей:

— А ну-ка, сшиби мнѣ съ каждаго угла по одному.

Тотъ исполнилъ наказъ и съ честью вышелъ изъ испытанія пробнаго выстрѣла. Вскорѣ послѣ того показалась летящая вереница гусей, но въ формѣ цифры 2; тогда охотникъ велѣлъ другому юношѣ точно такъ же съ каждаго угла сшибить по одному, и другому юношѣ тоже вполнѣ удался пробный выстрѣлъ. И сказалъ имъ тогда пріемный отецъ:

— Ну, теперь вы свободны, какъ опытные охотники...

Пошли оба брата въ глубь лѣса поговорить другъ съ другомъ наединѣ, а вечеромъ за ужиномъ и сказали пріемному отцу:

— Батюшка, исполните нашу просьбу. Пора намъ пойти по свѣту постранствовать; такъ позвольте намъ пуститься въ путь-дорогу.

И сказалъ старикъ съ радостью:

— Вы говорите дѣло; я этому очень радъ; ступайте по свѣту. Всего вамъ хорошаго.

Въ день разлуки пріемный отецъ подарилъ каждому изъ нихъ по хорошему ружью и по собакѣ, и каждаго заставилъ взять съ собою изъ скопленныхъ денегъ, сколько они хотѣли. Затѣмъ онъ проводилъ ихъ, а при разставаніи подарилъ имъ блестящій ножъ и сказалъ:

— Когда придется вамъ разстаться, — воткните этотъ ножъ въ дерево на распутьи вашихъ дорогъ; по этому ножу каждый можетъ видѣть, какая участь постигла отсутствующаго брата, потому что та сторона ножа, по направленію которой одинъ изъ васъ пустится въ путь, покраснѣетъ, если тотъ умретъ; а покамѣстъ отсутствующій живъ, ножъ останется блестящимъ.

Шли, шли оба брата все дальше да дальше и пришли въ лѣсъ, да такой большой, что и конца еще не видно было. Вотъ они и остались на ночь въ чащѣ и сѣли закусывать; и весь другой день шли они безъ устали и все-таки не могли выбраться изъ лѣсу. Имъ ужъ нечего было ѣсть, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— А вѣдь надо же намъ что-нибудь пристрѣлить, а то наголодаемся... — зарядилъ свое ружье и оглядѣлся по сторонамъ. И вотъ когда выбѣжалъ къ нимъ старый заяцъ, онъ прицѣлился, было, въ него, но заяцъ крикнулъ:

Милый охотникъ, оставь меня жить,
Я двухъ зайчатъ тебѣ радъ подарить!..

И тотчасъ же прыгнулъ въ кусты и принесъ двухъ маленькихъ зайчатъ; но звѣрки такъ рѣзво играли и были такіе милые, что у охотниковъ духу не хватило убить ихъ. Такъ и оставили они зайчатъ при себѣ, а маленькіе зайцы поскакали за ними по пятамъ.

Вскорѣ послѣ того шмыгнула мимо нихъ лисица, которую они хотѣли, было, пристрѣлить, но лисица залаяла:

Милый охотникъ, оставь меня жить,
Я двухъ лисятъ вамъ могу подарить!..

И принесла она имъ двухъ лисятъ, а охотники и ихъ убить не рѣшились и пустили ихъ къ зайцамъ въ товарищи, и лисенята тоже побѣжали за ними. Вскорѣ послѣ того вышелъ изъ чащи волкъ, охотникъ прицѣлился въ него, но волкъ взвылъ:

Милый охотникъ, оставь меня жить,
Я двухъ волчатъ тебѣ радъ подарить!..

И двоихъ волчатъ охотники присоединили къ остальнымъ звѣркамъ, и всѣ они побѣжали слѣдомъ за охотниками. Потомъ встрѣтился имъ медвѣдь, который тоже проревѣлъ ему:

Милый охотникъ, оставь меня жить,
Двухъ медвѣжатъ я вамъ радъ подарить!..

Два молодые медвѣжонка были включены въ это общество, и теперь всѣхъ звѣрковъ стало восемь. Кто же въ концѣ-концовъ еще явился? Припожаловалъ самъ левъ, который грозно потрясалъ своею гривой. Да не испугались охотники и прицѣлились въ него; но левъ прорычалъ:

Братья охотники, дайте мнѣ жить,
Я двухъ дѣтенышей радъ подарить!..

И онъ принесъ имъ своихъ дѣтенышей; и вотъ у охотниковъ были теперь два льва, два медвѣдя, два волка, двѣ лисицы и два зайца, которые шли за ними и прислуживали имъ. А все-таки братьямъ хотѣлось ѣсть; вотъ и сказали они лисятамъ:

— Слушайте вы, ползушки, добудьте-ка намъ что-нибудь поѣсть, вы, вѣдь, лукавые, прехитрые!..

Лисята отвѣтили:

— Невдалекѣ отсюда есть деревушка, откуда ужъ мы перетаскали много-много куръ; мы вамъ укажемъ дорогу.

Вотъ и пошли они въ деревню, накупили себѣ кое-какихъ съѣстныхъ припасовъ да велѣли и звѣрямъ своимъ дать корму, а затѣмъ двинулись дальше.

Ну, вотъ походили-походили они немного по окрестностямъ, и нигдѣ не могли подыскать себѣ какой-нибудь подходящей службы, гдѣ бы имъ можно было жить всѣмъ вмѣстѣ.

— Ну,—рѣшили охотники,—дѣлать нечего, надо намъ разстаться!..

Раздѣлили они звѣрей, такъ что каждому досталось по льву, медвѣдю, волку, лисицѣ и зайцу; потомъ распростились, поклялись въ братской любви до смерти и воткнули въ дерево ножъ, который имъ подарилъ ихъ пріемный отецъ, послѣ чего одинъ двинулся на востокъ, а другой—на западъ. Вотъ и пришелъ младшій со своими звѣрями въ городъ, который весь былъ затянутъ чернымъ флеромъ. Зашелъ онъ въ гостиницу и спросилъ хозяина, пуститъ ли тотъ ночевать его со звѣрями. Хозяинъ отвелъ имъ хлѣвъ, гдѣ въ одной стѣнѣ была лазейка; заяцъ выползъ черезъ нее на волю и добылъ себѣ кочанъ капусты, а лиса раздобыла себѣ курочку, съѣла ее, а затѣмъ утащила еще пѣтуха; волкъ же, медвѣдь и левъ были слишкомъ велики и не могли выйти изъ хлѣва. Но хозяинъ выгналъ ихъ на лугъ, гдѣ лежала убитая корова, и звѣри наѣлись досыта. Накормивъ звѣрей, охотникъ прежде всего спросилъ у хозяина, почему это весь городъ завѣшенъ траурнымъ флеромъ. Хозяинъ и сказалъ:

— Да потому, что завтра должна умереть единственная дочь короля.

— Что же она больна при смерти?—спросилъ охотникъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ хозяинъ,—она молода и здоровехонька, а все-таки должна умереть!

— Да какъ же это такъ?—спросилъ охотникъ.

— А вотъ какъ. Есть за городомъ большая гора, и живетъ на той горѣ драконъ, который каждый годъ пожираетъ одну молодую дѣвушку; въ случаѣ же отказа онъ грозитъ разорить за это всю нашу страну. Ну, вотъ теперь уже всѣхъ дѣвушекъ мы предали ему, и никого у насъ больше не осталось, кромѣ самой королевны, да и ей пощады не будетъ...

— А почему же не убьютъ дракона?—спросилъ охотникъ.

— Ахъ,—отвѣтилъ хозяинъ,—много рыцарей пытало счастье; но всѣ они только зря загубили свою жизнь; король и то пообѣщалъ выдать свою дочь замужъ за того, кто побѣдитъ дракона, да еще послѣ своей смерти обѣщалъ все королевство!..

Ни слова не сказалъ на это охотникъ, а на слѣдующее утро созвалъ звѣрей и отправился съ ними на Драконову гору. Тамъ наверху возвышалась маленькая часовенка, а въ ней на жертвенникѣ стояли три наполненные кубка, а при нихъ подпись: «*Кто кубки выпьетъ, станетъ сильнѣйшимъ человѣкомъ на землѣ и будетъ владѣть мечомъ, который зарытъ подъ порогомъ двери!*“ Да не сталъ охотникъ пить, а вышелъ и прежде разыскалъ мечъ въ землѣ, да только не въ силахъ былъ онъ и съ мѣста его сдвинуть. Тогда вошелъ онъ въ часовенку, выпилъ кубки и сразу настолько окрѣпъ, что уже легко могъ поднять мечъ. Насталъ часъ, когда надо было предать дѣвушку дракону, и вышли проводить ее изъ города король, маршалъ и всѣ придворные. Издали замѣтила она высоко наверху охотника, но подумала, что это стоитъ да поджидаетъ ее самъ драконъ. Съ трудомъ и скорбью пошла она къ нему, потому что иначе весь городъ долженъ былъ погибнуть.

Въ горѣ вернулись обратно король и придворные, но королевскій маршалъ остался на мѣстѣ, чтобы наблюдать издалека за всѣмъ, что произойдетъ.

Когда королевна взобралась на самую вершину горы, тамъ стоялъ не драконъ, а молодой охотникъ, который сталъ всячески утѣшать ее и сказалъ, что онъ спасетъ ее, во что бы то ни стало; потомъ онъ отвелъ ее въ часовенку и заперъ тамъ. Вскорѣ послѣ того прилетѣлъ на гору съ страшнымъ грохотомъ семиглавый драконъ. Какъ замѣтилъ онъ охотника, подивился и сказалъ:

— А ты что здѣсь на горѣ подѣлываешь? А?

Охотникъ отвѣчалъ:

— Да вотъ хочу я съ тобою силами помѣряться...

Драконъ сказалъ:

— Столько рыцарей лишились жизни здѣсь, и съ тобою я живо покончу...—и дохнулъ на него огнемъ изъ семи пастей. Этимъ огнемъ онъ хотѣлъ подпалить сухую траву, и тогда охотнику пришлось бы задохнуться въ дыму и пламени, да сбѣжались къ нему на помощь его звѣри и затоптали огонь. Бросился драконъ на охотника, но тотъ выхватилъ мечъ, такъ что тотъ засвисталъ по воздуху, и отсѣкъ дракону три головы. Тутъ ужъ драконъ пришелъ въ страшную ярость, взвился на воздухъ, сталъ изрыгать на охотника пламя языками, и только, было, хотѣлъ навалиться на него всею тяжестью, какъ охотникъ взмахнулъ мечомъ и отсѣкъ ему еще три головы. Сразу обезсилѣло чудовище и пало ницъ, а все-таки пыталось еще броситься на охотника; но тотъ собрался съ послѣдними силами и отрубилъ ему хвостъ; потомъ кликнулъ своихъ звѣрей, и тѣ въ клочья растерзали дракона.

Вотъ какъ кончилась битва, отперъ охотникъ часовенку и нашелъ тамъ королевну, распростертую на полу: во время борьбы она лишилась чувствъ отъ ужаса. Вынесъ охотникъ ее на воздухъ, и когда она пришла въ себя и открыла глаза, онъ указалъ ей на растерзаннаго въ клочья дракона и сказалъ, что она теперь свободна. Обрадовалась она и говоритъ:

— Вотъ и станешь ты моимъ супругомъ, потому что батюшка заранѣе обѣщалъ это.

И сняла она затѣмъ свое коралловое ожерелье и раздѣлила его между звѣрями въ награду, а льву достался золотой замочекъ ожерелья. Свой платокъ, на которомъ стояло ея имя, подарила она охотнику, а тотъ пошелъ къ мѣсту побоища, вырѣзалъ у семи драконовыхъ головъ языки, завернулъ ихъ въ платокъ и припряталъ до поры, до времени.

Покончилъ онъ съ этимъ и такъ какъ страшно ослабъ и усталъ отъ огня и борьбы, то и молвилъ дѣвушкѣ:

— Оба мы утомились, нужно немного отдохнуть.

Вотъ и легъ онъ на землю, а льву сказалъ:

— Смотри, сторожи насъ!..—и забылся онъ глубокимъ сномъ. Прилегъ и левъ рядомъ съ ними, охранять ихъ, но и онъ отъ борьбы притомился, такъ что кликнулъ медвѣдя и сказалъ:

— Ложись-ка рядомъ со мною, я вотъ немного сосну, а если кто покажется, разбуди меня.

Тогда медвѣдь опустился на землю рядомъ съ нимъ, но и онъ усталъ тоже не мало, позвалъ волка и сказалъ:

— Лягъ рядомъ со мною, я хочу немного вздремнуть, и если кто покажется, разбуди меня.

Легъ и волкъ рядомъ съ нимъ, но и онъ тоже усталъ, поэтому кликнулъ лисицу и сказалъ:

— Ложись рядомъ, мнѣ спать хочется; а ежели что случится, разбуди меня.

Лисица прилегла рядомъ съ нимъ, но и она устала тоже, кликнула зайца и сказала:

— Лягъ рядомъ со мною, я только вздремну немного; а ежели что случится, разбуди меня...

Усѣлся заяцъ рядомъ съ нею; но онъ, бѣдный, и самъ усталъ порядкомъ; хоть некого было ему на-сторожѣ поставить, но онъ все-таки заснулъ.

Вотъ маршалъ, который долженъ былъ издалека наблюдать за всѣмъ происходившимъ, видя, что драконъ не уноситъ молодую дѣвушку, а на горѣ все тихо, собрался съ духомъ и вскарабкался на вершину горы. Тамъ лежалъ на землѣ драконъ, заколотый, истерзанный, а невдалекѣ отъ него—королевна, охотникъ со своими звѣрями, и всѣ они были погружены въ глубокій сонъ. А онъ былъ человѣкъ безбожный; вотъ схватилъ онъ мечъ и отрубилъ охотнику голову, поднялъ молодую дѣвушку на руки и снесъ ее съ горы внизъ. Вдругъ она проснулась и перепугалась страшно, но маршалъ сказалъ ей:

— Ты въ моихъ рукахъ, и ты должна подтвердить, что это именно я убилъ дракона...

— Нѣтъ, этого я не могу сказать,—отвѣчала она,—потому что это сдѣлалъ нѣкій охотникъ со своими звѣрями.

Тутъ онъ обнажилъ свой мечъ и грозилъ убить ее, ежели только она его не послушаетъ. Привелъ ее маршалъ къ самому королю, и тотъ не могъ опомниться отъ радости, увидѣвъ свою дочь въ живыхъ, — ту, которую считалъ уже истерзанною чудовищемъ. А маршалъ сказалъ ему:

— Я дракона-то убилъ и освободилъ молодую дѣвушку и все королевство, поэтому требую ее себѣ въ супруги, какъ это и было обѣщано.

Спросилъ, было, король у молодой дѣвушки:

— Правда это, что онъ говоритъ? А?

— Ахъ, да, — отвѣчала она, — именно такъ... Но я прошу отложить свадьбу на годъ и одинъ день (она надѣялась за это время разузнать что-нибудь о невѣдомомъ охотникѣ).

А на Драконовой горѣ звѣри все еще лежали-полеживали да спали рядомъ съ своимъ убитымъ господиномъ. Летѣлъ мимо шмель, усѣлся зайцу на носъ, но заяцъ отмахнулъ его лопатой и продолжалъ спать. Подлетѣлъ шмель во второй разъ, но заяцъ снова отмахнулъ его и спалъ, не пробуждаясь. Тогда налетѣлъ на него шмель въ третій разъ и ужалилъ его прямо въ носъ, такъ что заяцъ сразу проснулся. Проснулся и сію же минуту разбудилъ лисицу, а лисица—волка, а волкъ—медвѣдя, а медвѣдь—льва. А когда проснулся левъ, да увидалъ, что молодой дѣвушки нѣтъ, а его господинъ убитъ,—зарычалъ онъ гнѣвно:

— Кто это сдѣлалъ? Медвѣдь, ты меня почему не разбудилъ?

Медвѣдь сказалъ волку:

— Ты меня почему это не разбудилъ?

А волкъ на лису:

— Ты меня почему не разбудила?

А лиса на зайца:

— Ты-то почему меня не разбудилъ?

Одинъ только заяцъ не зналъ, что ему отвѣтить, и вся вина цѣликомъ обрушилась на него. Тогда звѣри хотѣли, было, наброситься на зайца, да сталъ онъ ихъ молить о пощадѣ и сказалъ:

— Не убивайте меня, я оживлю нашего господина... Знаю я одну гору, тамъ растетъ такой корень, что кто только возьметъ его въ ротъ, сразу вылѣчится отъ всѣхъ болѣзней и ранъ. Только до горы отсюда верстъ двѣсти...

— Въ двадцать четыре часа изволь слетать туда и назадъ и принести съ собой корень!—сердито сказалъ левъ.

Бросился заяцъ со всѣхъ ногъ и въ двадцать четыре часа вернулся назадъ и корень принесъ съ собой. Левъ приставилъ голову охотника къ туловищу, а заяцъ сунулъ охотнику въ ротъ корень, и въ то же мгновеніе голова срослась, и сердце забилось, и жизнь вернулась къ охотнику. Проснулся охотникъ и испугался, не видя около себя молодой дѣвушки, и подумалъ: — „Вѣрно, ушла отъ меня, покамѣстъ я спалъ, чтобы избавиться отъ меня“. Но второпяхъ левъ приставилъ своему господину голову-то лицомъ назадъ, а тотъ этого даже и не замѣтилъ, крѣпко задумавшись о королевской дочери; только за обѣдомъ, когда ему захотѣлось чего-нибудь поѣсть, онъ замѣтилъ, что лицо его было обращено къ спинѣ, и спросилъ онъ у звѣрей, что такое съ нимъ случилось за время сна. И разсказалъ ему левъ, что и они всѣ тоже отъ усталости заснули вмѣстѣ съ нимъ, а проснувшись, нашли его мертвымъ, съ отрубленной головой; тутъ заяцъ добылъ корень-живущій, а онъ въ поспѣшности приставилъ ему голову задомъ напередъ; но, впрочемъ, онъ готовъ сейчасъ же исправить свою ошибку. И левъ снова оторвалъ голову охотнику и перевернулъ ее, а заяцъ приростилъ ее корнемъ крѣпко-на-крѣпко.

Но охотникъ сильно загрустилъ и пустился странствовать по свѣту, а чтобы прокормиться, заставлялъ звѣрей танцовать передъ народомъ. И случилось такъ, что онъ какъ-разъ по прошествіи года вернулся въ тотъ же самый городъ, въ которомъ онъ освободилъ отъ дракона королевскую дочь, и на этотъ разъ городъ былъ весь обвѣшанъ краснымъ сукномъ. И сказалъ онъ хозяину гостиницы:

— Что это значитъ? Годъ назадъ городъ былъ весь обтянутъ чернымъ флеромъ, а сегодня всюду красное сукно...

Хозяинъ отвѣтилъ:

— Годъ назадъ королевская дочь должна была быть предана дракону; но маршалъ сразился съ нимъ и убилъ его, и вотъ завтра будетъ отпразднована ихъ свадьба.

На другой день, когда была назначена свадьба, охотникъ сказалъ хозяину:

— Вѣрите ли вы, господинъ хозяинъ, что я сегодня буду ѣсть хлѣбъ съ королевскаго стола...

— Нѣтъ,—молвилъ хозяинъ,—да я сто золотыхъ поставлю въ закладъ, что этого не будетъ.

Принялъ охотникъ его закладъ и приложилъ свой кошелекъ съ такой же суммой. Затѣмъ кликнулъ зайца и сказалъ:

— Слушай-ка, милый прыгунчикъ, принеси мнѣ хлѣба, который кушаетъ король.

Заяцъ былъ самый младшій изъ звѣрей и потому не могъ передать этого порученія другому, а долженъ былъ отправиться самъ на своихъ на двоихъ.

„Эхъ,—подумалъ онъ,—да, вѣдь, ежели я одинъ поскачу по улицамъ-то, за мною слѣдомъ погонятся собаки!“ Чего онъ боялся, то и произошло; собаки бросились за нимъ слѣдомъ, въ надеждѣ пощипать его знатную шубку. Ужъ онъ скакалъ, скакалъ,—жаль, что ты не видѣлъ какъ!—а потомъ и шмыгнулъ въ сторожевую будку, такъ что часовой его и не замѣтилъ. Примчались собаки, хотѣли, было, его оттуда вытащить, но часовой шутокъ терпѣть не могъ и такъ принялся колотить ихъ прикладомъ ружья, что онѣ убѣжали во-свояси, громко лая и воя...

Какъ только заяцъ замѣтилъ, что гроза миновала, бросился онъ скокомъ во дворецъ да прямо къ самой королевнѣ, сѣлъ подъ стуломъ и легонько царапнулъ ей ногу. Королевна сказала:

— Уйдешь ли ты прочь?—и думала, что это ея собачка.

Заяцъ въ другой разъ царапнулъ ей ногу, а она опять сказала:—„Уйдешь ли ты?“—и опять подумала, что это ея собака. Но заяцъ не отчаялся и царапнулъ въ третій разъ; тогда она опустила глаза и по ожерелью на шеѣ зайца узнала его. Подняла она его къ себѣ на колѣна, отнесла въ свою комнату и сказала:

— Милый заяцъ, что тебѣ надо?

Онъ отвѣчалъ:

— Мой господинъ, убившій дракона, здѣсь и послалъ меня попросить того хлѣбца, который король кушаетъ.

Она страшно обрадовалась, кликнула придворнаго пекаря и приказала ему принести цѣлую ковригу хлѣба, какой кушаетъ самъ король. И сказалъ зайчикъ:

— Только пускай пекарь мнѣ хлѣбъ донесетъ до дому, чтобы собаки меня не тронули...

Донесъ пекарь хлѣбъ до самой двери гостиницы; тамъ заяцъ поднялся на заднія лапки, взялъ сейчасъ же хлѣбъ въ переднія и предподнесъ его своему господину. Тогда охотникъ и говоритъ:

— Видишь, хозяинъ, я сто золотыхъ-то выигралъ...

Подивился хозяинъ гостиницы, а охотникъ продолжалъ:

— Ну, хлѣбъ у меня есть, а вотъ хотѣлось бы мнѣ и королевскаго жаркого покушать.

Хозяинъ и говоритъ:

— Ну, хотѣлъ бы я это посмотрѣть!—однако, объ закладъ биться больше не рѣшался.

Кликнулъ охотникъ лису и говоритъ:

— Лисочка, сходи во дворецъ, принеси мнѣ жаркого, какое самъ король кушаетъ.

Лисица лучше зайца знала разныя уловки и всѣ тайные ходы; пошла она тихонько изъ угла въ уголъ, да такъ, что ее собаки и не замѣтили; потомъ забралась подъ стулъ королевны и царапнула ей ногу. Опустила глаза королевна и по ожерелью узнала лису, повела ее къ себѣ и сказала:

— Милая лисица, чего ты хочешь?

— Мой господинъ,—отвѣчала лисица,—здѣсь и послалъ меня попросить жаркого, какое самъ король кушаетъ...

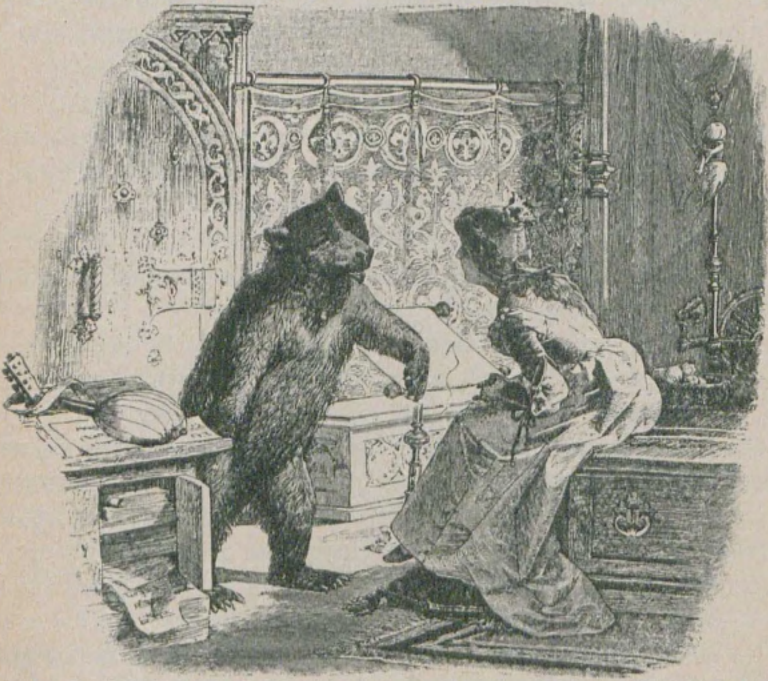
Тутъ королевна велѣла кликнуть повара, который долженъ былъ сейчасъ же приготовить жаркое и затѣмъ донести его лисицѣ до самой двери гостиницы; а тамъ лиса взяла блюдо, отогнала сперва хвостомъ мухъ, которыя усѣлись на жаркое, и затѣмъ принесла своему господину.

— Видите, хозяинъ, — сказалъ охотникъ, — у насъ есть хлѣбъ и мясо, но мнѣ хочется овощей, какіе король ѣстъ.

И кликнулъ онъ волка и сказалъ:

— Милый волкъ, ступай во дворецъ и принеси мнѣ овощей, какіе король кушаетъ.

И пошелъ волкъ прямикомъ во дворецъ, потому что онъ никого рѣшительно не боялся; а когда онъ вбѣжалъ къ королевнѣ въ комнату, то дернулъ ее сзади за платье, такъ что она поневолѣ обернулась. Она сразу узнала его по ожерелью, повела съ собою въ комнату и сказала:



— Милый волкъ, чего ты хочешь?

Онъ отвѣчалъ:

— Мой господинъ проситъ овощей, какіе самъ король кушаетъ.

Она позвала повара, который и долженъ былъ приготовить овощи такъ, какъ кушалъ ихъ самъ король, а затѣмъ отнести ихъ волку до самой двери гостиницы; тамъ волкъ взялъ блюдо и поднесъ своему господину.

— Полюбуйтесь-ка, господинъ хозяинъ, — сказалъ охотникъ,—вотъ у меня хлѣбъ и жаркое, и овощи, но я хочу еще пирожнаго попробовать, какое самъ король ѣстъ.

Позвалъ онъ медвѣдя и сказалъ:

— Милый медвѣдь, ты самъ любишь сладкое, ступай же во дворецъ и принеси мнѣ пирожнаго.

Повалилъ медвѣдь къ за́мку, и каждый встрѣчный давалъ ему дорогу; но когда онъ подошелъ къ стражѣ, часовые направили, было, на него ружья и не хотѣли впускать его во дворецъ. Но онъ поднялся на заднія лапы да какъ махнетъ лапой налѣво, направо, — вся стража въ кучу свалилась, а онъ прямехонько пошелъ къ королевнѣ, сталъ позади нея и рявкнулъ слегка. Обернулась она и узнала медвѣдя.

— Милый медвѣдь, чего ты хочешь?—спросила она его.

— Мой господинъ, убившій дракона, здѣсь, — сказалъ медвѣдь;—я прошу дать ему пирожное, какое самъ король кушаетъ...

Королевна позвала пирожника, и тотъ долженъ былъ испечь такое пирожное, какое самъ король кушалъ, и донести его медвѣдю до дверей гостиницы; а медвѣдь прежде всего слизалъ всѣ сладкія горошины, которыя скатились съ пирожнаго, затѣмъ поднялся на заднія лапы, взялъ блюдо и поднесъ своему господину.

— Видишь ли, господинъ хозяинъ,—сказалъ охотникъ,— вотъ у меня есть и хлѣбъ, и жаркое, и овощи, и пирожное, только хочется мнѣ винца испить, какое король пьетъ.

И кликнулъ онъ льва и сказалъ:

— Милый левъ, ступай и принеси мнѣ вина, какое самъ король кушаетъ.

Пошелъ шагать левъ по улицамъ, и люди бѣжали отъ него вразсыпную; а когда онъ дошелъ до стражи, та хотѣла, было, преградить ему путь, но онъ только разокъ рыкнулъ, и всѣ отскочили прочь. Подошелъ левъ къ королевской комнатѣ и постучалъ въ дверь хвостомъ. Вышла королевна и сначала, было, испугалась льва, да потомъ узнала его по золотому замочку съ ея ожерелья и ввела его къ себѣ.

— Милый левъ, чего ты хочешь?—спросила она его.

— Мой господинъ, что дракона убилъ, — здѣсь,—отвѣчалъ онъ;—я прошу дать ему вина, которое самъ король кушаетъ.

И позвала она кравчаго, который долженъ былъ дать льву того самаго вина, которое кушаетъ король.

А левъ самъ сошелъ съ кравчимъ въ погребъ, а когда они были тамъ, кравчій хотѣлъ, было, нацѣдить ему обыкновеннаго вина, какое пьютъ королевскіе лакеи, но левъ рявкнулъ:

— Стой! Я сначала попробую вино! — и нацѣдилъ себѣ полведра и выпилъ его однимъ духомъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—это не настоящее вино...

Кравчій искоса глянулъ на него и хотѣлъ, было, дать ему вина изъ другой бочки, которая была заготовлена для королевскаго маршала. Левъ и говоритъ:

— Стой! Я прежде попробую винцо!—нацѣдилъ себѣ полведра и выпилъ его.—Это лучше, а все-же не настоящее.

Тутъ кравчій вышелъ изъ себя и сказалъ:

— Да что понимаетъ въ винѣ такая глупая тварь, какъ ты?

Но левъ такъ ударилъ его по затылку, что онъ сразмаху грянулся о землю, а когда снова поднялся на ноги, то въ глубокомъ молчаніи прямо повелъ льва въ маленькій, особый погребокъ, гдѣ стояло королевское вино, котораго никто изъ простыхъ смертныхъ и не пробовалъ. Прежде всего левъ нацѣдилъ себѣ полведра, попробовалъ вино и велѣлъ кравчему нацѣдить шесть бутылокъ. Вотъ выбрались они наверхъ, но какъ только левъ очутился на свѣжемъ воздухѣ, послѣ погреба, стало его раскачивать изъ стороны въ сторону; потому что онъ былъ слегка навеселѣ, и самъ кравчій долженъ былъ донести ему вино до двери гостиницы; а затѣмъ левъ взялъ корзину съ виномъ въ пасть и принесъ своему господину.

— Смотри, хозяинъ,—сказалъ охотникъ,—вотъ у меня хлѣбъ, мясо, овощи, пирожное и вино,—все, что королю подаютъ; вотъ я и сяду обѣдать съ моими звѣрями.

Тутъ онъ сѣлъ за столъ, сталъ ѣсть и пить и накормилъ своихъ звѣрей. Пообѣдалъ онъ и говоритъ:

— Господинъ хозяинъ, вотъ я пообѣдалъ по-королевски, а теперь отправлюсь въ замокъ и обвѣнчаюсь съ королевной.

Хозяинъ его спросилъ:

— Да какъ же это можетъ быть, коли она уже просватана, и сегодня будетъ ея свадьба?

Досталъ тутъ охотникъ платокъ, который ему подарила королевна на Драконовой горѣ, въ который онъ завязалъ семь языковъ чудовища, и сказалъ:

— Моему дѣлу поможетъ то, что я держу въ рукѣ.

Глянулъ хозяинъ на платокъ и говоритъ:

— Хоть и ко всему я готовъ, но этому-то ужъ не повѣрю. Я готовъ прозакладывать и домъ, и весь дворъ...

А охотникъ досталъ кошелекъ съ тысячью золотыхъ, бросилъ на столъ и сказалъ:

— Это я ставлю противъ тебя.

Между тѣмъ король за столомъ сказалъ дочери:

— Что было нужно звѣрямъ, которые являлись къ тебѣ?

А она и отвѣчала:

— Сама я сказать о томъ не смѣю, а пошлите-ка за хозяиномъ этихъ звѣрей; вы сдѣлаете хорошее дѣло...

Послалъ король слугу въ гостиницу и велѣлъ пригласить незнакомца; слуга явился въ то время, когда охотникъ бился объ закладъ съ хозяиномъ.

— Ну, господинъ хозяинъ,—сказалъ охотникъ,—видите, король шлетъ даже слугу и приглашаетъ меня, но я еще такъ прямо не пойду.—А слугѣ онъ сказалъ:—Я вамъ поручаю попросить у короля прислать мнѣ королевское платье да карету съ шестью лошадьми и лакеевъ.

Услышалъ король такой отвѣтъ и обратился къ дочери:

— Ну, какъ же мнѣ теперь поступить?

— Прикажите послать ему то, что онъ требуетъ; вы сдѣлаете хорошее дѣло,—сказала королевна.

Король такъ и сдѣлалъ, а когда охотникъ замѣтилъ карету и слугъ, то сказалъ трактирщику:

— Видите, прислали все, что я требовалъ.

Натянулъ на себя королевское платье, захватилъ узелокъ съ драконовыми языками и покатилъ къ королю. Какъ только король замѣтилъ, что онъ приближается, то сказалъ своей дочери:

— Какъ же мнѣ слѣдуетъ принять его?

— Выйдите къ нему навстрѣчу,—отвѣчала королевна.

Король вышелъ къ нему навстрѣчу и ввелъ его наверхъ, а звѣри охотника слѣдовали за ними. Король отвелъ ему мѣсто за столомъ около себя и дочери, а маршалъ-женихъ сидѣлъ по другую сторону и не призналъ охотника. Вотъ принесли напоказъ семь головъ дракона, и король сказалъ:

— Семь головъ дракона были отрублены моимъ маршаломъ; за это я выдаю за него замужъ мою дочь.

Поднялся тутъ съ мѣста охотникъ, раскрылъ всѣ семь драконовыхъ пастей и сказалъ:

— А гдѣ же языки у дракона?

Испугался тутъ маршалъ, поблѣднѣлъ весь и въ страхѣ смущенно пробормоталъ:

— У драконовъ... языковъ не бываетъ...

— У лгуновъ-то имъ бы не слѣдовало быть,—сказалъ охотникъ,—а языки дракона—это трофей побѣдителя!—и развернулъ платокъ: тамъ лежали всѣ семь языковъ; и затѣмъ вложилъ охотникъ каждый языкъ въ пасти, какой куда слѣдовало, и всѣ они пришлись какъ-разъ къ мѣсту. Затѣмъ взялъ онъ платокъ, на которомъ было вышито имя королевны, показалъ молодой дѣвушкѣ и спросилъ ее, кому она подарила его? Королевна отвѣтила:

— Тому, кто убилъ дракона...

Тогда созвалъ онъ своихъ звѣрей, снялъ съ нихъ части ожерелья, а со льва золотой замочекъ, показалъ его молодой дѣвушкѣ и спросилъ ее, кому это принадлежитъ?

Она отвѣчала:

— Ожерелье и золотой замочекъ при немъ принадлежали мнѣ, но я раздѣлила его между звѣрями, которые помогли одолѣть дракона.

Тогда охотникъ сказалъ:

— Когда я, усталый отъ битвы, отдыхалъ и забылся сномъ, маршалъ отрубилъ мнѣ голову, унесъ королевну и объявилъ, что это-де онъ убилъ дракона; а что онъ это солгалъ, то доказалъ я этими языками, платкомъ и ожерельемъ.

И повѣдалъ онъ тутъ еще, какъ звѣри излѣчили его помощью диковиннаго корня и какъ онъ цѣлый годъ странствовалъ повсюду и только теперь въ концѣ-концовъ вернулся сюда. Тогда король спросилъ свою дочь:

— Правда ли, что этотъ человѣкъ убилъ дракона?

— Да, это правда,—отвѣчала она;—теперь я могу обнаружить постыдный обманъ, потому что онъ и такъ ясенъ, какъ день; а маршалъ угрозами принудилъ меня молчать о правдѣ. Я и выговорила, чтобы свадьба моя была отпразднована черезъ годъ и одинъ день, не раньше...

Тогда повелѣлъ король созвать двѣнадцать своихъ совѣтниковъ, которые должны были произнести приговоръ надъ маршаломъ, и они осудили разорвать его на части четырьмя быками. А король обручилъ свою дочь съ охотникомъ и произвелъ его въ намѣстники всего королевства. Свадьбу отпраздновали въ радости неслыханной, и молодой король повелѣлъ привести къ нему своего отца и пріемнаго отца и обоихъ ихъ надѣлилъ богатствами. И хозяина гостиницы не позабылъ онъ; велѣлъ ему явиться и сказалъ:

— Видите ли, господинъ хозяинъ, на королевнѣ я женился, и вашъ домъ и дворъ теперь уже мои.

— По справедливости,—сказалъ трактирщикъ,—и вы правы.

Но молодой король замѣтилъ:

— Нѣтъ, пусть домъ и дворъ остаются за вами, а тысячу золотыхъ я дарю еще вамъ въ придачу...

Такъ и зажили на-славу молодой король и королева.

Частенько выѣзжалъ охотникъ на охоту, и вѣрные звѣри сопровождали его. Былъ невдалекѣ отъ за̀мка лѣсъ, про который сказывали, что въ немъ нечистая сила живетъ, и ежели кто попадетъ въ этотъ лѣсъ, тотъ и не выпутается изъ него. А молодого короля больно разбирала охота поохотиться именно тамъ, и онъ до тѣхъ поръ не отставалъ отъ стараго короля съ просьбами отпустить его, пока тотъ не согласился. Вотъ и поскакалъ онъ со своею многочисленною свитой, завидѣлъ въ чащѣ бѣлоснѣжную лань и молвилъ своимъ спутникамъ:

— Обождите здѣсь, пока я вернусь къ вамъ; я хочу поохотиться за этой чудной дичиной,—и помчался слѣдомъ за ланью въ глубь лѣса, и только одни звѣри его не отставали отъ него. А люди сидѣли да поджидали его вплоть до вечера; но онъ не возвращался; тогда они отправились домой и разсказали обо всемъ молодой королевѣ, которая страшно встревожилась.

А королевичъ все ѣхалъ да ѣхалъ слѣдомъ за чудной ланью и никакъ нагнать ея не могъ; порою ему казалось, что вотъ-вотъ она уже на выстрѣлъ отъ него, но тотчасъ же хитрая лань пропадала изъ глазъ и, наконецъ, совсѣмъ пропала изъ виду. Только тутъ замѣтилъ королевичъ, что заѣхалъ онъ въ самую глушь лѣса; взялъ свой рогъ и затрубилъ; но ни звука не послышалось въ отвѣтъ: онъ былъ слишкомъ далеко отъ своихъ. А такъ какъ ночь уже настала, онъ сообразилъ, что нынче домой ужъ не стоитъ возвращаться, спѣшился, развелъ огонь подъ деревомъ, а звѣри улеглись вокругъ него. И почудилось ему вдругъ, будто слышитъ онъ чей-то человѣческій голосъ, но никого рѣшительно около него не было. И вдругъ опять раздалось какое-то оханье откуда-то сверху. Вскинулъ королевичъ глаза вверхъ и увидѣлъ сидящую на деревѣ старуху, которая плакала, не переставая:—„Гу, гу, гу, какъ мнѣ холодно!“...

Онъ и крикнулъ ей:

— Слѣзай сюда и погрѣйся, коли тебѣ холодно.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она,—звѣри меня закусаютъ!

— Не тронутъ они тебя, бабусенька,—отвѣтилъ королевичъ,—слѣзай!..

А это была вѣдьма; вотъ она и говоритъ:

— Я тебѣ съ дерева сброшу прутъ; коли ты имъ ударишь ихъ по спинѣ, они мнѣ зла не сдѣлаютъ.

Сбросила она ему прутикъ внизъ, а онъ ударилъ имъ звѣрей, и тотчасъ же они замерли и превратились въ камни. И такъ какъ вѣдьма теперь была въ безопасности, то она спрыгнула съ дерева и дотронулась и до него тоже прутомъ и превратила его въ камень. Захохотала она тутъ и поволокла его и звѣрей въ яму, гдѣ уже лежало много-много такихъ же камней.

А между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ молодой король не возвращался назадъ, страхъ и безпокойство королевы становились все больше и больше. Ну, вотъ и случилось тутъ, что въ то время пришелъ въ это королевство другой братъ-охотникъ, который послѣ разлуки отправился странствовать на востокъ. Тщетно искалъ онъ себѣ какого нибудь дѣла, долго странствовалъ и тамъ, и сямъ, а чтобы какъ-нибудь прокормиться, онъ показывалъ звѣрей, которые у него танцовали. И пришло ему на память пойти да посмотрѣть ножъ, который они съ братомъ воткнули въ дерево при разлукѣ, и по ножу разузнать, каково живется брату. Когда онъ пришелъ на перекрестокъ, братнина сторона ножа наполовину заржавѣла, а наполовину еще была свѣтлая. Испугался онъ и подумалъ: „Видно, большое несчастье обрушилось на брата; но, можетъ-быть, я еще его спасу, потому что половина ножа еще свѣтлая"... Онъ и тронулся въ путь со своими звѣрями; и зашелъ онъ въ городъ брата; у городскихъ воротъ стража спросила его, не прикажетъ ли онъ предупредить королеву о себѣ: она-де, почитай, два дня находится въ ужасномъ страхѣ, боясь, что онъ погибнетъ въ заколдованномъ лѣсу. Стража думала, что это не кто иной, какъ самъ молодой король,—до того братья были похожи другъ на друга, и, кромѣ того, за нимъ тоже бѣжали дикіе звѣри. Путникъ сразу догадался, что рѣчь идетъ объ его братѣ и подумалъ: „Это самое лучшее; я выдамъ себя за него, такимъ способомъ я его легче могу спасти". И въ сопровожденіи стражи вошелъ во дворецъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ величайшей радостью. Молодая королева стала спрашивать его, почему онъ такъ долго пропадалъ въ лѣсу.

— Я заблудился въ лѣсу,—отвѣчалъ путникъ,—никакъ не могъ выбраться оттуда раньше.

Вечеромъ, когда они сидѣли съ нею вдвоемъ, онъ положилъ между собою и молодою королевой мечъ; она понять не могла, что это значитъ, но не рѣшалась спросить его о томъ. И къ тому же онъ страшно чуждался ея.

Два дня оставался онъ въ зàмкѣ и за это время вывѣдалъ все, что касалось заколдованнаго лѣса, и, наконецъ, сказалъ:

— Мнѣ нужно еще разъ поохотиться въ лѣсу...

Хотѣлъ, было, старый король попробовать отговорить его, но онъ настоялъ на своемъ и выѣхалъ съ большою свитой провожатыхъ. Когда онъ пріѣхалъ въ лѣсъ, съ нимъ повторилось то же, что и съ братомъ; завидѣлъ онъ бѣлую лань и сказалъ своимъ спутникамъ:

— Останьтесь здѣсь и ждите, покамѣстъ я возвращусь; я хочу поохотиться за этой чудною дичиной.

И помчался онъ въ глубь лѣса, а звѣри его бросились за нимъ слѣдомъ. Да никакъ не могъ онъ нагнать эту лань, и заѣхалъ въ такую чащу лѣса, что долженъ былъ остаться тамъ заночевать. И какъ только развелъ онъ огонь, такъ заслышалъ вдругъ надъ собою чье-то оханье:—„Гу, гу, гу, холодно мнѣ!“

Вскинулъ онъ глазами вверхъ; тамъ на деревѣ оказалась та же самая вѣдьма. Онъ и сказалъ:

— Коли холодно тебѣ, слѣзай, бабусенька, погрѣйся-ка...

— Нѣтъ, меня заѣдятъ твои звѣри,—отвѣчала она.

Но онъ сказалъ:

— Они тебя не тронутъ.

— Я тебѣ сброшу внизъ прутъ,—крикнула вѣдьма,—коли ты имъ ударишь звѣрей, они мнѣ зла не причинятъ!..

Услышалъ охотникъ это, и сомнѣніе на него напало.

— Звѣрей бить я не буду,—сказалъ онъ,—а ты слѣзай, не-то все равно я тебя достану.

— А что же ты сдѣлаешь?—завопила старуха.—Ничего со мной не подѣлаешь!

Но онъ отвѣтилъ:

— Коли ты сама не слѣзешь, я тебя сшибу выстрѣломъ!

А она ему и говоритъ:

— Ну-ка, ну-ка, стрѣляй! Не больно я боюсь твоихъ пуль!..

Онъ прицѣлился и выстрѣлилъ по ней; но вѣдьма была заговорена отъ свинцовыхъ пуль; она только захохотала, такъ что по всему лѣсу раскатилось, и завопила:

— Хо, хо, хо!.. Анъ, не попадешь въ меня!..

Да слыхалъ охотникъ про всякое колдовство; сорвалъ онъ съ камзола три серебряныя пуговки, загналъ въ дуло; противъ нихъ все ея колдовство было безсильно, и какъ только онъ выстрѣлилъ, вѣдьма грохнулась съ дерева съ громкими воплями. Наступилъ онъ на нее ногою и сказалъ:

— Старая вѣдьма, ежели ты мнѣ сію минуту не укажешь, гдѣ мой братъ, я брошу тебя въ огонь!..

Стала вѣдьма молить его о пощадѣ и сказала:

— Онъ лежитъ окаменѣлый со своими звѣрями во рву!..

Тогда охотникъ заставилъ ее отправиться туда, пригрозилъ ей и сказалъ:

— Ты, старая мартышка! Сію минуту изволь оживить моего брата и всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которые здѣсь лежатъ, а не-то ты у меня полетишь въ огонь.

Взяла она прутъ и тронула имъ камни, и мгновенно ожили и братъ его, и всѣ звѣри, и многіе-многіе другіе люди: купцы, ремесленники, пастухи,—всѣ поднялись на ноги, поблагодарили за свое освобожденіе и отправились по своимъ домамъ. А братья-близнецы, какъ только увидѣли другъ друга, бросились цѣловаться и радовались отъ всего сердца.

Потомъ схватили они вѣдьму, связали ее и бросили въ огонь, и какъ только она сгорѣла, весь лѣсъ вдругъ ожилъ, разступился, сдѣлался рѣже, свѣтлѣе, и королевскій зàмокъ сталъ видимъ издалека-издалека.

Пошли оба брата домой и по дорогѣ поразсказали другъ другу о своей судьбѣ. И когда младшій сказалъ, что вотъ-де онъ теперь правитъ всею страною вмѣсто короля, старшій ему замѣтилъ:

— Это-то я ужъ знаю, потому что, когда я пришелъ въ городъ, гдѣ меня приняли за тебя, то мнѣ оказали королевскія почести: молодая королева приняла меня за супруга, и, обѣдая, я долженъ былъ сидѣть рядомъ съ нею...

Какъ услышалъ это другой братъ, разгорячился онъ, разгнѣвался страшно, выхватилъ мечъ и отсѣкъ своему брату голову. Но когда братъ его упалъ мертвый, и онъ увидѣлъ струившуюся кровь,—на него напало страшное раскаяніе.

— Братецъ мой, ты освободилъ меня,—воскликнулъ онъ,—а я тебя за то убилъ!..—и заплакалъ онъ громко-громко.

Подбѣжалъ тутъ заяцъ и предложилъ мигомъ сбѣгать за живительнымъ корнемъ, затѣмъ бросился со всѣхъ ногъ и принесъ его какъ-разъ во-время; и вотъ убитый былъ снова оживленъ, да такъ, что и слѣдовъ отъ ранъ не было замѣтно. Послѣ этого пошли они дальше, и младшій сказалъ:

— Ты съ виду совсѣмъ какъ я,—на тебѣ платье королевское, какъ и на мнѣ, и звѣри за тобою слѣдуютъ, какъ за мною,—такъ войдемъ же въ городъ въ разныя ворота и явимся къ старому королю въ одно время съ двухъ сторонъ.

И они разошлись; и вотъ къ старому королю въ одно и то же время явилась стража отъ тѣхъ и другихъ воротъ и доложила ему, что молодой король возвращается съ охоты. Король сказалъ:

— Да этого не можетъ быть! Ворота одни отъ другихъ лежатъ на разстояніи часа ходьбы!..

А между тѣмъ съ двухъ сторонъ вошли оба брата на королевскій дворъ и оба вмѣстѣ вступили во дворецъ. Тогда король обратился къ дочери:

— Скажи мнѣ, который твой супругъ? Я не могу различить.

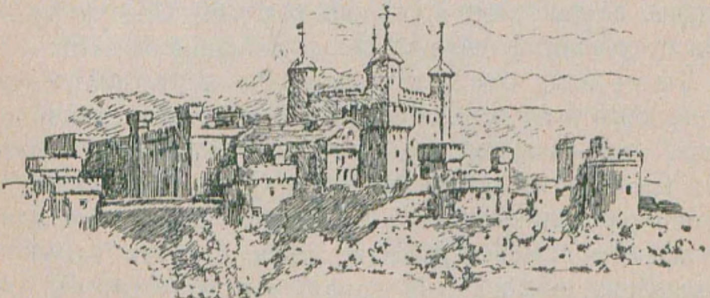
А королевна и сама смутилась и никакъ не могла рѣшить; наконецъ, вспомнила она ожерелье, которое подарила звѣрямъ; стала она осматривать ихъ и нашла на одномъ изъ львовъ золотой замокъ.

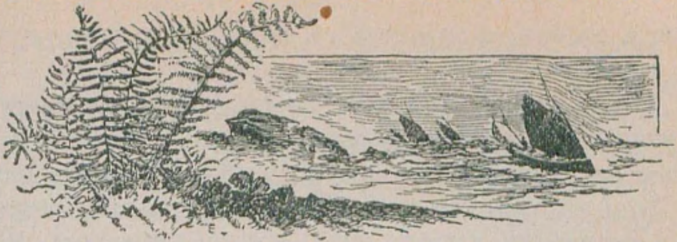
— Тотъ, за кѣмъ слѣдуетъ этотъ левъ, — мой истинный супругъ!—восторженно воскликнула она.

И вотъ усѣлись они всѣ за столъ, стали кушать да пить и были всѣ веселые-развеселые. Вечеромъ королева и спрашиваетъ своего супруга:

— А почему ты въ прошлые дни клалъ между собою и мною мечъ, когда сидѣлъ рядомъ? Я думала, что ты хочешь убить меня...

Тутъ младшій братъ увидѣлъ, какъ былъ вѣренъ въ отношеніи къ нему старшій братъ.





Мужичонко.

Была одна такая деревня, гдѣ жили все только одни богатеи-мужики, и только одинъ бѣднякъ, котораго они прозвали „мужичонкомъ“. У него даже коровы не было, а еще того меньше было денегъ на покупку коровы, а имъ между тѣмъ съ женой очень захотѣлось завести корову. Вотъ однажды мужичонко и сказалъ ей:

— Слышь ты, славная мысль взбрела мнѣ на умъ: вѣдь крестный-то нашъ столяръ, такъ пускай онъ сдѣлаетъ намъ деревяннаго теленка да выкраситъ его бурой краской, такъ, чтобы онъ съ виду былъ не хуже живого; со временемъ онъ выраститъ и принесетъ намъ приплодъ—коровку.

Понравилось это и женѣ тоже, и вотъ крестный принялся за плотничью работу и выстрогалъ теленка на-славу, выкрасилъ его, какъ подобало, да еще что сдѣлалъ-то: теленокъ у него голову опускалъ, словно намѣревался щипать траву.

Вотъ когда стали на слѣдующее утро выгонять коровъ, подозвалъ къ себѣ мужичонко пастуха и сказалъ:

— Глянь-ка, вотъ и у меня теленокъ есть; только онъ еще больно маловатъ, его пока надо носить на рукахъ.

— Да ужъ ладно,—сказалъ пастухъ, взялъ его на руки, отнесъ на лугъ и поставилъ на травкѣ. Вотъ теленокъ стоялъ да стоялъ, и казалось съ виду, будто онъ щиплетъ траву на самомъ дѣлѣ.

— Да онъ скоро и бѣгать станетъ,—изумился пастухъ.— Не угодно ли, онъ ужъ и траву жретъ!..

Вечеромъ погналъ онъ стадо домой и кликнулъ теленка:

— Коли ты можешь стоять да траву щипать, такъ можешь и на своихъ ногахъ идти, а я тебя волочить на рукахъ не желаю, и шабашъ!

А мужичонко стоялъ на порогѣ своего дома и поджидалъ теленка, а когда пастухъ прогналъ по деревнѣ все стадо, и теленка въ стадѣ не оказалось, мужичонко и спросилъ о немъ.

Пастухъ отвѣтилъ:

— Да онъ все еще на полѣ стоитъ, пасется, наѣдается... Не хотѣлъ меня слушаться, не хотѣлъ со стадомъ идти...

Но мужичонко сказалъ:

— Я знать ничего не желаю!.. Я требую свою скотинку!

Отправились они вдвоемъ на лугъ, но кто-то ужъ утащилъ теленка, и слѣда его не оставалось. Пастухъ и сказалъ:

— Чай, забѣжалъ куда-нибудь... Гдѣ-жъ его взять?

Но мужичонко отвѣтилъ:

— Мнѣ-то что до того?—и повелъ пастуха къ старшинѣ, который присудилъ пастуха за его безпечность дать мужику взамѣнъ пропавшаго теленка корову.

Ну, вотъ теперь у мужичонки и его жены очутилась, наконецъ, давно желанная корова; отъ всего сердца радовались они на нее, да только вотъ корма-то у нихъ не было никакого, и нечего имъ было давать ей и ѣсть, такъ что вскорѣ пришлось ее зарѣзать. Посолили они говядину, а мужичонко пошелъ въ городъ продавать шкуру, чтобы на вырученныя деньги заказать себѣ новаго теленка. Шелъ дорогою онъ мимо одной мельницы, тамъ сидѣла ворона съ перешибленнымъ крыломъ, и мужичонко изъ состраданія захватилъ ее съ собою и завернулъ въ шкуру. А такъ какъ погода была плохая,—дулъ вѣтеръ и дождь лилъ,—онъ не могъ идти дальше, завернулъ на мельницу и попросилъ переночевать. Мельничиха была дома одна; она и сказала мужику:

— Вонъ ложись тамъ на солому, — и дала ему хлѣба съ сыромъ.

Поѣлъ мужичонко немного, потомъ улегся себѣ, а шкуру около себя положилъ, мельничиха подумала: — „Уморился онъ; чай, ужъ и заснулъ“..

Между тѣмъ явился къ ней въ гости староста; мельничиха приняла его радушно и говоритъ:

— Мужа дома нѣтъ, поѣдимъ, попьемъ съ тобою всласть.

Прислушался мужичонко къ ея словамъ, да какъ услышалъ насчетъ угощенія, разсердился страшно на то, что его угостили однимъ хлѣбомъ да сыромъ. А мельничиха нанесла всякой всячины: и жаркое, и салатъ, и пироги, и вино. Только, было, хотѣли они усѣсться за ѣду, какъ кто-то постучалъ съ надворья. Мельничиха и говоритъ:

— Господи! Не мужъ ли это?.. Онъ у меня скупой!.. Крутенько же достанется намъ! — и живо спрятала она жаркое въ печку, вино—подъ подушку, салатъ—на постель, пироги—подъ постель, а самого старосту, который былъ въ непримиримой враждѣ съ ея мужемъ,—въ шкапъ, въ сѣнцахъ. Затѣмъ отперла она мужу дверь и сказала:

— Ну, слава Богу, что ты снова дома! Непогода-то какая, словно свѣтопреставленіе начинается!..

Замѣтилъ мельникъ мужика на соломѣ и спросилъ:

— А этому дѣтинѣ чего надо?

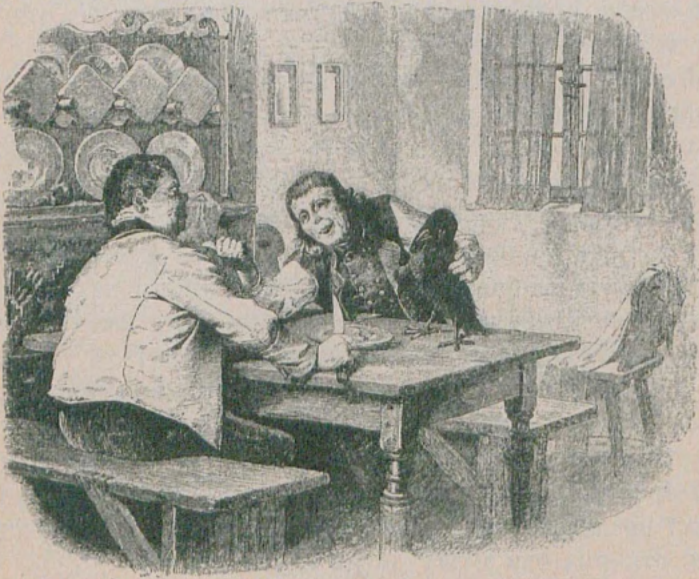
— Ахъ, — молвила жена, — бѣднякъ пришелъ въ самую бурю и дождь и попросилъ пріютить его; я ему дала хлѣба съ сыромъ да бросила соломки...

Мужъ сказалъ:

— Я противъ него ничего не имѣю; а ты вотъ собери мнѣ чего-нибудь поѣсть...

— У меня ничего нѣтъ, одинъ хлѣбъ да сыръ,—сказала жена.

— И то ладно...—отвѣчалъ мужъ, потомъ взглянулъ на мужика и крикнулъ ему: — Иди сюда, поѣшь со мною для компаніи!



Мужичонко не заставилъ себя просить дважды, всталъ, подошелъ и присѣлъ къ столу. Между тѣмъ мельникъ замѣтилъ лежащую на полу шкуру, въ которой сидѣлъ воронъ, и спросилъ:

— Что это у тебя тамъ такое?

Мужичонко отвѣчалъ ему:

— А это у меня тамъ предсказатель сидитъ...

— А мнѣ онъ можетъ что-нибудь предсказать? — спросилъ мельникъ.

— Отчего же нѣтъ?—отвѣтилъ мужичонко.—Только онъ говоритъ четыре вещи, а пятую таитъ про себя.

Взяло мельника любопытство, и сказалъ онъ:

— А ну-ка, заставь его предсказать мнѣ что-нибудь...

Вотъ мужичокъ и нажалъ ворону голову, такъ что тотъ закаркалъ: „Крр... крр“... И спросилъ мельникъ:

— Это что же такое онъ сказалъ?

Мужичонко отвѣтилъ:

— Во-первыхъ, онъ сказалъ, что здѣсь гдѣ-то подъ подушкой спрятано вино...

— Ахъ, прахъ побери!—сказалъ мельникъ, подошелъ къ постели и отыскалъ вино.

— Ну, дальше?—спросилъ онъ.

Мужичонко заставилъ ворона снова каркнуть и сказалъ:

— Во-вторыхъ, онъ говоритъ, будто бы жаркое въ печкѣ есть.

— Ахъ, прахъ побери!..—вскрикнулъ мельникъ, пошелъ къ печкѣ и, точно, нашелъ жаркое. Мужичонко заставилъ ворона еще прорицать, а самъ разъяснялъ:

— Въ-третьихъ, онъ сказалъ, что салатъ на постели.

— Вотъ такъ штука!..—вскрикнулъ мельникъ, пошелъ и отыскалъ салатъ.

Наконецъ, мужичокъ нажалъ ворона еще разъ, такъ что тотъ закаркалъ, и сказалъ:

— Вонъ онъ говоритъ, будто подъ постелью пироги!..

— Ай, да, воронъ!..—вскрикнулъ мельникъ, пошелъ и отыскалъ подъ постелью пироги.

Ну, вотъ и усѣлись они оба за столъ, а мельничиха перепугалась не на животъ, а на смерть, улеглась въ постель и всѣ ключи забрала съ собою.

Мельнику же больно хотѣлось знать, какого рода было пятое предсказаніе, но мужичокъ сказалъ:

— А вотъ мы сначала преспокойно съѣдимъ эти четыре блюда, потому что *пятое* у него всегда что-нибудь недоброе!

Вотъ и принялись они за ѣду, а послѣ ѣды стали торговаться, сколько-де мельникъ дастъ мужику за пятое предсказаніе, пока, наконецъ, не сторговались на трехстахъ талерахъ. Тогда мужичокъ нажалъ ворону еще разъ голову, такъ что тотъ громко каркнулъ. И спросилъ мельникъ:

— Ну, что онъ сказалъ?

Мужичокъ отвѣчалъ:

— А сказалъ онъ, что въ сѣнцахъ, за дверью, есть шкапъ, а въ немъ сидитъ чортъ.

Мельникъ и сказалъ:

— Ну, чорта надо по́-боку!..—и распахнулъ наружную дверь; мельничиха волей-неволей дала ключи, а мужичонко отперъ шкапъ. Тутъ староста задалъ такого стрекача, какъ только могъ, а мельникъ пробормоталъ:

— Я своими собственными глазами видѣлъ какую-то черную фигуру! Предсказаніе было вѣрное!..

А мужичонко на другое утро чуть свѣтъ бросился наутекъ со своими тремястами талерами.

И вотъ мужичонко живо поднялся на ноги, выстроилъ хорошій домъ, и тогда мужики стали говорить:

— Знать, мужичонко побывалъ тамъ, гдѣ падаетъ золотой снѣгъ, и деньги загребаютъ лопатами...

Вотъ и притянули мужичонку къ старшинѣ, объясни, молъ, все доподлинно, о́ткуда это такое богатство свалилось тебѣ на голову.

— О, да это я продалъ шкуру коровью въ городѣ за триста талеровъ!—сказалъ мужичонко.

Какъ услышали про то другіе мужики, захотѣлось и имъ попользоваться большими барышами,—побѣжали они домой, перебили своихъ коровъ, содрали съ нихъ кожи, чтобы продать ихъ въ городѣ съ выгодой.

Вотъ старшина и сказалъ:

— Моя работница должна прежде васъ пойти...

Когда та явилась въ городъ къ купцу, онъ сталъ ей давать не больше трехъ талеровъ за кожу, а когда явились остальные продавцы, онъ уже и такой цѣны не давалъ, а сказалъ:

— Да что же мнѣ дѣлать со всѣми этими шкурами?

Разсердились мужики, что такъ обманулъ ихъ мужичонко, захотѣли отплатить ему за это и пожаловались старшинѣ на него за обманъ. Ни въ чемъ неповинный мужикъ былъ единогласно приговоренъ къ смерти: его должны были скатить въ воду въ дырявой бочкѣ. Вывели мужичонку изъ деревни, сдали на руки старостѣ, чтобы тотъ совершилъ надъ нимъ казнь, а лишнихъ зрителей удалили; мужичокъ только взглянулъ на старосту, какъ сразу узналъ въ немъ мельничихина гостя въ тотъ памятный вечеръ.

— Я освободилъ васъ изъ шкафа,—сказалъ онъ,—освободите же меня изъ бочки.

А тутъ какъ-разъ одинъ пастухъ гналъ имъ навстрѣчу стадо овецъ, а про этого пастуха мужикъ зналъ, что онъ давно охотится быть старостою; вотъ онъ что было мочи и завопилъ:

— Нѣтъ, я на это не согласенъ!.. Кабы даже цѣлый свѣтъ хотѣлъ этого, нѣтъ, я такъ не сдѣлаю!..

Овчарникъ, который услышалъ это, подошелъ къ нимъ и спросилъ:

— Да въ чемъ у васъ дѣло?.. Чего ты не хочешь сдѣлать-то?

Мужичонко и говоритъ:

— Да вотъ они хотятъ меня опредѣлить старостой, коли я сяду въ бочку, но я этого не сдѣлаю.

Овчарникъ сказалъ:

— Ежели ничего другого не требуется для того, чтобы стать старостой, я бы сiю минуту залѣзъ въ бочку...

Мужичонко и говоритъ:

— Ужъ ты только сядь туда,—и станешь старостой.

Обрадовался овчарникъ, усѣлся въ бочку, а мужичонко заколотилъ дно, затѣмъ собралъ все стадо овчарника и угналъ его. Пошелъ староста къ деревенскому сходу и сказалъ, что все готово къ казни. Подошли мужики къ бочкѣ и покатили ее къ водѣ, и какъ только бочка покатилась, овчарникъ заголосилъ:

— Да, да, да, я хочу быть старостой!

Мужики были увѣрены, что это кричитъ мужичонко, и говорили:

— Мы тоже такъ думаемъ; только ты прежде тамъ, внизу осмотрись хорошенько!..—и скатили бочку прямо въ воду.

Вслѣдъ за тѣмъ мужики отправились ко дворамъ, но когда они входили въ деревню, явился туда же и мужичонко; онъ преспокойно гналъ свое стадо овецъ и былъ довольный, веселый. Остолбенѣли тутъ мужики и сказали:

— Мужичонко, да откуда же это ты? Изъ воды пожаловалъ, что ли?

— Само-собой,—отвѣтилъ мужичонко,—я опустился глубоко-глубоко и упалъ на дно, вышибъ у бочки дно, выползъ изъ нея, а тамъ были все луга, чудные такiе, а на нихъ паслось много-много овецъ, я и собралъ себѣ стадо...

— А много еще тамъ осталось?—спросили его мужики.

— Еще бы!—сказалъ мужичонко.—На всѣхъ хватитъ...

Вотъ и порѣшили между собою мужики, чтобы и имъ тоже достать себѣ овецъ, каждому по цѣлому стаду; а старшина сказалъ:

— Я пойду передомъ!..

Вотъ и пошли они всѣ къ водѣ; а въ то время на небѣ стояли маленькія бѣлыя облачка, которыя называются „барашками“; они отражались въ водѣ, и мужики закричали:

— Вонъ уже на днѣ видны и овцы!..

Протискался старшина впередъ и сказалъ:

— Ну, я спрыгну прежде всѣхъ, чтобы осмотрѣться тамъ; коли хорошо, я васъ кликну...

И вотъ бросился онъ въ волны. „Плумпсъ-бултыхъ!“— раздалось въ водѣ. А мужики подумали, что это онъ имъ крикнулъ: „Ну-съ, за мной!“— и гурьбою поплюхались въ воду. Такъ вся деревня и погибла, а мужичонко остался единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ и сталъ богатымъ человѣкомъ.

Царица пчелъ.

Однажды два королевича отправились искать приключеній и увлеклись веселой, безпечной жизнью, такъ что и домой больше не возвращались. Младшій, котораго звали Глупышекъ, тоже собрался въ дорогу, чтобы разыскивать своихъ братьевъ; но когда онъ, наконецъ, нашелъ ихъ, они стали высмѣивать его, что вотъ-де онъ, съ своей простотой, задумалъ странствовать по свѣту, чего даже они не могли сдѣлать, хотя были на много умнѣе его. Вотъ и пошли они втроемъ путемъ-дорогою и пришли какъ-то къ муравейнику. Хотѣли, было, оба старшіе брата разворошить его да посмотрѣть, какъ маленькіе мураши станутъ въ страхѣ взадъ и впередъ ползать и яйца свои выносить; но Глупышекъ сказалъ:

— Оставьте въ покоѣ мурашей, я не позволю вамъ тревожить ихъ...

Вотъ пошли они дальше и достигли какого-то озера, на которомъ плавало много-много утокъ. Хотѣли, было, два брата парочку поймать да зажарить, но Глупышекъ остановилъ ихъ.

— Оставьте утокъ въ покоѣ! Я не дамъ вамъ убивать ихъ.

Наконецъ, пришли они къ пчелиному улью, въ которомъ было столько меду, что онъ даже струился по древесному стволу. Хотѣли, было, два брата развести огонь подъ деревомъ да пчелъ выкурить, чтобы попользоваться медомъ. Но Глупышекъ снова удержалъ ихъ и сказалъ:

— Оставьте пчелъ, я вамъ не дамъ сжигать ихъ...

Въ концѣ-концовъ пришли братья къ какому-то дому, гдѣ въ стойлахъ конюшни стояли каменныя лошади, а въ домѣ не было видно ни единой души человѣческой; они прошли черезъ всѣ залы и въ самомъ концѣ очутились передъ дверью, на которой висѣли три замка.

Въ двери была щелочка, черезъ которую можно было заглянуть въ комнату. Тамъ увидѣли они какого-то сѣденькаго человѣчка, который сидѣлъ за столомъ. Окликнули они его разъ, другой, но онъ не слыхалъ ихъ; наконецъ, окликнули они его въ третій разъ, и тогда только онъ поднялся съ мѣста, отперъ замки и вышелъ къ нимъ. Но онъ ни слова не сказалъ имъ, а только подвелъ ихъ къ накрытому столу; а когда они наѣлись и напились досыта, то каждаго уложилъ въ особой комнатѣ. На-утро сѣденькій человѣкъ явился къ старшему брату, поманилъ его и подвелъ къ каменной плитѣ, на которой были начертаны три задачи; рѣшивъ ихъ, можно было освободить отъ колдовства весь замокъ. Первая задача была такая: въ лѣсу, въ мхѣ разсыпанъ жемчугъ королевны, числомъ тысяча жемчужинъ, которыя надо собрать, и если до заката солнца хоть одной жемчужины не будетъ хватать, то тотъ, кто искалъ ихъ, долженъ будетъ превратиться въ камень. Пошелъ искать жемчугъ старшій братъ, цѣлый день шарилъ, но когда уже день догоралъ, онъ насбиралъ всего только сотню, и случилось тогда все такъ, какъ было начертано на каменной плитѣ: онъ превратился въ камень.

На слѣдующій день отправился попытать счастья второй братъ; но и у него дѣло шло не лучше,—онъ набралъ не больше двухсотъ и превратился въ камень. Наконецъ, пришла очередь за Глупышемъ, который тоже сталъ шарить во мхѣ, но найти жемчугъ было-таки трудновато, и дѣло у него подвигалось впередъ куда какъ медленно. И присѣлъ онъ тогда на камень и заплакалъ. И въ то время, какъ сидѣлъ онъ такъ, явился вдругъ къ нему муравьиный король, которому онъ нѣкогда спасъ жизнь,—да не одинъ явился, а съ пятью тысячами муравьевъ; и въ скоромъ времени малютки-муравьи собрали всѣ жемчужины и снесли ихъ въ одинъ ворошокъ.

Другая задача была такова: добыть со дна озера ключъ отъ опочивальни королевны. Когда пришелъ Глупышекъ къ озеру,—подплыли къ нему тѣ утки, которыхъ онъ когда-то спасъ, нырнули въ озеро и достали изъ глубины ключъ. Но третья задача была самая трудная: нужно было признать изъ трехъ спящихъ королевенъ младшую, самую любимую всѣми. Но сестры были совсѣмъ-совсѣмъ похожи одна на другую и одна отъ другой ничѣмъ не отличались, только развѣ тѣмъ, что передъ сномъ, онѣ кушали различныя сладости: старшая — кусочекъ сахару, средняя—крошечку сиропа, а младшая—полную ложку меда. И вотъ прилетѣла царица пчелъ, которыхъ Глупышекъ защитилъ отъ огня,—прилетѣла и прикоснулась къ губамъ каждой изъ трехъ королевенъ и, наконецъ, осталась сидѣть на губахъ той, которая кушала медъ, и такимъ образомъ королевичъ узналъ младшую королевну.

И разрушилась сила колдовства, все было освобождено отъ волшебнаго сна, а тѣ, кто былъ превращенъ въ камень, снова приняли человѣческій видъ.

А Глупышекъ женился на младшей сестрѣ и сталъ королемъ послѣ смерти ея отца, а его оба брата женились на двухъ другихъ сестрахъ.

Три перышка.

Былъ однажды король, а у него—трое сыновей; изъ нихъ двое были больно умны да смекалисты, а третій и говорилъ вовсе мало, и вообще былъ какой-то безтолковый, такъ что его звали Глупышкомъ. Вотъ когда король состарѣлся и сталъ подумывать о своей кончинѣ,—онъ долго никакъ не могъ рѣшить вопроса, которому изъ сыновей оставить въ наслѣдство королевство. И сказалъ онъ сыновьямъ:

— Ступайте, постранствуйте по свѣту, и кто изъ васъ принесетъ мнѣ наилучшій коверъ, тотъ послѣ моей смерти станетъ королемъ.

А чтобы не было между ними спора, онъ вывелъ ихъ изъ замка, бросилъ вверхъ три перышка и сказалъ:

— Куда перышки полетятъ,—туда вы и ступайте!..

Одно перо полетѣло на востокъ, другое—на западъ, а третье—прямо, да отлетѣло-то недалеко и вскорѣ упало на землю. Вотъ и пошелъ старшій братъ направо, другой—налѣво, а сами все высмѣивали Глупышка, который остался у третьяго пера, на томъ мѣстѣ, гдѣ оно упало.

Сѣлъ Глупышекъ на землю и запечалился. И вдругъ замѣтилъ онъ, что около перышка лежитъ словно бы дверь какая. Поднялъ онъ ее и видитъ подъ ней спускающуюся въ глубину лѣстницу; вотъ онъ сталъ спускаться по ступенькамъ внизъ и добрался до слѣдующей двери, постучался и услышалъ, какъ изнутри крикнули:

„Зеленая крошка,
Проворная ножка,
На всѣ руки ты у насъ,
Посмотри, пойди сейчасъ,
Кто стучится въ поздній часъ!“...

Дверка распахнулась, и королевичъ увидѣлъ большую, толстую жабу, а вокругъ нея—цѣлое общество маленькихъ жабъ. Толстая жаба спросила его, что ему надо.

— Мнѣ бы очень хотѣлось достать наилучшій коверъ, самой тонкой работы,—отвѣчалъ онъ.

Тогда жаба кликнула молоденькую жабу и сказала:

„Зеленая крошка,
Проворная ножка,
На всѣ руки ты у насъ,
Такъ ступай скорѣй, боецъ,
Принеси большой ларецъ“...

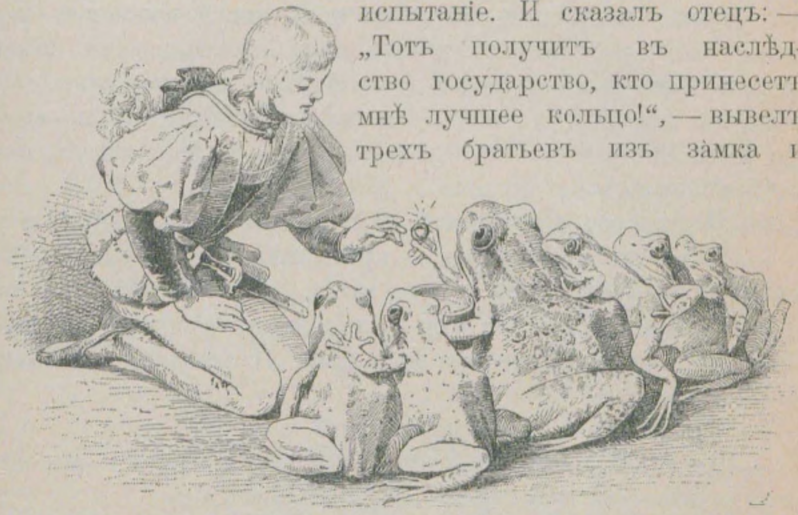
Молодая жаба принесла ларчикъ, и вотъ толстая жаба отперла его и вынула коверъ, да такой красивый, такой изящный, что не было никогда подобнаго ковра на землѣ. Поблагодарилъ королевичъ жабу и поднялся наверхъ.

А оба старшіе брата считали младшаго безалабернымъ человѣкомъ и были увѣрены, что онъ ничего рѣшительно не найдетъ и не принесетъ съ собою.

— Ну, чего намъ трудиться искать?—сказали они, взяли у первой встрѣчной пастушки грубо вытканные платки и принесли ихъ королю. Въ это же время вернулся домой и Глупышекъ и принесъ свой роскошный коверъ, и какъ только король увидѣлъ его, онъ диву дался и сказалъ:

— Ежели дѣло выводить начистую, то королевство принадлежитъ младшему сыну.

Но двое старшихъ братьевъ покою не давали отцу и доказывали ему, что невозможно быть королемъ Глупышку, у котораго, во всякомъ случаѣ, смекалки не хватаетъ, и просили отца назначить имъ новое испытаніе. И сказалъ отецъ: — „Тотъ получитъ въ наслѣдство государство, кто принесетъ мнѣ лучшее кольцо!“, — вывелъ трехъ братьевъ изъ зáмка и вскинулъ на воздухъ три перышка, за которыми они должны были послѣдовать. Старшіе два брата отправились снова на востокъ да на западъ, а перышко Глупышка полетѣло немного и упало рядомъ съ дверью въ землѣ. И вотъ снова сошелъ онъ внизъ къ толстой жабѣ и сказалъ ей, что ему нужно самое прекрасное кольцо. И тотчасъ жаба велѣла принести огромный ларецъ и достала оттуда кольцо, которое жаромъ горѣло алмазами и съ виду было такое чудное, какого ни въ одной золотыхъ дѣлъ мастерской на всей землѣ не сдѣлать. Два старшіе брата заранѣе смѣялись надъ тѣмъ, что Глупышекъ тоже разсчитываетъ отыскать золотое кольцо, но себя они не слишкомъ утруждали, — выколотили гвозди изъ колесной шины и принесли ее ко-



ролю. Но когда Глупышекъ показалъ свое золотое кольцо, то отецъ тотчасъ же сказалъ:

— Королевство принадлежитъ ему...

Однако, два старшіе брата не отставали отъ отца до тѣхъ поръ, пока тотъ не назначилъ новаго условія, рѣшивъ, что королевство получитъ тотъ, кто привезетъ домой прекраснѣйшую супругу. И бросилъ онъ три перышка еще разъ на воздухъ, и они разлетѣлись, какъ и въ прежніе два раза. И сошелъ Глупышекъ, недолго думая, къ толстой жабѣ и сказалъ:

— Я долженъ привести домой красивѣйшую супругу...

— Эге,—отвѣтила жаба, — красивѣйшую супругу?.. Не всегда-то бываютъ подъ рукою такія; но ты ее все-таки получишь...—и подала она ему выдолбленную внутри желтую рѣпу, запряженую шестью мышками. И сказалъ опечаленный Глупышекъ:

— Что же мнѣ съ этимъ дѣлать?

— Посади-ка сюда которую-нибудь изъ моихъ маленькихъ жабъ,—отвѣчала жаба.

Тогда онъ взялъ, на счастье, одну изъ нихъ и усадилъ ее въ желтый экипажъ, — но едва только она сѣла въ экипажъ, какъ мгновенно превратилась въ дивно-прекрасную дѣвушку, а рѣпа—въ экипажъ, а шесть мышей — въ коней. Обнялъ Глупышекъ красавицу, поцѣловалъ и погналъ коней оттуда и привезъ къ королю свою невѣсту. Явились слѣдомъ за нимъ и братья его, которые себя не утруждали поисками красивыхъ женъ, а просто взяли съ собою первыхъ попавшихся навстрѣчу женщинъ. Увидѣлъ это король и говоритъ:

— Королевство принадлежитъ Глупышку.

Но оба брата снова оглушили короля своими воплями:

— Не можемъ мы согласиться, чтобы Глупышекъ сталъ королемъ... — и предложили, наконецъ, что тому изъ нихъ будетъ оказано предпочтеніе, чья невѣста проскочитъ черезъ кольцо, которое висѣло на срединѣ залы. Они думали: „Наши поселянки смогутъ сдѣлать это,—онѣ сильныя; а нѣжная дѣвица прыгнетъ и убьется на-смерть“. Согласился король и на это. И вотъ прыгнули обѣ поселянки, но онѣ были такъ неуклюжи, что упали на полъ и сломали себѣ руки и ноги. Вслѣдъ за ними прыгнула прекрасная дѣвушка, которую привезъ съ собою Глупышекъ, и прыгнула такъ легко, словно козочка, что всякій ропотъ долженъ былъ смолкнуть. Такимъ образомъ, получилъ Глупышекъ корону и долгое время правилъ страною съ великою мудростью.

Золотой гусь.

Были у одного человѣка три сына, изъ которыхъ младшаго звали Глупышкомъ; всѣ его презирали, высмѣивали и при каждомъ удобномъ случаѣ унижали его. Вотъ и случилось однажды, что задумалъ старшій братъ пойти въ лѣсъ нарубить дровъ, и мать дала ему на дорогу вкусную оладью и бутылку вина.

Только вошелъ онъ въ лѣсъ, какъ встрѣтился ему сѣденькій человѣчекъ, который сначала пожелалъ ему добраго утра, а затѣмъ сказалъ:

— Дай-ка мнѣ кусочекъ оладьи изъ кармана да глоточекъ вина отхлебнуть,— я такъ голоденъ!..

Но умный сынокъ отвѣчалъ:

— Коли я тебѣ свою оладью да все вино отдамъ, тогда у меня у самого ничего не останется; убирайся своею дорогой!

И отправился онъ дальше. Только началъ онъ обрубать сучья у дерева, промахнулся какъ-то и ударилъ себя топоромъ по рукѣ, такъ что пришлось вернуться домой и перевязать руку. А это произошло по навѣту сѣдого человѣчка.

Послѣ того отправился въ лѣсъ второй сынъ, и мать дала ему, какъ и старшему, оладью и бутылку вина. Точно такъ же повстрѣчался и ему старый сѣдой человѣкъ и попросилъ у него кусочекъ оладьи и глотокъ вина. Но второй сынъ совершенно разсудительно сказалъ ему:

— Что́ я тебѣ дамъ, того лишу себя, проваливай своей дорогой,—и пошелъ дальше мимо него. Наказанія онъ тоже не избѣжалъ; только разокъ-другой ударилъ по дереву, какъ промахнулся и ударилъ себѣ по ногѣ, такъ что его принесли домой.

Вотъ и сказалъ тогда Глупышекъ:

— Позволь и мнѣ, батюшка, попытать дровецъ порубить.

— Братья твои искалѣчили себя,—отвѣчалъ отецъ,—такъ ужъ гдѣ же тебѣ соваться?.. Ты ужъ это оставь!..

Но Глупышекъ такъ долго надоѣдалъ просьбами, что онъ, наконецъ, сказалъ:

— Да иди, пожалуй, авось, поумнѣешь отъ бѣды...

Дала ему мать оладью, которая была замѣшана на водѣ и испечена въ золѣ, а сверхъ того бутылку прокисшаго пива.

Вотъ когда онъ очутился въ лѣсу, повстрѣчался ему точно такъ же старый сѣдой человѣкъ, поздоровался съ нимъ и сказалъ:

— Дай-ка мнѣ кусочекъ твоей оладьи да хоть глотокъ отхлебнуть изъ твоей бутылки,—я такъ голоденъ!..

— У меня есть оладья на золѣ,—отвѣчалъ Глупышекъ,—да кислое пиво; коли это тебѣ по вкусу, такъ давай закусимъ..

Вотъ и усѣлись они, но едва только Глупышекъ вынулъ свою оладью на золѣ, какъ она обратилась вкусной яичницей, а кислое пиво—добрымъ виномъ. Вотъ и закусили они, человѣчекъ и говоритъ:

— Доброе сердце у тебя и охотно дѣлишься ты съ другими всѣмъ своимъ; я тебя осчастливлю. Вонъ стоитъ старое дерево, сруби его и поищи у него подъ корнями...

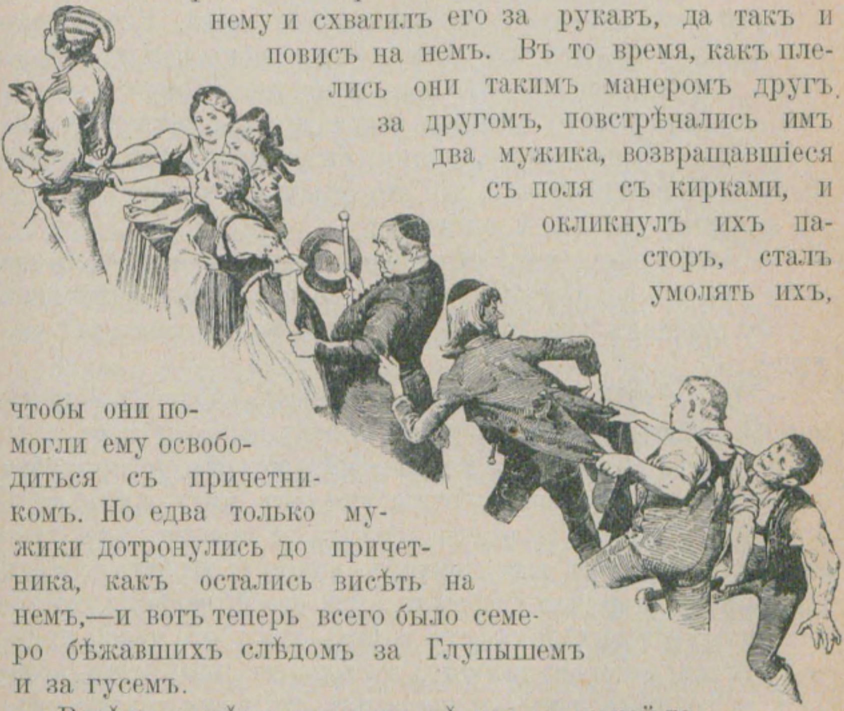
Послѣ этого человѣкъ съ нимъ распрощался.

Поднялся Глупышекъ и сталъ дерево рубить, и когда оно упало, оказалось, что у него подъ корнями сидѣлъ гусь, у котораго всѣ перья были изъ чистѣйшаго золота. Вынулъ его дѣтина, взялъ съ собою и пошелъ въ харчевню, гдѣ и рѣшился переночевать. А у хозяина харчевни были три дочери, которыя замѣтили этого гуся, и ихъ стало разбирать любопытство, что-де это за диковинная птица такая? Имъ очень хотѣлось попользоваться отъ него хоть однимъ перышкомъ. Старшая думала: „Ужъ выберу я время,—успѣю вырвать у него перо“. И вотъ когда разъ Глупышекъ зачѣмъ-то вышелъ, она ухватила, было, гуся за крылья, но въ то же мгновеніе пальцы ея прилипли къ нимъ.

Вскорѣ прибѣжала вторая сестра, и у нея только и мыслей было, какъ бы хоть одно-единое золотое перо раздобыть; но едва только она дотронулась до сестры, какъ тотчасъ же пристала къ ней. Наконецъ, явилась и третья дочь съ тѣмъ же самымъ намѣреніемъ; тогда двѣ старшія сестры закричали ей:—„Уходи отсюда, берегись!“...—но она никакъ не могла понять, зачѣмъ ей надо уходить отсюда, и подумала:—„Коли онѣ возятся съ гусемъ, такъ и мнѣ, чай, можно“,—подбѣжала къ нимъ, но только дотронулась до сестеръ, какъ тотчасъ же пристала къ нимъ. Такъ и пришлось имъ провести всю ночь съ гусемъ.

На слѣдующее утро Глупышекъ взялъ гуся подмышки, пошелъ изъ харчевни и нимало не печалился о трехъ дѣвушкахъ, которыя пристали къ гусю. А онѣ безъ устали бѣжали слѣдомъ за нимъ то съ правой, то съ лѣвой стороны, стараясь попасть ему въ ногу. Въ полѣ имъ повстрѣчался пасторъ, и какъ только онъ завидѣлъ это шествіе, то воскликнулъ:

— Стыдитесь, надоѣдливыя дѣвушки! Чего вы бѣжите за дѣтиной слѣдомъ по полю; развѣ такъ водится?—и при этомъ онъ взялъ младшую за руку и хотѣлъ, было, ее отстранить, но едва только прикоснулся онъ къ ней, какъ тотчасъ же его рука пристала къ ея рукѣ, и онъ принужденъ былъ поспѣшить слѣдомъ за ними. Немного погодя подошелъ къ нимъ причетникъ и увидѣлъ пастора, бѣгущаго по полю слѣдомъ за народомъ. Подивился онъ и крикнулъ:



— Эй, господинъ пасторъ, и куда это вы такъ торопитесь? Не забывайте, что намъ сегодня еще предстоитъ крестить ребенка!.. — подбѣжалъ къ нему и схватилъ его за рукавъ, да такъ и повисъ на немъ. Въ то время, какъ плелись они такимъ манеромъ другъ за другомъ, повстрѣчались имъ два мужика, возвращавшіеся съ поля съ кирками, и окликнулъ ихъ пасторъ, сталъ умолять ихъ, чтобы они помогли ему освободиться съ причетникомъ. Но едва только мужики дотронулись до причетника, какъ остались висѣть на немъ,—и вотъ теперь всего было семеро бѣжавшихъ слѣдомъ за Глупышемъ и за гусемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ дѣтина въ какой-то ородъ, гдѣ жилъ самъ король, а у него была дочь, да такая серьезная, что никто рѣшительно не могъ разсмѣшить ее. Вотъ поэтому король и издалъ указъ, что кто разсмѣшитъ королевну, тотъ женится на ней. Услышавъ о томъ, Глупышекъ только и сдѣлалъ, что прошелъ передъ королевной съ гусемъ и его хвостомъ; увидѣла королевна семерыхъ человѣкъ, бѣжавшихъ другъ за дружкой, и покатилась со смѣху и смѣялась все громче да громче, и не въ силахъ была успокоиться. Тогда Глупышекъ явился просить руки королевны; королю будущій зятекъ пришелся не по нраву, и сталъ онъ всячески отговариваться и сказалъ, наконецъ, чтобы женихъ прежде привелъ ему такого человѣка, который могъ бы выпить цѣлый погребъ вина. Глупышекъ вспомнилъ о сѣдомъ человѣкѣ, который могъ помочь ему въ этомъ случаѣ, пошелъ въ лѣсъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ срубилъ дерево, увидѣлъ сидящаго человѣчка, у котораго лицо было унылое, убитое, огорченное; сталъ Глупышекъ его разспрашивать, что это онъ такъ близко къ сердцу принимаетъ. Онъ и отвѣчалъ:

— Ахъ, меня томитъ страшная жажда, и я ничѣмъ не могу утолить ее; холодной воды я не переношу, бочку вина я уже осушилъ, но это—одна капля на раскаленный камень!

— Ну, я тебѣ могу въ этомъ помочь,—молвилъ Глупышекъ,—пойдемъ только со мною, я тебя напою досыта.

И повелъ онъ его въ королевскій погребъ, и принялся человѣчекъ за огромныя бочки; ужъ онъ пилъ, пилъ, такъ что ногамъ тяжело было его держать, и прежде чѣмъ день миновалъ, онъ ужъ весь погребъ вчистую выпилъ. Сталъ Глупышекъ вторично требовать руки своей невѣсты, но король изъ себя выходилъ отъ гнѣва,—какъ это такой дрянной дѣтина, котораго всякій Глупышкомъ называетъ, возьметъ за себя его дочь?—и поставилъ ему новое условіе: онъде долженъ отыскать такого человѣка, который сможетъ съѣсть цѣлую гору хлѣба. Не долго думалъ Глупышекъ, а тотчасъ же отправился въ лѣсъ; тамъ, на прежнемъ мѣстѣ сидѣлъ человѣчекъ, который подтягивалъ себѣ ремнемъ животъ все туже и туже, корчилъ угрюмую физіономію и все ворчалъ:

— Съѣлъ цѣлую печь ситнаго хлѣба, а толку никакого, ѣсть мнѣ все-таки страшно хочется; желудокъ у меня пустымъ-пустехонекъ: стяну его потуже, а то съ голоду-то помрешь...

Обрадовался нашъ Глупышекъ и сказалъ:

— Пойдемъ со мною, я тебя накормлю досыта!

И привелъ онъ его на королевскій дворъ, а король приказалъ свезти къ нему всю муку со всего королевства и испечь изъ нея чудовищной величины гору; а лѣсной человѣчекъ припалъ къ ней и давай ее глодать, и въ одинъ день вся гора исчезла. Въ третій разъ сталъ Глупышекъ требовать руки своей невѣсты, но король все еще искалъ какого-нибудь выхода и потребовалъ себѣ такой корабль, который и по суху, и по водѣ могъ бы плавать.

— Какъ только ты приплывешь ко мнѣ на немъ,—сказалъ онъ,—тотчасъ же получишь дочь мою въ супруги.

Пошелъ Глупышекъ прямою дорогой въ лѣсъ; тамъ сидѣлъ сѣдой человѣчекъ, который сказалъ ему:

— Я за тебя попилъ и поѣлъ всласть, я же тебѣ и корабль дамъ. Все это сдѣлаю я для тебя, потому что ты когда-то пожалѣлъ меня.

И далъ онъ ему корабль, который могъ ѣздить по суху и плавать по водѣ, и король не могъ уже отказать Глупышку въ рукѣ дочери. Отпраздновали свадьбу, а послѣ смерти короля Глупышекъ наслѣдовалъ его королевство и жилъ со своею супругою долгое время въ полномъ довольствѣ.

Разношерстка.

Жилъ однажды король, у жены котораго были золотые волосы, и сама она была такая красивая, что равной ей невозможно было найти во всей землѣ. И случилось такъ, что когда королева лежала больная, почувствовала она, что смерть ея приближается къ ней, позвала короля и сказала:

— Когда ты послѣ моей смерти снова задумаешь жениться, то возьми за себя такую же красавицу, какъ я, у которой будутъ такіе же золотые волосы, какъ у меня...

Король обѣщалъ ей, а она вскорѣ закрыла глаза и умерла.

Долгое время король не могъ утѣшиться и даже не думалъ о женитьбѣ на другой, но тогда совѣтники сказали ему:

— Король долженъ жениться, чтобы у насъ была королева.

Ну, вотъ и разослали они пословъ во всѣ концы искать королю такую невѣсту, которая бы красотой своей походила на умершую королеву. Но такой точно положительно невозможно было отыскать въ цѣломъ свѣтѣ, а если даже и подыскивалась лицомъ похожая, то у нея не было золотыхъ волосъ. Такъ ни съ чѣмъ и вернулись послы къ королю.

А была у короля падчерица, которая красотою точь-въ-точь походила на покойную мать, и у которой были такіе же золотые волосы. Она была взрослая дѣвушка, и когда разъ король случайно замѣтилъ, что она во всемъ была похожа на его умершую жену, то сказалъ своимъ совѣтникамъ:

— Я хочу жениться на ней, потому что она—точный портретъ моей умершей супруги.

Какъ услышали это совѣтчики, смутились они и говорятъ:

— Богъ не повелѣлъ, чтобы кто-нибудь женился на своей близкой родственницѣ; отъ грѣха не произойдетъ ничего добраго, и все государство твое можетъ погибнуть изъ-за этого.

Падчерица испугалась еще больше того, но она понадѣялась отклонить это рѣшеніе и сказала вотчиму:

— Прежде нежели исполнить ваше желаніе, вы должны дать мнѣ три платья: одно—золотое, какъ солнце, другое—серебристое, какъ мѣсяцъ, а третье—блестящее, какъ звѣзды; затѣмъ я прошу сдѣлать мнѣ плащъ, составленный изъ тысячи мѣховъ и шкурокъ, и каждое животное въ вашемъ государствѣ должно удѣлить для того кусочекъ своей шкуры...

„Выполнить это совершенно невозможно,—думала она,—а этимъ я отведу батюшку отъ его дурныхъ мыслей“.

Но король дѣла этого такъ не оставилъ, и вотъ искуснѣйшимъ молодымъ дѣвушкамъ заказали выткать три платья: одно—золотое, какъ солнце, другое—серебристое, какъ мѣсяцъ, а третье—блестящее, какъ звѣзды; королевскіе охотники должны были переловить буквально всѣхъ звѣрей въ его странѣ и вырѣзать по лоскутку изъ ихъ шкуръ; и вотъ собрали плащъ изъ тысячей разнообразныхъ кожаныхъ лоскутковъ. Когда все было готово, король велѣлъ принести къ королевнѣ плащъ, разостлалъ его передъ ней и сказалъ:

— Завтра будетъ наша свадьба.

Какъ увидѣла королевна, что нѣтъ ужъ больше надежды разжалобить сердце отчима, то и рѣшила она убѣжать отсюда. И ночью, когда все погрузилось въ сонъ, поднялась она, взяла изъ своихъ драгоцѣнностей три вещи: золотое кольцо, золотую самопрялочку и золотое веретенцо, три платья, похожія на солнце, на мѣсяцъ и на звѣзды, уложила ихъ въ орѣховыя скорлупки, накинула на себя плащъ изъ всевозможныхъ шкурокъ, а все лицо и всѣ руки вымазала сажей. Потомъ поручила себя волѣ Божіей и ушла изъ дворца, и шла она всю ночь, покамѣстъ не достигла большого, дремучаго лѣса. А такъ какъ она сильно притомилась, то и забралась въ дупло дерева и заснула.

Солнце взошло, а она все еще спала и спала, пока не настала уже день. И случилось такъ, что король, которому принадлежалъ этотъ лѣсъ, охотился въ немъ въ то время; его собаки бѣжали мимо дуплистаго дерева; учуяли человѣка, и ну кружить вокругъ дерева да лаять. И сказалъ король егерямъ:

— Посмотрите-ка, что за звѣрюга запряталась тамъ...

Послушались егеря его приказанія, осмотрѣли дупло и говорятъ:

— Въ дуплѣ лежитъ диковинный звѣрь, какого мы отродясь еще не видывали: его шкура состоитъ изъ тысячи всевозможныхъ мѣховъ; звѣрюга лежитъ и спитъ себѣ...

— Попробуйте взять его живьемъ,—сказалъ король,—прикрутите къ повозкѣ, и свеземъ его домой...

Какъ только егеря схватили дѣвушку, она пробудилась въ невообразимомъ ужасѣ и крикнула имъ:

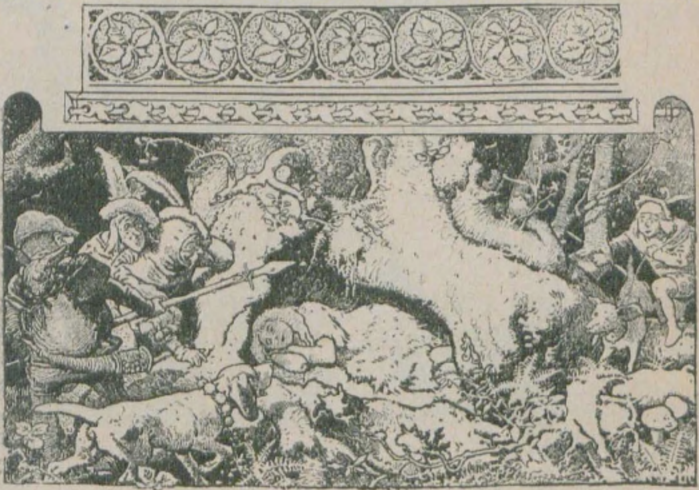
— Ахъ, сжальтесь надо мною! Меня покинули отецъ съ матерью!.. Возьмите меня съ собой!..

— Хорошо, Разношерстка,—сказали егеря.—Ты пригодна для кухни, будешь у насъ выгребать золу.

Вотъ привезли они ее въ королевскій замокъ, отвели ей темную каморку подъ лѣстницей и сказали:

— Пушная звѣрюшка, здѣсь ты можешь жить и спать...

Затѣмъ ее послали на кухню носить дрова и воду, разводить огонь, щипать перья съ птицъ, мыть овощи, выгребать золу, словомъ, исполнять всякую черную работу.



И жила тамъ Разношерстка долгое время, жила да перебивалась кое-какъ. Ахъ, ты, прекрасная королевна, что-то ждетъ еще тебя впереди!..

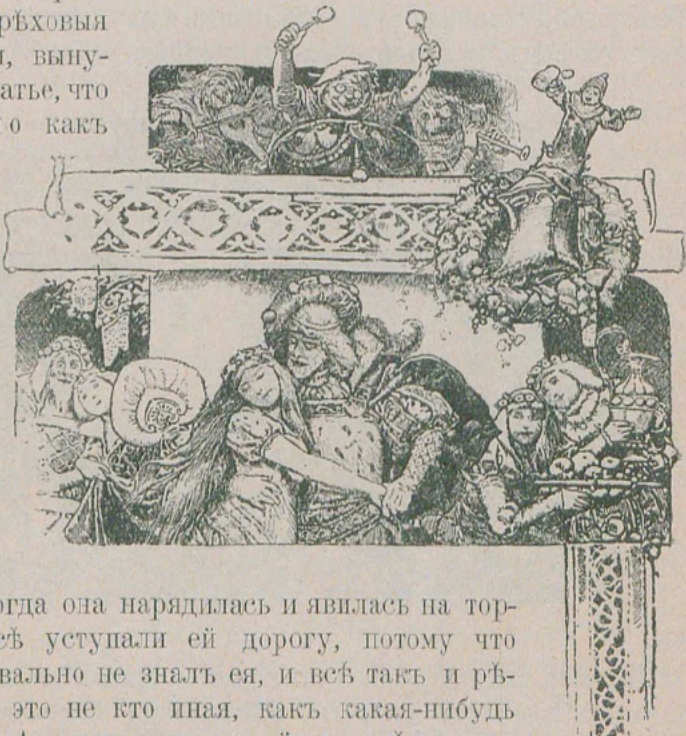
Случилось однажды, что въ замкѣ праздновали какое-то торжество. Разношерстка и сказала повару:

— Можно мнѣ пробраться наверхъ да изъ-за дверей посмотрѣть?

Поваръ отвѣчалъ:

— Ну, что-жъ, пойди туда, что ли... Только черезъ полчаса возвращайся назадъ, надо выгрести золу.

Она взяла свою свѣтиленку съ масломъ, пошла къ себѣ въ каморку, сняла съ себя мѣховое платье, смыла сажу съ лица и рукъ, такъ что прежняя красота ея снова обнаружилась, затѣмъ раскрыла орѣховыя скорлупки, вынула свое платье, что сверкало какъ солнце. Когда она нарядилась и явилась на торжество, всѣ уступали ей дорогу, потому что никто буквально не зналъ ея, и всѣ такъ и рѣшили, что это не кто иная, какъ какая-нибудь королевна. А король вышелъ ей навстрѣчу, протянулъ руку и сталъ съ нею танцовать и все думалъ: „Мои гости и не видывали еще такой красавицы“. Когда кончился танецъ, она поклонилась ему, и не успѣлъ король оглянуться, какъ она уже исчезла, и никто рѣшительно не зналъ, куда именно. Были позваны и опро-



шены стражники, что стояли при воротахъ, но никто не замѣтилъ ея.

А она пробѣжала къ себѣ въ каморку, мигомъ сняла съ себя платье, вычернила лицо и руки, накинула мѣховой плащъ и снова стала Разношерсткой. Когда она явилась въ кухню и хотѣла, было, приняться за свою работу—золу выгребать, поваръ ей и говоритъ:

— Постой, оставь это дѣло до утра,—лучше свари за меня супъ для короля; а я хочу пойти наверхъ полюбоваться; только смотри, чтобы грѣхомъ волосъ туда не попалъ, а иначе я тебѣ больше и ѣсть ничего не буду давать.

Вотъ ушелъ поваръ, а Разношерстка сварила супъ для короля, и сварила-то она хлѣбный супъ, какъ только умѣла хорошо; а когда кушанье у нея было готово, достала она изъ каморки своей золотое кольцо и опустила его въ миску, въ которую вылила супъ. Когда танцы окончились, король велѣлъ подать супъ и принялся за ѣду, и такъ по вкусу пришелся ему супъ, что ему казалось, будто никогда еще не ѣдалъ онъ такого вкуснаго супа. А когда онъ выкушалъ до самаго донышка, то увидѣлъ тамъ лежащее кольцо и понять не могъ, какъ это оно могло туда попасть.

И приказалъ онъ тогда, чтобы къ нему явился поваръ. Перепугался поваръ, какъ услышалъ это приказаніе, и сказалъ Разношерсткѣ:

— Конечно, ты уронила волосъ; коли это такъ въ самомъ дѣлѣ и есть,—ты получишь знатную головомойку...

Когда онъ явился къ королю, послѣдній спросилъ, кто это варилъ ему супъ?

Поваръ отвѣчалъ:

— Я его варилъ.

Король же сказалъ:

— Неправда, потому что онъ былъ сваренъ много лучше, чѣмъ обыкновенно.

— Я долженъ сознаться, что не я варилъ его, а пушная звѣрюшка,—отвѣтилъ поваръ.

— Ступай и вели ей явиться сюда,—сказалъ король, и когда вошла Разношерстка, онъ спросилъ ее:—Кто ты?

— Я—бѣдное дитя, у котораго нѣтъ ни отца, ни матери.

— Зачѣмъ ты здѣсь, въ замкѣ?—спросилъ онъ ее снова.

— Затѣмъ, чтобы можно было бросать въ мою голову сапогами, на что я только и пригодна.

— Откуда у тебя кольцо, которое было въ супѣ?—продолжалъ король.

Она отвѣчала:

— Ничего я про кольцо знать не знаю.

Такъ король и не могъ добиться ничего путнаго и отослалъ ее ни съ чѣмъ.

Черезъ нѣсколько времени снова затѣяли праздникъ, и снова Разношерстка стала просить у повара позволенія посмотрѣть на праздникъ. Онъ отвѣчалъ:

— Только возвращайся назадъ скорѣе и свари королю хлѣбный супъ, который онъ такъ охотно кушаетъ...

Тогда она побѣжала въ свою каморку, живо умылась, достала изъ орѣха платье, которое было серебристое какъ мѣсяцъ, и нарядилась въ него.

Затѣмъ она пошла наверхъ и съ виду казалась самою заправскою королевной; и самъ король выступилъ ей навстрѣчу, и радовался, что снова видитъ ее, и началъ съ нею танцовать, но когда окончился танецъ, Разношерстка исчезла и такъ быстро, что король не могъ замѣтить, куда она скрылась. А она бросилась въ каморку, обрядилась пушной звѣрюшкой и пошла въ кухню варить хлѣбный супъ. А въ то время какъ поваръ былъ наверху, она достала золотую самопрялочку и опустила ее въ миску, а потомъ слила супъ. Подали его королю, который тотчасъ скушалъ его, и онъ понравился ему такъ же, какъ и въ прошлый разъ; король приказалъ кликнуть повара, который и на этотъ разъ подтвердилъ ему, что супъ варила Разношерстка. Снова явилась Разношерстка передъ королемъ и снова отвѣтила ему, что ее-де только затѣмъ при дворѣ и держатъ, чтобы бросать ей въ голову башмаками, а что о золотой самопрялочкѣ она и знать ничего не знаетъ.

Когда король въ третій разъ затѣялъ празднество, все произошло на немъ такъ же, какъ и въ предшествовавшіе дни. Поваръ хоть и сказалъ:—„Ты сущая вѣдьма, Разношерстка, и постоянно бросаешь что-нибудь въ супъ, оттого-то онъ всегда такъ хорошъ и больше нравится королю, чѣмъ мой супъ“,—но все-таки, такъ какъ она умильно просила его, онъ позволилъ ей сходить наверхъ на опредѣленное время.

Ну, вотъ надѣла она платье, которое сверкало словно звѣзды, и вошла въ немъ въ залу. Снова король пустился танцовать съ прекрасной молодой дѣвушкой, и ему казалось, что еще ни разу не была она такъ хороша собой, какъ въ этотъ вечеръ. И во время танца онъ надѣлъ ей на палецъ кольцо, да такъ, что она его вовсе не замѣтила, а самъ отдалъ приказаніе, чтобы танцы продолжались какъ можно дольше. Когда же, наконецъ, танецъ окончился, король хотѣлъ, было, силой удержать ее за руку, но она вырвалась отъ него и быстро скрылась между гостями, такъ что онъ снова потерялъ ее изъ виду. А она побѣжала въ свою каморку подъ лѣстницей; но такъ какъ она слишкомъ замѣшкалась, больше получаса, то не успѣла снять своего чуднаго платья, а только накинула сверху мѣховой плащъ и второпяхъ къ тому же не вся зачернилась: одинъ палецъ у нея остался чистымъ.

Побѣжала Разношерстка въ кухню, стала королю варить хлѣбный супъ, и какъ только поваръ отлучился, опустила въ супъ золотое веретенцо. Когда король нашелъ веретенцо на донышкѣ миски, онъ приказалъ кликнуть Разношерстку и замѣтилъ вдругъ у нея бѣлый пальчикъ, замѣтилъ и кольцо, которое онъ надѣлъ ей во время танца. Крѣпко схватилъ онъ ее за руку, а въ то время какъ она старалась вырваться отъ него, у нея чуть-чуть распахнулся плащъ, и звѣздоподобное платье блеснуло изъ-подъ него. Тогда король сорвалъ съ нея плащъ, и разсыпались ея золотые волосы по плечамъ, и она предстала во всей своей рѣдкой красотѣ... А когда она смыла съ лица сажу и золу, то оказалась такою красавицей, какой еще никто на землѣ и не видывалъ. А король сказалъ:

— Ты — моя милая невѣста, и мы никогда не разстанемся!..

Затѣмъ была отпразднована свадьба, и они зажили въ полномъ счастьи до самой смерти.

Заячья невѣста.

Жили-были мать съ дочерью въ одномъ прекрасномъ огородѣ. Повадился туда бѣгать зайка, и въ зимнее время сталъ онъ поѣдать у нихъ капусту. И сказала тогда мать дочери:

— Ступай въ огородъ, прогони зайку прочь.

И сказала дѣвушка зайкѣ:

— Шу!.. Шу!.. Ты у насъ, зайка, всю капусту стравишь!..

Зайчикъ и говоритъ:

— Подойди сюда, дѣвушка, сядь на мой хвостикъ; мы отправимся съ тобою въ мое заячье логово.

Но дѣвушка не захотѣла. На другой день явился зайка снова и сталъ капусту объѣдать; тогда мать дочери и сказала:

— Да пойди же въ огородъ, прогони зайку!..

Говоритъ дѣвушка зайкѣ:

— Шу!.. Шу!.. Ты у насъ, зайка, всю капусту стравишь!..

Отвѣчаетъ ей зайка на это:

— Подойди, дѣвушка, сядь на мой заячій хвостикъ, и мы отправимся съ тобою въ мое заячье логово.

А дѣвушка все не хотѣла. На третій день опять зайка приковылялъ и опять капусту сталъ обгладывать. Тогда молвила мать дочери:

— Пойди въ огородъ и прогони зайку!..

И закричала дѣвушка:

— Шу!.. Шу!.. Ты, зайка, всю капусту стравишь!

А зайка отвѣчаетъ:

— Подойди, дѣвушка, сядь на мой заячій хвостикъ, и отвезу я тебя въ свое заячье логово.

Усѣлась дѣвушка на заячій хвостикъ, и понесъ ее зайка далеко-далеко по полю въ свою хибарку-логово, а тамъ и говоритъ:

— Ну, вари капусту да чечевицу, а я свадебныхъ гостей пойду приглашу пожаловать...

Вотъ и собрались къ нимъ свадебные гости. (А кто были свадебные гости? Это я могу тебѣ сказать, какъ мнѣ передавалъ кто-то другой: то были все зайцы, а воронъ долженъ былъ молодыхъ обручить; причетникомъ была лиса, и вѣнчать ихъ рѣшили подъ радугой). А дѣвушка все печалилась; скучно ей было здѣсь одной-одинешенькѣ. Вотъ приходитъ заяцъ и говоритъ:

— Отвори-ка, милая!.. Гости свадебные ужъ съѣхались, веселые-развеселые.

А невѣста ничего не сказала и все плакала. Зайка ушелъ прочь; потомъ, немного погодя, вернулся снова и кричитъ:

— Отворяй-ка скорехонько, свадебные гости сидятъ голоднехоньки!..

А невѣста опять ничего не сказала и все плакала. Зайка ушелъ прочь, погодилъ немного и вернулся снова:

— Отворяй скорѣе, свадебные гости-то ждутъ, не дождутся!..

Дѣвушка ничего не сказала и зайка ушелъ прочь; а она устроила изъ соломы и изъ своего платья куклу, сунула ей въ руки ложку-мѣшалку и усадила ее къ котелку съ чечевицей, а сама ушла къ матери. Пришелъ зайка еще разокъ, говоритъ:

— Отворяй, что ли!.. — распахнулъ дверь и ударилъ куклу по головѣ, такъ что съ нея и платокъ свалился.

И увидалъ тутъ зайчикъ, что это не невѣста его, и пошелъ прочь, грустный такой, грустный.

Двѣнадцать егерей.

Жилъ-былъ однажды королевичъ; у него была невѣста, которую онъ горячо любилъ. Однажды сидѣлъ онъ у нея и былъ совершенно счастливъ; и приносятъ ему вдругъ извѣстіе, что отецъ его лежитъ боленъ при смерти и передъ смертью хочетъ повидать его еще разъ. И сказалъ тогда королевичъ своей милой:

— Я долженъ ѣхать и покинуть тебя; вотъ я даю тебѣ на-память обо мнѣ колечко. Когда я стану королемъ, то вернусь къ тебѣ и увезу къ себѣ домой.

И ускакалъ онъ къ себѣ, а когда пріѣхалъ къ отцу, тотъ, дѣйствительно, былъ при послѣднемъ издыханіи и сказалъ ему:

— Милѣйшій сынъ, я хотѣлъ видѣть тебя еще разъ передъ смертью; обѣщай мнѣ, что ты женишься согласно моей волѣ, на...— и онъ назвалъ при этомъ нѣкую королевну, которая должна была выйти за него замужъ. Сынъ его былъ такъ опечаленъ вообще, что, не обдумавъ, отвѣтилъ:

— Хорошо, милый батюшка, какова ваша воля, такъ оно и будетъ, — и тогда король закрылъ глаза и умеръ.

Вотъ когда провозгласили королевича королемъ и миновало время печали, онъ и долженъ былъ сдержать свое обѣщаніе отцу и послалъ сватовъ къ королевнѣ, и королевна дала свое согласіе на бракъ.

И прослышала о томъ первая невѣста молодого короля, и такъ стала сокрушаться о невѣрности его, что чуть совсѣмъ не зачахла съ горя. И сказалъ ей тогда ея отецъ:

— О чемъ ты печалишься, голубка? Что только ты ни пожелаешь, я все для тебя сдѣлаю.

Подумала она немного и говоритъ:

— Милый батюшка, я хотѣла бы имѣть при себѣ одиннадцать дѣвушекъ, наружностью, общимъ видомъ и ростомъ совершенно схожихъ со мною.

И сказалъ король:

— Если это только возможно, твое желаніе будетъ исполнено,—и повелѣлъ искать по всему своему королевству, и, наконецъ, были найдены одиннадцать молодыхъ дѣвушекъ, совершенно схожихъ съ его дочерью и наружностью, и общимъ видомъ, и ростомъ.

Какъ только явились онѣ къ королевнѣ, она велѣла сдѣлать двѣнадцать охотничьихъ платьевъ, всѣ какъ одно, и одиннадцать дѣвушекъ одѣлись въ нихъ, и сама королевна тоже. Затѣмъ простилась она съ отцомъ и поскакала съ своими подругами ко двору своего прежняго жениха, котораго она такъ горячо любила.

И спросила она его, не нуждается ли онъ въ егеряхъ и не возьметъ ли ихъ всѣхъ къ себѣ на службу. Посмотрѣлъ на нее король, но вовсе не призналъ ее; а такъ какъ всѣ онѣ были такіе бравые люди, то онъ и сказалъ: „Да“, онъ охотно возьметъ ихъ, и вотъ назначили ихъ быть собственными его величества короля егерями. А у короля былъ левъ,—замѣчательный звѣрь, которому было вѣдомо все скрытое и тайное. Вотъ онъ вскорѣ послѣ того и сказалъ королю:

— Ты думаешь, что это у тебя двѣнадцать егерей?

— Да,—сказалъ король,—конечно.

— Ты ошибаешься: это двѣнадцать дѣвушекъ,—сказалъ левъ.

— Не можетъ быть,—отвѣчалъ король;—чѣмъ ты мнѣ это докажешь?

— Прикажи только разбросать горохъ по твоей прихожей комнатѣ, — отвѣтилъ левъ, — и самъ убѣдишься въ этомъ. У мужчинъ поступь тяжелая; когда они пойдутъ по гороху, ни одна горошина не тронется съ мѣста, а дѣвушки, — тѣ топочутся и скользятъ по полу, — горошины и выкатываются у нихъ изъ-подъ ногъ.

Королю очень понравился этотъ совѣтъ, и онъ повелѣлъ разсыпать въ прихожей горохъ. Но у короля былъ слуга, который держалъ сторону егерей, и какъ только онъ услышалъ, что хотятъ ихъ подвергнуть испытанію, пошелъ къ нимъ и передалъ имъ все сказанное.

Поблагодарила его королевна и сказала подругамъ:

— Соберитесь съ силами и крѣпко наступайте на горошины.

Вотъ когда король приказалъ на слѣдующее утро позвать къ себѣ двѣнадцать егерей, и тѣ явились, въ прихожую, гдѣ лежали горошины, то они ступали такъ твердо по нимъ, и поступь у нихъ была такая увѣренная и сильная, что ни одна горошина не покатилась... Вотъ вышли они изъ передней, и король сказалъ льву:

— Обманулъ ты меня, онѣ ходятъ совсѣмъ какъ мужчины.

— Онѣ прознали, что ихъ хотятъ подвергнуть испытанію,—отвѣчалъ ему левъ,—и употребили на это всѣ силы. Прикажи принести въ прихожую двѣнадцать самопрялокъ, — всѣ онѣ такъ и бросятся къ нимъ, станутъ радоваться на нихъ, а этого ни одинъ мужчина не сдѣлаетъ...

Понравился королю совѣтъ, и повелѣлъ онъ поставить въ прихожей двѣнадцать самопрялокъ.

Но слуга, который сердечно относился къ егерямъ, пошелъ къ нимъ и раскрылъ имъ новый замыселъ. И сказала тогда королевна своимъ одиннадцати дѣвушкамъ:

— Сдержите себя и глядите на самопрялки.

Когда на слѣдующее утро король велѣлъ позвать егерей, то они прошли черезъ прихожую и даже глазомъ не глянули на самопрялки. И снова сказалъ тогда король льву:

— Ты обманулъ меня,—это мужчины, потому что онѣ на самопрялки даже и не взглянули.

— Онѣ знали, что ихъ хотятъ подвергнуть испытанію, и заранѣе пересилили себя,—отвѣтилъ левъ.

Двѣнадцать егерей слѣдовали за королемъ во время охоты неотлучно, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше приходились они ему по душѣ. Ну, вотъ и случилось, что когда они были однажды на охотѣ, королю доложили, что-де его невѣста уже находится на дорогѣ къ нему.

Какъ только услышала о томъ истинная невѣста, ей стало невыносимо-тяжко, что сердце ея словно оборвалось, и она упала на землю безъ чувствъ. Король подумалъ, было, что съ его любимымъ егеремъ что-нибудь неладное сталось, подбѣжалъ къ нему, хотѣлъ помочь ему и снялъ съ него перчатку. И увидѣлъ онъ тутъ кольцо, которое подарилъ своей первой невѣстѣ, и какъ только всмотрѣлся онъ въ лицо, то узналъ ее. И сердце его было такъ тронуто, что онъ поцѣловалъ ее, а когда она открыла глаза, онъ молвилъ ей:

— Ты моя и я твой, и ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ этого измѣнить!..

А къ другой невѣстѣ онъ отправилъ посла и приказалъ ей предложить возвратиться въ свое королевство, потому, молъ, что у него есть уже невѣста, а кто старый ключъ нашелъ, тому новаго не надо...

А затѣмъ и свадьба была отпразднована, и левъ снова попалъ въ милость, потому что все-таки онъ говорилъ правду.

* * *

Воръ и его учитель.

Янъ рѣшилъ отдать сына своего учиться какому ни есть ремеслу и сталъ спрашивать кой у кого, какое ремесло сыну въ пользу пойдетъ. А невдалекѣ, случилось, стоялъ причетникъ и бормоталъ:—„Воровство, воровство на поль зу“.. Вотъ вернулся Янъ къ сыну, говоритъ:—„Слѣдуетъ тебѣ. воровству учиться, — я отъ причетника слышалъ“... И пошелъ онъ съ сыномъ искать такого человѣка, который бы зналъ воровство. Вотъ шли они цѣлый день и пришли въ этакій большой лѣсъ, а тамъ стояла этакая маленькая хибарка, а въ ней сидѣла этакая старая-старая женщина; Янъ сказалъ:

— Не знаешь ли ты человѣка, который бы могъ научить искусному воровству?

— Этому вы легко можете выучиться здѣсь, — сказала женщина,—мой сынъ—мастеръ этого дѣла.

Тогда Янъ сталъ переговариваться съ сыномъ старухи знаетъ ли онъ, дѣйствительно, хорошо воровство.

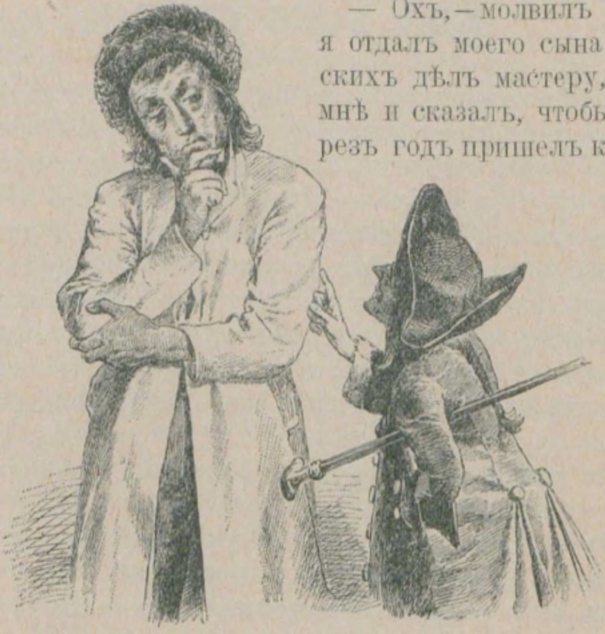
Воровскихъ дѣлъ мастеръ и говоритъ:

— Ужъ я выучу вашего сына, да! А вы приходите опять черезъ годъ; коли вы тогда признаете вашего сына, — я и денегъ за ученье съ васъ не стану брать, а если его совсѣмъ не узнаете, то вы заплатите мнѣ двѣсти талеровъ.

Пошелъ отецъ снова домой, а сынъ остался учиться хорошенько колдовать да воровать. Вотъ какъ миновалъ годъ, пошелъ отецъ за сыномъ, а самъ печалится, какъ ему быть, чтобы сына своего признать. А той порой, какъ онъ шелъ да печалился, повстрѣчался съ нимъ вдругъ этакій маленькій человѣчекъ, который сказалъ:

— Человѣче, о чемъ печалуетесь? Что это вы такъ огорчены?

— Охъ, — молвилъ Янъ, — я отдалъ моего сына воровскихъ дѣлъ мастеру, а онъ мнѣ и сказалъ, чтобы я черезъ годъ пришелъ къ нему снова, и ежели я тогда не узнаю моего сына, такъ долженъ буду уплатить ему двѣсти талеровъ, а ежели я его узнаю, тогда я могу такъ-таки ничего ему не заплатить... Вотъ теперь и боязно мнѣ, ну, какъ я его не узнаю, — и ума не приложу, откуда мнѣ тогда деньги добыть.



И сказалъ тогда человѣчекъ, что вотъ пусть онъ возьметъ съ собою корзину хлѣба, пойдетъ и станетъ подъ окномъ; тамъ, подъ потолкомъ, виситъ клѣтка, а изъ нея выпорхнетъ птичка,—„это твой сынъ и есть“...

Пошелъ Янъ туда, поставилъ полную корзинку чернаго хлѣба передъ клѣткой, и вотъ выпорхнула оттуда птичка и взглянула на него.

— Ага!.. Сынокъ мой, ты здѣсь!..—молвилъ отецъ.

Обрадовался тутъ сынъ, увидя отца, но учитель сказалъ:

— Это самъ дьяволъ тебя, видно, надоумилъ, а то какъ бы тебѣ признать своего сына?

— Батя, пойдемъ съ тобой,—сказалъ малецъ.

Вотъ и отправился отецъ съ сыномъ во-свояси, а на возвратномъ пути навстрѣчу имъ катитъ карета; тогда сынъ и сказалъ отцу:

— Вотъ что, я сейчасъ превращусь въ большую борзую собаку, вы можете много денегъ взять за меня.

Такъ и сдѣлалъ, а господинъ крикнулъ изъ кареты:

— Добрый человѣкъ, вы продаете собаку?

— Да,—отвѣтилъ мужикъ.

— Сколько же вы за нее хотите получить?

— Да тридцать талеровъ.

— Н-да... человѣче, это слишкомъ дорого! Но такъ какъ эта собака больно ужъ хороша, я ее себѣ пріобрѣту.

Взялъ баринъ собаку къ себѣ въ карету, но едва-едва только они проѣхали немного, какъ вдругъ собака выскочила изъ экипажа черезъ стекла, и не стало больше у барина борзой собаки, а сынокъ догналъ отца, и пошли они вмѣстѣ домой. На другой день въ сосѣдней деревнѣ былъ базаръ, и сказалъ малецъ своему отцу:

— Я вотъ обращусь въ красиваго, породистаго коня, а вы меня и продайте; только станете меня продавать, такъ снимите недоуздокъ,—иначе я не могу снова стать человѣкомъ.

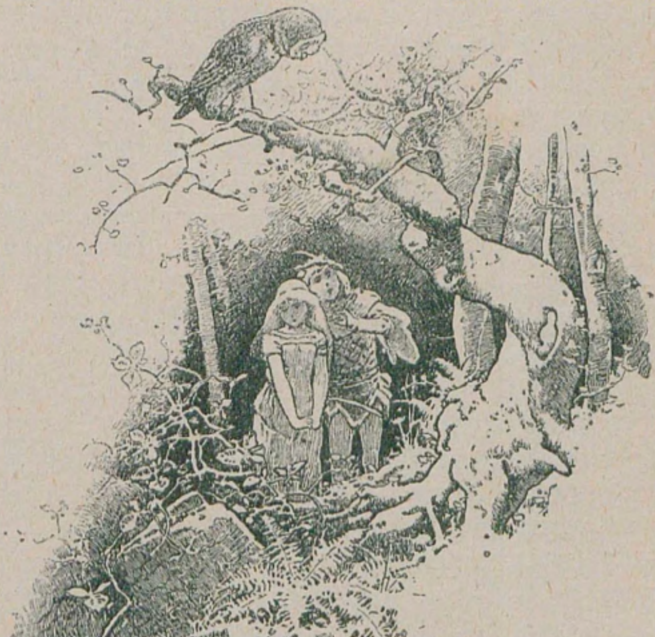
Потащился отецъ съ сыномъ на базаръ, а туда пришелъ и воровскихъ дѣлъ мастеръ и купилъ коня за сто талеровъ, а отецъ запамятовалъ совсѣмъ и не снялъ съ него недоуздка. Вотъ вернулся воръ домой съ лошадью и поставилъ ее въ стойло. Пошла служанка по конюшнѣ, а конь ей и говоритъ:

— Сними съ меня недоуздокъ.

Пріостановилась служанка, и любопытство ее взяло:

— Эге, ты говорить можешь?..—подошла къ нему, сняла съ него недоуздокъ,—и вмигъ конь обернулся воробышкомъ и выпорхнулъ черезъ дверь, а чародѣй обернулся тоже воробышкомъ и полетѣлъ за нимъ слѣдомъ. Вотъ летятъ они вмѣстѣ, и ясно, что учитель недалеко ушелъ отъ ученика,—кинулся онъ въ воду и обернулся рыбой. А малецъ тоже обернулся рыбой, и снова увидѣлъ мастеръ, что онъ недалеко ушелъ въ своемъ искусствѣ. Обернулся тогда мастеръ пѣтухомъ, а малецъ—лисицей и откусилъ пѣтуху голову; мастеръ и умеръ и лежитъ тамъ и по нынѣшній день.

Іоринда и Іорингель.

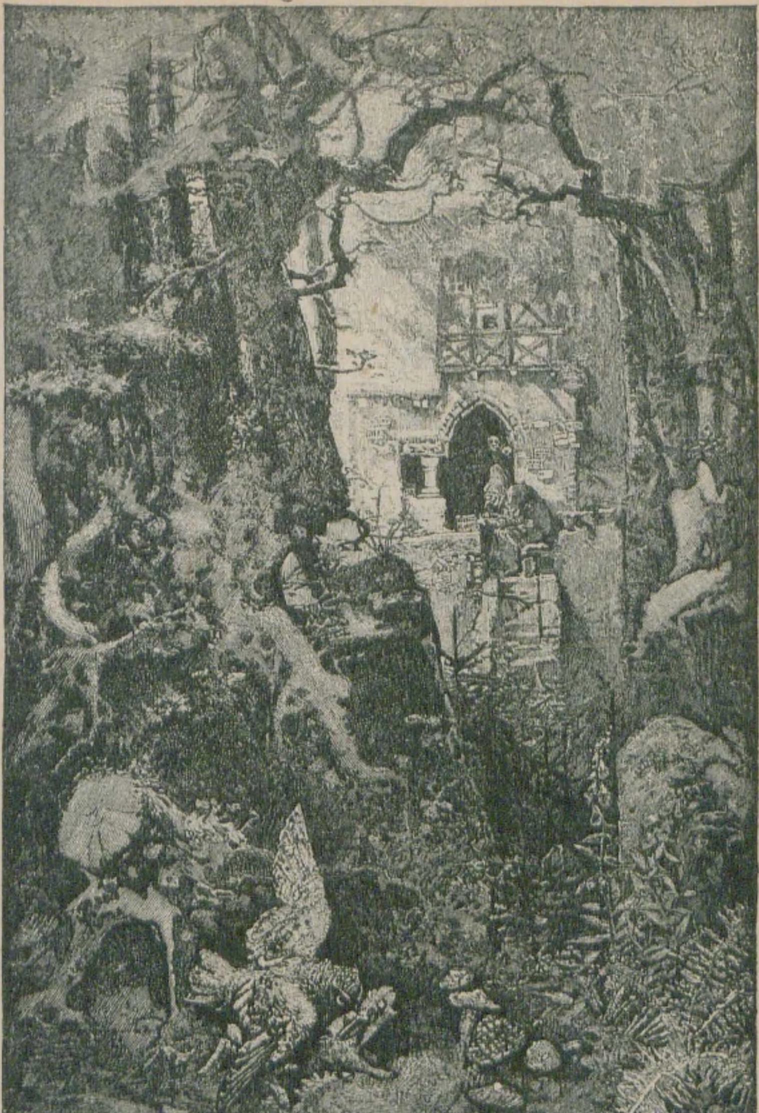


Стоялъ нѣкогда древній за́мокъ въ чащѣ огромнаго, дремучаго лѣса, въ которомъ жила старая женщина одна-одинешенька; то была, что называется, архивѣдьма. Днемъ она обращалась въ кошку или въ ночную сову, но къ вечеру принимала видъ самаго обыкновеннаго человѣка. Умѣла она приманивать къ себѣ разную дичину и птицъ, ихъ она убивала, варила и жарила себѣ на ѣду. Если, бывало, кто-нибудь только приближался къ зáмку на сто шаговъ, онъ внезапно останавливался и уже не могъ двинуться съ мѣста до тѣхъ поръ, покамѣстъ вѣдьма не освобождала его отъ чаръ особымъ заклинаніемъ; когда же юная, чистая дѣвушка переходила магическій кругъ, вѣдьма обращала ее въ птичку и запирала въ клѣтку, а клѣтку ставила въ одну общую комнату въ зáмкѣ. И было у нея въ зáмкѣ всего до семи тысячъ клѣтокъ съ такими диковинными птицами.

Вотъ жила-была однажды молодая дѣвушка по имени Іоринда, которая была красивѣе всѣхъ своихъ подругъ. Давно дала она слово замѣчательно красивому юношѣ Іорингелю выйти за него замужъ. Теперь они переживали счастливые дни жениха и невѣсты, и бóльшаго счастья для нихъ не было, какъ постоянно проводить время вдвоемъ неразлучно. Вотъ однажды, чтобы наговориться по душѣ другъ съ другомъ, пошли они гулять въ лѣсъ.

— Нужно только быть осторожнѣе,—сказалъ Іорингель,— какъ бы намъ не подойти слишкомъ близко къ зáмку.

Былъ чудный вечеръ, ясно просвѣчивало солнышко между стволами деревьевъ въ густую дрёму лѣса, и жалобно ворковала горлинка на старомъ букѣ. Порою слезы выступали на глазахъ Іоринды, и, наконецъ, сѣла она на солнечномъ припекѣ и стала плакать и вздыхать, и Іорингель тоже. Они были такъ печально настроены, такъ печально, словно ожидали скорой смерти; а когда они внезапно оглянулись, то замѣтили, что со всѣхъ сторонъ окружила ихъ незнакомая чаща деревьевъ, и молодые люди не знали, куда имъ теперь идти по направленію домой. А солнце только наполовину стояло надъ горою, а наполовину уже зашло. Заглянулъ Іорингель въ заросли кустарника и вдругъ замѣтилъ совсѣмъ недалеко старыя стѣны зáмка...



Испугался онъ, и смертельный страхъ охватилъ его... А Іоринда запѣла:

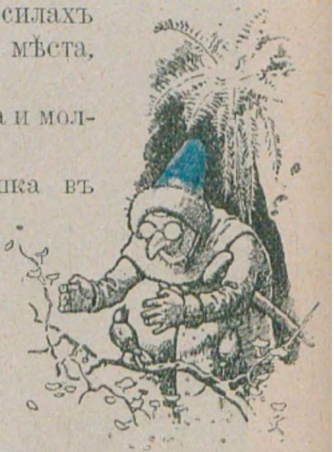
„Пичужка съ шейкой красною
Поетъ: „Бѣда,—грозитъ
„Голубкѣ смерть напрасная!“...
Бѣда... Цикюитъ, цикюитъ!..

Посмотрѣлъ Іорингель на Іоринду. А Іоринда уже превратилась въ соловья, который щелкалъ: „Цикюитъ, цикюитъ“. Ночная сова съ сверкающими глазами трижды облетѣла вокругъ нея и трижды простонала: „Шу-гу-гу-гу“. А Іорингель и съ мѣста не могъ двинуться, онъ стоялъ словно каменный и не могъ ни плакать, ни говорить, ни пошевельнуть рукой или ногой. А когда солнце зашло совсѣмъ, — сова шарахнулась въ кусты, и тотчасъ же затѣмъ выползла оттуда старая, горбатая женщина, желтая, худая, съ огромными, красными глазами, съ крючковатымъ носомъ, который сходился кончикомъ съ подбородкомъ. Она молча сцапала соловья и унесла его съ собою. А Іорингель не въ силахъ былъ слова сказать, не могъ сойти съ мѣста, а соловья и слѣдъ простылъ.

Наконецъ, старуха вернулась снова и молвила глухимъ голосомъ:

— Прощай, Цахиль!.. Коли дѣвушка въ клѣткѣ, я освобождаю тебя, Цахиль, въ часъ добрый! Она выкупомъ за тебя будетъ.

Но Іорингель бросился на колѣни передъ ней, онъ умолялъ ее вернуть ему снова его Іоринду; но она сказала ему, что не видать ему ея никогда, и ушла отъ него. Онъ кричалъ, онъ плакалъ, онъ жаловался, но все было тщетно.



— О, что же, что же будетъ со мною?..

И пошелъ Іорингель изъ лѣсу и попалъ, наконецъ, въ незнакомую деревушку, и тамъ долгое время пасъ онъ овецъ, часто хаживалъ вокругъ зáмка, но слишкомъ близко не подходилъ къ нему.

И приснилось ему однажды, будто бы нашелъ онъ красный, какъ кровь, цвѣтокъ, въ срединѣ котораго была чудная, большая жемчужина. Онъ будто бы сорвалъ цвѣтокъ, пошелъ съ нимъ къ замку, и все, до чего ни касался цвѣткомъ, освобождалось отъ волшебныхъ чаръ; и еще снилось ему, что этимъ цвѣткомъ онъ спасъ свою Іоринду.

На-утро, какъ только онъ проснулся, то сейчасъ же пустился искать и шарить по горамъ, по долинамъ, въ надеждѣ найти такой цвѣтокъ; и искалъ онъ въ продолженіе девяти дней, и подъ конецъ только рано-рано поутру нашелъ онъ красный, какъ кровь, цвѣтокъ. На вѣнчикѣ его дрожала большая капля росы, словно чудная жемчужина.

И понесъ онъ этотъ цвѣтокъ къ зáмку и шелъ и день, и ночь. А когда онъ приблизился къ зáмку на сто шаговъ и остановился около запертыхъ воротъ, онъ нетерпѣливо притронулся цвѣткомъ до воротъ, и они распахнулись настежъ. Онъ прошелъ черезъ дворъ и все прислушивался, гдѣ раздастся щебетанье птицъ, и, наконецъ, услышалъ-таки... Онъ отыскалъ, наконецъ, эту залу; сама волшебница была тамъ и кормила птичекъ въ семи тысячахъ клѣткахъ. Какъ завидѣла старуха Іорингеля, разгнѣвалась она, страшно разгнѣвалась, стала бранить его, стала плевать на него ядомъ и желчью, но приблизиться къ нему и на два шага не могла. Онъ и не обернулся даже къ ней, а пошелъ и сталъ осматривать клѣтки съ птицами; но тамъ было много сотенъ соловьевъ,—какъ же могъ онъ найти среди нихъ Іоринду? А въ то время какъ Іорингель осматривалъ ихъ,—онъ вдругъ замѣтилъ, что старуха тайкомъ ухватила одну клѣтку и пробирается съ нею къ двери.

Въ мгновеніе ока подскочилъ онъ къ ней, дотронулся цвѣткомъ до клѣтки и до старой женщины... Ну, вотъ теперь ужъ она ничего не могла подѣлать съ своимъ колдовствомъ, и Іоринда явилась передъ нимъ, бросилась ему на шею такая же прекрасная, какъ и раньше. И обратилъ Іорингель и всѣхъ остальныхъ птичекъ въ молодыхъ дѣвушекъ, а самъ затѣмъ отправился съ своею Іориндой домой, и они, счастливые, жили вмѣстѣ долго-долго послѣ того.

Три счастливчика.

Какъ-то позвалъ отецъ къ себѣ трехъ сыновей и подарилъ: старшему—пѣтуха, второму—косу, а третьему—кошку.

— Я уже старъ,—сказалъ онъ,—смерть моя близка, потому я и рѣшилъ позаботиться о васъ прежде моего конца. Денегъ у меня нѣтъ, и то, что я дарю вамъ, кажется, конечно, малоцѣннымъ, но все будетъ зависѣть отъ того, насколько разумно вы ими воспользуетесь; отыщите-ка только такую страну, гдѣ эти предметы еще никому невѣдомы, — и счастье ваше обезпечено.

Послѣ смерти отца пошелъ старшій бродить со своимъ пѣтухомъ, но куда онъ ни приходилъ, всюду пѣтуха знали отлично. Въ городахъ онъ видѣлъ еще издалека пѣтуха, сидящаго на башняхъ и вертящагося по вѣтру; по деревнямъ онъ слышалъ не одно „ку-ку-реку“, и никто не думалъ дивиться на эту птицу, такъ что нельзя было представить себѣ, чтобы онъ могъ составить этимъ свое счастье. Однако же, въ концѣ-концовъ довелось ему попасть на такой островъ, гдѣ люди ничего о пѣтухѣ знать не знали, вѣдать не вѣдали, а потому и времени измѣрять и опредѣлять не умѣли. Они, точно, знали, когда бываетъ утро, когда вечеръ; зато ночью, когда они не спали, никто не могъ опредѣлить времени.

— Полюбуйтесь,—сказалъ этимъ людямъ старшій братъ,—что за гордая тварь! На маковкѣ — рубиновая красная корона, шпоры носитъ, что твой рыцарь; онъ поетъ три раза въ теченіе ночи въ опредѣленное время, и какъ только крикнетъ въ послѣдній разъ,—тотчасъ же восходитъ солнце. А ежели онъ закричитъ ночью, то, стало-быть, предупреждаетъ, что погода непремѣнно перемѣнится.

Очень понравилось это людямъ; они цѣлую ночь не спали и съ большою радостью слушали, какъ пѣтухъ громко и внятно возвѣщалъ время въ два часа, въ четыре и въ шесть. Спросили они хозяина, не продажная ли у него эта тварь и сколько бы онъ за нее потребовалъ.

— Да столько золота, сколько оселъ на себѣ увезетъ, — отвѣтилъ онъ.

— Это очень дешево за такую драгоцѣнную птицу! — воскликнули они сообща и охотно уплатили ему то, что онъ потребовалъ съ нихъ. Когда онъ вернулся домой съ такимъ богатствомъ, оба брата подивились на него, и второй братъ сказалъ:

— Ну, такъ и я пойду да посмотрю, не удастся ли и мнѣ такъ же выгодно сбыть съ рукъ мою косу...

Но на нее и смотрѣть-то не хотѣли, потому что повсюду встрѣчались ему мужики, которые несли на плечахъ такія же славныя косы, какая и у него была. Однако же, въ концѣ-концовъ посчастливилось и ему тоже на какомъ-то островѣ, на которомъ жители о косѣ знать не знали, вѣдать не вѣдали. Тамъ, когда, бывало, созрѣвала рожь, то вывозили пушки на поля и стрѣляли по ней. Но это было неудобное изобрѣтеніе: одинъ стрѣлялъ поверхъ нивы, другой попадалъ вмѣсто стебля аккуратъ въ самый колосъ и сшибалъ его, и много колосьевъ пропадало даромъ, а сверхъ всего этого стоялъ невыносимый грохотъ. А нашъ молодчикъ пошелъ на поле и скосилъ хлѣбъ такъ тихо и быстро, что островитяне и рты разинули отъ удивленія. Они готовы были дать ему все, чего бы только онъ ни пожелалъ, и онъ получилъ за косу лошадь, на которую навьючили столько золота, сколько она могла свезти.

Ну, вотъ и третій братъ задумалъ пристроить свою кошку къ хорошему человѣку. И у него дѣла такъ же, какъ и у братьевъ, шли изъ рукъ вонъ плохо, покамѣстъ онъ оставался дома, ну, то-есть, никакого толку нельзя было добиться: повсюду кошекъ всякихъ породъ было хоть отбавляй. Наконецъ, переправился онъ на одинъ островъ, и случилось, къ счастью, такъ, что тамъ никогда еще и одной кошки не бывало, а мыши тамъ были до того ручныя, что, бывало, отплясывали по столамъ и скамьямъ,—будь тутъ самъ хозяинъ или нѣтъ. Жители страшно жаловались на это всеобщее бѣдствіе; самъ король въ своемъ за̀мкѣ не зналъ, какъ ему спастись отъ нихъ: по всѣмъ угламъ мыши, знай, попискивали да грызли рѣшительно все, что имъ попадало на зубокъ. Вотъ и отправилась кошка на охоту и въ скоромъ времени совершенно очистила отъ мышей двѣ залы; и стали люди молить короля купить это дивное животное для ихъ королевства. Король охотно далъ за нее то, что было запрошено, а именно—нагруженнаго золотомъ мула, и вотъ третій братъ вернулся домой съ самыми большими богатствами.

Кошка затѣяла въ королевскомъ за̀мкѣ съ мышами знатную потѣху и перекусала ихъ такое множество, что и счесть ихъ было положительно невозможно. Наконецъ, упарилась-таки она отъ работы, и захотѣлось ей пить; тогда она остановилась, задрала голову кверху и замяукала: „Мяу, мяу!“... Король вмѣстѣ съ своею свитою, какъ услышали этотъ диковинный крикъ, перепугались и въ ужасѣ бросились изъ за̀мка. На дворѣ король сталъ совѣщаться, что имъ теперь лучше всего дѣлать, и въ концѣ-концовъ было рѣшено послать къ кошкѣ герольда и предложить ей оставить дворецъ, или противъ нея будетъ употреблена сила. Совѣтники сказали:

— Лучше ужъ намъ страдать отъ мышей,—къ этому злу мы ужъ привыкли,—чѣмъ ставить на карту свою жизнь такому чудовищу...

Вотъ и пошелъ придворный пажъ наверхъ и спросилъ кошку, очиститъ она добровольно зàмокъ или нѣтъ.

Но кошка, жажда которой еще болѣе усилилась, ничего другого не отвѣтила, кромѣ какъ: „Міау, міау!“ А придворный пажъ понялъ: „Ка-акъ? Нѣ-ѣтъ, не уйду“, и доложилъ королю такой отвѣтъ.

— Ну,—молвили совѣтники,—тогда она должна будетъ уступить силѣ...—подкатили пушки и открыли огонь по зàмку. Какъ только показался огонь въ залѣ, гдѣ кошка сидѣла, она благополучно выскочила черезъ окошко на волю, но осаждавшіе не унялись до тѣхъ поръ, пока весь зàмокъ не былъ разрушенъ пушками.

Шестеро весь свѣтъ завоюютъ.

Былъ нѣкогда человѣкъ, который превзошелъ всевозможныя искусства; онъ служилъ на войнѣ, и воевалъ стойко и храбро, но когда война окончилась, онъ получилъ отставку да три копейки харчевыхъ денегъ на дорогу.

— Ну,—сказалъ онъ,—это мнѣ не больно нравится, вотъ соберу я настоящихъ, хорошихъ людей, и тогда король отдастъ мнѣ всѣ сокровища цѣлой страны.

И, разгнѣванный, пошелъ онъ въ лѣсъ и увидѣлъ тамъ мужика, который только-что вырвалъ шесть деревьевъ, словно это были соломинки. И сказалъ ему солдатъ:

— Хочешь ты быть моимъ слугою и слѣдовать за мною?

— Пожалуй, — отвѣтилъ тотъ, — только вотъ прежде я отнесу домой матери вязаночку дровъ.

Взялъ онъ цѣльное дерево и обвязалъ имъ, какъ прутомъ, остальныя пять деревьевъ, поднялъ вязанку на плечи и поволокъ на себѣ. Потомъ вернулся снова и пошелъ за своимъ новымъ хозяиномъ, который сказалъ:

— Мы двое-то весь свѣтъ покоримъ!..

Пошли они дальше и повстрѣчали охотника, который, стоя на колѣняхъ, приложился изъ ружья и цѣлился. Солдатъ и сказалъ ему:

— Въ кого это ты мѣтишь, охотникъ?..

— За двѣ мили отсюда сидитъ на дубовомъ сучкѣ муха; я хочу прострѣлить ей лѣвый глазъ,—отвѣтилъ тотъ.

— О, такъ пойдемъ съ нами!—сказалъ солдатъ.—Коли мы всѣ втроемъ заодно будемъ, такъ мы весь свѣтъ завоюемъ...

Охотникъ былъ согласенъ на все и пошелъ съ ними; и вотъ пришли они къ семи мельницамъ, у которыхъ крылья неистово вертѣлись, а между тѣмъ никакого вѣтра не дуло и ни одинъ листокъ на деревьяхъ не шевелился. Вотъ солдатъ и сказалъ:

— Понять не могу, какъ это вертятся крылья мельницъ безъ вѣтру.

Прошли они еще мили двѣ и увидѣли дѣтину, сидящаго на деревѣ, который одну ноздрю зажалъ, а другою ноздрею дулъ что есть мочи.

— Ты это что же дѣлаешь?—спросилъ его солдатъ.

— За двѣ мили отсюда стоятъ семь вѣтряныхъ мельницъ; видите ли, я и дую на нихъ, чтобы привести ихъ въ движеніе.

— О, пойдемъ со мною! — сказалъ солдатъ.—Коли насъ четверо такихъ будетъ, мы весь свѣтъ завербуемъ.

Тутъ Вѣтрила слѣзъ съ дерева и пошелъ съ ними; черезъ нѣсколько времени замѣтили они человѣка, который стоялъ на одной ногѣ, а другую ногу отстегнулъ и положилъ около.

— А вѣдь удобную штуку выдумалъ ты себѣ на время отдыха,—замѣтилъ ему солдатъ.

— Я скороходъ,—отвѣтилъ тотъ,—и для того, чтобы ужъ не очень быстро прыгать, я отстегиваю себѣ одну ногу; а ежели я побѣгу на двухъ ногахъ, то помчусь скорѣе летящей птицы.

— О, пойдемъ со мною! Если насъ такихъ пятеро будетъ, мы весь свѣтъ въ свои руки захватимъ.

И пошелъ скороходъ вмѣстѣ съ ними, а въ скоромъ времени повстрѣчался имъ нѣкій человѣкъ, на которомъ была надѣта шапка, но надѣта-то она была на одно ухо.

— Да не надѣвай ты шапку на одно ухо,—сказалъ солдатъ,—а то ты выглядишь Гансомъ-дурачкомъ!..

— Я не смѣю иначе надѣть ее, — сказалъ тотъ, —потому что ежели надѣну я ее прямо, налетитъ страшенный трескучій морозъ, и птицы въ поднебесьи будутъ падать замертво на землю...

— О, пойдемъ со мною! — молвилъ солдатъ.—Ежели мы такіе молодцы вшестеромъ сообща стоять будемъ, такъ мы весь свѣтъ завоюемъ.

Ну, вотъ и пошли они всѣ шестеро въ нѣкій городъ, въ которомъ король оповѣстилъ повсюду, что кто-де съ его дочерью побѣжитъ взапуски да обгонитъ ее, тотъ станетъ ея супругомъ, а кто оплошаетъ тотъ лишится головы. Вотъ и отъявился нашъ солдатъ и сказалъ:

— Я желаю состязаться, но только съ тѣмъ, чтобы мой слуга вмѣсто меня побѣжалъ съ нею наперегонки.

Король отвѣчалъ:

— Ну, что-жъ, только ужъ тогда ты и его жизнь тоже долженъ будешь поставить на ставку, такъ что и твоя, и его головы поручатся за побѣду.

Вотъ какъ условились да утвердили все это, пристегнулъ солдатъ скороходу его другую ногу и сказалъ ему:

— Ну, будь же проворенъ и обгони королевну.

А было между тѣмъ условлено, что кто первый принесетъ воды изъ далеко лежащаго родника, тотъ и побѣдителемъ будетъ. Ну, вотъ и дали скороходу кружку и королевнѣ тоже, и пустились они бѣжать въ одно время; но въ одно мгновеніе, прежде чѣмъ королевна пробѣжала маленькое пространство, скороходъ ужъ и зрителей изъ виду потерялъ и, казалось, промчался, словно сильный вѣтеръ. Живо зачерпнулъ онъ кружкой воды и повернулъ назадъ.

Но на возвратномъ пути какъ-разъ на полдорогѣ овладѣла имъ усталость; поставилъ онъ кружку, развалился на землѣ да и заснулъ, а вмѣсто подушки взялъ лошадиный черепъ, который лежалъ на землѣ, и подложилъ его подъ голову, чтобы нарочно было неудобно спать и поскорѣе проснуться. А въ это-то время королевна, которая тоже умѣла шибко бѣгать, но такъ, какъ вообще бѣгаетъ самый обыкновенный человѣкъ, добѣжала потихоньку до источника и съ кружкой, полной воды, торопилась назадъ, и какъ только увидѣла она на дорогѣ скорохода, который лежалъ и спалъ, то обрадовалась и сказала: — «Ну, врагъ попался мнѣ въ руки», — и опорожнила его кружку, а сама побѣжала дальше.

Ну, все дѣло, конечно, погибло бы, ежели бы только, къ великому счастью, охотникъ со своимъ острымъ зрѣніемъ не стоялъ наверху замка и не видѣлъ всего этого. И сказалъ онъ тогда:—„Королевна не должна побѣдить насъ“,—зарядилъ свое ружье и выстрѣлилъ, да такъ ловко, что вышибъ изъ-подъ головы скорохода конскій черепъ, ничуть не повредивъ ему. Очнулся скороходъ, подскочилъ кверху, — глядь, а кружка-то пустехонька, а принцесса далеко опередила его. Да не потерялъ онъ присутствія духа, побѣжалъ со своею кружкою къ источнику, почерпнулъ сызнова воды, побѣжалъ назадъ и очутился дома еще за десять минутъ до прихода принцессы.

— Глядите-ка,—сказалъ онъ,—только теперь я, какъ слѣдуетъ, расправилъ ноги, а до сихъ поръ развѣ бѣготня была,—сказать совѣстно!..

Огорчило короля, а дочь его—и того больше, что простой рядовой, отставной солдатъ предъявляетъ на нее какія-то права; вотъ они и сговорились между собою, какъ бы имъ сообща освободиться отъ него и его товарищей.

— Я придумалъ,—сказалъ король,—не бойся, они домой ужъ не воротятся. — А имъ онъ сказалъ: — Ну, теперь вамъ слѣдуетъ повеселиться, попировать, пображничать, — и повелъ ихъ въ комнату, въ которой былъ желѣзный полъ и двери тоже изъ желѣза и окна были забраны желѣзными рѣшетками. Въ комнатѣ стоялъ столъ, уставленный драгоцѣнными кушаньями.

— Пожалуйте сюда, потѣшайтесь вволю, — предложилъ король имъ.

А когда они сидѣли тамъ, онъ приказалъ запереть и заложить засовами дверь; потомъ позвалъ повара и велѣлъ ему до тѣхъ поръ поддерживать огонь подъ горницей, пока желѣзный полъ не раскалится. Такъ поваръ и сдѣлалъ; стало нагрѣваться въ горницѣ; стало шестерымъ гостямъ, сидящимъ за столомъ, совсѣмъ-совсѣмъ тепло; да они все думали, что это отъ ѣды; а когда жара все усиливалась да усиливалась, и они захотѣли, было, выйти на свѣжій воздухъ, то увидѣли, что двери и окна были заперты, и догадались, что король задумалъ сжечь ихъ здѣсь.

— Ну, это ему не удастся! — сказалъ тотъ, у кого была на ухо надѣта шляпа. — Я сейчасъ напущу такой морозъ, при которомъ огонь окажется безсильнымъ.

Вотъ и надѣлъ онъ свою шляпчонку прямо, и тотчасъ же ударилъ морозъ, такъ что вся жара прошла, и кушанья на блюдахъ стали мерзнуть. Вотъ какъ миновало часа два, король подумалъ, что они отъ жары уже истомились, и велѣлъ отворить двери, хотѣлъ самъ на нихъ полюбоваться. Но когда растворилась дверь, всѣ шестеро стояли бодрые, здоровые и сказали королю, что имъ хорошо бы пойти погрѣться, потому что при такомъ страшномъ холодищѣ въ комнатѣ замерзаютъ кушанья на блюдахъ. Разгнѣванный сошелъ король къ повару, распекъ его и спросилъ, почему онъ не поступилъ такъ, какъ ему было приказано. Но поваръ отвѣтилъ:

— Жару-то много, посмотрите сами.

Тогда король замѣтилъ, что подъ желѣзною комнатой горѣлъ страшный огонь. Ну, и сталъ король придумывать новое средство, чтобы освободиться отъ этихъ господъ; потомъ велѣлъ кликнуть къ себѣ солдата и сказалъ:

— Откажись отъ права на руку моей дочери и ты получишь отъ меня денегъ сколько хочешь.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ, — дайте мнѣ денегъ столько, сколько можетъ снести мой слуга, и я уйду. Черезъ четырнадцать дней я явлюсь получить деньги...

Вотъ и созвалъ онъ всѣхъ портныхъ со всего государства, и они четырнадцать дней шили ему мѣшокъ. А когда онъ былъ готовъ, силачъ, который вырывалъ деревья, перекинулъ мѣшокъ черезъ плечо и отправился съ нимъ къ королю. И сказалъ тогда король:

— Что это за здоровенный мужланъ, который тащитъ на плечахъ кусокъ полотна съ цѣлый домъ? — перепугался и подумалъ: «Сколько же онъ золота унесетъ!»... И повелѣлъ принести бочку золота, которую могли поднять только шестнадцать сильнѣйшихъ человѣкъ; но силачъ ухватилъ ее одной рукой, опустилъ въ мѣшокъ и сказалъ:

— Да почему вы сразу не принесете побольше? Этимъ только чуть-чуть донышко прикрыло.

И приказалъ король мало-по-малу перенести сюда свою сокровищницу, а силачъ все это засунулъ въ мѣшокъ, и все-же мѣшокъ еще и наполовину не былъ наполненъ.

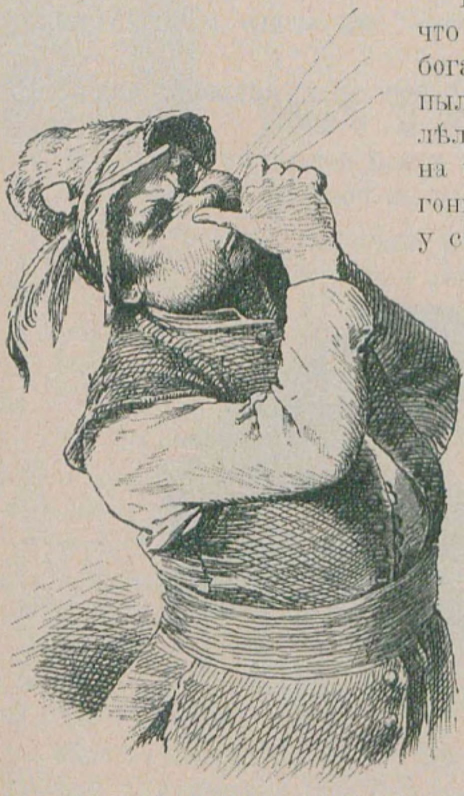
— Несите сюда больше! — крикнулъ онъ. — Парой-другою крошекъ не наполнишь мѣшка!

Тогда пришлось свозить со всего государства семь тысячъ телѣгъ съ золотомъ, и ихъ силачъ сложилъ въ мѣшокъ цѣликомъ вмѣстѣ съ запряженными быками.

Когда все это было уложено, и еще лишь немного могло войти, онъ сказалъ:

— Ну, пора прикончить. Пусть завяжутъ мѣшокъ, хоть онъ еще и неполонъ.

А потомъ взвалилъ его на спину и ушелъ со своими товарищами.



Какъ увидѣлъ король, что одинъ человѣкъ унесъ богатство всей страны, воспылалъ онъ гнѣвомъ и велѣлъ своей конницѣ сѣсть на коня, отправиться въ погоню за шестерыми и отнять у силача мѣшокъ. Живо нагнали ихъ два полка и закричали имъ:

— Вы наши плѣнники! Бросьте мѣшокъ съ золотомъ, не-то мы изрубимъ васъ въ кашу!

— Что вы городите?—молвилъ Вѣтрила.—Мы плѣнники? Да за это вы у меня прежде по воздуху попляшете!—и зажалъ онъ одну ноздрю, а другою дунулъ на оба полка,—и разбилось все войско, и взвились воины подъ самое голубое поднебесье, понадъ горами, одинъ—здѣсь, другой—тамъ. Одинъ фельдфебель взмолился о пощадѣ: у него было девять ранъ, и онъ былъ бравый воинъ, который не заслуживалъ такого позора.

Тогда Вѣтрила немного пріостановился дуть, такъ что фельдфебель безопасно могъ опуститься внизъ.

— Ну, ступай домой къ королю,—замѣтилъ ему Вѣтрила,—и скажи, чтобы король еще больше конницы прислалъ, я ихъ всѣхъ сдуну...

Когда король услышалъ объ этомъ происшествіи, онъ сказалъ:

— Оставьте въ покоѣ негодныхъ парней, они себѣ на умѣ...

А шестеро принесли домой богатство, раздѣлили между собою и жили послѣ того въ полномъ довольствѣ.

Волкъ и человѣкъ.

Разсказывала однажды лисица волку о силѣ человѣка: ни одинъ-де звѣрь противъ него выстоять не можетъ, они должны-де на хитрости пускаться, чтобы спасти свою шкуру.

А волкъ ей на то и отвѣтилъ:

— Ну, ежели бы мнѣ хоть разъ довелось увидать человѣка, я бы все-таки пошелъ прямо на него.

— Ну, я тебѣ пособлю,—сказала лисица,—приходи только завтра пораньше ко мнѣ, я его тебѣ покажу.

Спозаранку поднялся волкъ, а лиса вывела его какъ-разъ на ту дорогу, по которой каждый день ходилъ охотникъ. Сначала показался старый отставной солдатъ.

— Это человѣкъ?—спросилъ волкъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила лиса,—это былъ когда-то имъ.

Затѣмъ появился мальчикъ, который шелъ въ школу.

— Это человѣкъ?

— Нѣтъ, изъ него потомъ будетъ человѣкъ.

Наконецъ, показался охотникъ: двухстволка за плечами и ягдташъ сбоку. И сказала лисица волку:

— Вонъ идетъ настоящій человѣкъ; дерись съ нимъ, коли хочешь; что до меня, то я уберусь во-свояси...

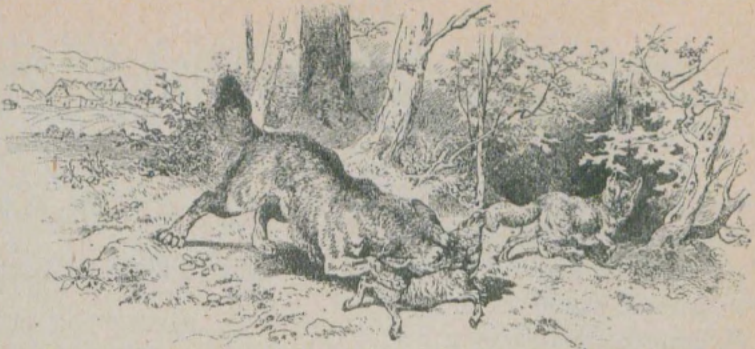
Пошелъ волкъ прямехонько на человѣка, а охотникъ, какъ только замѣтилъ волка, сказалъ:—„Ахъ, какая жалость, что у меня ружье заряжено не пулей“.—Но все-же приложился изъ ружья и выстрѣлилъ дробью волку прямо въ морду.

Волкъ скорчилъ морду, но ничуть не испугался и полѣзъ напроломъ; пустилъ по немъ охотникъ второй зарядъ. Стерпѣлъ волкъ боль и бросился на охотника, а тотъ выхватилъ блестящій охотничій ножъ и нанесъ ему раны въ бокъ, справа и слѣва, такъ что волкъ, истекая кровью, съ ревомъ бросился наутекъ да прямо къ лисицѣ.

— Ну, братецъ волкъ,—сказала лисица,—какъ ты съ человѣкомъ покончилъ?

— Охъ,—отвѣтилъ волкъ,—я и не подозрѣвалъ у человѣка такой силы! Сначала онъ взялъ со спины палку и дунулъ въ нее, и изъ нея вылетѣло что-то мнѣ въ морду и отвратительно защекотало меня; затѣмъ еще разъ дунулъ онъ въ палку, а мнѣ въ носъ какъ шибанетъ, словно молнія или буря съ градомъ; а когда я былъ около него, онъ вытащилъ изъ тѣла блестящее ребро и такъ меня ударилъ имъ, что я чуть, было, не остался на мѣстѣ замертво.

— Видишь,—сказала лисица,—какой ты хвастунъ! „Ты,—какъ говорится,—такъ глубоко загоняешь топоръ въ стволъ, что и вытащить его не можешь“.



Волкъ и лисица.

У волка служила лисица, и лиса должна была исполнять все, что ему было угодно, потому что она была слабѣйшая; но лисѣ очень хотѣлось разъ навсегда освободиться отъ волка. Вотъ и случилось такъ, что шли они однажды лѣсомъ, и волкъ сказалъ:

— Красношкурка, раздобудь мнѣ чего-нибудь поѣсть, а не-то я тебя самоё съѣмъ!

Тогда лиса отвѣчала ему:

— Знаю я одну крестьянскую усадебку, гдѣ есть парочка ягнятокъ; коли хочешь, такъ давай раздобудемъ одного изъ нихъ.

Понравилось это волку; пошли они туда, и лиса утащила ягненка и принесла волку, а сама удалилась во-свояси.

Съѣлъ волкъ ягненка, однако, не удовлетворился этимъ, и захотѣлось ему еще чего-нибудь на закуску; пошелъ онъ за другимъ ягненкомъ. Но такъ какъ онъ не очень-то ловко унесъ его, — мать ягненка замѣтила его и начала отчаянно блеять, такъ что крестьяне сбѣжались къ ней, напали на волка и до того безжалостно избили его, что онъ, хромая и воя, прибѣжалъ къ лисицѣ еле живой...

— Ну, хорошо же ты меня подвела! — сказалъ онъ. —

Только, было, хотѣлъ я ухватить второго ягненка, а крестьяне меня словили и знатно поколотили.

Лисица отвѣтила:

— Еще бы, волкъ! Вонъ ты какой ненаѣда-обжора!

На другой день они снова отправились въ поле, и снова говоритъ жадный волкъ:

— Красношкурка, раздобудь мнѣ чего-нибудь поѣсть, а не-то я тебя самоё съѣмъ.

Лисица отвѣчала ему:

— Знаю я одну крестьянскую избушку; тамъ нынче баба блины печетъ. Давай утащимъ блиновъ...

Пошли они туда, лисица и принялась бѣгать вокругъ избы, долго высматривала все, вынюхивала до тѣхъ поръ, пока не узнала, гдѣ стояло блюдо, а потомъ сцапала шесть блиновъ и притащила волку.

— Нà вотъ тебѣ, закусывай! — сказала она ему и пошла своей дорогой.

Въ одно мгновеніе проглотилъ волкъ блины и сказалъ:

— А и вкусны же они, по-моему! — и полѣзъ самъ въ избу, ухватилъ все блюдо и сбросилъ внизъ, такъ что оно раскололось въ черепки.

Поднялась страшная суматоха, такъ что баба выбѣжала къ волку, а какъ только завидѣла его, кликнула людей; тѣ сбѣжались и избили звѣря, такъ что онъ съ двумя перебитыми лапами, жалобно воя, вернулся къ лисицѣ въ лѣсъ.

— Вотъ, вѣдь, какъ ты меня подвела, — взвылъ онъ: — мужики словили меня и раздѣлали всю шкуру!

Лисица ему отвѣчаетъ:

— Да вѣдь ишь ты какой обжора-ненаѣда!..

На третій день, когда они снова бродили вмѣстѣ, и волкъ съ трудомъ хромалъ за лисицей, онъ сказалъ ей:

— Красношкурка, раздобудь мнѣ чего-нибудь поѣсть, а не-то я тебя самоё съѣмъ.

— Знаю я одного человѣка, который недавно билъ скотъ,—отвѣтила лиса,—у него лежитъ въ бочкѣ на погребѣ солонина, вотъ ее-то мы и добудемъ.

Волкъ и говоритъ:

— Только ужъ я пойду вмѣстѣ съ тобою, чтобы ты мнѣ помогла бѣжать, ежели я не сумѣю во-время ногъ унести.

— Да пожалуй,—сказала лисица и стала указывать ему лазейки и дорогу, по которымъ они мало-по-малу, наконецъ, пробрались въ погребъ. Мяса тамъ было въ избыткѣ, и волкъ сейчасъ же пристроился къ нему и подумалъ: „Чай, успѣю во-время спохватиться бѣжать“. А лисица тоже всласть накушалась, но она время-отъ-времени озиралась по сторонамъ,— часто-часто подбѣгала къ лазейкѣ, черезъ которую они сюда вошли, и все пробовала, не располнѣла ли она и можетъ ли еще пролѣзть черезъ нее.

Вотъ волкъ и говоритъ:

— Милая лисица, скажи мнѣ на милость, что ты мечешься туда-сюда, выскакиваешь то изъ погреба, то въ погребъ?..

— Надо же посмотрѣть, не идетъ ли кто-нибудь,—отвѣтила хитрая;—только ты не ѣшь больно много...

Тогда волкъ сказалъ:

— Я не уйду отсюда, пока не опорожню всю бочку.

А тѣмъ временемъ прибѣжалъ въ погребъ крестьянинъ, услышавшій шумъ отъ прыганья лисицы; какъ только лисица завидѣла его, — она однимъ прыжкомъ выскочила на волю. Хотѣлъ, было, волкъ броситься слѣдомъ за нею, но онъ разъѣлся такой толстый, что не могъ пролѣзть въ лазейку и застрялъ въ ней и не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Прибѣжалъ крестьянинъ съ цѣпомъ и пришибъ его на-смерть. А лисица ускакала въ лѣсъ и была рада-радехонька, что освободилась, наконецъ, отъ стараго ненаѣды-обжоры.

Лисица и госпожа кума.

Родился у волчицы волченокъ, и она пригласила лисицу быть у нея кумой.

— Она, вѣдь, намъ нѣсколько сродни,—говорила волчица,—смекалка у нея есть, ловкости не оберешься, она моего сыночка научитъ уму-разуму и поможетъ ему стать на ноги.

Лисица, казалось, была очень довольна этимъ приглашенiемъ и сказала:

— Дражайшая госпожа кума, благодарю васъ за ту честь, которую вы оказали мнѣ; я постараюсь выполнить свой долгъ такъ, чтобы вы могли порадоваться на вашъ выборъ.

Во время празднества она кушала съ большимъ аппетитомъ и была очень весела, затѣмъ сказала:

— Милая кумушка, наша прямая обязанность—заботиться о дѣтяхъ; вы должны хорошенько сами питаться, чтобы и вашъ волченокъ набрался силы. Знаю я одинъ овечiй хлѣвъ, гдѣ мы легко можемъ раздобыть вамъ лакомый кусочекъ.

Волчицѣ пришлась по душѣ эта слащавая пѣсенка, вотъ и отправилась она съ лисицей къ крестьянской усадебкѣ. Издали показала лисица ей на овечiй хлѣвъ и сказала:

— Туда вы можете забраться, никѣмъ незамѣченная; а я той порою съ другой стороны пошукаю,—можетъ статься, сцапаю гдѣ-нибудь курочку.

Но сама лисица туда не пошла, а залегла на опушкѣ лѣса, вытянула лапы и предалась отдохновенію.

Волчица забралась въ овчарню, а тамъ лежала собака, которая подняла такой гвалтъ, что сбѣжались крестьяне, застали госпожу кумушку и облили ее негашеной известью.

Насилу-то вырвалась она и поплелась во-свояси, а лисица лежитъ себѣ, полеживаетъ, съ виду жалости достойна, и все плачется:

— Ахъ, милая госпожа кумушка, ужъ и горько же мнѣ пришлось! Напали на меня мужики, всѣ ноги перешибли, и ежели вы не хотите, чтобы я здѣсь осталась лежать на погибель, снесите меня къ себѣ.

А волчица и сама-то еле могла двигаться — тихонько да легонько, но все-же она очень безпокоилась о лисицѣ, взвалила ее на спину и тихонько понесла къ себѣ домой совершенно здоровую и невредимую кумушку. А ужъ дома лисица и крикнула ей:

— Будьте здоровы, госпожа кума, дожидайтесь своего жаркого!..—громко засмѣялась надъ нею, а сама и была такова.

Лисица и котъ.

Случилось такъ, что котъ повстрѣчалъ госпожу лисицу въ лѣсу. „О, она умница-разумница,—подумалъ онъ, — она видала виды на своемъ вѣку!“—и привѣтливо обратился къ ней:

— Добрый день, милѣйшая госпожа лисица! Какъ живете-можете? Какъ перебиваетесь во время такой дороговизны?..

Лисица съ гордостью смѣрила кота съ головы до ногъ и долго не рѣшалась отвѣтить ему ни „да“, ни „нѣтъ“. Наконецъ, она сказала:

— Ахъ, ты, горемычный бородомыльщикъ!.. Ахъ, ты, шутъ полосатый, ты, голодай и мышиный вояка! Что тебѣ въ башку взбрело спрашивать меня, какъ я себя чувствую? Какъ ты смѣешь? Да ты чему учился? Какія ты искусства произошелъ?

— Я знаю, но зато хорошо свое искусство,—учтиво отвѣтилъ котъ.

— Что же это такое за искусство?—спросила лисица.

А вотъ ежели собаки за мною погонятся, такъ я могу вскарабкаться на любое дерево и спасти свою шкуру.

— Только и всего?—спросила лисица.—Ну, а я знаю сотни разныхъ увертокъ, да еще въ запасѣ у меня цѣлый мѣшокъ всякихъ хитростей. Впрочемъ, ты внушаешь мнѣ жалость; хочешь, я тебя научу, какъ убѣгать отъ собакъ.

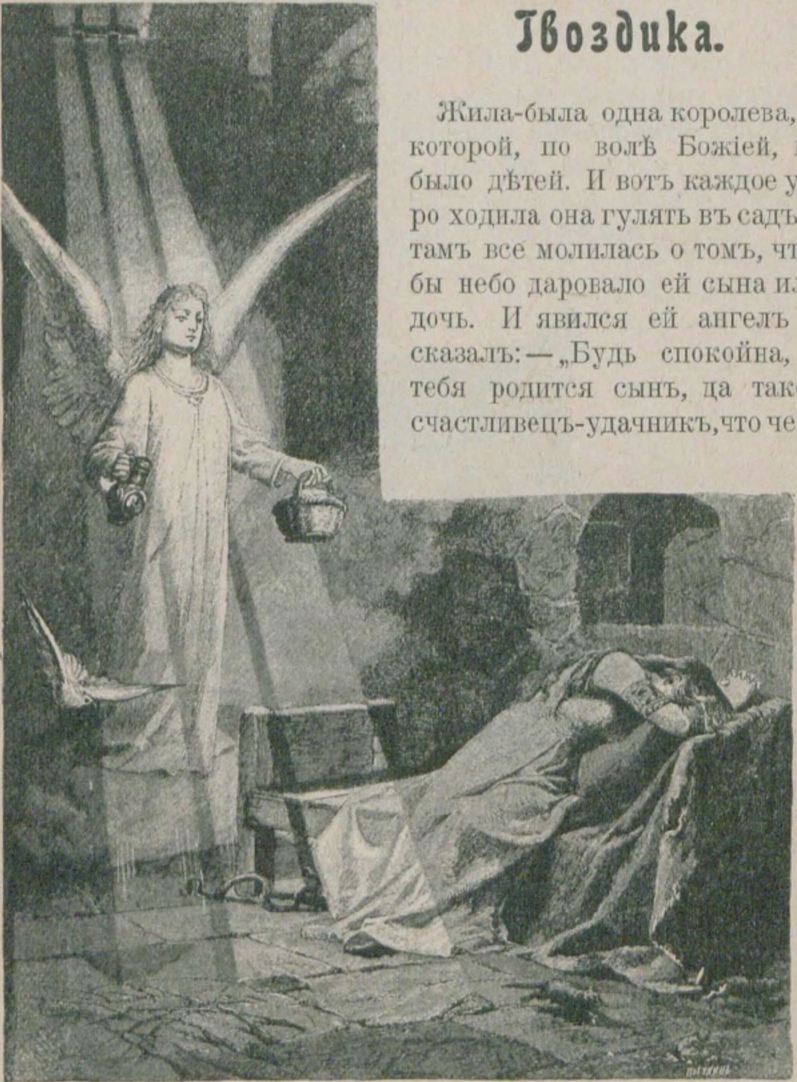
Въ это время вдругъ показался охотникъ, а съ нимъ четыре собаки. Котъ живо скакнулъ на дерево и усѣлся на самую макушку, гдѣ сучья совершенно закрывали его.

— Развяжите же свой мѣшокъ, госпожа лисица, — свой мѣшокъ хитростей!—закричалъ котъ лисицѣ, но собаки уже схватили ее и крѣпко стиснули зубами.

— Эге, сударыня лисица!..—крикнулъ котъ.—Вы со своей сотней увертокъ попались-таки!.. Кабы умѣли вы карабкаться такъ, какъ я, вы бы не поплатились своею жизнью!..

Гвоздика.

Жила-была одна королева, у которой, по волѣ Божіей, не было дѣтей. И вотъ каждое утро ходила она гулять въ садъ и тамъ все молилась о томъ, чтобы небо даровало ей сына или дочь. И явился ей ангелъ и сказалъ: — „Будь спокойна, у тебя родится сынъ, да такой счастливецъ-удачникъ, что чего



только онъ ни пожелаетъ на землѣ, то и получитъ". Пошла королева къ королю и передала ему радостную вѣсть; а когда родился у нихъ сынъ, радости короля границъ не было.

Каждое утро ходила королева съ своимъ ребенкомъ въ садъ, гдѣ былъ звѣринецъ, и тамъ умывалась у свѣтлаго родника. И случилось однажды вотъ что: когда уже мальчикъ подросъ, лежалъ онъ разъ у нея на колѣняхъ, а она внезапно задремала.

И подкрался тутъ старый поваръ, который зналъ, что ребенокъ обладалъ даромъ получать все, чего только ни захочетъ, и унесъ его; потомъ закололъ курицу и окропилъ кровью фартукъ и платье королевы. Ребенка онъ скрылъ въ потайномъ мѣстѣ, а самъ бросился къ королю и оклеветалъ королеву въ томъ, что она бросила ребенка звѣрямъ на растерзаніе. И когда король увидѣлъ кровь на платьѣ королевы, онъ повѣрилъ наговорамъ и въ гнѣвѣ приказалъ построить подземную тюрьму, куда свѣтъ не проникалъ, бросилъ туда королеву и замуровалъ ее, осудивъ ее на медленную голодную смерть. Но дважды въ день къ королевѣ являлись, подъ видомъ голубей, двѣ добрыя феи, которыя приносили ей пищу въ теченіе семи лѣтъ.

Между тѣмъ поваръ какъ-то раздумался о своемъ поступкѣ: „Всѣ желанія ребенка исполняются; я живу вдали отъ него. Конечно, онъ можетъ накликать на мою голову какое-нибудь несчастье".

Вотъ и ушелъ онъ къ королевичу, который значительно выросъ и уже чисто говорилъ.

— Послушай,—сказалъ онъ мальчику,—выскажи желаніе имѣть богатый замокъ...

И едва только ребенокъ произнесъ это желаніе, какъ оно мгновенно исполнилось. Нѣсколько времени спустя поваръ и говоритъ:

— Не хорошо, что ты живешь въ одиночествѣ; пожелай, чтобы въ замкѣ явилась прекрасная дѣвушка.

Королевичъ высказалъ это желанiе, — и тотчасъ же дѣвушка явилась къ нему, и такая прекрасная собою, что ни одинъ художникъ не могъ бы нарисовать подобной. Ну, вотъ и стали они играть вмѣстѣ и нѣжно полюбили одинъ другого. А старикъ-поваръ между тѣмъ жилъ по-барски, ходилъ на охоту, совсѣмъ какъ знатный человѣкъ. И вотъ вспало ему на мысль, что когда-нибудь королевичъ можетъ пожелать снова очутиться у своего отца и тѣмъ накличетъ на него большую бѣду. Вотъ онъ какъ-то и говоритъ тайкомъ дѣвушкѣ:

— Нынче ночью, когда мальчикъ заснетъ, ты вонзи ему въ сердце ножъ, и затѣмъ принеси мнѣ его сердце и языкъ, а ежели ты не сдѣлаешь этого, то сама лишишься жизни.

Но она ослушалась его приказанiя, и когда онъ явился къ ней, она сказала:

— За что я стану проливать безвинную кровь мальчика, который никому не дѣлаетъ зла?

Поваръ снова сказалъ:

— Ежели ты этого не сдѣлаешь,—я убью тебя.

Вотъ когда онъ ушелъ, она велѣла убить молоденькую лань, вынула у нея сердце и языкъ, положила ихъ на тарелку, и когда завидѣла входящаго старика, то сказала мальчику:

— Ложись въ постель и закройся одѣяломъ съ головой.

Тутъ вошелъ самъ злодѣй и спросилъ:

— Ну, гдѣ сердце и языкъ мальчика?

Дѣвочка протянула ему тарелку, но королевичъ вдругъ сбросилъ съ себя одѣяло и крикнулъ:

— Ахъ, ты, старый грѣшникъ! За что ты хотѣлъ убить меня? Теперь участь твоя рѣшена. Ты станешь чернымъ пуделемъ, у тебя на шеѣ будетъ золотая цѣпочка, и будешь ты глотать раскаленные уголья, такъ что пламя станетъ вырываться у тебя изъ пасти.

И едва произнесъ онъ это, старикъ превратился въ пуделя съ золотой цѣпочкой на шеѣ, и другіе повара принесли ему пылающіе уголья, которые онъ пожиралъ, такъ что пламя вырывалось у него изъ пасти.

Ну, вотъ послѣ того королевичъ оставался тамъ недолго; онъ все думалъ о своей матери и о томъ, жива ли еще она теперь. Наконецъ, онъ какъ-то сказалъ дѣвушкѣ:

— Хочется мнѣ домой, на родину; хочешь идти со мною?

— Ахъ, — отвѣчала она, — дорога туда такъ далека, да и что я стану дѣлать въ совершенно чуждой мнѣ странѣ?

Такъ какъ она, значитъ, не вполнѣ желала отправиться въ путь, а разставаться имъ другъ съ другомъ тоже не хотѣлось, то онъ превратилъ ее въ чудную гвоздику и прикололъ себѣ къ платью и затѣмъ отправился въ путь-дорогу, а пудель бѣжалъ за нимъ слѣдомъ; и пришелъ королевичъ въ родную страну и подошелъ къ тюрьмѣ, гдѣ томилась его мать, а такъ какъ тюрьма была высокая-высокая, то онъ пожелалъ имѣть подъ руками лѣстницу, которая доставала до самаго верха тюрьмы. По ней онъ поднялся наверхъ и крикнулъ:

— Матушка, ненаглядная, госпожа королева, живы ли вы?

— Я только-что обѣдала и сыта совершенно, — отвѣчала бѣдная узница, думая, что это духи спрашиваютъ ее.

— Это я, вашъ любимый сынъ, котораго будто бы звѣри растерзали, но я еще живъ и скоро спасу васъ.

Спустился онъ внизъ, отправился къ отцу и велѣлъ ему доложить о себѣ, какъ о чудномъ егерѣ, который ищетъ себѣ мѣста. Король отвѣчалъ, что если онъ прошелъ охотничью науку и можетъ стрѣлять дичь, то получитъ мѣсто. А въ той мѣстности до границы и въ смежныхъ земляхъ отродясь никакой дичи не водилось. И пообѣщалъ королю егерь, что онъ ему будетъ доставлять столько дичи, сколько потребуется къ столу.

Затѣмъ юноша собралъ всю королевскую охоту и велѣлъ слѣдовать за нимъ въ лѣсъ. Тронулись они въ путь, а въ лѣсу онъ велѣлъ имъ образовать большой кругъ, такъ чтобы въ одномъ мѣстѣ былъ проходъ; въ срединѣ круга помѣстился онъ самъ, и стоило ему высказать свое желанiе, какъ тотчасъ же примчались и вбѣжали въ средину круга двѣсти головъ разной дичины, и егерямъ оставалось только стрѣлять по нимъ. Затѣмъ всю добычу сложили на шестьдесятъ телѣгъ и отправили домой къ королю, и вотъ король, наконецъ-то, увидѣлъ у себя на столѣ дичь, которой уже много лѣтъ онъ и не пробовалъ.

Онъ очень обрадовался и отдалъ приказанiе, чтобы на другой день весь придворный штатъ пожаловалъ къ нему отобѣдать, такъ какъ онъ устраиваетъ большой званый пиръ. Вотъ когда гости собрались, король и сказалъ своему егерю:

— Ты такой искусникъ, что долженъ сѣсть рядомъ со мною.

— Ваше величество слишкомъ милостивы, — отвѣчалъ тотъ;—я, вѣдь, только самый обыкновенный ловчiй...

Но король настоялъ на своемъ и сказалъ:

— Ты долженъ сѣсть рядомъ со мною

И егерь уступилъ королю. И за столомъ вспомнилась ему вдругъ милая мать, и пожелалъ онъ, чтобы кто-нибудь изъ ближайшихъ придворныхъ короля затѣялъ разговоръ о ней и сталъ бы спрашивать у короля, каково живется королевѣ въ тюрьмѣ. И дѣйствительно, одинъ маршалъ тотчасъ же завелъ о томъ рѣчь:

— Ваше королевское величество, мы вотъ здѣсь веселимся да тѣшимся, а каково живется королевѣ въ тюрьмѣ. Жива ли она еще, или уже погибла отъ истощенiя силъ?

На то король отвѣтилъ:

— Она предала на растерзаніе дикимъ звѣрямъ моего милаго сына, и я слышать ничего о ней не хочу.

И тогда поднялся внезапно егерь и сказалъ:

— Всемилостивѣйшій государь-батюшка, она жива еще, а я—сынъ ея, и дикіе звѣри вовсе не уносили меня, но это сдѣлалъ злодѣй старый поваръ, который укралъ меня съ колѣнъ королевы, когда она дремала, и окропилъ ея фартукъ пѣтушьей кровью.

И взялъ онъ затѣмъ собаку съ золотымъ ошейникомъ и сказалъ:

— Вотъ онъ, тотъ злодѣй! — и приказалъ принести ему пылающихъ углей, и пудель на глазахъ у всѣхъ сталъ глотать ихъ, такъ что пламя изъ его пасти заполыхало. Затѣмъ егерь спросилъ короля, не хочетъ ли онъ видѣть повара въ его прежнемъ видѣ, и превратилъ собаку въ повара, и тотчасъ же тотъ предсталъ передъ ними въ бѣломъ фартукѣ, съ ножомъ сбоку.

Въ ярость пришелъ король, завидѣвъ его, и приказалъ бросить его въ темницу. А юноша-егерь продолжалъ:

— Государь-батюшка, можетъ, вы хотите видѣть ту дѣвушку, которая такъ нѣжно воспитала меня, которая должна была лишить меня жизни, но не сдѣлала этого, хотя могла поплатиться за то своею жизнью?

— Да, я очень хочу видѣть ее,—отвѣчалъ король.

— Всемилостивѣйшій государь-батюшка, я ее покажу вамъ въ видѣ прекраснаго цвѣтка, — сказалъ онъ, досталъ гвоздику и положилъ ее на королевскій столъ; она была такая красивая, что король и не видывалъ подобной. А затѣмъ королевичъ обратилъ ее въ молодую дѣвушку, прекрасную собой.

Король немедленно послалъ въ тюрьму двухъ камеристокъ и двухъ слугъ, которые должны были вывести оттуда королеву и привести къ столу. Но когда они усадили ее за столъ, королева ничего не стала ѣсть и сказала только:

— Милосердный Господь, Который поддерживалъ мое существованіе въ тюрьмѣ, освободитъ меня теперь.

И послѣ того она жила еще три дня и затѣмъ тихо умерла; а когда ее хоронили, за нею неотступно слѣдовали два голубя, которые приносили ей въ темницу пищу, — это были добрые духи; они опустились на ея могилу...

Король приказалъ разорвать повара на четыре части; но тоска овладѣла его сердцемъ, и вскорѣ онъ умеръ самъ. А сынъ женился на прекрасной молодой дѣвушкѣ, которую онъ принесъ въ карманѣ подъ видомъ цвѣтка, — а живутъ ли они по сейчасъ, это одному Богу вѣдомо.

Умница Гретель.

Жила-была кухарка Гретель, модница; сапожки она носила съ красными каблуками, и когда выходила изъ дому, то кружилась на нихъ во всѣ стороны и была очень довольна собой и думала: „Ахъ, какая я красавица!“ И когда она затѣмъ возвращалась домой, то на радостяхъ выпивала глотокъ вина, а такъ какъ отъ вина возбуждался аппетитъ, то понемножку отвѣдывала ото всѣхъ кушаній, которыя готовила, пока не наѣдалась досыта, и утѣшала себя тѣмъ, что: „Кухарка-де должна знать, хорошо ли кушанье на вкусъ“.

Вотъ однажды хозяинъ и сказалъ ей:

— Гретель, нынче вечеромъ ко мнѣ придетъ гость, зажарь-ка намъ парочку куръ, да получше!..

— Изготовлю, сударь,—отвѣтила Гретель.

Ну, вотъ заколола она куръ, ошпарила ихъ, потомъ ощипала, наткнула на вертелъ и поставила ихъ жариться.

Стали куры поджариваться, зарумяниваться, а гостя все нѣтъ, какъ нѣтъ. Гретель и говоритъ хозяину:

— Хоть гостя еще нѣтъ, а куръ надо снять съ огня, хоть и жаль, что вы ихъ не сейчасъ будете кушать; онѣ сейчасъ вкусныя да сочныя!..

— А вотъ я сейчасъ сбѣгаю и приведу гостя, — сказалъ хозяинъ.

Хозяинъ ушелъ, а Гретель отложила вертелъ съ курами въ сторону и подумала: „Вотъ какъ постоишь долго передъ огнемъ, такъ потъ прошибетъ и жажда донимаетъ. И кто ихъ знаетъ, когда они придутъ. Я еще успѣю сбѣгать на погребъ и хлебнуть глоточекъ винца“... Бросилась внизъ, нацѣдила кружку и говоритъ:

— Ну-ка, благословясь, Гретель! — и хлопнула. — Одинъ глотокъ вина тащитъ за собой другой, — продолжала она, — да и неладно обрывать дѣло на полдорогѣ, — и еще глотнула порядочно.

Потомъ она отправилась наверхъ, поставила снова куръ надъ огнемъ, обмазала ихъ масломъ и стала весело повертывать вертелъ. А такъ какъ жаркое пахло очень вкусно, Гретель и подумала: «Можетъ, въ кушаньѣ чего-нибудь не хватаетъ, попробовать-то мнѣ слѣдуетъ»... — тронула ихъ пальцемъ и сказала:

— Эхъ, и хороши же куры!.. Грѣхъ и стыдъ, что ихъ не сейчасъ подавать кушать!

— И подбѣжала она къ окну посмотрѣть, не идетъ ли хозяинъ съ гостемъ, но никого не увидѣла; подошла она снова къ курамъ и подумала: «Все равно одно крылышко сгоритъ, такъ ужъ лучше я его съѣмъ»... Вотъ и обрѣзала она его и съѣла, и крылышко пришлось ей по вкусу, а когда она покончила съ нимъ, то снова подумала: „И другое крылышко надо съѣсть, иначе хозяинъ замѣтитъ что чего-то не хватаетъ“... Скушала она оба крылышка, снова подошла и выглянула въ окно, не идутъ ли, дескать; но никого не замѣтила. „Кто ихъ тамъ знаетъ, — пришло ей на мысль, — можетъ статься, они и вовсе не придутъ, можетъ, они завернули куда-нибудь“. И сказала она про себя: «Эхъ, Гретель, ужъ потѣшь себя; одна курочка почата, хлебнемъ-ка еще немного и скушаемъ курочку вчистую; я тогда, по крайней мѣрѣ, успокоюсь; къ чему Божьему дару зря пропадать?»... Такимъ образомъ, сбѣгала она еще разокъ въ погребъ, знатно выпила и скушала всю курочку въ полное свое удовольствіе. Вотъ когда одна курочка была прибрана, а хозяинъ все еще не возвращался,—посмотрѣла Гретель на другую и говоритъ: — «Гдѣ одна, тамъ и другой мѣсто, вдвоемъ-то куда веселѣе; что тебѣ мило, то и мнѣ дорого; мнѣ кажется, ежели я еще хлебну малую толику, то это мнѣ не повредитъ»...—Вотъ она отважно хлебнула еще и отправила вторую курочку слѣдомъ за первою. Въ самомъ разгарѣ ея трапезы вошелъ вдругъ хозяинъ и крикнулъ:

— Живѣе, Гретель! Гость сейчасъ идетъ слѣдомъ!

— Слушаю, сударь, все будетъ готово! — отвѣтила Гретель.

А хозяинъ тѣмъ временемъ осмотрѣлъ, хорошо ли накрытъ столъ, взялъ большой ножикъ, которымъ намѣревался разрѣзать куръ и сталъ оттачивать его на-ходу. Тою порою подошелъ гость и постучалъ скромненько да вѣжливенько у парадной двери. Гретель побѣжала, посмотрѣла, кто это такой, и какъ только замѣтила приглашеннаго гостя, то приложила палецъ къ губамъ и шепнула ему:

— Тсс... тише! Тише!.. Убирайтесь во-свояси, какъ можно скорѣе; ежели только вы попадетесь хозяину, — бѣда вамъ будетъ. Онъ васъ хоть и пригласилъ къ ужину, но онъ намѣревается отчекрыжить вамъ уши... Послушайте сами, какъ онъ для этого ножикъ точитъ.

Услышалъ гость, что, дѣйствительно, точатъ ножъ, да и бросился второпяхъ со ступенекъ внизъ со всѣхъ ногъ, какъ только могъ... А Гретель бросилась къ хозяину съ воплями и крикнула:

— Ну, славнаго же вы гостя пригласили!..

— А что, Гретель? Что ты хочешь этимъ сказать?

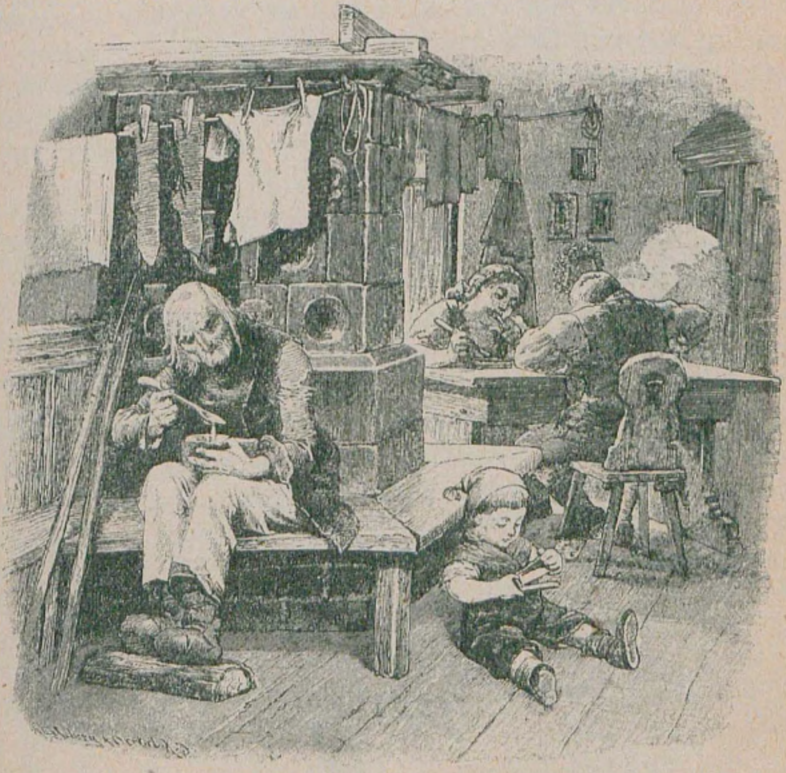
— Да онъ ухватилъ обѣихъ курицъ съ блюда, которыхъ я только-только подать хотѣла, да съ ними и задалъ стрекача!..—сказала она.

— Ну, деликатная же манера! — промолвилъ хозяинъ, и жалко стало ему чудныхъ курицъ. — Да кабы онъ еще, по крайней мѣрѣ, хоть одну мнѣ оставилъ, хоть бы что-нибудь мнѣ закусить было...

И крикнулъ онъ вслѣдъ гостю, чтобы тотъ подождалъ его; но гость сдѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ... И бросился онъ тогда за гостемъ слѣдомъ, все еще съ ножомъ въ рукахъ, и все кричалъ:

— Только одну штуку, только одну штуку!—думая, что гость броситъ ему одну курицу; а гость думалъ, что онъ хочетъ ему уши отрѣзать, и бѣжалъ, словно земля подъ нимъ горѣла, чтобы спасти себѣ оба уха.

Старый дѣдушка и внукъ.



Жилъ однажды вовсе древній старикъ, у котораго и глаза плохо видѣли, и уши не слышали, и ноги дрожмя-дрожали. Сидя за столомъ, онъ съ трудомъ держалъ свою ложку и расплескивалъ на скатерть хлебово; кромѣ того, онъ ѣлъ неопрятно, и кушанье текло у него изо рта. И непріятно было смотрѣть на него сыну и его женѣ; вотъ и отвели старому дѣдушкѣ въ концѣ-концовъ мѣсто за печкой, и ѣду ему давали въ глиняной мискѣ, да къ тому же держали его впроголодь; порою старикъ печально посматривалъ на обѣденный столъ, и глаза его были влажны отъ слезъ. А то какъ-то разъ его трясущіеся пальцы не удержали мисочки, и она грохнулась на полъ и разбилась.

Стала молодая невѣстка бранить его да выговаривать, а онъ ни слова не сказалъ, только вздохнулъ.

И купила она ему тогда деревянную чашку за два гроша; изъ нея-то онъ и долженъ былъ ѣсть.

Вотъ сидѣли они однажды за столомъ, а внукъ старика, мальчикъ лѣтъ четырехъ, сидя на полу, все складывалъ вмѣстѣ маленькія дощечки.

-- Что это ты мастеришь?—спросилъ его отецъ.

— Дѣлаю я корытце,—отвѣтилъ ребенокъ;—изъ него стану я кормить батюшку да матушку, когда они состарѣются...

Посмотрѣли мужъ и жена другъ на друга и прослезились оба, а потомъ усадили стараго дѣдушку къ столу и съ тѣхъ поръ сажали его ѣсть вмѣстѣ съ ними и слова не говорили, когда невзначай онъ расплескивалъ хлебово, и оно текло у него изо рта...

Русалка.

Играли разъ братецъ и сестрица около ручья и во время игры оба упали въ воду. А подъ водою была русалка, которая сказала имъ:

— Наконецъ-то, я васъ заполучила; ну, теперь извольте работать на меня!..—и увела ихъ съ собою.

Дѣвочкѣ дала она прясть перепутанный, нечистый ленъ да велѣла воду таскать въ бездонную бочку, а мальчику велѣла рубить дрова тупымъ топоромъ и ничего имъ на ѣду не давала, кромѣ твердыхъ, какъ камень, клецокъ. Вотъ въ концѣ-концовъ дѣти вышли изъ терпѣнія; дождались они, когда русалка отправилась въ гости, да и задали тягу. Вотъ какъ вернулась русалка домой, видитъ, птенчики-то ея улетѣли, и пустилась за ними вдогонку...

Еще издали замѣтили ее дѣти, и бросила дѣвочка позади себя щетку, и образовалась громадная, щетинистая гора, съ тысячами тысячъ острыхъ скалъ, черезъ которыя русалка еле-еле перебралась съ большимъ трудомъ. Какъ увидѣли это дѣти, бросилъ мальчикъ позади себя гребенку, и поднялись гребни горъ съ тысячами тысячъ зубцовъ, но русалка ухитрилась пролѣзть между этими зубцами и въ концѣ-концовъ перебралась черезъ нихъ. И бросила тогда дѣвочка позади себя зеркало, и оно превратилось въ зеркальную гору, которая была такая гладкая, что невозможно было переползти черезъ нее.

Тогда русалка подумала: „Семь-ка я живо сбѣгаю домой да принесу мой топоръ и расколю зеркальную гору надвое“.

Но пока она обернула назадъ и расколола зеркало, дѣти убѣжали довольно далеко, и русалка должна была убраться во-свояси, снова въ свой ручей.

Смерть курочки.

Однажды курочка съ пѣтушкомъ отправились на гору, поросшую орѣшникомъ, и при этомъ уговорились между собою, что кто-де найдетъ орѣховое ядро, тотъ долженъ подѣлиться съ другимъ. Ну, вотъ отыскала курочка большой-большой орѣхъ, да только о находкѣ ни гу-гу не сказала, а хотѣла скушать его одна. Но ядро было такъ велико, что курочка проглотить его не могла, и оно застряло у нея въ горлѣ,—того и гляди, вотъ-вотъ сейчасъ задохнется. Завопила тутъ курочка:

— Пѣтушокъ, умоляю тебя, сбѣгай поскорѣе, принеси мнѣ воды, а то я задохнусь!..

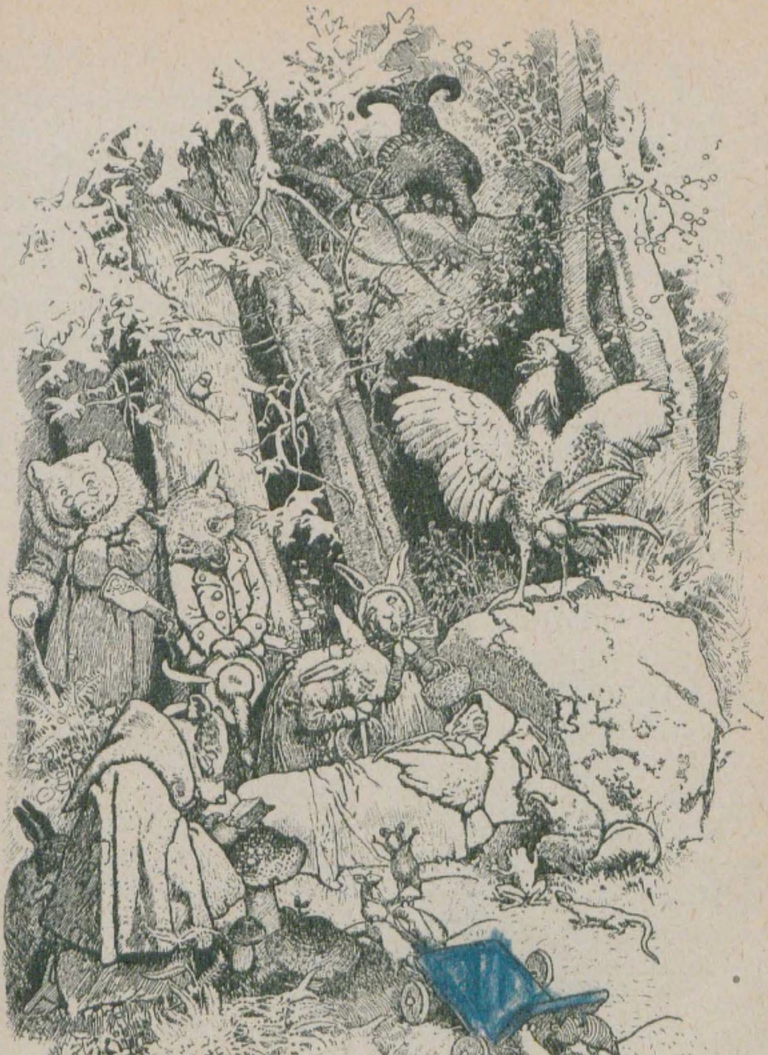
Побѣжалъ пѣтушокъ къ ручейку со всѣхъ ногъ, какъ только могъ, и говоритъ.

— Ручеекъ, дай мнѣ водицы; курочка лежитъ на орѣшневой горѣ; проглотила она большой орѣхъ и подавилась, того и гляди, задохнется!..

— Прежде сбѣгай къ невѣстѣ, — отвѣчалъ ручеекъ,—и попроси, чтобы она дала тебѣ краснаго шелку...

Бросился пѣтушокъ къ невѣстѣ.

— Навѣста, дай краснаго шелку; я отдамъ красный шелкъ ручейку, ручеекъ дастъ мнѣ водицы, а водицу я снесу курочкѣ, которая лежитъ на орѣшневой горѣ; проглотила она, вишь ты, слишкомъ большое орѣховое ядро, подавилась имъ и теперь вотъ-вотъ задохнется...



Невѣста отвѣчала:

— А ты мнѣ прежде принеси вѣнокъ, который остался висѣть на ивѣ.

Вотъ бросился пѣтушокъ къ ивѣ, принесъ невѣстѣ вѣнокъ, а невѣста дала ему за то краснаго шелку, который пѣтушокъ отнесъ ручейку, который за то далъ ему воды. Вотъ и понесъ пѣтушокъ воду курочкѣ, но курочка уже задохнулась и лежала мертвая, не двигаясь. Опечалился пѣтушокъ и громко-громко заплакалъ. И собрались всѣ звѣри, стали оплакивать курочку, а шесть мышекъ устроили маленькую повозочку, чтобы на ней везти курочку хоронить, а когда повозка была готова, запряглись въ нее и тронулись въ путь. Да повстрѣчалась вдругъ имъ лисица.

— Куда это ты торопишься, пѣтушокъ?

— Хочу курочку похоронить.

— Могу я съ вами поѣхать?

Садись, пожалуй, на запятки,
А то не вынесутъ мои лошадки.

Ну, вотъ и усѣлась лисица въ повозочкѣ, а за нею— волкъ, медвѣдь, олень, левъ и всѣ звѣри со всего лѣса. Такъ вся процессія и подвигалась полегоньку впередъ, и подъѣхали они, наконецъ, къ самому ручью.

— Какъ же намъ переправиться?—сказалъ пѣтушокъ.

А около ручья лежала соломинка, которая сказала:

— Я готова перекинуться поперекъ ручья, такъ что вы можете переѣхать по мнѣ.

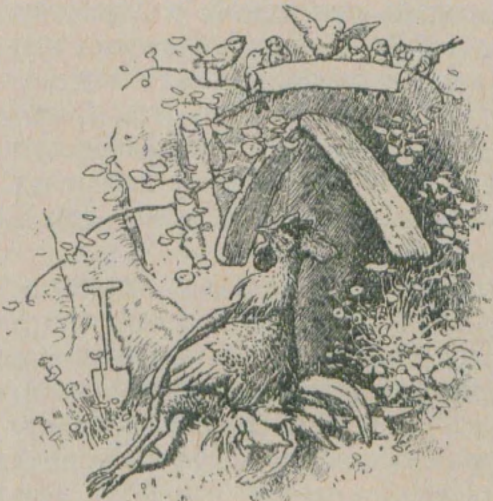
Но только-что мыши взбѣжали на мостъ, соломинка подломилась и — бултыхъ въ воду, и шестерка мышей повалилась туда же и захлебнулась. Опять новая бѣда.

Тогда подошла къ нимъ головешка и сказала:

— Я достаточно велика и, пожалуй, перекинусь черезъ ручей; поѣзжайте по мнѣ...

Головешка легла черезъ воду, да, по несчастью, слегка окунулась въ воду, зашипѣла, потухла и приказала долго жить. Какъ увидѣлъ это камешекъ, сжалился онъ и рѣшилъ помочь пѣтушку и легъ поперекъ ручья. Поволокъ тутъ пѣтушокъ повозочку самъ черезъ ручей; перебрался онъ на другой берегъ съ своей курочкой, хотѣлъ, было, вытащить на берегъ другихъ гостей, которые сидѣли на задкѣ повозки, но ихъ было такъ много, что повозочка покатилась назадъ, и всѣ они свалились въ воду и утонули.

И остался пѣтушокъ одинъ съ мертвою курочкой; вырылъ онъ ей могилу, уложилъ ее и насыпалъ надъ нею бугорокъ, а поверхъ него самъ усѣлся и все горевалъ, все убивался до тѣхъ поръ, пока не умеръ самъ. И, значитъ, никого больше въ живыхъ не осталось.



Братъ-Балагуръ.

Послѣ одной кровопролитной войны многіе солдаты получили отставку. Получилъ отставку и Братъ-Балагуръ, а сверхъ того—только маленькій казенный хлѣбецъ и четыре крейцера*) жалованья, и съ этимъ онъ пустился въ путь-дорогу, куда глаза глядятъ.

А между тѣмъ нѣкій старый чародѣй, подъ видомъ убогаго нищаго, сидѣлъ при дорогѣ, по которой солдату путь лежалъ, и когда Братъ-Балагуръ поровнялся съ нимъ, сталъ онъ просить его о подаяніи. Братъ-Балагуръ отвѣчалъ:

— Милый нищій, что мнѣ тебѣ дать? Былъ я солдатомъ, получилъ отставку, и дали мнѣ всего-на-всего маленькій казенный хлѣбецъ да четыре крейцера жалованья; я и самъ-то долженъ просить милостыню, не плоше тебя. Но кое-что я тебѣ все-таки дамъ.

И раздѣлилъ онъ затѣмъ хлѣбецъ на четыре части и далъ нищему одну частичку да въ придачу еще крейцеръ. Поблагодарилъ его чародѣй, а самъ забѣжалъ впередъ и сѣлъ, подъ видомъ другого нищаго, на пути солдата, и когда тотъ приблизился къ нему, сталъ просить его снова о подаяніи. Братъ-Балагуръ сказалъ ему то же, что и прежде, далъ ему опять четверть хлѣбца и одинъ крейцеръ; чародѣй поблагодарилъ его и забѣжалъ еще впередъ, сѣлъ при дорогѣ въ третій разъ, подъ видомъ иного нищаго, и снова заговорилъ съ Братомъ-Балагуромъ. Братъ-Балагуръ далъ ему третій кусочекъ хлѣба и третій крейцеръ; чародѣй поблагодарилъ его, а Братъ-Балагуръ пошелъ своимъ путемъ дальше, и теперь у него остались только кусочекъ хлѣба да одинъ крейцеръ. Съ этимъ зашелъ онъ въ гостиницу, съѣлъ кусокъ хлѣба, а на крейцеръ приказалъ подать пива.

---

*) Крейцеръ — мелкая монета въ Южной Германіи, около копейки.

Когда онъ покончилъ съ ѣдой, то тронулся дальше, и вотъ повстрѣчался ему снова чародѣй, подъ видомъ солдата, получившаго отставку, и заговорилъ съ нимъ:

— Добрый день, товарищъ. Не можешь ли ты мнѣ одолжить кусочка хлѣба да одинъ крейцеръ на пиво?

— Откуда же мнѣ взять-то?—отвѣтилъ Братъ-Балагуръ.— Я получилъ при отставкѣ только одинъ казенный хлѣбецъ да четыре крейцера денегъ. Трое нищихъ повстрѣчались мнѣ на большой дорогѣ, и каждому изъ нихъ я подалъ по куску хлѣба да по крейцеру. А четвертый кусокъ хлѣба съѣлъ въ гостиницѣ самъ и при этомъ выпилъ пива на послѣдній крейцеръ. Пусто у меня теперь, и ежели у тебя не больше моего, то мы можемъ съ тобою отправиться просить милостыню.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ чародѣй,—этого какъ-разъ намъ не придется дѣлать; я кое-что смыслю въ лѣченіи и этимъ всегда заработаю столько, сколько мнѣ потребуется.

— Да?..—сказалъ Братъ-Балагуръ.—Ну, я въ этомъ ничего не смыслю, значитъ, и пойду побираться одинъ.

— Да пойдемъ вмѣстѣ,—сказалъ чародѣй.—Ежели я что-нибудь заработаю, то ты получишь половину.

— Это мнѣ нравится,—сказалъ Братъ-Балагуръ.

Такимъ образомъ и пошли они вмѣстѣ путемъ-дорогою.

Приходятъ въ одну крестьянскую избу и слышатъ тамъ страшный плачъ и крикъ; вошли въ избу; оказалось, что тамъ лежалъ при смерти больной человѣкъ, который находился уже при послѣднемъ издыханіи, и жена его причитала и плакала навзрыдъ.

— Перестаньте причитать и плакать, — молвилъ чародѣй; — я вылѣчу вашего мужа... — И вынулъ онъ какую-то мазь изъ кармана и въ одно мгновеніе исцѣлилъ больного, такъ что тотъ поднялся на ноги совершенно здоровый. Страшно обрадовались мужъ съ женою и сказали:

— Чѣмъ намъ вознаградить васъ? Что вамъ дать?

Но чародѣй ничего не хотѣлъ брать у нихъ, и чѣмъ неотступнѣе просили его крестьяне, тѣмъ рѣшительнѣе онъ отказывался ото всего. Но Братъ-Балагуръ вдругъ подтолкнулъ его и сказалъ:

— Да возьми хоть что-нибудь; мы, вѣдь, нуждаемся...

— А крестьянка принесла, наконецъ, ягненка и сказала чародѣю, что онъ непремѣнно долженъ взять его; но тотъ ни за что не хотѣлъ принимать. И снова подтолкнулъ его въ бокъ Братъ-Балагуръ и сказалъ:

— Да бери же его, глупый чортъ,—намъ пригодится!..

Тогда чародѣй, наконецъ, сказалъ:

— Ну, пожалуй, я возьму барашка; но только я самъ его не понесу; коли ты хочешь, такъ неси самъ...

— Ну, да ужъ это не твоя печаль,—сказалъ Братъ-Балагуръ, смѣясь,—я его самъ потащу, — и поднялъ ягненка на плечи.

Ну, вотъ и пошли они оттуда и пришли въ лѣсъ; усталъ Братъ-Балагуръ нести ягненка, да къ тому же и проголодался онъ; вотъ и говоритъ чародѣю:

— Взгляни, какая славная лужайка; мы могли бы здѣсь сварить ягненка да закусить.

— Мнѣ все равно, — отвѣтилъ чародѣй. — Но только я вообще избѣгаю стряпни; коли ты хочешь стряпать, то вотъ тебѣ и котелокъ, а я тѣмъ временемъ, пока ѣда поспѣетъ, поброжу кое-гдѣ по окрестностямъ. Только ты не принимайся за ѣду прежде, чѣмъ я не вернусь; а вернусь я какъ-разъ во-время.

— Ступай, ступай,— сказалъ Братъ-Балагуръ; — я умѣю стряпать не хуже повара, все приготовлю.

Вотъ и ушелъ чародѣй, а Братъ - Балагуръ зарѣзалъ ягненка, развелъ огонь, положилъ мясо въ котелъ и сталъ варить. Ну, вотъ ужъ мясо поспѣло, а чародѣй все еще не возвращался; вынулъ тогда Братъ-Балагуръ мясо изъ котла, разрѣзалъ его и вынулъ сердце.

— Это самое вкусное,—сказалъ онъ и сперва только попробовалъ его, а затѣмъ съѣлъ цѣликомъ.

Пришелъ, наконецъ, чародѣй и сказалъ:

— Ты можешь ѣсть всего ягненка одинъ, а я хочу только одно сердце; дай мнѣ его.

Взялъ тутъ Братъ - Балагуръ ножикъ съ вилкой и сдѣлалъ видъ, что ищетъ его среди кусковъ мяса, но никакъ не можетъ найти; въ концѣ-концовъ онъ коротко сказалъ:

— Никакого сердца нѣтъ...

— Ну, такъ гдѣ же оно?—спросилъ чародѣй.

— Почемъ я знаю,—отвѣтилъ Братъ-Балагуръ.—Да стой, какіе же мы оба простаки: ищемъ сердце у ягненка, а никому и въ голову не взбредетъ, что, вѣдь, у ягненка-то вовсе нѣтъ сердца.

— Э, — молвилъ чародѣй, — это что-то совсѣмъ новое. У каждаго животнаго есть сердце; почему же у ягненка его нѣтъ?

— Понятно, братецъ, у ягненка нѣтъ сердца; подумай только объ этомъ хорошенько, и тебѣ станетъ ясно, что у него сердца, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ чародѣй, — нѣтъ сердца, такъ мнѣ ничего не надо; ты можешь все одинъ кушать.

— То, чего я не съѣмъ, я возьму съ собою въ ранецъ,— сказалъ Братъ-Балагуръ и съѣлъ половину ягненка, а остальное уложилъ въ ранецъ.

Пошли они дальше, и вотъ чародѣй сдѣлалъ такъ, что поперекъ дороги заструился внезапно потокъ, черезъ который имъ нужно было перебраться, и сказалъ чародѣй:

— Ну, иди впередъ!

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Братъ-Балагуръ, — иди передомъ ты,—а самъ подумалъ: „Коли ему вода будетъ глубока, я останусь здѣсь“.

Тогда чародѣй вошелъ въ воду; вода доходила ему до колѣнъ. За нимъ хотѣлъ перебраться черезъ потокъ и Братъ-Балагуръ, но вода становилась ему все глубже да глубже и подступила уже къ самому горлу. И закричалъ онъ тогда:

— Братецъ, помоги мнѣ!

И сказалъ ему чародѣй:

— А сознаешься ты въ томъ, что съѣлъ сердце ягненка?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—я его не ѣлъ.

И поднялась вода еще выше и дошла Брату-Балагуру уже до самаго рта.

— Помоги мнѣ, братъ!—крикнулъ солдатъ.

И еще разъ спросилъ его чародѣй:

— Подтвердишь ли ты, что съѣлъ сердце ягненка?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—я его не ѣлъ.

Жаль было чародѣю, что онъ утонетъ, повелѣлъ водѣ опуститься и помогъ солдату перейти потокъ.

Отправились они дальше и пришли въ нѣкое государство, и услышали они тамъ, что королевская дочь лежитъ больная при смерти.

— Ага, братъ, — сказалъ солдатъ чародѣю, — вотъ она, находка-то наша! Ежели мы ее вылѣчимъ, то будемъ обезпечены съ тобою на вѣчныя времена.

И показалось ему, что чародѣй какъ-будто что-то медлитъ.

— Да ну же, подвигайся, — сказалъ онъ ему, — надо вовремя придти туда.

Но чародѣй шелъ все тише и тише, по мѣрѣ того, какъ Братъ-Балагуръ его подгонялъ и подпихивалъ; и вотъ, наконецъ, услышали они, что королевская дочь умерла.

— Ну, вотъ мы и у праздника, — сказалъ Братъ-Балагуръ, — а все это отъ твоей медлительности.

— Будь спокоенъ, — отвѣтилъ чародѣй, — я могу не только вылѣчивать больныхъ, но и мертвыхъ воскрешать.

— Ну, ежели такъ, — сказалъ Братъ-Балагуръ, — то это мнѣ особенно нравится. Тебѣ за это отвалятъ, по меньшей мѣрѣ, полкоролевства.

И вслѣдъ за тѣмъ отправились они въ королевскій замокъ, гдѣ все было въ глубокомъ траурѣ; но чародѣй сказалъ королю, что онъ возвратилъ жизнь его дочери. И вотъ привели его къ ней, и сказалъ онъ тогда:

— Принесите мнѣ котелъ съ водою... — И когда принесли его, онъ повелѣлъ всѣмъ удалиться, и только Братъ-Балагуръ могъ остаться при немъ. Затѣмъ разрѣзалъ онъ мертвую на части, положилъ въ воду, развелъ огонь подъ котломъ и оставилъ его кипѣть. А когда все тѣло спало съ костей, онъ сталъ вынимать чудныя бѣлыя кости и укладывать ихъ на каменную плиту, уравнивалъ и составлялъ изъ нихъ скелетъ въ его естественномъ порядкѣ. Когда онъ кончилъ съ этимъ, то подошелъ къ ней и повторилъ трижды:

— Заклинаю тебя, мертвая! Встань!..

И при третьемъ возгласѣ поднялась королевская дочь, живая и здоровая.

Обрадовался король страшно и сказалъ чародѣю:

— Требуй себѣ награды; и если даже она будетъ равняться половинѣ моего государства, — я дамъ тебѣ.

Но чародѣй отвѣтилъ:

— Я не требую себѣ за это ничего...

„Охъ, дурачина!“...—подумалъ Братъ-Балагуръ, толкнулъ товарища подъ бокъ и сказалъ:

— Да не будь же такимъ безсребренникомъ; коли ты ничего не хочешь, такъ мнѣ это куда какъ пригодится!..

Но чародѣй ничего не хотѣлъ брать; однако, король, видя, что другой товарищъ желаетъ чего-то, приказалъ своему казначею набить золотомъ его ранецъ.

Тронулись они дальше, и когда пришли въ лѣсъ, чародѣй обратился къ Братцу-Балагуру и сказалъ:

— Теперь давай дѣлить золото.

— Хорошо,—отвѣтилъ тотъ,—давай примемся за это.

И вотъ раздѣлилъ чародѣй золото, да раздѣлилъ-то его на три части. Братъ-Балагуръ и подумалъ: „Какія еще тамъ у него соображенія въ головѣ? Дѣлитъ на три части, а насъ двое“... А чародѣй сказалъ:

— Ну, вотъ я раздѣлилъ правильно: одна часть — мнѣ, одна часть — тебѣ и одна часть — тому, кто съѣлъ сердце ягненка.

— Это я его съѣлъ!—выпалилъ Братъ-Балагуръ и быстро сгребъ себѣ золото.—Ужъ ты повѣрь мнѣ!

— Да какъ же это можетъ быть?—сказалъ чародѣй.—Вѣдь у ягненка нѣтъ сердца.

— Ну, вотъ, какъ же это можетъ быть? У ягненка тоже есть сердце, какъ и у каждаго животнаго; почему-жъ бы такое у него вдругъ сердца не было?

— Ну, да хорошо,—сказалъ чародѣй,—бери свое золото, но я больше съ тобой не знаюсь и пойду своей дорогой одинъ.

— Какъ хочешь, братецъ...—отвѣтилъ солдатъ.—Будь здоровъ.

И пошелъ тогда чародѣй совсѣмъ другой дорогой, а Братъ-Балагуръ подумалъ: „А, вѣдь, это хорошо, что онъ отъ меня уходитъ; это вообще какой-то странный человѣкъ“.

Хоть и много было денегъ у Брата-Балагура, но онъ не зналъ, какъ съ ними обращаться, живо растратилъ ихъ, разорился, и, немного спустя, у него опять ничего не было. Вотъ и пришелъ онъ въ одну страну и вдругъ слышитъ, что тамъ умерла королевская дочь. „Ого,— подумалъ онъ,— это мнѣ на руку; я ее живо воскрешу, и мнѣ, конечно, заплатятъ щедро чистоганомъ!“... Пошелъ къ королю и предложилъ ему воскресить мертвую. А король-то ужъ слышалъ о томъ, что, дѣйствительно, странствуетъ по свѣту какой-то отставной солдатъ, который воскрешаетъ умершихъ, и такъ и подумалъ, что Братъ-Балагуръ—именно тотъ самый человѣкъ и есть; но такъ какъ все-таки онъ не питалъ къ нему большого довѣрія, то сперва посовѣтовался со своими совѣтниками, а тѣ сказали, что онъ можетъ отважиться на это, тѣмъ болѣе, что, вѣдь, дочь его, все равно, умерла.

Приказалъ Братъ-Балагуръ принести себѣ котелъ воды, удалилъ рѣшительно всѣхъ, потомъ разрѣзалъ дѣвушку на части, положилъ въ воду и развелъ огонь подъ котломъ,— словомъ, дѣлалъ все точно такъ же, какъ чародѣй. Стала вода закипать, и тѣло спало съ костей; вынулъ онъ тогда кости и положилъ ихъ на каменную плиту; только не зналъ онъ, въ какомъ порядкѣ должны лежать кости скелета, и разложилъ ихъ кое-какъ, какъ попало. Затѣмъ сталъ онъ надъ ней и произнесъ:

— Заклинаю тебя, мертвая! Встань! — и повторилъ это трижды; но она и не шевельнулась. Тогда онъ еще три раза повторилъ то же, и все напрасно.—Эй, ты, дѣвушка, вставай же! — кричалъ онъ. — Вставай же, не-то плохо тебѣ придется!..

И только произнесъ онъ это, какъ вдругъ явился къ нему чародѣй — въ прежнемъ видѣ, отставнымъ солдатомъ; онъ впрыгнулъ черезъ окошко и сказалъ солдату:

— Ахъ, ты негодный!.. Что ты тутъ дѣлаешь?.. Какъ же мертвая можетъ встать, когда ты ее кости разложилъ кое-какъ?

— Милый братецъ, я сдѣлалъ какъ умѣлъ...—отвѣтилъ тотъ.

— На этотъ разъ я тебя выручу изъ бѣды, но предупреждаю тебя: если ты еще предпримешь что-нибудь подобное, то тебя постигнетъ большое несчастье; кромѣ того, ты не посмѣешь требовать съ короля за это даже самую ничтожную плату, а тѣмъ болѣе принять ее.

И положилъ затѣмъ чародѣй кости въ ихъ естественномъ порядкѣ, трижды повторилъ:—„Заклинаю тебя, мертвая! Возстань!“—и королевская дочь встала, совершенно здоровая и прекрасная, какъ прежде.

Затѣмъ чародѣй скрылся черезъ окно; а Братъ-Балагуръ былъ страшно радъ, что все такъ хорошо уладилось, но былъ недоволенъ однимъ,—что онъ за это ничего не можетъ взять.

„Желалъ бы я знать, — думалъ онъ, — что̀ дѣлается въ головѣ у того человѣка, который что даетъ одной рукой, то самъ же отнимаетъ другой; въ этомъ нѣтъ никакого смысла“.

И спросилъ король Брата-Балагура, что̀ желаетъ онъ получить въ награду; но тотъ ничего не смѣлъ взять. Однако же, намеками и хитростями довелъ дѣло до того, что король приказалъ наполнить золотомъ его ранецъ, и съ этимъ Братъ-Балагуръ убрался во-свояси. Только, было, вышелъ онъ изъ за̀мка, а чародѣй уже поджидаетъ его у воротъ и говоритъ:

— Суди самъ, что ты за человѣкъ. Я тебѣ запретилъ брать что бы ни было, а ранецъ у тебя полнымъ-полонъ золота.

— Да что же мнѣ было дѣлать,—отвѣтилъ Братъ-Балагуръ,—ежели мнѣ его туда сами напихали?

— Ну, вотъ что я тебѣ скажу: въ другой разъ не пускайся на такія штуки, не-то тебѣ будетъ худо...

— Эхъ, братецъ, да ужъ не безпокойся, пожалуйста, — золота у меня теперь вдоволь, такъ стану ли я заниматься перемывкою косточекъ. Какъ же!

— Да, — сказалъ чародѣй, — золота хватитъ тебѣ надолго. Но чтобы ты впослѣдствіи не могъ вступить на запрещенную дорогу, я дамъ твоему ранцу такую силу, что чего бы ты ни пожелалъ имѣть въ немъ, все будетъ тамъ. Будь здоровъ, ты уже не увидишь меня больше!..

— Богъ съ тобою, — сказалъ Братъ-Балагуръ и подумалъ: „Я очень радъ, что ты уходишь, диковинный чудакъ; я по твоимъ стопамъ идти не желаю“.

А о диковинной силѣ, что дана была его ранцу, онъ въ тѣ поры вовсе и не думалъ. И пошелъ бродить повсюду со своимъ золотомъ Братъ-Балагуръ и живо растратилъ и прогулялъ его, какъ и въ первый разъ. Вотъ когда у него осталось всего только не больше четырехъ крейцеровъ, проходилъ онъ разъ мимо одной гостиницы и подумалъ: „Надо бы отдѣлаться отъ этихъ денегъ“, и приказалъ подать себѣ вина на три крейцера и на крейцеръ хлѣба.

Вотъ когда онъ сидѣлъ тамъ да попивалъ винцо, внезапно до его носа достигъ запахъ жареныхъ гусей. Сталъ Братъ-Балагуръ оглядываться, сталъ всюду посматривать и замѣтилъ, что у хозяина въ печкѣ стоятъ два гуся. И вспомнилось ему, что говорилъ ему товарищъ: стоитъ только ему пожелать чего-нибудь, и все сейчасъ будетъ у него въ ранцѣ...

„А-а!.. — подумалъ онъ. — Вотъ я сейчасъ на гусяхъ это испробую“... Вотъ и вышелъ онъ изъ гостиницы, а въ дверяхъ остановился и сказалъ:

— Эхъ, кабы у меня въ ранцѣ было двое гусей изъ печки!

Только вымолвилъ онъ это, развязалъ и заглянулъ въ него, а два гуся тамъ лежатъ.

— Вотъ это славно! — сказалъ онъ. — Теперь я человѣкъ обезпеченный, — вышелъ на лужокъ и досталъ изъ ранца жаркое. Въ самомъ разгарѣ его трапезы поровнялись съ нимъ двое ремесленниковъ и жадными глазами съ завистью посмотрѣли на другого гуся, который оставался еще нетронутымъ. Братъ-Балагуръ и подумалъ: „Мнѣ и одного гуся достаточно“, — подозвалъ къ себѣ парней и сказалъ:

— Вотъ, возьмите себѣ гуся, скушайте за мое здоровье.

Поблагодарили они его, отправились въ гостиницу, велѣли себѣ подать полбутылки вина и ковригу хлѣба, достали жаренаго гуся и принялись за ѣду. Увидѣла это хозяйка и сказала своему мужу:

— Эти двое ѣдятъ гуся; посмотри-ка, ужъ не нашъ ли это гусь изъ печки...

Побѣжалъ хозяинъ посмотрѣть, а печка и точно пуста.

— Какъ, воровской народъ, вы на даровщину гуся ѣсть хотите!.. Сію же минуту извольте заплатить за него, а не-то я вамъ задамъ жару-пару!..

— Мы не воры, — сказали парни; — какой-то отставной солдатъ на лугу подарилъ намъ его...

— Нечего меня за носъ-то водить; солдатъ былъ здѣсь, точно, но ушелъ отсюда какъ честный малый; за нимъ-то я ужъ слѣдилъ; вы же — воры и должны мнѣ заплатить.

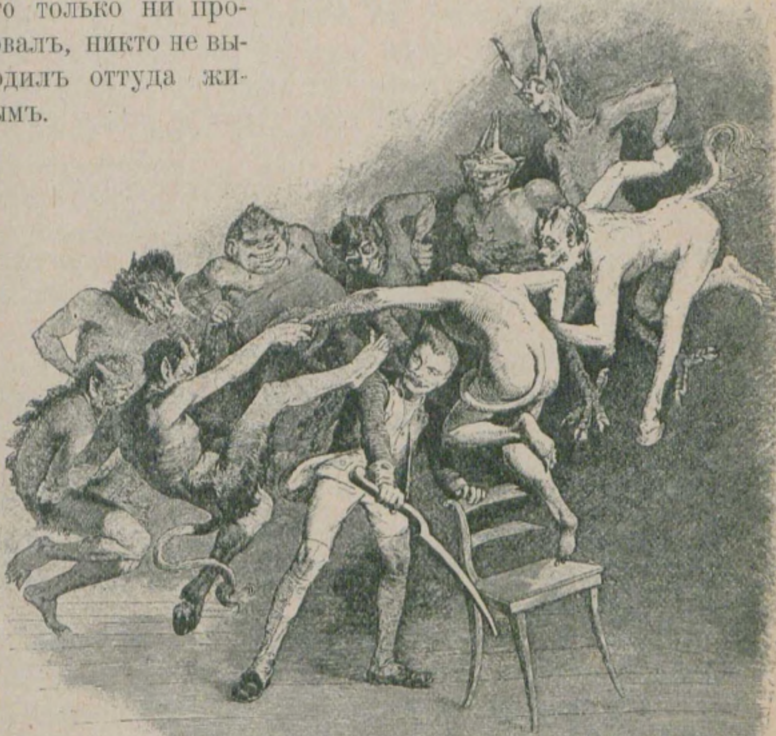
А такъ какъ у нихъ заплатить нечѣмъ было, — онъ ухватилъ палку и выгналъ ихъ вонъ...

А Братъ-Балагуръ пошелъ своей дорогой и пришелъ въ одно мѣстечко, гдѣ стоялъ великолѣпный зáмокъ, а невдалекѣ — плохонькая харчевня. Зашелъ онъ въ эту харчевню и попросилъ пустить его ночевать; но хозяинъ отказалъ ему:

— Мѣста нѣтъ, весь домъ биткомъ набитъ знатными гостями.

— Ну, — сказалъ Братъ-Балагуръ, — странно, что они останавливаются у васъ, а не въ роскошномъ за́мкѣ.

— Н-да, — отвѣчалъ хозяинъ, — однако, чего-нибудь да стоитъ переночевать тамъ хоть одну ночь; кто только ни пробовалъ, никто не выходилъ оттуда живымъ.



— Ежели другіе уже попробовали, — сказалъ Братъ-Балагуръ, — такъ попытаюсь и я...

— Ну, ужъ это вы ахъ оставьте, — сказалъ хозяинъ, — крутенько придется вамъ: это все равно, что въ петлю лѣзть...

— Ну, ужъ не сейчасъ же въ петлю,—сказалъ Братъ Балагуръ;—дайте мнѣ только ключи отъ зáмка, поѣсть, попить чего-нибудь на ночь...

Вотъ и далъ ему хозяинъ ключи и кушаній и напитковъ, и Братъ-Балагуръ пошелъ въ зáмокъ; славно закусилъ онъ тамъ, а потомъ улегся на полу на-боковую... Вскорѣ онъ крѣпко заснулъ; но среди ночи его разбудила страшная суматоха, и видитъ онъ въ комнатѣ девятерыхъ уродливыхъ бѣсовъ, которые окружили его хороводомъ и отплясываютъ себѣ вокругъ него.

— Ну, что-жъ,—сказалъ солдатъ,—пляшите сколько вамъ угодно, только ужъ близко ко мнѣ никто не суйся!..

А бѣсы именно наступали на него все ближе и ближе и чуть не задѣвали его по лицу своими отвратительными ногами.

— Да уймитесь вы, бѣсенята!—крикнулъ онъ; но тѣ продолжали лѣзть къ нему все назойливѣе. Разсердился тутъ Братъ-Балагуръ, да какъ закричитъ: — Я васъ живо усмирю! — ухватилъ ножку отъ стула и ударилъ въ самую середину свалки. Но девять чертей противъ одного солдата—это сила большая, и чуть только онъ ударилъ одного, остальные схватили его сзади за волосы и безжалостно поволокли по полу.

— Бѣсово отродье,—завопилъ онъ,—это, наконецъ, несносно! Погодите же!.. Всѣ девятеро въ мой ранецъ—маршъ!

Шурръ—и бѣсы бросились туда, а солдатъ завязалъ ранецъ и швырнулъ его въ уголъ. И вотъ сразу все стихло, и Братъ-Балагуръ снова улегся спать и проспалъ всю ночь до утра. А утромъ явились хозяинъ и владѣтель этого зáмка посмотрѣть, что съ нимъ такое случилось; но когда они увидѣли его здоровымъ и бодрымъ, то удивились и спросили:

— Ничего дурного вамъ духи не сдѣлали?

— То-есть не то чтобы вовсе ничего, — отвѣтилъ Братъ-Балагуръ, — но зато всѣ они у меня въ ранцѣ!.. Теперь вы можете совершенно спокойно поселиться въ вашемъ зáмкѣ: съ этихъ поръ никто ужъ здѣсь не умретъ...

Поблагодарилъ его владѣтель зáмка, щедро одарилъ его и даже умолялъ остаться у него въ услуженіи, желая обезпечить его на всю жизнь.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ солдатъ,—я привыкъ къ странническому житью и намѣренъ отправиться дальше.

Вотъ и пошелъ Братъ-Балагуръ дальше и дорогой зашелъ въ какую-то кузницу, положилъ на наковальню ранецъ, въ которомъ сидѣло девять бѣсовъ, и попросилъ кузнеца съ подручнымъ поковать его. Изо всѣхъ силъ стали тѣ бить своими огромными молотами, такъ что черти подняли жалобный вой. А когда онъ затѣмъ развязалъ свой ранецъ, восьмеро уже померли, а одинъ, который спрятался въ складкѣ, былъ еще живъ, выскользнулъ оттуда и поскорѣе убрался въ преисподнюю.

Затѣмъ Братъ-Балагуръ долго еще странствовалъ по свѣту, и кто зналъ о немъ, могъ бы многое поразсказать. И состарѣлся онъ, наконецъ, и сталъ раздумывать о своемъ концѣ и пошелъ къ одному пустыннику, который былъ извѣстенъ своимъ благочестіемъ, и скзалъ ему:

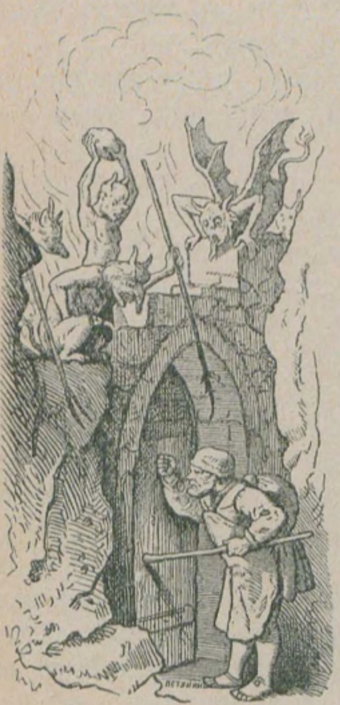
Усталъ я отъ разныхъ странствій и хочу постараться достигнуть царства небеснаго.

Отвѣчалъ ему пустынникъ:

— Есть два пути: одинъ — широкъ и пріятенъ и ведетъ въ преисподнюю, другой — узкій и неровный — ведетъ на небо.

„Я буду простакомъ,—подумалъ Братъ-Балагуръ, — если пойду узкой и неровной дорогой“.

Собрался въ путь и пошелъ по широкой и пріятной дорогѣ и въ концѣ-концовъ достигъ большихъ черныхъ воротъ,—а это были ворота въ преисподнюю. Постучался Братъ-Балагуръ, и выглянулъ привратникъ: кто бы-де это былъ? Однако, только завидѣлъ онъ Брата - Балагура, какъ страшно перепугался, потому это былъ именно тотъ девятый чортикъ, который побывалъ въ его ранцѣ и еле вырвался оттуда съ поврежденнымъ глазомъ. Живо задвинулъ онъ засовъ, побѣжалъ къ своему начальнику и сказалъ:



— Тамъ за воротами стоитъ человѣкъ нѣкій, и при немъ ранецъ; онъ хочетъ войти сюда, но вы его, пожалуйста, не впускайте, не-то онъ упрячетъ въ свой ранецъ всю преисподнюю. Онъ ужъ меня однажды страшно избилъ кузнечными молотами.

Такимъ образомъ, крикнули Брату-Балагуру изъ-за воротъ, что онъ можетъ убираться, куда ему будетъ угодно, а сюда онъ ни за что не попадетъ.

„Ну, коли они не желаютъ,—подумалъ онъ,—и не надо“...— и пошелъ странствовать по свѣту и странствуетъ и по сейчасъ.

* * *

Гензель-игрокъ.

Жилъ-былъ нѣкій человѣкъ, который ничего не дѣлалъ, а только все игралъ и игралъ въ карты, и поэтому люди добрые прозвали его Гензелемъ-игрокомъ. Въ концѣ-концовъ, все спустилъ Гензель въ карты: и домъ, и все добро свое. И въ самый послѣдній день, передъ тѣмъ, какъ кредиторы хотѣли уже отнять у него домъ, явились къ нему два странника и попросили его пріютить ихъ на эту ночь.

— Что-жъ, вы можете остаться у меня еще эту ночь, — сказалъ игрокъ, — но я не могу вамъ предложить постелей и закусить чего-нибудь; у меня ничего нѣтъ.

Тогда одинъ странникъ сказалъ ему, чтобы онъ только пріютилъ ихъ, а ужъ они-де сами закупятъ ему ѣду; это было Гензелю-игроку на-руку. Тогда другой странникъ далъ ему три гроша и попросилъ его сходить къ булочнику и купить хлѣба. Вотъ и пошелъ Гензель-игрокъ въ булочную. Но когда онъ проходилъ мимо игорнаго дома, гдѣ сидѣли тѣ самые карточные игроки, которые до-чиста обыграли его, они встрѣтили его радостными криками и сказали ему:

— Гензель, зайди сюда!

— Что же вы хотите и послѣдніе три гроша съ меня выиграть? — сказалъ онъ.

Но тѣ не оставляли его въ покоѣ. И вошелъ онъ къ нимъ и тотчасъ же проигралъ имъ еще три гроша.

Долго-долго поджидали оба странника Гензеля, а такъ какъ онъ что-то не возвращался къ нимъ, они и рѣшили пойти ему навстрѣчу. А Гензель-игрокъ, когда встрѣтился съ ними, сдѣлалъ видъ, что у него деньги выпали подъ подкладку, и безъ толку все шарилъ ихъ. Но странники уже знали, что онъ ихъ проигралъ, и одинъ изъ нихъ снова далъ ему еще три гроша. На этотъ разъ игрокъ не выпустилъ ихъ изъ рукъ и принесъ имъ хлѣба. Тогда старѣйшій странникъ спросилъ его, нѣтъ ли у него какого-нибудь вина.

— О, нѣтъ, бочки мои всѣ пусты! — отвѣчалъ Гензель.

Тогда странникъ сказалъ, чтобы онъ сошелъ въ погребъ:

— Тамъ есть еще самое лучшее вино,—сказалъ онъ.

Гензель-игрокъ долго не хотѣлъ вѣрить, а въ концѣ-концовъ сказалъ:

— Пожалуй, пойду въ погребъ, но только я на-вѣрно знаю, что тамъ нѣтъ никакого вина...

Въ погребѣ онъ откупорилъ бочку, и вдругъ изъ нея заструилось вино. Вотъ Гензель и принесъ своимъ гостямъ вина, и оба гостя провели у него всю ночь. На другой день, въ самую рань, старѣйшій странникъ сказалъ Гензелю-игроку, чтобы онъ пожелалъ себѣ три какія-нибудь милости, которыя онъ ему исполнитъ. И попросилъ тогда Гензель-игрокъ себѣ такія карты, съ помощью которыхъ онъ всегда бы оставался въ выигрышѣ; затѣмъ—игральную кость, которой онъ тоже всегда бы выигрывалъ, и такое дерево, на которомъ росли бы всѣ овощи и плоды, и на которое если кто-нибудь взлѣзетъ, то чтобы до тѣхъ поръ не могъ слѣзть съ него, пока онъ самъ не позволитъ. И все это далъ ему странникъ и удалился со своимъ спутникомъ.

Теперь только Гензель-игрокъ началъ играть удачно и въ скоромъ времени выигралъ почти полсвѣта и такъ игралъ онъ вплоть до самой смерти. Когда смерть явилась къ нему, игрокъ и въ это время сидѣлъ за игорнымъ столомъ; смерть ему сказала:

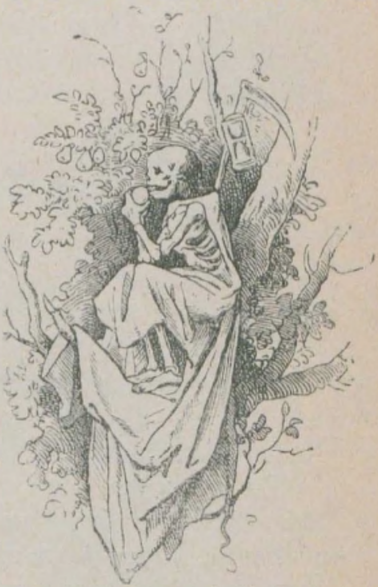
— Гензель, пойди ко мнѣ на минуту... Пора намъ въ путь!..

Но игрокъ сказалъ ей:

— Погоди немного, вотъ дай, игра кончится; а ты тѣмъ временемъ взлѣзь на дерево да нарви немножко всякой-всячины, чтобы намъ было что дорогой перекусить...

Вотъ и влѣзла смерть на дерево; но ужъ спуститься на землю никакъ не могла, и Гензель-игрокъ оставилъ ее сидѣть тамъ цѣлыхъ семь лѣтъ, и за все это время не умиралъ ни одинъ человѣкъ.

И пришли однажды къ нему два странника и потребовали, чтобы Гензель-игрокъ освободилъ смерть. Тотъ тотчасъ же подошелъ къ дереву и сказалъ смерти: — «Слѣзай внизъ!» — а та его сейчасъ же схватила и въ одно мгновеніе задушила. Вотъ и повела она его за собою въ преисподнюю.



Подошелъ Гензель-игрокъ къ воротамъ да постучался, и его тотчасъ же впустили; но тамъ никого не было, кромѣ самого начальника бѣсовъ, Люцифера, да чертенятъ, которые весь свѣтъ мутятъ. Гензель-игрокъ сейчасъ же всѣхъ ихъ обыгралъ въ карты и выигралъ у нихъ подъ-рядъ десять партій

У Люцифера ничего ужъ больше не оставалось, кромѣ его чертенятъ; но и ихъ выигралъ у него Гензель-игрокъ, потому что онъ могъ все выиграть своими картами. И бросился онъ тогда изъ ада со своими бѣсами, и поднялись они, было, къ небу, но невидимая сила сбросила ихъ внизъ, и во время паденія разорвалась душа Гензеля-игрока на части, и каждая изъ нихъ запала въ сердце карточныхъ игроковъ, которые еще и понынѣ живы.

Гансово счастье.

Семь лѣтъ прослужилъ Гансъ вѣрой и правдой своему хозяину и подъ конецъ сказалъ ему:

— Хозяинъ, время моего найма прошло, пора мнѣ вернуться домой, къ матери; пожалуйте мнѣ жалованье и расчетъ.

Хозяинъ отвѣчалъ:

— Ты служилъ мнѣ честно, вѣрой и правдой. Какова служба, такова будетъ и награда,— и далъ ему большой слитокъ золота, который былъ, право, съ Гансову голову.

Вынулъ Гансъ изъ кармана платокъ, завернулъ въ него слитокъ, взвалилъ его на плечо и пустился въ путь-дорогу Вотъ тою порой, какъ шелъ онъ шагъ за шагомъ вдоль по дорожкѣ, встрѣтился ему верховой, который трусилъ на конѣ, бодрый и веселый.

— Ахъ,—воскликнулъ Гансъ,—что за славная вещь верховая ѣзда! Сидишь ты себѣ словно бы на стулѣ, не спотыкаешься о камни, не треплешь обуви, и подвигаешься впередъ, самъ того не замѣчая!..

Наѣздникъ услыхалъ это, попридержалъ лошадь и крикнулъ парню:

— А почему же ты идешь пѣшкомъ, Гансъ?

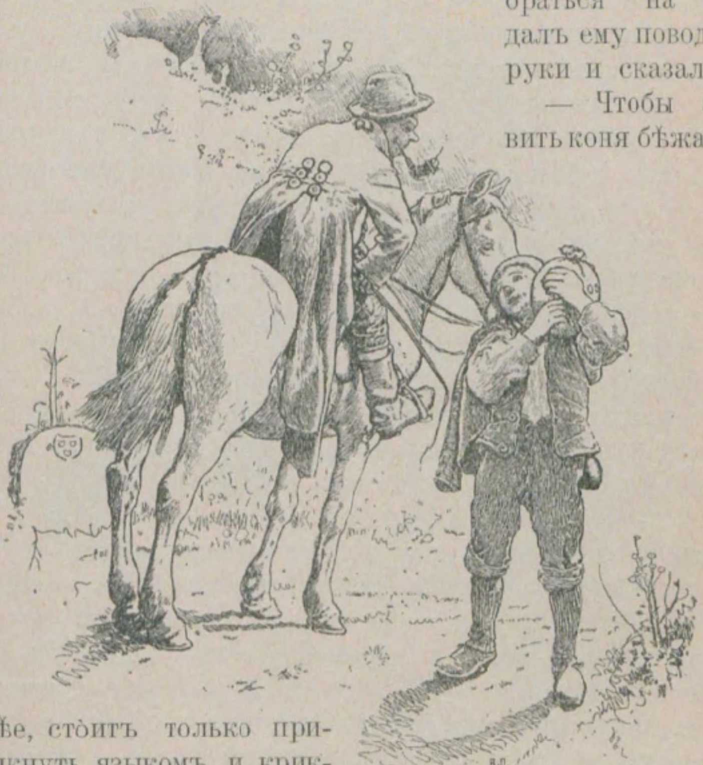
— Да приходится такъ,—отвѣтилъ онъ;—вотъ нужно мнѣ ту тяжесть на своихъ плечахъ нести. Это хоть и золото, а все-же я не могу выпрямиться, и оно мнѣ страшно давитъ плечи...

— Знаешь что,—сказалъ наѣздникъ,—давай помѣняемся: я тебѣ дамъ моего коня, а ты мнѣ отдашь за него твой слитокъ.

— Да съ радостью!—воскликнулъ Гансъ.—Только я предупреждую васъ, что вамъ придется повозиться съ нимъ.

Спѣшился наѣздникъ, взялъ золото и помогъ Гансу взобраться на коня, далъ ему поводья въ руки и сказалъ:

— Чтобы заставить коня бѣжать быстрѣе, стòитъ только прищелкнуть языкомъ и крикнуть: „Гопъ-гопъ-гопъ!“



Гансъ былъ очень радъ тому, что вотъ сидитъ онъ себѣ на лошади и спокойно ѣдетъ своимъ путемъ. Немного спустя, онъ подумалъ, что недурно бы ему поѣхать и побыстрѣе, и сталъ пощелкивать языкомъ да покрикивать: „Гопъ-гопъ-гопъ!“ Побѣжала лошадь крупной рысью, и прежде чѣмъ Гансъ пришелъ въ себя, онъ уже лежалъ въ канавѣ, которая отдѣляла поле отъ большой дороги. Лошадь тоже перескочила бы черезъ канавку, да ее остановилъ крестьянинъ, который шелъ тою же дорогой и гналъ корову. Собрался Гансъ съ силами и поднялся снова на ноги. Но онъ былъ крайне огорченъ и обратился къ крестьянину:

— А вѣдь прескверная штука—верховая ѣзда, особливо ежели еще нападешь на такую клячу, вродѣ вотъ этой, которая трясетъ и сбрасываетъ сѣдока такъ, что, того и гляди, шею себѣ сломаешь. То-есть въ жизнь мою больше ни за что не сяду на лошадь; а вотъ мнѣ нравится ваша корова: чай, не хитро идти спокойно за нею; кромѣ того, у васъ каждый день есть и молоко, и масло, и сыръ... Ахъ, что бы я далъ, лишь бы у меня была корова!..

— Н-ну, — сказалъ крестьянинъ, — коли она вамъ нравится, я, пожалуй, готовъ обмѣнять ее на лошадь...

Гансъ страшно обрадовался, и ударили по рукамъ; крестьянинъ взобрался на лошадь и поспѣшно уѣхалъ отъ Ганса.

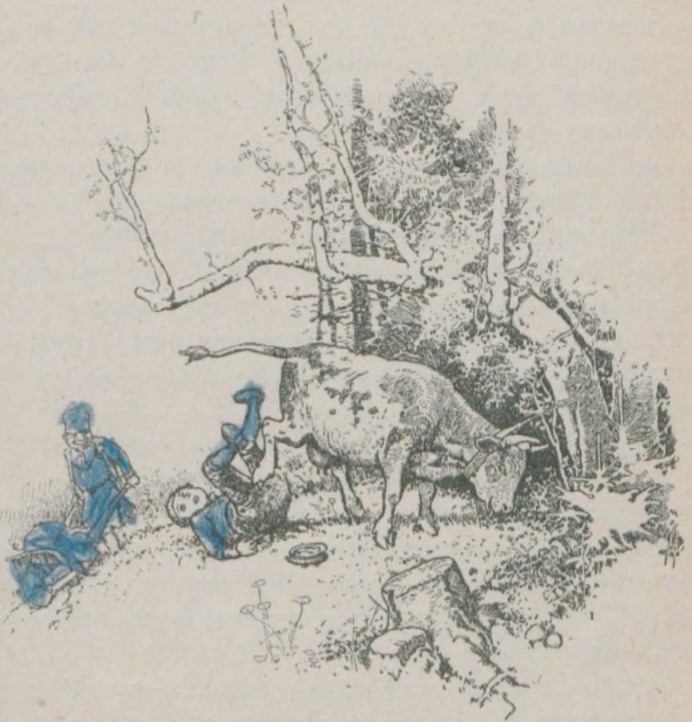
Погналъ Гансъ тихонько свою корову, а самъ все обдумывалъ свою удачную мѣну:

«Ежели у меня будетъ только кусокъ хлѣба,—и того мнѣ совершенно достаточно: какъ только я захочу, сейчасъ же могу достать себѣ и масло, и сыръ; жажда ли мучитъ, я подою корову,—вотъ и напьюсь молока. Душа моя, чего тебѣ больше надо?..»

Вотъ когда онъ пришелъ въ гостиницу, то остановился на роздыхъ и съ великой радости пріѣлъ все, что захватилъ съ собою на дорогу на обѣдъ и ужинъ, все до крошечки, начисто, а на два послѣдніе геллера*) велѣлъ нацѣдить себѣ полстакана пива. Затѣмъ онъ погналъ свою корову дальше по направленію къ родной деревнѣ. Жара стояла мучительная, особенно къ полудню, а Гансъ шелъ какъ-разъ полемъ, по которому еще приходилось идти около часу. Ему было невыносимо-жарко, такъ что отъ жажды у него языкъ къ нёбу прилипалъ. „Ну, дѣлу помочь легко! — подумалъ Гансъ.—Вотъ сейчасъ я подою мою корову и подкрѣплюсь молокомъ“. И привязалъ онъ ее къ высохшему дереву, а такъ какъ бадьи у него съ собою не было, такъ онъ подставилъ свою кожаную шапку. Но какъ ни старался Гансъ выдоить корову, у нея не оказывалось ни капли мо-

---

*) Геллеръ=$1/2$ пфеннига=полушка.



лока. А такъ какъ онъ при этомъ неловко взялся за дѣло, то животное отъ боли такъ ударило его задней ногой въ голову, что онъ повалился на-земь и нѣсколько времени никакъ не могъ сообразить, гдѣ собственно онъ находится. Случайно шелъ мимо мясникъ, который везъ на тачкѣ свинью.

— Это что за штука такая?—воскликнулъ онъ и помогъ добродушному Гансу подняться на ноги. И повѣдалъ ему Гансъ, что съ нимъ произошло. Мясникъ протянулъ ему свою бутылку и сказалъ:

— Хлебните-ка разокъ и оправьтесь. У коровы нѣтъ молока. Это старая скотинка; она годна только на убой.

— Эхъ - эхъ!..—сказалъ Гансъ и взъерошилъ на головѣ волосы.—Кто бы могъ это предположить!.. Оно, конечно, хорошо прирѣзать дома корову; мясо у нея славное... Но для меня въ коровьемъ мясѣ проку мало: оно недостаточно сочно. Вотъ кабы такую молоденькую свинку пріобрѣсть!.. Она другого вкуса, да къ тому же... и колбаса...

— Слушайте, Гансъ,—сказалъ тогда мясникъ,—полюбилъ я васъ какъ-то сразу и готовъ помѣняться съ вами, оставивъ вамъ за корову свинью.

— Небо возблагодаритъ васъ за ваше дружеское участіе,—молвилъ Гансъ, передалъ ему корову, велѣлъ снять свинку съ тачки и взялъ въ руки веревочку, на которую она была привязана.

Поплелся Гансъ дальше и раздумывалъ о томъ, какъ это всѣ его желанія исполняются: встрѣчается ему какое-нибудь огорченіе, и сейчасъ же оно снова принимаетъ хорошій оборотъ.

Между тѣмъ, по дорогѣ присосѣдился къ нему одинъ паренекъ, который несъ подъ-мышкой чуднаго бѣлаго гуся. Разболтались они между собой оорогой, и вотъ, между прочимъ, Гансъ поразсказалъ ему о своемъ счастьѣ и о томъ, какъ это онъ до сихъ поръ все время выгодно мѣнялся. А паренекъ разсказалъ ему, что вотъ-де онъ несетъ этого гуся для угощенія на крестинахъ.

— Попробуйте, какой онъ тяжелый,—продолжалъ онъ и ухватилъ гуся за крылья, — недаромъ же его восемь недѣль откармливали. Кто его жаренаго куснетъ, тотъ только отирай жиръ съ обѣихъ губъ.

— Да, -- сказалъ Гансъ и тоже взвѣсилъ гуся на одной рукѣ, — гусь-то съ вѣсомъ; ну, да вѣдь и моя свинья — свинья хоть куда.

Въ это время паренекъ подозрительно оглядѣлся во всѣ стороны и покачалъ головою.

— Послушайте,—началъ онъ затѣмъ,—съ вашей свиньей дѣло-то не больно ладно... Въ деревнѣ, черезъ которую я проходилъ только-что сейчасъ у старшины выкрадена изъ хлѣва точно такая же свинья. Я и боюсь, что вамъ-то она именно въ руки и попала. Они разослали людей, и выйдетъ прескверная исторія, ежели васъ сцапаютъ вмѣстѣ со свинкой. Самое меньшее, что васъ засадятъ въ темную камору.

Жутко стало добродушному Гансу.

— Ахъ, Боже!—сказалъ онъ.—Вызвольте меня изъ бѣды. Вы лучше меня знаете здѣшніе обычаи. Возьмите мою свинью и отдайте мнѣ вашего гуся.

— Да ужъ придется мнѣ рискнуть, — отвѣтилъ паренекъ,—чтобы вы не попали въ бѣду.

Вотъ онъ и взялъ у него веревку и скорехонько погналъ свинью по косой тропинкѣ, въ сторону отъ дороги; а добродушный Гансъ, освободившійся отъ своей заботы, отправился своей дорогой съ гусемъ подъ-мышками. „Какъ сообразить все это хорошенько,—разсуждалъ онъ самъ съ собою,— выходитъ, что я получу большую выгоду при этой мѣнѣ: во-первыхъ, славное жаркое; затѣмъ пропасть жира, который изъ него вытопится,—его хватитъ на четверть года. Сами станемъ печь лепешки на гусиномъ салѣ, а въ концѣ-концовъ еще останутся чудныя бѣлыя перья, которыми я велю набить себѣ подушку, и стану сладко почивать на ней. То-то у матушки радости будетъ!»

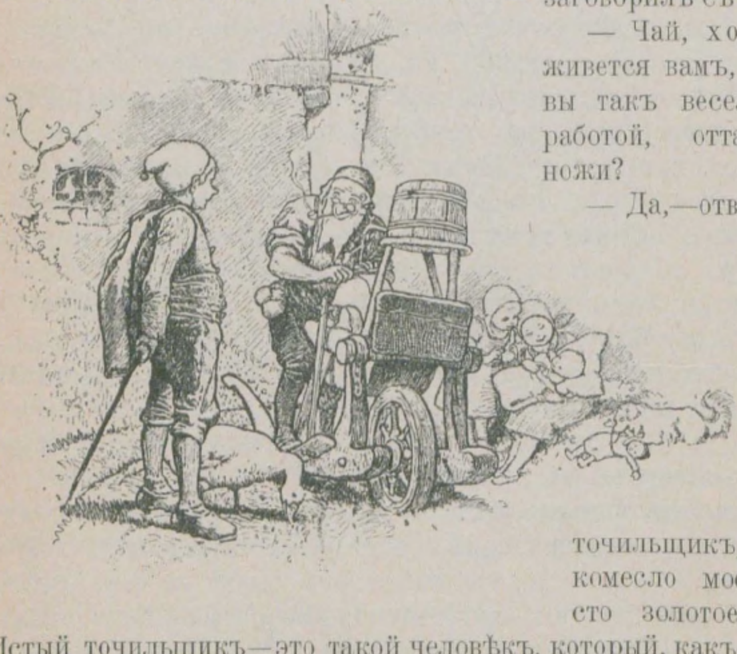
Но когда проходилъ онъ черезъ послѣднюю деревню, стоялъ тамъ точильщикъ со своимъ точильнымъ станкомъ, вертѣлъ колесо и пѣлъ при этомъ:

„Точу ножи, ножницы; камень верчу
„И путь свой держу, куда только хочу“.

Пріостановился Гансъ и засмотрѣлся на него. А потомъ заговорилъ съ нимъ:

— Чай, хорошо живется вамъ, коли вы такъ веселы за работой, оттачивая ножи?

— Да,—отвѣтилъ точильщикъ,—рукомесло мое—чисто золотое дно! Истый точильщикъ—это такой человѣкъ, который, какъ только сунетъ руку въ карманъ, сейчасъ же находитъ тамъ деньги... Однако, гдѣ это вы пріобрѣли себѣ такого славнаго гуся?



— Я его вовсе не купилъ, а обмѣнялъ на свинью.

— А свинью?

— А ее я взялъ за корову.

— А корову?

— Я ее за лошадь получилъ.

— А лошадь?

— За нее я отдалъ цѣлый слитокъ золота, такой большой, съ мою голову.

— Ну, а золото?

— Это было мое жалованье за семь лѣтъ службы...

— Ну, вы во всѣхъ случаяхъ находили выходъ, — сказалъ точильщикъ,—и дошло бы дѣло до того, что денежки у васъ безперечь въ карманѣ позвякивали; если вы только захотите,—счастье ваше обезпечено.

— Съ чего же мнѣ начать?—спросилъ Гансъ.

— Вы должны сдѣлаться точильщикомъ, какъ и я; для этого ничего особеннаго не надо, кромѣ точильнаго камня; все остальное придетъ само собою. Да вотъ у меня здѣсь есть порядочный камень, хоть онъ и попорченъ немного; за него вы должны мнѣ дать только вашего гуся. Хотите?

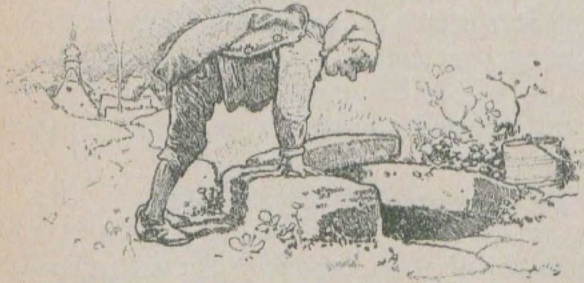
— И вы еще спрашиваете?—отвѣтилъ Гансъ.— Да вѣдь я стану счастливѣйшимъ человѣкомъ на землѣ: у меня будутъ деньги, какъ только я опущу руку въ карманъ; такъ о чемъ же мнѣ еще заботиться?—и подалъ ему гуся, а въ обмѣнъ взялъ точильный камень.

— Ну,—сказалъ точильщикъ и поднялъ еще самый обыкновенный, но увѣсистый булыжникъ, который валялся у его ногъ,—вотъ вамъ еще славный камень въ придачу; по немъ можно бить изо всѣхъ силъ, и на немъ вы можете выпрямлять старые гвозди. Возьмите его и носите осторожно.

Взялъ Гансъ булыжникъ и отправился дальше съ радостнымъ сердцемъ; глаза его свѣтились радостно.

«Я родился въ сорочкѣ! — восторгался онъ. — Все, чего я ни желалъ, удавалось мнѣ, какъ ребенку, родившемуся въ воскресенье и потому счастливому“.

Между тѣмъ, онъ почти цѣлый день былъ на ногахъ и усталъ до изнеможенія, да и голодъ еще мучилъ его, такъ какъ онъ весь свой запасъ съѣлъ за одинъ присѣстъ отъ радости, что вымѣнялъ корову. Съ трудомъ подвигался онъ впередъ и каждое мгновеніе останавливался, потому что камни давили его немилосердно.



Теперь ужъ онъ думалъ только о томъ, какъ было бы хорошо, если бы ему теперь не нужно было тащить ихъ. Словно улитка, приползъ онъ къ колодцу въ полѣ, хотѣлъ тамъ отдохнуть и подкрѣпиться глоткомъ свѣжей воды. А чтобы не запачкать камней въ пыли, онъ осмотрительно положилъ ихъ на край колодца. Затѣмъ опустился на землю и хотѣлъ, было, нагнуться воды испить, да оплошалъ — толкнулъ слегка камни, и они оба бултыхнулись въ воду. Какъ завидѣлъ Гансъ, что камни утонули, онъ даже подскочилъ отъ радости, преклонилъ колѣни и со слезами на глазахъ благодарилъ Небо, что Оно ниспослало ему и эту милость,—освободило его отъ тяжелыхъ камней, которые такъ страшно стѣсняли его...

— Такого счастливаго человѣка, какъ я, — воскликнулъ онъ,—нѣтъ во всей подсолнечной!

Съ облегченнымъ сердцемъ и свободный отъ всякой обузы, побѣжалъ онъ отъ колодца и явился домой къ своей матери радъ-радёхонекъ...

Гансъ женится!

Жилъ-былъ однажды молодой парень Гансъ, и задумалъ его двоюродный братъ сосватать ему богатую невѣсту. Вотъ онъ посадилъ Ганса позади печки, а печку-то заставилъ хорошенько истопить. Затѣмъ добылъ горшокъ молока и побольше бѣлаго хлѣба, далъ въ руки Гансу вновь отчеканенный, блестящій грошъ и сказалъ:

— Гансъ, держи крѣпче грошъ, а бѣлый хлѣбъ кроши въ молоко и, смотри, сиди тутъ и не сходи съ мѣста, пока я не вернусь назадъ.

— Ладно,—сказалъ Гансъ,—я такъ и сдѣлаю.

Ну, вотъ сватъ натянулъ старыя, заплатанныя полосатыя панталоны и отправился въ сосѣднюю деревню къ зажиточной крестьянской дѣвушкѣ.

— Не хотите ли вы выйти замужъ за моего двоюроднаго брата Ганса?—спросилъ онъ.—Вамъ достанется честный и толковый человѣкъ, который придется вамъ по душѣ.

Тогда отецъ дѣвушки спросилъ его:

— Ну, а какъ дѣла насчетъ его состоянія? Есть у него что перекусить?

— Милый другъ, — отвѣтилъ сватъ, — мой двоюродный братецъ сидитъ въ теплѣ, въ рукѣ у него — славный новенькій грошъ, а ѣды у него — вволю! И онъ насчитываетъ въ своемъ владѣніи не меньше полосокъ, чѣмъ я! *) — и ударилъ при этомъ себя по полосатымъ панталонамъ.—Сходимте къ нему, и вы самиувидите, что все такъ и есть, какъ я говорю...

Скрягѣ такого удобнаго случая упускать не хотѣлось, онъ и сказалъ:

— Если онъ таковъ, я ничего не имѣю противъ свадьбы.

Ну, вотъ и справили свадьбу въ опредѣленный день; а когда молодая жена захотѣла пойти въ поле да посмотрѣть владѣніе своего мужа, Гансъ сначала снялъ съ себя праздничное платье, надѣлъ свою заплатанную полосатую блузу и сказалъ:

— Такъ лучше, а то я могу запачкать платье...

Вотъ пошли они въ поле вдвоемъ, и какъ только попадется имъ на дорогѣ виноградная лоза или огороженные поля или луга, Гансъ укажетъ на нихъ пальцемъ, потомъ хлопнетъ по большой или маленькой заплаткѣ своей полосатой блузы и скажетъ:— „Полоска эта моя, и та полоска моя, все добро мое, полюбуйся только“... — и этимъ хотѣлъ сказать, чтобы жена не въ поле смотрѣла, а на его полосатое платье, которое было его собственное.

„А ты тоже былъ на свадьбѣ?“

„Какъ же, былъ на свадьбѣ и я, въ полномъ парадѣ. У меня уборъ головной былъ снѣговой да глянуло солнце — я и не чаялъ, какъ онъ у меня растаялъ; платье мое было изъ паутинки, да шелъ я черезъ терновникъ, да лозинки, они все съ меня сорвали до шерстинки; туфли мои были изъ стекла, да споткнулся я на камень, они звякнули — „клингъ“ — и разбились вдребезги...

---

*) Непереводимая игра словъ: placken — наложить заплатку, и Placken — помѣстья. Сватъ говоритъ: „Онъ насчитываетъ не менѣе помѣстій (Placken), чѣмъ я—заплатъ (Placken)“—и ударяетъ себя по заплатѣ.

Золотыя дѣти.

Жили-были бѣдные люди—мужъ и жена, у которыхъ ничего не было, кромѣ маленькой хижины; а кормились они рыболовствомъ,—что сработаютъ, тѣмъ и сыты. Вотъ и случилось однажды, что закинулъ рыбакъ свои сѣти и вытащилъ изъ воды рыбу, которая была вся золотая. И въ то время, какъ онъ съ удивленіемъ разсматривалъ ее, рыба вдругъ заговорила съ нимъ:

— Слушай, рыбакъ, ежели ты бросишь меня снова въ воду, я превращу твою маленькую хижину въ роскошный за́мокъ.

И отвѣчалъ тогда рыбакъ:

— На что мнѣ твой за́мокъ, коли мнѣ ѣсть нечего?

Золотая рыбка продолжала дальше:

— И о томъ я позабочусь. Въ за́мкѣ будетъ шкафъ; отопрешь его,—и тамъ будутъ блюда съ кушаньями,—ѣшь не хочу!..

— Если такъ,—молвилъ рыбакъ,—ступай на волю...

— Да,—сказала рыбка,—но подъ однимъ условіемъ: ты никому на свѣтѣ не долженъ открывать тайны, откуда привалило тебѣ такое счастье. А если скажешь хоть одно-единственное слово, все мигомъ пропадетъ.

Ну, вотъ рыбакъ и бросилъ рыбку въ воду и пошелъ домой. На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла его хижина, теперь возвышался огромный зȧмокъ. Рыбакъ и глаза вытаращилъ; а потомъ вошелъ въ зȧмокъ и увидѣлъ свою жену, разодѣтую въ роскошное платье, сидящую въ великолѣпной комнатѣ.

— Муженекъ, да откуда это намъ все досталось?—спросила она его.—Мнѣ это очень нравится!

— Н-да,—сказалъ мужъ,—и мнѣ тоже нравится; однако, мнѣ страшно ѣсть хочется; дай сначала чего-нибудь поѣсть.

Жена ему и говоритъ:

— У меня ничего нѣтъ; я не знаю, гдѣ и что здѣсь найти...

— А вонъ тамъ стоитъ большой шкафъ. Пойди, открой-ка его.

Открыла она шкафъ, а тамъ стояли пироги, мясо, овощи, вино и, казалось, сами приглашали воспользоваться ими.

— Сердечушко, чего тебѣ хочется?!—вскрикнула жена отъ радости.

Вотъ они усѣлись вмѣстѣ и стали ѣсть и пить вволю. А когда они наѣлись вплотную, жена и спрашиваетъ:

— Однако, муженекъ, откуда же у насъ все это богатство?

— Ахъ,—отвѣтилъ онъ,—не спрашивай меня объ этомъ; я не смѣю тебѣ сказать. Если я только открою тайну, наше счастье исчезнетъ...

— Ладно,—сказала она,—если мнѣ не слѣдуетъ знать этого, то и не надо...

Но на самомъ дѣлѣ это было не такъ: тайна не давала ей покоя ни днемъ, ни ночью, и она до тѣхъ поръ приставала къ мужу, пока тотъ не сказалъ ей, что все это пришло къ нимъ отъ золотой рыбки, которую онъ поймалъ и потомъ снова отпустилъ на свободу за этотъ выкупъ. Но едва только это было сказано, какъ тотчасъ же пропали чудесный зȧмокъ со шкафомъ, и они очутились снова въ старой рыбачьей хижинкѣ.

Вотъ и пришлось мужу сызнова приниматься за рыбную ловлю. Но счастье повезло ему такъ, что онъ снова вытащилъ изъ воды золотую рыбку.

— Слушай,—сказала рыбка,—если ты опять бросишь меня въ воду, я снова возвращу тебѣ за́мокъ со шкафомъ, наполненнымъ всякой ѣдой; только будь твердъ и отнюдь не говори, отъ кого ты это получилъ, — иначе ты снова все потеряешь.

— Ну, ужъ теперь-то я буду держать ухо востро! — отвѣтилъ рыбакъ и бросилъ рыбку въ воду.

Дома все было опять по-прежнему роскошно обставлено, и жена была страшно рада этому счастью; однако, любопытство не давало ей покою, такъ что дня черезъ два она снова принялась выспрашивать, какъ все это случилось, и какимъ образомъ онъ уладилъ дѣло. Нѣкоторое время мужъ на это отмалчивался, но, наконецъ, она такъ страшно разсердила его, что онъ, не подумавши, выдалъ ей тайну. Въ то же мгновеніе за́мокъ исчезъ, и они очутились въ старой хижинѣ.

— Ну, вотъ и радуйся,—сказалъ мужъ.—Теперь опять мы станемъ терпѣть нужду да голодъ.

— Ахъ, — молвила жена, — лучше мнѣ и богатства не надо, если я не знаю, откуда оно; а то мнѣ покою нѣтъ!..

Пошелъ рыбакъ снова на рыбный промыселъ, и черезъ нѣкоторое время опять-таки случилось такъ, что онъ выловилъ золотую рыбку и въ третій разъ.

— Слушай,—сказала рыбка,—вижу я, что мнѣ не избѣжать твоихъ рукъ; такъ возьми же ты меня домой и разрѣжь меня на шесть частей; двѣ изъ нихъ дай съѣсть твоей женѣ, двѣ—твоей лошади, а двѣ зарой въ землю,—и будетъ тебѣ отъ этого счастье.

Взялъ рыбакъ рыбку съ собой домой и сдѣлалъ такъ, какъ она ему наказывала. И что же, изъ двухъ кусочковъ, которые были зарыты въ землю, выросли двѣ золотыя лиліи, лошадь принесла двухъ золотыхъ жеребятъ, а у рыбачки родилось двое мальчиковъ, которые были всѣ изъ золота.

Росли да росли дѣти, выросли большія, красивыя; и лиліи, и лошадки росли вмѣстѣ съ ними.

Вотъ и сказали разъ дѣти:

— Батюшка, надумали мы отправиться странствовать по бѣлому свѣту.

— Я не переживу этого,— сказалъ на это огорченный рыбакъ.— Когда вы уѣдете отсюда, я и знать не буду, что̀ съ вами творится.

Тогда они сказали:

— Здѣсь останутся двѣ золотыя лиліи; по нимъ вы можете узнавать, что съ нами: если свѣжи онѣ,—здоровы и мы; поблекли онѣ,—значитъ, больны мы; а завянутъ онѣ и упадутъ,—это будетъ значить, что мы умерли...

Вотъ и выѣхали они со двора и прибыли въ гостиницу, гдѣ было много народу; и какъ только здѣшніе люди замѣтили двухъ золотыхъ дѣтей, стали они надъ ними смѣяться да глумиться.

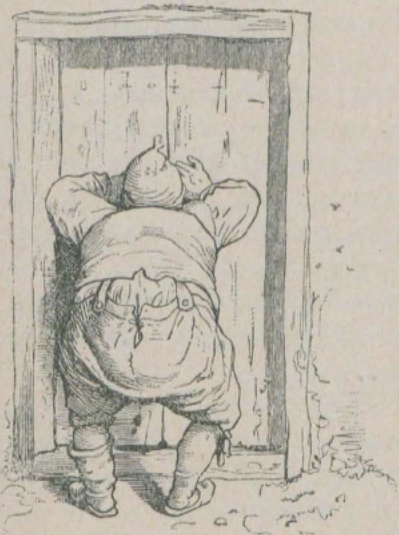
Услышалъ. одинъ изъ близнецовъ насмѣшки, и стало ему совѣстно, и не захотѣлъ онъ ѣхать дальше по свѣту, а повернулъ назадъ и возвратился къ отцу. Но другой братъ поѣхалъ дальше и добрался до дремучаго лѣса. Вотъ и стали его люди предупреждать:

— А дѣло-то не ладно, что вы хотите ѣхать лѣсомъ: лѣсъ полнымъ-полнехонекъ разбойниками; они васъ могутъ обидѣть. Да еще что: какъ только они замѣтятъ, что вы весь золотой и ваша лошадь вся золотая, то убьютъ и васъ, и ее...

Но юноша рѣшительно ничего не боялся и одно только и твердилъ:

— Мнѣ надо во чтобы то ни стало пробраться черезъ этотъ лѣсъ.

И тогда взялъ онъ медвѣжью шкуру и укрылъ ею и себя, и лошадь, такъ что золота вовсе не было видно, и поскакалъ въ чащу лѣса. Только немного отъѣхалъ онъ, какъ услышалъ шелестъ въ кустарникахъ и разслышалъ чьи-то голоса. Съ одной стороны слышалось:—„Вонъ ѣдетъ кто-то“; съ другой же стороны: „Пусть его удираетъ; это какой-то оборвышъ, бѣденъ и голъ, какъ тюремная мышь... Нечего съ нимъ и связываться!“... Такъ и проѣхалъ благополучно золотой человѣкъ черезъ лѣсъ, и ничего дурного съ нимъ не случилось.



Вотъ какъ-то и прибылъ онъ въ одну деревню и повстрѣчалъ тамъ дѣвушку, которая была такая красавица, что онъ никогда бы не повѣрилъ, что можетъ быть кто-нибудь на свѣтѣ прекраснѣе ея. И такъ какъ онъ нѣжно полюбилъ ее, то сказалъ ей:

— Я люблю тебя отъ всего сердца. Хочешь быть моею женой?

И онъ тоже приглянулся дѣвушкѣ, такъ что она согласилась и сказала:

— Да, хочу, и во всю жизнь я съ тобой не разстанусь...

Вотъ стали справлять свадьбу. А въ то время, когда торжество было въ самомъ разгарѣ веселья, вернулся домой отецъ невѣсты, и какъ увидѣлъ онъ, что дочь его справляетъ свадьбу, подивился и спросилъ:

— А гдѣ же женихъ?

Показали ему на золотого человѣка, на которомъ все еще была надѣта медвѣжья шкура, и отецъ невѣсты разсердился и молвилъ съ досадой:

— Никогда этотъ медвѣжатникъ не женится на моей дочери!..—и хотѣлъ, было, убить его. Но невѣста стала умолять его, стала говорить ему:—„Вѣдь, все-же онъ женихъ мой, и я его люблю отъ всей души!“—и отецъ сдержалъ себя. Но всю ночь онъ неотступно думалъ о своемъ намѣреніи и на слѣдующее утро нарочно всталъ пораньше, чтобы посмотрѣть мужа своей дочери, потому что онъ думалъ,—это былъ самый обыкновенный промотавшійся нищій.

Но едва только заглянулъ онъ въ его комнату, какъ увидѣлъ на постели красиваго золотого человѣка, а сброшенная медвѣжья шкура валялась на полу. И подумалъ онъ: „Какъ хорошо, что я во-время сдержалъ себя и не совершилъ великаго преступленія!“...

А золотому человѣку снилось, будто вышелъ онъ на охоту за роскошнымъ оленемъ; и какъ только онъ утромъ проснулся, то сказалъ женѣ:

— Я пойду на охоту...

Ей стало почему-то страшно за него, и она стала умолять его остаться и все говорила:

— Тебя можетъ постигнуть великое несчастье...

— Ахъ,—сказалъ онъ,—меня такъ тянетъ въ лѣсъ; я ужъ пойду!..

Вотъ собрался онъ и отправился въ лѣсъ; вскорѣ показался передъ нимъ чудный олень, совсѣмъ какъ во снѣ. Онъ приложился изъ ружья и хотѣлъ, было, пристрѣлить его, но олень ускакалъ отъ него прочь. Тогда онъ погнался за нимъ черезъ рвы и кустарники и устали не вѣдалъ въ теченіе цѣлаго дня; но вечеромъ олень внезапно исчезъ изъ его глазъ, словно въ землю провалился. И когда золотой молодецъ оглянулся по сторонамъ, то увидѣлъ, что стоитъ онъ передъ какимъ-то маленькимъ домикомъ, въ которомъ сидѣла вѣдьма. Постучался онъ, и вышла къ нему старушка, которая спросила его:

— Что ты здѣсь дѣлаешь такъ поздно въ чащѣ дремучаго лѣса?

— Не видали здѣсь никакого оленя?

— Да,—отвѣтила она—оленя-то я знаю.

А собачка, что выбѣжала за нею изъ домика, между тѣмъ сердито заливалась лаемъ на молодца.

— Замолчишь ли ты, старая жаба!—крикнулъ охотникъ.— Не-то я тебя пристрѣлю!

Тутъ вѣдьма какъ завопитъ, да гнѣвно такъ:

— Что-о?!. Ты хочешь убить мою собачку?

И мгновенно превратила она его въ камень, и онъ остался лежать тутъ же на мѣстѣ.

Между тѣмъ, жена тщетно ждала мужа и все думала:

„Конечно, его постигло несчастье, которое такъ пугало меня и камнемъ давило мнѣ сердце“.

А на родинѣ его братъ стоялъ какъ-то около золотыхъ лилій, и вдругъ одна изъ нихъ упала на землю.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ онъ. — Видно, большое несчастье случилось съ моимъ братомъ. Надо мнѣ ѣхать за нимъ; можетъ, я еще спасу его.

И сказалъ тогда отецъ:

— Останься здѣсь. Если я и тебя еще потеряю, что́ я тогда стану дѣлать?

Но онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ я долженъ, я обязанъ ѣхать на выручку къ нему!..

И сѣлъ онъ на своего золотого коня и помчался оттуда и заѣхалъ въ дремучій лѣсъ, гдѣ лежалъ его братъ, превращенный въ камень. Вышла и къ нему изъ своего домика старая вѣдьма, окликнула его и хотѣла, было, дотронуться до него, но онъ не приближался къ ней и сказалъ только:

— Я застрѣлю тебя наповалъ, ежели ты не оживишь моего брата.

Скрѣпя сердце, дотронулась она пальцемъ до камня, и въ то же мгновенiе жизнь вернулась къ нему. Обрадовались золотыя дѣти, стали цѣловать, ласкать другъ друга, а потомъ оба поскакали изъ лѣсу: одинъ—къ своей женѣ, а другой—домой, къ отцу. И сказалъ ему отецъ:

— Я уже давно зналъ, что ты освободилъ своего брата, потому, что золотая лилiя снова выпрямилась и зацвѣла попрежнему.

Вотъ и зажили они въ довольствѣ, и все у нихъ шло похорошему до конца ихъ жизни.

Лиса и гуси.

Какъ-то лиса забѣжала на лугъ, гдѣ паслось стадо славныхъ, жирныхъ гусей; засмѣялась она и сказала:

— Я явилась словно приглашенная. Вы такъ славно сидите всѣ вмѣстѣ, что я могу начать ѣсть васъ по порядку, одного за другимъ...

Загоготали гуси отъ страха, вскочили на ноги, стали плакаться, стали жалобно умолять пощадить имъ жизнь. Но лисица и слушать ничего не хотѣла, а сказала:

— Пощады никакой не будетъ; вы должны умереть.

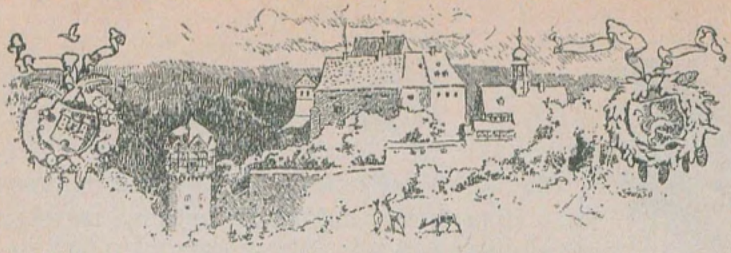
Тогда одинъ гусь собрался съ духомъ и сказалъ:

— Ежели ужъ мы, несчастные гуси, должны распроститься съ нашей юной, радостной жизнью, то разрѣши намъ одну милость: позволь намъ пропѣть свое покаяніе въ грѣшныхъ дѣлахъ, чтобы мы не умерли въ грѣхахъ. А затѣмъ мы согласны стать рядкомъ, чтобы ты могла выбрать для начала себѣ самаго лучшаго.

— Ладно,—сказала лисица.—Это справедливое и благочестивое желаніе. Пойте; я и подождать могу немного.

Ну, вотъ и началъ первый гусь очень длинное покаяніе, все одно и то же: „Га-га-га!“... А такъ какъ онъ и не думалъ кончать, а другой не хотѣлъ дожидаться, покамѣстъ до него чередъ дойдетъ, то слѣдующій тоже затянулъ: „Га-га!“... Третій и четвертый тоже послѣдовали ихъ примѣру, и вскорѣ они гоготали всѣ вмѣстѣ.

А когда они кончатъ каяться, тогда и сказка дальше будетъ разсказана; но они продолжали гоготать безъ умолку и все еще гогочутъ до сихъ поръ.



Храбрый портняжка.

Сидѣлъ разъ лѣтнимъ утромъ портняжка на столѣ у открытаго окна, веселый-развеселый, и шилъ за троихъ.

Шла тою порою по улицѣ крестьянка, шла да покрикивала:

— Э-э!... Вотъ славное варенье на продажу! Вотъ варенье, такъ варенье!..

Пріятно поразилъ этотъ крикъ портновскія уши, высунулся онъ въ окошко и крикнулъ:

— Зайдите сюда, миленькая, здѣсь вашъ товаръ живо раскупятъ!

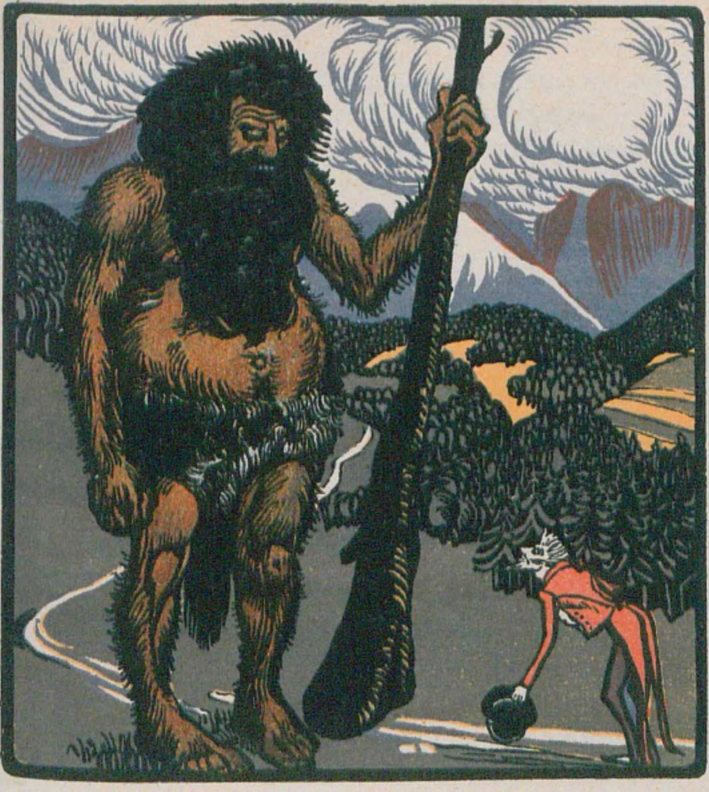
Женщина вскарабкалась по тремъ лѣстницамъ наверхъ къ портному, со своей тяжелой корзиной и раскрыла передъ портнымъ всѣ банки до единой.

Онъ ихъ осмотрѣлъ основательно и на свѣтъ-то ихъ разсматривалъ, и носъ-то въ банки совалъ да нюхалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Варенье, кажись, недурно. А ну-ка, отвѣсь мнѣ четыре лота, милая женщина, а, впрочемъ, ежели четверть фунта отвѣсишь, я ничего не буду имѣть противъ.

Торговка, которая думала хорошо сбыть товаръ, подала требуемое и удалилась крайне разсерженная и все что-то ворчала себѣ подъ носъ.

— Ну-съ, вареньице пришло мнѣ кстати, слава Богу! — воскликнулъ портняга.—Надо же подкрѣпить свои силы!..



„Храбрый портняжка“.

Досталъ онъ себѣ изъ шкафа хлѣбъ, отрѣзалъ кусокъ во весь коровай и намазалъ его вареньемъ.

— Это на вкусъ не будетъ горько, хе-хе-хе!.. — сказалъ

—А все-таки я прежде дошью жилетъ, а потомъ ужъ и закушу...

И онъ положилъ около себя хлѣбъ и принялся шить дальше и отъ радости металъ стежки все крупнѣе и крупнѣе.

Между тѣмъ, запахъ сладкаго варенья разносился по всей комнатѣ, и учуяли это мухи, что сидѣли во множествѣ на столѣ; снялись онѣ съ мѣста и кучею облѣпили кусокъ.

— Эге! Кто васъ приглашалъ?—вскрикнулъ портняга и отмахнулъ непрошенныхъ гостей.

Однако, мухи словъ человѣческихъ не понимали и приказа портняжки не слушались, и на кусокъ слеталось ихъ все больше и больше.

Тутъ портнягу ужъ, какъ говорится, за сердце взяло; выхватилъ онъ тряпку изъ-за печки, замахнулся на нихъ:— „Постойте же, я вамъ задамъ!“—и безсердечно ударилъ по нимъ со всего размаху.

Приподнялъ онъ тряпку, сталъ мухъ считать; лежатъ семь штукъ, никакъ не меньше,—лежатъ да лапки выпячиваютъ.

— Это что-жъ я за молодчина такой! — молвилъ онъ и самъ на свою храбрость надивиться не могъ. —Ну, объ этомъ долженъ узнать весь городъ.

И поспѣшно выкроилъ онъ себѣ поясъ, сметалъ его да еще вышилъ на немъ огромными буквами:

„Однимъ ударомъ—семерыхъ“.

— Да что я говорю — городъ, — продолжалъ онъ, — весь свѣтъ долженъ объ этомъ узнать, — и сердце портновское запрыгало отъ радости, какъ овечій хвостикъ.

Опоясался портной кушакомъ и рѣшилъ отправиться странствовать по бѣлому свѣту, потому что теперь по его удали мастерская была ему тѣсновата. Прежде чѣмъ тронуться въ путь, онъ обшарилъ весь домъ, въ надеждѣ найти что-нибудь себѣ на дорогу, да ничего не нашелъ, кромѣ стараго сыра, который захватилъ съ собою. У воротъ запримѣтилъ онъ птичку, запутавшуюся въ кустарникѣ, и ту сунулъ себѣ въ карманъ, гдѣ у него лежалъ сыръ. И пустился онъ храбро отмѣривать ногами дорогу и такъ какъ былъ легокъ на ногу и тощъ, то почти не чувствовалъ никакой усталости.

Дорога привела его на гору, и когда онъ вскарабкался на самую вершину, то увидѣлъ, что тамъ сидѣлъ мощный великанъ, который равнодушно вскинулъ на него глазами.

Нашъ портняга храбро направился прямо къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Добрый день, дружище. Чего это ты сидишь да на свѣтъ Божій посматриваешь? А я вотъ пускаюсь въ далекое странствіе; хочешь со мной идти и быть моимъ спутникомъ?

Съ презрѣніемъ смѣрилъ его взоромъ великанъ съ ногъ до головы и говоритъ:

— Ахъ, ты, пиголица!.. Ахъ, ты, несчастный коропузъ!

— Такъ, да не совсѣмъ,—отвѣтилъ портной, разстегнулъ камзолъ и показываетъ ему на поясъ.—Можешь здѣсь прочитать, что я за особа такая. Нда-съ...

Вотъ великанъ прочелъ:—«Однимъ ударомъ семерыхъ»,—подумалъ, что это все были люди, которыхъ портняга уложилъ, и проникся нѣкоторымъ уваженіемъ къ маленькому человѣчку. Однако, сначала онъ все-таки захотѣлъ испытать его,—взялъ камень да такъ его сжалъ, что вода потекла изъ него.

— Сдѣлай-ка вотъ такъ же, — сказалъ великанъ,—коли силенка въ тебѣ есть.

— Только-то?—молвилъ портняжка.—Да этимъ у насъ забавляются!..—вытащилъ мягкій сыръ изъ кармана да такъ сдавилъ его, что изъ него масло закапало.

— Что?..—сказалъ онъ.—Это, пожалуй, почище будетъ? А?

Великанъ не нашелся, что̀ и сказать, однако, все-таки этому коропузу вѣры не давалъ. Вотъ онъ поднялъ камень съ земли и зашвырнулъ его, да такъ высоко, что глазомъ его едва-едва можно было примѣтить.

— Ну, мелюзга, потягайся-ка со мною!

— Брошено-то недурно,—сказалъ портной,—однако, камень твой все-таки свалится назадъ. А я зашвырну такъ, что онъ никогда назадъ не свалится,—сунулъ руку въ карманъ, ухватилъ птичку и вскинулъ ее на воздухъ. Птичка обрадовалась свободѣ, полетѣла, взвилась высоко-высоко и обратно не упала.

— Что, дружище, нравится тебѣ мое искусство?—спросилъ портной.

— Нда... бросать ты умѣешь, точно,—сказалъ великанъ.— А вотъ посмотримъ, хватитъ ли у тебя силы снести какую-нибудь тяжесть.

И повелъ онъ портняжку къ высокому дубу, что лежалъ вблизи, сваленный на землю, и сказалъ:

— Коли силенъ ты, подсоби мнѣ это дерево вытащить изъ лѣсу!..

— Да съ нашимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ маленькій человѣкъ,—взвали только комель себѣ на плечи, а я подниму на себя вершину со всѣми сучьями, это,—небось, потяжелѣе будетъ.

Взвалилъ великанъ комель на плечи, а портняжка усѣлся себѣ на сукъ, и великанъ, которому никакъ нельзя было обернуться назадъ, поволокъ вмѣстѣ съ нимъ цѣлое дерево.

А портной-то, себѣ на умѣ, сидитъ позади веселехонекъ да пѣсенку насвистываетъ:

„Три портняги выѣзжали,
„Выѣзжали изъ воротъ“...

Какъ-будто ноша ему нипочемъ, такъ, игрушка дѣтская.

Великанъ, протащивъ порядочное разстояніе тяжелую ношу, не могъ уже дальше и шагу ступить отъ усталости и крикнулъ:

— Слышь ты! Я дерево сброшу!

Тутъ портной живо спрыгнулъ съ сука, подхватилъ вѣтви обѣими руками, какъ-будто все время тащилъ ихъ, и крикнулъ великану:

— Этакій рослый дѣтина, а деревца поднять не можешь!

Вотъ и пошли они дальше, а когда проходили мимо вишневаго дерева, ухватилъ великанъ за вершину, гдѣ висѣли самыя спѣлыя вишни, нагнулъ ее, передалъ портному и сталъ ягоды ѣсть. Да слабенекъ былъ нашъ портной, чтобы дерево сдержать, и едва только великанъ выпустилъ изъ рукъ вершину, дерево распрямилось, и портной взлетѣлъ на самый верхъ.

Вотъ, когда онъ благополучно свалился внизъ, великанъ его и спрашиваетъ:

— Это что-жъ такое?.. Али силенки у тебя нѣтъ сдержать этотъ слабый прутъ?

— Не въ силѣ дѣло...—отвѣтилъ портняга.—Или ты думаешь, это что-нибудь значитъ для того, кто однимъ ударомъ семерыхъ побиваетъ? Я, небось, черезъ дерево перепрыгнулъ, потому что тамъ вонъ внизу, въ рощѣ, охотники стрѣляютъ. Ну-ка, прыгни, коли можешь, вотъ такъ же...

Попробовалъ, было, великанъ, да тяжелъ былъ, не перепрыгнулъ черезъ дерево, а застрялъ въ сучьяхъ и повисъ, такъ что и на этотъ разъ портняжка верхъ взялъ. И сказалъ великанъ:

— Коли ты въ самомъ дѣлѣ такой ловкій молодчикъ, пойдемъ со мной въ нашу пещеру да переночуй у насъ.

Портняжка на это согласился и тотчасъ пошелъ слѣдомъ за нимъ. Вотъ когда они вошли въ пещеру, тамъ вокругъ огня сидѣли другіе великаны, и у каждаго въ рукахъ было по жареной овцѣ, которыя они и уписывали за обѣ щеки.

Оглядѣлся портняжка и подумалъ: „А здѣсь попросторнѣе будетъ, чѣмъ въ моей мастерской“. Великанъ указалъ ему постель и сказалъ, чтобы онъ скорѣе улегся да выспался. Да больно велика была постель для портного; онъ и не легъ посередкѣ, а заползъ въ уголокъ и притулился въ немъ.

Когда наступила полночь, великанъ, думая, что портняжка теперь, навѣрно, ужъ заснулъ, взялъ большую желѣзную полосу и однимъ ударомъ перешибъ постель пополамъ, въ полной увѣренности, что наповалъ убилъ этого крохотнаго кузнечика.

Рано-рано поутру отправились великаны въ лѣсъ, о портняжкѣ же совсѣмъ и думать-то забыли, а портняжка — вотъ онъ, откуда ни возьмись, веселый да румяный, навстрѣчу имъ жалуетъ.

Испугались великаны, какъ бы онъ ихъ однимъ ударомъ всѣхъ не перебилъ и въ страхѣ разбѣжались въ разныя стороны.

Пошелъ себѣ портной дальше, въ какую сторону ему длинный носъ указывалъ. Долго странствовалъ онъ всюду и пришелъ, наконецъ, на дворъ королевскаго замка, и такъ какъ больно усталъ отъ дороги, то прямо на травѣ улегся и заснулъ. Между тѣмъ какъ онъ тамъ лежалъ да полеживалъ, собрались люди вокругъ него, стали осматривать его со всѣхъ сторонъ и, между прочимъ, прочли: „Однимъ ударомъ семерыхъ“.

—Ого!—подивились они.—Чего ему надо здѣсь въ мирное время?.. То-то, должно-быть, отчаянный рубака!..

И сейчасъ же пошли и доложили королю да еще добавили, что-де на время войны это былъ бы замѣчательно полезный человѣкъ, котораго изъ рукъ упускать не слѣдуетъ ни за какія коврижки!..

Королю совѣтъ пришелся по нраву, и послалъ онъ одного изъ своихъ придворныхъ къ портняжкѣ съ приказомъ, чтобы когда тотъ проснется, пригласить его поступить къ нимъ въ войско. Долго стоялъ посолъ надъ соней, наконецъ-то дождался, когда тотъ расправилъ свои члены и открылъ глаза; тутъ ему посолъ предложеніе короля и передалъ.

— Да я затѣмъ именно и пришелъ, — отвѣчалъ тотъ;— я готовъ хоть сейчасъ поступить на королевскую службу.

Съ великими почестями приняли портняжку ко двору и отвели ему особое помѣщеніе. Однако, королевскимъ воинамъ портняжка былъ не по нутру, и имъ очень хотѣлось удалить его отсюда куда-нибудь подальше.

— Ну, что хорошаго будетъ,—разсуждали они между собою,—ежели мы съ нимъ учинимъ драку, да онъ накинется на насъ? Каждымъ ударомъ онъ будетъ сваливать семерыхъ. Тогда никому и не сдобровать...

Вотъ и уговорились они между собою, отправились къ королю и стали просить объ отставкѣ.

— Гдѣ же намъ тягаться,—говорили они,—съ человѣкомъ который однимъ ударомъ побиваетъ семерыхъ?

Опечалился король, что долженъ ради одного человѣка всѣхъ своихъ вѣрныхъ слугъ лишиться, и согласился лучше въ глаза портнягу больше не видѣть и прогнать его.

Однако, отставку ему дать онъ все-таки не рѣшился, потому что боялся, ну, какъ портняжка убьетъ его и самъ сядетъ на королевскій тронъ. Долго онъ смекалъ и такъ, и этакъ, наконецъ, напалъ на удачную мысль. Послалъ за портняжкой и велѣлъ ему сказать, что-де такъ какъ онъ такой великій воинъ-герой, то хочетъ король предложить ему одно дѣльце. Въ одномъ ихъ лѣсу поселились двое великановъ, которые грабежами, убійствами, поджогами издавна уже наносятъ большой ущербъ его подданнымъ. Никто ни разу не смѣлъ даже прбилизиться къ нимъ, не подвергая жизни своей вѣрной опасности. Если онъ этихъ двухъ великановъ одолѣетъ и убьетъ,—то король пожалуетъ ему свою единственную дочь въ супруги и полкоролевства въ приданое. Ему должна будетъ сопутствовать сотня рыцарей и по силѣ-мòчи помощь всяческую оказывать.

„Это порученьице достойно такого молодца, каковъ я,—подумалъ портняжка:—прекрасную королевну да полкоролевства предлагаютъ не всякому и не каждый день“.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ королю,—великановъ этихъ я укрощу... а сотня рыцарей мнѣ ни къ чему не нужна. Кто семерыхъ однимъ ударомъ валитъ, тому двоихъ бояться нечего!...

Вотъ и тронулся портняга въ путь, и сто рыцарей слѣдовали за нимъ. А когда достигли они опушки лѣса, онъ и говоритъ своимъ спутникамъ:

— Подождите меня здѣсь, я ужъ одинъ справлюсь съ великанами.

Затѣмъ шмыгнулъ въ лѣсъ, оглянулся направо, налѣво, во всѣ стороны... И вскорѣ замѣтилъ обоихъ великановъ, которые развалились подъ деревомъ, и спали, храпя во всю ивановскую, такъ что вѣтки сверху до-низу качались...

Вотъ портняжка, не будь лѣнивъ, набилъ оба кармана камнями и вкарабкался на дерево. А какъ забрался въ самую гущину, примостился на одной изъ вѣтвей такъ, чтобы какъ разъ быть надъ спящими, и сталъ швырять одинъ камень за другимъ одному изъ великановъ на грудь.

Долго великанъ ничего не чуялъ, наконецъ, проснулся-таки, растолкалъ товарища и говоритъ:

— Ты чего же дерешься-то?..

— Что ты бредишь!..—отвѣтилъ другой,—я и не думалъ драться.

Улеглись они снова спать, а портной сталъ бросать камень за камнемъ на другого великана.

— Это что значитъ?.. — вскрикнулъ тотъ. — Чѣмъ ты швыряешься въ меня?..

— Ничѣмъ я не швыряюсь, — отвѣтилъ первый и заворчалъ себѣ что-то подъ носъ.

Повздорили они немного между собою, однако, усталость взяла свое, и они махнули на все рукой, и глаза ихъ закрылись сами собою.

А портняга началъ сызнова потѣху: выбралъ самый что ни есть крупный камень и со всего размаха швырнулъ его на грудь перваго великана.

— Ну, ужъ это слишкомъ!—завопилъ тотъ, вспрыгнулъ какъ помѣшанный да такъ толкнулъ своего товарища о дерево, что все оно затряслось. Но и другой въ долгу не остался, и оба они пришли въ такую ярость, что стали вырывать деревья да съ-плеча бить ими другъ друга до тѣхъ поръ, покамѣстъ оба не протянули ноги.

Тутъ портняжка—скокъ на землю.

— Счастье еще,—вскрикнулъ онъ,—что они не вырвали того дерева, на которомъ я сидѣлъ, не-то пришлось бы мнѣ, какъ бѣлкѣ, на другое перескакивать... Да я проворенъ!..

Вытащилъ онъ мечъ и нанесъ каждому изъ нихъ по двѣ глубокихъ раны въ грудь; потомъ пошелъ изъ чащи къ рыцарямъ и говоритъ:

— Работа справлена, я ихъ обоихъ порѣшилъ; однако, мнѣ самому пришлось солоно,—они въ отчаяніи вырывали деревья и защищались ими, только это имъ не помогло, разъ вышелъ на нихъ кто-нибудь, вродѣ меня, который семерыхъ однимъ ударомъ бьетъ...

— Вы не ранены?—спросили его рыцари.

— Дѣло шло какъ по маслу,—отвѣтилъ портной;—они и волоска на мнѣ не тронули.

Но рыцари не повѣрили его словамъ и сами поскакали въ чащу лѣса и тамъ, точно, нашли великановъ, плавающихъ въ крови, а вокругъ—вырванныя деревья.

И сталъ портняжка требовать отъ короля обѣщанную награду, а тотъ ужъ раскаялся въ своемъ обѣщанiи и придумалъ новый поводъ, какъ бы отдѣлаться отъ этого героя.

— Прежде чѣмъ тебѣ получить мою дочь и половину королевства,—сказалъ онъ ему,—ты долженъ выполнить еще одинъ геройскiй подвигъ. Рыщетъ у насъ по лѣсу единорогъ, который творитъ великiя бѣды; ты его долженъ изловить.

— Ну, одного единорога я боюсь и того меньше, чѣмъ двоихъ великановъ; вотъ семерыхъ однимъ ударомъ свалить,—это дѣло по мнѣ!

Захватилъ онъ съ собою веревку да топоръ и отправился въ лѣсъ, а тѣмъ, что слѣдовали за нимъ, наказалъ снова ждать его на опушкѣ.

Недолго пришлось ему искать непрiятеля: — единорогъ вскорѣ выскочилъ изъ чащи и набросился прямо на портного, словно хотѣлъ, не мѣшкая, нанизать его на свой рогъ.

— Легче, легче!—сказалъ портной.—Поспѣшишь, людей насмѣшишь!..—а самъ сталъ на мѣстѣ и ждетъ, пока звѣрь совсѣмъ близко подскочитъ къ нему,—тогда онъ въ мгновенiе ока отпрыгнулъ за дерево. Сразбѣгу звѣрь набѣжалъ изо всей силы на дерево и такъ крѣпко засадилъ свой рогъ въ стволъ, что силы у него не хватало высвободить его; такъ онъ и остался пойманнымъ на мѣстѣ.

— Ну, теперь птичка моя!—сказалъ портной, вышелъ изъ-за дерева, обвязалъ вокругъ шеи единорога веревку, потомъ вырубилъ топоромъ рогъ изъ дерева и, когда все было готово, повелъ за собою звѣря и вручилъ его королю.

Но все еще не хотѣлось королю удостоить его обѣщанной награды, и предложилъ онъ ему третій вызовъ. Долженъ былъ портной теперь поймать дикаго кабана, который творилъ много бѣдъ въ лѣсу.

— Ладно,—молвилъ портной,—все это дѣтскія игрушки...

Егерей онъ съ собою въ лѣсъ не повелъ, а они тому и рады были, потому что уже много разъ дикій кабанъ нагонялъ на нихъ такого страху, что у нихъ всякая охота пропала гоняться за нимъ.

Какъ только кабанъ завидѣлъ портного, онъ бросился на него съ пѣной у пасти и оскаленными клыками, намѣреваясь опрокинуть его на землю; но проворный герой вбѣжалъ въ часовенку, что была поблизости, и тотчасъ же однимъ прыжкомъ выскочилъ въ верхнее окошко; кабанъ ворвался слѣдомъ за нимъ, а портной обѣжалъ кругомъ и захлопнулъ за нимъ дверь. Такъ-то бѣшеное животное и попалось: оно было тяжело и неуклюже и не могло выпрыгнуть въ окошко.

Тутъ портняжка кликнулъ егерей, чтобы тѣ своими глазами увидѣли плѣнника, а самъ отправился къ королю, который теперь,—хочешь не хочешь,—долженъ былъ сдержать свое обѣщаніе и отдать за него свою дочь да еще полкоролевства въ придачу. А знай онъ еще, что передъ ними не рыцарь-герой, а портняжка простой,—тутъ бы его пуще за сердце досада взяла.

Такъ ли, иначе ли, а свадьба была отпразднована съ большимъ великолѣпіемъ, хоть и съ большой неохотой, и портной сталъ королевичемъ.

Вотъ, нѣсколько времени спустя, королевна однажды ночью и слышитъ, какъ супругъ ея во снѣ бормочетъ:

— Малецъ, сшей-ка вотъ жилетъ да панталоны заштопай, не-то я тебя аршиномъ по ушамъ отколочу!..

Тутъ-то она догадалась, какого поля ягодка былъ юный королевичъ, и на слѣдующее утро повѣдала о своемъ горѣ отцу и просила его, чтобы онъ помогъ ей избавиться отъ мужа, который былъ не кто иной, какъ портной.

Сталъ король утѣшать ее и говоритъ:

— На слѣдующую ночь оставь дверь въ его спальню незапертой; слуги будутъ стоять на-сторожѣ, и какъ только онъ заснетъ, они войдутъ къ нему, свяжутъ его и снесутъ на корабль, который умчитъ его на край свѣта...

На томъ королевна и утѣшилась; но королевскій оруженосецъ, который все это слышалъ отъ слова до слова и сочувствовалъ молодому господину, передалъ ему весь заговоръ.

— Ну, я этой затѣѣ помѣшаю!..—молвилъ портняжка.

Вечеромъ улегся онъ въ обычное время на кровать, и королевна тоже; вотъ, думая, что онъ уже заснулъ, поднялась она, отперла дверь и легла снова. А портняжка, который только прикидывался, что спитъ, ну кричать во весь голосъ:

— Малецъ, шей жилетку... штопай панталоны, а не-то отколочу по ушамъ аршиномъ!.. Я, небось, семерыхъ однимъ ударомъ уложилъ, двухъ великановъ убилъ, единорога привелъ да еще дикаго кабана словилъ, — такъ тѣхъ ли мнѣ бояться, кто за дверями комнаты стоитъ?!..

Какъ только тѣ услыхали, что бормочетъ портной,— ужасъ охватилъ ихъ непомѣрный, и они пустились бѣжать со всѣхъ ногъ, какъ-будто домовой гнался по ихъ пятамъ, и ни одинъ изъ нихъ не отважился идти войной противъ него.

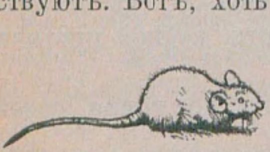
Такъ и остался королемъ портняжка до конца своей жизни.

Про мышку, птичку и колбасу.

Однажды мышка, птичка и колбаса сговорились жить сообща, завели хозяйство, зажили въ довольствѣ, въ полномъ согласіи и понемногу все увеличивали да увеличивали свое имущество.

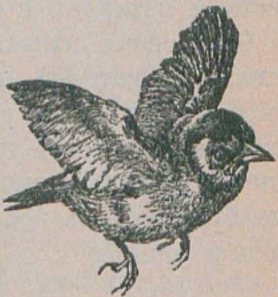
У птички работа была та, чтобы въ лѣсъ каждый день летать и дрова таскать; мышка должна была воду носить, огонь разводить, на столъ накрывать, а колбаса кушанье готовила.

У кого всего довольно, тому все большаго да большаго хочется. И вотъ однажды повстрѣчалась на дорогѣ съ нашей птичкой другая птица, которой она о своемъ привольномъ житьѣ-бытьѣ повѣдала да все выхваливала. А та, другая-то птица выбранила ее простофилей: на тебя-де всю тяжелую работу взвалили, а тѣ двое-де дома весь день благодушествуютъ. Вотъ, хоть бы мышь: какъ огонь развела, воды натаскала,—и пошла къ себѣ въ каморку на покой, покамѣстъ ее не кликнутъ на столъ накрывать. Колбаска, знай, стоитъ надъ горшечкомъ да присматриваетъ за кушаньемъ, а какъ время обѣда наступитъ, проскользнетъ она раза четыре по кашицѣ или овощамъ,— вотъ они и промаслены, и просолены, и готовы.



Вернулась птичка домой послѣ того, ношу свою свалила, и сѣли они за столъ, а послѣ обѣда завалились на-боковую спать до слѣдующаго утра. То-то расчудесное житье!..

Вотъ на другой день птичка для начала не захотѣла больше летѣть въ лѣсъ за дровами, говоря, что-де довольно ужъ она была ихъ прислугой, позволяла себя дурачить, и пора имъ помѣняться своими обязанностями и испробовать свои силы на какой другой работѣ. И какъ противъ того горячо ни возставали мышка и колбаса, — птичка настояла на своемъ: надо-де бросить жребій на счастье, и когда бросили жребій, то вышло, что колбасѣ слѣдуетъ дрова носить, мышка должна за повара быть, а птичка воду носить.



Что же вышло? Колбаса отправилась за дровами, птичка развела огонь, мышка поставила горшочекъ на огонь, и стали они вдвоемъ поджидать, когда-то колбаса назадъ вернется и дрова къ слѣдующему дню принесетъ. Однако, колбаса такъ замѣшкалась въ дорогѣ, что на нихъ раздумье напало, и полетѣла птичка колбасѣ навстрѣчу. И нашла она невдалекѣ на дорогѣ собаку, которая, какъ съ неба свалившуюся добычу, ухватила колбаску и лакомилась ею.

Стала птичка жаловаться на это, какъ на явное преступленіе со стороны собаки, но словомъ дѣлу не помогла; собака сказала, что будто она нашла при колбаскѣ какія-то подметныя письма и по этому случаю лишила ее жизни.

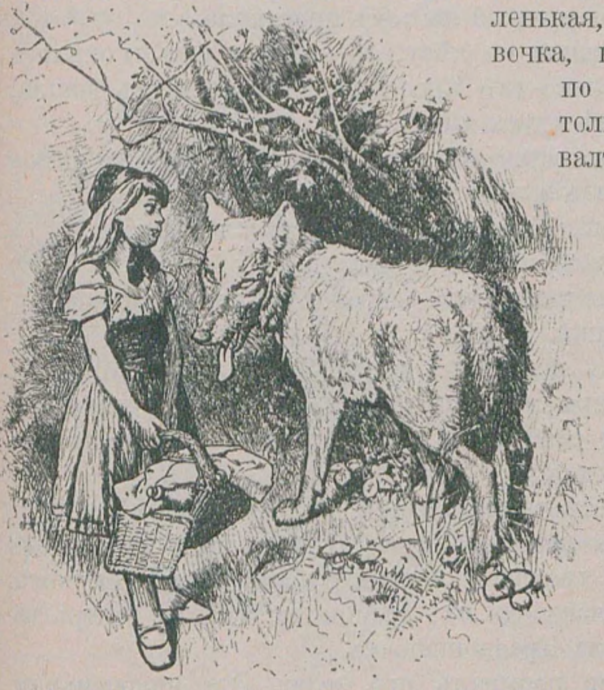
Печально подняла птичка вязанку дровъ, полетѣла назадъ и повѣдала обо всемъ, что видѣла и слышала. Огорчились онѣ съ мышкой страшно, но порѣшили между собою за лучшее остаться жить сообща.

Вотъ накрыла птичка на столъ, а мышка кушанье изготовила и хотѣла, какъ, бывало, колбаска дѣлала, проскользнуть по овощамъ, чтобы помаслить ихъ, но едва она сунулась въ горшокъ, какъ охватило ее кипяткомъ, и она лишилась жизни со своею шкуркой и шерсткой.

Вотъ птичка явилась за кушаньемъ, чтобы его на столъ нести, а повара-то и нѣтъ какъ нѣтъ.

Огорченная птичка ну полѣна туда-сюда швырять, ну кликать, искать ее, но все-таки никакъ своего повара не могла найти. А по ея неосторожности и недосмотру запылали разбросанныя дрова, и вспыхнулъ пожаръ; бросилась птичка воду таскать, а бадья-то у нея въ колодецъ и упала; она бросилась за ней, но оттуда выбраться ужъ не могла, тамъ и утонула.

Красношапочка.



Жила-была однажды маленькая, миловидная дѣвочка, которая каждому по душѣ была, кто только ни взглядывалъ, бывало, на нее; а ужъ всего больше любила ее бабушка, которая положительно не знала, чѣмъ только дѣвочку ублажить.

Вотъ однажды и подарила она дѣвочкѣ шапочку изъ краснаго бархата, и такъ какъ шапочка эта къ ней очень шла и ничего другого она носить не хотѣла, — ее и прозвали за то Красношапочкой.

Однажды мать ей и говоритъ:

— Слушай, Красношапочка. Вотъ тебѣ кусокъ пирога, бутылка съ виномъ; отнеси это бабушкѣ; расхворалась она что-то, ослабѣла, пускай этимъ вотъ подкрѣпится. Только иди сейчасъ, пока еще не знойно, а когда выйдешь изъ дому, иди тихо, смирно и съ дороги не сворачивай, а не-то упадешь и бутылку расколешь, и попотчевать будетъ бабушку нечѣмъ. А когда войдешь къ ней, не забудь сказать:—„Съ добрымъ утромъ“, и не бѣгай по разнымъ угламъ да закоулкамъ.

— Ужъ я все сдѣлаю, какъ слѣдуетъ,—сказала Красношапочка матери и руку ей на томъ протянула.

А бабушка-то жила въ лѣсу, съ полчаса ходьбы отъ ихъ деревни. Вотъ, только-что Красношапочка въ лѣсъ вошла, какъ навстрѣчу ей волкъ идетъ.

Красношапочка вовсе не знала, что за злое животное этотъ волкъ, и поэтому ни чуточки его не испугалась.

— Добрый день, Красношапочка!—сказалъ онъ.

— Большое спасибо тебѣ, волкъ.

— Куда это ты такъ рано собралась, Красношапочка?..

— А къ бабушкѣ.

— А что ты въ передникѣ несешь?

— Пирогъ вчера мы испекли да вотъ вино; авось, бабушкѣ больной и слабенькой отъ этого лучше станетъ: она подкрѣпится немножко.

— А гдѣ живетъ твоя бабушка, Красношапочка?

— Да еще съ четверть часа ходьбы отсюда, въ чащѣ лѣса; тамъ, подъ тремя огромными дубами стоитъ ея домъ, а вокругъ него—изгородь изъ орѣшника; чай, ты теперь запомнишь!..—сказала Красношапочка.

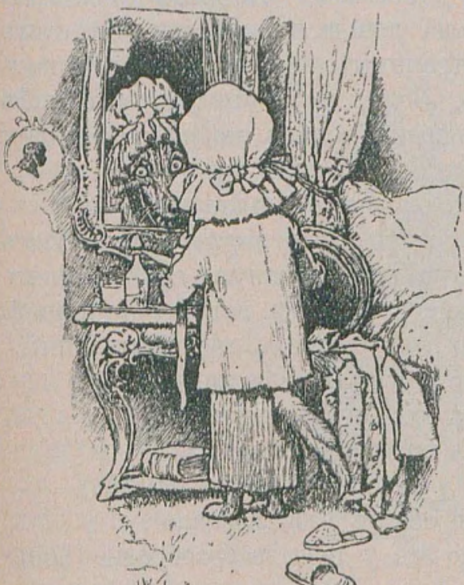
Вотъ волкъ и подумалъ про себя: „Эта молоденькая, нѣжная дѣвочка — лакомый кусочекъ, повкуснѣе, нежели старуха. Ну-ка, волчище, обдѣлай-ка это дѣло хитренько, схапай-ка ихъ обѣихъ“...

Вотъ прошелъ онъ немножко рядомъ съ Красношапочкой да и говоритъ потомъ:

— Красношапочка, полюбуйся-ка на эти чудные цвѣты, что цвѣтутъ вокругъ. Почему ты не любуешься на нихъ? А? Или ты вовсе не слышишь, какъ и птички распѣваютъ?..

Ты идешь словно въ школу, чинно, смирно, а въ лѣсу куда какъ весело!..

Вскинула Красношапочка глаза, увидала, какъ солнечные лучи сквозь листву такъ и пляшутъ тамъ и сямъ, а лужайка вся словно усыпана цвѣтами, и подумала дѣвочка: „Коли я принесу бабушкѣ свѣженькій букетъ, она еще больше обрадуется. Вѣдь еще рано, и я приду какъ-разъ во-время“...



И сбѣжала она съ дороги въ лѣсъ и стала рвать цвѣты. Только сорветъ одинъ, какъ вдругъ кажется ей, что рядомъ растетъ цвѣтокъ еще красивѣе, и бросится къ тому; такъ и заходила она незамѣтно все глубже да глубже въ лѣсъ.

А волкъ пустился напрямки къ бабушкиному дому и постучался у дверей.

— Кто тамъ?

— Красношапочка. Принесла пирогъ да вина. Открой-ка...

— Нажми на дверную ручку! — крикнула бабушка. — Я слаба и встать не могу!..

Волкъ нажалъ на дверную ручку! дверь распахнулась, и онъ, слова не говоря, прямо бросился къ постели бабушки и проглотилъ старуху цѣликомъ.

А потомъ нарядился онъ въ ея платье, напялилъ на себя чепчикъ и улегся въ постель да еще пологъ задернулъ.

А Красношапочка бѣгала отъ цвѣтка къ цвѣтку, и когда набрала ихъ много-много, такъ что больше и снести не могла, вспомнила о бабушкѣ и поскорѣе вышла опять на дорогу и побѣжала къ тремъ дубамъ...

Красношапочка ужасно удивилась, что дверь стояла открытая настежъ, и когда она вошла въ комнату, все тамъ показалось ей какимъ-то страннымъ, необыкновеннымъ, такъ что она подумала: „Ахъ, Боже мой, что это мнѣ такъ жутко сегодня? Вѣдь обыкновенно я такъ любила у бабушки бывать въ гостяхъ!“... И крикнула она:

— Съ добрымъ утромъ!..—но не получила отвѣта.

Вотъ подошла она къ кровати и отдернула пологъ. Тамъ лежала бабушка, но почему-то она надвинула себѣ чепчикъ совсѣмъ на лицо, да и вообще показалась какой-то странной.

— Ай, ай, бабушка! Что это у тебя за огромныя уши?..

— А это чтобы я лучше слышать тебя могла...

— Ай, бабушка, какіе у тебя огромные глаза?..

— А это чтобы я лучше видѣть тебя могла...

— Ай, бабушка, да что у тебя за большія руки?..

— А это чтобы я лучше обнять тебя могла...

— Однако, бабушка, что это у тебя за безобразно большая пасть?..

— А это чтобы я тебя скорѣе сожрать могла...

Какъ только волкъ это сказалъ, выпрыгнулъ онъ однимъ прыжкомъ изъ кровати и проглотилъ бѣдную Красношапочку.

Вотъ утолилъ волкъ свой голодъ и улегся снова въ кровать, сейчасъ же заснулъ и захрапѣлъ что есть мо́чи на весь домъ.

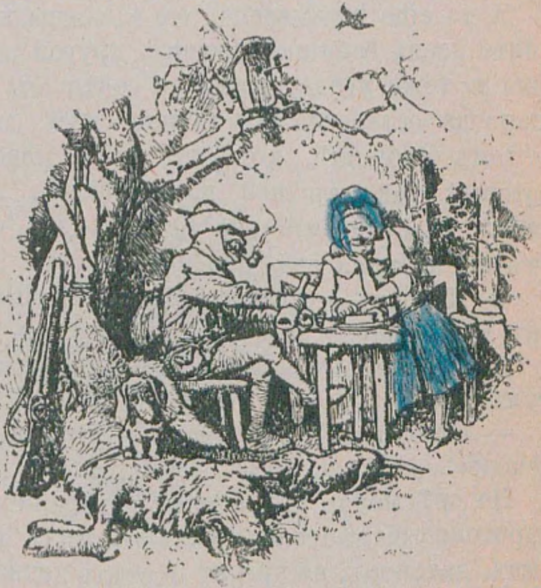
Шелъ тою порою мимо дома охотникъ и подумалъ:

„Какъ, однако, храпитъ старушка; надо провѣдать, не случилось ли съ ней чего-нибудь“...

Онъ вошелъ въ горницу, и когда приблизился къ кровати, то увидѣлъ, что тамъ лежитъ волкъ.

— Наконецъ-то я нашелъ тебя здѣсь, старый грѣховодникъ,—сказалъ охотникъ,—давненько я тебя выслѣживалъ!..

И хотѣлъ, было, онъ застрѣлить его изъ ружья да вспало ему вдругъ на мысль, что, быть-можетъ, волкъ проглотилъ бабушку, и ее можно еще спасти, и не сталъ онъ стрѣлять, а взялъ ножницы и сталъ спящему волку вспарывать брюхо.



Только успѣлъ онъ сдѣлать два надрѣза, какъ вдругъ мелькнула красная шапочка, а еще два разрѣза, — и дѣвочка выпрыгнула и крикнула:

— Ахъ, какъ я перепугалась!.. Какъ было темно въ волчьемъ желудкѣ!

А за нею вышла и старая бабушка, еще живая, но едва-едва уже дышавшая.

Тутъ Красношапочка поспѣшно набрала много большихъ камней; ими набили волку брюхо; волкъ проснулся и хотѣлъ убѣжать, но камни были такъ тяжелы, что онъ тотчасъ же грохнулся на полъ и околѣлъ.

То-то обрадовались всѣ; охотникъ содралъ съ волка его шубу и ушелъ съ нею, бабушка принялась за пирогъ, запивая его виномъ, которое Красношапочка принесла, и подкрѣпилась немного, а Красношапочка думала: „Нѣтъ ужъ, полно, во всю жизнь не стану сворачивать съ дороги, коли разъ мама мнѣ такъ наказывала“.

А то еще сказываютъ, что однажды, когда Красношапочка опять несла бабушкѣ печенье, другой волкъ заговорилъ съ нею и тоже уговаривалъ ее сойти съ дороги. Да Красношапочка остереглась и пошла своей дорогой и разсказала о томъ бабушкѣ, что вотъ, молъ, повстрѣчался ей волкъ, который хотя съ ней поздоровался, но смотрѣлъ такими злыми глазами, что „не случись это на большой дорогѣ, онъ бы кажется съѣлъ меня“...

— Пойдемъ,—сказала бабушка,—запремъ-ка двери, чтобы онъ какъ-нибудь не ворвался сюда.

Вскорѣ затѣмъ волкъ сталъ стучаться къ нимъ и крикнулъ:

— Отвори мнѣ, бабушка, я—Красношапочка, несу тебѣ печенье!..

Но онѣ молча притаились и дверей ему не отворили; тогда сѣроголовый нѣсколько разъ обѣжалъ вокругъ дома, вскочилъ, наконецъ, на крышу и сталъ поджидать, когда Красношапочка ужо вечеромъ отправится назадъ домой; онъ думалъ тогда въ сумеркахъ подкрасться къ ней и проглотить ее.

Однако, бабушка догадалась, что̀ онъ затаилъ въ мысляхъ.

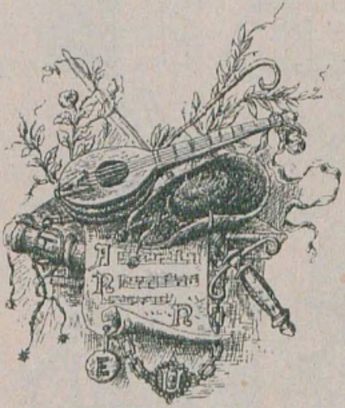
Около дома стояли большія бадьи для подниманія камней; вотъ бабушка и сказала ребенку:

— Возьми бадью, Красношапочка; я вчера колбасу варила, такъ ты слей-ка воду, въ которой я ее варила, вотъ въ этотъ чанъ.

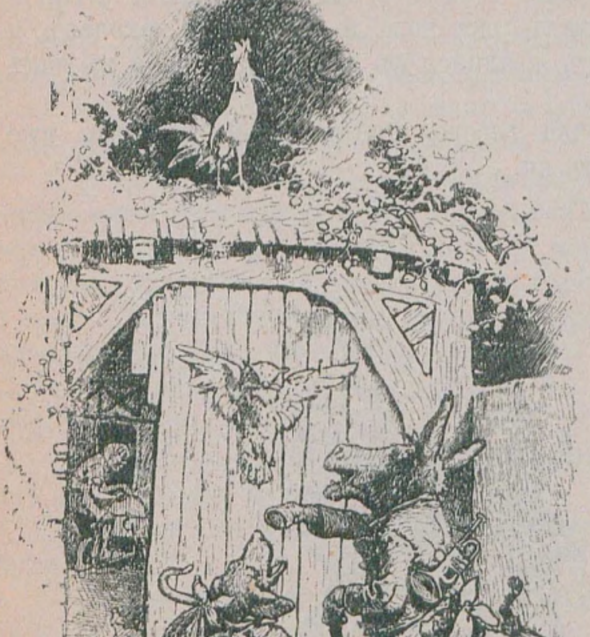
Красношапочка носила воду,—носила до тѣхъ поръ, покамѣстъ огромный чанъ до краевъ не налила.

Началъ тогда запахъ вареной колбасы щекотать ноздри волку; онъ зафыркалъ сталъ заглядывать внизъ, вытягиваться, и вытягивалъ онъ шею до того, что, наконецъ, и удержаться не могъ, свалился съ крыши да прямо въ чанъ и утонулъ.

А Красношапочка весело пошла домой, и никто уже больше не обижалъ ея.



Бременскіе уличные музыканты.



Былъ у одного человѣка оселъ, который много-много лѣтъ безъ устали возилъ мѣшки на мельницу; но отъ старости въ концѣ-концовъ сталъ онъ слабѣть день ото дня, такъ что все менѣе и менѣе годился для работы. И сталъ хозяинъ подумывать о томъ, какъ бы его съ корму долой сбыть; да оселъ и самъ замѣтилъ, что вѣтеръ ему сталъ дуть непопутный, и ушелъ прочь отъ хозяина по дорогѣ въ Бременъ *). — „Тамъ-де, — размышлялъ онъ путемъ-дорогой, — я могу совершенно свободно стать уличнымъ музыкантомъ!“...

Только прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ набрелъ на охотничью собаку, лежавшую на дорогѣ и дышавшую тяжело, какъ-будто она откуда-то долго-долго бѣжала, не останавливаясь.

---

*) Бременъ — городъ въ Германіи, встарину былъ самостоятельнымъ вольнымъ городомъ.

— Ну, чего ты такъ запыхался, меделянскій песъ?—спросилъ оселъ.

— Ахъ,—отвѣтила собака,—видишь ли, состарилась я и съ каждымъ днемъ становлюсь все слабѣе и не могу больше ходить на охоту; вотъ меня мой господинъ и рѣшилъ убить, а я и задала тягу изъ дому... Только вотъ вопросъ, какъ мнѣ теперь хлѣбъ зарабатывать?

— Знаешь что,—сказалъ оселъ,—я вотъ иду въ Бременъ и буду тамъ уличнымъ музыкантомъ; иди со мной и займись тоже музыкой. Я буду на лютнѣ играть, а ты станешь бить въ бубенъ.

Собака осталась довольна этимъ предложеніемъ, и пошли они дальше. Вотъ идутъ путемъ-дорогой и видятъ,—сидитъ на дорогѣ котъ, а мордочка у него такая, словно онъ три дня подъ дождемъ просидѣлъ.

— Ну, что невеселъ, голову повѣсилъ, старый усастикъ?—сказалъ оселъ.

— Будешь тутъ невеселъ, когда къ самому горлу ужъ подступило! — отвѣтилъ котъ. — Видишь ли, такъ какъ я уже устарѣлъ, да и зубы у меня притупились, и охотнѣе я все больше за печкой сижу да мурлыкаю, чѣмъ мышей ловлю, то хозяйка моя и велѣла утопить меня. Я, само собой, далъ стрекача; вотъ теперь мнѣ всякій совѣтъ былъ бы очень дорогъ. Потому что я не знаю, куда мнѣ дѣваться?

— Пойдемъ съ нами въ Бременъ. Ты умѣешь по ночамъ пѣсни пѣть, такъ можешь сдѣлаться уличнымъ музыкантомъ.

Коту это пришлось по нраву, и пошелъ онъ вмѣстѣ съ ними. Вскорѣ послѣ того три изгнанника проходили мимо одного за́мка, а на воротахъ сидѣлъ пѣтухъ и кричалъ во всю глотку, что есть силы.

— Эхъ, какъ ты кричишь! До мозга костей прохватываетъ,—сказалъ оселъ.—Что такое съ тобой?

— Да это я хорошую погоду предсказываю,—отвѣтилъ пѣтухъ,—потому что завтра день Богородицы, когда, по преданію, Она Своему Младенцу вымыла рубашечку и сушить надо было ее. Завтра, въ воскресенье, пріѣдутъ къ намъ гости; моя безжалостная хозяйка и сказала кухаркѣ, что завтра они сварятъ изъ меня супъ и съѣдятъ; мнѣ и тошно на душѣ, потому что мнѣ отрѣжутъ голову. Вотъ я и кричу во всю глотку, пока еще могу.

— Ахъ, ты, красноголовый!—сказалъ оселъ.—Иди съ нами. Мы идемъ въ Бременъ. Что-нибудь почище смерти-то ты найдешь всюду. У тебя хорошій голосъ, и когда мы запоемъ всѣ вмѣстѣ хоромъ, это будетъ расчудесный хоръ...

Пѣтуху это предложеніе пришлось по душѣ, и пошли они теперь уже вчетверомъ.

Однако, въ одинъ день они до города Бремена не добрались и вечеромъ пришли въ лѣсъ, гдѣ и рѣшились переночевать.

Оселъ съ собакой улеглись подъ большимъ, старымъ деревомъ; котъ и пѣтухъ примостились на сучьяхъ, и пѣтухъ кромѣ того взлетѣлъ на самую вершину, гдѣ ему было всего безопаснѣе.

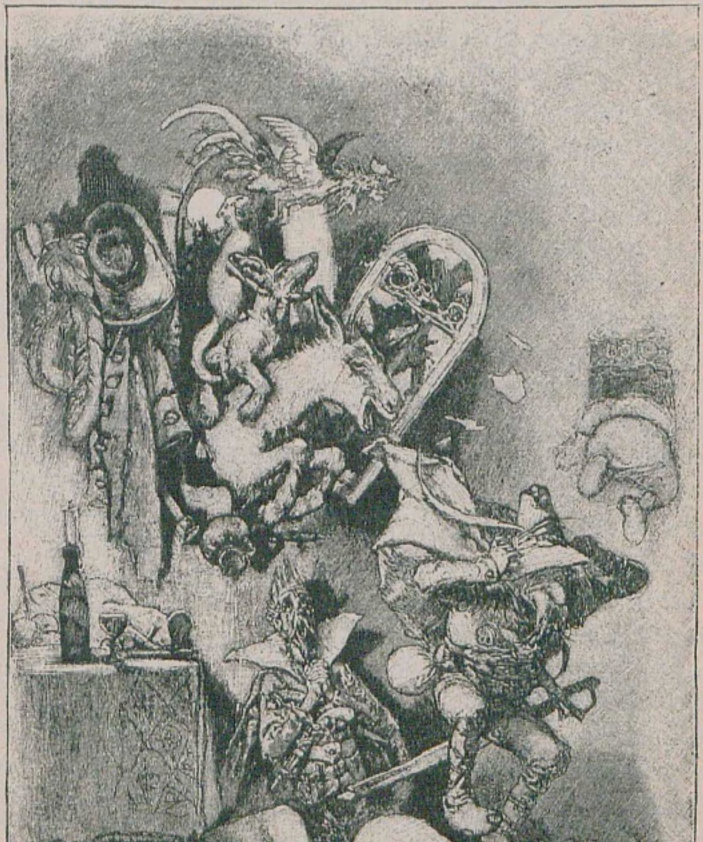
Вотъ, прежде чѣмъ глаза завести, онъ еще разъ оглядѣлся на всѣ четыре стороны, и вдругъ почудилось ему, что вдали сверкнулъ огонекъ, и крикнулъ онъ своимъ товарищамъ, что-де не совсѣмъ далеко есть жилье, потому что ему мерещится свѣтъ.

Оселъ и говоритъ:

— Ну, такъ намъ надо опять въ походъ идти, потому что здѣсь ночевать неудобно.

Собака рѣшила, что косточка-другая да къ тому же немного говядинки были бы ей теперь кстати.

Вотъ и пустились они снова въ путь-дорогу по тому на-



правленію, гдѣ огонекъ маячилъ, и вскорѣ увидѣли, какъ онъ запылалъ ярче и постепенно становился все больше и больше, и, наконецъ, добрались наши странники до ярко освѣщеннаго дома. А это былъ разбойничій притонъ.

Оселъ, какъ самый высокій, приблизился къ окошку и заглянулъ туда.

— Ну, старичокъ,—спросилъ пѣтухъ что ты тамъ видишь?

— Что я вижу?—отвѣтилъ оселъ.—Накрытый столъ съ вкусной ѣдой и питьемъ, а за столомъ разбойники, которые кушаютъ въ свое удовольствіе.

— Ахъ, это бы намъ какъ-разъ на-руку!—сказалъ пѣтухъ.

— Да, да... Хорошо бы перекусить чего-нибудь,—сказалъ оселъ.

И стали звѣри совѣтоваться, какъ имъ поступить, чтобы выгнать разбойниковъ, и придумали, наконецъ, средство. Оселъ уперся передними ногами о подоконникъ, собака вспрыгнула ослу на спину, котъ вскарабкался на собаку, а въ концѣ-концовъ пѣтухъ взлетѣлъ наверхъ и усѣлся коту на голову.

Какъ только всѣ были на мѣстахъ, по данному знаку завели они свою музыку: оселъ заверещалъ, собака залаяла, котъ замяукалъ, а пѣтухъ заоралъ „кука-реку“ — и съ этимъ бросились они черезъ окошко въ горницу,—только стекла задребезжали.

Разбойники, при неожиданномъ гамѣ, повскакали съ мѣстъ и такъ и думали, что это не кто другой, какъ привидѣніе пожаловало къ нимъ, и въ невыразимомъ ужасѣ со всѣхъ ногъ бросились изъ дому въ поле.

Вотъ наши четверо музыкантовъ сѣли за столъ, накушались досыта, затушили свѣтъ и стали искать мѣсто для ночлега, приснащиваясь каждый сообразно своей натурѣ и привычкѣ. Оселъ улегся на навозѣ, собака — за дверями, котъ—на очагѣ около еще теплой золы, а пѣтухъ примостился на нашести, и такъ какъ всѣ они больно притомились отъ долгой дороги, то скоро сладко заснули. Вотъ, какъ миновала полночь, да увидали издалека разбойники, что не горитъ больше въ домѣ огня, и все тамъ, повидимому, тихо и спокойно, атаманъ и сказалъ:

— А не слѣдовало бы намъ такъ пугаться и бѣжать сломя голову, хоть и стращали насъ...—и послалъ онъ одного изъ разбойниковъ осмотрѣть весь домъ.

Посланный нашелъ все въ порядкѣ, всюду было тихо; пошелъ онъ въ кухню огонь вздуть, и показались ему сверкающіе огненные глаза кота тлѣющими углями; онъ и сунулъ сѣрную спичку прямо въ глаза коту.

А котъ шутокъ не любилъ; бросился ему въ лицо, зафыркалъ и сталъ царапаться.

Страшно перепугался разбойникъ, бросился бѣжать и хотѣлъ чернымъ ходомъ выбраться; а собака, что лежала тамъ, вскочила и укусила его за ногу. Бросился онъ на дворъ черезъ навозныя кучи, и тутъ лягнулъ его оселъ изо всѣхъ силъ. А пѣтухъ проснулся въ суматохѣ, разошелся да какъ гаркнетъ съ нашести:

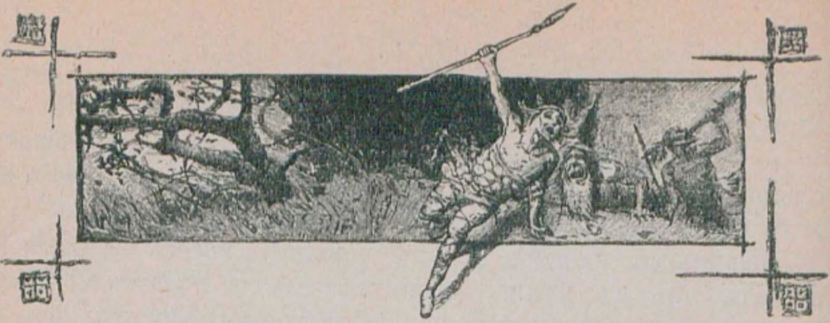
— Кукареку!..

Бросился разбойникъ бѣжать со всѣхъ ногъ къ своему атаману и повѣдалъ ему обо всемъ, что онъ переиспыталъ:

— Въ домѣ засѣла страшная вѣдьма; она заплевала мнѣ и исцарапала своими длинными пальцами все лицо. А у двери стоялъ какой-то мужчина, да еще съ ножомъ; онъ мнѣ ногу распоролъ. А на дворѣ какое-то страшилище черное-расчерное валялось; оно меня такъ-то полѣномъ попотчевало!.. А на крышѣ самъ судья сидѣлъ, который крикнулъ во весь голосъ: „Ведите ко мнѣ негодяя!“... Я оттуда и давай Богъ ноги...

Съ той поры разбойники не рѣшались уже проникнуть въ домъ, а четыремъ бременскимъ музыкантамъ такъ понравилось жить тамъ, что они и не думали уходить оттуда.

А кто послѣдній эту вѣсть повсюду разболталъ да разнесъ, у того языкъ, значитъ, еще къ нёбу не приросъ.



Поющая кость.

Однажды въ нѣкоторой странѣ стонъ стоялъ отъ сѣтованій на дикаго вепря, который портилъ, взрывалъ поля поселянъ, убивалъ животныхъ и многимъ людямъ перепоролъ животы клыками. Вотъ и пообѣщалъ король тому, кто освободитъ его страну отъ этой напасти, большую награду. Да звѣрь-то былъ такой большой да сильный, что никто не осмѣливался даже къ лѣсу приблизиться, гдѣ онъ жилъ да бушевалъ.

Наконецъ, король приказалъ оповѣстить всѣхъ, что кто поймаетъ дикаго вепря, за того выдастъ онъ замужъ свою единственную дочь.

Вотъ жили въ той странѣ два брата, дѣти бѣдняка; подумали они, подумали и обѣщали въ точности исполнить это порученіе. Старшій былъ лукавый да умный и отважился на это дѣло ради славы и почестей, а младшій, который былъ человѣкъ простой и глуповатый,—ради добраго сердца.

— Чтобы легче было вамъ поймать звѣря,—сказалъ имъ король,—идите въ лѣсъ съ разныхъ сторонъ...

Вотъ и пошелъ въ лѣсъ старшій съ запада, а младшій — съ востока. Только-что младшій немного прошелъ, вышелъ къ нему маленькій человѣчекъ, который держалъ въ рукѣ копье, и сказалъ:

— Возьми себѣ это копье, потому что сердце у тебя доброе и простое; съ нимъ ты можешь увѣренно итти на дикаго вепря, и никакой бѣды съ тобою не случится...

Поблагодарилъ юноша человѣчка, взялъ копье на плечо и безъ страха пошелъ дальше. Вскорѣ запримѣтилъ онъ звѣря, который несся прямо на него; онъ наставилъ противъ него копье, и животное въ страшной ярости сразбѣгу наскочило на него, такъ что сердце его разрѣзалось копьемъ надвое. Юноша взвалилъ страшилище себѣ на плечи и понесъ его къ королю.

Вышелъ онъ на опушку лѣса и видитъ, стоитъ харчевня, и люди тѣшатся тамъ виномъ и пляской. Тамъ сидѣлъ и его старшій братъ, который очень основательно рѣшилъ, что дикій вепрь никуда не убѣжитъ отъ него; такъ онъ прежде хотѣлъ хорошенько выпить для большей храбрости. Какъ только завидѣлъ онъ младшаго брата, который вышелъ изъ лѣсу со своей добычей, его завистливому и злому сердцу просто покою не было. И закричалъ онъ брату:

— Зайди-ка сюда, милый, отдохни немного да подкрѣпись хоть однимъ кубкомъ вина!

Ничего не могъ предположить дурного въ этомъ младшій, вошелъ въ домъ и разсказалъ брату о добромъ человѣкѣ, который подарилъ ему копье; этимъ копьемъ онъ вепря и убилъ. Старшій задержалъ брата у себя вплоть до вечера, а тамъ они вмѣстѣ и вышли изъ харчевни. Вотъ когда во мракѣ шли они по мосту черезъ ручей, старшій пустилъ младшаго впередъ итти и на самой серединѣ такъ толкнулъ его сзади, что тотъ замертво упалъ въ воду. Старшій братъ зарылъ его подъ мостомъ, отнесъ вепря королю и доложилъ, что это-де онъ самъ убилъ его. Вскорѣ послѣ того король и обвѣнчалъ его съ королевной. А такъ какъ младшій братъ все еще не возвращался, онъ и сталъ говорить: „Вепрь ему животъ вспоролъ“, и всѣ этому охотно вѣрили.

Но ничто отъ Бога не укроется,—обнаружилось въ концѣ-концовъ и это темное дѣло.

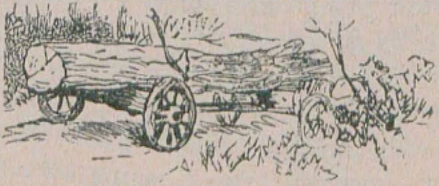
Много лѣтъ спустя, гналъ однажды пастухъ свое стадо черезъ мостъ, замѣтилъ на пескѣ у самой рѣки бѣлоснѣжную косточку и подумалъ: „Изъ этого выйдетъ хорошій наконечникъ для дудки“. Вотъ и сошелъ онъ внизъ, поднялъ ее и вырѣзалъ изъ нея наконечникъ для своего рожка. Едва только онъ въ первый разъ дунулъ, какъ косточка, къ его великому изумленію, запѣла сама-собою:

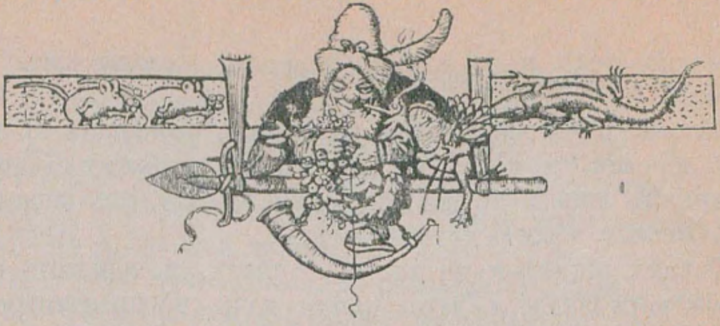
Ты, пастухъ, того не знаешь,
Что на кости ты играешь:
Старшій братъ меня убилъ,
Подъ мосточкомъ схоронилъ;
Вепря отнялъ, чтобъ за братца
Съ королевной обвѣнчаться!

— Что за диковинный рожокъ!—молвилъ пастухъ.—Самъ-собою поетъ... Надо будетъ снести его королю.

Когда онъ явился къ королю, рожокъ снова началъ распѣвать свою пѣсенку. Король сразу понялъ, въ чемъ дѣло, приказалъ разрыть землю подъ мостомъ, и тамъ нашли скелетъ убитаго охотника.

Злой братъ не могъ опровергнуть своего злодѣянія; вотъ его зашили въ мѣшокъ и живого утопили, а кости убитаго брата положили въ роскошной гробницѣ на кладбищѣ.





Чортъ съ тремя золотыми волосами.

Жила-была однажды бѣдная женщина, у которой родился сыночекъ, и такъ какъ родился онъ въ сорочкѣ, ему и напророчили, что-де на четырнадцатомъ году получитъ онъ въ жены королевскую дочь.

И случилось же въ то время такъ, что король, немного спустя, заѣхалъ въ эту деревню, а никто и знать не зналъ, что это былъ король, и когда онъ спросилъ кое-у-кого изъ людей:—„Что у васъ тутъ творится?“—ему отвѣчали:

— Да вотъ на этихъ дняхъ ребенокъ въ сорочкѣ родился, а кто такъ родится, тому счастье, удача на роду написаны. Ему и то уже предсказано, что-де на четырнадцатомъ году получитъ онъ въ жены королевскую дочь...

У короля было жестокое сердце; онъ разгнѣвался на это предсказаніе, пошелъ къ родителямъ новорожденнаго, притворился добродушнымъ и сказалъ:

— Вы—люди бѣдные. Отдайте мнѣ вашего ребенка; я его пристрою.

Тѣ сначала, было, отказывались, но незнакомецъ предлагалъ за то большія деньги, а они подумали: „Ребенокъ родился въ сорочкѣ; можетъ-быть, съ этого его благополучіе и начинается“, и въ концѣ-концовъ отдали свое дитя королю.

Уложилъ король ребенка въ ящикъ, поскакалъ съ нимъ изъ деревни, и когда подъѣхалъ къ глубкому озеру, то швырнулъ ящикъ въ воду и подумалъ: „Ну, отъ непрошеннаго жениха я свою дочь избавилъ“...

Однако, ящикъ-то на дно не пошелъ, а поплылъ себѣ, словно корабликъ, и даже капли воды не просочилось во внутрь его.

Такъ вотъ и плылъ онъ себѣ все дальше да дальше и остановился мили за двѣ отъ королевской столицы, гдѣ стояла мельница; у плотины ея онъ и застрялъ. Батракъ съ мельницы, который, къ счастью, стоялъ около, замѣтилъ ящикъ, вытащилъ его багромъ, думая найти въ немъ несмѣтныя сокровища; но когда вскрылъ его, то нашелъ въ немъ прехорошенькаго мальчика, свѣженькаго, здоровенькаго.

Вотъ онъ и принесъ его къ мельнику съ мельничихой, а какъ у тѣхъ своихъ дѣтей вовсе не было, они обрадовались этому страшно и сказали:

— Его намъ Самъ Господь послалъ...

И стали они всячески холить найденыша, а тотъ росъ у нихъ не по днямъ, а по часамъ.

И случилось разъ, что заѣхалъ король во время непогоды на мельницу и спросилъ у хозяевъ мельницы, ихъ ли это сынъ или нѣтъ.

— Нѣтъ,—отвѣтили тѣ,—это найденышъ. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ подплылъ онъ въ ящикѣ къ плотинѣ, а батракъ нашъ его изъ воды вытащилъ.

Тутъ и догадался король, что это былъ не кто иной, какъ дитя счастья, котораго онъ бросилъ въ воду.

— Добрые люди,—сказалъ онъ,—не можетъ ли вашъ молодчикъ отнести письмо къ королевѣ? Я ему два червонца дамъ въ награду за это...

— Какъ, ваше королевское величество, повелите, — отвѣтили тѣ и приказали молодчику пріодѣться.

А король написалъ въ письмѣ королевѣ: „Какъ скоро мальчикъ съ этой грамотой прибудетъ къ тебѣ, прикажи убить его и похоронить, и все это должно быть сдѣлано, прежде чѣмъ я вернусь назадъ“...

Пустился мальчикъ съ этимъ письмомъ въ путь-дорогу, да заблудился и попалъ къ вечеру въ огромный лѣсъ. Въ темнотѣ замѣтилъ онъ маленькій огонекъ, пошелъ на него и достигнулъ небольшого домика. Вошелъ онъ туда, а тамъ передъ огнемъ сидѣла старая женщина одна-одинешенька. Испугалась она, какъ завидѣла мальчика, и сказала:

— Откуда это ты бредешь и куда путь держишь?..

— Съ мельницы я иду, — овѣтилъ онъ, — а явиться мнѣ надо къ самой королевѣ и передать ей письмо; да заблудился я въ лѣсу. Позволь мнѣ остаться переночевать здѣсь...

— Ахъ, ты, бѣдный паренекъ! — молвила женщина: — Ты, вѣдь, попалъ въ разбойничій вертепъ, и какъ только разбойники вернутся домой, они убьютъ тебя.

— Пусть кто хочетъ приходитъ, — сказалъ юноша: — я ничего не боюсь; я такъ усталъ, что не могу итти дальше, — и растянулся онъ на скамейкѣ и крѣпко заснулъ.

Вскорѣ послѣ того явились разбойники и съ сердцемъ спросили:

— Чей это чужой мальчикъ валяется?

— Ахъ, — молвила старая, — это дитя ни въ чемъ неповинно; оно заблудилось въ лѣсу; я его изъ состраданія пріютила. Мальчикъ несетъ письмо къ королевѣ...

Вскрыли разбойники письмо, прочли его и узнали, что мальчика, какъ только онъ прибудетъ ко двору, тотчасъ лишатъ жизни.

И сжалились жестокосердые разбойники надъ нимъ, а атаманъ разорвалъ письмо и написалъ другое, и въ немъ стояло: „Какъ только мальчикъ придетъ, сейчасъ же его обвѣнчать съ нашей дочерью“.

И оставили они его лежать на лавкѣ, отдыхать до утра, а какъ только онъ проснулся, вручили ему письмо и показали вѣрную дорогу.

Получила королева письмо и прочла его и сдѣлала все такъ, какъ было написано въ письмѣ, — повелѣла устроить великолѣпный свадебный пиръ, и королевну повѣнчали съ счастливчикомъ. А такъ какъ юноша былъ красивъ собою и привѣтливъ, они и зажили весело и счастливо.

Черезъ нѣсколько времени вернулся король въ зáмокъ и увидѣлъ, что предсказаніе-то сбылось, и его дочь обвѣнчана.

— Да какъ же это такъ случилось?—спросилъ онъ.—Я же отдалъ въ своемъ письмѣ совершенно другое приказаніе.

Тогда королева подала ему его письмо и сказала, пускай-де онъ самъ посмотритъ, что̀ тамъ написано. Король пробѣжалъ письмо и тотчасъ замѣтилъ, что оно было замѣнено другимъ. Спросилъ онъ юношу, чтó такое случилось съ ввѣреннымъ ему письмомъ и почему онъ доставилъ другое вмѣсто того.

— Ничего я не знаю,—отвѣтилъ тотъ;—вѣрно, его ночью у меня подмѣнили, когда я ночевалъ въ лѣсу.

Разгнѣванный король сказалъ:

— Это тебѣ даромъ не пройдетъ. Кто хочетъ получить мою дочь, долженъ принести мнѣ изъ ада три золотыхъ волоса съ головы чорта. Коли принесешь ты, что я тебѣ наказываю, тогда лишь получишь руку моей дочери...

А король мечталъ этимъ самымъ разъ навсегда избавиться отъ него. Но дитя счастья отвѣчало:

— Золотые-то волосы я готовъ принести тебѣ, потому что чорта я не боюсь нисколько...

Вотъ распростился онъ затѣмъ со всѣми и пустился въ путь.

А дорога привела его къ многолюдному городу, у воротъ котораго караульный сталъ его выспрашивать, какимъ ремесломъ онъ занимается и что вообще знаетъ.

— Я знаю все,—отвѣтило дитя счастья.

— Такъ ты можешь намъ оказать нѣкоторое одолженіе,— сказалъ караульный.—Объясни только намъ, почему это бассейнъ на площади, изъ котораго раньше обыкновенно вытекало вино, совсѣмъ высохъ и теперь даже воды не даетъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ юноша.—Подождите только, покамѣстъ я вернусь назадъ.

Затѣмъ пошелъ онъ далѣе и добрался до другого города, и снова тамъ караульный-привратникъ спросилъ его, какое ремесло онъ разумѣетъ и что знаетъ вообще.

— Да все я знаю,—отвѣтилъ юноша.

— Такъ ты намъ, пожалуй, можешь оказать одолженіе и сказать, почему это одно дерево въ нашемъ городѣ раньше приносило золотыя яблоки, а теперь даже и листьевъ не выгоняетъ.

— Объ этомъ вы узнаете, — отвѣтилъ онъ. — Подождите только, пока я вернусь.

Затѣмъ пошелъ онъ далѣе и достигъ огромнаго озера черезъ которое ему надо было переѣхать. А перевозчикъ его и спросилъ, какое ремесло онъ любитъ и что знаетъ.

— Я знаю все,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ ты можешь оказать мнѣ великое одолженіе, — молвилъ перевозчикъ, — и сказать мнѣ, почему я долженъ постоянно разъѣзжать туда и назадъ, и никогда-то меня никто не смѣнитъ...

— Это ты узнаешь, — отвѣтилъ тотъ. — Подожди только, покамѣстъ я снова вернусь назадъ.

Какъ только онъ переѣхалъ черезъ рѣку, то тутъ же нашелъ и спускъ въ преисподнюю. А внутри было тамъ грязно и все закопчено сажей; самого чорта не было дома, и только его большая мамаша сидѣла въ просторномъ креслѣ.

— Что тебѣ надо? — обратилась она къ нему; но съ виду казалось, что она ни за что не исполнитъ какой бы тамъ ни было просьбы.

— Мнѣ бы нужно достать три золотые волоса съ головы чорта,—отвѣтилъ онъ,—а иначе я лишусь моей жены...

— Ну, ты многаго хочешь! — сказала она. — Вотъ какъ чортъ вернется да встрѣтитъ тебя здѣсь, не сдобровать тебѣ!.. Но мнѣ тебя жаль; посмотримъ, не могу ли я тебѣ помочь.

И обратила она его въ муравья и сказала:

— Вползи въ складки моего платья; тамъ ты въ безопасности.

— Ну что жъ,—отвѣтилъ онъ,—это все хорошо, а только хотѣлось бы мнѣ еще узнать три вещи: почему источникъ, изъ котораго прежде вино текло, теперь пересохъ, такъ что вовсе воды больше не даетъ; почему дерево, которое раньше золотыя яблоки давало, теперь и листвы даже не выгоняетъ, и почему одинъ и тотъ же перевозчикъ постоянно долженъ туда и назадъ разъѣзжать и его не мѣняютъ.

— Это все вопросы мудреные, — отвѣтила она.—Однако, будь тихъ и спокоенъ и слушай, что чортъ станетъ говорить въ то время, когда я вырву у него три золотые волоса.

Когда наступилъ вечеръ, вернулся чортъ домой. Только-только вошелъ онъ, какъ сразу же замѣтилъ, что воздухъ не совсѣмъ свѣжъ.

— Чую я человѣчье мясо...—сказалъ онъ. — Здѣсь дѣло что-то неладно...

И сталъ онъ заглядывать по всѣмъ угламъ и шарить, но найти такъ-таки ничего не могъ.

А мамаша еще къ тому же выбранила его за это.

— Только-только сейчасъ все здѣсь было выметено,—сказала она, — и все приведено въ порядокъ, а ты все опять разбудоражилъ... Вѣчно ты носомъ чуешь человѣчье мясо... Садись, что ли, сюда и поужинай...

Какъ поѣлъ онъ да попилъ, взяла его усталь, уронилъ онъ голову къ матери на колѣни и сказалъ, чтобы она у него поискала въ головѣ. Прошло немного времени, и задремалъ онъ, засопѣлъ и захрапѣлъ.

Взяла тутъ старуха золотой волосъ, вырвала его и положила около себя.

— Ай,—завопилъ чортъ,—что ты такое сдѣлала?..

— Тяжелый сонъ видѣла я,—отвѣтила мамаша,—тутъ-то я тебя и за волосы схватила...

— А что тебѣ приснилось?..—спросилъ чортъ.

— А приснился мнѣ источникъ на городской площади, изъ котораго прежде вино текло, но который теперь изсякъ, и вино оттуда больше не течетъ. Что за причина?

— Эге! Кабы они это знали!—отвѣтилъ чортъ.—Сидитъ въ томъ источникѣ подъ камнемъ жаба; ежели они убьютъ ее, то вино потечетъ снова.

Стала мать опять искать у него въ головѣ, пока онъ заснулъ и захрапѣлъ, такъ что окна задребезжали. Тогда она вырвала у него второй волосъ.

— Угу! Да что ты дѣлаешь?—гнѣвно заоралъ чортъ.

— Не гнѣвайся,—отвѣтила мать.—Снилось мнѣ, что стоитъ въ одномъ королевствѣ фруктовое дерево, которое прежде золотыя яблоки давало, а теперь и листьевъ не выгоняетъ. Что за причина тому?

— Эге! Кабы они только знали!—отвѣтилъ чортъ.—Подъ корнями сидитъ мышь и гложетъ ихъ; ежели они только убьютъ ее, дерево снова станетъ приносить золотыя яблоки; а будетъ мышь грызть корень еще больше—и совсѣмъ погибнетъ дерево. А впрочемъ—оставь ты меня въ покоѣ съ твоими снами. Ежели ты меня еще только разъ разбудишь, я тебѣ тогда задамъ!..

Уговорила его мать успокоиться и принялась искать у него въ головѣ до тѣхъ поръ, пока онъ снова не заснулъ и не захрапѣлъ. Тутъ она схватила третій золотой волосъ и вырвала его.

Чортъ даже подскочилъ на мѣстѣ, завылъ во весь голосъ и хотѣлъ, было, съ нею расправиться по-свойски, круто, но она его кое-какъ обласкала, успокоила и сказала:

— Кто же справится съ дурными сновидѣніями?

— А что тебѣ приснилось?—спросилъ онъ (Чортъ былъ-таки любопытенъ).

— А снился мнѣ одинъ перевозчикъ, который все жаловался, что долженъ-де онъ разъѣзжать туда и назадъ и никакъ не можетъ освободиться отъ того. Кто въ этомъ виноватъ?

— Эхъ, простофиля!.. — отвѣтилъ чортъ. — Да вотъ какъ кто-нибудь придетъ къ нему да захочетъ переѣхать, пускай онъ весла ему передастъ изъ рукъ въ руки, тотъ и станетъ перевозчикомъ, а самъ онъ освободится...

Такъ какъ теперь мать вырвала уже три золотыхъ волоса, и всѣ три вопроса были разрѣшены, она оставила стараго чорта въ покоѣ, и онъ заснулъ и спалъ, покамѣстъ не насталъ день.

Какъ только чортъ удалился во-свояси, достала старуха муравья изъ складокъ платья и возвратила счастливчику снова человѣческій образъ.

— Ну, на вотъ три золотые волоса,—сказала она.—А что отвѣтилъ чортъ на твои вопросы, это ты, конечно, слышалъ?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—я все слышалъ и запомнилъ.

— Значитъ, мы тебѣ сколько-нибудь да помогли, — сказала она.—Теперь ты можешь и въ путь тронуться.

Поблагодарилъ онъ старуху за оказанную въ нуждѣ помощь, покинулъ преисподнюю и былъ внѣ себя отъ радости, что все ему удалось такъ счастливо.

Когда онъ дошелъ до перевозчика, ему надо было отвѣтить на его вопросъ.

— Перевези-ка меня прежде, — сказалъ счастливчикъ,— тогда я скажу тебѣ, какъ ты можешь освободиться... — И когда онъ переправился на противоположный берегъ, то передалъ перевозчику чортовъ совѣтъ:—Когда кто-нибудь еще придетъ и захочетъ переправиться, такъ передай ему только весла въ руки.

Пошелъ онъ дальше и прибылъ въ городъ, гдѣ росло дерево безъ плодовъ и гдѣ караульный-привратникъ дожидался отъ него отвѣта.

Тогда онъ сказалъ ему, что́ слышалъ отъ чорта:

— Убейте мышь, которая гложетъ корни, и снова станетъ дерево приносить золотыя яблоки!

Поблагодарилъ его привратникъ и въ награду далъ ему двухъ ословъ, навьюченныхъ золотомъ, которые за нимъ слѣдомъ и отправились.

Въ концѣ-концовъ пришелъ онъ въ городъ, гдѣ изсякъ источникъ. Тамъ сказалъ онъ караульному, какъ чортъ наказывалъ:

— Въ источникѣ сидитъ жаба подъ камнемъ; ее-то вы должны отыскать и убить; тогда источникъ снова будетъ давать вино въ изобиліи...

Караульный поблагодарилъ его и тоже далъ двухъ ословъ, навьюченныхъ золотомъ.

Наконецъ-то дитя счастья вернулось въ свой домъ, къ своей женѣ, которая сердечно обрадовалась ему, какъ только увидѣла его и услышала, что ему удалось рѣшительно все.

Королю юноша принесъ то, что тотъ поручилъ ему достать,—три золотые волоса чорта, и когда король увидѣлъ еще четырехъ ословъ съ золотомъ, онъ былъ совершенно доволенъ и сказалъ:

— Ну, всѣ условія выполнены, и ты достоинъ получить руку моей дочери. Однако, милый зятюшка, скажи-ка мнѣ, пожалуйста, откуда это у тебя столько золота? Вѣдь это же страшное богатство!

— А я переѣзжалъ черезъ рѣку, — отвѣчалъ тотъ, — и тамъ на берегу добылъ его себѣ; оно разсыпано вмѣсто песку.

— Что жъ, и я могу тамъ набрать себѣ столько же? — спросилъ король, и сердце у него разгорѣлось отъ жадности.

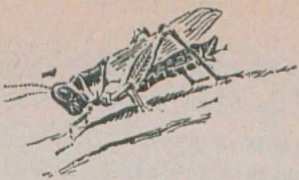
— Да, конечно, и столько, сколько вы пожелаете,—отвѣчалъ тотъ.—На рѣкѣ той есть лодочникъ-перевозчикъ; вы его и заставьте перевезти себя; а на той сторонѣ вы набьете мѣшки свои до краевъ.

Поспѣшно, какъ только могъ, собрался алчный король въ путь-дорогу, и когда онъ прибылъ къ рѣкѣ, то поманилъ къ себѣ перевозчика, чтобы тотъ перевезъ его на берегъ.

Подъѣхалъ перевозчикъ и пригласилъ его сойти въ лодку, и какъ только они причалили къ противоположному берегу, перевозчикъ передалъ королю весло въ руки, а самъ выпрыгнулъ изъ лодки.

Вотъ и долженъ былъ король, въ наказаніе за свои грѣхи, ѣздить съ тѣхъ поръ вмѣсто него и перевозитъ народъ съ берега на берегъ.

„А что онъ и теперь еще ѣздитъ?“ — „А то какъ же!. Никто и никогда не возьметъ отъ него весла!“...



Вошка и Блошка.

Вошка и Блошка жили какъ-то въ одномъ домѣ и варили вмѣстѣ пиво въ яичной скорлупѣ. Вотъ Вошка свалилась туда и сварилась. Стала Блошка о томъ во весь голосъ плакать.

И спросила ее маленькая Дверка:

— О чемъ ты плачешь, Блошка?

— Да какъ же, Вошка-то моя сгорѣла!..

Стала Дверка скрипѣть-поскрипывать. И окликнула ее Метелка изъ своего угла:

— О чемъ ты скрипишь, Дверка?

— Какъ же мнѣ не скрипѣть-то?

Вошка бѣдная сгорѣла,
Блошка плачетъ то-и-дѣло!..

Тутъ Метелка страшно развозилась и стала мести изо всѣхъ силъ. Катилась мимо Повозочка и спросила:

— Что ты такъ пылишь, Метелка?

— Какъ же мнѣ не пылить?

Вошка бѣдная сгорѣла,
Блошка плачетъ то-и-дѣло,
Дверка жалобно скрипитъ...

Тогда Повозочка и сказала:

— Такъ я стану кататься...

И принялась она кататься взадъ и впередъ скоро-скоро.

Комочекъ навоза, мимо котораго она каталась, спросилъ ее:

— Чего это ты ради разбѣгалась, Повозочка?..

— Какъ же мнѣ не бѣгать-то?

Вошка бѣдная сгорѣла,
Блошка плачетъ то-и-дѣло,
Дверка жалобно скрипитъ,
А Метла мететъ-пылитъ...

Комочекъ и говоритъ:

— Такъ я тогда загорюсь... — И вспыхнулъ онъ яркимъ огонькомъ.

А рядомъ съ Комочкомъ стояло Деревцо; оно и спросило:

— Комочекъ, чего это ты загорѣлся?

— Какъ же мнѣ не горѣть?

Вошка бѣдная сгорѣла,
Блошка плачетъ то-и-дѣло,
Дверка бѣдная скрипитъ,
А Метла мететъ-пылитъ;
Вонъ Повозочка катится...

И сказало Деревцо:

— Такъ я стану трястись...—И оно такъ закачалось, что всѣ листья посыпались. Замѣтила это Дѣвушка, которая шла мимо съ кружкой для воды, и спросила:

— Деревцо, чего это ты качаешься?

— Какъ же мнѣ не качаться?

Вошка бѣдная сгорѣла,
Блошка плачетъ то-и-дѣло,
Дверка жалобно скрипитъ,
А Метла мететъ-пылитъ;
Вонъ Повозочка катится,
Вонъ Комокъ горитъ-дымится...

И сказала Дѣвушка:

— Такъ я же разобью кружечку! — И разбила свою кружку.

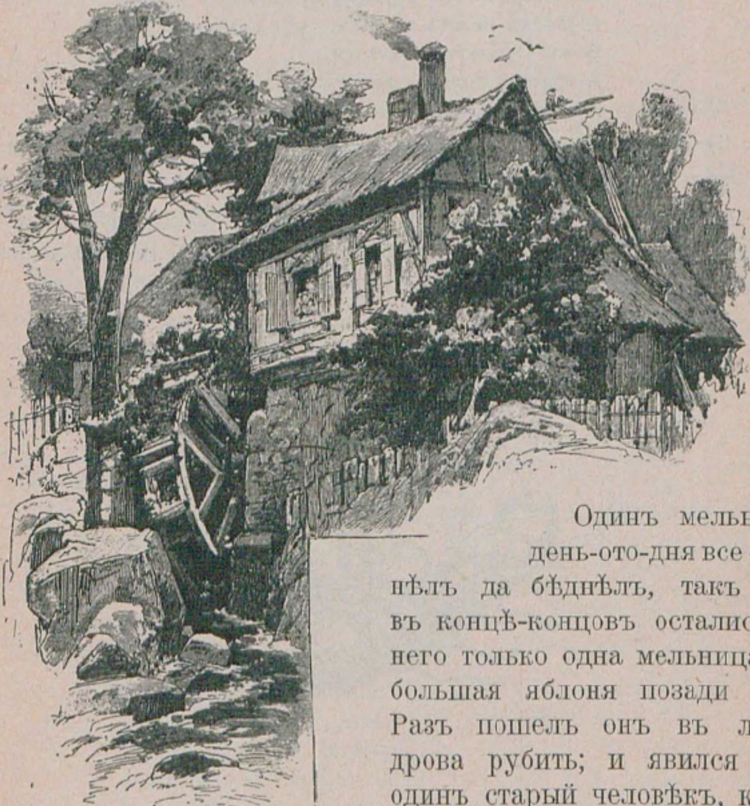
И спросилъ ее Источникъ, изъ котораго бѣжала вода:

— Дѣвушка, зачѣмъ ты разбила кружку?
— Какъ же мнѣ было ее съ горы не разбить?

Вошка бѣдная сгорѣла,
Блошка плачетъ то-и-дѣло,
Дверка жалобно скрипитъ,
А Метла мететъ-пылитъ;
Вонъ Повозочка катится,
А Комокъ горитъ, дымится,
Раскачалось Деревцо...

— Эге!—сказалъ Источникъ.—Ну, а я разольюсь!..—И началъ онъ разливаться все больше и больше. И потонули въ водѣ всѣ: и Дѣвушка, и Деревцо, и Комочекъ, и Повозка, и Метелочка, и Дверка, и Блошка, и Вошка — всѣ вмѣстѣ...

Дѣвушка безъ рукъ.



Одинъ мельникъ день-ото-дня все бѣднѣлъ да бѣднѣлъ, такъ что въ концѣ-концовъ остались у него только одна мельница да большая яблоня позади нея. Разъ пошелъ онъ въ лѣсъ дрова рубить; и явился ему одинъ старый человѣкъ, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ, и сказалъ:

— Ну, чего ты мучаешься надъ рубкою дровъ? Я тебя обогащу, если ты только пообѣщаешь мнѣ отдать то, что стоитъ сейчасъ позади мельницы.

„А что же это можетъ быть, какъ не яблоня?“ подумалъ мельникъ, и сказалъ:—„Ладно“,—и далъ незнакомцу въ томъ расписку.

А тотъ насмѣшливо усмѣхнулся и сказалъ:

— Черезъ три года я приду и возьму то, что мнѣ принадлежитъ,—и съ тѣмъ удалился отъ него.

Только вернулся мельникъ домой, вышла къ нему навстрѣчу жена и говоритъ:

— Растолкуй мнѣ, мельникъ, откуда это нежданно-негаданно свалилось къ намъ въ домъ богатство? Въ одно мгновеніе всѣ сундуки и лари наши стали полнымъ-полны, но никто ничего сюда не вносилъ. Я понять не могу, какъ все это произошло.

— Это все далъ одинъ незнакомецъ,—отвѣтилъ мужъ;—повстрѣчался онъ мнѣ въ лѣсу и обѣщалъ дать намъ несмѣтное сокровище; я же за то письменно пообѣщалъ отдать то, что стоитъ позади мельницы: большую яблоню мы ему за это отдать-то можемъ!

— Ахъ, муженекъ! — сказала испуганная женщина, — вѣдь это былъ самъ дьяволъ. Не на дерево намекалъ онъ, а на нашу дочь, что мела дворъ позади мельницы.

Мельникова дочка была дѣвушка красивая, благочестивая, и всѣ урочные три года она прожила въ страхѣ Божіемъ, не творя грѣховъ. Вотъ какъ миновалъ условный срокъ и насталъ день, когда нечистый долженъ былъ ее взять къ себѣ, умылась она бѣлехонько и очертила мѣломъ кругъ около себя. Рано-рано явился дьяволъ, но приблизиться къ ней никакъ не могъ. И гнѣвно сказалъ онъ мельнику:

— Убери отъ нея всю воду, чтобы не могла она больше мыться, потому что иначе я не имѣю власти надъ ней.

Испугался мельникъ и исполнилъ его желаніе.

На слѣдующее утро дьяволъ снова явился, но дѣвушка плакала такъ неудержимо, что оросила руки слезами, и онѣ были совершенно чисты.

И опять не могъ онъ приблизиться къ ней и въ ярости сказалъ мельнику:

— Отруби ей руки, а то я ни къ чему не могу придраться, чтобы завладѣть ею.

Испугался мельникъ и отвѣчалъ:

— Какъ же я могу отрубить моему ребенку руки?

Сталъ нечистый грозить ему и сказалъ:

— Если этого не сдѣлаешь, такъ самъ очутишься въ моей власти, и я утащу тебя самого!..

Жутко стало отцу, и пообѣщался онъ послушаться его.

Пошелъ къ дѣвушкѣ и сказалъ:

— Дитя мое, если я не отрублю тебѣ обѣихъ рукъ, то дьяволъ унесетъ меня въ преисподнюю; въ страхѣ я ему пообѣщалъ исполнить его требованіе... Пособи же мнѣ въ моемъ этомъ дѣлѣ и прости мнѣ все то зло, которое я тебѣ причиняю.

Дѣвушка отвѣчала:

— Милый батюшка, дѣлайте со мною, что хотите: я — ваше дитя...

И протянула она ему руки, и онъ отрубилъ ихъ.

Явился дьяволъ въ третій разъ, но дѣвушка такъ долго и такъ сильно плакала надъ отрубленными руками, что онѣ были чисты, какъ и прежде.

И долженъ дьяволъ былъ удалиться отъ нея ни съ чѣмъ, и вся власть его надъ нею пропала.

Сталъ мельникъ утѣшать ее:

— Благодаря тебѣ, я получилъ такое несмѣтное богатство, что въ продолженіе всей твоей жизни могу содержать тебя.

Но она отвѣчала ему:

— Не могу я здѣсь больше оставаться; я хочу уйти отсюда; вездѣ есть сострадательные люди, которые всегда помогутъ мнѣ въ нуждѣ.

Затѣмъ велѣла она привязать за спину отрубленныя руки и съ восходомъ солнца пустилась въ путь-дорогу и шла-шла, покамѣстъ не настала ночь.

И пришла она къ королевскому саду, и при мѣсячномъ сіяніи увидѣла она, что тамъ стояли деревья, сплошь увѣшанныя чудными плодами; но въ садъ войти она не могла, потому что кругомъ него былъ выкопанъ ровъ съ водою.

И такъ какъ она шла цѣлый день, и ни маковой росинки у нея во рту не было, и голодъ мучилъ ее,—она подумала: „Ахъ, кабы я была тамъ и могла плодовъ поѣсть. А то придется мнѣ долго еще томиться голодомъ“...

И склонилась она на колѣни, стала молиться и призывать Господа Бога. И внезапно явился ей ангелъ, который остановилъ шлюзомъ воду, такъ что ровъ сталъ сухимъ и она могла перейти черезъ него. Вотъ и вошла она въ садъ, а ангелъ слѣдовалъ за нею.

Облюбовала она грушевое дерево съ чудными грушами, которыя, однако, всѣ были на счету. И приблизилась она къ дереву и съѣла одну грушу прямо ртомъ съ дерева, чтобы утолить голодъ; съѣла только одну, не больше.

Садовникъ видѣлъ это; но такъ какъ возлѣ нея стоялъ ангелъ, испугался и подумалъ, что и дѣвушка была какой-нибудь духъ, и промолчалъ, не отважился позвать кого-нибудь на помощь или заговорить съ нею.

А дѣвушка съѣла грушу и утолила этимъ голодъ, пошла въ кусты и спряталась тамъ.

Король, которому принадлежалъ садъ, пришелъ на другое утро, сталъ считать груши и видитъ вдругъ, что одной не хватаетъ; онъ и спросилъ садовника, куда она исчезла: подъ деревомъ-де она не лежитъ, и нигдѣ ея нѣтъ.

Тогда садовникъ отвѣчалъ:

— Прошлой ночью явился сюда нѣкій духъ, у котораго не было рукъ, и съѣлъ грушу прямо ртомъ, не срывая ея.

Король спросилъ:

— Какъ же этотъ духъ перешелъ сюда черезъ воду? И куда онъ направился послѣ того, какъ съѣлъ грушу?

Садовникъ отвѣчалъ:

— Явился съ неба нѣкто въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи; этотъ „нѣкто“ заперъ шлюзъ и воду остановилъ, и духъ перешелъ черезъ ровъ. А такъ какъ это, должно-быть, былъ тоже ангелъ, я устрашился и не опросилъ, не окликнулъ его... А какъ только духъ съѣлъ грушу, то скрылся въ заросли.

Король сказалъ:

— Если все точно такъ произошло, какъ ты разсказываешь, я эту ночь буду самъ дежурить здѣсь съ тобой.

Какъ только стемнѣло, пошелъ король въ садъ и привелъ съ собою пастора, чтобы тотъ заговорилъ съ духомъ. Всѣ трое усѣлись подъ деревомъ и насторожились. Въ самую полночь вышла изъ заросли дѣвушка, подошла къ дереву и снова съѣла грушу прямо съ дерева; а около нея стоялъ ангелъ въ бѣломъ одѣяніи. И тогда выступилъ къ ней пасторъ и спросилъ:

— Отъ Бога ты или изъ міра явилась? Духъ ты или человѣкъ?

Она отвѣчала:

— Я не духъ, а бѣдный, несчастный человѣкъ, всѣми покинутый, всѣми, кромѣ Бога...

Король сказалъ:

— Если всѣ покинули тебя, то я никогда не оставлю тебя одну.

И взялъ онъ ее съ собою въ свой королевскій зáмокъ, и такъ какъ она была чудно-хороша собою и такъ благочестива, онъ полюбилъ ее всѣмъ сердцемъ, приказалъ ей придѣлать серебряныя руки и взялъ ее себѣ въ супруги.

Черезъ годъ пришлось королю отправиться на войну, и поручилъ онъ молодую королеву своей матери и сказалъ:

— Если родится у нея младенецъ, оберегайте ее и ухаживайте за нею и тотчасъ же мнѣ о томъ напишите...

И родила королева хорошенькаго сынка. И поспѣшно написала о томъ старуха-мать и сообщила королю о радостномъ событіи. Но вѣстникъ дорогою легъ отдохнуть у ручья, и такъ какъ отъ дальняго пути порядкомъ усталъ, то заснулъ. И явился тутъ дьяволъ, который постоянно стремился вредить благочестивой королевѣ, и подмѣнилъ письмо другимъ, въ которомъ стояло, что-де королева родила на свѣтъ оборотня.

Какъ только прочелъ это король, то испугался и страшно огорчился; однако, отвѣтилъ, чтобы королеву все-таки берегли и холили вплоть до его прибытія.

Отправился гонецъ съ письмомъ обратно, на пути остановился отдохнуть на прежнемъ мѣстѣ и снова заснулъ. И явился дьяволъ и вложилъ ему въ карманъ другое письмо, гдѣ стояло, что-де они должны умертвить королеву съ ребенкомъ.

Страшно испугалась старуха-мать, когда получила такое письмо, и не хотѣла вѣрить этому. Написала королю еще разъ, но не получила другого благопріятнаго отвѣта, потому что дьяволъ и на этотъ разъ подсунулъ гонцу фальшивое письмо; а въ послѣднемъ письмѣ говорилось еще, что они въ удостовѣреніе должны сохранить для короля языкъ и глаза королевы.

Но старуха-мать горько плакала о томъ, что должна пролиться невинная кровь, и вотъ ночью велѣла она поймать лань, вырѣзала ей языкъ и глаза и спрятала ихъ.

Затѣмъ сказала она королевѣ:

— Я не въ силахъ убить тебя, какъ повелѣваетъ король, но дальше оставаться здѣсь ты не смѣешь. Ступай съ твоимъ ребенкомъ странствовать по свѣту и никогда не возвращайся назадъ...

И привязала она ребенка ей на спину, и ушла бѣдная женщина съ заплаканными очами оттуда прочь.

Она пришла въ большой, дремучій лѣсъ; тамъ опустилась она на колѣни и стала молиться Богу, и ангелъ явился ей и повелъ ее къ маленькой хижинѣ, на которой висѣлъ щитокъ со словами: „Здѣсь каждый живетъ свободно“.

Изъ хижины вышла снѣжно-бѣлая юная женщина, которая сказала:

— Добро пожаловать, госпожа королева,—и ввела ее въ хижину.

И затѣмъ отвязала она малютку со спины, дала матери, чтобы покормить его, и уложила его въ чудную оправленную кроватку.

И сказала бѣдная женщина:

— Откуда знаешь ты, что я была королевой?

Бѣлая юная женщина отвѣчала:

— Я послана охранять тебя и твоего ребенка.

И осталась королева жить въ этой хижинѣ и жила семь лѣтъ, и была охраняема отъ всего, и, по милосердію Божіему, ради благочестія, снова выросли у нея руки.

А король, наконецъ, вернулся домой съ поля битвы, и прежде всего захотѣлъ онъ повидать свою супругу и ребенка.

И горько заплакала старуха-мать и сказала:

— Ты безсердечный человѣкъ. Какъ могъ ты писать мнѣ, чтобы я лишила жизни два безвинныя существа?!..

И показала ему оба письма, которыя подмѣнилъ нечистый, и продолжала дальше:

— Я поступила такъ, какъ повелѣлъ ты,—и въ доказательство показала ему языкъ и глаза.

Заплакалъ король горше прежняго по своей бѣдной женѣ и сынѣ, такъ что, наконецъ, старуха-мать сжалилась надъ нимъ и сказала ему:

— Ну, утѣшься, она еще жива... Я, вѣдь, вмѣсто нихъ-то приказала убить лань, и для доказательства вырѣзали у нея языкъ и глаза. А женѣ твоей я привязала ребенка на спину и велѣла ей итти странствовать по бѣлому свѣту, и при этомъ она обѣщала никогда больше сюда не возвращаться, такъ какъ ты страшно гнѣвался на нее...

И сказалъ король:

— Такъ я отправлюсь въ путь туда, гдѣ еще небо синѣетъ, и не стану ни пить, ни ѣсть, покамѣстъ снова не найду жену мою и ребенка, если они за это время не погибли или не умерли съ голоду...

Съ тѣхъ поръ и странствовалъ король повсюду въ теченіе семи лѣтъ и искалъ ихъ во всѣхъ каменныхъ ущельяхъ и пещерахъ; но нигдѣ не находилъ ихъ, и такъ и думалъ, что они уже погибли.

И не ѣлъ онъ и не пилъ ничего за все это время, и Богъ поддерживалъ его.

Въ концѣ-концовъ забрелъ онъ въ дремучій лѣсъ, гдѣ стояла маленькая хижина, на которой висѣлъ щитокъ со словами: „Здѣсь всякій живетъ свободно“.

И вышла оттуда бѣлая юная дѣва, взяла его за руку, ввела въ хижину и сказала:

— Добро пожаловать, король!.. — и спросила его, откуда онъ и куда путь держитъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Вотъ ужъ скоро семь лѣтъ, какъ я странствую повсюду и ищу жену съ ребенкомъ, и не могу ихъ найти.

Дѣвушка предложила ему ѣсть и пить, но онъ не принялъ и только пожелалъ немного отдохнуть.

И легъ онъ спать и закрылъ платкомъ лицо.

Вслѣдъ за тѣмъ пошла дѣвушка въ комнату, гдѣ сидѣла королева съ своимъ сыномъ, котораго звала она Горемычнымъ, и сказала ей:

— Ступай въ сосѣднюю комнату съ ребенкомъ; твой супругъ пришелъ.

Пошла королева туда, гдѣ онъ лежалъ, а платокъ упалъ съ его лица. И сказала она:

— Горемычный, подними платокъ твоего батюшки и накрой снова его лицо.

Ребенокъ поднялъ платокъ и покрылъ его лицо. Услыхалъ король это въ дремотѣ и сбросилъ платокъ нарочно.

Тогда мальчуганъ нетерпѣливо сказалъ:

— Милая матушка, какъ же ты приказываешь закрыть лицо платкомъ моему отцу? Вѣдь, моего отца нѣтъ на свѣтѣ. Я учился молиться: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*. И тогда ты говорила мнѣ, отецъ нашъ на небѣ, отецъ нашъ— милосердый Богъ. Откуда же мнѣ знать этого чужого человѣка? Это не мой отецъ...

Какъ только услышалъ это король, поднялся съ мѣста и спросилъ, кто она такая. Тогда королева отвѣчала:

— Я—жена твоя, а это твой сынъ—Горемычный.

И увидѣлъ онъ ея здоровыя руки и сказалъ:

— У моей жены были серебряныя руки.

Она отвѣтила:

— Милосердый Господь благословилъ, и онѣ выросли снова.

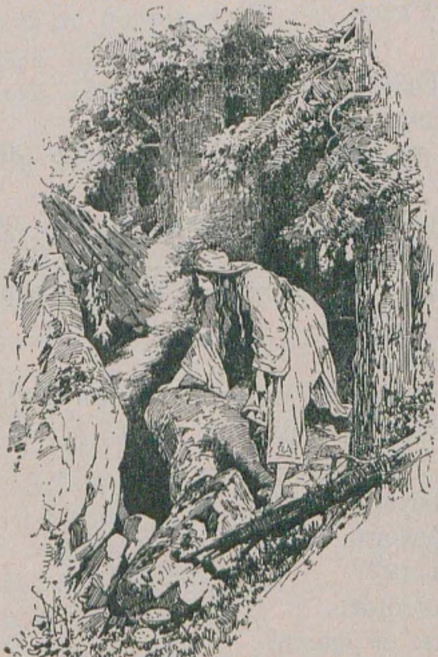
И пошелъ добрый духъ въ ея комнату и вынесъ оттуда серебряныя руки и показалъ ему.

Тутъ онъ увѣрился въ томъ, что это, точно, были его любимая жена и его милое дитя, сталъ цѣловать ихъ, радовался и говорилъ:

— Тяжелый камень спалъ съ моего сердца.

Тогда накормилъ ихъ духъ еще разъ, и пошли они затѣмъ домой къ своей старушкѣ-матери.

Великая радость была повсюду, и король и королева точно еще разъ отпраздновали свадьбу и стали жить въ полномъ довольствѣ до блаженнаго конца.



Смѣтливый Гансъ.

Гансова мать спрашиваетъ:

— Куда, Гансъ?

— Къ Гретели.

— Не плошай, Гансъ.

— Въ лучшемъ видѣ устрою. Прощай, мать!

— Прощай, Гансъ.

Приходитъ Гансъ къ Гретели.

— Добрый день, Гретель.

— Добрый день, Гансъ. Не принесъ ли чего хорошенькаго?

— Ничего не принесъ; можетъ, сама подаришь что-нибудь.

Гретель даритъ Гансу иголку. Гансъ говоритъ:

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Гансъ.

Гансъ беретъ иголку, втыкаетъ ее въ возъ съ сѣномъ и самъ идетъ слѣдомъ за телѣгой домой.

— Добрый вечеръ, мать.

— Добрый вечеръ, Гансъ.

— Гдѣ былъ ты?

— У Гретели былъ.

— Что жъ ты ей снесъ?

— Ничего не снесъ; сама подарила кое-что.

— А что тебѣ Гретель подарила?

— Иголку подарила.

— А гдѣ иголка, Гансъ?

— Я въ возъ съ сѣномъ ее воткнулъ...

— Глупо ты поступилъ, Гансъ; ты иголку долженъ былъ въ рукавъ воткнуть...

— Ну, что дѣлать!.. Впередъ потрафлю лучше.

— Куда, Гансъ?

— Къ Гретели, мать.

— Держи ухо востро, Гансъ.

— Да ужъ ладно. Прощай, мать.

— Прощай, Гансъ.

Гансъ является къ Гретели.

— Добрый день, Гретель.

— Добрый день, Гансъ. Не принесъ ли чего хорошенькаго?

— Ничего я не принесъ. Сама, можетъ, подаришь мнѣ что-нибудь?..

Гретель и подарила Гансу ножикъ.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Гансъ.

Беретъ Гансъ ножикъ, втыкаетъ въ рукавъ и шествуетъ домой.

— Добрый вечеръ, мать.

— Добрый вечеръ, Гансъ. Гдѣ ты былъ-то?

— Былъ я у Гретели.

— Что же ты ей подарилъ?

— Ничего не подарилъ, а она мнѣ подарила.

— Что тебѣ Гретель подарила?

— Ножъ подарила.

— Куда жъ ты ножъ дѣвалъ, Гансъ?

— Въ рукавъ воткнулъ.

— Ну, это ты глупо сдѣлалъ, Гансъ; тебѣ бы ножикъ-то въ карманъ сунуть.

— Ну, дѣлать нечего, впередъ лучше потрафлю...

— Куда, Гансъ?

— Къ Гретели, мать.

— Не плошай, Гансъ.

— Да ужъ ладно, постараюсь. Прощай, мать.

— Прощай, Гансъ.

Приходитъ Гансъ къ Гретели.

— Добрый день, Гретель.

— Добрый день, Гансъ. Что хорошенькаго принесъ?

— Ничего не принесъ... Сама одаришь чѣмъ-нибудь.

Гретель даритъ ему козочку.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Гансъ!

Беретъ Гансъ козочку, связываетъ ей ноги и суетъ ее въ карманъ за пазуху. Домой приходитъ, а козочка-то задохлась.

— Добрый вечеръ, мать.

— Добрый вечеръ, Гансъ. Гдѣ побывалъ?

— У Гретели былъ.

— Что же ты ей въ подарокъ снесъ?

— Ничего не снесъ, отъ нея же получилъ.

— А что тебѣ Гретель подарила?

— Козочку подарила.

— А гдѣ же у тебя козочка, Гансъ?

— Я въ карманъ засунулъ.

— Ну, это ты глупо сдѣлалъ, Гансъ: тебѣ бы козочку на веревочку привязать.

— Ну, ничего, впередъ лучше постараюсь.

— Куда, Гансъ?

— Къ Гретели, мать.

— Держи ухо востро, Гансъ.

— Да ужъ ладно, постараюсь. Прощай, мать.

— Прощай, Гансъ.

Гансъ приходитъ къ Гретели.

— Добрый день, Гретель.

— Добрый день, Гансъ. Что хорошенькаго принесъ?

— Ничего не принесъ. Можетъ, ты подаришь что?

И даритъ Гансу Гретель кусокъ сала.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Гансъ.

Вотъ беретъ Гансъ кусокъ сала, привязываетъ его на веревочку и волочитъ за собою.

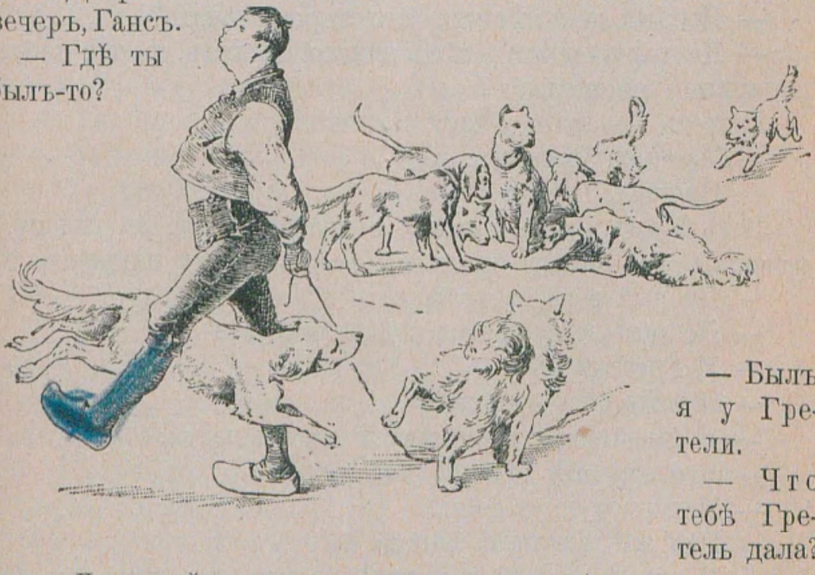
Сбѣгаются собаки и пожираютъ у него все сало вчистую.

Вотъ онъ возвращается домой; въ рукахъ у него веревочка, а на ней нѣтъ ничего.

— Добрый вечеръ, мать.

— Добрый вечеръ, Гансъ.

— Гдѣ ты былъ-то?



— Былъ я у Гретели.

— Что тебѣ Гретель дала?

— Дала мнѣ сала кусочекъ.

— Гдѣ же у тебя сало, Гансъ?

— На веревочку привязалъ, за собой волочилъ, собаки растащили...

— Глупо ты Гансъ, поступилъ; тебѣ бы сало надо на головѣ нести.

— Ну, ничего, не замай, сдѣлаю ужо почище.

— Куда Гансъ?

— Къ Гретели, мать.

— Смотри, ухо востро держи, Гансъ!

— Да ужъ ладно, теперь потрафлю въ самый разъ. Прощай, мать.

— Прощай, Гансъ.

Гансъ приходитъ къ Гретели.

— Добрый день, Гретель.

— Добрый день, Гансъ. Что хорошенькаго?

— Да хорошенькаго нѣтъ ничего! Можетъ, ты что-нибудь подаришь хорошенькое?

Гретель подарила Гансу теленка.

— Прощай, Гретель.

— Прощай, Гансъ.

Вотъ взялъ Гансъ теленка и положилъ его на голову, а теленокъ всю дорогу брыкался, все лицо ему изуродовалъ.

— Добрый вечеръ, мать.

— Добрый вечеръ, Гансъ. Гдѣ побывалъ?

— У Гретели былъ.

— Что ты ей подарилъ?

— Я то—ничего, а она мнѣ подарокъ дала!..

— Что же тебѣ Гретель подарила?

— Подарила-то теленка.

— Гдѣ же теленокъ, Гансъ?

— Я его на голову взвалилъ; да что—все лицо онъ мнѣ изуродовалъ.

— Глупо же ты поступилъ Гансъ; слѣдовало бы тебѣ теленка хворостиной пригнать да къ яслямъ привязать.

— Ну, ничего, ужо лучше сдѣлаю.

— Куда, Гансъ?

— Къ Гретели, мать.

— Смотри, не плошай, Гансъ.

— Да ужъ ладно, потрафлю. Прощай, мать.

— Прощай, Гансъ.

Гансъ приходитъ къ Гретели.

— Добрый день, Гретель.

— Добрый день, Гансъ. Что хорошенькаго принесъ?

— Ничего не принесъ. Можетъ, дашь мнѣ что-нибудь?

Гретель говоритъ:

— Нѣтъ, я сама хочу съ тобой прогуляться.

Вотъ беретъ Гансъ Гретель, привязываетъ ее на веревочку, гонитъ ее хворостиной, подводитъ къ яслямъ и крѣпко-на-крѣпко привязываетъ ее. Потомъ идетъ къ матери.

— Добрый вечеръ, мать.

— Добрый вечеръ, Гансъ. Гдѣ побывалъ?

— У Гретели былъ.

— Что ты снесъ ей?

— Ничего не снесъ.

— А Гретель что тебѣ подарила?

— Ничего не подарила; сама со мной увязалась...

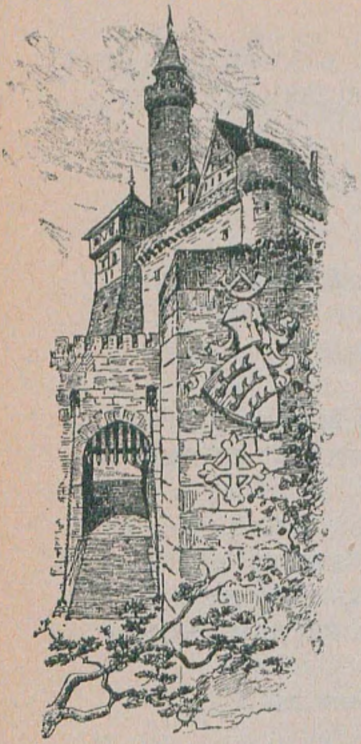
— Гдѣ же ты ее оставилъ?

— А я ее на веревочку привязалъ, хворостиной пригналъ, къ яслямъ привязалъ, сѣнца ей подбросилъ.

— Ну, это ты глупо сдѣлалъ, Гансъ. Ты бы привѣтливо вскинулъ на нее глаза...

Идетъ Гансъ на скотный дворъ, вырываетъ у всѣхъ телятъ и овецъ глаза и кидаетъ ихъ Гретели въ лицо.

Тогда Гретелью обуреваетъ гнѣвъ; она срывается съ привязи и убѣгаетъ прочь,—и была такова Гансова невѣста.



Три языка.

Жилъ однажды въ Швейцаріи старый графъ, у котораго былъ только одинъ-единственный сынъ, но малый простоватый, который ничему не могъ учиться.

Вотъ отецъ и сказалъ:

— Слушай, сынъ мой, ничего я не могу вбить въ твою голову, что бы я ни предпринялъ, при всемъ моемъ желаніи. Уходи лучше отсюда; я передамъ тебя съ рукъ на руки лучшему и извѣстному учителю; пускай онъ попытается заняться съ тобою...

И юношу отослалъ въ незнакомый ему городъ, гдѣ онъ и пробылъ у ученаго цѣлый годъ.

По прошествіи года вернулся онъ назадъ; вотъ отецъ его и спрашиваетъ:

— Ну, сынъ мой, чему же ты учился?

— Батюшка, научился я понимать, о чемъ собаки лаютъ,— отвѣтилъ тотъ.

— Помилуй, Боже!—воскликнулъ отецъ.—И неужели это все, чему ты научился? Ну, такъ я тебя отошлю въ другой городъ, къ другому учителю.

Послали юношу туда; онъ и у того учителя пробылъ цѣлый годъ, а когда вернулся, отецъ его снова спросилъ:

— Сынъ мой, чему же ты теперь научился?

— Батюшка,—отвѣчалъ ему сынъ, я учился разумѣть то, о чемъ чирикаютъ птицы.

Разгнѣвался тогда отецъ и сказалъ:

— О, погибшій человѣкъ!.. Ты зря погубилъ драгоцѣнное время, ничему путному не выучился и не стыдишься мнѣ на глаза попадаться? Ну, такъ я пошлю тебя къ третьему учителю; но ежели ты и на этотъ разъ ничему не выучишься,—не считай меня больше отцомъ.

Точно также пробылъ сынъ цѣлый годъ у третьяго учителя, и когда вернулся домой, отецъ спросилъ у него:

— Сынъ мой, чему ты учился?

— Милый батюшка, — отвѣчалъ онъ невозмутимо,—я въ этомъ году научился понимать, о чемъ лягушки квакаютъ.

Тогда отецъ страшно разгнѣвался, вскочилъ и позвалъ прислугу.

— Этотъ человѣкъ больше не сынъ мнѣ!—сказалъ онъ.— Я выгоняю его отъ себя; отведите его въ лѣсъ и тамъ убейте его!..

Слуги отвели юношу въ лѣсъ, но когда пришлось убивать его, они не рѣшились совершить убійство изъ состраданія и отпустили его на волю, только вырѣзали у оленя глаза и языкъ, чтобы принести ихъ отцу, какъ доказательств о что сынъ его убитъ.

Юноша отправился странствовать и прибылъ въ какой-то зáмокъ, гдѣ попросилъ отвести ему комнату для ночлега.

— Хорошо,—молвилъ владѣлецъ зáмка,—ежели ты согласенъ переночевать въ подвалѣ старой башни, то иди туда; но предупреждаю тебя: это грозитъ опасностью жизни, потому что подвалы башни полнымъ-полны дикихъ собакъ, которыя лаютъ и воютъ безпрерывно; а въ извѣстное время мы даже бросаемъ туда человѣка, котораго онѣ мгновенно пожираютъ...

Вся страна по этому случаю была въ траурѣ и печали, и все-таки никто не могъ помочь горю. Но юноша страха не вѣдалъ и сказалъ:

— Спустите только меня къ лающимъ собакамъ и дайте мнѣ чего-нибудь, чѣмъ бы я могъ ихъ накормить: мнѣ-то онѣ ничего не сдѣлаютъ.

Конечно, ему дали охотно мяса для дикихъ животныхъ и спустили въ подвалъ. Вошелъ онъ туда, но собаки его не лаемъ встрѣтили, а привѣтливо замахали хвостами, сожрали то, что онъ имъ бросилъ, и даже волоска на немъ не тронули.

На другое утро, ко всеобщему удивленію, онъ вышелъ на свѣтъ Божій здоровый и невредимый и обратился къ владѣтелю зáмка со словами:

— Мнѣ собаки на своемъ языкѣ открыли тайну, почему онѣ такъ бушуютъ и наносятъ ущербъ всей странѣ. Онѣ зачарованы и должны охранять кладъ,—то сокровище, которое скрыто подъ башней; и до тѣхъ поръ онѣ не успокоятся, покамѣстъ его не выроютъ. А какъ уладить это дѣло, я тоже узналъ объ этомъ изъ ихъ разговоровъ.

И возрадовались тогда всѣ слышавшіе, а владѣтель зáмка сказалъ, что онъ готовъ его усыновить, если онъ счастливо совершитъ это дѣло.

Юноша снова спустился внизъ, и такъ какъ онъ зналъ, что ему надо дѣлать,—онъ и исполнилъ все, какъ слѣдовало, и вынесъ изъ подвала сундукъ полный золота.

Съ той поры не стало уже больше слышно собачьяго лая, собаки исчезли, и страна была освобождена.

Черезъ нѣсколько времени вздумалось юношѣ поѣхать въ Римъ. По пути ѣхалъ онъ мимо одного болота, въ которомъ лягушки, сидючи, квакали. Прислушался онъ, и какъ только понялъ, о чемъ онѣ говорили, задумался онъ и опечалился.

Прибылъ онъ, наконецъ, въ Римъ, а тамъ какъ-разъ скончался папа, и кардиналы недоумѣвали, кого имъ поставить въ преемники.

И порѣшили они, наконецъ, что тотъ долженъ быть избранъ папой, надъ кѣмъ совершится особое знаменіе. И какъ только они утвердили это, въ то же мгновеніе вошелъ въ храмъ юный графъ, и внезапно слетѣли къ нему два снѣжнобѣлыхъ голубя и сѣли ему на плечи.

И усмотрѣли въ томъ всѣ присутствующіе знаменіе и спросили его тутъ же, хочетъ ли онъ быть папой.

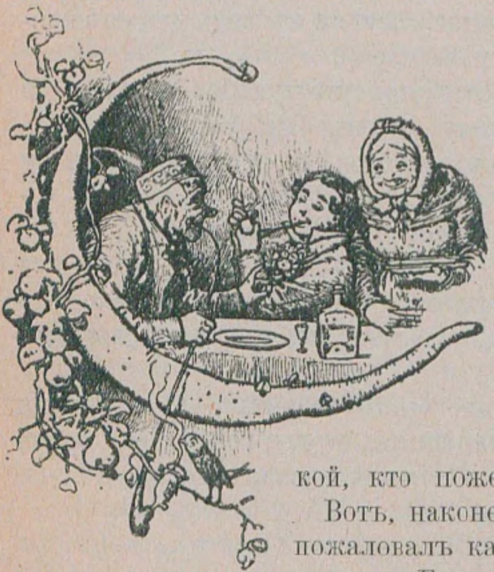
Въ нерѣшительности стоялъ онъ, не зная, достоинъ ли онъ этого сана, но голуби стали ворковать ему, что онъ можетъ согласиться на это, и онъ сказалъ, наконецъ:

— Да...

И былъ онъ тогда помазанъ и посвященъ въ папское достоинство, и этимъ сбылось то, что онъ дорогой слышалъ отъ лягушекъ.

Вслѣдъ за тѣмъ ему надо было говорить рѣчь, а онъ ни единаго слова не зналъ на-память; но два голубя все время сидѣли на его плечахъ и все подсказывали ему нà-ухо.

Умная Эльза.



Жилъ-былъ одинъ человѣкъ, а у него была дочка, которую всѣ звали умной Эльзой. Когда она стала взрослою дѣвушкой, отецъ однажды сказалъ женѣ:

— Надо намъ ее замужъ выдавать.

— Да,—сказала жена,—ежели только явится такой, кто пожелаетъ ее взять за себя.

Вотъ, наконецъ, откуда-то издалека и пожаловалъ какой-то молодой человѣкъ, по имени Гансъ, и сталъ просить руки ея, но при этомъ ставилъ условіе, чтобы умная Эльза была прежде всего на-диво смѣтливая.

— О!—сказалъ отецъ.—Она мозгоголовая!

А мать прибавила:

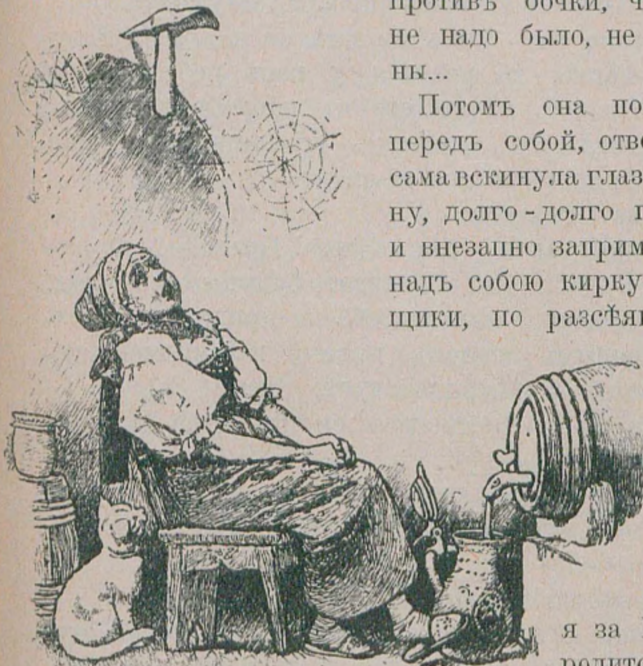
— Она даже можетъ услѣдить, какъ вѣтеръ по улицамъ пролетаетъ; мало того, она слышитъ, какъ мухи кашляютъ.

— Ну, да,—сказалъ Гансъ,—ежели она не достаточно смѣтливая, я не могу на ней жениться.

Вотъ какъ сѣли они за столъ и накушались досыта, мать и говоритъ:

— Эльза, сходи-ка въ погребъ, нацѣди намъ пива.

Сняла Эльза кружку со стѣны и отправилась въ погребъ и дорóгой бодро постукивала крышкой, чтобы время скоротать. Сошла она внизъ, достала скамеечку, поставила ее противъ бочки, чтобы нагибаться не надо было, не ломать зря спины...



Потомъ она поставила кружку передъ собой, отвернула кранъ, а сама вскинула глаза наверхъ на стѣну, долго-долго глазѣла повсюду и внезапно запримѣтила какъ-разъ надъ собою кирку, которую каменщики, по разсѣянности, оставили торчать въ стѣнѣ.

И ударилась умная Эльза въ слезы и стала причитать:

— Ежели я за Ганса выйду, да родится у насъ ребенокъ, да выростетъ онъ большой, да мы его въ погребъ пошлемъ, чтобы онъ пива нацѣдилъ, какъ грохнетъ эта кирка ему въ голову и пришибетъ на-смерть!..

Вотъ и сидѣла она тамъ да плакала и голосила о предстоящемъ несчастьи.

А тѣ-то наверху ждутъ да ждутъ себѣ пива; диву даются, что это смѣтливая Эльза не идетъ изъ погреба.

И сказала хозяйка служанкѣ:

— Ступай-ка внизъ, въ погребъ, посмотри, куда Эльза запропастилась.

Пошла служанка и нашла Эльзу: сидитъ передъ бочкой и благимъ матомъ кричитъ.

— О чемъ ты плачешь Эльза?—спросила служанка.

— Ахъ,—отвѣтила она,—какъ же мнѣ не плакать?! Ежели выйду я за Ганса, да родится у насъ ребенокъ, да вырастетъ онъ большой, да мы его въ погребъ пошлемъ, чтобы онъ пива нацѣдилъ,—ну какъ грохнетъ эта кирка ему на голову и пришибетъ его на-смерть!

И сказала тогда служанка:

— Что за умница такая у насъ Эльза! Право!—и присоединилась къ ней и стала тоже оплакивать будущее несчастье.

Время шло, служанка изъ погреба не приходила, а сидѣвшіе за обѣденнымъ столомъ просто истомились отъ жажды, вотъ хозяинъ и говоритъ слугѣ:

— Спустись-ка въ погребъ да посмотри, куда Эльза и служанка запропастились.

Пошелъ слуга внизъ и видитъ,—сидитъ тамъ умная Эльза, а рядомъ съ ней—служанка, и обѣ навзрыдъ плачутъ.

Вотъ онъ и спросилъ:

— О чемъ же вы плачете-то?

— Ахъ,—молвила Эльза,—какъ же мнѣ не плакать? Коли ежели я за Ганса выйду, да родится у насъ ребенокъ, вырастетъ онъ большой и станетъ здѣсь пиво цѣдить,—свалится кирка ему на голову и пришибетъ его на-смерть!..

И сказалъ тогда слуга:

— Это что-жъ за умница такая у насъ Эльза!—присѣлъ къ нимъ и ну тоже громко завывать.

Ждали, ждали наверху слугу, но онъ все не являлся, вотъ мужъ женѣ и сказалъ:

— Сойди-ка ты сама въ погребъ и посмотри, куда Эльза запропастилась.

Сошла хозяйка внизъ и нашла ихъ всѣхъ троихъ въ сокрушеніи и спросила, что такое случилось; тутъ Эльза повѣдала и ей, какъ-де ея будущаго ребенка здѣсь киркой на-смерть пришибетъ, когда ребенокъ вырастетъ и пива нацѣдить придетъ, а кирка сорвется внизъ.

Вотъ и мать тоже сказала:

— Ахъ, что за умница Эльза у насъ!—присѣла тутъ же и заплакала вмѣстѣ съ ними.

А мужъ наверху подождалъ еще маленько, и такъ какъ жена его назадъ не возвращалась, а жажда его мучила все сильнѣе да сильнѣе, онъ и сказалъ:

— Нужно ужъ мнѣ самому въ погребъ сойти да посмотрѣть, куда Эльза запропастилась.

Когда же онъ спустился въ погребъ и увидѣлъ, какъ они тамъ, другъ передъ дружкой сидючи, плакали, да услышалъ о причинѣ плача,—что вся вина—въ Эльзиномъ ребенкѣ, который, быть-можетъ, когда-нибудь на свѣтъ явится и который можетъ быть убитымъ на-смерть киркою, ежели будетъ цѣдить пиво и сидѣть какъ-разъ подъ киркой въ то время, когда кирка задумаетъ свалиться,—онъ воскликнулъ тогда:

— Что за умница Эльза!—и усѣлся тутъ же и заплакалъ вмѣстѣ съ ними.

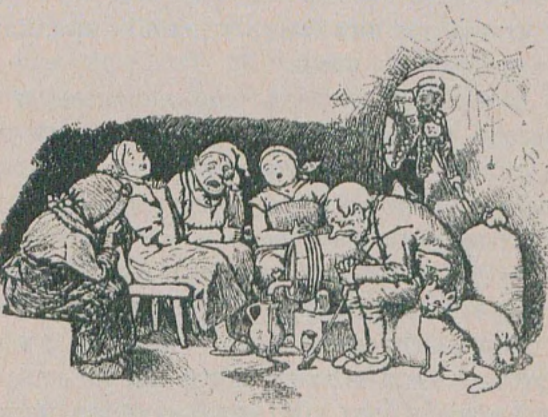
Долго-долго оставался женихъ одинъ-одинешенекъ наверху, и такъ какъ никто и не думалъ приходить, онъ подумалъ:

„Вѣроятно, они поджидаютъ меня внизу; надо туда сойти да посмотрѣть, что такое тамъ дѣлается“.

Сошелъ онъ внизъ и видитъ, сидятъ пятеро умныхъ людѣй и голосятъ и причитаютъ жалобнехонько, одинъ громче другого.

— Что за несчастье случилось?—спросилъ онъ.

— Ахъ, милый Гансъ,—молвила Эльза,—когда мы съ тобою повѣнчаемся, да родится у насъ ребенокъ, да вырастетъ онъ, а мы его сюда пива нацѣдить пошлемъ, такъ вѣдь эта кирка, что осталась торчать вонъ тамъ наверху, можетъ сорваться оттуда и размозжить ему голову, такъ что онъ и не встанетъ! Какъ же намъ о томъ не плакать?



— Ну,—сказалъ Гансъ,—большей сообразительности для домашняго обихода не требуется. Такъ какъ ты такая умница, Эльза, я тебя беру замужъ,—тутъ онъ взялъ ее подъ руку, повелъ наверхъ, и рѣшили справить свадьбу.

Вотъ нѣсколько спустя послѣ ихъ семейной жизни Гансъ однажды и говоритъ:

— Женушка, я пойду на работу, деньжонокъ зашибить, а ты въ поле ступай да ржи нажни, чтобы у насъ свой хлѣбъ былъ поскорѣе.

— Хорошо, мой милый Гансъ, это-то я сдѣлаю.

Вотъ ушелъ Гансъ, а она сварила себѣ вкусную кашу и взяла ее съ собою въ поле.

Пришла она на свою десятину и стала сама съ собою разсуждать:

— Что мнѣ дѣлать: жать ли сперва или покушать прежде?.. А,—была не была,—я прежде лучше покушаю...

Вотъ прикончила она свой горшокъ съ кашей, а какъ накушалась до отвала,—опять стала разсуждать:

— Что мнѣ теперь дѣлать,—жать ли начать, или выспаться прежде?.. А,—была не была,—высплюсь-ка я прежде...

Вотъ она легла во ржи и заснула.

Гансъ давно ужъ вернулся домой, а Эльзы все нѣтъ какъ нѣтъ; онъ и говоритъ:

— Это что же у меня за умница Эльза, до чего прилежна, и домой не забѣжитъ перекусить чего-нибудь!..

Насталъ вечеръ, и вышелъ тогда Гансъ посмотрѣть, сколько она нажала; но рожь стояла непочатая, а Эльза лежала во ржи и спала.

Гансъ живо побѣжалъ домой, принесъ съ собою сѣть для ловли птицъ съ маленькими погремушками и опуталъ ею Эльзу; а она все спитъ себѣ да спитъ. Вернулся онъ домой, заперъ за собою входную дверь, сѣлъ на стулъ и принялся за работу.

Вотъ, наконецъ, когда ужъ совсѣмъ стемнѣло, проснулась-таки умная Эльза и только поднялась, какъ зазвенѣло что-то вокругъ нея, и на каждомъ шагу погремушки такъ и брякали.

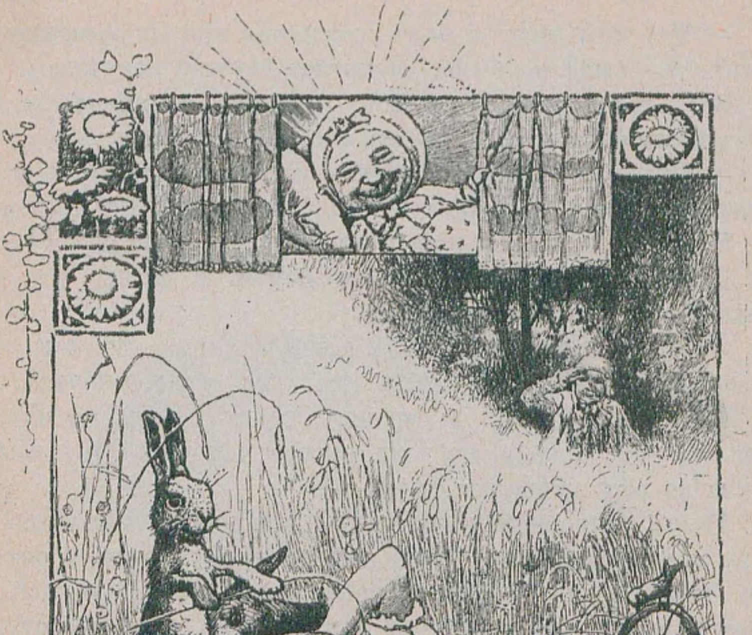
Перепугалась она и сбилась съ толку, не сообразитъ никакъ,—точно ли это она сама умная Эльза, и задала сама себѣ вопросъ:

— Я это, или не я?

Но отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ она никакъ не могла и долгое время стояла въ нерѣшительности; наконецъ, додумалась-таки:

— Пойду-ка я домой да спрошу,—я это или не я; домашніе-то, чай, знаютъ!

Подбѣжала она къ выходной двери, а дверь-то заперта; стала она въ окно стучать да кричать:



— Гансъ, дома Эльза?

— Да, да,—отвѣтилъ Гансъ,—она давно уже дома.

Тогда она пуще того испугалась и сказала:

— Ахъ, Боже, тогда я—это не я!—и пошла къ слѣдующей двери, но всѣ, слыша позвякиваніе погремушекъ, не хотѣли отпирать ей, да и полно; такъ она нигдѣ и не могла ни толку добиться, ни найти себѣ пристанища.

И убѣжала она совсѣмъ изъ деревни, и никто ея больше уже не видѣлъ.

Столикъ-накрывайся, осликъ-потянись и дубинка изъ-мѣшка.

Давнымъ-давно жилъ-былъ одинъ портной, у котораго было три сына, а изъ хозяйства—одна коза. Такъ какъ они питались козьимъ молокомъ, то козѣ и нуженъ былъ хорошій кормъ, и ее приходилось ежедневно гонять въ луга. Сыновья портного и пасли ее каждый по очереди. Вотъ однажды коза завела старшаго на кладбище, гдѣ росли чудеснѣйшія травы; стала коза ихъ пощипывать, стала по кладбищу попрыгивать.

Вечеркомъ, когда пора было идти домой, спросилъ старшій козу:

— Козынька, сыта ли ты?

Коза отвѣчала:

„Я сытехонько-сыта,
„Больше я не съѣмъ листа!..
„Мээ! Мээ!“...

— Такъ пойдемъ домой! — сказалъ парень, взялъ ее за веревочку, отвелъ въ стойло и привязалъ крѣпко-на-крѣпко.

— Ну, что,—сказалъ старый портной,—коза наѣлась?

— О,—отвѣчалъ сынъ,—она такъ сыта, что больше не можетъ листа даже съѣсть!

Но отецъ хотѣлъ самъ убѣдиться въ этомъ, сошелъ въ стойло, сталъ любимую скотинку поглаживать, сталъ выспрашивать:

— Коза, сыта ли ты?

Коза ему въ отвѣтъ:

„Какъ же сытою быть мнѣ?
„По могилкамъ лишь скакала,
„Ни листочка не сыскала!..
„Мээ! Мээ!“...

— Что я слышу!—воскликнулъ портной, побѣжалъ наверхъ и сказалъ сыну:—Ахъ, ты, лгунъ!.. Говоришь, коза-де сыта, а самъ ее голодомъ изморилъ!—и въ гнѣвѣ снялъ онъ со стѣны аршинъ и выгналъ вонъ сына.

На другой день очередь была за вторымъ сыномъ; тотъ разыскалъ въ уголкахъ сада такое мѣсто, гдѣ росла пышная, сочная трава, и коза выщипала ее всю до-чиста. Вечеромъ, какъ сталъ юноша домой сбираться, спрашиваетъ онъ козу:

— Коза, сыта ли ты?

Коза отвѣтила:

„Я сытехонько-сыта,
„Больше я не съѣмъ листа!..
„Мээ! Мээ!“...

— Такъ пойдемъ ко дворамъ,—сказалъ юноша, потащилъ ее за собою домой и привязалъ къ стойлу крѣпко-накрѣпко.

— Ну, что,—спросилъ отецъ,—до-сыта коза наѣлась?

— О,—отвѣтилъ сынъ,—она такъ сыта, что больше и листика не можетъ проглотить!..

Не хотѣлъ портной на него положиться, зашелъ въ стойло и спрашиваетъ:

— Коза, сыта ли ты?

Отвѣчаетъ коза:

„Какъ же сытою быть мнѣ?
„По могилкамъ лишь скакала,
„Ни листочка не сыскала!..
„Мээ! Мээ!“...

— Безбожный злодѣй!—закричалъ портной.—Заставилъ голодать такую безобидную тварь!..—побѣжалъ наверхъ къ себѣ и побоями выгналъ вонъ юношу.

Теперь очередь настала за третьимъ сыномъ, который задумалъ оборудовать дѣло лучше всѣхъ; разыскалъ онъ кусты съ сочными, прекрасными листьями и далъ козѣ наѣсться ими до-сыта.

Вечеромъ, какъ задумалъ онъ идти домой, то спросилъ напередъ козу:

— Коза, сыта ли ты?

Коза отвѣчала:

„Я сытехонько-сыта,
„Больше я не съѣмъ листа!..
„Мээ! Мээ!“...

— Такъ пойдемъ домой!—молвилъ юноша, отвелъ ее въ стойло и привязалъ крѣпко-на-крѣпко.

— Ну, что,—спросилъ портной,—до-сыта коза наѣлась?

— О,—отвѣтилъ сынъ,—она такъ сыта, что не можетъ съѣсть ни листа.

Да опять не повѣрилъ портной, сошелъ самъ въ стойло и спросилъ:

— Коза, сыта ли ты?

Злая тварь отвѣчала:

„Да съ чего-жъ быть сытой мнѣ?
„По могилкамъ лишь скакала,
„Ни листочка не сыскала!..
„Мээ! Мээ!“...

— Ахъ, что за лживое отродье!—вскрикнулъ портной.— Онъ такой же безбожный и вѣроломный, какъ и другіе!.. Ну, ужъ больше дурачить меня вамъ не придется!..

И, внѣ себя отъ гнѣва, бросился онъ наверхъ и такъ ударилъ аршиномъ бѣднаго парня, что тотъ живо вылетѣлъ изъ дома.

Вотъ и остался старый портной одинъ со своей козой. На другое утро сошелъ онъ въ стойло, обласкалъ козу и сказалъ:

— Пойдемъ, милая звѣрюшка, я тебя самъ на выгонъ отведу.

Взялъ онъ ее за веревку и отвелъ на то мѣсто, гдѣ росли зеленый терновникъ, овечья травка и все, что по вкусу козамъ.

— Здѣсь можешь ты, наконецъ, съ спокойнымъ сердцемъ наѣсться до-сыта...—сказалъ онъ и оставилъ козу пастись вплоть до вечера.

А тамъ пришелъ и спрашиваетъ ее:

— Коза, сыта ли ты?

Та отвѣчала:

„Я сытехонько-сыта!
„Больше я не съѣмъ листа!..
„Мээ! Мээ!“...

— Такъ пойдемъ домой,—сказалъ портной,—отвелъ ее въ стойло и крѣпко-на-крѣпко привязалъ ее.

А когда онъ уже совсѣмъ уходилъ, то вдругъ обернулся къ ней еще разъ и спросилъ:

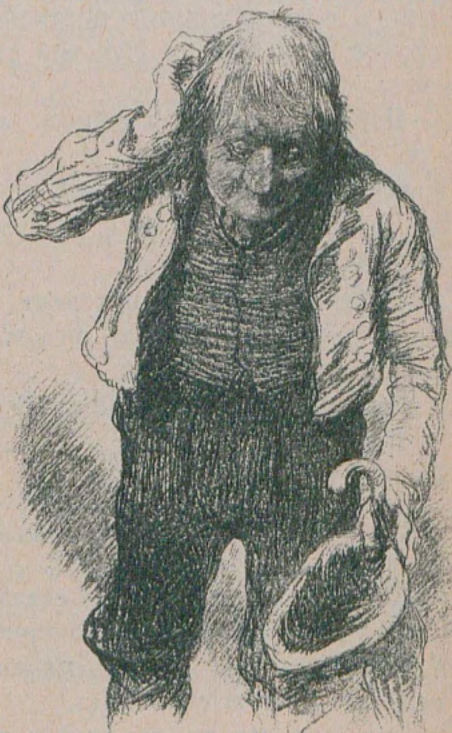
— Ну, сыта ты, что ли, наконецъ?

Но коза не лучше, чѣмъ съ сыновьями, обошлась и съ нимъ и заблеяла:

„Чѣмъ же сытою быть мнѣ?
„По могилкамъ я скакала,
„Ни листочка не сыскала!..
„Мээ! Мээ!“...

Какъ заслышалъ это портной, такъ и остолбенѣлъ и понялъ тутъ, что выгналъ онъ трехъ своихъ сыновей безъ всякой съ ихъ стороны вины.

— Погоди-жъ ты,—вскрикнулъ онъ,—неблагодарное созданіе!.. Прогнать тебя,—этого мало, а я тебя такъ заклеймлю, что у честныхъ портныхъ тебѣ не будетъ мѣста!



И поспѣшно взбѣжалъ онъ наверхъ, досталъ бритву, намылилъ козѣ голову и гладко выбрилъ ее, какъ ладонь. И такъ какъ бить ее аршиномъ было бы для нея великой честью, то онъ досталъ кнутъ и такъ отхлесталъ козу, что та пустилась бѣжать отъ него большими прыжками.

А портной оставшись дома совсѣмъ одинокимъ, впалъ въ глубокую печаль и охотно готовъ былъ теперь вернуть къ себѣ козу и своихъ сыновей, да никто не зналъ, куда они скрылись.

Между тѣмъ старшій отправился въ ученье къ столяру, сталъ учиться прилежно и неутомимо, а когда, по прошествіи нѣкотораго времени, ему нужно было идти на практику работать самостоятельно, мастеръ подарилъ ему столикъ, который съ виду изъ себя ничего особеннаго не представлялъ и сдѣланъ былъ изъ самаго толстаго дерева, но у котораго было одно рѣдкое свойство: когда ставили его и говорили:— „Столикъ, накройся!“... — онъ тотчасъ накрывался чистой скатерткой, и на немъ появлялись тарелки, ножи, вилки и миски съ варевомъ и съ жаренымъ, насколько мѣста хватало, и огромный стаканъ краснаго вина, которое свѣтило такъ, что сердце тѣшилось.

Молодой подмастерье подумалъ: „Этого съ меня довольно на всю жизнь“...—и пошелъ странствовать съ своимъ добромъ по свѣту, и дѣла ему не было до того, хороша ли, дурна ли гостиница, и можно ли въ ней что-нибудь найти, или нѣтъ. Если ему гостиница не нравилась, онъ вовсе туда и не заходилъ, а сворачивалъ въ поле, въ лѣсъ, на луга, гдѣ вольный воздухъ былъ, снималъ столикъ со спины, устанавливалъ передъ собою и приказывалъ:—„Накройся!“...— и все появлялось, что только его душенькѣ угодно было.

Вотъ и вспало ему, наконецъ, на мысль вернуться къ своему отцу, — гнѣвъ его, поди, ужъ улегся, а со „столикомъ-накройся“ онъ его приметъ охотно.

И случилось такъ, что на возвратномъ пути зашелъ онъ въ харчевню, что была полнымъ-полна народу; гости привѣтствовали его, стали приглашать его къ нимъ присѣсть и съ ними покушать, предупреждая, что иначе помимо этого трудно ему будетъ достать себѣ чего-нибудь.

— Нѣтъ,— отвѣчалъ столяръ,— я у васъ куска изо рта не вырву; а ужъ лучше вы будьте моими гостями-сотрапезниками...

Засмѣялись тѣ: такъ и думали, что онъ ихъ только дурачитъ.

А столяръ установилъ свой деревянный столикъ посрединѣ горницы и сказалъ:

— Столикъ, накройся!..

Въ мгновеніе ока весь онъ былъ уставленъ яствами, да такими, какихъ хозяинъ никакъ не могъ достать, и запахъ которыхъ такъ пріятно щекоталъ гостямъ ноздри.

— Принимайтесь-ка, друзья мои, — сказалъ столяръ.

И гости, видя, какъ все дѣло сладилось, не заставили просить себя дважды, придвинулись къ столику, ухватили ножи и храбро приступили къ ѣдѣ.

И что ихъ въ особенности дивило, такъ это то, что какъ только миска какая-нибудь пустѣла, тотчасъ на ея мѣстѣ появлялась сама собой другая, полная до краевъ.

Хозяинъ харчевни стоялъ въ углу и глазъ не сводилъ съ этой диковинки; онъ не находилъ, что сказать, а только думалъ: „Хорошо бы такого повара въ моемъ хозяйствѣ держать!“...

А столяръ со своимъ обществомъ веселились до поздней ночи; наконецъ, улеглись всѣ спать, и юный подмастерье отправился на-боковую, а диковинный столикъ приставилъ къ стѣнѣ.

Между тѣмъ хозяину не давали покою его тревожныя мысли, и припомнилось ему внезапно, что стоитъ у него въ кладовой старый столикъ, который съ виду точь-въ-точь такой же, какъ этотъ. Вотъ онъ его тайкомъ досталъ и обмѣнялъ на волшебный „столикъ-накройся“.

На-утро столяръ заплатилъ за ночлегъ, взвалилъ столикъ на спину и не подумалъ даже, что это былъ не настоящій столикъ, и пошелъ своей дорогой.

Въ обѣдъ пришелъ онъ къ своему отцу, который принялъ его съ великой радостью.

— Ну, сынокъ мой милый, чему ты учился да выучился? — спросилъ онъ его.

— Я, батюшка, столяромъ сталъ.

— Ремесло хорошее, — отвѣтилъ старикъ... — А что ты скопилъ за время своего странствованія?

— Батюшка, лучшее, что я пріобрѣлъ, это — столикъ.

Оглядѣлъ портной столикъ со всѣхъ сторонъ и говоритъ:

— Неважную же штуку слѣпилъ ты,—это старый, плохонькій столикъ.

— Зато это—„столикъ-накройся“,—отвѣтилъ сынъ.—Какъ только поставлю я его и скажу ему, чтобы онъ накрылся,—сейчасъ на немъ появятся лучшія кушанья и вино, да такое, что сердце тѣшитъ. Пригласите только всѣхъ родственниковъ и друзей; пускай они хоть разокъ попируютъ, всласть покушаютъ, потому что столикъ всѣхъ ихъ накормитъ досыта.

Когда собралось все общество, столяръ поставилъ свой столикъ посрединѣ горницы и сказалъ:

— Столикъ, накройся!..

Однако, столикъ не тронулся и не накрывался, какъ самые обыкновенные столы, которые вообще не понимаютъ словъ.

Тутъ замѣтилъ бѣдный подмастерье, что столикъ-то ему подмѣнили, и совѣстно стало ему, что выказалъ онъ себя такимъ лгуномъ передъ всѣми.

А родственники высмѣяли его и, не солоно хлебавши, потащились во-свояси. Отецъ снова досталъ свою матерію и снова сталъ портняжничать, а сынъ нанялся въ работники къ столяру.

Второй сынъ пришелъ къ мельнику и опредѣлился къ нему въ ученье. Вотъ какъ прожилъ онъ свой срокъ, мельникъ ему и говоритъ:

— Такъ какъ велъ ты себя исправно, я тебѣ дарю осла, да породы-то рѣдкой,—въ экипажи его запрягать нельзя, и мѣшковъ онъ не таскаетъ.

— Такъ какой же прокъ отъ него?—спросилъ юный подмастерье.

— Онъ золото изъ себя выбрасываетъ,— отвѣтилъ мельникъ; — ежели ты его поставишь на разостланный платокъ и скажешь: „*Бриклебритъ*“,—станетъ славное животное червонцы выкидывать, и золото посыплется изъ него отовсюду.

— Важная штука!—сказалъ подмастерье, поблагодарилъ хозяина и отправился въ путь-дорогу.

Когда, случалось, нуждался онъ въ золотѣ, ему стоило только своему ослу „*Бриклебритъ*“ сказать, и дождемъ сыпались золотыя монеты, а ему только и трудовъ было, что ихъ подбирать.

Куда бы подмастерье ни приходилъ, — онъ требовалъ себѣ все самое лучшее, и чѣмъ дороже, тѣмъ ему пріятнѣе, потому что кошелекъ у него былъ постоянно полонъ.

Ну, вотъ долго онъ странствовалъ да свѣтъ Божій осматривалъ и, наконецъ, подумалъ: „Надо бы мнѣ отца своего отыскать; ежели я приду къ нему съ моимъ золотымъ осломъ, онъ сложитъ гнѣвъ на милость и приметъ меня честь-честью“.

И случилось такъ, что онъ заѣхалъ на пути какъ-разъ въ ту же харчевню, въ которой его брату подмѣнили столикъ. Онъ велъ въ поводу своего осла, и хозяинъ хотѣлъ взять у него скотинку да привязать, но юный подмастерье сказалъ:

— Не трудитесь, я всегда самъ своего осла вывожу; я самъ привяжу его къ стойлу, потому что мнѣ надо знать, гдѣ онъ стоитъ.

Страннымъ показалось это хозяину, и подумалъ онъ, что кто самъ за своимъ осломъ ухаживаетъ, съ того многимъ не поживишься; но когда незнакомецъ пошарилъ въ карманахъ да вытащилъ оттуда пару золотыхъ и сказалъ, чтобы тотъ ему чего-нибудь хорошаго закупилъ,—хозяинъ глаза выпучилъ и бросился отыскивать самое наилучшее, что только могъ найти.

Послѣ обѣда гость спросилъ, сколько долженъ онъ заплатить, и хозяинъ не пожалѣлъ мѣла на запись и сказалъ, что онъ-де долженъ добавить еще пару золотыхъ.

Подмастерье схватился за карманъ, но денегъ у него уже не было.

— Обождите минуточку, господинъ хозяинъ, — сказалъ онъ,—я только схожу достану денегъ,—и взялъ съ собою скатерть.

Хозяинъ понять не могъ, что бы это такое значило и, любопытствуя, подкрался за нимъ, и когда гость притворилъ за собою дверь въ стойло, онъ въ щелочку и заглянулъ туда...

Незнакомецъ разостлалъ скатерть подъ осломъ и крикнулъ:—„*Бриклебритъ*!“—и въ то же мгновеніе стало животное золото отовсюду выбрасывать, такъ что на землю попадало порядочно золота.

— Тьфу, пропасть! — сказалъ хозяинъ. — Скоро же онъ деньги чеканитъ!.. Не мѣшаетъ пріобрѣсти такой денежный мѣшокъ!..

Гость оплатилъ трактирный счетъ и улегся спать, а хозяинъ ночью проскользнулъ въ стойло и увелъ чеканщика монетъ, а къ стойлу привязалъ другого осла.

На слѣдующее утро рано-рано удалился подмастерье со своимъ осломъ, въ полной увѣренности, что это его золотой оселъ.

Въ полдень пришелъ онъ къ отцу, который не могъ нарадоваться, снова увидѣвъ сына, и радушно принялъ его.

— Чѣмъ ты сталъ, мой сынъ?—спросилъ старикъ.

— Мельникомъ, милый батюшка,—отвѣчалъ тотъ.

— Что же ты пріобрѣлъ себѣ за время твоего странствованія?

— Да ничего другого, кромѣ этого осла...

— Ну, ословъ-то и здѣсь довольно,—сказалъ отецъ;—для меня пріятнѣе была бы хорошая коза.

— Нда,—отвѣтилъ сынъ,—только это, вѣдь, не заурядный оселъ, а золотой оселъ: ежели я ему скажу „Бриклебритъ“,—благодарное животное набросаетъ вамъ денегъ полную скатерть. Только созовите нашихъ родственниковъ, и я ихъ всѣхъ обогащу.

— Вотъ это мнѣ нравится!—сказалъ портной.—Тогда мнѣ не надо будетъ больше съ иголкой терпѣть муку-мученскую.

И самъ бросился созывать къ себѣ родственниковъ.

Какъ скоро всѣ они собрались, мельникъ велѣлъ очистить ему попросторнѣе мѣсто, разостлалъ платокъ и ввелъ въ горницу осла.

— Теперь будьте внимательны,—сказалъ онъ и крикнулъ:—„*Бриклебритъ!*“, — но никакихъ червонцевъ не посыпалось, и тотчасъ обнаружилось, что животное никакого понятія объ этомъ искусствѣ не имѣло, потому что не каждый же оселъ обладаетъ такимъ даромъ.

И вытянулось лицо у бѣднаго мельника, и понялъ онъ, что обманули его, и просилъ извиненія у родственниковъ, которые вспять пошли такими же бѣдными, какими и пришли. Старику ничего другого не оставалось, какъ взяться снова за иголку, а юношѣ—поступить на мельницу.

Третій сынъ отправился въ ученье къ токарю, а такъ какъ токарное искусство—ремесло художественное, хитрое, ему и пришлось учиться дольше всѣхъ. Однако, братья извѣстили его въ письмѣ, какъ солоно пришлось имъ изъ-за того, что хозяинъ харчевни въ послѣдній вечеръ ихъ путешествія оттягалъ у нихъ ихъ чудесныя волшебныя вещи.

Вотъ, когда токарь окончилъ, наконецъ, ученіе и долженъ былъ отправиться въ путь, подарилъ ему хозяинъ мѣшокъ за то, что велъ онъ себя исправно, и сказалъ:

— Тамъ лежитъ дубинка.

— Ну, мѣшокъ я могу перекинуть черезъ плечо, и имъ все-таки можно будетъ воспользоваться; а на кой мнѣ дубинка? Только тяжесть лишняя.

— Я тебѣ объясню, — отвѣтилъ мастеръ. — Ежели кто обидитъ тебя, скажи только: — „Дубинка, изъ мѣшка!“...— и выскочитъ дубинка вонъ на твоихъ обидчиковъ и такъ знатно пойдетъ отплясывать по ихъ спинамъ, что они восемь сутокъ не будутъ въ силахъ ни двинуться, ни шевельнуться. И не раньше отпуститъ она ихъ, пока ты не скажешь:—„Дубинка, въ мѣшокъ!“

Поблагодарилъ его подмастерье, перекинулъ мѣшокъ за спину и пошелъ, и когда кто-нибудь слишкомъ близко подходилъ къ нему и покушался на его жизнь, онъ говорилъ:— „Дубинка, изъ мѣшка!“—и дубинка тотчасъ выскакивала и начинала платье или жилетку выколачивать прямо на спинѣ каждому по очереди и ждать не хотѣла, покамѣстъ тотъ ихъ съ плечъ скинетъ; и все это дѣлалось такъ быстро, что прежде чѣмъ кто успѣвалъ оглянуться, ужъ очередь была за нимъ.

Вотъ прибылъ молодой токарь въ харчевню, гдѣ были такъ обмануты его братья, къ самому ужину, положилъ на столъ свой мѣшокъ и пустился въ росказни, какихъ-какихъ только диковинъ не насмотрѣлся онъ на свѣтѣ.

— Да,—сказалъ онъ,—точно, найдешь, конечно, „столикъ-накройся“, осла золотого и все въ этомъ же родѣ; все это отличныя вещи, которыми и я бы не пренебрегъ; только все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ сокровищемъ, какое я себѣ пріобрѣлъ и везу вотъ въ своемъ мѣшкѣ.

Насторожилъ хозяинъ уши. „Что-жъ бы это такое могло быть?—подумалъ онъ.—Чай, мѣшокъ полнехонекъ одними драгоцѣнными каменьями; такъ я же его оттягаю себѣ, потому что все хорошее удается до трехъ разъ“.

Какъ только настало время сна, растянулся гость на лавкѣ и свой мѣшокъ вмѣсто подушки подложилъ подъ голову.

Когда хозяину показалось, что гость его крѣпко заснулъ, подкрался онъ къ нему, схватилъ мѣшокъ и дернулъ его тихонько и осторожно, не удастся ли, молъ, его утащить, а другой взамѣнъ того подложить.

А токарь давно ужъ этого поджидалъ; какъ только хозяинъ намѣревался сдѣлать смѣлое движенie, онъ и крикнулъ:

— Дубинка, изъ мѣшка!

И тотчасъ же дубиночка выпрыгнула вонъ да вскинулась хозяину на спину и пошла по всѣмъ суставамъ его растирать, насколько искусства ея хватало.

Завопилъ хозяинъ о милосердiи, но чѣмъ громче онъ кричалъ, тѣмъ сильнѣе колотила дубинка по спинѣ въ тактъ его крика, пока, наконецъ, онъ, измученный, не повалился на землю.

И сказалъ тогда токарь:

— Ежели ты не вернешь мнѣ обратно „столика-накройся“ да золотого осла, —пляска эта начнется сызнова.

— Ахъ, нѣтъ!.. — закричалъ хозяинъ боязливо. — Я все верну охотно, только заставьте этого оборотня залѣзть въ мѣшокъ!

И сказалъ тогда подмастерье:

— Ну, я готовъ помиловать тебя по справедливости. Но впередъ берегись у меня такихъ дѣлъ!.. — и затѣмъ онъ крикнулъ:—Дубинка, въ мѣшокъ!—и далъ хозяину отдохнуть.

На другое утро токарь тронулся въ путь со „столикомъ-накройся“ и съ золотымъ осломъ къ своему отцу.

Портной обрадовался, какъ только снова завидѣлъ его, и спросилъ тоже, чему онъ научился въ чужихъ людяхъ.

— Милый батюшка,—отвѣтилъ онъ,—я сталъ токаремъ.

— Ремесло художественное,—сказалъ отецъ.—Что же ты съ собою принесъ изъ своего странствованiя?

— Дорогую вещицу, милый батюшка,—отвѣтилъ сынъ,— дубинку въ мѣшкѣ!

— Что? — вскрикнулъ отецъ.—Дубинку?.. Стоило труда таскать! Да съ любого дерева ты ее можешь срѣзать!

— Только не такую, милый батюшка.—Скажи я: — „Дубинка изъ мѣшка!“ — выскочитъ дубинка и пойдетъ пребольно вытанцовывать на томъ, кто со мною дурно поступаетъ, и не отпуститъ его, прежде чѣмъ онъ не будетъ на землѣ лежать и не взмолится о пощадѣ. Взгляните, съ этой дубинкой я привезъ назадъ „столикъ-накройся“ и золотого осла, которыхъ отнялъ у братьевъ хозяинъ харчевни. Теперь прикажите позвать обоихъ и соберите всѣхъ родственниковъ; я ихъ хочу накормить и напоить да еще денегъ въ карманы насыплю.

Не хотѣлъ старый портной вѣры его словамъ давать, однако, родственниковъ пригласилъ къ себѣ.

Вотъ разостлалъ токарь въ горницѣ платокъ, ввелъ золотого осла и сказалъ своему брату:

— Ну, милый братъ, поговори-ка съ нимъ.

Мельникъ сказалъ:—„*Бриклебритъ*“,—и тотчасъ же посыпались золотыя монеты на платокъ, словно ливень пошелъ, и оселъ не переставалъ сыпать ихъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ у всѣхъ не набралось столько, что они и унести не могли. (Я такъ и вижу тебя, ты бы и самъ охотно присутствовалъ при этомъ).

Затѣмъ вынесъ токарь столикъ и сказалъ:

— Милый братецъ, ну-ка, поговори съ нимъ.

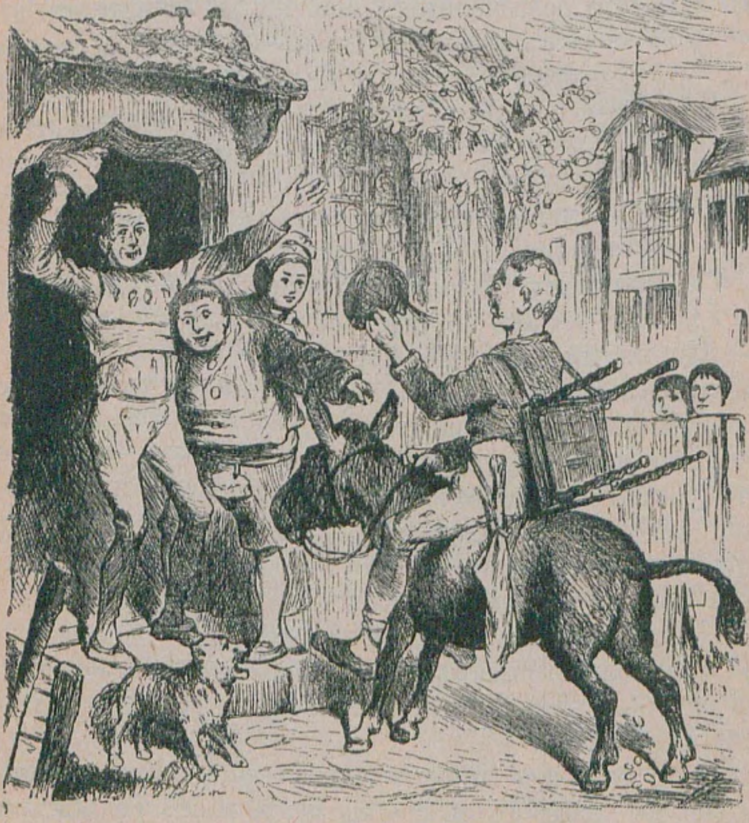
И едва только столяръ сказалъ:—„Столикъ, накройся“,— какъ онъ былъ уже накрытъ и богато уставленъ роскошнѣйшими блюдами.

Вотъ и затѣялась пирушка, какой еще добрякъ-портной отродясь не видывалъ въ своемъ домѣ, и всѣ родственники пировали въ сборѣ до самой ночи, и всѣ были веселы и довольны.

Портной заперъ въ шкафъ иголку, наперстокъ, аршинъ и утюгъ и зажилъ со своими тремя сыновьями въ радости и довольствіи.

А куда же дѣвалась коза, которая была причиной того, что отецъ прогналъ отъ себя своихъ трехъ сыновей?

Это я тебѣ сейчасъ скажу.



Стыдно было ей, что голова-то у нея бритая; побѣжала она въ лисью нору и заползла туда.

Когда лиса вернулась домой,—навстрѣчу ей изъ темноты вдругъ сверкнула пара большихъ глазъ, такъ что лиса перепугалась и бросилась изъ норы.

Повстрѣчался ей медвѣдь, и такъ какъ лиса казалась какой-то растерянной, онъ и спросилъ ея:

— Что съ тобою, сестричка-лисичка? Что это у тебя за мордочка?

— Ахъ,—отвѣчала чернобурая, — ужасный звѣрь засѣлъ въ мою нору и пучитъ на меня огненные глаза!..

— Ну, мы его живо выгонимъ,—сказалъ медвѣдь, пошелъ вмѣстѣ съ нею къ норѣ и заглянулъ въ нее, да какъ завидѣлъ огненные глаза, — страхъ охватилъ и его тоже. Не захотѣлъ онъ связываться съ ужаснымъ звѣремъ и пустился на-утекъ.

Повстрѣчалась ему пчела, и какъ только она замѣтила, что мѣдвѣдь самъ не въ себѣ, сказала ему:

— Медвѣдь, что это ты корчишь страшно сердитую морду? Куда дѣвалась твоя веселость?

— Хорошо тебѣ болтать,—отвѣтилъ медвѣдь,—а въ норѣ чернобурой сидитъ страшилище-звѣрь съ огненно-блестящими глазами, и не можемъ мы его никакъ оттуда выгнать.

Пчела сказала:

— Жалко мнѣ тебя, медвѣдь; я—бѣдное, слабое созданіе, котораго вы на пути не замѣчаете, а и то думаю, что я вамъ пособлю.

Она влетѣла въ лисью нору, усѣлась козѣ на гладко выбритую голову и такъ больно ужалила ее, что та живо вспрыгнула, заблеяла—„Мэ, мэ!“... и, какъ сумасшедшая, со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать, и съ того часа никто знать не знаетъ, куда она забѣжала.

ОГЛАВЛЕНІЕ I тома.

Стр.

Предисловіе 1
Яковъ и Вильгельмъ Гриммы (Матеріалы для біографіи) . 5
I. Лягушачій король или Желѣзный Генрихъ 49
II. Кошка и мышь въ дружбѣ 57
III. Пріемышъ 61
IV. Сказка о томъ, кто пошелъ учиться страху 76
V. Волкъ и семеро малыхъ козлятъ 80
VI. Вѣрный Іоганнъ 92
VII. Выгодная сдѣлка 105
VIII. Музыкантъ-чародѣй 112
IX. Двѣнадцать братьевъ 117
X. Сбродъ 127
XI. Братецъ и сестрица 131
XII. Садовый колокольчикъ 143
XIII. Три человѣка въ лѣсу 149
XIV. Три пряхи 159
XV. Гензель и Гретель 163
XVI. Три змѣиные листика 176
XVII. Бѣлая змѣя 182
XVIII. Соломинка, уголь и бобъ 189
XIX. Про рыбака и его жену 191
XX. Золушка 201
XXI. Загадка 213
XXII. Госпожа Холле 218
XXIII. „Съ-пальчикъ“ 225
XXIV. Свадьба госпожи Лисички. Двѣ сказки 235
XXV. Сказка про домовыхъ. Три сказки 239
XXVI. Разбойникъ-женихъ 244
XXVII. Господинъ Корбесъ 250
XXVIII. Господинъ куманекъ 252
XXIX. Госпожа Трудэ 255
XXX. Смерть-кума 257
XXXI. Странствованія „Съ-пальчика“ 262
XXXII. Диковинная птица 270
XXXIII. О миндальномъ деревѣ 277
XXXIV. Старый „Султанъ“ 289
XXXV. Шесть лебедей 293
XXXVI. Царевна-Шиповникъ 300
XXXVII. Птиценайденышъ 307
XXXVIII. Король Дроздобородъ 312

Стр.
XXXIX. Бѣлоснѣженка 320
XL. Ранецъ, шапочка и рожокъ 335
XLI. Хламушка-тихоня 344
XLII. Другъ-Роландъ 351
XLIII. Золотая птица 355
XLIV. Собака и воробей 366
XLV. На всѣ руки 372
XLVI. Два брата 383
XLVII. Мужичонко 411
XLVIII. Царица пчелъ. 420
XLIX. Три перышка 423
L. Золотой гусь 428
LI. Разношерстка 334
LII. Заячья невѣста 443
LIII. Двѣнадцать егерей 445
LIV. Воръ и его учитель 449
LV. Іоринда и Іорингель 453
LVI. Три счастливчика 459
LVII. Шестеро весь свѣтъ обойдутъ 463
LVIII. Волкъ и человѣкъ 471
LIX. Волкъ и лиса 473
LX. Лисица госпожа кума 476
LXI. Лисица и котъ 478
LXII. Гвоздика. 480
LXIII. Умница Гретель 487
LXIV. Старый дѣдушка и внукъ 491
LXV. Русалка 493
LXVI. Смерть курочки 494
LXVII. Братъ-Балагуръ 498
LXVIII. Гензель-игрокъ 513
LXIX. Гансово счастье 516
LXX. Гансъ женится 525
LXXI. Золотыя дѣти 527
LXXII. Лисица и гуси 535
LXXIII. Храбрый портняжка 536
LXXIV. Про мышку, птичку и колбасу 548
LXXV. Красношапочка 551
LXXVI. Бременскіе уличные музыканты 558
LXXVII. Поющая кость 564
LXXVIII. Чортъ съ тремя золотыми волосами 567
LXXIX. Вошка и Блошка 577
LXXX. Дѣвушка безъ рукъ 580
LXXXI. Смѣтливый Гансъ 590
LXXXII. Три языка 596
LXXXVIII. Умная Эльза. 600
LXXXIV. Столикъ накрывайся, осликъ потянись и дубинка изъ мѣшка 608

„Наша читальня“

Книги для дѣтей подъ редакціей *А. А. Ѳедорова-Давыдова*. Полный каталогъ изданій книжнаго магазина *Н. Лидертъ* и журналовъ **„Свѣтлячокъ“**, **„Путеводный Огонекъ“**, **„Дѣло и Потѣха“**.

Изданія 1905 г.

НОВЫЯ НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ И СКАЗКИ **А. А. Ѳедорова-Давыдова:**

Усилокъ Панко. Ц. **20** к., съ перес. **30** к.
Княжна Крупеничка. Ц. **20** к., съ перес. **30** к.
Царица Гусляръ. Ц. **20** к., съ перес. **30** к.
Разбойничья застава. Ц. **20** к., съ перес. **30** к.
Три копеечки. Ц. **20** к., съ перес. **30** к.

Обложки, рисунки, виньетки и заставки по эскизамъ художника **Н. Д. Бартрамъ**.

„ВЪ ДОСУЖІЙ ЧАСЪ“. Годъ 1-й. Изданіе 2-е.

Дѣтскій альманахъ. Сказки, разсказы, пьесы, стихотворенія, басни, очерки, шутки, занятія, игры и др. Съ рис. **Цѣна** въ папкѣ **1** р. **50** к., съ перес. **1** р. **70** к.

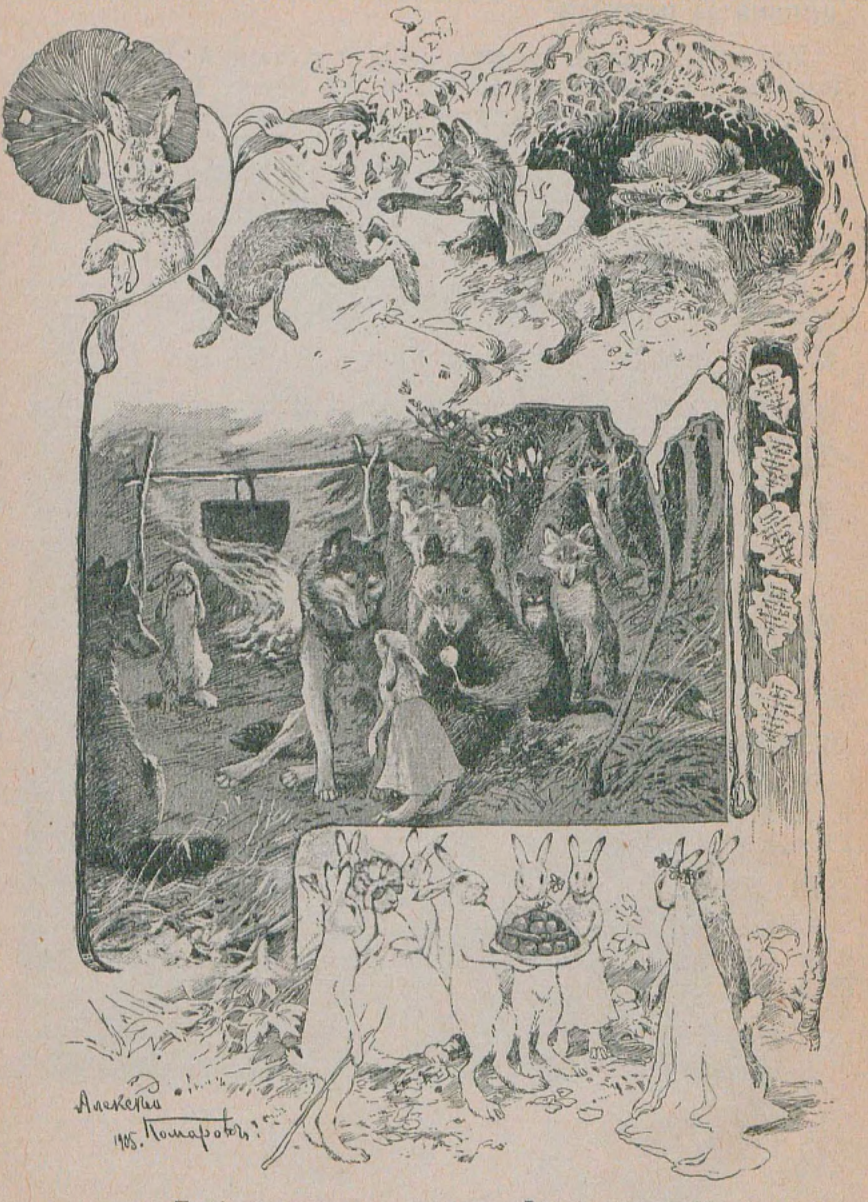
Уч. К. М. Н. Пр. книга **допущена** въ ученич. библ. низш. и средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. библ.-читальни.

Младшій возрастъ.

„ЗИМНІЯ СУМЕРКИ“.

Разсказы, сказки и стихотворенія **А. А. Ѳедорова-Давыдова.** Съ рис. и въ красочной обложкѣ. 7-е изданіе. **Цѣна 40** к., съ перес. **55** к.

Ос. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. **допущена** въ ученич. библ. низшихъ и среднихъ учебн. заведеній.


Алексѣй
1905. Комаровъ

Пробный рисунокъ изъ книги „Зимнія сумерки“.

„ИСТОРІЯ ЗА ИСТОРІЕЙ“.

Разсказы, сказки, стихотворенія и шутки. **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ рисунками. **Цѣна 1** р., съ перес. **1** р. **20** к.

„ИСТОРІЯ СКВОРУШКИ“.

Разсказъ **Клавдіи Лукашевичъ.** Съ рис. **Цѣна 30** к., съ перес. **45** к.

„ЛѢСНИКЪ ЖУКЪ“.

Разсказъ **Клавдіи Лукашевичъ.** Съ рис. **Цѣна 20** к., съ перес. **30** к.

„МАМИНЫ СКАЗКИ и РАЗСКАЗЫ“.

И. Бѣлоусова. Съ рис. 3-е изданіе. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

„МАЛЫШИ“.

Разсказы и стихотворенія. **И. И. Бѣлоусова.** Съ рис. 4-е изданіе. **Цѣна 50** к., съ перес. **65** к.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущена** въ ученическія библ. средн. учебн. заведеній и въ безпл. народн. чит. и библ.

„РОБИНЗОНЪ ПРОПАЛЪ“.

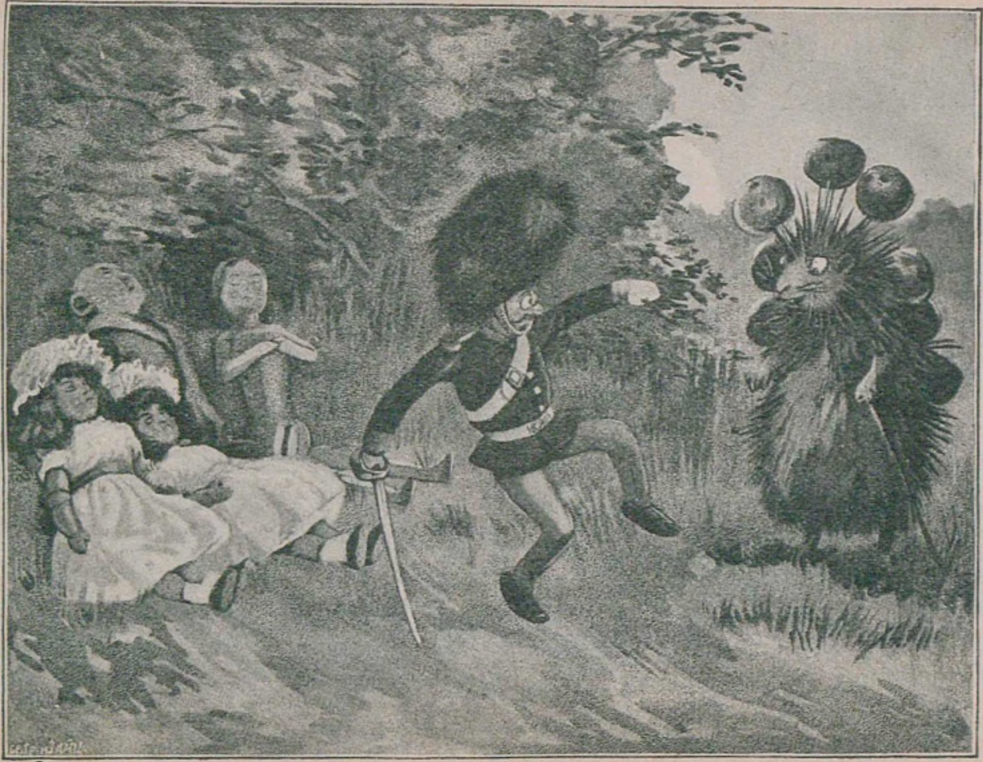
Чернуши. Съ рисунками, черными и въ краскахъ. **Цѣна 50** к., съ перес. **65** к.

„ПЕТЯ-ПѢТУШОКЪ-ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОКЪ“.

Русскія народныя сказки. Съ рис. **А. А. Кучеренко** и **В. И. Комарова** и въ красочной обложкѣ **Н. Д. Бартрамъ. Цѣна 25** к., съ перес. **35** к.

„КУМА-ЛИСА“.

Русскія народныя сказки. Съ рис. **А. А. Кучеренко** и **В. И. Комарова** и въ красочной обложкѣ **Н. Д. Бартрамъ. Цѣна 25** к., съ перес. **35** к.



Пробный рисунокъ изъ книги „Робинзонъ пропалъ!“...

Среднiй возрастъ.

„СКАЗКИ и ЛЕГЕНДЫ бр. ГРИММЪ“.

Въ 2-хъ томахъ. Полный переводъ. **А. А. Өедорова-Давыдова.** До 400 иллюстрацiй въ текстѣ, съ 8 картинами въ краскахъ, портретами и бiографiей бр. Гриммъ и въ обложкахъ въ краскахъ. 2-е изданiе. **Цѣна** за два тома **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущены** въ ученическiя библ. средн. учебн. заведенiй Министерства.

Особымъ Отдѣломъ Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущены** въ ученическ. библ. низш. училищъ и въ безпл. народн. читальни и библiотеки.

„ВСѢ СКАЗКИ Г.-Х. АНДЕРСЕНЪ“.

Перев. подъ редакцiей **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ 8-ю картинками въ краскахъ и множествомъ иллюстрацiй въ текстѣ, съ портретомъ и бiографiей Г.-Х. Андерсенъ, въ обложкѣ въ краскахъ. **Цѣна 3** р., съ перес. **3** р. **50** к.

„КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ“.

Историческая хроника. Въ обработкѣ **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ иллюстрацiями Г. Дорэ. **Цѣна 60** к., съ перес. **75** к.

„СКАЗКИ РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ“.

В. Н. Харузиной. Съ краткими бытовыми очерками и иллюстрацiями. Съ предисловiемъ В. М. Михайловскаго. 2-е изданiе. **Цѣна 1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.

„РАЗСКАЗЫ и СКАЗКИ РЕДIАРДА КИПЛИНГА“.

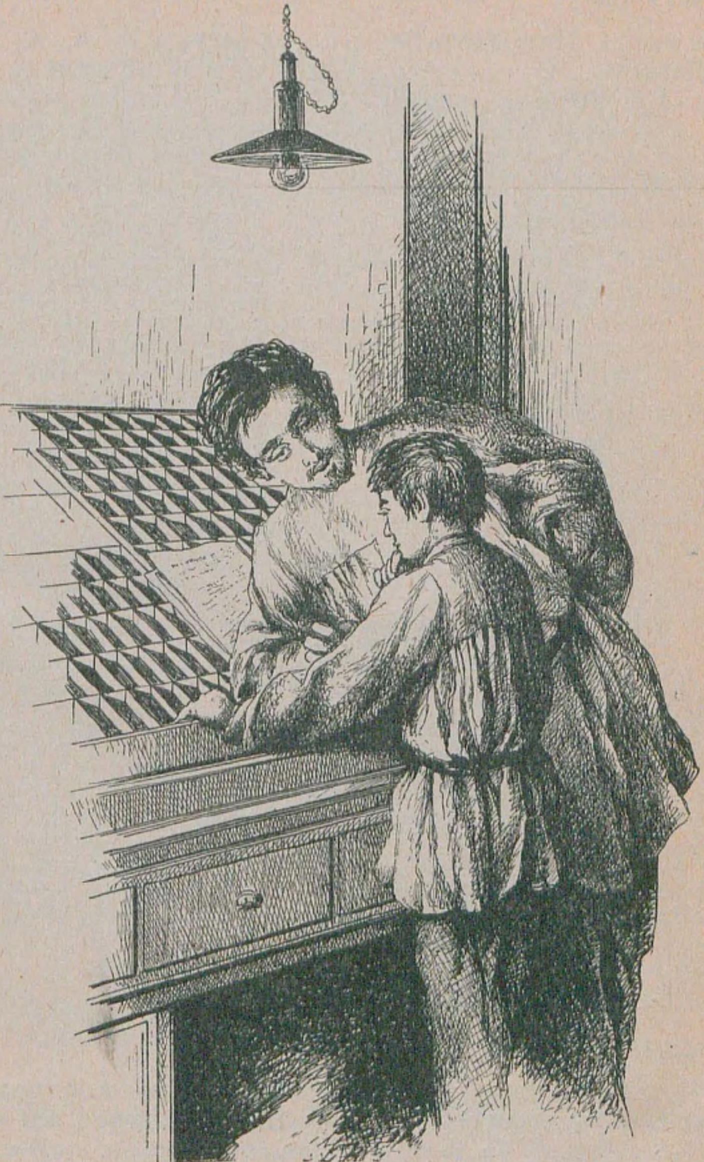
Перев. подъ редакцiей **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ рисунками. **Цѣна 1** р., съ перес. **1** р. **20** к.

„ЖИВАЯ БУМАГА“.

Повѣсть **А. В. Круглова.** Съ рисунками **П. Ф. Яковлева. Цѣна 1** р., съ перес. **1** р. **20** к.

„ДѢТИ НА ВОЙНѢ“.

Очерки **Л. Ө. Черскаго.** Съ рис. **А. А. Кучеренко. Цѣна 25** к., съ перес. **40** к.



Пробный рисунокъ изъ книги „Живая бумага“.

„ДѢТИ-ГЕРОИ“.

Разсказы Педерцани-Веберъ, въ переводѣ **А. А. Ѳедорова-Давыдова**. Съ рисунками. 2-е изданіе. **Цѣна 1** р., съ перес. **1** р. **20** к.

Учен. Ком. Мин. Народн. Просв. **допущена** въ ученич. библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

„СОБАКА-ГЕРОЙ НА ВОЙНѢ“.

Очерки **А. А. Ѳедорова-Давыдова**. Съ рисунками. 2-е изданіе. **Цѣна 20** к., съ перес. **25** к.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. низш. и средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. читальни и библ.

Главн. Управл. Военно-учебн. зав. **рекомендована** для чтенія кадетамъ I и II классовъ.

„ПРИТЧИ и ЗАГАДКИ ШИЛЛЕРА“.

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. **Цѣна 10** к., съ перес. **20** к.

Изданія прежнихъ лѣтъ.

„ВЪ ДОСУЖІЙ ЧАСЪ“. Годы 2-й, 3-й и 4-й.

Дѣтскіе альманахи. Сказки, разсказы, пьесы, стихотворенія, басни, очерки, шутки, занятія, игры, шарады, ребусы, загадки и пр. Съ рис. **Цѣна** въ папкѣ каждому году **1** р. **50** к., съ перес. **1** р. **70** к.

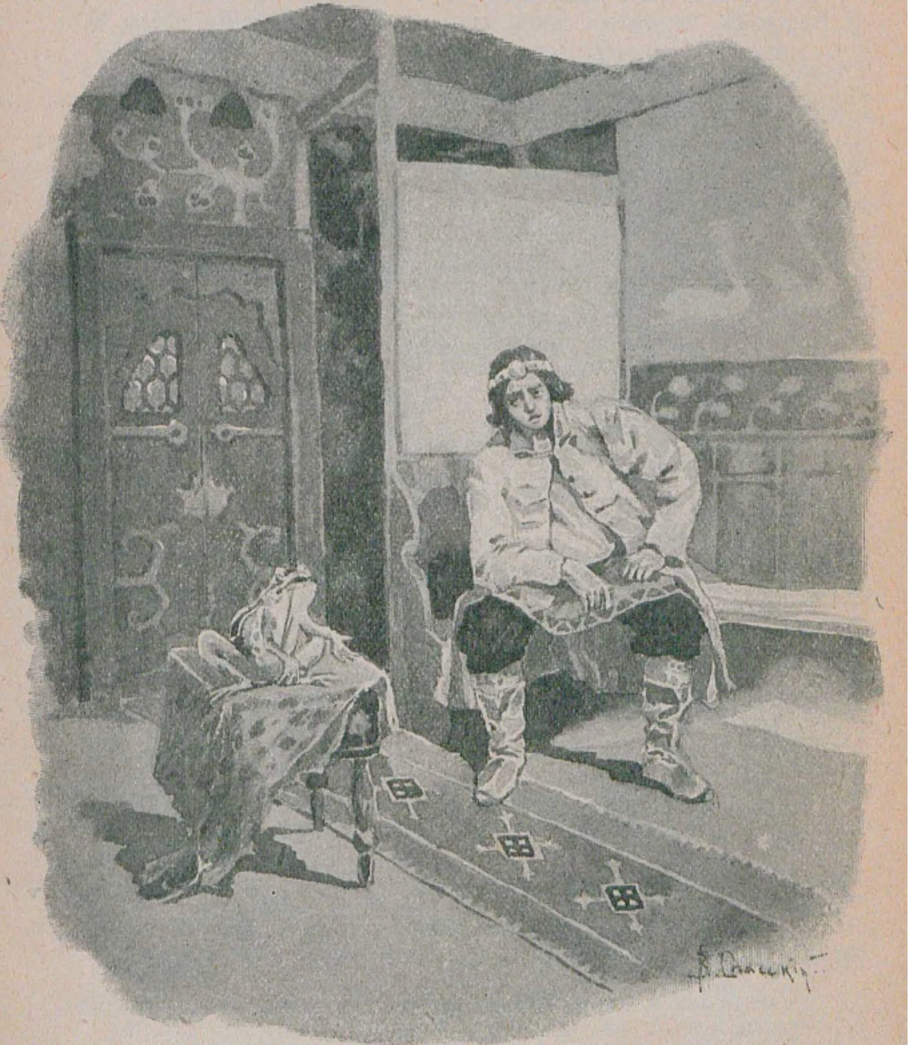
Уч. К. М. Н. Пр. **допущены** въ ученич. библ. низш. и средн. учебн. завед. и въ безплатн. нар. библ.-читальни.

Младшій возрастъ.

„ХОРОШАЯ КОМПАНІЯ“.

Разсказы, сказки, стихотворенія и шутки. **А. А. Ѳедорова-Давыдова.** Съ рис. **Цѣна** въ папкѣ **75** к., съ перес. **90** к.

Уч. К. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. средн. и низш. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.



Пробный рисунокъ изъ книги „Царевна-лягушка“.

„ПРОКАЗНИКЪ ПИПЪ“.

Изъ исторіи мышенка. **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ рис. **Н. Бартрамъ,** черными и въ краскахъ. 5-е изданіе. **Цѣна 60** к., съ перес. **75** к.; въ папкѣ **75** к., съ перес. **90** к.

„ЧТО СЕРДЦЕ ГОВОРИТЪ“.

Разсказы и сказки **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ рис. **Цѣна 40** к., съ перес. **55** к.; въ папкѣ **55** коп., съ перес. **70** коп.

Уч. К. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. средн. и низш. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библіотеки.

„ПРИКЛЮЧЕНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ БАРОНА МЮНХАУЗЕНА“.

Съ рис.-карикатурами Густава Дорэ. **Цѣна 75** к., съ перес. **90** к.; въ папкѣ **1** р., съ перес. **1** р. **20** к.

„ЧЕРНУШИНА ДОЛЯ“.

Изъ жизни бѣднаго вороненка. Шуточная поэма. **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ рис. **А. А. Кучеренко. Цѣна** въ папкѣ **60** к., съ перес. **75** к.

„ЗОРИ ВЕСЕННІЯ“.

Сказки, разсказы и стихотворенія. **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ рис. **Цѣна 40** к., съ перес. **55** к.; въ папкѣ **55** к., съ перес. **70** к.

Уч. К. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. средн. и низш. учебн. завед. и въ безпл. нар. чит. и библ.

„НЯНИНЫ СКАЗКИ“.

Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Цѣна 40 к., съ перес. **55** к.; въ папкѣ **55** к., съ перес. **70** к.

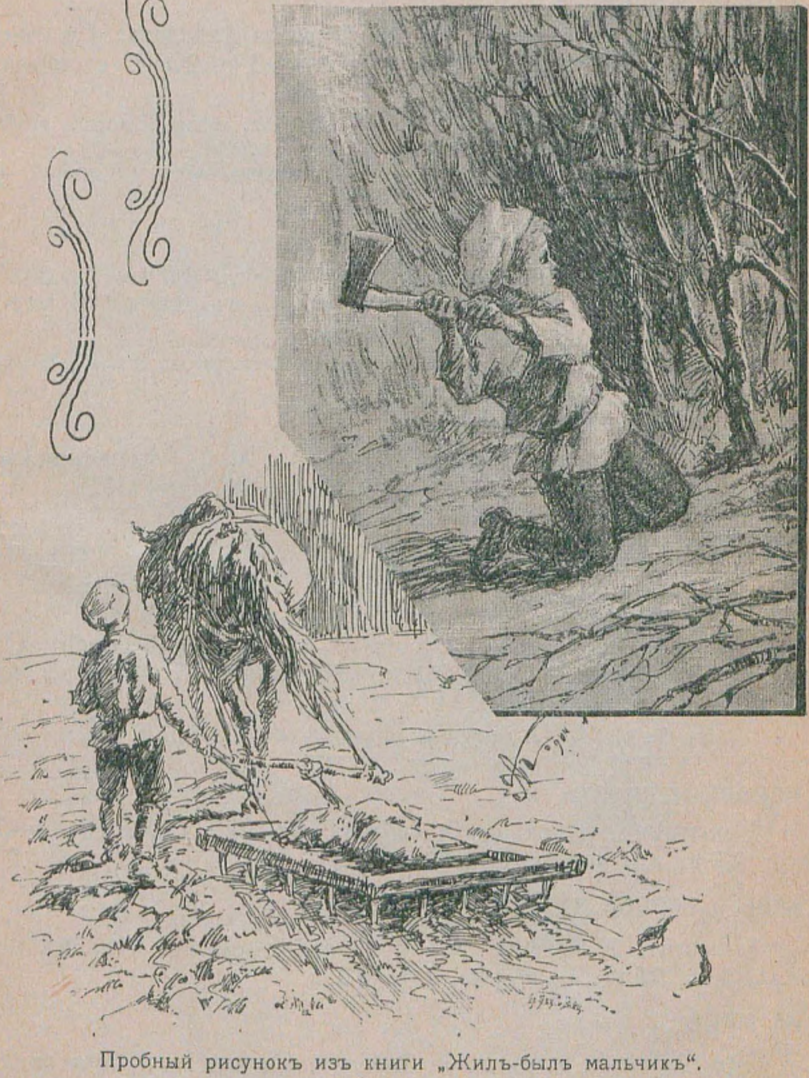
„ПУТЕШЕСТВІЕ ГУЛЛИВЕРА КЪ ЛИЛЛИПУТАМЪ И ВЕЛИКАНАМЪ“.

По Дж. Свифту. **Цѣна 50** к., съ перес. **65** к.; въ папкѣ **65** к., съ перес. **80** к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. нар. чит. и библ.

„ЗАЙКИНА НЕВѢСТА“.

Дѣтская опера. **Цѣна 30** к., съ перес. **45** к.



Пробный рисунокъ изъ книги „Жилъ-былъ мальчикъ“.

Среднiй возрастъ.

„ИСТЫЕ РЫЦАРИ“.

Повѣсти и разсказы. **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ рис. **Цѣна 1** р., съ перес. **1** р. **20** к.; въ папкѣ **1** р. **20** к., съ перес. **1** р. **40** к.

Уч. К. М. Н. Пр. **допущена** въ учен. библ. средн. и низш. учебн. заведенiй и въ безплатн. народн. библ.-читальни.

Главн. Управл. Военно-учебн. завед. **рекомендована** для чтенiя кадетамъ I—V классовъ.

„ЖИЛЪ-БЫЛЪ МАЛЬЧИКЪ“.

Повѣсть изъ прошлаго. **А. А. Өедорова-Давыдова.** 2-е изданiе. Съ рис. **А. А. Кучеренко. Цѣна 60** к., съ перес. **75** к.; въ папкѣ **75** к., съ перес. **90** к.

Уч. К. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. средн. и низш. учебн. заведенiй и въ безпл. нар. чит. и библ.

„БЕЗРОДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Повѣсть **м-ссъ Джемиссонъ.** Съ англ. **А. Н. Рождественской.** Съ рис. **Цѣна 60** коп., съ перес. **75** к.; въ папкѣ **75** к., съ перес. **90** коп.

Уч. К. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. средн. и низш. заведенiй и въ безпл. нар. чит. и библ.

„ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА“.

Русская сказка въ стихахъ. **А. А. Өедорова-Давыдова.** Съ рис. **В. В. Спасскаго. Цѣна 50** к., съ перес. **65** к.; въ папкѣ **65** к., съ перес. **80** к.

Уч. К. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. средн. и низш. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библiотеки.

„КОРОЛЬ ВОЛКОВЪ“.

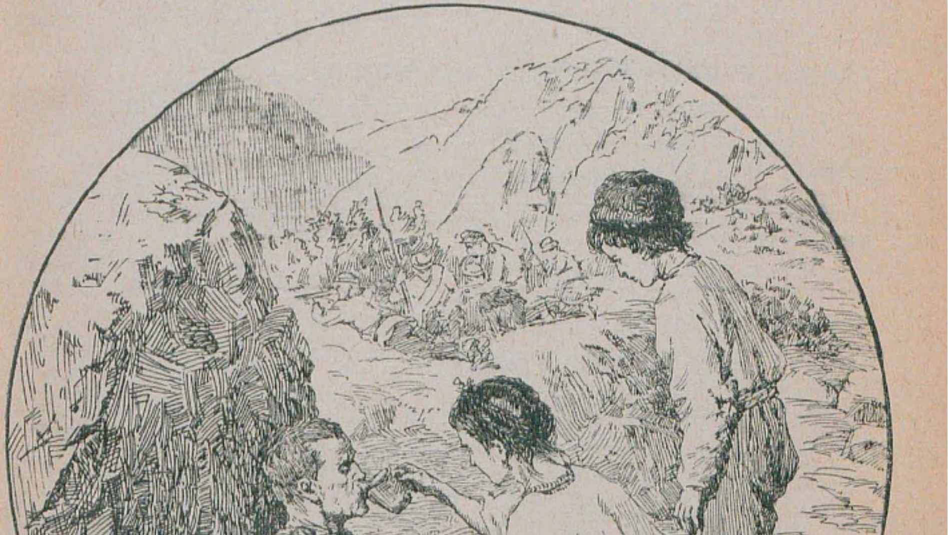
Охотничьи разсказы **Э. Томсонъ.** Съ рис. **Цѣна** въ папкѣ **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **40** к.

„БУРЫ.—БОРЬБА ЗА СВОБОДУ“.

Повѣсть. **Э. Барфуса.** Съ рис. въ краскахъ. **Цѣна** въ перепл. **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **45** к.

„НА МОРѢ“.

Приключенiя моряка. **Э. Барфуса.** Съ рис. въ краскахъ. **Цѣна** въ пер. **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **45** к.



Пробный рисунокъ изъ книги „Дѣти на войнѣ“.

„ЗАПОВѢДНАЯ СТРАНА“.

Тибетъ.—Ласса.—Далай-лама. Очерки **А. А. Өедорова-Давыдова**. Съ рис. и картой въ краскахъ. **Цѣна 20** к., съ перес. **25** к.

Уч. Ком. М. Нар. Пр. **допущена** въ библ. низш. и средн. учебн. завед. и въ нар. библ.-чит.

„КАКЪ ЖИВОТНЫЯ ВОСПИТЫВАЮТЪ ДѢТВОРУ“.

Естественно-историческіе разсказы **Н. А. Скворцова**. Съ рис. **Цѣна 25** к., съ перес. **35** к.

„ЯПОНСКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ“.

Съ рис. японскихъ художниковъ. 3-е изданіе. **Цѣна 20** к., съ перес. **25** к.

Уч. К. М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. нар. чит. и библ.

„ИЗБРАННЫЯ БАСНИ И. И. ХЕМНИЦЕРА“.

Съ портретомъ и біографич. очеркомъ. **Цѣна 10** к., съ перес. **15** к.

„ЧЕРНУШКИ ЦВѢТНОГО ДОКТОРА“.

Разсказъ **А. А. Өедорова-Давыдова**. Съ рис. **Цѣна 5** к., съ перес. **10** к.

Имѣются на складѣ:

„МАЛОРОССІЯ И МАЛОРОССЫ“.

Этнографич. очеркъ **Ө. Красильникова**. Съ рис. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

„КАВКАЗЪ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ“. Вып. I. **„ОСЕТИНЫ“.**

Географ.-этнограф. очеркъ **Ө. Красильникова**. Съ 27 рис. и 2-мя картами. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями обращаться:

МОСКВА.

1. Редакція журналовъ «СВѢТЛЯЧОКЪ», «ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ», «ДѢЛО и ПОТѢХА», М. Дмитровка, домъ № 6.
2. Книжный магазинъ и библіотека Н. ЛИДЕРТЪ, Петровскія Линіи, № 10.

КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛОВЪ:

„Свѣтлячокъ“

за 1902 годъ.

Полный экземпл. въ перепл. (24 №№, 12 премій).	3 р.	— к.
Съ пересылкой	3 „	50 „
Комплектъ №№ журнала (24 №№, съ разрозненными преміями).	2 „	— „
Съ пересылкой	2 „	50 „
Комплектъ №№ журнала (безъ премій)	1 „	50 „
Съ пересылкой	2 „	— „

за 1904 годъ.

Полный экземпляръ (24 №№ и всѣ преміи)	2 р.	50 к.
Съ пересылкой	3 „	— „
Въ переплетѣ	3 „	— „
Съ пересылкой	3 „	50 „

„Путеводный Огонекъ“

за 1904 годъ.

Полный экземпляръ (24 №№ и всѣ преміи)	2 р.	50 к.
Съ пересылкой.	3 „	— „
Въ переплетѣ	3 „	25 „
Съ пересылкой.	4 „	— „

Складъ изданія:

1) **Контора журналовъ „Свѣтлячокъ“, „Путеводный Огонекъ“, „Дѣло и Потѣха“.**
Москва, М. Дмитровка, д. № 6.

2) **Книжный магазинъ Н. Ѳ. Лидертъ.** Москва, Петровскія Линіи.